

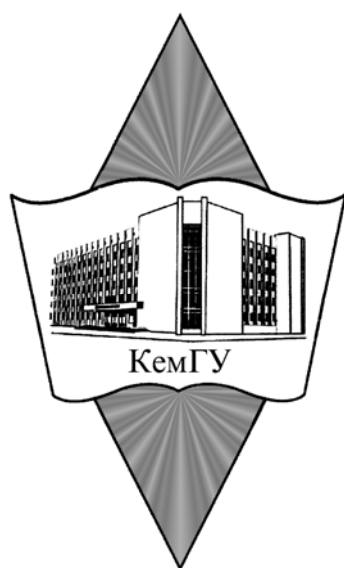
ВЕСТНИК

BULLETIN

ISSN 2078-8975

**КЕМЕРОВСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА**

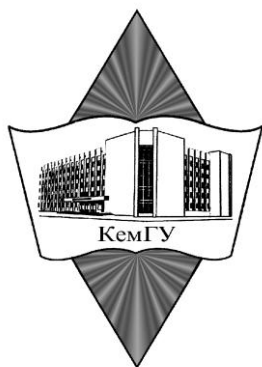
Выпуск 1 (49)

**OF KEMEROVO
STATE UNIVERSITY**

Issue 1 (49)

**КЕМЕРОВО
2012**

**ВЕСТНИК
КЕМЕРОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
Журнал теоретических и прикладных исследований**

Издается с 1999 г.

№ 1 (49) 2012

Журнал включен в «Перечень ведущих рецензируемых журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук» Высшей аттестационной комиссии

УЧРЕДИТЕЛЬ:

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Кемеровский государственный университет»

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Свиридова И. А. – координатор, ректор КемГУ, канд. мед. наук, доцент.
Афанасьев К. Е. – главный редактор, проректор по научной работе и информатизации, д-р физ.-мат. наук, проф.
Невзоров Б. П. – зам. главного редактора, д-р пед. наук, проф.
Григорьева О. С. – отв. секретарь.
Зеленин А. А. – проректор по социальным вопросам и молодежной политике, д-р полит. наук, доцент.
Семенкова Т. Н. – проректор по учебно-организационной работе, канд. пед. наук.
Шадрин А. В. – начальник научного управления, д-р техн. наук, доцент.
Захаров Ю. А. – член-корр. РАН, д-р хим. наук, проф.
Араева Л. А. – д-р филол. наук, проф.
Бобров В. В. – д-р ист. наук, проф.
Данилов Н. Н. – д-р физ.-мат. наук, проф.
Желтов В. В. – д-р филос. наук, проф.
Казин Э. М. – д-р биол. наук, проф.
Карташов В. Я. – д-р техн. наук, проф.
Касаткина Н. Э. – д-р пед. наук, проф.
Курбатова М. В. – д-р экон. наук, проф.
Осадчий М. А. – канд. филол. наук.
Поварич И. П. – д-р экон. наук, проф.
Поплавной А. С. – д-р физ.-мат. наук, проф.
Шер Я. А. – д-р ист. наук, проф.
Щенников В. П. – д-р филос. наук, проф.
Юркевич Н. А. – канд. юр. наук, доцент.
Яницкий М. С. – д-р психол. наук, проф.

Печатается по решению научно-методического и редакционно-издательского советов Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Кемеровский государственный университет».

Выходит 1 раз в квартал

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Свидетельство о регистрации:

ПН ФС77-40023 от 04.06.2010 г.

Ни одна из частей журнала либо издание в целом не могут быть перепечатаны без письменного разрешения авторов или издателя.

Адрес редакции:

650043, г. Кемерово, ул. Красная, 6, к. 225

Тел.: (3842)58-28-39, 58-80-24

Факс: (3842)58-38-85

E-mail: keafa@kemsu.ru, gos@kemsu.ru

Адрес сайта:

http://www.kemsu.ru/kemsu_info/science/bulletin.htm

Адрес издателя:

650043, г. Кемерово, ул. Красная, 6

Тел.: 8(3842) 58-28-39

Факс: 8(3842)58-12-26

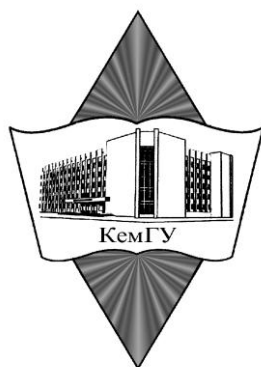
E-mail: rector@kemsu.ru

Подписные индексы:

Объединенный каталог «Пресса России» – 42150

Каталог российской прессы «Почта России» – 51944

Журнал представлен в открытом доступе на сайте Российской универсальной научной электронной библиотеки и включен в реферативную базу данных «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ)
<http://elibrary.ru>

**BULLETIN
OF KEMEROVO STATE UNIVERSITY**
Journal of theoretical and applied research

Founded in 1999

№ 1 (49) 2012

The Bulletin is included into the "List of leading peer-reviewed journals and issues which should publish main research results of Doctor's and Candidate's theses" by the Higher Attestation Commission

FOUNDER:

Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Professional Education Kemerovo State University

EDITORIAL BOARD:

Sviridova I. A. – coordinator, rector of KemSU, candidate of medicine, associate prof.

Afanasyev K. E. – editor-in-chief, vice-rector on scientific work and informatization, doctor of physics and mathematics, prof.

Nevzorov B. P. – deputy editor-in-chief, doctor of pedagogic sciences, prof.

Grigorjeva O. S. – executive secretary.

Zelenin A. A. – vice-rector for social work and youth policy, doctor of political science, associate prof.

Semenkova T. N. – vice-rector for educational and organizational work, candidate of pedagogic.

Shadrin A. V. – head of scientific management department, doctor of technical sciences, associate prof.

Zakharov Yu. A. – corresponding member of Russian Academy of Science, doctor of chemistry, prof.

Araeva L. A. – doctor of philology, prof.

Bobrov V. V. – doctor of history, prof.

Danilov N. N. – doctor of physics and mathematics, prof.

Zhelтов V. V. – doctor of philosophic studies, prof.

Kazin E. M. – doctor of biology, prof.

Kartashov B. Ya. – doctor of technical sciences, prof.

Kasatkina N. E. – doctor of pedagogic, prof.

Kurbatova M. V. – doctor of economics, prof.

Osadchiy M. A. – candidate of philology.

Pimenov E. A. – doctor of philology, prof.

Povarich I. P. – doctor of economics, prof.

Poplavnoy A. S. – doctor of physics and mathematics, prof.

Sher Ya. A. – doctor of history, prof.

Schennikov B. P. – doctor of philosophic studies, prof.

Yurkevich N. A. – candidate of law, associate prof.

Yanitsky M. S. – doctor of psychology, prof.

Printed by the decision of Scientific Methodical Council and Editorial Publishing Council of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Professional Education Kemerovo State University

It is issued once a quarter

The Journal is registered in the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Communications (Roskomnadzor)

Certificate of registration is:

ПН ФС77-40023 of 04.06.2010

No part of the Journal can be republished without the permission of the authors or the publisher.

Address of the Editorial Office:

650043, Kemerovo, 6 Krasnaya St., room 1225,

Tel.: 8 (3842) 58-28-39, 58-80-24

Fax: 8 (3842) 58-38-85

E-mail: keafa@kemsu.ru, gos@kemsu.ru.

Web-site:

<http://www.kemsu.ru/science/bulletin.htm.en>.

Address of the publisher:

650043, Kemerovo, 6 Krasnaya St.

Tel.: (3842) 58-28-39,

Fax: (3842) 58-12-26,

E-mail: rector@kemsu.ru

Subscription indices:

Union catalogue "The Press of Russia" – 42150

Catalogue of Russian press "The Post of Russia" – 51944

The Bulletin is provided for free access on the site of the Russian Universal Scientific Electronic Library and included into the abstract database "Russian Index of Scientific Citation" (RISC).
<http://elibrary.ru>

СОДЕРЖАНИЕ

БИОЛОГИЯ

<i>Блинова С. В.</i> Эколого-фаунистическая структура мирмекокомплексов Салаирского края	7
<i>Волков А. Н., Лошакова Л. Ю., Еникеева А. Д.</i> Поиск ассоциации полиморфизмов в генах ANXA5 и CALB2 с повышенным риском развития кариеса у детей дошкольного возраста	11
<i>Заушинцева А. В., Медведева П. В.</i> Влияние стимуляторов роста на развитие и продуктивность земляники садовой	15
<i>Корчагина Р. П., Осипова Л. П., Вавилова Н. А., Воронина Е. Н., Филипенко М. Л.</i> Полиморфизм гена <i>vkorc1</i> (<i>c1173t</i>), определяющего чувствительность индивидов к варфарину, в популяциях коренных этносов селькупов и тундровых ненцев, а также у русских Северной Сибири	19
<i>Султангазина Г. Ж., Куприянов А. Н.</i> Флористические находки на территории национального парка «Бурабай»	23

ИНФОРМАТИКА

<i>Войтиков К. Ю., Моисеев А. Н., Тумаев П. Н.</i> Применение механизма дополнительных модулей для реализации расширяемой алгоритмической базы предметной области	27

ИСТОРИЯ

<i>Фищева А. А.</i> Решение проблемы неграмотности и малограмотности взрослого населения на территории Кузбасса в годы форсированной индустриализации	32

МАТЕМАТИКА

<i>Любина Т. В., Назаров А. А.</i> Исследование немарковской динамической RQ-системы с конфликтами заявок	38
<i>Пуолокайнен Т. М.</i> Разбиение класса D на подклассы	44
<i>Синякова И. А., Моисеева С. П.</i> Исследование системы $\text{MAP}^{(2)} \text{GI}_2 _\infty$ методом просеянного потока	47

ПЕДАГОГИКА

<i>Касаткина Н. Э., Семенкова Т. Н.</i> Особенности профильного обучения учащейся молодежи в регионе при условии сохранения и формирования их здоровья	53

ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ И СОЦИОЛОГИЯ

<i>Андреев А. В.</i> Глобализация, информационные технологии и формирование «глобального сетевого общества»	57
<i>Егоров А. И.</i> Право на службе политике: германский опыт в постбиополярную эпоху (1990-е – 2006 г.)	61
<i>Калинкина О. Н.</i> Пути оптимизации межсекторного социального партнерства (на примере Пермского края)	68
<i>Омеличкин О. В.</i> Политический выбор в России: факторы и мотивы	71
<i>Топкаев Д. А.</i> К проблеме участия общественно-политических институтов в процессе адаптации мигрантов	77

ПСИХОЛОГИЯ

<i>Ковтун Л. О.</i> Личностные особенности подростков, склонных к девиантному и делинквентному поведению	81
<i>Тимофеева И. В.</i> Особенности организации семейной жизни как фактор благополучия детей с детским церебральным параличом	89
<i>Якушев И. В., Расписенко Н. П.</i> Психические изменения, происходящие с личностью сотрудника отряда особого назначения в период подготовки к выполнению оперативно-служебных задач в ходе антитеррористической операции на Северном Кавказе	95
<i>Кирсанов В. М., Шибкова Д. З.</i> Психофизиологический статус студентов в период адаптации к обучению на факультете коррекционной педагогики	99

ФИЛОЛОГИЯ

<i>Алтухова Т. В., Лебедева Н. Б.</i> Виртуальное общение: новый этап развития письменной коммуникации	105
<i>Барышева Е. Л.</i> Канон и вариативность русской православной проповеди: проблема определения гомилетического правила	112
<i>Башкатова Ю. А.</i> Сопоставительный анализ соматических концептов «рот» и «mouth» в этнокультурном аспекте	116
<i>Белякова Л. А.</i> Пропозиционально-фреймовое моделирование речевой деятельности (на материале ассоциативного эксперимента)	120
<i>Голев Н. Д., Шпильная Н. Н.</i> Обыденная медицинская коммуникация (виды дискурсивных практик)	128
<i>Денисова Э. С., Махракова М. И.</i> Деривационные возможности новой экономической терминологии в современном русском языке	138
<i>Дударева Я. А.</i> Методика определения ассоциативного сходства товарных знаков: полипропозициональный анализ	143
<i>Жаева Р. Р.</i> Способы актуализации языковой игры в публицистическом дискурсе (на примере прецедентных текстов)	148
<i>Игнатова В. В., Шишкова М. Г.</i> Организация творческой самопрезентации в контексте реализации основных видов деятельности учащихся НПО	152

<i>Инфантьева А. С., Катышев П. А.</i> Тематическая организация Интернет-эгоистории в ранговом распределении Ципфа	160
<i>Калашникова А. Л.</i> «Душевный микрокосм» в художественном мире Ф. И. Тютчева: «Silentium!» и «Душа моя, Элизинг теней...»	163
<i>Камзина С. Л.</i> Полиситуативный анализ как метод описания семантико-derivационных отношений внутри лексико-семантической группы глаголов создания художественного образа	168
<i>Керимов Р. Д., Федянина Л. И.</i> Лингвокогнитивная структура немецких социальных концептов «деньги» и «политика»	174
<i>Ким Л. Г.</i> Единицы описания интерпретационного функционирования текста в пространстве адресата	186
<i>Налегач Н. В.</i> Образ Иннокентия Анненского в лирике Вс. Рождественского	190
<i>Рогова Е. Н.</i> Мотив неуверенности и его функция в формировании художественной целостности рассказа А. П. Чехова «Дама с собачкой»	195
<i>Трубакина Н. В.</i> Сложноподчиненное предложение в синтаксисе островных немецких говоров Алтая	201
<i>Фомин А. Г., Якимов Н. С.</i> Репрезентация феноменов «агрессия» и «конфликт» в языковом сознании россиян и американцев	206
<i>Халаякина Л. П.</i> Методические вопросы обучения студентов исследованию сходств и различий в интерпретации универсальных культурных концептов	211

ФИЛОСОФИЯ

<i>Жукова О. И., Жуков В. Д.</i> Понимание Другого как модус существования человека	216
<i>Иванова Н. А.</i> Философия и эпистемология науки о роли «habitus» в познании и практике	220
<i>Красиков В. И.</i> Философия: ее ментальная и социальная природа, основные исторические последовательности	227
<i>Решенин С. А.</i> Сложностная этика сетевых сообществ	232
<i>Чайковский Д. В.</i> Знаково-символическая проблематика властного воздействия	236

ХИМИЯ

<i>Бородин Ю. В., Пак В. Х., Романенко С. В.</i> Исследование наноконпозиционной структуры пиронитрида бора при протонном облучении	240
<i>Крашенинник В. И., Родзевич А. П., Газенаур Е. Г., Кузьмина Л. В., Гритчина В. Г.</i> О колебательном характере пост-процессов при электрополевом разложении нитевидных кристаллов азидов серебра	244

ЭКОЛОГИЯ. ЗДОРОВЬЕ

<i>Хорошилова Л. С., Трофимова И. В.</i> Здоровье работников угольной отрасли и ее влияние на демографическую ситуацию в Кемеровской области	248

ЭКОНОМИКА

<i>Елесина Н. В., Калачева Е. А.</i> Анализ состояния российского рынка депозитных услуг	253
<i>Калачев А. М.</i> Методика оценки стоимости формирования кадрового потенциала организации	259
<i>Кисляков М. М.</i> Социально-экономические проблемы адаптации регионального политического маркетинга	263
<i>Михайлова Н. К.</i> Занятость студентов и ее роль в формировании профессиональных компетенций будущих специалистов	268
<i>Муратов А. С., Поварич И. П.</i> Синергизм и эмерджентность: генезис их гармонизации в экономике и управлении	271
<i>Салихов В. А.</i> Оценка народно-хозяйственного эффекта на региональном уровне от извлечения ценных металлов из золоторудных предприятий Кемеровской области	276
<i>Сапожникова Л. Ю.</i> Инновации как фактор конкурентоспособности угледобывающего предприятия	279
<i>Соколовский М. В., Грентикова И. Г.</i> Влияние внешнеэкономической деятельности на неравномерность внутрирегионального развития (на примере Кемеровской области)	285
<i>Черниченко С. Г., Калачева И. В.</i> Структура кредитного риска и динамика его состояния в банковском секторе РФ	289
<i>Шабашев В. А.</i> Правила ВТО для экономики России: потенциальные выгоды и потери	294
<i>Щербакова Л. Н.</i> Дифференциация экономического роста как основная закономерность современного развития экономики	297

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

<i>Лелюх В. Ф., Позднякова А. Э.</i> Самоорганизация осужденных в пенитенциарной системе России	301

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>Евпак Е. В.</i> Итоги III Международной научно-практической Интернет-конференции "Славянская филология: исследовательский и методический аспекты"	307
<i>Авторы выпуска</i>	310
<i>Правила оформления статей в журнал «Вестник КемГУ»</i>	317
<i>Подписка на журнал «Вестник КемГУ»</i>	319

CONTENTS

BIOLOGY

<i>Blinova S. V.</i> The fauna and ecology structure of the ant complex in the Salaiskiy kryazh	7
<i>Volkov A. N., Loshakova I. J., Enikeeva A. D.</i> Investigation of association of polymorphisms in ANXA5 and CALB2 genes with increased risk of dental caries in preschool children	11
<i>Zaushincena A. V., Medvedeva P. V.</i> The growth stimulators effects on development and productivity of cultivated strawberry	15
<i>Korchagina R. P., Osipova L. P., Vavilova N. A., Voronina E. N., Filipenko M. L.</i> The polymorphism of <i>vkorc1</i> (<i>c1173t</i>) gene, determining individual susceptibility to warfarin, in populations of indigenous peoples of Selkups and tundra Nenets and in the Russians of Northern Siberia	19
<i>Sultangazina G. J., Kuprijanov A. N.</i> Floristic findings within the "Burabaj" national park	23

INFORMATICS

<i>Voytikov K. Yu., Moiseev A. N., Tumaev P. N.</i> Realization of expansible algorithms' base for problem domain via plug-in technique	27

HISTORY

<i>Fisheva A. A.</i> Illiteracy liquidation among adult population of Kuzbass region during the rapid industrialization	32

MATHEMATICS

<i>Lyubina T. V., Nazarov A. A.</i> Research of non-markovian dynamic RQ-system with conflicts of demands	38
<i>Puolokhajnen T. M.</i> Classification class D of polyhedrons	44
<i>Sinaykova I. A., Moiseeva S. P.</i> Investigation of the $MAP^{(2)} GI_2 _\infty$ system with the method of screening flow	47

PEDAGOGY

<i>Kasatkina N. E., Semenkova T. N.</i> Features of specialization-oriented education in the region provided with respect to keeping and forming their health	53

POLITICAL SCIENCE AND SOCIOLOGY

<i>Andreev A. V.</i> Globalization, «Information Technologies» and the forming of «Global Network Society»	57
<i>Egorov A. I.</i> Law in the service politics: the German experience in the post-bipolar era (1990s – 2006)	61
<i>Kalinkina O. N.</i> Ways of optimization of inter-sector social partnership (an example of the Perm kray)	68
<i>Omelichkin O. V.</i> Political choice in Russia: factors and motives	71
<i>Topkaev D. A.</i> To the problem of political institutes participation in the course of migrants adaptation	77

PSYCHOLOGY

<i>Kovtun L. O.</i> Personality characteristics of adolescents are prone to deviant and delinquent behaviour	81
<i>Timofeeva I. V.</i> Features of the family life as a factor in welfare of children with cerebral palsy	89
<i>Yakushev I. V., Raspisenko N. P.</i> Psychical changes of the special detachment employees' personalitic in the period of preparation for the operational-service tasks in the course of the antiterrorist operation in the North Caucasus	95
<i>Kirsanov V. M., Shibkova D. Z.</i> Students' psychophysiological status during the period of adaptation to studying at the faculty of correctional pedagogy	99

PHILOLOGY

<i>Altukhova T. V., Lebedeva N. B.</i> Virtual communication: a new stage of writing communication	105
<i>Barysheva E. L.</i> Canon and variability of the Russian orthodox sermon: the problem of defining homiletic rules	112
<i>Bashkatova Yu. A.</i> Comparative analysis of somatic concepts "rot" and "mouth" in ethnocultural terms	116
<i>Belyakova L. A.</i> Propositional and frame modeling of discourse (based on the data of free associative experiment)	120
<i>Golev N. D., Shpilnaya N. N.</i> Ordinary medical communication (types of discursive practices)	128
<i>Denisova E. S., Makhrakova M. I.</i> Derivational possibilities of new economic terminology in the modern Russian Language	138
<i>Dudareva Y. A.</i> Technique of the method defining trade marks associative similarity: the polipropositional analysis	143
<i>Zhaeva R. R.</i> Methods of language game actualization in publicistic discourse (an analysis of precedent texts)	148
<i>Ignatova V. V., Shishkova M. G.</i> The organization of creative self-presentation in the context of realization of principal types of activity of primary vocational education students	152
<i>Infantyeva A. S., Katsyshev P. A.</i> Thematic organization of Internet-egohistory in the Zipf rank distribution	160
<i>Kalashnikova A. L.</i> «Microcosm of the soul» in F. I. Tyutchev's poetic world: <i>Silentium!</i> and <i>My soul, Elizium of shadows...</i>	163
<i>Kamzina S. L.</i> The polisituational analysis as a method of the description of the semantic and derivational relations within the lexical semantic group of the verbs of art image making	168
<i>Kerimov R. D., Fedyanina L. I.</i> Cognitive linguistic structure of the German social concepts "money" and "politics"	174
<i>Kim L. G.</i> The description units of the text interpretative functioning in the addressee field	186
<i>Nalegach N. V.</i> The image of I. Annensky in the lyrics of Vs. Rozhdestvensky	190

Rogova E. N. The motif of uncertainty and its function in forming the artistic integrity of A. P. Chekhov's short story <i>The Lady with the Dog</i>	195
Trubavina N. V. The complex sentence in the syntax of the upper and low insular Altai German dialects	201
Fomin A. G., Yakimova N. S. The representation of the phenomena of "aggression" and "conflict" in Russians' and Americans' verbal consciousness	206
Khalyapina L. P. Methodological approach to teaching students how to investigate similarities and differences of universal cultural concepts	211

PHILOSOPHY

Zhukova O. I., Zhukov V. D. Understanding of other as the mode of person's existence	216
Ivanova N. A. Philosophy and epistemology of science on the role of «habitus» in cognition and practice	220
Krasikov V. I. Philosophy: its mental and social nature, and main historical sequences	227
Reshenin S. A. Complexity ethics of virtual communities	232
Chaykovskiy D. V. Sign and symbolical problematics of the power	236

CHEMISTRY

Borodin Yu. V., Pak V. Kh., Romanenko S. V. Investigation of the Borium pyronitride nanocomposite structure in proton irradiation	240
Krashenin V. I., Rodzevitch A. P., Gazenaur E. G., Kuzmina L. V., Gritchina V. G. On the oscillatory character of the post-processes of the electro-field decomposition of threadlike crystals of silver azide	244

ECOLOGY. HEALTH

Khoroshilova L. S., Trofimova I. V. Health of coal industry workers and its influence on the demographic situation in Kemerovo region	248

ECONOMY

Elesina N. V., Kalacheva E. A. The analysis of the status of the Russian market of deposit services	253
Kalachev A. M. The procedure of organizations' staff potential forming cost assessment	259
Kislyakov M. M. Social and economical problems of regional political marketing of adaptation	263
Mikhailova N. K. Students employment and its role in the formation of the professional competence of the future specialists	268
Muratov A. S., Povarich I. P. Sinergy and emergence: the genesis of their harmonization in economics and management	271
Salikhov V. A. The economic effect evaluation of non-ferrous and rare metals extraction from ash dumps in Kemerovo region	276
Sapozhnikova L. Y. The factor of innovations in the process of the increase of organizations' competitiveness	279
Sokolovskiy M. V., Grentikova I. G. The effect of external economic activities over on the unevenness of economic development (for example Kemerovo region)	285
Chernichenko S. G., Kalacheva I. V. The structure of credit risk and the dynamics of its status in the Russian banking sector	289
Shabashev V. A. Rules of the WTO for the economy of Russia: potential benefits and losses	294
Scherbakova L. N. Differentiation of economic growth as the basic law of modern development of economy	297

LAW

Lelyukh V. F., Pozdnyakova A. E. Self-organization of the convicted in the Russian penitentiary system	301

SCIENTIFIC LIFE

Evpak E. V. The results of the III International scientific and practical Internet conference "Slavonic philology: research and methodical aspects"	307

Authors of the Issue	310
Publication format and design in the Bulletin of KemSU	317
Subscribe to Bulletin of KemSU	319

БИОЛОГИЯ

УДК 595.796

ЭКОЛОГО-ФАУНИСТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА МИРМЕКОКОМПЛЕКСОВ
САЛАЙРСКОГО КРЯЖА

С. В. Блинова

THE FAUNA AND ECOLOGY STRUCTURE OF THE ANT COMPLEX IN THE SALAIRSKIY KRYAZH

S. V. Blinova

На территории Салайрского кряжа выявлено 30 видов муравьев семи родов трех подсемейств сем. Formicidae. Выявлены таксономическое распределение, видовое богатство, видовое обилие, биотопическое распределение, классы обилия мирмекофауны исследованной территории.

The research of the ant fauna and its ecology was carried in Salairskiy Kryazh and 30 species of ants belonging to 7 genera of 3 subfamilies Formicidae was found. The taxonomic composition, species diversity, biotopic preferences of ants of the Salairskiy Kryazh are presented.

Ключевые слова: муравьи, экология муравьев, Салайрский кряж.

Keywords: ants, Formicidae, ecology of ants, Salairskiy Kryazh.

Муравьи – важнейший компонент большинства биогеоценозов. Их роль сложна и многообразна. Они участвуют в утилизации древесных остатков, разносят семена растений, аэрируют почву, уничтожают вредных насекомых и т. д. Поэтому до сих пор остается актуальным изучение фауны и экологии муравьев ранее не исследованных и мало исследованных регионов. Одним из таких регионов является Салайрский кряж. Это древний складчатый массив, расположенный в северо-западной части Алтае-Саянской горной системы. Он протянулся в меридиональном направлении более чем на 300 км. Кряж сильно сглажен, представляет собой как бы равнину, расчлененную водораздельными гривами и речными долинами. Последние придают поверхности всхолмленный характер в виде группы плоских гор. Средняя абсолютная высота не превышает 450 м. Склоны гор Салайрского кряжа несимметричны: западные – очень пологие, покрытые хвойными лесами, сильно разрезанные многочисленными речками; восточные – крутые, местами заканчиваются заметными обрывами [3].

Сбор всего материала проводили 1997 – 2011 гг. стандартными методиками (Захаров, Горюнов, 2010). Маршруты и учетные площадки закладывали в окрестностях городов Прокопьевска и Салаира, поселков Урск и Журавлево Кемеровской области. Точки исследования перечислены в меридиональном направлении с юга на север.

Для фаунистических исследований из гнезда брали 10 – 15 рабочих особей. Количественный учет гнезд осуществляли на маршрутах и пробных площадках. Площадки осматривали, при необходимости подкапывали почву. При нахождении гнезда, работа в диаметре 0,2 – 0,25 м не велась – это условная площадь, занимаемая одной семьей. В качестве показателя численности использовали показатели относительного обилия, который рассчитывали как плотность гнезд (на одну учетную площадку) [4]. В каждом местообитании закладывали по

10 учетных площадок и одному двухкилометровому маршруту. Данные, полученные при маршрутном учете, также пересчитывали на 25 м² для возможности сопоставления результатов.

В связи с неравномерным распределением в пространстве, связанным со сложной социальной организацией муравьев *Formica s. str.* и относительно большой величиной кормового участка, для учета видов *Formica s. str.*, строящих гнезда с наружными постройками, использовали маршрутный метод учета. Закладывали маршрут длиной около 2 км таким образом, чтобы он проходил через все основные растительные ассоциации выбранного биотопа. Регистровали все гнезда в пределах видимости, обычно это полоса шириной 12 м (± 6 м).

Классы обилия муравьев выделены по [1, 4 с изменениями]: Е – очень редкие (единичные находки) – представлено до 1 % гнезд в сборах; Р – редкие – 1,1 – 5 %; О – обычные – 5,1 – 10 %; М – массовые – более 10 % в сборах.

Обработку всего статистического материала производили в программе Excel 2003.

Таксономический и видовой состав

В результате исследований Салайрского кряжа выявлено 30 видов семи родов трех подсемейств сем. Formicidae. Наибольшее число принадлежит подсемейству Formicinae (66,7 % от всех найденных видов муравьев). Девять видов, или 30 % от всех обнаруженных видов, приходится на подсемейство Myrmicinae. Подсемейство Dolichoderinae представлено одним видом – *Dolichoderus sibiricus* Em., которое в других орографических районах Кузнецко-Салайрской горной области не встречается. Вид *Lasius alienus* Först. известен в Салайрском кряже только по литературным данным с западного макросклона [5], поэтому в дальнейшем анализе этот вид не учитывали.

Основу фауны составляет род *Formica* L. – 41,4 % от общего числа видов (рис. 1). При этом ви-

довое обилие рода возрастает с продвижением с севера на юг изученной горной системы. В зависимости от района исследования, доля видов *Formica*

варьирует от 35 % в северной части кряжа до 44 % от найденного числа видов в центре (рис. 2).

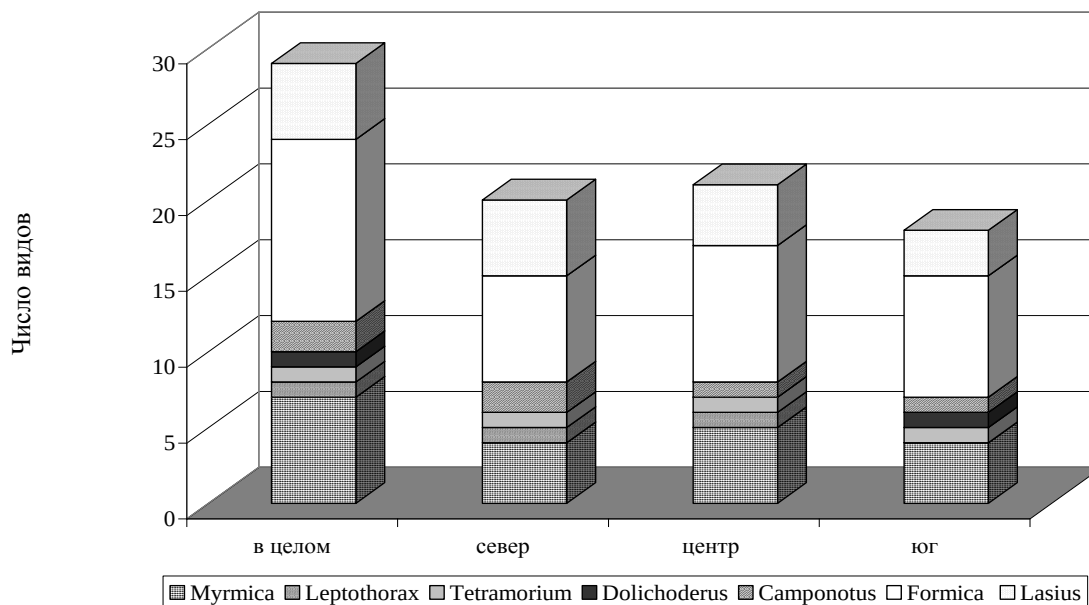

Рис. 1. Видовое богатство муравьев Салаирского кряжа

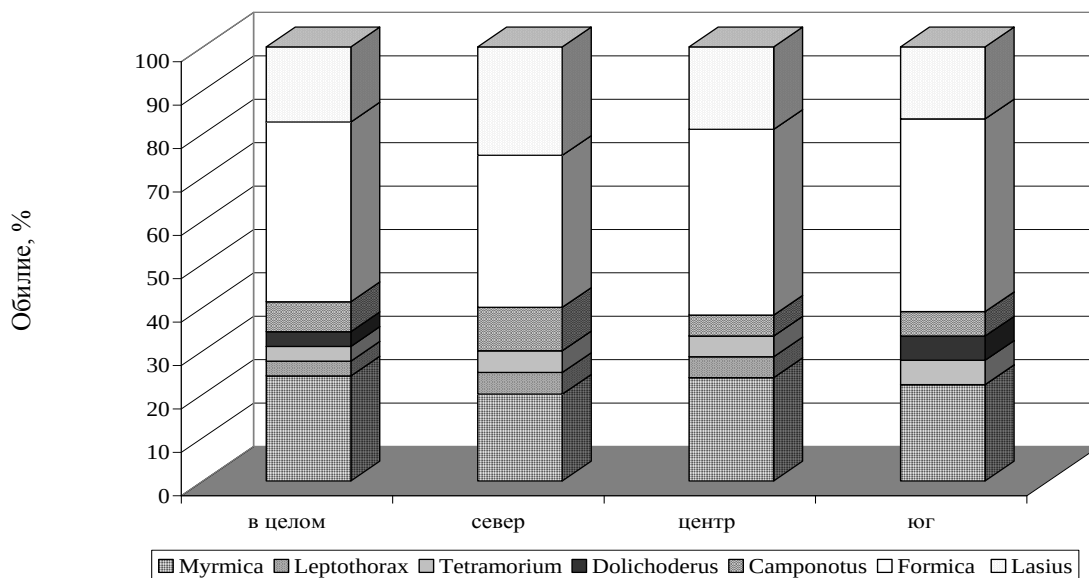

Рис. 2. Видовое обилие родов муравьев Салаирского кряжа, %

В целом представители рода *Formica* зарегистрированы по всей исследованной территории, однако *F. candida* Smith и *F. sanguinea* Latr. не найдены в южной, *F. pressilabris* Nyl. и *F. polystena* Först. – в северной частях Салаирского кряжа. Напротив, *F. aquilonia* Yarr. и *F. uralensis* Ruzs. зарегистрированы только в южной, *F. rufibarbis* Fabr. – в северной и *F. exsecta* Nyl. – в центральной частях горной системы.

Такое неравномерное распределение видов объясняется ландшафтными и биотопическими различиями: в северной части Салаирского кряжа более низкие высоты, преобладают лесостепные участки. С продвижением на юг возрастает доля таежных ценозов и абсолютные высоты.

Меньшее видовое богатство отмечено для рода *Myrmica* Latr. (24,2 % от числа найденных видов на Салаирском кряже). При этом *M. ruginodis* Nyl. и *M. scabrinodis* Nyl. обнаружены на всей территории. Гнезда *M. lobicornis* Nyl. и *M. koreana* Elmes et al. найдены только на центральных участках, *M. lonae* Finzi – в северной части горной системы. Необходимо подчеркнуть, что для *M. koreana* и *M. lonae* – это единственные находки в Кузнецко-Салаирской горной области.

Для рода *Lasius* Fabr. (видовое обилие в фауне Салаирского кряжа составляет 17,3 %) отмечено увеличение числа видов и видового обилия при продвижении с юга (соответственно 3 вида и 16,6 %) на

север (5 и 25 %). Виды *L. flavus* Fabr., *L. niger* L. и *L. platythorax* Seifert встречаются по всей горной системе. Только в северной части горной системы зарегистрированы *L. fuliginosus* Latr., а *L. umbratus* Nyl. не найден в южной части.

Два вида рода *Camponotus* (6,9 % от общего числа видов) обнаружены в Салаирском кряже. При этом оба вида отмечены только в северной части. Кроме этого, *C. saxatilis* Ruzs. встречается и в центральной части, а *C. herculeanus sachalinensis* Forel – в южной части рассматриваемой горной системы.

Рода *Dolichoderus* Lund, *Leptothorax* Mayr и *Tetramorium* Mayr представлены одним видом (доля каждого рода 3,4 %). Гнезда *T. caespitum* L. зарегистрированы на всей исследованной территории. *D. sibiricus* отмечен только в таежной зоне на юге Салаирского кряжа и не встречается в других ороеграфических районах Кузнецко-Салаирской горной области. *L. acervorum* Fabr., напротив, не найден только в южной части горной системы.

Биотопическое распределение муравьев

Анализ оригинальных данных о мирмекокомплексах Салаирского кряжа по биотопическому предпочтению позволил выделить 5 групп.

– Эвритопные виды – 3 вида (10,3 % от числа видов зарегистрированных на территории Салаирского кряжа), гнезда которых найдены в различных биотопах (леса, луга, степные участки). Это *M. schencki* Vier., *L. niger* и *F. fusca* L.

– Лесные виды – 9 видов (31 %), гнезда которых отмечены только в лесных биотопах. Это *M. rubra* L., *M. ruginodis*, *D. sibiricus*, *C. herculeanus sachalinensis*, *F. aquilonia*, *F. exsecta*, *F. rufa* L., *L. fuliginosus* и *L. platythorax*.

– Лугово-лесные виды – 8 видов (27,7 %), гнезда которых отмечены в различных типах лесов и лугов. Это *M. lobicornis*, *M. scabrinodis*, *C. saxatilis* Ruzs, *F. cunicularia* Latr., *F. pratensis* Retz., *F. pressilabris*, *L. flavus* и *L. umbratus*.

– Луговые виды – 6 видов (20,7 %), гнезда которых найдены на различных типах лугов. Это *M. lonae*, *L. acervorum*, *T. caespitum*, *F. rufibarbis*, *F. sanguinea* и *F. uralensis*.

– Лугово-степные виды – 3 вида (10,3 %), гнезда которых зарегистрированы на различных типах лугов, в том числе и на остепненных и степей. Это *M. koreana*, *F. candida* и *F. polycytena*.

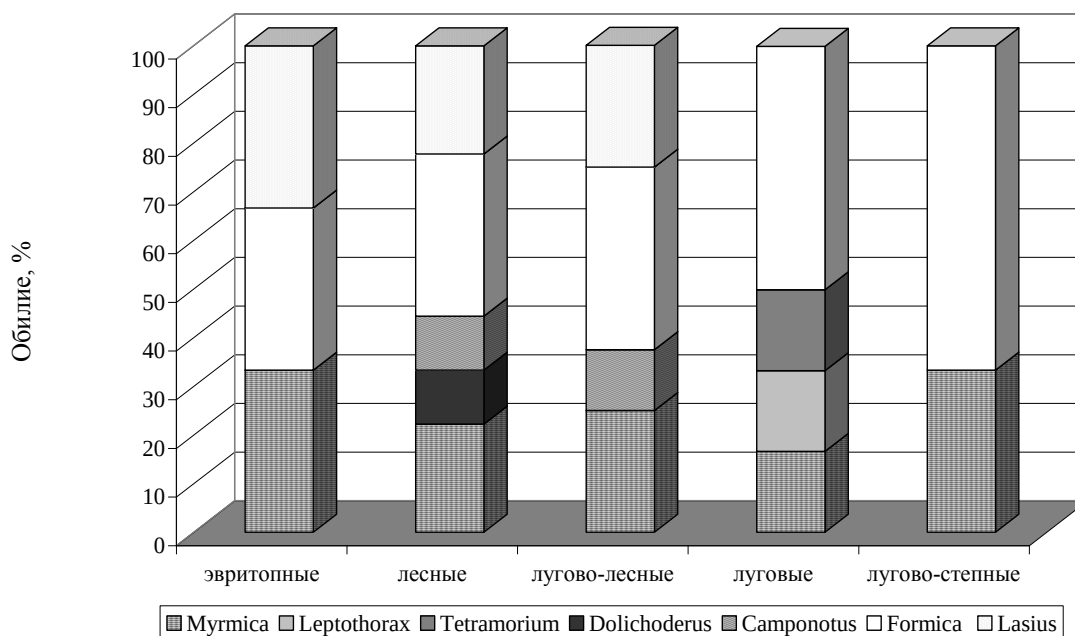

Рис. 3. Распределение родов муравьев по экологическим группам на Салаирском кряже, в %

Очевидно, что различные роды неравномерно представлены в биотопических группах (рис. 3). Так виды, относящиеся к родам *Formica* и *Myrmica*, входят во все экологические группы. При этом видовое обилие *Formica* увеличивается по мере ксерофитизации биотопа: от 33,3 % в лесных до 66,6 % от общего числа видов в группе. Обратная тенденция наблюдается для рода *Lasius*: видовое обилие снижается от лесных к лугово-лесным видам. В группах луговых и лугово-степных видов виды рода *Lasius* не отмечены. Род *Camponotus* отнесен к группам лесных и лугово-лесных видов, *Leptothorax*

и *Tetramorium* – луговых, *Dolichoderus* – лесных видов.

Проведенный анализ данных по биотопическому распределению показал, что большинство видов обитает в лесных биотопах (25 видов, или 86,2 % от зарегистрированных видов на Салаирском кряже). При этом только в лесах отмечено 9 видов (30 % от общего числа видов) муравьев. В открытых биотопах обнаружено 20 видов муравьев, однако лишь на лугово-степных участках – 4 вида (13,8 % от общего числа видов).

Видовое богатство муравьев в лесных биотопах возрастает по мере уменьшения степени сомкнутости крон и увеличения доли лиственных деревьев. Наибольшее видовое разнообразие (19 видов) отмечено в березовых лесах. Плотность гнезд составляет $3,23 \pm 0,21$ гнезд / 25 м^2 . Доминирующим по численности гнезд выступает *L. platythorax* (в среднем $0,93 \pm 0,33$ гнезд / 25 м^2). Напротив, гнезда *L. fuliginosus* обнаружены только в березовых лесах в единичных экземплярах.

В березовых лесах найдены муравейники 3 видов *Formica* s. str.: *F. rufa* – в центральной части горной системы (плотность гнезд достигает $0,93 \pm 0,76$ гнезд на 100 м маршрутного учета), отдельные муравейники этого вида встречены на юге горной системы. В то же время в южной части относительно высокая численность муравейников характерна для *F. aquilonia* (в целом плотность гнезд достигает $0,53 \pm 0,41$ гнезд на 100 м маршрутного учета; на отдельных участках плотность муравейников достигает 5 гнезд на 100 м маршрутного учета). В березовых лесах северной части Салаирского кряжа отмечен *F. pratensis*, плотность которого сильно колеблется и составляет в среднем $0,85 \pm 0,81$ гнезд на 100 м маршрутного учета.

Исследования сосново-березовых лесов выявили 13 видов муравьев с плотностью поселения $2,53 \pm 1,48$ гнезд / 25 м^2 . Наибольшей численности гнезд достигают муравьи *M. ruginodis* ($1,40 \pm 0,76$ гнезд / 25 м^2). В центральной части горной системы зарегистрированы гнезда *F. exsecta*, больше не отмеченные в других биотопах горной системы. Из представителей *Formica* s. str. в сосново-березовых лесах отмечены только единичные спорадично расположенные муравейники *F. rufa*.

В таежной зоне (осиново-пихтовые и пихтово-осиновые леса) обнаружено 12 видов муравьев, принадлежащих трем подсемействам: Formicidae – 7 видов, Myrmicinae – 4 вида, Dolichoderinae – 1 вид. Необходимо подчеркнуть, что это единственная находка *D. sibiricus* ($0,05$ гнезд / 25 м^2) на всей исследованной территории Кузнецко-Салаирской горной области. Общая плотность гнезд муравьев таежных лесов составляет $1,76 \pm 0,11$ гнезд / 25 м^2 . Доминирующим видом по численности гнезд выступает *L. platythorax* ($0,98 \pm 0,49$ гнезд / 25 м^2).

В исследованных пихтово-березовых лесах зарегистрировано 6 видов Formicidae с плотностью поселения $2,85 \pm 0,73$ гнезд / 25 м^2 . Доминирующими видами по плотности гнезд выступают *M. ruginodis* ($1,35 \pm 0,21$ гнезд / 25 м^2) и *L. platythorax* ($1,1 \pm 0,42$ гнезд / 25 м^2). Здесь же отмечены единичные муравейники *F. rufa*.

Наиболее бедным видовым богатством и относительно низкой плотностью гнезд характеризуются лесопосадки сосны и тополей (соответственно 4 вида и $2,25$ гнезд / 25 м^2 и 3 вида $1,75$ гнезд / 25 м^2). Только *L. niger* ($1,67 \pm 0,49$ гнезд / 25 м^2) найден в обоих типах лесопосадок.

Среди лугов наибольшее видовое богатство отмечено для суходольных разнотравных лугов. Здесь найдено 14 видов муравьев со средней плотностью

поселения $5,42 \pm 0,27$ гнезд / 25 м^2 . Доминирующим видом по численности гнезд выступает *L. niger* ($1,89 \pm 0,31$ гнезд / 25 м^2). Кодоминантным видом по плотности гнезд выступает *T. caespitum* ($1,25$ гнезд / 25 м^2). Однако этот вид не встречен на разнотравных лугах центральной части горной системы. Поэтому вторым по плотности гнезд является *L. flavus* ($1,08$ гнезд / 25 м^2). В южной части горной системы найдено единственное поселение муравьев *F. uralensis* для Салаирского кряжа.

На остепненных лугах отмечено поселение 11 видов муравьев с плотностью поселения $7,8 \pm 0,36$ гнезд / 25 м^2 . При этом только здесь отмечено поселение *M. koreana* на всей исследованной территории Кузнецко-Салаирской горной области. Доминирующими видами по плотности гнезд выступают *T. caespitum* ($1,80$ гнезд / 25 м^2), *F. candida* ($1,70$ гнезд / 25 м^2) и *L. niger* ($1,60$ гнезд / 25 м^2). Отмечены единичные муравейники *F. polycheta* на остепненных лугах.

На разнотравно-злаковых лугах найдено 11 видов муравьев ($5,86 \pm 0,28$ гнезд / 25 м^2). Доминантным по плотности гнезд является *L. niger* ($2,31 \pm 1,13$ гнезд / 25 м^2). На лугу в северной части исследованной горной системы найдено единственное поселение *F. rufibarbis* на всей исследованной территории восточного макросклона Салаирского кряжа. В то же время, по данным Д. В. Чусовлянова и И. В. Кудряшовой (1997), *F. rufibarbis* – обычный вид западных предгорий Салаирского кряжа.

Степные участки, как и во всех исследованных нами подобластях, по сравнению с луговыми участками, характеризуются обедненным видовым составом (3 – 5 видов) и высокой плотностью поселения муравьев (в среднем $9,18 \pm 2,12$ гнезд / 25 м^2). Однако на луговых степях найдены гнезда муравьев 8 видов, при этом относительно низкая плотность гнезд – $6,25$ гнезд / 25 м^2 . Наибольшая плотность гнезд ($12,17$ гнезд / 25 м^2) на фоне низкого видового богатства (3 вида) отмечена для каменистых степей.

Доминирующим видом всех степей по плотности гнезд выступает *F. candida* ($6,2 \pm 3,31$ гнезд / 25 м^2). Кодоминантным видом выступает *T. caespitum* ($1,93 \pm 0,42$ гнезд / 25 м^2).

Классы обилия муравьев

По степени встречаемости и плотности гнезд среди видов муравьев выделены классы обилия (рис. 4). Роды *Formica* и *Lasius* представлены во всех классах обилия; среди представителей рода *Myrmica* отсутствуют виды, относящиеся только к обычным видам. Представители рода *Leptothorax* являются редкими, *Dolichoderus* – очень редкими, *Tetramorium* – массовый. Роды *Camponotus* относят к редким и очень редким. К массовым видам Салаирского кряжа относим *M. ruginodis*, *T. caespitum*, *F. candida* и *L. niger*. Обычными видами исследованной горной системы являются *F. fusca*, *F. rufa*, *L. flavus* и *L. platythorax*. Одиннадцать видов отнесены к редким и десять к очень редким (единичным) видам муравьев.

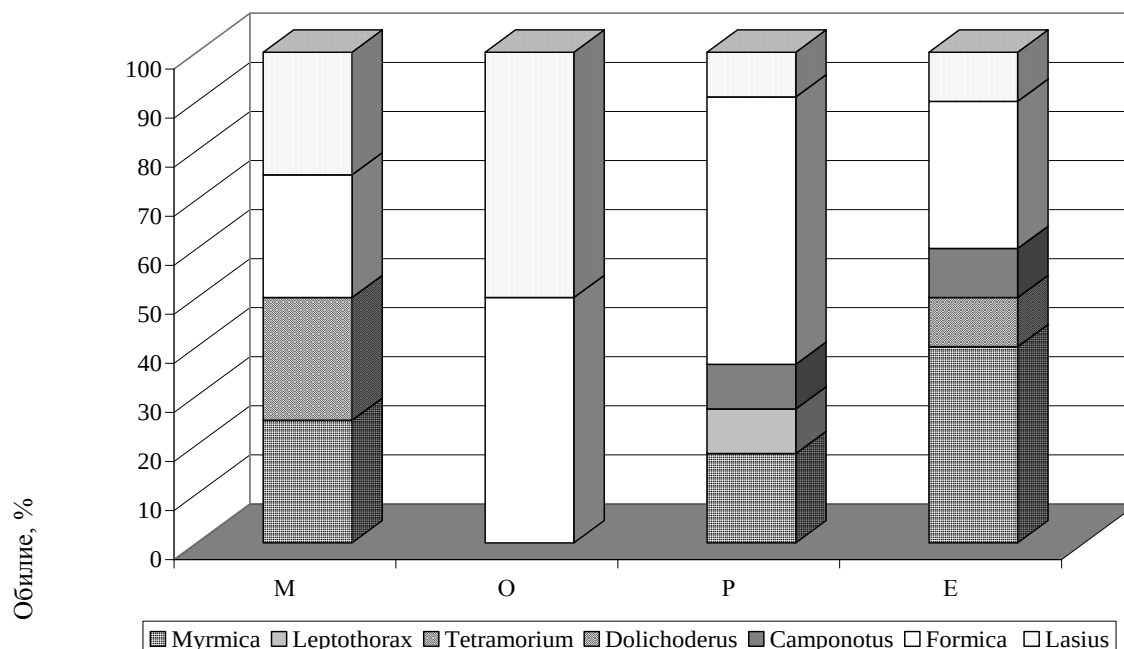

Рис. 4. Распределение родов муравьев по классам обилия, %. М – массовый, О – обычный, Р – редкий, Е – очень редкий (единичные находки)

Таким образом, в результате исследований Салаирского края зарегистрировано 30 видов принадлежащих семи родам трех подсемейств сем. Formicidae. Основу фауны составляет род *Formica*, который представлен 12 видами, что составляет 41,4 % от общего числа видов. Выделено 5 биотопических групп муравьев, наибольшее число видов относится к лесным видам (31 % от всех найденных видов). Большинство видов, найденных на территории Салаирского края относятся к классу редких и очень редких видов муравьев.

Литература

1. Блинова, С. В. Муравьи (Hymenoptera, Formicidae) естественных и антропогенно измененных лугов Кузнецкой котловины / С. В. Блинова // Труды Кемеровского отделения РЭО. – Кемерово: ЮНИТИ, 2008. – Вып. 6.

2. Захаров, А. А. Общие методы полевых экологических исследований / А. А. Захаров, Д. Н. Горюнов // Муравьи и защита леса: матер. докл. XIII Всерос. мирмекол. симп. – Нижний Новгород: НГУ, 2009.

3. Лашинский, Н. Н. Экология сообществ черневых лесов Салаира / Н. Н. Лашинский, В. Г. Лузанов, М. П. Ревякина. – Новосибирск: Наука, 1991. – 73 с.

4. Песенко, Ю. А. Принципы и методы количественного анализа в фаунистических исследованиях / Ю. А. Песенко. – М.: Наука, 1982. – 288 с.

5. Чусовлянов, Д. В. К вопросу о мирмекофауне предгорий Салаира / Д. В. Чусовлянов, И. В. Кудряшова // Проблемы сохранения биологического разнообразия Южной Сибири. I Межрегион. науч.-практ. конф. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 1997.

УДК 575.174.015.3: 616.31

ПОИСК АССОЦИАЦИИ ПОЛИМОРФИЗМОВ В ГЕНАХ ANXA5 И CALB2 С ПОВЫШЕННЫМ РИСКОМ РАЗВИТИЯ КАРИЕСА У ДЕТЕЙ ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

А. Н. Волков, Л. Ю. Лошакова, А. Д. Еникеева

INVESTIGATION OF ASSOCIATION OF POLYMORPHISMS IN ANXA5 AND CALB2 GENES WITH INCREASED RISK OF DENTAL CARIES IN PRESCHOOL CHILDREN

A. N. Volkov, L. J. Loshakova, A. D. Enikeeva

Работа выполнена в центральной научно-исследовательской лаборатории Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Кемеровская государственная медицинская академия» Министерства здравоохранения и социального развития России, г. Кемерово.

Изучен полиморфизм генетических маркеров *rs7676539* гена *ANXA5* и *rs8063760* гена *CALB2* среди дошкольников г. Кемерово европеоидной принадлежности, различающихся по уровню интенсивности кариеса. Частоты аллелей и генотипов по изучаемым участкам в данной выборке оказались сопоставимы с показателями, характерными для европеоидов в целом. Не удалось установить статистически значимых отличий частот каких-либо генетических вариантов маркеров *rs7676539* и *rs8063760* в когорте здоровых детей по сравнению с группой дошкольников с очень высоким уровнем интенсивности кариеса.

Was studied polymorphism of genetic markers *rs7676539* of *ANXA5* and *rs8063760* of *CALB2* among pre-school children caucasian origin in Kemerovo, differing in the level of caries intensity. Alleles and genotypes frequencies of the studied sites in the sample were comparable to those typical for caucasians in general. Unable to establish statistically significant differences between the frequency of any genetic variants of *rs7676539* and *rs8063760* in a cohort of healthy children compared with ones having very high intensity of dental caries.

Ключевые слова: ANXA5, CALB2, генетический полиморфизм, кариес.

Keywords: ANXA5, CALB2, genetic polymorphism, caries.

Использование молекулярно-генетических методов для выявления эндогенных причин повышенного риска развития мультифакторных патологий является относительно новым научным направлением, возникшим на стыке ряда биологических и медицинских дисциплин. При этом, если поиск информативных генетических маркеров сердечно-сосудистых заболеваний осуществляется с 90-х годов прошлого века, то аналогичные исследования в области анализа генетических факторов кариеса начались интенсивно лишь в последнее десятилетие [5, с. 7 – 9; 13, с. 224 – 229]. Учитывая повсеместную широкую распространенность патологии и низкую эффективность профилактических мер, такие изыскания представляются весьма актуальными.

Немногочисленные исследования, посвященные молекулярной генетике кариеса, касались изучения этиологической роли полиморфных участков генов структурных белков, участвующих в формировании зубной эмали (амелогенезе) [1, с. 12 – 16; 5, с. 8 – 13; 7, с. 79 – 85, 8, с. 394 – 400], а также генов ферментов деструкции этих белков в ходе минерализации ткани [2, с. 36 – 40]. Вместе с тем очевидно, что генная сеть кариеса не ограничивается названными участниками. В данной работе впервые предпринята попытка анализа полиморфизма генов обмена кальция у лиц с различной степенью поражения зубов кариесом. Такими кандидатами выступили гены аннексина A5 (*ANXA5*) и кальбиндина 2 (*CALB2*), они кодируют кальций-связывающие белки, широко представленные в различных органах и тканях, а также в жидких средах организма человека [6, 10 – 12]. Физиологические и клинические эффекты полиморфизма отдельных участков *ANXA5* и *CALB2* практически не изучены. При выборе нами ДНК-маркера для изучения ключевым стал фактор распространенности его аллелей в популяциях человека. При характеристике такой распространенной патологии, как кариес зубов информативным может быть генетический маркер с высокой частотой альтернативных вариантов. Такому условию соответствуют сайты *rs7676539* *ANXA5* и *rs8063760* *CALB2*.

Материалы и методы

На этапе формирования выборки было проведено стоматологическое обследование среди детей европеоидной принадлежности, посещающих дошко-

льные образовательные учреждения г. Кемерово. Изучение стоматологического статуса ребенка предполагало определение индивидуальной интенсивности поражения временных зубов кариесом с помощью индекса КПУ (сумма кариозных, пломбированных и удаленных зубов временного прикуса, при этом удаленные в результате физиологической смены зубы не учитывались). С целью нивелирования временного фактора в развитии патологии дополнительно устанавливали индивидуальный уровень интенсивности кариеса (УИК). Использование данного показателя сделало обоснованным объединение детей различного возраста при статистическом анализе и возможным сравнение разновозрастных групп. УИК рассчитывали как частное от деления КПУ на возраст обследуемого в соответствии с методикой, предложенной П.А. Лесусом (1990) [4]. Здоровые лица характеризовались величиной УИК, равной нулю, при значении показателя не более 0,4 индекс оценивали как низкий; в пределах 0,5 – 0,8 – средний; в пределах 0,9 – 1,2 – высокий и от 1,3 включительно – очень высокий [3].

Последующее генотипирование было проведено среди 192 детей (98 мальчиков и 94 девочки) в возрасте от 2 до 6 лет. Средний возраст обследованных составил $4,2 \pm 0,09$ года. Эта выборка включала две когорты детей с контрастными значениями изучаемого признака (лица со здоровыми зубами (I группа) и индивидуумы, имеющие очень высокое значение УИК (II группа)). Возраст детей в каждой из двух субвыборок находился в пределах 2 – 6 лет. Средний возраст обследованных в группах I и II составил 4,0 и 4,3 года соответственно, соотношение полов в каждой из когорт было близко к 1:1, что делало правомерным их сопоставление в ходе последующего анализа.

Молекулярно-генетическое исследование проведено в центральной научно-исследовательской лаборатории ФГБОУ ВПО КемГМА Минздрава России. Источником ДНК послужили буккальные соскобы, взятые у обследованных детей. Выделение ДНК осуществляли сорбентным методом с использованием комплекта реагентов производства НПФ «Литех». В качестве сайтов, содержащих одонуклеотидные полиморфизмы, были выбраны маркеры *rs7676539* (G>A) гена *ANXA5* и *rs8063760* гена *CALB2* (C>T). Для идентификации полимор-

физмов применяли амплификацию соответствующих участков методом аллель-специфической полимеразной цепной реакции с последующей детекцией ампликонов методом электрофореза в 3 % агарозном геле. В работе использованы тест-системы, разработанные в НПФ «Литех» (г. Москва).

Для статистической обработки данных использовался пакет «Statistica 6.0». Соотношения аллелей и генотипов в сравниваемых группах сопоставлялись с помощью метода χ^2 для таблиц 2×2 с использованием поправки Йетса в случаях наличия в таблице малых численностей (менее 10).

Результаты и обсуждение

Следует отметить, что информация о частотах генотипических вариантов двух выбранных полиморфных маркеров среди представителей различных этнических групп и в целом по миру является очень скудной. Единственным источником, предоставляющим такого рода данные для сравнения с собственными результатами, является всемирная база данных «dbSNP» (<http://www.ncbi.nlm.nih.gov/projects/SNP>). Такого рода сравнение позволяет, в какой-то степени, оценить корректность полученных результатов и в некоторых случаях выявить генетическую специфику изучаемой популяции. Изучение указанного источника показало, что представленные в работе данные о частотах полиморфизмов двух генетических маркеров являются уникальными для населения Сибири и, по всей видимости, Российской Федерации.

По результатам исследования материалов dbSNP о распространенности аллелей и генотипов маркера rs7676539 гена ANXA5 удалось сделать заключение о преобладании аллеля G (54 %) среди представите-

лей европеоидной принадлежности. Наши данные согласуются с этой информацией: в общей группе обследованных частоты аллелей G и A составили 55,5 % и 44,5 % соответственно. Безусловно, полученная нами выборка не является рандомизированной в связи с использованием при отборе показателя уровня интенсивности кариеса и поэтому не вполне соответствует популяции жителей изучаемого региона. Вместе с тем полученные данные достаточно точно характеризуют генетическую структуру такой популяции, учитывая высокую долю представителей двух рассмотренных нами когорт среди детского населения в целом [2, с. 36 – 40].

Аналогично, полученные нами данные о распространенности среди европеоидов Кемерово генетических вариантов полиморфного маркера rs8063760 гена CALB2 в значительной степени соответствуют информации dbSNP. Частоты аллелей C и T в изученной нами выборке составили 72,9 % и 27,1 %, тогда как соответствующие величины, установленные в наиболее объемной группе обследованных европеоидов, составили 73,3 % и 26,7 %.

Сопоставление частот генотипов полиморфного маркера rs7676539 гена ANXA5 у обследованных детей с различным уровнем кариеса показало отсутствие статистически значимых отличий между группами по всем наблюдаемым вариантам (таб. 1). В обеих группах преобладали генотипы, включающие аллель G, при значительном доминировании сочетания GA. Это связано с несколько большей частотой указанного аллеля по сравнению с альтернативным вариантом A как в группе здоровых обследованных (54,6 %), так и среди детей с очень высоким значением УИК (56,4 %).

Таблица 1

Частоты генотипов и аллелей полиморфного маркера rs7676539 гена ANXA5 у обследованных детей с различным уровнем кариеса

Группа	Показатель	Генотип			Аллель	
		GG	GA	AA	G	A
Здоровые (I группа, n = 97)	частота, %	28,9	51,5	19,6	54,6	45,4
	численность	28	50	19	106	88
С очень высоким УИК (II группа, n = 94)	частота, %	29,8	53,2	17,0	56,4	43,6
	численность	28	50	16	106	82
χ^2 (p)		0,02 (0,89) ^a	0,05 (0,82) ^б	0,21 (0,65) ^в	0,12 (0,73)	

Примечание: а – при сопоставлении генотипа GG со всеми прочими генотипами;

б – при сопоставлении генотипа GA со всеми прочими генотипами;

в – при сопоставлении генотипа AA со всеми прочими генотипами.

Относительное повышение распространенности варианта G во второй группе по сравнению с первой не носило достоверного характера ($\chi^2 = 0,12$; $p > 0,05$). Проведенный статистический анализ позволяет заключить, что вероятнее всего ни один ге-

нетический вариант изучаемого полиморфного маркера не является самостоятельно значимым при формировании предрасположенности или резистентности к кариесу среди дошкольников.

Сопоставлены частоты генотипов полиморфного маркера *rs8063760* гена *CALB2* в группе здоровых детей и у обследованных с очень высоким уровнем кариеса (таблица 2). Как видно, из всех генотипов лишь сочетание *CC* чаще встречалось среди обследованных группы II. Однако такое увеличение частоты не являлось статистически значимым ($\chi^2 = 0,77$; $p > 0,05$). Отмеченное недостоверное повышение распространенности одного из генотипов среди детей с очень высоким УИК объясняется смещением соотношения аллелей, ассоциированных с данным

маркером, в сторону повышения доли варианта *C*. В данной группе его частота достигла 75,3 %, тогда как в группе I эта величина составила 70,6 %. Сравнение соотношений частот аллелей в двух когортах показало отсутствие статистически значимого отличия между ними ($\chi^2 = 1,05$; $p > 0,05$). Очевидно, изолированные полиморфные варианты маркера *rs8063760* гена *CALB2* не являются информативными при выявлении риска развития детского кариеса.

Таблица 2

Частоты генотипов и аллелей полиморфного маркера *rs8063760* гена *CALB2* у обследованных детей с различным уровнем кариеса

Группа	Показатель	Генотип			Аллель	
		CC	CT	TT	C	T
Здоровые (I группа, n = 97)	частота, %	49,5	42,3	8,2	70,6	29,4
	численность	48	41	8	137	57
С очень высоким УИК (II группа, n = 95)	частота, %	55,8	38,9	5,3	75,3	24,7
	численность	53	37	5	143	47
χ^2 (p)		0,77 (0,38) ^a	0,22 (0,64) ^b	0,29 (0,59) ^b	1,05 (0,31)	

Примечание: а – при сопоставлении генотипа *CC* со всеми прочими генотипами;

б – при сопоставлении генотипа *CT* со всеми прочими генотипами;

в – при сопоставлении генотипа *TT* со всеми прочими генотипами.

Выводы

1. Частоты генетических вариантов маркеров *rs7676539* гена *ANXA5* и *rs8063760* гена *CALB2*, установленные нами в выборке дошкольников европейской принадлежности, проживающих в крупном городе Западной Сибири, согласуются с показателями, характерными для европеоидов в целом.

2. Наличие тех или иных генотипов или аллелей маркеров *rs7676539* и *rs8063760*, рассмотренных изолированно, не является фактором, достоверно повышающим риск возникновения кариеса среди детей европейской этнической принадлежности, проживающих на территории г. Кемерово.

Завершая обсуждение результатов исследования, следует отметить, что поиски генетических маркеров, ассоциированных с низкой устойчивостью зубной эмали к кариесогенным воздействиям, находятся в начальной стадии. Это в равной мере относится как к отечественным, так и зарубежным исследованиям. Поиск осложняется недостаточной разработанностью концепции генетического регулирования амелогенеза и отсутствием четкого представления о геной сети кариеса как мультифакторного заболевания. Для решения данного вопроса необходимы дальнейшие открытия и теоретические изыскания в области физиологии, биохимии и генетики твердых тканей зубов.

Литература

1. Волков, А. Н. Значение полиморфизма генов человека, участвующих в амелогенезе и формировании микросреды ротовой полости, для развития кариеса / А. Н. Волков, Л. Ю. Лошакова // Медицинская генетика. – 2011. – Т. 10. – № 2(104).
2. Волков, А. Н. Полиморфизм генетических маркеров *rs2664152* и *rs2664153*, расположенных в 5'-области, по соседству с геном *KLK4*, среди детей дошкольного возраста с различным уровнем кариеса / А. Н. Волков, Л. Ю. Лошакова, А. С. Сухих // Медицинская генетика. – 2011. – Т. 10. – № 9(111).
3. Корчагина, В. В. Лечение кариеса зубов у детей раннего возраста. – М.: МЕДпресс-Информ, 2008. – 168 с.
4. Стоматологический уровень здоровья: рекомендации по методике определения / под ред. П. А. Леус. – М., 1990. – 39 с.
5. Deeley, K. Possible association of amelogenin to high caries experience in a Guatemalan-Mayan population / K. Deeley, A. Letra, E. K. Rose et al. // Caries Res. – 2008. – V. 42.
6. Homann, V. Calcium transport in human salivary glands: a proposed model of calcium secretion into saliva / V. Homann, E. Kinne-Saffran, W. H. Arnold et al. // Histochem Cell Biol. – 2006. – V. 125.
7. Ouryouji, K. Analysis of mutations in the amelogenin and the enamel genes in severe caries in Japa-

nese pediatric patients / K. Ouryouji, Y. Imamura, Y. Fujigaki et al. // Pediatric Dental Journal. – 2008. – V. 18.

8. Patir, A. Enamel formation genes are associated with high caries experience in Turkish children / A. Patir, F. Seymen, M. Yildirim et al. // Caries Res. – 2008. – V. 42.

9. Rajpar, M. H. Mutation of the gene encoding the enamel-specific protein, enamelin, causes autosomal-dominant amelogenesis imperfecta / M. H. Rajpar, K. Harley, C. Laing et al. // Hum. Molec. Genet. – 2001. – V. 10.

10. Tetè, S. Microarray expression profiling of human dental pulp from single subject / S. Tetè,

F. Mastrangelo, A. P. Scioletti et al. // Clin Invest Med. – 2008. – V. 31(2).

11. Gerke, V. Annexins: from structure to function / V. Gerke, S. E. Moss // Physiol Rev. – 2002. – V. 82.

12. Wescott, D. C. Osteogenic gene expression by human periodontal ligament cells under cyclic tension / D. C. Wescott, M. N. Pinkerton, B. J. Gaffey et al. // J Dent Res. – 2007. – V. 86(12).

13. Wright, J. T. Human and mouse enamel phenotypes resulting from mutation or altered expression of AMEL, ENAM, MMP20 and KLK4 / J. T. Wright, T. C. Hart, P. S. Hart // Cells Tissues Organs. – 2009. – V. 189.

УДК: 582.711.71.

**ВЛИЯНИЕ СТИМУЛЯТОРОВ РОСТА
НА РАЗВИТИЕ И ПРОДУКТИВНОСТЬ ЗЕМЛЯНИКИ САДОВОЙ**
А. В. Заушинцева, П. В. Медведева

**THE GROWTH STIMULATORS EFFECTS ON DEVELOPMENT AND PRODUCTIVITY
OF CULTIVATED STRAWBERRY**
A. V. Zaushincena, P. V. Medvedeva

В статье приведены результаты исследований по влиянию стимуляторов роста на изменчивость количественных признаков у органов растения, на фотосинтез листьев и биологическую продуктивность сортов земляники садовой.

This article contains the results of study grows stimulators effects on changeability quantitative sings of plant organs, leaf photosynthesis and byologycal productivity of strawberry sorts

Ключевые слова: земляника садовая, стимулятор роста, препарат, фотосинтез, зимостойкость, масса ягод.

Keywords: Strawberry cultivated, grows stimulator, preparation, photosynthesis, winter responsibility, berry weight.

Земляника садовая крупноплодная (*Fragaria grandiflora* Erh.) используется в пищу за счёт таких ценных качеств, как скороспелость и содержание в плодах значительного количества витаминов, позволяющих снимать авитаминоз, а также ускорять выздоровление при многих заболеваниях [22, с. 175 – 181]. Особенно эта культура популярна в суровых условиях Сибири. Наряду с улучшением сортовых ресурсов необходимо совершенствовать технологии возделывания земляники [4, с. 309 – 318], направленные на повышение адаптивных свойств растений и увеличение продукции. В последние годы для улучшения качества растений и урожая широко апробируют стимулирующие препараты химического и биологического происхождения. Надо учитывать, что повысить устойчивость к стрессам возможно только за счёт применения биопрепаратов, разрешённых Министерством здравоохранения РФ. Исследования в этом направлении актуальны.

Цель исследований – усовершенствовать элементы технологии возделывания земляники за счёт применения стимуляторов роста.

Задачи исследований: выявить влияние биопрепаратов «Силк» и «Эпин» на структуру растения, фотосинтез, продуктивность и зимостойкость, устойчивость к болезням; выявить сорта, наиболее чувствительные к действию данных препаратов.

Объект и методы исследований

Объектами исследований являются биопрепараты «Силк» и «Эпин» и 6 сортов земляники садовой: Первоклассница, Александрина, Фестивальная Ромашка, Волшебница, Юния Смайде и Фестивальная. Препарат Силк создан на основе хвои пихты сибирской. Природные соединения, входящие в состав препарата, воздействуют на клеточное вещество растений, активизируя гены стрессоустойчивости, стимулируя иммунитет за счёт природного регулятора роста – абисетиновой кислоты, которая способствует ускорению деления клеток [4, с. 309 – 318]. Механизм действия заключается в повышении сопротивляемости растений отрицательным воздействиям окружающей среды и в активизации процессов фотосинтеза. Известно, что препарат эффективно воздействует на растения на первых стадиях их развития.

Действующее вещество препарата Эпин – эпибрасинолид, выделен из пыльцы *Brassica napus* L. (рапс). Принадлежит к классу брасиностероидов – природных гормонов растений. Механизм действия заключается в том, что препарат регулирует все защитные функции клетки, повышает устойчивость к заболеваниям, усиливая синтез нуклеиновых кислот и белка, повышая активность ферментов, изменяя

ультраструктуру и функции биологических мембран, ускоряя клеточное деление.

Исследование проведено на опытном поле Кемеровского государственного университета по схеме: вариант 1 – растения без обработки; вариант 2 – растения обработаны препаратом Силк; вариант 3 – растения обработаны препаратом Эпин. Обработка стимуляторами роста проведена помповым опрыскивателем марки «Квазар» в концентрации 0,005 % действующего вещества. Схема посадки растений – 20 x 100 см по 50 растений в ряду по каждому сорту на 10 п. м., в трёх повторностях. Всего было изучено по 150 растений каждого сорта по трём вариантам опыта.

В опыте учитывали: количество плодов на один куст, среднюю массу плода, массу плодов с куста, общую площадь листьев, выход рассады с одного куста, зимостойкость, устойчивость к серой гнили и белой пятнистости [7].

Результаты исследований и их обсуждение

Сорта неодинаково реагировали на обработку растений биостимуляторами. В целом по опыту наблюдалось повышение таких показателей, как площадь поверхности листа, количество плодов, средняя масса плода, выход рассады с одного куста с одновременным ограничением развития таких болезней, как белая пятнистость (*Ramularia tulassnei* (sacc.)) и серая гниль (*Botrytis cinerea* Pers.). Меньшую зависимость в развитии признаков и свойств показали сорта Первоклассница и Фестивальная. Наряду с ними выделены сорта Фестивальная Ромашка и Юния Смайдс, которые оказались более чувствительными к обработке препаратами.

Растения земляники незимостойки [7, с. 222 – 250], а климат Кемеровской области отличается суровыми условиями холодного периода [1, 5 – 7]. Поэтому изучение зимостойкости сортов земляники и отбор более выносливых и приспособленных из них для широкого культивирования является одной из важных задач сортоизучения [7, с. 222 – 250]. Растения, обработанные препаратами Силк и Эпин, лучше переносили зиму, имели меньшее количество подмёрзших рожков и листьев (на 20 %) по сравнению с контролем. Выпавших кустов не наблюдалось, а общая оценка посадок была значительно выше, чем в контрольном варианте.

В числе факторов, ограничивающих урожайность земляники, значатся слабый иммунитет к поражению болезнями и повреждению насекомыми. Для усовершенствования технологии возделывания земляники очень важно подбирать не только иммунные сорта, но и совершенные технологии выращивания. Исследуемые стимуляторы роста проявили фунгицидный эффект. Достоверно положительная реакция выявлена у сортов: Фестивальная Ромашка, Первоклассница, Фестивальная, Юния Смайдс и Волшебница при обработке Силком. В случае обработки Эпином показатели снижения за-

болеваемости у всех сортов близки к контролю. После обработки препаратами Силк и Эпин на 14 – 31 % и 4 – 9 % соответственно снижалось количество плодов, повреждённых серой гнилью (*Botrytis cinerea* Pers.).

Земляника сильно поражается белой пятнистостью, возбудителем которой является грибок *Ramularia tulasnei* (sacc.). Сильно поражаются листья растений земляники. При обработке препаратом Силк степень поражения снижалась на 5 – 18 %, после обработки Эпином – на 2 – 4 %.

Растение образует и накапливает все органические вещества в ходе процесса фотосинтеза. Свет является важнейшим его источником [3, с. 38 – 43]. Весенняя облиственность кустов земляники непосредственно связана с их урожайностью, а осенью большая масса листьев отмирает, образуя защитный утепляющий слой, способствуя лучшей перезимовке растений [10]. В ходе эксперимента под влиянием стимуляторов роста наблюдалось увеличение площади листовых пластинок в среднем на 6,8 – 21,7 % при обработке препаратом Силк и на 2,6 – 9,8 % – Эпином. Одновременно происходило увеличение числа листьев на 1 куст в среднем на 8,6 – 48,8 % (Силк) и на 3,4 – 17,4 % (Эпин) соответственно. Общее увеличение фотосинтезирующей поверхности при использовании препарата Силк составило от 24,3 до 42,7 %; по препарату Эпин – от 8,4 до 12,2 % (табл. 1).

Товарная урожайность – важнейшая характеристика сорта, отражающая его экономическую значимость. Применение препаратов вызвало увеличение количества завязавшихся ягод у всех сортов на 14,3 – 32,7 % под действием Силка; на 6,1 – 13,7 % – под действием Эпина. При этом происходило увеличение массы плодов на 11,4 – 30,6 % во втором варианте и 5,7 – 18,2 % соответственно в третьем. Урожай плодов земляники увеличился при обработке Силком на 30,9 – 67,0 % по сравнению с контролем, и на 13,6 – 27,1 % при обработке Эпином (табл. 2).

Расчет коэффициентов корреляции показывает прямую сильную зависимость урожая ягод земляники садовой от использования биопрепаратов Силк и Эпин в концентрации 0,005% ($r = 0,99 + 0,13$).

Важным качеством сорта является способность к вегетативному размножению. У исследуемых растений при обработке биопрепаратами наблюдался рост числа образующихся розеток. Обработка Эпином приводила к увеличению количества розеток на 0,7 – 11,8 % в среднем, обработка Силком – на 5,1 – 33,1 %, в зависимости от сортовых особенностей.

Учитывая существенные различия по эффективности двух изученных биопрепаратов, в условиях Кемеровской области предпочтительнее использовать «Силк», позволяющий увеличить урожай земляники на 30,9 – 67,0 % в зависимости от реакции сорта.

Таблица 1

**Влияние стимуляторов роста
на увеличение фотосинтезирующей поверхности листьев земляники садовой**

<i>Сорт</i>	<i>Вариант</i>	<i>Средняя площадь листовой пластинки, см²</i>			<i>Количество листьев в кусте, шт.</i>			<i>Общее увеличение фотосинтезирующей поверхности, см²</i>		
		<i>2007 г.</i>	<i>2008 г.</i>	<i>ср.</i>	<i>2007 г.</i>	<i>2008 г.</i>	<i>ср.</i>	<i>2007 г.</i>	<i>2008 г.</i>	<i>ср.</i>
Фести- вальная	Контроль	22,7	24,5	23,6	24	27	20,5	567,5	742,0	654,8
	Силк 0,005 %	25,9	28,3	27,1	29	32	30,5	751,1	933,9	842,5
	Эпин 0,005 %	24,9	25,7	25,3	27	31	27,0	672,3	784,3	728,3
Перво- классни- ца	Контроль	29,2	32,6	30,9	20	26	23,0	700,8	880,0	790,4
	Силк 0,005 %	31,5	34,5	33,0	24	30	32	913,0	1104,0	1008,0
	Эпин 0,005 %	30,2	33,1	31,7	21	27	24,0	755	959,9	857,5
Алек- сандри- на	Контроль	26,7	27,7	27,2	28	30	29,0	534,0	720,2	627,1
	Силк 0,005 %	30,3	35,4	32,4	30	33	31,5	727,2	1062,0	894,6
	Эпин 0,005 %	28,3	30,0	29,2	29	31	30,0	594,3	810,0	702,2
Фести- вальная Ромаш- ка	Контроль	26,4	28,8	27,6	25	29	27,0	739,0	864,0	801,5
	Силк 0,005 %	32,8	36,3	34,6	28	33	30,5	918,4	1197,0	1057,7
	Эпин 0,005 %	29,5	31,1	30,3	27	31	29,0	797,5	964,1	880,8
Вол- шебни- ца	Контроль	42,0	43,7	42,9	27	30	27,5	1050,	1267,3	1158,7
	Силк 0,005 %	45,8	47,0	46,4	30	32	31,0	1374,0	1504,0	1439,0
	Эпин 0,005 %	44,3	45,3	44,8	27	31	29,0	1196,1	1404,3	1300,2
Юния Смайдс	Контроль	41,4	44,1	42,8	25	28	26,5	1117,8	1323,0	1174,9
	Силк 0,005 %	46,8	49,7	48,3	29	33	31,0	1357,2	1643,4	1500,2
	Эпин 0,005 %	44,2	46,2	45,	27	30	22,5	1193,4	1386,0	1289,7
НСР 0,05		4,6	4,9	4,8	1,9	1,3	1,7	159,5	175,3	165,8

Таблица 2

Влияние стимуляторов роста на урожай плодов земляники садовой

<i>Сорт</i>	<i>Вариант</i>	<i>Количество завязавшихся плодов, шт/куст</i>			<i>Средняя масса плода, г</i>			<i>Биологический урожай плодов, г/куст</i>		
		<i>2007 г.</i>	<i>2008 г.</i>	<i>ср.</i>	<i>2007 г.</i>	<i>2008 г.</i>	<i>ср.</i>	<i>2007 г.</i>	<i>2008 г.</i>	<i>ср.</i>
Фестиваль- ная	Контроль	17	23	20,2	6,2	5,5	5,9	105,4	126,5	115,9
	Силк 0,005 %	22	30	26,0	7,1	7,7	7,4	156,2	231,2	193,6
	Эпин 0,005 %	18	25	21,8	6,5	7,1	6,8	117,0	177,5	147,3
Первокласс- ница	Контроль	23	27	24,7	8,5	9,1	8,8	195,5	245,7	220,6
	Силк 0,005 %	27	32	29,5	9,3	10,2	9,8	251,1	326,4	288,8
	Эпин 0,005 %	25	29	27,0	8,9	9,6	9,3	222,5	278,4	250,5

Продолжение таблицы 2

Александрина	Контроль	35	40	36,5	5,3	6,7	6,0	185,5	268,0	226,8
	Силк 0,005 %	38	48	43,0	7,1	7,9	7,5	269,8	379,2	324,5
	Эпин 0,005 %	37	44	40,5	6,5	7,2	6,9	240,5	316,8	278,7
Фестивальная Ромашка	Контроль	44	48	46,0	4,4	5,3	4,9	193,6	254,4	224,0
	Силк 0,005 %	51	55	53,0	5,8	6,9	6,4	295,8	379,5	337,4
	Эпин 0,005 %	48	52	50,0	5,1	6,2	5,7	244,8	322,4	283,6
Волшебница	Контроль	24	25	24,5	8,1	9,6	8,9	194,4	240,0	217,2
	Силк 0,005 %	27	29	28	10,7	11,0	10,8	288,9	319,0	303,9
	Эпин 0,005 %	25	27	26	9,0	10,2	9,6	225,0	275,4	250,2
Юния Смайде	Контроль	27	28	27,5	7,3	10,2	8,8	197,1	285,6	241,4
	Силк 0,005 %	35	38	36,5	9,1	12,0	11,5	318,5	456,0	387,3
	Эпин 0,005 %	30	32	31,0	8,3	11,4	10,4	249,0	364,8	306,9
НСР 0,05		6,5	6,1	6,2	1,2	1,3	1,25	40,5	62,6	51,5

Выводы. 1. Использование препаратов Силк и Эпин приводит к увеличению облиственности растений (на 3,4 – 48,8 %), площади листовых пластинок (на 2,6 – 21,7 %), фотосинтезирующей поверхности на единице площади (на 8,4 – 42,7 %), зимостойкости, устойчивости к белой пятнистости листьев (на 5 – 18 %) и к серой гнили (на 4 – 31 %).

2. Увеличение биологического урожая (на 13,6 – 67,0 %) обеспечено за счёт увеличения количества плодов на 2,3 – 32,0 % и средней массы ягод на 5,7 – 30,6 %.

3. Наибольший эффект (на 30,9 – 67,0 %) в повышении урожая земляники выявлен от применения препарата Силк.

4. Достоверная положительная реакция на обработку биопрепаратами выявлена у сортов: Первоклассница, Александрина, Фестивальная Ромашка и Юния Смайде.

Литература

1. Агроклиматические ресурсы Кемеровской области. – Кемерово, 1973.
2. Бахтеев, Ф. Х. Важнейшие плодовые растения / Ф. Х. Бахтеев. – М.: Просвещение, 1970.
3. Зубов, А. А. Генетические основы селекции земляники / А. А. Зубов // Генетика и наследование важнейших хозяйственных признаков плодовых растений: сб. докл. XIV Мичуринских чтений. – 1994.

4. Лутов, В. И. Влияние торфогулиновых удобрений и препарата Силк на рост земляники и формирование розеток на темно-серых лесных почвах Новосибирской области / В. И. Лутов, В. Ф. Северин // Проблемы устойчивого развития садоводства Сибири: материалы научно-практической конференции. – Барнаул, 2003.

5. Мещерякова, И. В. Защита растений на садовом участке / И. В. Мещерякова. – М.: Знание, 1992.

6. Попова, И. В. Изучение новых исходных форм в селекции на устойчивость к гнилям плодов / И. В. Попова, М. А. Верещагина // Защита растений при интенсивных технологиях: сб. науч. тр. – М., 1989.

7. Программа и методика сортоизучения плодовых, ягодных и орехоплодных культур. – Мичуринск, 1973.

8. Прокофьев, М. А. Вредители и болезни садов Сибири / М. А. Прокофьев. – Барнаул, 1966. – 63 с.

9. Пысина, С. В. Результаты работы по сортоизучению и селекции земляники в условиях Алтая / С. В. Пысина. – Новосибирск, 1997. – Ч. 1.

10. Юрков, А. С. Садоводство в Кузбассе / А. С. Юрков. – Кемерово: Кемеровское книжное издательство, 1989. – 23 с.

11. Яркова, К. Т. Селекция земляники / К. Т. Яркова // Программа и методика селекции плодовых, ягодных и орехоплодных культур. – Мичуринск, 1980.

УДК 575.174.015.3:615.273.53:572.79 (1-925.14)

ПОЛИМОРФИЗМ ГЕНА VKORC1 (C1173T), ОПРЕДЕЛЯЮЩЕГО ЧУВСТВИТЕЛЬНОСТЬ ИНДИВИДОВ К ВАРФАРИНУ, В ПОПУЛЯЦИЯХ КОРЕННЫХ ЭТНОСОВ СЕЛЬКУПОВ И ТУНДРОВЫХ НЕНЦЕВ, А ТАКЖЕ У РУССКИХ СЕВЕРНОЙ СИБИРИ***Р. П. Корчагина, Л. П. Осипова, Н. А. Вавилова, Е. Н. Воронина, М. Л. Филипенко*****THE POLYMORPHISM OF THE VKORC1 (C1173T) GENE, DETERMINING INDIVIDUAL SUSCEPTIBILITY TO WARFARIN, IN POPULATIONS OF INDIGENOUS PEOPLES OF SELKUPS AND TUNDRA NENETS AND IN THE RUSSIANS OF NORTHERN SIBERIA*****R. P. Korchagina, L. P. Osipova, N. A. Vavilov., E. N. Voronina, M. L. Filipenko***

Проведено исследование полиморфизма VKORC1 C1173T в популяциях коренных самодийских этносов, селькупов и тундровых ненцев, а также у русских Северной Сибири в связи с определением популяционной чувствительности к антикоагулянту варфарину. Показано, что в изученных самодийских популяциях, по сравнению с русскими Северной Сибири, существенно преобладает мутантный гомозиготный генотип VKORC1 1173TT, частота которого составляет 57,1 % у тундровых ненцев, 71,8 % у селькупов и 13,6 % у русских. Частоты аллеля VKORC1 1173T у самодийцев (74,7 % у тундровых ненцев; 84,6 % у селькупов) значительно и достоверно превышают таковые для русских Северной Сибири (36,9 %). Результаты проведенного исследования могут быть использованы в протоколах дозирования варфарина в целях достижения максимально безопасной и эффективной терапии.

In relation with determining population sensitivity to warfarin the study of the VKORC1 C1173T polymorphism in Northern Siberia populations of indigenous Samoedic peoples (Selkups and Tundra Nenets) and also in Russians has been conducted. It was revealed, the mutational genotype VKORC1 1173TT considerably dominations in studied Samoedic populations as compared with Russians. The frequencies of genotype VKORC1 1173TT were 57,1 % in Tundra Nenets, 71,8 % in Selkups and in 13,6 % Russians. The frequencies of VKORC1 C1173T allele in Tundra Nenets (74,7 %) and Selkups (84,6 %) essentially and reliably are above ones in Russians of Northern Siberia (36,9 %). Our data can be used in the protocols of recommendations for dosing warfarin with a view to reaching at most safe and efficient therapy in populations of native residents of Northern Siberia.

Ключевые слова: VKORC1 C1173T, антикоагулянт варфарин, коренные этносы Северной Сибири, real-time PCR.

Keywords: VKORC1 C1173T, anticoagulant warfarin, indigenous peoples of Northern Siberia, real-time PCR.

Введение

Ген VKORC1, локализованный на хромосоме 16 в области p12-q21, кодирует субъединицу 1 витамина К эпоксидредуктазного комплекса (VKOR). Белок VKORC1 состоит из 163 аминокислотных остатков общим размером 18 кДа [10, с. 127 – 140; 15, с. 347 – 353]. VKORC1 – это ключевой фермент в цикле витамина К, осуществляющий превращение неактивной формы витамин К 2,3-эпоксида в активную восстановленную форму витамин К-гидрохинон. Витамин К-гидрохинон является кофактором для фермента γ -глутамилкарбоксилазы, которая катализирует реакцию посттрансляционного карбоксилирования остатков глутаминовой кислоты в витамин К-зависимых белков (факторы свертывающей и противосвертывающей систем крови, белки костного метаболизма), тем самым активируя данные факторы [8, с. 1 – 7; 10, с. 127 – 140].

Фермент VKORC1 является «мишенью» для прямых антикоагулянтов кумаринового ряда, к которому относится варфарин, широко применяющийся в лечении и профилактике тромбозов, инфарктов и других сердечно-сосудистых осложнений [3, с. 177 – 179; 16, с. 1 – 6; 22, с. 1013 – 1021]. Однако во время терапии варфарином у пациентов могут развиваться нежелательные побочные реакции в виде кровотечений. Наиболее опасными из них являются желудочно-кишечные кровотечения и кровоизлияние в мозг [6, с. 72 – 77]. Для повышения безопасно-

сти применения антикоагулянта необходимо учитывать все предрасполагающие факторы к развитию кровотечений (вес, пол, возраст пациента, наличие сопутствующих заболеваний др.), в том числе и генетическую предрасположенность, обусловленную этнической принадлежностью индивида [5, с. 77 – 79; 13, с. 1609 – 1616; 14, с. 3827 – 3834].

Риск возникновения кровотечений у индивидов связан с полиморфизмом в нескольких генах [4, 7]. Одним из таких полиморфизмов является VKORC1 C1173T в гене VKORC1, обусловленный заменой остатка цитозина на остаток тимина в позиции 1173 первого интрона гена (rs9934438). Этот полиморфный вариант, приводящий к снижению активности фермента, ассоциирован с повышенной чувствительностью индивидов к варфарину [21, с. 262 – 270]. Индивидам с мутантным аллелем VKORC1 1173T требуются более низкие дозы варфарина, по сравнению с носителями нормального аллеля VKORC1 1173C, причем средняя ежедневная доза снижается на 43 % для гомозигот VKORC1 1173TT и на 22 % для гетерозигот VKORC1 1173CT [9, с. 645 – 649]. По данным разных исследователей, аллель VKORC1 1173T встречается примерно у 9 % африканцев, 36 – 45 % европейцев и 84 – 92 % азиатов [12, с. 611 – 613; 17, с. 1723 – 1729; 22, с. 1013 – 1021].

Основанием для проведения настоящего исследования является отсутствие сведений о распро-

странности полиморфизма *VKORC1 C1173T*, определяющего чувствительность индивидов к варфарину, в популяциях коренных малочисленных этносов и у русских Северной Сибири, в связи с повсеместно увеличивающейся в настоящее время частотой сердечно-сосудистых заболеваний. Цель исследования – изучить распределение полиморфизма *VKORC1 C1173T* в популяциях коренных самодийских этносов селькупов и тундровых ненцев, а также у русских Северной Сибири.

Материалы и методы

В исследовании приняли участие этнические представители селькупов и тундровых ненцев, проживающих в Ямало-Ненецком автономном округе (ЯНАО) РФ, а также русских, проживающих в ЯНАО и Красноярском крае (территория Северной Сибири). Тундровых ненцев и селькупов относят к самодийской ветви уральской языковой семьи. По антропологическим и генетическим данным, в их генофондах фиксируются европеоидная и монголоидная компоненты [1, с. 103 – 145; 2, с. 129 – 140]. Селькупский этнос в настоящее время представлен южными селькупками, расселенными в основном на территории Томской области, и северными селькупками, живущими на территориях Туруханского района Красноярского края и ЯНАО. Согласно переписи 2002 г, на территории ЯНАО проживают 1797 селькупов [http://www.perepis2002.ru/ct/html/TOM_13_01.htm]. Ненцы – самый крупный из самодийских этносов, который включает в себя европейских и сибирских тундровых и лесных ненцев. Тундровые ненцы составляют основу коренного населения ЯНАО и Ненецкого автономного округа. Согласно переписи 2002 г, на территории ЯНАО проживают

26435 ненцев [http://www.perepis2002.ru/ct/html/TOM_13_01.htm].

Генетический материал для исследования собирався во время экспедиций в Ямало-Ненецкий автономный округ и Красноярский край сотрудниками лаборатории популяционной этногенетики ИЦиГ СО РАН в период 1988 – 2009 гг. под руководством канд. биол. наук Л. П. Осиповой. Забор крови производился квалифицированным медицинским персоналом по международным правилам с использованием «Информированного согласия» от добровольцев, практически здоровых на момент исследования. Выборки, в которые не вошли метисы разных уровней от браков с русским и другими пришлыми этносами, были сформированы из пула этнических представителей селькупов (N = 330) и тундровых ненцев (N = 310). В исследование были также включены 346 представителей этнических русских Северной Сибири.

Образцы ДНК были выделены из лейкоцитарных фракций венозной крови стандартным фенол-хлороформным методом с использованием протеиназы К. Генотипирование однонуклеотидных замен в гене *VKORC1* проводилось в режиме реального времени с использованием конкурирующих TaqMan-зондов, комплементарных полиморфным участкам ДНК. Структуры праймеров и зондов приведены в таблице 1. Общий объем реакционной смеси составлял 25 мкл, смесь содержала ДНК с концентрацией 15 нг/мкл, 300 нМ каждого праймера; по 100 – 200 нМ Taqman-зондов, конъюгированных с FAM или R6G; 200 мкМ dNTPs, амплификационный буфер (650 мМ Tris-HCl, 240 мМ (NH₄)₂SO₄, 0,5 % Tween 20, 35 мМ MgCl₂), термостабильную Taq-полимеразу – 0,5 ед. акт./реакц.

Таблица 1

Структуры праймеров и зондов для локуса *VKORC1*

Последовательность праймеров	Последовательность зондов
5'-GGGAGGATAGGGTCAGTG-3'	5'R6G-CTAGTCCAAGGTCGATGATC-BHQ2-3'
5'-ACCTGGGCTATCCTCTGTTC-3'	5'-FAM-CCTAGTCCAAGAGTCGATGATC-BHQ2-3'

ПЦР проводилась в следующих условиях: начальная денатурация 1 мин 30 сек при 96 °С; затем 45 циклов, включающих денатурацию при 96 °С 8 сек, отжиг праймеров и последующую элонгацию при 60 °С в течение 40 сек (каждый шаг сопровождался регистрацией флуоресцентного сигнала в диапазонах, соответствующих интервалам флуоресценции флуорофоров FAM и R6G. Работа проводилась с использованием амплификатора iCycler iQ 4 (Bio-Rad, USA). Полученные данные обрабатывались с помощью программы «Bio-Rad iQ5». Популяционные частоты аллельных вариантов вычисляли на основе наблюдаемых частот генотипов. Оценку соответствия частот генотипов равновесию Харди-Вайнберга проводили с использованием критерия χ^2

(Пирсона), применяя on-line тест-программу [http://ihg2.helmholtz-muenchen.de/cgi-bin/hw/hwa1.pl] (при $p > 0,05$ равновесие выполняется). Оценку достоверности различий по частотам аллелей между исследованными выборками проводили по критерию χ^2 с помощью статистической программы Statistica 1993 (при $p < 0,05$ результаты считались достоверно значимыми).

Результаты и обсуждение

Распределение частот генотипов *VKORC1* представлено в таблице 2. Во всех выборках наблюдается соответствие распределения частот генотипов равновесию Харди-Вайнберга.

Таблица 2

**Частоты *VKORC1* – генотипов и их соответствие равновесию Харди-Вайнберга
в исследованных популяциях**

<i>Популяция</i>	<i>Размер выборки</i>	<i>Генотипы <i>VKORC1</i></i>			<i>Соответствие частот генотипов равновесию Харди-Вайнберга</i>
		<i>СС</i>	<i>СТ</i>	<i>ТТ</i>	
Селькупы	330	2,7 % (9)	25,5 % (84)	71,8 % (237)	$p = 0,638$
Тундровые ненцы	310	7,7 % (24)	35,2 % (109)	57,1 % (177)	$p = 0,216$
Русские Северной Сибири	346	39,9 % (138)	46,5 % (161)	13,6 % (47)	$p = 0,997$

Примечание: в скобках приведено количество лиц с определенным генотипом.

Выявлено, что в исследованных самодийских популяциях преобладает мутантный гомозиготный генотип *VKORC1 1173TT*, частота которого составила 57,1 % у тундровых ненцев и 71,8 % у селькупов. Высокие частоты мутантного генотипа, около 84 – 92 %, характерны также для монголоидных популяций [12, 20]. Однако в нашей выборке русских Северной Сибири, у русских, проживающих в Санкт-Петербурге, и в других европеоидных популяциях

доля гомозиготного мутантного генотипа *VKORC1 1173TT* существенно снижена и варьирует в пределах 14 – 19 % [11, с. 2020 – 2024; 12, с. 611 – 613; 17, с. 1723 – 1729; 19, с. 487; 22, с. 1013 – 1021].

Нами проведен парный сравнительный анализ частот мутантного аллеля *VKORC1 1173T* между исследованными и некоторыми другими популяционными выборками (таблица 3).

Таблица 3

Частоты *VKORC1 1173T* аллеля и достоверность различий между популяциями

<i>Популяция</i>	<i>Общее число ал- лелей</i>	<i>Частота ал- леля <i>VKORC1</i> 1173T, %</i>	<i>Селькупы</i>	<i>Тундровые ненцы</i>	<i>Русские Север- ной Сибири</i>
Селькупы	660	84,6		$\chi^2=2,1$; $p=0,15$	$\chi^2=80,2$; $p=0,00$
Тундровые ненцы	620	74,7	$\chi^2=2,1$; $p=0,15$		$\chi^2=54,7$; $p=0,00$
Русские Северной Сибири	692	36,9	$\chi^2=80,2$; $p=0,00$	$\chi^2=35,1$; $p=0,00$	
Европеоиды (Франция) [16]	878	40,0	$\chi^2=77,3$; $p=0,00$	$\chi^2=50,2$; $p=0,00$	$\chi^2=0,6$; $p=0,43$
Монголоиды (Китай, Han Chinese) [11]	780	92,0	$\chi^2=1,1$; $p=0,29$	$\chi^2=6,5$; $p=0,01$	$\chi^2=105,9$; $p=0,00$

Примечание: жирным шрифтом выделены достоверно различающиеся величины в парном сравнении.

Сравнительный анализ показал, что частота мутантного аллеля *VKORC1 1173T* выше у селькупов (84,6 %), чем у тундровых ненцев (74,7 %), но эти различия не являются достоверными ($p = 0,15$). Тем не менее частоты *VKORC1 1173T* в выборках тундровых ненцев и селькупов существенно и достоверно превышают таковые в выборках русских Северной Сибири и европеоидов Франции ($p = 0,00$), но являются более низкими по сравнению с частотами, наблюдаемыми в китайской выборке. Такое распределение *VKORC1 1173T* в популяциях показывает, что самодийцы занимают промежуточное положение между европеоидами и монголоидами по частотам встречаемости данного аллеля. Этот факт согласуется с антропологическими и генетическими данными о наличии в генофондах этих коренных этносов как европеоидной, так и монголоидной компонент.

Многими исследователями показано наличие ассоциации полиморфизма *VKORC1 C1173T* с повышенной чувствительностью пациентов-носителей этого варианта к варфарину и риску развития кровотечений [9, с. 645 – 649; 12, с. 611 – 613; 18, с. 996 – 998; 22, с. 1013 – 1021]. Выявление наличия подобной связи в популяциях коренных этносов Сибири (селькупов и тундровых ненцев) возможно будет провести при включении в исследование представителей указанных этносов, нуждающихся в терапии варфарином. На настоящий момент мы имеем выборки только практически здоровых индивидов. Однако исследование выявило, что мутантный вариант *VKORC1 1173T* широко распространен в исследованных популяциях, а особенно – среди самодийцев, поэтому, предполагая, что такая связь существует и у коренных этносов, – необходимо лечащим врачам в случае назначения терапии антикоагулянтом варфарином с осторожностью подбирать дозу лекарства

для индивидов с аллелем *VKORC1 1173T*. В особо чувствительную группу риска предположительно входят индивиды с гомозиготным генотипом – *VKORC1 1173TT*. Вероятно, для лиц с данным генотипом потребуются более низкие дозы препарата, чем для индивидов с генотипами *VKORC1 1173CT* и *CC*.

Таким образом, в настоящем исследовании впервые изучен полиморфизм гена *VKORC1 (C1173T)* в популяциях селькупов, тундровых ненцев и русских Северной Сибири в этническом контексте. Показаны резкие этнические различия между коренными самодийскими популяциями и русскими Сибири по частоте распространенности мутантного варианта *VKORC1 1173T*. Высказано предположение о существовании связи между наличием варианта *VKORC1 1173T* и чувствительностью к антикоагулянту варфарину у коренных самодийских этносов (селькупов и тундровых ненцев). Результаты проведенного исследования могут учитываться врачами при назначении терапии варфарином в целях достижения максимально безопасного и эффективного лечения на индивидуальном уровне среди исследованных лиц, а также в целях дополнительного изучения механизмов развития, лечения и профилактики сердечно-сосудистых заболеваний и других патологий, в которых задействованы витамин К-зависимые белки.

Финансовая поддержка данного исследования осуществлялась Интеграционным проектом № 5.5 (2006 – 2008 гг.), Гос. контрактом № 01-15/36 и экспедиционными грантами СО РАН № 1/8 за 2008 г. и № 1/2 за 2009 г. (для О.Л.П.); Интеграционными проектами СО РАН № 17 (2009-2011 гг.) и № 84 (2009-2011 гг.) (для Ф.М.Л.).

Авторы выражают глубокую благодарность представителям коренных этносов, принявшим участие в данном исследовании. А также Андреевскому О. В., Бочкареву М. Н., Зубкову Е. А. за выделение образцов ДНК; Бурлаковой Н. А., Чуркиной Т. В., Молеотовой Н. А., Карафет Т. М. и Венреву С. Г. за помощь в проведении экспедиционных исследований.

Литература

1. Дебеч, Г. Ф. Селькупы (антропологический очерк) [Текст] / Г. Ф. Дебеч // Труды института этнографии. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1947.
2. Осипова, Л. П. Генетические маркеры иммуноглобулинов (система Gm) для оценки процессов миграции и метисации в популяциях человека в Северной Сибири [Текст] / Л. П. Осипова // Сибирский экологический журнал. – 1994. – Т. 1. – № 2.
3. Панченко, Е. П. Венозные тромбозы в терапевтической клинике. Факторы риска и возможности профилактики [Текст] / Е. П. Панченко // Сердце. – 2002. – Т. 1. – № 4. – Вып. 4.
4. Сироткина, О. В. Аллельные варианты *CYP2C9*2* и *CYP2C9*3* гена цитохрома *CYP2C9* в популяции Санкт-Петербурга и их клиническое значение при антикоагулянтной терапии варфарином

[Текст] / О. В. Сироткина, А. С. Улитина, А. Е. Тараскина и др. // Российский кардиологический журнал. – 2004. – № 6.

5. Сычев, Д. А. Генетическая основа чувствительности к непрямых антикоагулянтам: фокус на полиморфизм генов *VKORC1* и *APOE* [Текст] / Д. А. Сычев, И. В. Игнатьев, В. Г. Кукуес // Российский кардиологический журнал. – 2005. – Т. 55.

6. Сычев, Д. А. Фармакогенетика непрямых антикоагулянтов: значение генотипа в повышении эффективности и безопасности терапии [Текст] / Д. А. Сычев, Е. С. Кропачева, И. В. Игнатьев и др. // Кардиология. – 2006. – № 7.

7. Caldwell, M. D. *CYP4F2* genetic variant alters required warfarin dose [Text] / M. D. Caldwell, T. Awad, J. A. Johnson // Blood. – 2008. – Vol. 111. – No. 8.

8. Crawford, D. *VKORC1* common variation and bone mineral density in the third national health and nutrition examination survey [Text] / D. Crawford, K. Brown-Gentry, M. Rieder // PLoS ONE. – 2010. – Vol. 5. – No. 12.

9. D'Andrea, G. A polymorphism in the *VKORC1* gene is associated with an interindividual variability in the dose-anticoagulant effect of warfarin [Text] / G. D'Andrea, R. L. D'Ambrosio, P. D. Perna et al. // Blood. – 2005. – Vol. 105. – No. 2.

10. D'Andrea, G. Oral anticoagulations: Pharmacogenetics Relationship between genetic and non-genetic factors [Text] / G. D'Andrea, R. L. D'Ambrosio, M. Margaglione // Blood Reviews. – 2008. – Vol. 22.

11. Lacut, K. Vitamin K epoxide reductase genetic polymorphism is associated with venous thromboembolism: results from the EDITH study [Text] / K. Lacut, C. Larramendy-Gozalo, G. Le Gal et al. // Journal of Thrombosis and Haemostasis. – 2007. – Vol. 5.

12. Larramendy-Gozalo, C. Genetic polymorphism of vitamin K epoxide reductase (*VKORC1*) 1173C>T in a Chinese and a Caucasian population [Text] / C. Larramendy-Gozalo, J. Q. Yang, C. L. Verstuyft et al. // Pharmacology and Toxicology. – 2006. – Vol. 98.

13. Lee, M. *VKORC1* haplotypes in five East-Asian populations and Indians [Text] / M. Lee, C. Chen, H. Chuang // Pharmacogenomics. – 2009. – Vol. 10. – No. 10.

14. Limdi, N. A. Warfarin pharmacogenetics: a single *VKORC1* polymorphism is predictive of dose across 3 racial groups [Text] / N. A. Limdi, M. Wadelius, Cavallari L. et al. // Blood. – 2010. – Vol. 115. – No. 18.

15. Oldenburg, J. Vitamin K epoxide reductase complex subunit 1 (*VKORC1*): the key protein of the vitamin K cycle [Text] / J. Oldenburg, C. G. Bevans, C. R. Muller, M. Watzka // Antioxid Redox Signal. – 2006. – Vol. 8. – No. 3–4.

16. Oldenburg, J. *VKORC1*: molecular target of coumarins [Text] / J. Oldenburg, M. Watzka, S. Rost, C. R. Muller // Journal of Thrombosis and Haemostasis. – 2007. – Vol. 5. – No. 1.

17. Osman, A. Main haplotypes and mutational analysis of vitamin K epoxide reductase (*VKORC1*) in a

Swedish population: a retrospective analysis of case records [Text] / A. Osman, C. Enstrom, K. Arbrink, P. Soderkvist, L. Lindahl // Journal of Thrombosis and Haemostasis. – 2006. – Vol. 4.

18. Reitsma, P. H. *C1173T* dimorphism in the *VKORC1* gene determines coumarin sensitivity and bleeding risk [Text] / P. H. Reitsma, J. F. van der Heijden, A. P. Groot, F. R. Rosendaal, H. R. Buller // PLOS Medicine. – 2005. – Vol. 2. – No. 10.

19. Sirotkina, O. The vitamin K epoxide reductase gene polymorphisms and pharmacogenetics of warfarin [Text] / O. Sirotkina, A. Ulitina, A. Markov, T. Vavilova // Journal of Thrombosis and Haemostasis. – 2007. – Vol. 5. – No. 2.

20. Suh, J. W. Vitamin K epoxide reductase complex subunit 1 gene polymorphism is associated with

atherothrombotic complication after drug-eluting stent implantation: 2 – Center prospective cohort study [Text] / J. W. Suh, S. H. Baek, J. S. Park et al. // Am. Heart. J. – 2009. – Vol. 157. – No. 5.

21. Wadelius, M. Common *VKORC1* and *GGCX* polymorphisms associated with warfarin dose [Text] / M. Wadelius, L. Y. Chen, K. Downes et al. // Pharmacogenomics Journal. – 2005. – Vol. 5.

22. Wang, Y. Regulatory polymorphism in Vitamin K epoxide reductase complex subunit 1 (*VKORC1*) affects gene expression and warfarin dose requirement / Y. Wang, H. Chen, K. M. Moramy // Blood. – 2008. – Vol. 112. – No. 4.

УДК 581.9 (574)

ФЛОРИСТИЧЕСКИЕ НАХОДКИ НА ТЕРРИТОРИИ НАЦИОНАЛЬНОГО ПАРКА «БУРАБАЙ»

Г. Ж. Султангазина, А. Н. Куприянов

FLORISTIC FINDINGS WITHIN THE "BURABAJ" NATIONAL PARK

G. J. Sultangazina, A. N. Kuprijanov

В статье приводятся сведения о распространении 23 редких растений, произрастающих на территории национального парка «Бурабай», расположенного в зоне лесостепи Казахского мелкосопочника.

The article gives information on the distribution of 23 rare plants growing within the national park "Burabaj" located in the forest-steppe zone of the Kazakh hills.

Ключевые слова: национальный парк, реликты, редкие виды.

Keywords: national park, relicts, rare species.

На территории Центрального Казахского мелкосопочника Кокчетавская возвышенность и прилегающие к ней территории являются наиболее интересными во флористическом отношении. Флористическую особенность территории отмечали многие ботаники [2, 3, 4, 8]. Эта территория относится к степной области, но близость к зоне лесостепи Западно-Сибирской равнины накладывает отпечаток на флору и растительность. Е. И. Рачковская считает, что здесь сформирован изолированный участок лесостепи низкогорий. От зональной лесостепи Западной Сибири Кокчетавская возвышенность отделена довольно неширокой полосой (не более 100 км) богато-разнотравно-морковниково-красноковыльных степей [7].

Здесь значительные площади занимают сосновые боры северного таежного типа: лишайниковые сосняки (с участием *Cladonia sylvatica*, *C. alpestre*, *C. rangiferina*), зеленомошные сосняки (*Pleurosim schreberi*, *Hylocomium proliferum*, *Ptilium crista-castrensis*) и остепненные травяные сосняки. Существование сосняков на гранитах обусловлено матрацевидным сложением гранитов и более высоким увлажнением территории [4]. Наибольший интерес представляют редкие растения бореальной флоры, не свойственной степной зоне.

Для сохранения уникального биоразнообразия в 1935 году был создан заповедник «Боровое». Запо-

ведник просуществовал 16 лет и был ликвидирован в 1951 г. В 2000 году на этой же территории создан Государственный национальный природный парк «Бурабай» (Боровое). Он расположен на территории Бурабайского, и Енбекшильдерского районов Акмолинской области, площадь 129935 га (табл. 1).

Национальный парк занимает Боровской горнолесной массив, расположенный в восточной части Кокшетауской возвышенности (северо-западная часть Казахского мелкосопочника). Наибольшая высота хребта Кокшетау 887 м (г. Синюха). Хребет сложен из глубинных магматических пород, в основном из гранитов. Встречаются также пегматиты, сиениты, порфириды. Внедрившаяся когда-то из глубин земли расплавленная магма преобразовала состав поверхностных осадочных пород. Образовались метаморфические горные породы – кристаллические сланцы, кварциты, кремнистые известняки. В результате тысячелетнего размывания и выветривания горных пластов появились каменные глыбы необычайно оригинальных очертаний, напоминающие башни, стены, столы, чудовища. С востока к хребту Кокшетау прилегают более низкие участки гор, где пологие увалы, сопки, гряды чередуются с межсопочными понижениями, равнинами и западинами.

Таблица 1

**Распределение территории ГНПП «Бурабай»
с учетом расширения по функциональным зонам в пределах лесничеств**

Наименование лесничеств	Общая площадь в границах ГНПП, га	Функциональные зоны			
		заповедная	экологической стабилизации	рекреационной деятельности	ограниченной хозяйственной деятельности
Акылбайское	10153	1463	5484	1248	1958
Боровское	14667	1144	6461	4691	2371
Мирное	18074	2384	4930	-	10760
Золотоборское	11025	1665	1600	-	7760
Бармашинское	9625	1470	4185	2870	1100
Катаркольское	10516	-	1440	789	8287
Приозерное	9451	1330	6100	735,5	1285,5
Буландинское	12129	808,1	1643,1	-	9677,8
Жалайырское	17026	1275,7	5896,4	311,7	9542,2
Темноборское	14254	2529,8	5269,5	1465	4989,7
Участки, не входящие в лесничества	3015	-	-	-	3015
Всего	129935	14069,6	43009	12110,2	60746,2

Территория образует уникальный для Центрального Казахстана ландшафт, где сочетаются низкие горы, пресные озера, боровые сосновые или смешанные лиственно-хвойные леса. Площадь лесов составляет более 57 %, а акватории озер – более 8 % (табл. 2). Разнообразие рельефа, большое количество озер, степных рек создали условия поселения и сохранения большого количества мезофильных, бореальных видов, совершенно не свойственных степной зоне.

Таблица 2

**Распределение территории национального парка
по категориям земель и их изменения по учету
в 2010 году**

Категория	Площадь, га	
	территория	доля от общей площади, %
Общая площадь	129434	100.0
В том числе: наземные экосистемы	118117	91.26
акватория	11317	8.74
I. Лесная площадь, в том числе покрытая лесом	74285	57.39
не покрытая лесом	11548	8.92
II. Нелесная площадь, в том числе: пашни	394	0.3
сенокосы	1377	1.06
пастбища	4771	3.69
дороги, просеки, каналы, трассы ЛЭП	1659	1.28
болота	609	0.4
прочее	18388	14.21

Ботанические исследования проводились маршрутным методом. Всего собрано около 500 листов гербария, хранящегося в Гербарии национального парка, Костанайском университете, Институте экологии человека СО РАН (KUZ). Названия растений даны с использования справочника С. А. Абдулиной [1] (1999), который учитывал изменение номенклатуры растений после выхода в свет «Флоры Казахстана».

Lycopodium complanatum (L.) Holub (*Lycopodiaceae* Mirbel) – кустарничковидный вечнозеленый наземно-ползучий плаун. Голарктический вид. Для Центрального Казахстана плейстоценовый реликт нуждается в охране. П. Л. Горчаковским [2] обнаружен у подножья Май-горы на восточном берегу озера Карасьего, в сырых березово-сосновых лесах. Нами найден на территории Акылбайского лесничества, в сосновом бору в верховьях Иманаевского ручья. Местонахождение приурочено к соснякам мшисто-ягодниковых, где обитает среди камней, крупных валунов, в глубоких расщелинах. Площадь популяции около 500 м², жизненное состояние хорошее.

Matteuccia struthiopteris (L.) Todaro (*Onocleaceae* Pichi Sermolli) – многолетний травянистый летнезеленый вертикально розеточный папоротник. Голарктический вид. На Кокчетавской возвышенности проходит южная граница ареала, более на территории Центрального Казахстана папоротник нигде не найден. Единичные находки сделаны В. Ф. Семеновым [2] без обозначения конкретного местонахождения и П. Л. Горчаковским [2] на территории Боровского лесничества. Нами обнаружены: Бармашинское лесничество, в сырых тенистых лесах, по лесистым берегам водоемов; Боровское лесничество, берег Иманаевского ручья, березово-сосновый лес, разнотравно-маттеучево сообщество; Акылбайское лесничество, берег оз. Лебединое, пойма

ручья Тасбулак, сосновый лес; верховье Иманаевского ручья подножье горы Кокшетау, заболоченный березово-сосновый лес, осоково-папоротниковое сообщество.

Cystopteris fragilis (L.) Bernh. (Athyriaceae Alston) – многолетний травянистый летнезеленый короткокорневищный папоротник. Голарктический вид. Плейстоценовый реликт для Центрального Казахстана распространен главным образом в восточной части, в горах Баянаул, Каркаралы [6]. Найден на территории Боровского лесничества, верховье Иманаевского ручья под мшистыми скалами, по глубоким расселинам.

Pteridium aquilinum (L.) Kuhn. (Hypolepidaceae Pichi Sermolii) – многолетний травянистый летнезеленый безрозеточный длиннокорневищный папоротник. Плурирегиональный вид. На территории Казахского мелкосопочника встречается редко [5]. Найден: Боровское лесничество, березово-сосновый лес; Акылбайское лесничество, берег оз. Лебединое, пойма ручья Тасбулак, сосновый лес; пойма ручья Тасбулак, сосновый лес; верховье Иманаевского ручья подножье горы Кокшетау, заболоченный березово-сосновый лес, осоково-папоротниковое сообщество; Катаркольское лесничество, урочище «Сухой бор», возле родника, сосновый лес.

Juniperus communis L. (Cupressaceae Bartling) – вечнозеленый кустарник. Бореальный евроазиатский вид. Растение бореальной зоны, тяготеющее к широколиственным лесам и являющееся плейстоценовым реликтом, и П. Л. Горчаковский [2] приводит этот вид для вершины горы Синюха, в тенистых, влажных местах. Найдены: Акылбайское лесничество (кв. 42 (выдел: 11), кв. 16 (выдела 12, 13, 19), кв. 68 (выдела 12, 23), берег озера Лебединое на горным склонах, гранитах и других породах, под пологом соновых, сосново-березовых лесов;

Festuca pratensis Huds. (Poaceae Barnhart) – многолетнее травянистое летнезеленое рыхлокустовое дерновинное растение. Растение с широким евроазиатским ареалом, расширяющимся за счет культивирования во многих странах как кормовое и газообразующее растение. З. В. Карамышева и Е. И. Рачковская [4] указывали на два местонахождения этого вида на территории Казахского мелкосопочника, сделанные в начале прошлого века: по берегу реки Ишим, по дороге между Атбасаром и пос. Кийма, у родника (Голоскоков) и на Кокчетавской возвышенности, на лугу по берегу озера, вблизи пос. Арык-Балыкский (Дробов). Найдено: Акылбайское лесничество; на лугах и лесных полянах; Приозерное лесничество, разреженный березовый лес.

Carex canescens L. (Cyperaceae A. L. Jussieu) – многолетнее травянистое летнезеленое рыхлокустовое дерновинное растение. Голарктический, голантарктический вид. Растение характерно для сфагновых болот. Для Казахского мелкосопочника плейстоценовый реликт. Найдено: Акылбайское лесничество, на сфагновом болоте, в заболоченных лесах; Буландинское лесничество, кв. 89, сфагновое болото.

Carex rostrata Stokes (Cyperaceae A. L. Jussieu) – многолетнее летнезеленое травянистое длиннокорневищное растение. Голарктический вид. Растение редкое для мелкосопочника, приводится З. В. Карамышевой и Е. И. Рачковской только для Восточно-Казахстанского мелкосопочника, находится на краю ареала. П. Л. Горчаковским [2] приводится для окр. пос. Боровое на болотах и заболоченных березовых лесов. Найдено: Акылбайское лесничество, по травяным болотам и заболоченным лугам.

Luzula palescens (Wahl.) Bess. [*L. pallidula* Kirschner] (Juncaceae Jussieu) – многолетнее травянистое летнезеленое рыхлокустовое дерновинное растение. Бореальный евроазиатский вид, заносной в Сев. Америке. На территории Казахстана встречается довольно редко: горы Улутау, Каркаралы, Баянаул, Кызырай [4]. Найдено: Боровское лесничество, в тенистых лесах, в болотах; Мирное лесничество, берег оз. Жанасу-Копя; Акылбайское лесничество, верховье Иманаевского ручья, подножье горы Кокшетау, заболоченный березово-сосновый лес; Бормашинское лесничество, берег оз. М. Карасу, сосняк мшисто-ягодниковый.

Iris sibirica L. (Iridaceae A. L. Jussieu) – многолетнее травянистое летнезеленое короткокорневищное растение. Бореальный евроазиатский вид. Чрезвычайно редкое растение Казахского мелкосопочника. Известно нахождение в горах Каркаралы, Кент, на территории Восточно-Казахстанского мелкосопочника [6]. Найдены: Бармашинское лесничество, на сырых лугах; Золотоборское лесничество, разреженный березовый лес, суходольные луга; Буландинское лесничество, березово-сосновый лес; Бормашинское лесничество, кв. 211, березовый лес.

Cypripedium calceolus L. (Orchidaceae A. L. Jussieu) – многолетнее травянистое летнезеленое длиннокорневищное растение. Бореально-неморальный евроазиатский вид. Вид чрезвычайно редкий на территории Центрального Казахстана. По данным З. В. Карамышевой и Е. И. Рачковской [4] единственный сбор этого вида сделан Игнатовым и Пиотровским в 1902 году на берегу оз. Котурколь, позднее этот же сбор приводится П. Л. Горчаковским [2]. Найдено: Бармашинское лесничество, кв. 211, лиственные и смешанные леса, луга и кустарниковые заросли; кв. 216, возле родника, березовый лес; Боровское лесничество, кв. 14, березняк; Катаркольское лесничество, кв. 4 (выдел 24), березово-сосновый лес; кв. 11, сосново-березовый лес; Мирное лесничество, кв. 15, березовый лес.

Dactylorhiza majalis (Reichenb.) PF (Orchidaceae A. L. Jussieu) – многолетнее травянистое летнезеленое клубневое растение. Евроазиатский вид. Вид редкий на территории Казахского мелкосопочника, его распространение связано с заливаемыми поймами степных рек. Найдено: Бармашинское лесничество, на сырых заболоченных лугах;

Nymphaea alba L. Canohda. (Nymphaeaceae R. A. Salisbury) – водное травянистое летнезеленое, длиннокорневищное растение. Евроазиатский бореальный вид. Сокращается численность растения в популяциях, сокращение популяций связано с

уменьшением малых рек и загрязнением водоемов. Найдено: Акылбайское лесничество, кв. 68, оз. Лебедино; Бормашинское лесничество, озеро Малое Карасу.

Растение исчезающее, угроза существования вида – обмеление и заболачивание озер. В настоящее время почти полностью заболочены озера Малое Карасу, Светлое; озеро Чебачье распалось на три озера: Большое Чебачье, Малое Чебачье, Майбалык, которое в летний период практически высыхает. Многие мелкие озера высохли и превратились в ямы.

Hesperis sibirica L. (Brassicaceae Burnett) – двулетнее стержнекорневое растение. Восточно-палеарктический вид. Растение чрезвычайно редкое на территории Казахского мелкосопочника, немногочисленные сборы этого вида относятся к Восточному мелкосопочнику [4]. Найдено: Боровское лесничество, в лесах, кустарниках, обрывах, на лугах по берегам рек и озер.

Cerasus fruticosa Pall. (Rosaceae A. L. Jussieu) – летнезеленый кустарник. Панонско-причерноморско-западноказахстанский вид. На Кокчетавской возвышенности проходит восточная граница ареала этого вида. Найдено: Золотогорское лесничество, опушка березового леса. Растение образует характерные кустарниковые заросли совместно с *Achillea setacea*, *Artemisia latifolia*, *A. macrantha*, *Calamagrostis epigeios*, *Filipendula vulgaris*, *Phlomis tuberosa*, *Pulsatilla patens*, *Rosa acicularis*, *Rubus saxatilis*, *Solidago virgaurea*.

Hippophae rhamnoides L. (Elaegnaceae A. L. Jussieu) – летнезеленый кустарник. Евразийский вид. Естественный ареал растения распространен на юге Казахстана по поймам горных рек и на севере, по поймам сибирских рек. Растение легко селится на нарушенных землях и вполне возможно, что оно «убежало» из культуры. Для Центрального Казахстана приводится впервые. Найдено: Приозерное лесничество, хорошо освещенные места, по скалам и обрывам. Многочисленные заросли облепихи появляются на окраине г. Боровое и по берегу оз. Боровое.

Chimaphila umbellata (L.) W. Barton (Pyrolaceae Dumortier) – Вечнозеленый длиннокорневищный кустарничек. Циркумбореальный вид. В Центральном Казахстане отмечено для гор Каркаралы [4]. П. Л. Горчаковский [2] приводит его для берегов озер Щучье и Карасье, по Иманаевскому ручью. Найдено: Бармашинское лесничество, в сосновых лесах; Акылбайское лесничество, кв. 68, пойма ручья Тасбулак, берег озера Лебедино.

Orthilia secunda L. House. (Pyrolaceae Dumortier) – вечнозеленый длиннокорневищный кустарничек. Циркумбореальный вид. Встречается реже предыдущего вида и известно из гор Кент, Каркаралы [6, с. 5 – 38]. Найдено: Акылбайское лесничество, верховье Иманаевского ручья, подножье горы Кокшетау, заболоченный сосново-березовый лес; Бармашинское лесничество, кв. 134, березово-сосновый лес, сосняк мшисто-ягодниковый, болото с остров-

ками сфагнума; берег оз. Малое Карасу, березово-сосновый лес.

Pyrola rotundifolia L. (Pyrolaceae Dumortier) – вечнозеленый длиннокорневищный кустарничек. Циркумбореальный вид. Растение приурочено исключительно к зеленомошным соснякам. Найдено: Акылбаевское лесничество, верховье Иманаевского ручья, сосняк мшисто-ягодниковый.

Vaccinium vitis-idaea L. (Vacciniaceae J. Lindley) – вечнозеленый длиннокорневищный кустарничек. Циркумбореальный вид. На Кокчетавских высотах единственное нахождение этого бореального вида в Центральном Казахстане. Найдено: Акылбаевское лесничество, верховье Иманаевского ручья, сосновый лес; Бормашинское лесничество, берег оз. Малое Карасу, там же: сосняк мшисто-ягодниковый.

Menyanthes trifoliata L. (Menyanthaceae Dumortier) – многолетнее травянистое летнезеленое длиннокорневищное растение. Циркумбореальный вид. Кокчетавские высоты единственное местонахождение этого вида на территории Центрального Казахстана. Найдено: Бормашинское лесничество: берег озера Малое Карасу, травянисто-клюквенно-вахтовое сообщество; березняк болотный; Акылбаевское лесничество: берег оз. Светлое, березовый лес.

Linnaea borealis L. (Caprifoliaceae A. L. Jussieu) – вечнозеленый кустарничек с надземно-ползучими побегами. Циркумбореальный вид. Кокчетавские высоты единственное местонахождение этого вида на территории Центрального Казахстана. Найдено: Акылбайское лесничество, сосновый лес; Бармашинское лесничество, берег озера Малое Карасу; Акылбайское лесничество, берег оз. Светлое, в пойме Иманаевского ручья; березовый лес; верховье Иманаевского ручья, подножье горы Кокшетау, заболоченный сосново-березовый лес.

Artemisia glauca Pall. (Asteraceae Dumortier) – многолетнее травянистое летнезеленое длиннокорневищное растение. Азиатский вид. Это растение луговых степей Западно-Сибирской равнины и на территории Казахского мелкосопочника встречается крайне редко. Найдено: Бармашинское лесничество, на лугово-степных склонах; Золотогорское лесничество, степной каменистый участок, разнотравно-ковыльное сообщество; Катаркольское лесничество, кв. 5, типчаково-ковыльная степь; Боровское лесничество, кв. 96, разнотравно-овсецовая степь, осоково-типчаковая степь, разнотравно-типчаковая степь.

Таким образом, среди редких растений наиболее многочисленна группа лесных видов с голарктическим ареалом (*Lycopodium complanatum*, *Matteuccia struthiopteris*, *Cystopteris fragilis*, *Carex canescens*, *Carex rostrata*, *Chimaphila umbellata*, *Orthilia secunda*, *Pyrola rotundifolia*, *Vaccinium vitis-idaea*, *Menyanthes trifoliata*, *Linnaea borealis*, в некотором отношении – *Hesperis sibirica*). Так же многочисленна группа евроазиатских растений (*Juniperus communis*, *Festuca pratensis*, *Luzula palescens*, *Iris sibirica*, *Cypripedium calceolus*, *Dactylorhiza majalis*, *Nymphaea alba*, *Cerasus fruticosa*), среди которых появляются агрессивные виды (*Hippophae*

rhamnoides). Среди редко встречаемых видов только один вид имеет обширный плурегиональный (*Pteridium aquilinum*) и узкий азиатский (*Artemisia glauca*) ареалы.

Литература

1. Абдулина, С. А. Список сосудистых растений Казахстана [Текст] / С. А. Абдулина – Алма-Аты, 1999. – 187 с.
2. Горчаковский, П. Л. Лесные оазисы Казахского мелкосопочника [Текст] / П. Л. Горчаковский. – М., 1987. – 158 с.
3. Грибанов, Л. Н. Степные боры Алтайского края и Казахстана [Текст] / Л. Н. Грибанов. – М.; Л.: Гослесбумиздат, 1960. – 156 с.
4. Карамышева, З. В. Рачковская Е.И. Ботаническая география степной части Центрального Казахстана. [Текст] / З. В. Карамышева, Е. И. Рачковская. – Л., 1973. – 276 с.

5. Куприянов, А. Н. Охраняемые растения Карагандинской области [Текст] / А. Н. Куприянов. – Караганда, 1993. – 37 с.

6. Куприянов, А. Н. Список растений Каркаралинского национального парка [Текст] / А. Н. Куприянов, В. Г. Михайлов // Ботанические материалы Сибири и Казахстана. – Кемерово, 2007.

7. Рачковская, Е. И. Карта природных зон, подзон, высотных поясов Казахстана [Карта] / Е. И. Рачковская, Р. Е. Садвакасов. – Алма-Аты, 2007.

8. Семенов, В. Ф. Список и таблица распространения дикорастущих сосудистых растений в пределах бывшей Акмолинской области [Текст] / В. Ф. Семенов // Тр. Сибирского ин-та сельского х-ва и лесоводства. – Омск, 1928. – Т. 28. – Вып. 14.

ИНФОРМАТИКА

УДК 004.42

ПРИМЕНЕНИЕ МЕХАНИЗМА ДОПОЛНИТЕЛЬНЫХ МОДУЛЕЙ ДЛЯ РЕАЛИЗАЦИИ РАСШИРЯЕМОЙ АЛГОРИТМИЧЕСКОЙ БАЗЫ ПРЕДМЕТНОЙ ОБЛАСТИ

К. Ю. Войтиков, А. Н. Моисеев, П. Н. Тумаев

REALIZATION OF EXPANSIBLE ALGORITHMS' BASE FOR PROBLEM DOMAIN VIA PLUG-IN TECHNIQUE

K. Yu. Voytikov, A. N. Moiseev, P. N. Tumaev

В работе представлено архитектурное решение для построения программных систем с динамическим подключением классов предметной области. Решение ориентировано на приложения, не требующие конкретизации классов на этапе первоначальной реализации. Предложенное решение основано на паттернах объектно-ориентированного проектирования «Дополнительный Модуль» и «Создатель», обеспечивает не только динамическое инстанцирование классов, но и визуальное представление созданных экземпляров.

This article presents an architectural solution for building software systems with dynamic connection of domain classes. The solution is focused on applications that do not require specification of classes during the initial implementation. The proposed solution is based on the patterns of object-oriented design "Plugin" and "Creator". It not only provides a dynamic instantiation of classes, but also created a visual representation of instances.

Ключевые слова: объектно-ориентированное проектирование, архитектура программных систем, паттерны проектирования.

Keywords: object-oriented design, software architecture, design pattern.

При разработке системы имитационного моделирования процессов массового обслуживания [1] возникла задача обеспечения ряда компонентов системы возможностью их расширения новыми алгоритмическими конструкциями в процессе эксплуатации. Кроме того, эти конструкции должны быть доступны для выбора и задания параметров в визуальных средствах приложения.

В частности, задача касается объектов, моделирующих случайные величины. Для этого применяются специальные алгоритмы имитационного моделирования. Существует множество различных законов распределения таких величин и, более того, исследователь может конструировать собственные

специфические законы (алгоритмы моделирования). Поэтому для подобного приложения не представляется возможным заранее предусмотреть и реализовать всю необходимую алгоритмическую базу, в связи с чем возникает задача обеспечения системы возможностью динамического расширения приложения алгоритмами предметной области. Решить эту задачу можно двумя способами:

1) предоставить в программе инструменты создания алгоритмических конструкций, т. е. по сути дела – инструменты создания и интерпретации программного кода (на определенном языке программирования);

2) заложить возможность подключения пользовательских динамических библиотек, реализующих определенные (требуемые) интерфейсы.

Второй подход оказался предпочтительнее, т. к., во-первых, не накладывает жестких ограничений на используемый пользователем язык программирования, а во-вторых, позволяет создавать сопутствующие объекты, реализация средства конструирования которых в программе, является слишком трудоемкой задачей. Речь идет о визуальных элементах, позволяющих задавать параметры соответствующих невидимых конструкций. В частности, для законов распределения это – их параметры. Параметры законов могут отличаться количеством, типом, способом задания (например может потребоваться матричная форма) и т. д. Если предоставить пользователю возможность самостоятельно конструировать элементы управления для настройки параметров, добавляемых им к программе моделирования распределений, то отпадает необходимость не только в интерпретации программного кода внутри программы, но и потребность в визуальных средствах конструирования.

Рассмотрим подробнее, предлагаемый нами подход для конструирования приложений, требующих расширяемость подобного вида. Будем рассматривать наиболее общий случай. Разработчики конкретных систем смогут дополнить соответствующие интерфейсы дополнительными сигнатурами в зависимости от своих потребностей.

Для обеспечения расширяемости будем использовать архитектурное решение «Дополнительный

Модуль» [2]. Согласно этому подходу, выделим базовый интерфейс создаваемых объектов Object (рис. 1). В общем случае мы его не конкретизируем, т. к. эти объекты имеют интерфейс, специфический для конкретной предметной области. В отличие от подхода [2], мы предлагаем реализовать фабрику Factory как объект-коллекцию для загружаемых из дополнительных модулей типов. Для придания большей независимости от особенностей языка программирования введем специальные объекты-создатели Creator [3], единственные экземпляры которых (паттерн Одиночка [4]) и будут содержаться в указанной коллекции. Главное и единственное назначение конкретных создателей ConcreteCreator – инстанцирование соответствующего класса ConcreteObject из текущей динамической библиотеки.

Особенностью рассматриваемой задачи является наличие второй динамически загружаемой составляющей – визуальных объектов Control, предназначенных для отображения и редактирования в пользовательском интерфейсе атрибутов соответствующих объектов Object. Устройство этой части выглядит аналогичным образом: фабрика VisualFactory отвечает за загрузку из библиотек и содержит коллекцию создателей с интерфейсом VisualCreator. Объекты ConcreteVisualCreator, реализующие этот интерфейс, в свою очередь, отвечают за инстанцирование соответствующих визуальных объектов ConcreteControl, реализующих общий интерфейс Control.

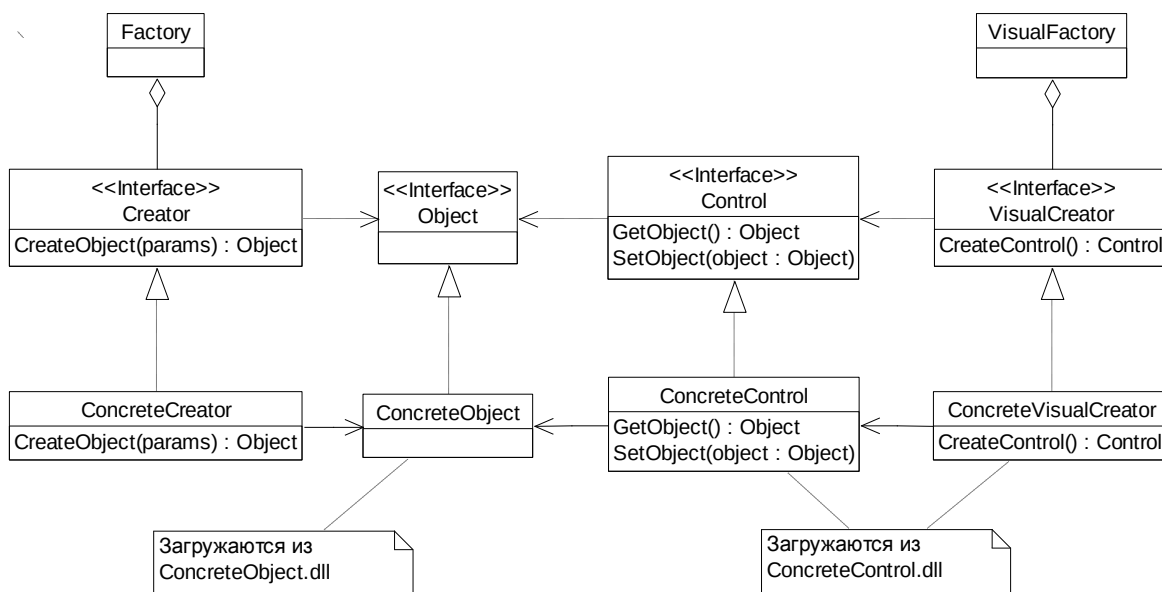

Рис. 1. Общая архитектура подсистемы подключаемых модулей

Но визуальная часть архитектуры выглядит немного по-другому. Во-первых, интерфейс Control конкретизирован до операций GetObject() и SetObject(), выполняющих соответственно генерацию невидимого объекта на основе данных, вве-

денных пользователем, и установку состояния визуальных элементов в соответствии со значениями атрибутов конкретного невидимого объекта.

Во-вторых, программа может поддерживать несколько технологий (типов) интерфейса пользовате-

ля. Каждый из них, естественно, предполагает использование специфических групп визуальных элементов. Для реализации подобной гибкости воспользуемся неким подобием паттерна проектирования «Абстрактная Фабрика» [4], модифицированным под динамическую типизацию (рис. 2). Основная проблема, возникающая при этом

– идентификация типа интерфейса пользователя, к которому относится данный визуальный объект. Эта задача достаточно легко решается с использованием соответствующих индикаторов. Такие индикаторы могут быть реализованы, например, с помощью соглашения об именовании классов.

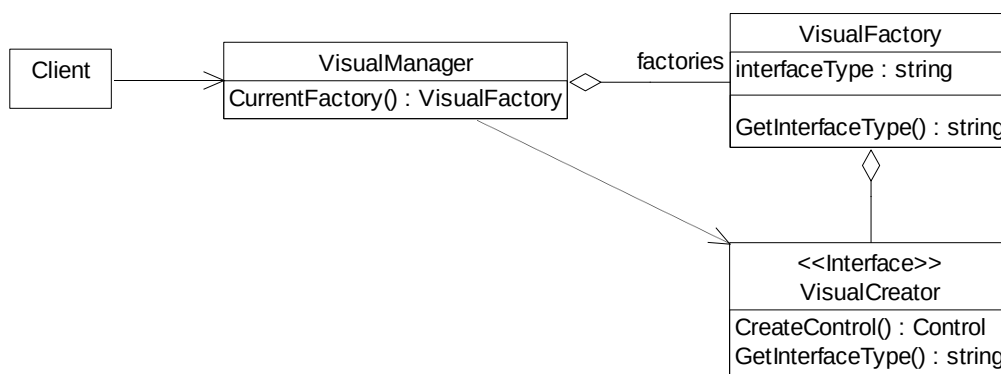

Рис. 2. Управление динамическим подключением фабрик визуальных элементов

Однако более уместным решением является определение в интерфейсе VisualCreator специальной операции GetInterfaceType(), возвращающей идентификатор соответствующего типа интерфейса пользователя (для большей универсальности воспользуемся строковым типом string). В ходе загрузки каждого конкретного объекта-создателя загрузчик (объект VisualManager) определяет тип интерфейса, к которому относится данный создатель. Если фабрика VisualFactory с таким идентификатором типа интерфейса еще не создана, то она создается и добавляется в коллекцию factories. Затем создатель прикрепляется к своей фабрике. Настройки приложения должны каким-либо образом однозначно указывать объекту VisualManager используемый тип интерфейса пользователя и, соответственно, таким образом однозначно определяется фабрика визуальных объектов, применяемая в текущем сеансе.

Объект Client, который обращается к VisualManager для создания визуальных элементов, получает указатель на текущую фабрику. Сам менеджер VisualManager реализуется по принципу Одиночка [4].

Можно также предполагать работу невизуальных объектов при отсутствии соответствующих визуальных, например, на сервере, выполняющем работу в пакетном режиме. В связи с этим визуальные и невизуальные объекты следует компилировать в разные динамические библиотеки (на диаграмме рис. 1 – это «ConcreteObject.dll» и «ConcreteControl.dll»). Такое разделение также поможет поддерживать библиотеки визуальных объектов для различных типов интерфейса пользователя.

Рассмотрим еще один важный момент представленной архитектуры. Объект-фабрика невизуальных объектов должна уметь конструировать эти объекты по требованию клиентов (данная операция не пока-

зана на диаграмме). При этом необходимо знать тип создаваемого объекта и параметры инициализации. В качестве типа может выступать любой идентификатор, например имя класса, по которому и производится поиск в коллекции соответствующего объекта-создателя. А вот параметры инициализации для объектов различных классов наверняка будут различными. Предлагается использовать нетипизированные параметры (массив нетипизированных параметров) в операции инстанцирования CreateObject(). При этом на разработчика ложится ответственность за их корректную передачу в код и корректную обработку в реализации создателя.

По сути, это единственное слабое место предлагаемого подхода. Но, к счастью, в контексте рассматриваемого типа системы такая потребность возникает крайне редко. Дело в том, что предлагаемое решение ориентировано на динамическое подключение и позднее связывание. Таким образом, на этапе написания программного кода конкретные типы используемых объектов неизвестны. Кроме того, во время исполнения программы нет никакой гарантии, что дополнительный модуль с соответствующим классом подключен, и объект может быть инстанцирован. Для разрешения ситуаций, в которых возникает необходимость инстанцирования объектов конкретного класса предметной области, можно рекомендовать реализовать эти классы и их создателей во внутреннем программном коде программы с точно такими же интерфейсами, как и в библиотеках, а затем принудительно добавить соответствующего создателя к общему списку в объекте-фабрике. В визуальной части данной архитектуры такой проблемы не возникает, так как конкретный тип соответствующего невизуального объекта полностью доступен объекту ConcreteControl.

Рассмотрим реализацию предлагаемого решения для упомянутого выше примера объектов, представ-

ляющих распределений случайных величин, для системы [1, с. 78 – 83]. Главной операцией интерфейса Distribution (рис. 3) этих объектов является генерация следующего значения реализации случайной величины – метод NextValue(). Конкретные объекты-распределения UniformDistribution (равномерное распределение), NormalDistribution (нормальное распределение) и др. (на диаграмме не показаны) каждый по-своему реализует эту операцию. Именно она и является той алгоритмической едини-

цей, о которой шла речь в начале работы. Предусмотреть заранее все типы имитационных моделей для распределений невозможно, поэтому в системе [1] принято решение предоставить пользователям возможность дополнять алгоритмическую базу имитационного моделирования случайных величин с помощью классов, реализующих интерфейс Distribution.

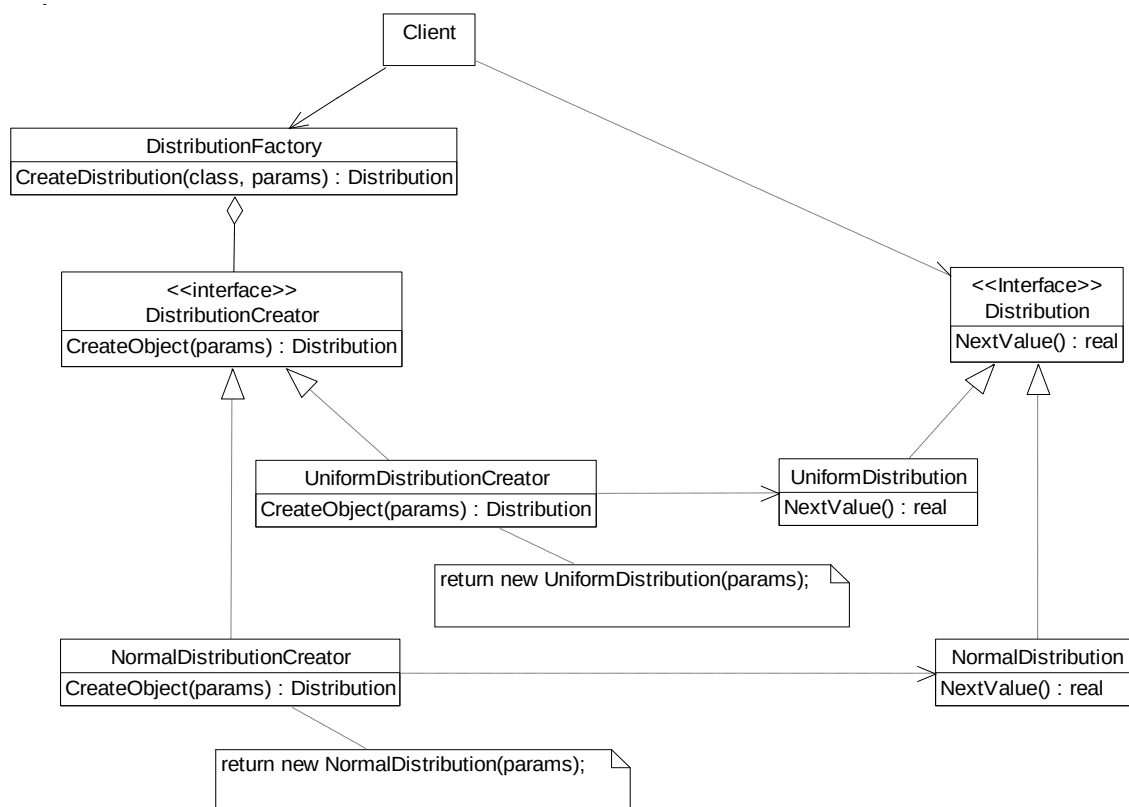

Рис. 3. Реализация подхода для объектов-распределений случайных величин

Создатели конкретных объектов распределений – UniformDistributionCreator, NormalDistributionCreator и т. д. – напрямую инстанцируют соответствующие им классы. При этом полученные ими нетипизированные параметры могут быть разобраны как самими объектами-распределениями, так и внутри операции CreateObject(...) создателя перед непосредственным созданием экземпляра класса распределения.

Фабрика DistributionFactory, единственная в приложении (паттерн Одиночка [4]), реализует операцию CreateDistribution, в которой с помощью идентификатора class производится поиск нужного создателя и вызов его операции CreateObject(...) с соответствующими параметрами params. Напомним, что подобное использование фабрик и невидимых объектов является нетипичным для рассматриваемого типа приложения и применяется в отдельных специфичных случаях.

Наиболее типичное применение предлагаемого решения – формирование визуальных списков имеющихся типов объектов, в данном случае – различных распределений случайных величин, на основе списка создателей в фабрике DistributionFactory и дальнейшая их визуализация с помощью объекта VisualManager, который мы дополним операцией CreateDistributionControl(...) (рис. 4), которая по запросу клиента для указанного объекта Distribution будет производить поиск создателя соответствующего визуального элемента DistributionControl (объект-фабрика и поддержка разных типов интерфейса пользователя на диаграмме опущены для простоты понимания). При этом для клиента тип объекта Distribution, который он передает в качестве параметра, не конкретизирован, что позволяет работать на абстрактном уровне интерфейсов и таким образом реализовывать позднее связывание.

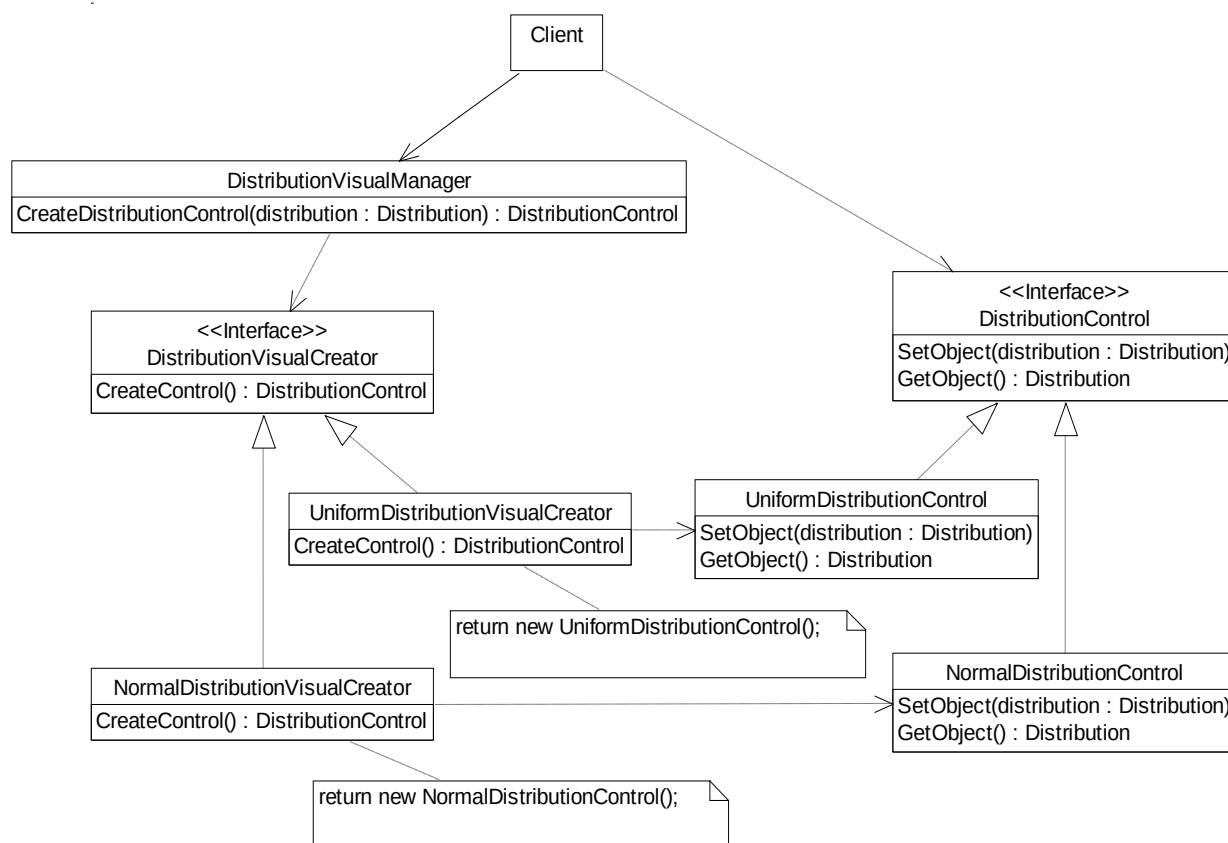

Рис. 4. Реализация визуального представления объектов-распределений случайных величин

Получив указатель на объект `DistributionControl`, клиент заполняет его содержимым с помощью операции `SetObject(...)`, а затем при необходимости (например после редактирования) – считывает информацию из визуального элемента с помощью операции `GetObject()`. Таким образом, даже на этом этапе для клиента не конкретизируются типы объектов `Distribution`, `DistributionControl` и параметры, которыми заполняется визуальный элемент: взаимодействие производится напрямую между конкретными объектами `DistributionControl` и `Distribution`.

Итак, в работе предложено архитектурное решение для построения приложения с расширяемой алгоритмической базой предметной области. При этом одновременно решен вопрос визуального представления соответствующих объектов с динамической настройкой на выбранный тип интерфейса пользователя. На основе предложенной архитектуры были реализованы соответствующие классы для задачи, описанной в [1].

Литература

1. Войтиков, К. Ю. Компонентная модель распределенной объектно-ориентированной системы имитационного моделирования / К. Ю. Войтиков, А. Н. Моисеев, П. Н. Тумаев // Вестник Томского государственного университета. Управление, вычислительная техника и информатика. – 2010. – № 1(10).
2. Фаулер, М. Архитектура корпоративных программных приложений / М. Фаулер: [пер. с англ.]. – М.: Вильямс, 2006. – 544 с.
3. Ларман, К. Применение UML и шаблонов проектирования / К. Ларман. Изд. 2-е. – М.: Вильямс, 2004. – 624 с.
4. Гамма, Э. Приемы объектно-ориентированного проектирования. Паттерны проектирования / Э. Гамма, Р. Хелм, Р. Джонсон, Дж. Влессидес. – СПб.: Питер, 2010. – 368 с.

ИСТОРИЯ

УДК 371-053.8(571.17)«193»

**РЕШЕНИЕ ПРОБЛЕМЫ НЕГРАМОТНОСТИ И МАЛОГРАМОТНОСТИ
ВЗРОСЛОГО НАСЕЛЕНИЯ НА ТЕРРИТОРИИ КУЗБАССА
В ГОДЫ ФОРСИРОВАННОЙ ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ***А. А. Фишева***ILLITERACY LIQUIDATION AMONG ADULT POPULATION OF KUZBASS REGION DURING
THE RAPID INDUSTRIALIZATION***A. A. Fisheva*

В статье, на основе широкого круга источников, в том числе неопубликованных материалов, рассматривается ликвидация неграмотности и малограмотности среди взрослого населения на территории Кузбасса в 1930-е гг. В частности, исследуются основные формы ликбеза, такие, как социалистическое соревнование, месячники, ударничество. Подробно анализируются итоги ликвидации неграмотности.

This paper discusses the process of illiteracy's liquidation among adult population on Kuzbass area in 1930 th years on the basis of a great number of sources, including unpublished materials. Such forms of liquidation of illiteracy as the cultural campaign, socialist competition, shock work are investigated. Results of liquidation of illiteracy are also presented.

Ключевые слова: неграмотность, малограмотность, Кузбасс, индустриализация.

Keywords: illiteracy, Kuzbass, industrialization.

Масштабные перемены произошли на рубеже 1920-х – 1930-х гг., которые были связаны с индустриализацией. На новом этапе важными составляющими было создание и укрепление крупной тяжелой индустрии, осуществление социально-экономических преобразований в деревне, завершение социалистической реконструкции народного хозяйства. С индустриализацией также были связаны и политические перемены. Частью этих перемен стала культурная революция, которая приобрела различные формы – от формирования новой советской технической интеллигенции и утверждения соцреалистического канона в искусстве до ликвидации неграмотности и формирования нового стиля повседневной жизни.

Принятие курса на ускоренную индустриализацию страны на XVI съезде ВКП (б) послужило толчком к переходу к активным действиям в области культурного строительства [1, с. 211]. Процесс индустриализации требовал повышения грамотности и общего культурного уровня населения страны. В связи с этим одной из главных задач партии в области народного образования была борьба с неграмотностью. Первостепенную роль в усилении борьбы за сплошную грамотность в СССР сыграло принятие Постановления ЦК ВКП (б) от 25 июля 1930 г. «О всеобщем обязательном начальном обучении», по которому вводилось повсеместное начальное обучение для детей в возрасте от 8 до 10 лет, с последующим распространением всеобщего на детей 11 лет [2, с. 109]. На основании этого документа 14 августа 1930 г. ЦИК и СНК СССР приняли соответствующее постановление [2, с. 110]. В результате, благодаря тому, что ряды неграмотных больше не пополнялись за счет не прошедших на-

чальную школу подростков, система ликбеза полностью переключилась на борьбу с неграмотностью среди взрослых.

Проблема неграмотности заключалась в том, что в сложноорганизованном индустриализирующемся обществе неграмотные люди представляли собой недостаточно квалифицированную рабочую силу, были не способны осваивать сложную технику, их трудно было вовлечь в активную политическую деятельность, возникали у них также сложности и с приспособлением к условиям городской жизни.

В свою очередь, Советская власть с самого начала была ориентирована на создание «нового человека», который во всех отношениях, в том числе в культурном, стоял бы на голову выше человека капиталистического общества. Еще в 1920 г. в своей речи на III Всероссийском съезде Российского Коммунистического Союза Молодежи Ленин прямо заявил: «Стать коммунистом можно лишь тогда, когда обогатишь свою память всеми знаниями, которые выработало человечество» [3, с. 308]. В этой связи решение проблемы неграмотности стало одной из важнейших задач Советской власти.

В данной статье рассматривается процесс ликвидации неграмотности, начиная с 1930 г., с момента введения всеобщего начального обучения и вплоть до 1939 г., когда была проведена Всесоюзная перепись населения, которая продемонстрировала успехи Советской власти в деле ликбеза. Изучаемый период приходится на годы проведения в стране форсированной индустриализации, хронологические рамки которой в целом можно охарактеризовать как конец 1920-х – середина 1930-х гг. (начиная с 1926 г., после решений XIV съезда ВКП(б) [1, с. 167] и до начала третьей пятилетки). Принятие

курса на форсированную индустриализацию промышленности и насильственную коллективизацию деревни повлияло на темпы и методы культурных преобразований. Обстановка штурмовщины из хозяйственной сферы распространилась и на систему образования – в ликвидацию неграмотности в кратчайшие сроки вовлекались огромные массы населения. Таким образом, ликвидация неграмотности и малограмотности – это был массовый процесс, и в данной статье предпринимается попытка на основе широкого статистического материала рассмотреть общие тенденции, которые были характерны для ликбезработы на территории Кузбасса в 1930-е годы.

Важнейшей строительной площадкой страны в годы форсированной индустриализации был Кузбасс, который с 1930 г. входил в состав Западно-Сибирского края, с 1937 – 1943 гг. находился в составе Новосибирской области, в 1943 г. была образована Кемеровская область.

За период первой пятилетки в Кузбассе планировалось довести добычу угля до 6 млн тонн в год, построить Кузнецкий металлургический завод, Беловский цинковый завод, Кузнецкую, Кемеровскую, Новосибирскую тепловые электростанции. 15 января 1929 г. Совет народных комиссаров принял окончательное решение об одновременном строительстве двух промышленных гигантов – Кузнецкого и Магнитогорского металлургических заводов [1, с. 176]. Однако уже 15 июля 1929 г. Политбюро ЦК ВКП (б) пересмотрело эти планы в связи с вооруженным конфликтом, который вспыхнул на КВЖД [1, с. 183]. В результате чего перед угледобывающей промышленностью Кузбасса была поставлена задача – к концу пятилетки довести годовую добычу угля до 8,2 млн тонн. Этот план не был выполнен из-за низкого уровня механизации и к 1932 г. в регионе было добыто только 7 млн тонн угля. Задание второй пятилетки требовало от Кузбасса довести добычу угля до 20 млн тонн, но к концу 1937 г. было добыто 17,8 млн тонн, то есть плановые установки советского правительства так и не удалось выполнить. Тем не менее лозунг второй пятилетки «Превратим Кузбасс во второй Донбасс» – был реализован [4, с. 156 – 157].

Естественно, такие плановые установки требовали огромного притока рабочей силы в города и шахты Кузбасса. В ходе индустриализации возможности естественного воспроизводства не удовлетворяли имевшийся спрос на рабочую силу, поэтому государство принимало меры, в том числе принудительного характера, направленные на поддержку и стимулирование притока мигрантов в города. Основным источником увеличения числа горожан на начальной стадии реализации планов индустриализации были внутрисибирские переселенцы из сел. По мере выполнения наиболее трудоемких работ и ввода объектов в эксплуатацию, интенсивность миграционного движения снижалась. В целом же увеличение численности и удельного веса горожан Кузбасса в 1930-е гг. существенно опережало аналогичный показатель по Западной Сибири и РСФСР.

Уже в 1939 г. 55 % жителей на территории современной Кемеровской области были горожанами, тогда как в Западной Сибири – 28,9 %, по РСФСР – 33 % [5, с. 11]. В последующие годы эта тенденция получила продолжение. По данным переписи городского населения Кузбасса 1931 г. (без учёта городов Мариинск и Тайга), основным источником увеличения числа горожан было перемещение населения из села в город. На долю внутрисибирских источников миграционного прироста приходилось 83 %. В свою очередь, такие миграционные потоки объективно ставили вопрос об уровне образования будущих строителей второго угольного центра страны [6, с. 17].

К началу 1930-х гг. грамотность населения Западной Сибири находилась на уровне 50 % [7, л. 9].

Согласно инструкции по учету неграмотных, изданной Управлением по образованию взрослых Народного комиссариата просвещения РСФСР в 1932 г., к неграмотным относились: совершенно неграмотные или знающие только буквы, но не умеющие читать и писать. Малограмотными считались: умеющие читать и писать без массового пропуска букв, знающие нумерацию в пределе 1000, письменное сложение и вычитание только трехзначных чисел, умножение и деление лишь на однозначное число [8, л. 83].

Ликвидировать неграмотность значило научить неграмотного медленно, по слогам читать печатный и разборчивый письменный текст. Обученный должен был понимать прочитанное и уметь его пересказать. Он также должен был уметь написать свою фамилию, отчество, число, месяц и год, справку, короткое письмо, разного рода несложные деловые бумаги. По арифметике учащийся должен был знать цифры, основные меры времени, длины, веса и емкости, складывать и вычитать в пределах небольших величин, иметь понятие о доле и проценте, решать несложные задачи, составленные на материале окружающей жизни. Ликвидировать малограмотность значило развить у учащихся навыки по чтению, письму и счету в таком объеме, чтобы дать им возможность самостоятельно работать с книгой, продолжать обучение на рабочих или крестьянских курсах, в школе повышенного типа и т. д. [8, л. 84].

Таким образом, данная инструкция дает представление о том, как трактовались понятия «неграмотность» и «малограмотность» в 1930-е гг., каков был набор знаний, которыми должны были обладать взрослые. Исходя из данного набора знаний, можно предположить, что ликвидация неграмотности была прежде всего направлена на политическую и социальную ориентацию людей. В свою очередь, ликвидация малограмотности уже могла позволить взрослому человеку дальше продолжить свое обучение и овладевать знаниями, которые были необходимы для индустриального общества. В целом такая трактовка понятий «неграмотность» и «малограмотность» вполне соответствовала конвейерному принципу, которого придерживалась Советская власть в области народного образования. Его суть состояла в том, что неграмотный взрослый человек должен был

пройти все ступени обучения: ликпункт, школа малограмотных, школа повышенного типа, рабфак, вуз. Таким образом, ликвидация неграмотности и малограмотности должны были быть первоначальными ступенями в повышении образовательного уровня населения страны.

В 1930 г. в городах Кузбасса действовало 38 школ для неграмотных и 16 школ для малограмотных, в сельской местности данных учебных заведений насчитывалось соответственно 229 и 11. В целом общее число обучающихся в школах для неграмотных составляло 10081 человек и 1195 малограмотных [9, л. 736].

В 1930-е гг. в работе по ликвидации неграмотности появились новые формы и методы осуществления ликбеза. Среди новых методов обучения был метод «Платного букваря». Суть его состояла в том, что в небольших населенных пунктах, чаще всего в деревнях, вывешивали плакаты, на которых была написана одна буква алфавита, и проходящие мимо неграмотные, заинтересовавшись плакатом, начинали изучать эту букву, а на следующий день к старой букве добавлялась еще одна и так каждый день, пока не получится определенное слово, значение которого разъясняли культармейцы [10, л. 1].

Самой же распространенной формой борьбы с неграмотностью было социалистическое соревнование, которое устраивалось между отдельными школами, предприятиями, населенными пунктами и краями по аналогии с производственным социалистическим соревнованием. Так, в июне 1929 г. был подписан договор о социалистическом соревновании по ликвидации неграмотности между Северным Кавказом и Сибирью. В июле 1930 г. II краевой слет культармейцев Сибирского края подвел итоги этого соревнования. Слет отметил достижения соревнующихся краев, резкое усиление темпов работы в Сибири и приветствовал издание в Новосибирске первой в Союзе газеты для начинающих читать – «За грамоту». Сначала победу в этом соцсоревновании присудили Западной Сибири, в которой было больше охвачено обучением неграмотных и малограмотных и вышла первая газета «За грамоту», но после детального изучения всех показателей победу отдали Северному Кавказу, так как этому региону удалось мобилизовать большее количество культармейцев на борьбу с неграмотностью и процент отсева из школ неграмотных и малограмотных Северного Кавказа был ниже. В 1930 г. Западно-Сибирский край заключил договор о социалистическом соревновании с Нижне-Волжским краем, в котором темпы ликвидации неграмотности были одними из самых быстрых в стране [11, с. 258].

Не только органы государственной власти и народного образования занимались ликвидацией неграмотности и малограмотности, помощь в деле ликбеза оказывали также профсоюзы и комсомол, если раньше эта помощь заключалась прежде всего в финансовой поддержке ликбеза, то теперь эти организации пытались непосредственно своими силами и средствами вести борьбу за сплошную грамотность.

Но, несмотря на то, что профсоюзные, комсомольские и хозяйственные организации пытались оказывать помощь делу ликбеза, по мнению местных органов власти, эта помощь была недостаточна, как с финансовой точки зрения, так и с точки зрения выделения бригад культармейцев на борьбу с неграмотностью. Впоследствии местные органы власти будут называть такое недобросовестное отношение к ликбезработе одной из причин невыполнения планов ликбеза в установленные сроки [12, л. 26].

Еще одной формой борьбы с неграмотностью были проходившие в крае месячники грамотности. В ходе месячника решались такие задачи, как мобилизация внимания и сил всей советской общественности вокруг вопроса ликбезработы, поголовного охвата первоочередных групп населения обучением, развертывания социалистического соревнования, ударничества. Решительные меры, ограниченные к тому же во времени, выливались с неизбежностью в кампании, когда масштабную проблему пытались решить за короткий срок, привлекая к ней всеобщее внимание и мобилизуя все ресурсы системы (политические, организационные, кадровые, финансовые и пр.) [13, с. 71 – 82].

В период проведения месячника все организации обсуждали на своих заседаниях планы работы по ликвидации неграмотности на предстоящий учебный год и выносились практические мероприятия по осуществлению намеченного плана. Для широкой популяризации задачи ликбеза среди населения проводили следующие мероприятия:

- обсуждали вопрос о ликвидации неграмотности на общих собраниях граждан,
- проводили специальные конференции неграмотных и малограмотных,
- организовывали массовые вечера «За грамоту», на которых для агитации за грамотность ставились спектакли, различные номера,
- освещали вопрос ликбеза в местной печати, а также выпускали стенгазеты, посвященные ликбезу,
- производился учет неграмотных и малограмотных,
- организовывались 5 – 7 дневные курсы по подготовке культармейцев, которые проводили местные ликвидаторы, учителя детских школ,
- собирались финансовые средства на ликбез [14, л. 74].

Кроме этого, создавались различные кружки, клубы, вокруг которых объединялись грамотные и образованные люди. С их помощью систематически проводились чтения газет и художественных произведений, беседы, лекции. В Кузбассе это были библиотеки и избы-читальни, которые подбирали брошюры и отрывки из книг, журналов, газет с текстами, интересными и доступными по форме и содержанию для взрослых, овладевших элементарной техникой чтения [15, с. 10].

Большую роль в деле ликвидации неграмотности и малограмотности также сыграло индивидуальное обучение, которое осуществлялось силами культармейцев. Культармейцем мог стать любой грамотный гражданин. Организационную работу по привлечению культармейцев осуществляло общество «Долой неграмотность», в тех же районах, на которые общество «Долой неграмотность» не распространяло свою деятельность, коллективы общественников создавались с помощью и вокруг ликпунктов и школ, которые были опорными базами ликбеза. Кроме того, школы для взрослых являлись центрами методического руководства. В зависимости от наличия штатных учителей определялось количество культармейцев, прикрепленных к одному методисту. Считалось, однако, нежелательным, чтобы на одного учителя приходилось более десяти общественников [16, с. 46].

Среди культармейцев были представители различных общественных организаций, профсоюзов, комсомола, демобилизованные военнослужащие, учащиеся и студенты. Пополнялись ряды культармейцев не только за счет местных резервов, помощь также оказывалась из центра. Так, в 1932 г. из Москвы в Кузбасс были откомандированы для работы по ликбезу сроком на два года 184 просвещенца. Направлялись в Кузбасс также и бригады ударников. Так, в 1931 г. в Кузбасс прибыла бригада ударника Сормова, которая организовала бригаду культармейцев. Помощь оказывал Центральный Комитет партии, в начале 1930-х гг. он направил в Кузбасс свыше 1200 человек, в том числе 20 педагогов повышенной квалификации. В 1931 г. по заданию Запсибкрайкома ВКП(б) было проведено обследование работы по ликвидации неграмотности на Кузнецкстрое, которое показало, что на площадке работало 64 ликпункта с платным педагогическим персоналом и 300 ликпунктов, обслуживаемых силами общественности. В них обучалось около 10 тысяч человек. Культармия состояла из 515 человек, половина из них были рабочие. К декабрю 1931 г. в ликпунктах Кузнецкстроя обучалось уже 98,8 % учтенного неграмотного населения [17, с. 408].

Для привлечения в ряды культармейцев использовались различные методы «кнута и пряника»: в первых, четко фиксировалось, какая организация и сколько культармейцев должна мобилизовать на борьбу с неграмотностью, во-вторых, лучших культармейцев могли выдвинуть на руководящую работу в органы народного просвещения как на штатные, так и внештатные должности, в-третьих, лучших культармейцев могли премировать [10, л. 16].

Источники свидетельствуют, что, несмотря на различные способы привлечения в ряды культармейцев, ожидаемых результатов эти усилия не приносили. На протяжении 1930-х гг. неоднократно выходили постановления Западно-Сибирской краевой рабоче-крестьянской инспекции, в которых фиксировалась неудовлетворительная работа по привлечению граждан в ряды общественников. Так, в постановлении инспекции от 6 января 1932 г.

фиксировалось, что Крайколхозсоюз, обязанный выделить 25 тысяч культармейцев не дал почти ничего, а профсоюзы, комсомол и общество «Долой неграмотность» выполнили свои обязательства в ничтожных процентах. Помимо этого, отмечалось также, что имеющиеся на местах кадры культармейцев в подавляющем большинстве состоят из учащихся. Вследствие чего качественный подбор общественников зачастую характеризовался низкой квалификацией. Такое неудовлетворительное положение дел связывалось прежде всего с пассивностью ряда общественных организаций, участвующих в борьбе с неграмотностью, в выполнении принятых на себя обязательств по выделению культармейцев, а также с тем, что крайсовнаркомпрос никак не регулировал качественный подбор общественников [18, л. 119 – 120]. В связи с этим показатели качества обучения культармейцев были значительно ниже, чем у учителей-совместителей и ликвидаторов. Прежде всего это было связано также и с отсутствием методического руководства деятельностью культармейцев со стороны облоно, горно, районо, горкомов и райкомов партии.

В целом можно отметить, что, несмотря на то, что выполнить полностью планы по привлечению граждан в ряды культармейцев не удалось, и качество их обучения неграмотных и малограмотных оставалось желать лучшего, тем не менее деятельность общественников внесла серьезный вклад в дело борьбы с неграмотностью и неоднократно горкомы и райкомы в своих отчетах отмечали, что без помощи культармейцев невозможно охватить обучением всех неграмотных [19, л. 76].

В рамках ликбезработы использовались также и экспериментальные формы обучения неграмотных и малограмотных. Такие экспериментальные методы были связаны с привлечением взрослых к обучению в летний период. Так, в колхозах проводилась практика, когда неграмотных колхозников освобождали от работы в воскресенье и обучали в течение 6 часов. Однако такой опыт оказался малоэффективным, так как многим неграмотным колхозникам было тяжело выдержать обучение в течение столь долгого времени и, как фиксировалось в отчетах районо, «от такого обучения колхозник обалдевал и сбегал» [19, л. 77]. Более эффективной формой было обучение, проходившее по производственным бригадам, когда обучение проводили с бригадой в период с 6 до 8 часов утра – до начала работы, через день. Отмечалось, что такая форма борьбы с неграмотностью была более эффективной, так как обучение проводилось с утра, в вечернее же время учащимся сложнее давалось усвоение материала [7, л. 8].

Проведенные мероприятия, несомненно, способствовали делу борьбы с неграмотностью и малограмотностью, но тем не менее завершить ликбез к 1932 г., как планировал Крайком ВКП (б) не удалось. При этом ситуация с делом ликбеза на территории Кузбасса была различной. Так в Новокузнецком районе на январь 1932 г. было учтено 10652 неграмотных и 11107 малограмотных, обучалось же неграмотных 10594 человека, а малограмот-

ных 11006 человек, то есть охват неграмотных и малограмотных по Новокузнецкому району составлял 99 %. В Тайгинском районе на 1932 г. было учтено 4775 неграмотных и 5200 малограмотных, при этом обучалось 3558 неграмотных, то есть 74,5 % от учтенных, и 2362 малограмотных, то есть охват обучением малограмотных составлял 45,2 %. В целом по 62 районам Западно-Сибирского края на 1932 г. охват обучением учтенных неграмотных составлял 67,2 %, малограмотных – 55,1 % [20, л. 3 – 4].

Необходимо отметить, что темпы ликвидации неграмотности на протяжении первой половины 1930-х гг. с каждым годом падали. Самое большое количество неграмотных в крае было обучено в 1930 – 1931 г. – 599 тыс. человек, уже на 1932 г. обучение прошли 292 тыс. человек, на 1933 г. – 200 тыс. неграмотных, на 1934 г. – 140 тыс. неграмотных, на 1935 г. только 83 тыс. человек [7, л. 9]. Такое положение дел местными органами власти объяснялось тем, что у крайоно, гороно, районо создалась иллюзия того, что с ликбезом фактически закончено, и они стали меньше внимания уделять борьбе с неграмотностью. В итоге к 1936 г. в крае было 416 тыс. неграмотных, и в 1937 г. предполагалось обучить не менее 350 тыс. неграмотных [21, л. 296]. По Кузбассу на 1936 г. процент охвата ликбезом неграмотных был разным в различных районах региона. Так, в Прокопьевском районе он составлял фактически 99 %, а в Ленинск-Кузнецком 47,1 % [20, л. 299]. Не удалось закончить ликвидацию неграмотности и к установленному ЦК ВКП (б) на XVII съезде партии 1937 г. После выхода Постановления СНК СССР и ЦК ВКП (б) в 1936 г. [2, с. 113] темпы ликбеза усилились, но завершить его в 1937 г. так и не удалось: на 1937 г. охват обучением неграмотных составлял в крае 66 % от плана [22, л. 19].

Наибольший процент неграмотных падал на женщин. В крае на середину 1930-х гг. насчитывалось 70 % неграмотных женщин. При этом отмечалось, что очень сложно вовлечь в процесс обучения женщин в возрасте от 30 до 40 лет. Связано это было с наличием определенных стереотипов, что для того, «чтоб свиней кормить, можно быть и неграмотной, а учатся пусть мужики» [7, л. 9]. Неоднократно отмечалось, что с таким отношением женщин к учебе нужно бороться. Одним из вариантов решения этой проблемы было вовлечь в процесс обучения грамоте жен культармейцев, руководителей предприятий, колхозов и других учреждений, чтобы впоследствии они являли собой пример для других женщин [7, л. 10]. Эти меры способствовали улучшению положения в деле обучения женщин, однако на протяжении всего изучаемого периода процент неграмотных женщин намного превышал уровень неграмотности среди мужчин.

Несмотря на активное решение проблемы неграмотности к концу 1930-х гг., достигнуть сплошной грамотности населения в Новосибирской области не удалось. Дело ликбеза в районах Кузбасса также не имело однозначной трактовки. Передовыми районами по ликбезработе были Прокопьевский,

Таштагольский и г. Осинники. Количество обучающихся неграмотных в этих районах по отношению к плановым заданиями составляло от 70 до 80 %. Отставали в обучении неграмотных г. Кемерово, Ленинск-Кузнецкий, а также Мысковский район [23, л. 134].

Среди основных причин невыполнения ликбеза в течение 1930-х гг. можно отметить следующие:

- недооценка хозяйственно-политического значения дела ликбеза со стороны хозяйственных, комсомольских, профсоюзных организаций;

- отсутствие должного контроля со стороны облоно, гороно, районо и первичных партийных организаций за процессом обучения неграмотных и малограмотных [24, Л. 103]. Невнимание к вопросам ликбеза прежде всего проявилось в недооценке важности учета неграмотных и малограмотных, что, в свою очередь, привело к тому, что в процесс обучения были вовлечены не все неграмотные. В целом необходимо отметить, что обеспечить должный контроль было достаточно сложно, так как на местах в отделах народного образования не хватало штатных работников, которые должны были заниматься образованием взрослых. Это оказывало негативное влияние на дело ликбеза;

- нехватка учителей, культармейцев для осуществления ликбеза;

- недостаточное количество учебников, программ, помещений, письменных принадлежностей.

Положение с обеспечением школ неграмотных и малограмотных помещениями обстояло достаточно сложно. Нередко занятия с неграмотными и малограмотными могли проходить в избах-читальнях, столовых, занятых одновременно для своих прямых надобностей, проводились занятия в бараках и общежитиях для рабочих. В середине 1930-х гг. в Сталинске, современный Новокузнецк, большинство школ для взрослых располагалось в землянках, которые вмещали всего 15 – 20 человек. Частой была практика, когда школы забирались под хозяйственные нужды. Многие помещения плохо отапливались в связи с отсутствием топлива, поэтому приходилось заниматься в одежде, либо вообще занятия отменялись. Это все, в свою очередь, влияло и на высокий процент отсева из школ [15, с. 6].

Необходимо отметить, что в деле ликбеза в 1930-е гг. прежде всего обращалось внимание на количественный охват обучением неграмотных и малограмотных, при этом качественной стороне обучения уделялось меньшее внимание.

Качество обучения находилось на достаточно низком уровне, связано это было с тем, что, во-первых, значительную долю преподавателей составляли культармейцы, большинство из которых были учениками школ. При этом методическая работа с культармейцами проходила не систематически, а в некоторых районах вообще не проводилась, помимо этого не хватало и методических пособий. В итоге, многие культармейцы не могли правильно построить учебный процесс. Во-вторых, в отчетах областного отдела народного образования отмечалось, что

при комплектовании классов часто используется валовый, недифференцированный подход, когда в классе обучаются люди разного уровня: от ничего не знающих до почти грамотных. В-третьих, отмечалось также и то, что в работе с неграмотными и малограмотными недостаточное участие принимает учительство [25, л. 48].

Как показывают архивные материалы, повышению качества обучения стали особо уделять внимание со второй половины 1930-х гг. С этого времени начинают проходить учительские конференции, на которых учителя почти повсеместно принимали на себя обязательства участвовать в обучении неграмотных или путем непосредственного обучения или путем руководства культармейцами. Проводились курсы учителей как в краевом центре, так и в ряде районов. Помимо этого, каждого культармейца проверяли и после проверки выдавали удостоверение о том, что он имеет право преподавать. Также стали издаваться инструкции, помогающие ориентироваться в таких вопросах, как комплектование школ и групп ликвидации неграмотности (тем самым изжидал себя метод валового подбора), учет знаний учащихся, организация самостоятельных занятий, организация повторения, применение наглядных пособий. Однако необходимо отметить, что данные мероприятия не сразу дали должный эффект, так как не везде они реализовывались до конца, и еще не была преодолена инерция работы отделов народного образования, обращавших внимание, преимущественно, на количественную сторону ликбеза [26, л. 4]. Тем не менее вопрос о качественном обучении был поднят на повестку дня, и уже проводились конкретные мероприятия для ликвидации имеющихся недостатков.

В предвоенный период работа по ликвидации неграмотности также проводилась неудовлетворительно, выражалось это опять же в невыполнении планов, так на 1 октября 1938 в целом по области было охвачено 41 % неграмотных, на 1 апреля 1939 г. было охвачено ликбезом в области 46,1 % неграмотных [22, л. 33].

В целом же по Всесоюзной переписи населения 1939 г. грамотность населения Новосибирской области, в которую на тот момент входил Кузбасс, составляла 78,8 % [27, л. 23]. Можно предположить, что уровень грамотности на территории Кузбасса был выше, чем в целом по области, так как Кузбасс – это был рабочий регион, а работа ликбеза наиболее активно проводилась именно в районах, где было сконцентрировано большое количество фабрик, заводов и других предприятий.

Литература

1. КПСС в резолюциях и решениях съездов конференций и пленумов ЦК [Текст]. – М., 1970. – Т. 4.
2. Народное образование в СССР (1917 – 1973 гг.) [Текст]. – М., 1974.
3. Ленин, В. И. Полное собрание сочинений [Текст] / В. И. Ленин. – М., 1974. – Т. 41.
4. История Кузбасса [Текст] / отв. ред. Н. П. Шуранов. – Кемерово, 2006.
5. Бельков, А. В. Миграция населения в Кузбасс в 1920 – 1930-е гг. [Текст] / А. В. Бельков // XXIX конференция студентов и молодых ученых Кемеровского государственного университета. – Ч. II. – Кемерово: Кузбассвуиздат, 2002.
6. Он же. Городское население Кузбасса в 20-е гг. XX в. – начале XXI в. / А. В. Бельков: автореф. ...дис. канд. ист. наук [Текст]. – Кемерово, 2007.
7. ГАНО.Ф.61.Оп.1. Д. 1421.
8. ГАНО.Ф.61.Оп.1. Д. 1416.
9. Сибирский край. Статистический справочник. – Новосибирск, 1930.
10. ГАРФ. Ф. А-2314. Оп. 9. Д. 74.
11. Куманев, В. А. Социализм и всенародная грамотность. Ликвидация массовой неграмотности в СССР [Текст] / В. А. Куманев. – М., 1967.
12. ГАНО.Ф.61.Оп.1. Д. 1142.
13. Ульянова, С. Б. Предпосылки формирования кампанийских принципов советской политики в послеоктябрьский период [Текст] / С. Б. Ульянова // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия "История России". – 2007. – № 1.
14. ГАНО.Ф.П-3.Оп.3.Д.275.
15. Сычева, Т. А. Решение проблемы неграмотности взрослого населения на территории Кузбасса. 1930 – 1950-е гг. [Текст] / Т. А. Сычева. – Кемерово, 2000.
16. Буторин, В. П. Просвещение рабочих Западной Сибири [Текст] / В. П. Буторин. – Новосибирск, 1977.
17. История Сибири [Текст]. – Л., 1968. – Т. 4.
18. ГАНО.Ф.Р. 47.Оп. 1.Д. 1244.
19. ГАНО.Ф.П.4.Оп. 2. Д. 303.
20. ГАНО.Ф.61.Оп. 1.Д. 1160.
21. ГАНО.Ф.47.Оп. 1.Д. 2514.
22. ГАНО.Ф.П-4.Оп. 2.Д. 304.
23. ГАНО.Ф.П-4.Оп. 5.Д. 296.
24. ГАРФ.Ф.2306.Оп. 70.Д. 5101.
25. ГАНО.Ф.П-3.Оп. 10.Д. 1134.
26. ГАНО.Ф.П-3.Оп. 10.Д. 1135.
27. РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 241.

МАТЕМАТИКА

УДК 519.872

ИССЛЕДОВАНИЕ НЕМАРКОВСКОЙ ДИНАМИЧЕСКОЙ RQ-СИСТЕМЫ
С КОНФЛИКТАМИ ЗАЯВОК

Т. В. Любина, А. А. Назаров

RESEARCH OF NON-MARKOVIAN DYNAMIC RQ-SYSTEM WITH CONFLICTS OF DEMANDS

T. V. Lyubina, A. A. Nazarov

Работа выполнена в рамках аналитической ведомственной целевой программы «Развитие научного потенциала высшей школы (2009-2011 годы)», проект № 11803.

В статье рассматривается немарковская RQ-система с конфликтами заявок, управляемая динамической дисциплиной обслуживания. Проводится анализ этой RQ-системы и находится характеристическая функция распределения вероятностей $P(i)$ числа заявок в источнике повторных вызовов. Найдено условие существования стационарного режима RQ-системы. Получено распределение вероятностей числа заявок в источнике повторных вызовов для гамма-распределения времени обслуживания, а также для экспоненциального времени обслуживания.

In article the non-Markovian RQ-system with conflicts of the demands, controlled dynamic discipline of service is considered. The analysis of this RQ-system is carried out and there is a characteristic function of distribution of probabilities of number of demands in a source of repeated calls. The condition of existence of a stationary mode of RQ-system is found. Distribution of probabilities of number of demands in a source of repeated calls for holding time gamma distribution, and also for an exponential holding time is received.

Ключевые слова: RQ-система, динамический протокол доступа, конфликт заявок, пропускная способность.

Keywords: RQ-system, the dynamic report of access, the conflict of demands, throughput.

Введение

Исследование математических моделей компьютерных сетей связи является необходимым для обеспечения надёжной передачи данных. Методы теории массового обслуживания [1 – 3] являются наиболее действенными в проведении таких исследований, в частности, при исследовании RQ-систем (Retrial Queueing systems) [4 – 7], которые являются адекватными математическими моделями компьютерных сетей связи. В монографии J. R. Artalejo, A. Gomez-Corral [4] приведено более семисот ссылок на работы по этой тематике, опубликованные за последние двадцать лет.

Большого внимания заслуживают вопросы исследования математических моделей сетей связи случайного доступа [8 – 10]. Особенностью протоколов случайного множественного доступа является то, что для станций не вводится изначальной строгой очередности. Каждая станция после появления у неё готового пакета вправе его передавать сразу же, как только обнаружит канал свободным. При этом не исключена возможность возникновения конфликта [11, с. 38], если произойдёт наложение и искажение сигналов, передающих сообщения. В подобных случаях станция прекращает передачу и генерирует случайную задержку, после которой вновь пытается занять канал. Представляет интерес рассмотрение моделей, учитывающих интервалы недоступности прибора (моноканала), когда реализуется этап оповещения о конфликте [12, с. 94 – 111]

и комплексное исследование процессов функционирования прибора и источника повторных вызовов.

Исследованию математических моделей компьютерных сетей связи в виде систем массового обслуживания (СМО) с источником повторных вызовов посвящены работы А. А. Назарова, А. Н. Дудина, И. И. Хомичкова [1, 8 – 10, 13 – 14] и др. Однако ряд задач, посвящённых исследованию RQ-систем и моделей сетей случайного доступа, остаётся не решённым, и для них требуется разработка оригинальных методов исследования, в частности, недостаточно исследованы системы с динамическим протоколом доступа.

В данной статье проведем исследование немарковской RQ-системы с конфликтами заявок, управляемой динамической дисциплиной обслуживания.

1. Математическая модель

Рассмотрим немарковскую однолинейную динамическую RQ-систему, на вход которой поступает простейший поток заявок с интенсивностью λ (рис. 1). Требование, заставшее прибор свободным, занимает его для обслуживания в течение случайного времени, имеющего произвольную функцию распределения $B(x)$. Если во время обслуживания одной заявки поступает другая, то они вступают в конфликт. Обе заявки, попавшие в конфликт, переходят в источник повторных вызовов (ИПВ), из которого с динамической (зависящей от состояния ИПВ) интенсивностью σ/i вновь обращаются к прибору с

попыткой повторного его захвата, то есть вероятность обращения к прибору за время Δt для любой заявки из ИПВ составляет $\frac{\sigma}{i} \Delta t + o(\Delta t)$, если в ИПВ находится i заявок. Если прибор свободен, то поступающая заявка становится на обслуживание, если же он занят, то вновь возникает конфликт заявок и процедура его разрешения повторяется.

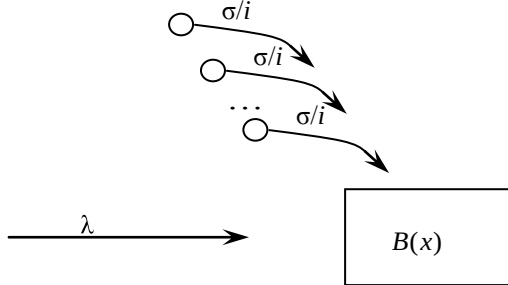

Рис. 1. Немарковская динамическая RQ-система с конфликтами заявок

Задачей данной работы является нахождение распределения вероятностей числа заявок в источнике повторных вызовов.

$$\left\{ \begin{aligned} P(0,0,t+\Delta t) &= P(0,0,t)(1-\lambda\Delta t) + P(1,0,t)\lambda\Delta t + o(\Delta t), \\ P(1,0,t+\Delta t) &= [P(1,0,t) - P(1,0,t)\lambda\Delta t] + P(0,0,t)\lambda\Delta t + P(0,1,t)\sigma\Delta t + o(\Delta t), \\ P(0,1,t+\Delta t) &= P(0,1,t)(1-\lambda\Delta t)(1-\sigma\Delta t) + P(1,1,t)\lambda\Delta t + o(\Delta t), \\ P(1,1,t+\Delta t) &= [P(1,1,t) - P(1,1,t)\lambda\Delta t - P(1,1,t)\sigma\Delta t] + P(0,1,t)\lambda\Delta t + P(1,2,t)\sigma\Delta t + o(\Delta t), \\ &\dots \\ P(0,i,t+\Delta t) &= P(0,i,t)(1-\lambda\Delta t)(1-\sigma\Delta t) + P(1,i,t)\lambda\Delta t + P(0,i-1,t)\sigma\Delta t + o(\Delta t), \\ P(1,i,t+\Delta t) &= [P(1,i,t) - P(1,i,t)\lambda\Delta t - P(1,i,t)\sigma\Delta t] + P(0,i,t)\lambda\Delta t + P(1,i+1,t)\sigma\Delta t + o(\Delta t), \end{aligned} \right. \quad (1)$$

применяя которые, получим систему дифференциальных уравнений Колмогорова и запишем её для стационарного распределения $P(0,i) = P(0,i)$,

$P(1,i,z,t) = P(1,i,z)$:

$$\left\{ \begin{aligned} -P(0,0)\lambda + \frac{\partial P(1,0,0)}{\partial z} &= 0, \\ \frac{\partial P(1,0,z)}{\partial z} - \frac{\partial P(1,0,0)}{\partial z} - P(1,0,z)\lambda + &+ P(0,0)\lambda B(z) + P(0,1)\sigma B(z) = 0, \\ &\dots \\ -P(0,1)(\lambda + \sigma) + \frac{\partial P(1,1,0)}{\partial z} &= 0, \\ \frac{\partial P(1,1,z)}{\partial z} - \frac{\partial P(1,1,0)}{\partial z} - P(1,1,z)(\lambda + \sigma) + &+ P(0,1)\lambda B(z) + P(0,2)\sigma B(z) = 0, \\ &\dots \end{aligned} \right. \quad (2)$$

2. Исследование немарковской динамической RQ-системы с конфликтами заявок

Пусть $i(t)$ – число заявок в ИПВ, $k(t)$ – определяет состояние прибора следующим образом:

$$k(t) = \begin{cases} 0, & \text{если прибор свободен,} \\ 1, & \text{если прибор занят,} \end{cases}$$

$z(t)$ – длина интервала от момента t до момента окончания текущего режима функционирования прибора при $k(t) = 1$ в момент времени t .

Компонента $z(t)$ определяется только в те моменты, когда $k(t) = 1$, если $k(t) = 0$, то компонента $z(t)$ не определяется. Обозначим

$$P(k,t,i,t) = P(0,i,t),$$

$$P(k,t,i,t,z,t) = P(1,i,z,t).$$

Процесс $k(t), i(t), z(t)$ изменения во времени состояний описанной системы является марковским.

Для распределения вероятностей $P(k,i,z,t)$ состояний k,i,z рассматриваемой RQ-системы Δt - методом по формуле полной вероятности составим систему равенств:

$$\left\{ \begin{aligned} -P(0,i)(\lambda + \sigma) + \frac{\partial P(1,i,0)}{\partial z} + &+ P(1,i-1)\lambda + P(1,i-1)\sigma = 0, \\ \frac{\partial P(1,i,z)}{\partial z} - \frac{\partial P(1,i,0)}{\partial z} - P(1,i,z)(\lambda + \sigma) + &+ P(0,i)\lambda B(z) + P(0,i+1)\sigma B(z) = 0. \end{aligned} \right.$$

Чтобы решить систему (2), определим характеристические функции:

$$H(0,u) = \sum_{i=0}^{\infty} e^{ju_i} P(0,i),$$

$$H(1,u,z) = \sum_{i=0}^{\infty} e^{ju_i} P(1,i,z). \quad (3)$$

Тогда из системы (2) с учётом равенств (3) получаем следующую систему уравнений для функций $H(0,u)$ и $H(1,u,z)$:

$$\begin{cases} -H(0,u)(\lambda + \sigma) + P(0,0)\sigma + \frac{\partial H(1,u,0)}{\partial z} + H(1,u)e^{2ju}\lambda + H(1,u)e^{ju}\sigma - P(1,0)e^{ju}\sigma = 0, \\ \frac{\partial H(1,u,z)}{\partial z} - \frac{\partial H(1,u,0)}{\partial z} - H(1,u,z)(\lambda + \sigma) + P(1,0,z)\sigma + H(0,u)\lambda B(z) + H(0,u)e^{-ju}\sigma B(z) - \\ - P(0,0)e^{-ju}\sigma B(z) = 0, \end{cases} \quad (4)$$

которая является системой двух уравнений с двумя основными неизвестными $H(0,u)$, $H(1,u)$ и четырьмя вспомогательными неизвестными $\frac{\partial H(1,u,0)}{\partial z}$, $P(0,0)$, $P(1,0)$ и $P(1,0,z)$.

Нахождение вспомогательных неизвестных

Из первых двух уравнений системы (2) неизвестные $P(1,0)$ и $P(1,0,z)$ выразим через величину $P(0,0)$. Для этого второе уравнение системы (2) запишем в виде:

$$\begin{aligned} \frac{\partial P(1,0,z)}{\partial z} - P(1,0,z)\lambda = \\ = \frac{\partial P(1,0,0)}{\partial z} - P(0,0)\lambda B(z) - P(0,1)\sigma B(z), \end{aligned}$$

откуда получим:

$$P(1,0,z) = e^{\lambda z} \int_0^z e^{-\lambda x} \left\{ \frac{\partial P(1,0,0)}{\partial z} - P(0,0)\lambda B(x) - P(0,1)\sigma B(x) \right\} dx. \quad (5)$$

Так как $\lambda > 0$, следовательно, $\lim_{z \rightarrow \infty} e^{\lambda z} = \infty$,

отсюда следует, что для второго сомножителя выполняется предельное равенство:

$$\int_0^\infty e^{-\lambda x} \left\{ \frac{\partial P(1,0,0)}{\partial z} - P(0,0)\lambda B(x) - P(0,1)\sigma B(x) \right\} dx = 0.$$

Тогда, определяя здесь значения интегралов получим равенство:

$$\frac{\partial P(1,0,0)}{\partial z} - P(0,0)\lambda B^*(\lambda) - P(0,1)\sigma B^*(\lambda) = 0, \quad (6)$$

где

Нахождение $H(0,u)$ и $H(1,u)$.

Перепишем систему (4) в следующем виде:

$$\begin{cases} \frac{\partial H(1,u,0)}{\partial z} - H(0,u)(\lambda + \sigma) + H(1,u)e^{2ju}\lambda + e^{ju}\sigma + P(0,0)\sigma - P(1,0)e^{ju}\sigma = 0, \\ \frac{\partial H(1,u,z)}{\partial z} - H(1,u,z)(\lambda + \sigma) = \frac{\partial H(1,u,0)}{\partial z} - H(0,u)\lambda + e^{-ju}\sigma B(z) + \\ + P(0,0)e^{-ju}\sigma B(z) - P(1,0,z)\sigma. \end{cases}$$

Решая второе уравнение системы, запишем:

$$H(1,u,z) = e^{(\lambda+\sigma)z} \int_0^z e^{-(\lambda+\sigma)x} \left\{ \frac{\partial H(1,u,0)}{\partial z} - H(0,u)\lambda + e^{-ju}\sigma B(x) - P(1,0,x)\sigma + P(0,0)e^{-ju}\sigma B(x) \right\} dx.$$

$$B^*(\lambda) = \int_0^\infty e^{-\lambda x} dB(x). \quad (7)$$

Из первого уравнения системы (2) следует, что

$$\frac{\partial P(1,0,0)}{\partial z} = P(0,0)\lambda, \quad (8)$$

поэтому уравнение (6) примет вид:

$$P(0,0)\lambda(1 - B^*(\lambda)) - P(0,1)\sigma B^*(\lambda) = 0,$$

следовательно,

$$\sigma P(0,1) = \lambda P(0,0) \frac{1 - B^*(\lambda)}{B^*(\lambda)}. \quad (9)$$

Тогда, с учётом (8) и (9), равенство (5) перепишем в виде:

$$\begin{aligned} P(1,0,z) &= P(0,0)e^{\lambda z} \int_0^z e^{-\lambda x} \left\{ \lambda - \lambda B(x) - \right. \\ &\quad \left. - \lambda \frac{1 - B^*(\lambda)}{B^*(\lambda)} B(x) \right\} dx = \\ &= \lambda P(0,0)e^{\lambda z} \int_0^z e^{-\lambda x} \left\{ 1 - \frac{B(x)}{B^*(\lambda)} \right\} dx. \end{aligned}$$

Так как $P(1,0) = \lim_{z \rightarrow \infty} P(1,0,z)$, то

$$\begin{aligned} P(1,0) &= P(0,0) \frac{\lambda \left(1 - \frac{1}{B^*(\lambda)} \right)}{-\lambda} = \\ &= P(0,0) \left(\frac{1}{B^*(\lambda)} - 1 \right) = P(0,0) \frac{1 - B^*(\lambda)}{B^*(\lambda)}. \end{aligned} \quad (10)$$

Таким образом, неизвестные $P(1,0,z)$ и $P(1,0)$ выражены через величину $P(0,0)$, которую определим ниже.

Так как $H(1, u) = \lim_{z \rightarrow \infty} H(1, u, z)$, то

$$H(1, u) = \frac{\frac{\partial H(1, u, 0)}{\partial z} - H(0, u) \lambda + e^{-ju} \sigma - P(1, 0) \sigma + P(0, 0) e^{-ju} \sigma}{-(\lambda + \sigma)},$$

тогда получим следующую систему уравнений:

$$\begin{cases} \frac{\partial H(1, u, 0)}{\partial z} - H(0, u) \lambda + e^{-ju} \sigma + H(1, u) \lambda + \sigma = P(1, 0) \sigma - P(0, 0) e^{-ju} \sigma, \\ \frac{\partial H(1, u, 0)}{\partial z} - H(0, u) \lambda + e^{-ju} \sigma - B^*(\lambda + \sigma) = P^*(1, 0, \lambda + \sigma) \sigma - P(0, 0) e^{-ju} \sigma B^*(\lambda + \sigma), \\ \frac{\partial H(1, u, 0)}{\partial z} - H(0, u) (\lambda + \sigma) + H(1, u) e^{2ju} \lambda + e^{ju} \sigma = P(1, 0) e^{ju} \sigma - P(0, 0) \sigma, \end{cases} \quad (11)$$

где $P(1, 0)$ определяется равенством (10),

$$B^*(\lambda + \sigma) = \int_0^\infty e^{-\lambda + \sigma z} dB(z), \quad (12)$$

$$P^*(1, 0, \lambda + \sigma) = \int_0^\infty e^{-\lambda + \sigma z} dP(1, 0, z) = \frac{\lambda}{\sigma} P(0, 0) \frac{B^*(\lambda) - B^*(\lambda + \sigma)}{B^*(\lambda)}.$$

Система (11) является системой трех уравнений относительно двух основных неизвестных $H(0, u)$, $H(1, u)$ и двух вспомогательных неизвестных $\frac{\partial H(1, u, 0)}{\partial z}$ и $P(0, 0)$.

Для того чтобы найти $\frac{\partial H(1, u, 0)}{\partial z}$, домножим первое уравнение системы (11) на $-e^{ju}$ и, складывая с третьим, запишем:

$$\frac{\partial H(1, u, 0)}{\partial z} (1 - e^{ju}) - H(0, u) \lambda (1 - e^{ju}) - H(1, u) \lambda e^{ju} (1 - e^{ju}) = 0,$$

откуда получим равенство:

$$\frac{\partial H(1, u, 0)}{\partial z} = H(0, u) \lambda + H(1, u) \lambda e^{ju}. \quad (13)$$

Таким образом в системе (11) остается неизвестно только одна вспомогательная величина $P(0, 0)$, для того, чтобы её определить в системе (11), положим $u = 0$, получим следующую систему двух уравнений:

$$\begin{cases} \frac{\partial H(1, 0, 0)}{\partial z} - H(0, 0) \lambda + \sigma + H(1, 0) \lambda + \sigma = P(1, 0) \sigma - P(0, 0) \sigma, \\ \frac{\partial H(1, 0, 0)}{\partial z} - H(0, 0) \lambda + \sigma - B^*(\lambda + \sigma) = P^*(1, 0, \lambda + \sigma) \sigma - P(0, 0) \sigma B^*(\lambda + \sigma). \end{cases} \quad (14)$$

При $u = 0$ из (13) получим:

$$\frac{\partial H(1, u, 0)}{\partial z} \Big|_{u=0} = H(0, 0) \lambda + H(1, 0) \lambda = \lambda.$$

Применяя это равенство к уравнениям системы (14) получаем систему двух уравнений:

$$\begin{cases} 2\lambda + \sigma - 2H(0, 0) \lambda + \sigma = \\ = \sigma P(0, 0) \frac{1 - B^*(\lambda)}{B^*(\lambda)} - \sigma P(0, 0), \\ \lambda - H(0, 0) \lambda + \sigma - B^*(\lambda + \sigma) = \\ = \lambda P(0, 0) \frac{B^*(\lambda) - B^*(\lambda + \sigma)}{B^*(\lambda)} - \\ - \sigma P(0, 0) B^*(\lambda + \sigma), \end{cases} \quad (15)$$

относительно двух неизвестных $H(0, 0)$ и $P(0, 0)$. Из полученной системы (15) нетрудно получить выражение, определяющее значение величины $P(0, 0)$:

$$P(0, 0) = \frac{2\lambda + \sigma - B^*(\lambda + \sigma) - 2\lambda}{2\lambda + \sigma - B^*(\lambda + \sigma) - 2\lambda B^*(\lambda)} B^*(\lambda). \quad (16)$$

Таким образом, значение величины $P(0, 0)$ определяется равенством (16), а с учётом равенства (13) в системе (11) значения функций $H(k, u)$ определяются однозначно из следующей системы:

$$\begin{cases} H(0, u) \lambda - \lambda + \sigma e^{-ju} B^*(\lambda + \sigma) + H(1, u) \lambda e^{ju} = P(0, 0) \left\{ \lambda \frac{B^*(\lambda) - B^*(\lambda + \sigma)}{B^*(\lambda)} - \sigma e^{-ju} B^*(\lambda + \sigma) \right\}, \\ -H(0, u) \sigma e^{-ju} + H(1, u) \lambda e^{ju} + \lambda + \sigma = P(0, 0) \left\{ \sigma \frac{1 - B^*(\lambda)}{B^*(\lambda)} - \sigma e^{-ju} \right\}. \end{cases}$$

Решая данную систему уравнений, выражения для нахождения функций $H(0, u)$ и $H(1, u)$ примут вид:

$$\begin{cases} H(0, u) = \frac{\lambda - \lambda + \sigma e^{-ju} B^*(\lambda + \sigma) \left\{ \sigma \frac{1 - B^*(\lambda)}{B^*(\lambda)} - \sigma e^{-ju} \right\} + \sigma e^{-ju} \left\{ \lambda \frac{B^*(\lambda) - B^*(\lambda + \sigma)}{B^*(\lambda)} - \sigma e^{-ju} B^*(\lambda + \sigma) \right\}}{\lambda - \lambda + \sigma e^{-ju} B^*(\lambda + \sigma) \lambda e^{ju} + \lambda + \sigma + \lambda \sigma} P(0, 0), \\ H(1, u) = \frac{\left\{ \lambda \frac{B^*(\lambda) - B^*(\lambda + \sigma)}{B^*(\lambda)} - \sigma e^{-ju} B^*(\lambda + \sigma) \right\} (\lambda e^{ju} + \lambda + \sigma) \left\{ \sigma \frac{1 - B^*(\lambda)}{B^*(\lambda)} - \sigma e^{-ju} \right\} \lambda e^{ju}}{\left\{ - (\lambda + \sigma e^{-ju}) B^*(\lambda + \sigma) \right\} (\lambda e^{ju} + \lambda + \sigma) + \lambda \sigma} P(0, 0), \end{cases}$$

где преобразования Лапласа-Стилтьеса $B^*(\lambda)$ и $B^*(\lambda + \sigma)$ определяются равенствами (7) и (12) соответственно, а $P(0, 0)$ определяется равенством (16).

Так как характеристическая функция $h(u) = M e^{juu(t)}$ определяется равенством:

$$h(u) = H(0, u) + H(1, u),$$

то распределение вероятностей $P(i)$ числа заявок в источнике повторных вызовов определяется обратным преобразованием Фурье:

$$P(i) = \frac{1}{2\pi} \int_{-\pi}^{\pi} e^{-juu} h(u) du. \quad (17)$$

Численное интегрирование в (17) при заданных значениях параметров λ , σ и преобразованиях Лапласа-Стилтьеса $B^*(\lambda)$ и $B^*(\lambda + \sigma)$ не представляет труда для широкого спектра значений i .

3. Исследование условия существования стационарного режима

В силу свойств вероятности, должны выполняться неравенства $0 < P(0, 0) < 1$, то есть из (16) запишем двойное неравенство:

$$0 < \frac{2\lambda + \sigma B^*(\lambda + \sigma) - 2\lambda}{2\lambda + \sigma B^*(\lambda + \sigma) - 2\lambda B^*(\lambda)} B^*(\lambda) < 1,$$

которое определяет условие существования стационарного режима. Таким образом, в данном неравенстве необходимо, чтобы числитель и знаменатель принимали значения одного и того же знака. Нетрудно показать, что эти значения должны быть положительными, тогда имеет место система трёх неравенств:

$$\begin{cases} 2\lambda + \sigma B^*(\lambda + \sigma) - 2\lambda < 2\lambda + \sigma B^*(\lambda + \sigma) - 2\lambda B^*(\lambda), \\ 2\lambda + \sigma B^*(\lambda + \sigma) > 2\lambda, \\ 2\lambda + \sigma B^*(\lambda + \sigma) > 2\lambda B^*(\lambda). \end{cases}$$

Таким образом, из вида этой системы следует, что при выполнении второго неравенства

$$2\lambda + \sigma B^*(\lambda + \sigma) > 2\lambda, \quad (18)$$

выполняются также и два остальных неравенства.

Полученное неравенство (18) является необходимым и достаточным условием существования стационарного режима в немарковской динамической RQ-системы с конфликтами заявок.

4. Численные результаты

1) Рассмотрим гамма-распределение времени обслуживания заявок. Для гамма-распределения с параметрами α и β преобразования Лапласа-Стилтьеса $B^*(\lambda)$ и $B^*(\lambda + \sigma)$ имеют следующий вид:

$$B^*(\lambda) = \left(\frac{\beta + \lambda}{\beta} \right)^{-\alpha},$$

$$B^*(\lambda + \sigma) = \left(\frac{\beta + \lambda + \sigma}{\beta} \right)^{-\alpha}. \quad (19)$$

Значение пропускной способности для RQ-системы с таким гамма-распределением будет определяться условием (18), в котором $B^*(\lambda + \sigma)$ имеет соответствующий вид (19).

Определение. Пропускной способностью сети связи называется точная верхняя граница S тех значений загрузки $\rho = \lambda b$, где b – среднее значение времени обслуживания, для которых в математической модели сети существует стационарный режим.

Для заданных значений параметров $\sigma = 0,5$, $\alpha = \beta = 0,5$ пропускная способность данной системы $S = 0,379$, тогда параметр λ примем равным $\lambda = 0,35$. Распределение вероятностей $P_1(i)$ числа заявок в источнике повторных вызовов определяется обратным преобразованием Фурье (17) и приведено в табл. 1, где также указаны значения величин $\delta_1(i) = P_1(i + 1) / P_1(i)$.

Таблица 1

**Распределение вероятностей $P_1(i)$ числа заявок в ИПВ
при гамма-распределении времени обслуживания**

i	0	1	2	3	4	5	6	7	8
$P_1(i)$	0,1566	0,0420	0,0720	0,0593	0,0557	0,0508	0,0467	0,0428	0,0393
$\delta_1(i)$	0,2680	1,7151	0,8231	0,9403	0,9122	0,9183	0,9169	0,9172	0,9172
i	9	10	11	12	13	14	15	16	...
$P_1(i)$	0,0360	0,0330	0,0303	0,0278	0,0255	0,0234	0,0214	0,0196	...
$\delta_1(i)$	0,9172	0,9172	0,9172	0,9172	0,9172	0,9172	0,9172	0,9172	...

Данное распределение вероятностей $P_1(i)$ обладает свойством стабилизации последовательности соотношений $\delta_1(i) = P_1(i+1) / P_1(i)$, которая достаточно быстро стабилизируется и принимает постоянное значение при $i > 3$ с точностью до двух знаков после запятой. Аналогичные результаты имеют место и для других значений параметров λ , σ , α и β .

2) При $\alpha = 1$ и $\beta = \mu$ гамма-распределение является экспоненциальным, то есть требование, заставшее прибор свободным, занимает его для обслуживания в течение случайного времени, имеющего экспоненциальную функцию распределения с параметром μ . Тогда $B^*(\lambda)$ и $B^*(\lambda + \sigma)$ примут

$$\text{вид: } B^*(\lambda) = \frac{\mu}{\mu + \lambda}, \quad B^*(\lambda + \sigma) = \frac{\mu}{\mu + \lambda + \sigma},$$

а значение величины $P(0,0)$ будет выглядеть следующим образом:

$$P(0,0) = \frac{\sigma\mu - 2\lambda}{\sigma} \frac{\lambda + \sigma}{\mu - \lambda}.$$

В силу свойств вероятности должно выполняться следующее неравенство:

$$\frac{\lambda}{\mu} < \frac{1}{1 + \sqrt{1 + \frac{2\mu}{\sigma}}} = S, \quad (20)$$

где S – пропускная способность рассматриваемой системы.

Определим значение параметра λ . Для заданных значений параметров $\mu = 1$, $\sigma = 4$ пропускная способность данной системы $S = 0,4495$, поэтому примем $\lambda = 0,4$. Распределение вероятностей $P_2(i)$ числа заявок в источнике повторных вызовов определяется обратным преобразованием Фурье (17) (табл. 2).

Таблица 2

**Распределение вероятностей $P_2(i)$ числа заявок в ИПВ
при экспоненциальном распределении времени обслуживания**

i	0	1	2	3	4	5	6	7	8
$P_2(i)$	0,2800	0,0432	0,0795	0,0685	0,0607	0,0537	0,0476	0,0421	0,0373
$\delta_2(i)$	0,1543	1,8400	0,8617	0,8864	0,8851	0,8851	0,8851	0,8851	0,8851
i	9	10	11	12	13	14	15	16	...
$P_2(i)$	0,0330	0,0292	0,0259	0,0229	0,0203	0,0179	0,0159	0,0141	...
$\delta_2(i)$	0,8851	0,8851	0,8851	0,8851	0,8851	0,8851	0,8851	0,8851	...

Распределение вероятностей $P_2(i)$ также обладает свойством стабилизации последовательности соотношений $\delta_2(i) = P_2(i+1) / P_2(i)$ и при $i > 2$ принимает постоянное значение с точностью до двух знаков после запятой. Аналогичные результаты имеют место и для других значений параметров λ , σ и μ .

Результаты, полученные в случае экспоненциального распределения времени обслуживания, совпадают с результатами исследования марковской динамической RQ-системы с конфликтами заявок [7, с. 73 – 84].

Заключение

Таким образом, в данной статье проведено исследование немарковской динамической RQ-системы с конфликтами заявок. В результате исследования получена характеристическая функция для распределения вероятностей $P(i)$ числа заявок в источнике повторных вызовов в виде обратного преобразования Фурье (17). Найдено условие существования стационарного режима данной RQ-системы в виде (18).

Далее для гамма-распределения и экспоненциального распределения времени обслуживания заявок найдены распределение вероятностей $P_1(i)$ и

$P_2(i)$ числа заявок в ИПВ соответственно. Обнаружено свойство стабилизации последовательностей соотношений $\delta(i) = P(i+1) / P(i)$. Показано, что распределение вероятностей $P_2(i)$ совпадает с полученным ранее распределением вероятностей числа заявок в ИПВ при исследовании марковской динамической RQ-системы с конфликтами заявок.

Литература

1. Назаров, А. А. Теория массового обслуживания: учеб. пособие / А. А. Назаров, А. Ф. Терпугов. – Томск: НТЛ, 2010. – 228 с.
2. Гнеденко, Б. В. Введение в теорию массового обслуживания / Б. В. Гнеденко, И. Н. Коваленко. Изд. 3-е, испр. и доп. – М.: КомКнига, 2005. – 400 с.
3. Саати, Т. Л. Элементы теории массового обслуживания и её приложения / Т. Л. Саати. – М.: Сов. радио, 1971.
4. Artalejo, J. R. Retrial Queueing Systems: A Computational Approach / J. R. Artalejo, A. Gomez-Corral. – Springer, 2008. – 309 p.
5. Falin, G. I. A finite source retrial queue / G. I. Falin, J. R. Artalejo // European Journal of Operation Research. – 1998. – № 108.
6. Falin, G. I. Approximations for multiserver queues with balking/retrial discipline / G. I. Falin, J. R. Artalejo. – OR Spektrum, 1995.
7. Любина, Т. В. Исследование марковской динамической RQ-системы с конфликтами заявок / Т. В. Любина, А. А. Назаров // Вестник Томского государственного университета. Управление, вычислительная техника и информатика. – 2010. – № 3(12).

8. Назаров, А. А. Сравнение асимптотической и допредельной модели сети связи с динамическим протоколом случайного множественного доступа / А. А. Назаров, С. Л. Шохор; под ред. И. А. Александрова и др. – Томск: Пелент, 1998.

9. Назаров, А. А. Исследование сети связи с динамическим протоколом «синхронная Алоха» в условиях большой загрузки / А. А. Назаров, Ю. Д. Одышев // Автоматика и вычислительная техника. – 2001. – № 1.

10. Назаров, А. А. Устойчивое функционирование нестабильных сетей связи с протоколами случайного множественного доступа / А. А. Назаров // Проблемы передачи информации. – 1997. – № 2.

11. Любина, Т. В. Аппроксимация допредельного распределения в динамической RQ-системе с конфликтами заявок / Т. В. Любина, А. А. Назаров // Новые информационные технологии в исследовании сложных структур: тезисы докладов VIII Российской конференции с международным участием. – Томск: НТЛ, 2010.

12. Назаров, А. А. Метод асимптотических се-минвариантов для исследования математической модели сети случайного доступа / А. А. Назаров, Е. А. Судыко // Проблемы передачи информации. – 2010. – № 1.

13. Дудин, А. Н. Системы массового обслуживания с коррелированными потоками / А. Н. Дудин, В. И. Клименок. – Минск: БГУ, 2000. – 221 с.

14. Хомичков И. И. Системы массового обслуживания с повторными вызовами и вероятность потери при двоянных соединениях / И. И. Хомичков // Доклады НАН Беларуси. – 1998. – Т. 42. – № 2.

УДК 27 21 00

РАЗБИЕНИЕ КЛАССА D НА ПОДКЛАССЫ

Т. М. Пуолохайнен

CLASSIFICATION CLASS D OF POLYHEDRONS

T. M. Puolokhajnen

Настоящая работа посвящена разбиению выпуклых многогранников одного класса на подклассы. Принципом классификации является количество направлений в пространстве, параллельно которым расположены грани фрагментов призматических частей, принадлежащих границе многогранника. Рассматриваемая задача связана с проблемой Хадвигера о покрытии выпуклых геометрических тел их образами при гомотетии с коэффициентами, меньшими единицы.

The paper is continuation of the author's series of paper devoted to the solution of Hadwiger's problem connected with covering of convex polyhedrons with help of body images at homothety. The problem under discussion can be described as follows: to give the classification of all convex polyhedrons the surface of which includes a special part.

Ключевые слова: выпуклые многогранники, классификация, покрытие, гомотетия.

Keywords: convex polyhedrons, classification, covering, homothety.

Введение

В работе [1] Хадвигер сформулировал гипотезу, согласно которой для покрытия любого выпуклого тела в n -мерном евклидовом пространстве достаточно 2^n тел меньших размеров, гомотетичных данному телу. В работе [2, с. 34 – 40] автора все выпуклые

многогранники трехмерного евклидова пространства были разбиты на четыре класса: A, B, C, D . В работе [3, с. 151 – 154] автора была осуществлена классификация многогранников класса A . Работа [4] автора посвящена покрытию многогранников класса A их меньшими копиями при гомотетии в трехмер-

ном евклидовом пространстве. В работе [2, с. 34 – 40] автора к классу B были отнесены выпуклые многогранники, поверхность которых содержит одну или несколько призматических частей. В работе [2, с. 34 – 40] автора к классу C были отнесены выпуклые многогранники, граница которых содержит, по крайней мере, одну поверхность переходного типа и не содержит призматических частей. Настоящая статья посвящена разбиению всех многогранников класса D на подклассы. Классификация многогранников класса D необходима для того, чтобы решить задачу покрытия не отдельно взятого многогранника этого класса его образами при гомотетии с коэффициентами, меньшими единицы, а целого класса выпуклых многогранников. Например, если многогранник принадлежит первому подклассу класса D , то его покрытие можно осуществить точно так же, как покрытие многогранника класса A , если нормали граней удовлетворяют дополнительному условию. Если это дополнительное условие не выполнено, то для покрытия многогранника найден другой прием. Аналогично может быть осуществлено покрытие многогранников второго и третьего подкласса класса D .

1. Некоторые определения

В работе [2, с. 34 – 40] автора введено понятие призматической части поверхности. Напомним это определение.

Определение 1. Пусть M — выпуклый многогранник и q — некоторая прямая в пространстве. Пусть имеется n граней многогранника M , параллельных прямой q ($n \geq 3$). Пусть все n граней, параллельных прямой q , образуют одну компоненту связности. Пусть эта компонента связности гомеоморфна кольцу между двумя окружностями. Граница компоненты связности состоит из двух замкнутых непересекающихся ломаных, каждая из которых топологически эквивалентна окружности. В этом случае будем говорить, что граница выпуклого многогранника содержит призматическую часть.

В работе автора [2, с. 34 – 40] дано определение поверхности переходного типа. Напомним это определение.

Пусть на плоскости заданы две окружности w и w_1 , центры и радиусы которых различны. Пусть эти окружности касаются внутренним образом в точке Q . Множество точек плоскости, заключенных между двумя окружностями, включая окружности и точку Q , обозначим W .

Определение 2. Рассмотрим выпуклый многогранник M . q — некоторая прямая в пространстве. Пусть имеется n граней многогранника M , параллельных прямой q ($n \geq 3$), и образующих одну компоненту связности, гомеоморфную множеству W . Компоненту связности границы многогранника, топологически эквивалентную множеству W , назовем многогранной *поверхностью переходного типа*.

Дадим определение фрагмента призматической части поверхности.

Определение 3. Рассмотрим все грани выпуклого многогранника, параллельные некоторой прямой m в пространстве. Пусть эти грани образуют одну компоненту связности. Пусть эта компонента связности границы многогранника состоит не менее, чем из трех граней и топологически эквивалентна кругу. Такую часть поверхности многогранника назовем *фрагментом призматической части первого вида*.

Замечание 1. Граница фрагмента призматической части первого вида представляет собой простую замкнутую пространственную ломаную.

Рассмотрим множество кругов $w_1, w_2, \dots, w_n$, где $n \geq 2$. Пусть любые два соседние круга касаются, при этом не соседние круги общих точек не имеют. Обозначим точки касания пар соседних кругов

$$A_1 = w_1 \cap w_2; A_2 = w_2 \cap w_3; \dots; A_{n-1} = w_{n-1} \cap w_n.$$

Круги w_1 и w_n не имеют общих точек. Обозначим объединение всех таких кругов U .

Определение 4. Пусть имеется выпуклый многогранник. Рассмотрим все его грани, параллельные некоторой прямой m пространства. Пусть эти грани образуют компоненту связности, топологически эквивалентную множеству U . Такое объединение граней многогранника назовем *фрагментом призматической части второго вида*.

Замечание 2. Граница фрагмента призматической части второго вида представляет собой объединение n простых замкнутых ломаных. Каждые две соседние простые замкнутые ломаные имеют одну общую вершину. Граница фрагмента призматической части второго вида содержит $n-1$ общих вершин.

Дадим определение многогранника класса D .

Определение 5. К классу D отнесем такие выпуклые многогранники, граница которых не содержит призматической части, не содержит поверхности переходного типа, но содержит один или несколько фрагментов призматической части первого или второго вида.

2. Разбиение класса D на подклассы

Все многогранники класса D разобьем на три подкласса, каждый из которых будем называть классом. Принципом разбиения выбираем количество направлений, параллельно которым расположены фрагменты призматических частей, лежащие на границе многогранника.

К классу $D1$ отнесем многогранники класса D , граница которых содержит один или несколько фрагментов призматических частей, грани которых параллельны *одному* направлению в пространстве.

Пусть m и q — две не параллельные прямые в пространстве. Пусть границе выпуклого многогранника M класса D принадлежит один или несколько фрагментов призматических частей, параллельных прямой m . Пусть границе того же многогранника принадлежит еще один или несколько фрагментов призматических частей, параллельных прямой q . В этом случае многогранник отнесем к классу $D2$.

Пусть m , p и q — три попарно не параллельные прямые в пространстве. Пусть границе выпуклого многогранника класса D принадлежит один или не-

сколько фрагментов призматических частей, параллельных прямой m . Пусть поверхности многогранника M принадлежит один или несколько фрагментов призматических частей, параллельных прямой p . Пусть, кроме того, границе многогранника M принадлежит один или несколько фрагментов призматических частей, параллельных прямой q . В этом случае многогранник отнесем к классу $D3$.

Замечание 3. Фрагменты призматических частей, о которых говорится в описании классов $D1$, $D2$, $D3$, могут быть как *первого*, так и *второго* вида.

Замечание 4. Многогранники класса D могут содержать фрагменты призматических частей, параллельные *четырем и более* направлениям в пространстве. Все такие многогранники класса D также отнесем к классу $D3$.

3. Классификация многогранников класса $D1$

Напомним, что в класс $D1$ вошли многогранники, граница которых содержит один или несколько фрагментов призматических частей. Каждая грань фрагмента (фрагментов) призматической части параллельна одному направлению в пространстве. Все многогранники класса $D1$ разобьем на два класса.

1) Многогранники класса $D1$, содержащие *один* фрагмент призматической части (первого или второго вида).

2) Многогранники класса $D1$, содержащие *два и более* фрагментов призматической части (первого или второго вида).

Сначала рассмотрим многогранники класса $D1$, содержащие *один* фрагмент призматической части *первого вида*. Все такие многогранники разделим на подклассы по следующему принципу. Рассмотрим единичные векторы внешних нормалей к каждой грани фрагмента призматической части. Пусть фрагменту призматической части принадлежат грани $\alpha_1, \alpha_2, \dots, \alpha_k$. Обозначим единичные векторы внешних нормалей граней $\alpha_1, \alpha_2, \dots, \alpha_k$ соответственно $\vec{n}_1, \vec{n}_2, \dots, \vec{n}_k$. Перенесем единичные векторы внешних нормалей граней на единичную сферу. Все эти векторы лежат в одной плоскости. В работе [2, с. 34 – 40] автора было доказано, что угол между векторами $\vec{n}_1$ и $\vec{n}_k$ меньше 360° . Все многогранники класса $D1$, содержащие *один* фрагмент призматической части *первого вида*, разделим на три множества по углу между векторами. Для этого обозначим угол между векторами $\vec{n}_1$ и $\vec{n}_k$ буквой ϕ :

- 1) $\phi < 180^\circ$,
- 2) $\phi = 180^\circ$,
- 3) $\phi > 180^\circ$.

Многогранники класса $D1$, содержащие *один* фрагмент призматической части *второго вида*, также можно классифицировать по углу, который обра-

зуют векторы единичных внешних нормалей $\vec{n}_1$ и $\vec{n}_k$.

В работе [2] автора сформулирована теорема, в которой описано свойство фрагментов призматических частей, параллельных одному направлению.

Теорема. Рассмотрим многогранник класса $D1$, фрагмент призматической части которого параллелен направлению q в пространстве. Вынесем единичные векторы внешних нормалей граней фрагмента призматической части на единичную сферу. Обозначим концы единичных векторов $A_1, A_2, \dots, A_n$. Рассмотрим объединение дуг $A_1A_2, A_2A_3, \dots, A_{n-1}A_n$. Получим дугу A_1A_n окружности большого круга. Пусть имеется еще один или несколько фрагментов призматических частей многогранника M , параллельных направлению q , которым соответствуют свои дуги окружности большого круга. Все полученные таким образом дуги окружности большого круга не имеют общих точек.

Рассмотрим многогранники класса $D1$, содержащие *два и более* фрагментов призматической части (первого или второго вида), параллельных *одному* направлению. Если построить векторы единичных внешних нормалей к каждой грани каждого фрагмента, а затем перенести все эти векторы на единичную сферу, то все они окажутся лежащими в одной плоскости единичной сферы. Пусть, для определенности, поверхность многогранника класса $D1$ содержит *три* фрагмента призматической части, каждый из которых параллелен некоторой прямой. Пусть $\vec{n}_1, \vec{n}_2, \dots, \vec{n}_k$ – единичные векторы внешних нормалей первого фрагмента призматической части. Обозначим

$$\alpha = \angle(\vec{n}_1, \vec{n}_k).$$

Аналогично для второго и третьего фрагментов призматических частей получим

$$\beta = \angle(\vec{m}_1, \vec{m}_j), \quad \gamma = \angle(\vec{p}_1, \vec{p}_m).$$

Так как многогранник выпуклый, то углы α, β, γ не имеют общих точек, кроме центра окружности. Заштрихуем эти углы. Среди трех не заштрихованных углов окружности выбираем такой угол, мера которого наибольшая. Если все не заштрихованные углы равны, то выбираем любой из них. Обозначим меру этого угла ∂ . Угол, равный разности полного угла и угла ∂ , назовем углом закрутки фрагментов призматических частей, параллельных одному направлению в пространстве. Обозначим меру угла закрутки фрагментов призматических частей в данном направлении ϕ . Мы рассмотрели случай, когда фрагментов призматических частей на поверхности многогранника *три*. Аналогично рассматриваем случай, когда границе многогранника принадлежит любое *конечное число* фрагментов призматических частей, параллельных *одному* направлению в пространстве.

Все многогранники класса $D1$, содержащие *несколько* фрагментов призматической части, парал-

лельных одному направлению в пространстве, разделим на подклассы по величине угла закрутки ϕ фрагментов призматических частей.

- 1) Угол ϕ меньше развернутого угла.
- 2) Угол ϕ равен развернутому углу.
- 3) Угол ϕ больше развернутого угла.

4. Классификация многогранников классов D2 и D3

Рассмотрим теперь многогранник класса D2. Пусть граница многогранника содержит фрагменты призматических частей, грани которых параллельны двум направлениям в пространстве. В каждом из направлений может быть расположен один или несколько фрагментов призматических частей первого или второго вида. Особенности расположения фрагментов призматических частей в одном направлении были рассмотрены в пункте 3. Все рассмотрения пункта 3 можно перенести на фрагменты призматических частей, расположенные в каждом из двух направлений. Если рассмотреть фрагменты призматических частей первого или второго вида, параллельные двум направлениям, то возможны такие случаи их взаимного расположения:

1) пересечение двух фрагментов призматических частей, взятых по одному из каждого направления, может быть пусто;

2) пересечение фрагментов призматических частей разных направлений может состоять из одной грани или одной вершины;

3) пересечение фрагментов призматических частей разных (двух) направлений может состоять из двух параллельных граней, одной грани и одной вершины, а также из двух вершин.

Аналогичные рассмотрения можно осуществить и для многогранников класса D3.

Литература

1. Hadwiger, G. *Ungeloste Probleme*. References Elem. der Math / G. Hadwiger. – 1957. – № 20.
2. Пуолокайнен, Т. М. Классификация выпуклых многогранников / Т. М. Пуолокайнен // Труды ПетрГУ. Сер. «Математика». – 2004. – Вып. 11.
3. Пуолокайнен, Т. М. Разбиение многогранников класса A на подклассы / Т. М. Пуолокайнен // Альманах современной науки и образования. – № 7(14).
4. Пуолокайнен, Т. М. Покрытие многогранников класса A образами многогранников при гомотетии / Т. М. Пуолокайнен // Вестник ВСГУ. Сер. «Естественные науки». – 2008. – № 4.

УДК 519.872

ИССЛЕДОВАНИЕ СИСТЕМЫ $MAP^{(2)}|GI_2|_{\infty}$ МЕТОДОМ ПРОСЕЯННОГО ПОТОКА

И. А. Синякова, С. П. Моисеева

INVESTIGATION OF THE $MAP^{(2)}|GI_2|_{\infty}$ SYSTEM WITH THE METHOD OF SCREENING FLOW

I. A. Sinaykova, S. P. Moiseeva

Работа выполнена при поддержке АВЦП «Развитие научного потенциала высшей школы (2009-2011 годы)» Федерального агентства по образованию РФ по проекту «Разработка методов исследования немарковских систем массового обслуживания и их применения к сложным экономическим системам и компьютерным сетям связи».

В работе проведено исследование немарковской модели параллельного обслуживания двояких заявок в системе массового обслуживания, состоящей из двух блоков обслуживания с неограниченным числом обслуживающих приборов. На вход системы поступает MAP-поток двояких заявок. Для исследования таких систем массового обслуживания предлагается оригинальный метод просеянного потока. Получены вид характеристической функции для рассматриваемой системы и асимптотические приближенные равенства первого и второго порядков.

In this paper we study non-Markov models of parallel double service applications in a queuing system consisting of two blocks of service with an unlimited number of servers. The input to the system MAP-flow dual applications comes. The original method screening flow is proposed for investigating these queuing systems. We received the form of the characteristic function for the system and the asymptotic approximate equality of the first and second orders.

Ключевые слова: немарковские системы с неограниченным числом обслуживающих приборов, метод просеянного потока, параллельное обслуживание, метод асимптотического анализа.

Keywords: non-Markov system with an unlimited number of servers, the method screening flow, parallel service, the method of asymptotic analysis.

1. Постановка задачи

На современном этапе развития теории массового обслуживания одним из востребованных направ-

лений является исследование систем массового обслуживания (СМО) с групповым поступлением заявок и параллельным обслуживанием [1, 2]. Область

применения таких СМО довольно обширна, например, при моделировании современных информационно-вычислительных систем необходимо учитывать пакетный характер трафика, а также один из основных принципов при проектировании современных компьютерных сетей – параллельность процессов обработки информации [6, 7]. Поэтому возникает необходимость в разработке новых математических моделей систем массового обслуживания, а именно, систем с неординарными входящими потоками и различными вариантами обслуживания, в том числе с двумя и более блоками обслуживания.

В качестве математической модели процесса распараллеливания вычислений предлагается рассмотреть систему массового обслуживания с двумя блоками обслуживания, каждый из которых содержит неограниченное число приборов (рис. 1).

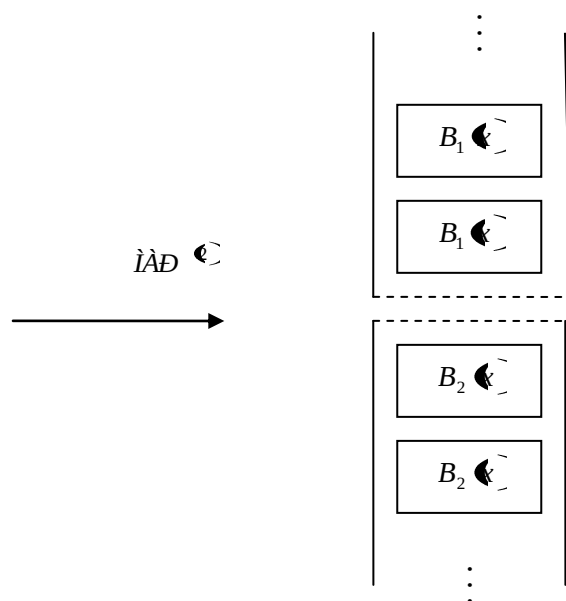

Рис. 1. СМО с параллельным обслуживанием двойных заявок

Пусть на вход системы обслуживания поступает МАР-поток двойных заявок, то есть в момент наступления события в рассматриваемом потоке в систему одновременно поступают две заявки. Будем считать, что МАР-поток определяется эргодической цепью Маркова $k(t)$, заданной матрицей Q – её инфинитезимальных характеристик q_{k1k2} , набором неотрицательных величин $\lambda_k \geq 0$ и набором вероятностей d_{k1k2} для любых $k_1 \neq k_2$ [3].

Дисциплина обслуживания определяется тем, что одна из этих заявок поступает в первый, а дру-

гая во второй блоки обслуживания и занимает любой из свободных приборов, на котором выполняется ее обслуживание. Продолжительности обслуживания различных заявок стохастически независимы и одинаково распределены для всех приборов соответствующего блока [4]. Пусть $B_1(x)$, $B_2(x)$ функции распределения времени обслуживания для первого и второго блоков соответственно.

Обозначим $i_1(t), i_2(t)$ – число приборов, занятых в момент времени t в первом и втором блоках обслуживания, а стационарное распределение вероятностей значений процесса $\{i_1(t), i_2(t)\}$ обозначим

$$\vec{i} = (i_1, i_2) = P \{i_1(t) = i_1, i_2(t) = i_2\}$$

Для рассматриваемой системы ни двумерный случайный процесс $\{i_1(t), i_2(t)\}$ изменения во времени состояний системы, ни трехмерный случайный процесс $\{k(t), i_1(t), i_2(t)\}$ не являются марковскими.

Для исследования рассматриваемой системы $MAP^{(2)}|GI_2|\infty$ применим метод просеянного потока [5].

2. Метод просеянного потока

Предлагаемый метод позволяет проблему исследования немарковской системы обслуживания с неограниченным числом приборов свести к задаче анализа нестационарного марковизируемого потока.

На оси времени t отметим моменты наступления событий этого потока. Выделим некоторый момент времени t_1 . Пусть $t_1 = 0$. Будем полагать, что заявки входящего потока, поступившие в систему в момент времени $t < t_1 = 0$ формируют события двумерного просеянного потока, с вероятностями $S_1(t) = 1 - B_1(-t)$, $S_2(t) = 1 - B_2(-t)$, а с вероятностью $1 - S_1(t)$ и $1 - S_2(t)$ не рассматриваются.

Обозначим $\{n_1(t), n_2(t)\}$ – двумерный процесс, компоненты которого характеризуют число событий просеянных потоков, наступивших до момента времени t .

Если в некоторый начальный момент времени $t_0 < t_1$ система обслуживания свободна, то есть в ней нет обслуживаемых заявок, то для момента времени t_1 выполняется равенство: $i_1(t) = n_1(t)$, $i_2(t) = n_2(t)$, то есть число $i_k(t_1)$ приборов, занятых в k -м блоке обслуживания рассматриваемой системы обслуживания, равно числу $n_k(t_1)$ событий просеянного потока, наступивших до момента времени t_1 .

Для распределения вероятностей:

$$\begin{aligned} P(k, n_1, n_2, t) &= \\ &= P \{k(t) = k, n_1(t) = n_1, n_2(t) = n_2\}, \end{aligned}$$

по формуле полной вероятности запишем следующее равенство [4]:

$$\begin{aligned} P(k, n_1, n_2, t + \Delta t) &= P(k, n_1, n_2, t) [1 - \lambda_k \Delta t] + q_{kk} \Delta t P(k, n_1 - 1, n_2 - 1, t) + \lambda_k \Delta t S_1(t) S_2(t) + \\ &+ P(k, n_1 - 1, n_2, t) \lambda_k \Delta t S_1(t) [1 - S_2(t)] + P(k, n_1, n_2 - 1, t) \lambda_k \Delta t S_2(t) [1 - S_1(t)] + \\ &+ P(k, n_1, n_2, t) \lambda_k \Delta t [1 - S_1(t) - 1 - S_2(t)] + \sum_{\nu \neq k} P(\nu, n_1, n_2, t) [1 - d_{\nu k}] + \\ &+ [P(\nu, n_1 - 1, n_2 - 1, t) S_1(t) S_2(t) + P(\nu, n_1 - 1, n_2, t) S_1(t) [1 - S_2(t)] + \end{aligned}$$

$$+P_{\nu, n_1, n_2-1, t} S_2(t) (1-S_1(t)) + P_{k, n_1, n_2, t} (1-S_1(t)) (1-S_2(t)) \Big] d_{\nu k} q_{\nu k} \Delta t + o(\Delta t).$$

Далее запишем систему дифференциальных уравнений Колмогорова [3]:

$$\begin{aligned} \frac{\partial P_{k, n_1, n_2, t}}{\partial t} = & P_{k, n_1, n_2, t} (-\lambda_k + q_{kk}) + P_{k, n_1-1, n_2-1, t} S_1(t) S_2(t) + \\ & + P_{k, n_1-1, n_2, t} S_1(t) (1-S_2(t)) + P_{k, n_1, n_2-1, t} (1-S_1(t)) S_2(t) + \\ & + P_{k, n_1, n_2, t} (1-S_1(t)) (1-S_2(t)) - \lambda_k + \sum_{\nu \neq k} P_{\nu, n_1, n_2, t} (1-d_{\nu k}) + \\ & + [P_{\nu, n_1-1, n_2-1, t} S_1(t) S_2(t) + P_{\nu, n_1-1, n_2, t} S_1(t) (1-S_2(t)) + \\ & + P_{\nu, n_1, n_2-1, t} (1-S_1(t)) S_2(t) + P_{\nu, n_1, n_2, t} (1-S_1(t)) (1-S_2(t))] d_{\nu k} q_{\nu k}. \quad (1) \end{aligned}$$

Начальное условие для решения $P(k, n_1, n_2, t)$ в момент времени t_0 определим в виде:

$$P(k, n_1, n_2, t_0) = \begin{cases} R(k), & \text{если } n_1, n_2 = 0, \\ 0, & \text{если } n_1, n_2 > 0. \end{cases}$$

Обозначив

$$H_{k, u, w, t} = \sum_{n_1=0}^{\infty} \sum_{n_2=0}^{\infty} e^{j u n_1} e^{j w n_2} P_{k, n_1, n_2, t} = R(k) M e^{j u n_1} e^{j w n_2} \Big|_{k, t} = k,$$

из (1) для этих функций получим задачу Коши [6]:

$$\begin{aligned} \frac{\partial H_{k, u, w, t}}{\partial t} = & \lambda_k \left[e^{j u} - 1 S_1(t) + e^{j w} - 1 S_2(t) + e^{j u} - 1 e^{j w} - 1 S_1(t) S_2(t) \right] H_{k, u, w, t} + \\ & + \sum_{\nu} H_{\nu, u, w, t} q_{\nu k} + \sum_{\nu} H_{\nu, u, w, t} (1 + e^{j u} - 1 S_1(t) + e^{j w} - 1 S_2(t) + e^{j u} - 1 e^{j w} - 1 S_1(t) S_2(t) - d_{\nu k}) q_{\nu k}, \\ H_{k, u, w, t_0} = & R(k). \end{aligned}$$

Эту систему запишем в матричной форме, обозначив вектор строки:

$$H(u, w, t) = \{H(1, u, w, t), H(2, u, w, t), \dots\},$$

$R = \{R(1), R(2), \dots\}$ – вектор стационарного распределения управляющей цепи Маркова и следующие матрицы:

Q – матрица инфинитезимальных характеристик q_{k1k2} ;

Λ – диагональная матрица с элементами λ_k по главной диагонали;

A – матрица из элементов $d_{k1k2} q_{k1k2}$;

$$B = \Lambda + A.$$

Тогда систему (2) запишем в виде:

$$\begin{aligned} \frac{\partial H_{u, w, t}}{\partial t} = \\ = H_{u, w, t} \left\{ Q + \begin{bmatrix} e^{j u} - 1 S_1(t) + \\ + e^{j w} - 1 S_2(t) + \\ + e^{j u} - 1 e^{j w} - 1 S_1(t) S_2(t) \end{bmatrix} B \right\}, \\ H_{u, w, t_0} = R. \quad (2) \end{aligned}$$

3. Метод асимптотического анализа системы $MAP^{(2)}|GI_2|_{\infty}$ в условии растущего времени обслуживания

Уравнение (2), определяющее характеристики рассматриваемой системы обслуживания, будем решать в асимптотическом условии растущего времени обслуживания, полагая, что среднее значение

времени обслуживания в каждом блоке $b_1 \rightarrow \infty, b_2 \rightarrow \infty$ [5].

3.1. Асимптотика первого порядка

Обозначим $b_1 = 1/\varepsilon, b_2 = 1/\varepsilon$ и в уравнении (2) выполним замены:

$$t\varepsilon = \tau, t_0\varepsilon = \tau_0, S_1(t) = S_1(\tau),$$

$$S_2(t) = S_2(\tau), u = \varepsilon x, w = \varepsilon y,$$

$$H_{u, w, t} = F_1(x, y, \tau, \varepsilon). \quad (3)$$

Для $F_1(x, y, \tau, \varepsilon)$ получим уравнение:

$$\begin{aligned} \varepsilon \frac{\partial F_1(x, y, \tau, \varepsilon)}{\partial \tau} = \\ = F_1(x, y, \tau, \varepsilon) \left\{ Q + \begin{bmatrix} e^{j \varepsilon x} - 1 S_1(\tau) + \\ + e^{j \varepsilon y} - 1 S_2(\tau) + \\ + e^{j \varepsilon x} - 1 e^{j \varepsilon y} - 1 S_1(\tau) S_2(\tau) \end{bmatrix} B \right\}. \quad (4) \end{aligned}$$

Докажем следующее утверждение.

Теорема. Предельное (при $\varepsilon \rightarrow 0$) значение $F_1(x, y, \tau)$ решения $F_1(x, y, \tau, \varepsilon)$ уравнения (4) имеет вид:

$$\begin{aligned} F_1(x, y, \tau) = \\ = R \exp \left\{ j x \kappa_1 \int_{\tau_0}^{\tau} S_1(z) dz + j y \kappa_1 \int_{\tau_0}^{\tau} S_2(z) dz \right\}, \quad (5) \end{aligned}$$

где величина κ_1 определена равенством

$$\kappa_1 = RBE. \quad (6)$$

Доказательство. В уравнении (4) выполним предельный переход при $\varepsilon \rightarrow 0$

$$F_1(x, y, \tau) Q = 0.$$

Поэтому ее решение имеет вид:

$$F_1(x, y, \tau) = \Phi_1(x, y, \tau) R, \quad (7)$$

в котором скалярную функцию $\Phi_1(x, y, \tau)$ определим следующим образом.

Просуммируем все уравнения системы (4), тогда получим:

$$\begin{aligned} \varepsilon \frac{\partial F_1(x, y, \tau, \varepsilon)}{\partial t} E = \\ = F_1(x, y, \tau, \varepsilon) e^{j\varepsilon x} - 1 S_1 \tau + e^{j\varepsilon y} - 1 S_2 \tau + \\ + e^{j\varepsilon x} - 1 e^{j\varepsilon y} - 1 S_1 \tau S_2 \tau BE. \end{aligned}$$

Поделим левую и правую части этого равенства на ε и, полагая $\varepsilon \rightarrow 0$, получим, что для $F_1(x, y, \tau)$ выполняется равенство:

$$\begin{aligned} \frac{\partial F_1(x, y, \tau)}{\partial \tau} E = \\ = F_1(x, y, \tau) jxS_1 \tau + jyS_2 \tau BE, \end{aligned}$$

подставляя в которое (7) и учитывая (6) и что $RE = 1$, получим для функции $\Phi_1(x, y, \tau)$ линейное однородное дифференциальное уравнение первого порядка:

$$\begin{aligned} \frac{\partial \Phi_1(x, y, \tau)}{\partial \tau} = \\ = \Phi_1(x, y, \tau) \kappa_1 jxS_1 \tau + jyS_2 \tau, \end{aligned}$$

решение которого имеет вид:

$$\begin{aligned} \Phi_1(x, y, \tau) = \\ = \exp \left\{ jx\kappa_1 \int_{\tau_0}^{\tau} S_1(z) dz + jy\kappa_1 \int_{\tau_0}^{\tau} S_2(z) dz \right\}. \end{aligned}$$

Подставляя в (7) получим:

3.2. Асимптотика второго порядка

Решение $H(u, w, t)$ уравнения (2) запишем в виде произведения:

$$H(u, w, t) = H_2(u, w, t) \exp \left\{ juk_1 \int_{t_0}^t S_1(z) dz + jwk_1 \int_{t_0}^t S_2(z) dz \right\}, \quad (8)$$

подставляя которое в (2), получим уравнение для $H_2(u, w, t)$ в виде:

$$\begin{aligned} \frac{\partial H_2(u, w, t)}{\partial t} \exp \left\{ juk_1 \int_{t_0}^t S_1(z) dz + jwk_1 \int_{t_0}^t S_2(z) dz \right\} + \\ + H_2(u, w, t) juk_1 S_1(t) + jwk_1 S_2(t) \exp \left\{ juk_1 \int_{t_0}^t S_1(z) dz + \right. \\ \left. + jwk_1 \int_{t_0}^t S_2(z) dz \right\} = H_2(u, w, t) \exp \left\{ juk_1 \int_{t_0}^t S_1(z) dz + jwk_1 \int_{t_0}^t S_2(z) dz \right\} \times \\ \times \left\{ Q + \left[e^{ju} - 1 S_1(t) + e^{jw} - 1 S_2(t) + \right. \right. \\ \left. \left. + e^{j(u+w)} - 1 S_1(t) S_2(t) + e^{ju} - 1 S_1(t) S_2(t) + e^{jw} - 1 S_1(t) S_2(t) \right] B \right\}. \end{aligned}$$

Следовательно, $H_2(u, w, t)$ является решением уравнения:

$$F_1(x, y, \tau) =$$

$$= R \exp \left\{ jx\kappa_1 \int_{\tau_0}^{\tau} S_1(z) dz + jy\kappa_1 \int_{\tau_0}^{\tau} S_2(z) dz \right\}.$$

В силу замен (3) и равенства (5) можно записать асимптотическое, при $\varepsilon \rightarrow 0$, приближенное равенство:

$$\begin{aligned} H(u, w, t) = F_1(x, y, \tau, \varepsilon) \approx F_1(x, y, \tau) = \\ = R \exp \left\{ jx\kappa_1 \int_{\tau_0}^{\tau} S_1(z) dz + jy\kappa_1 \int_{\tau_0}^{\tau} S_2(z) dz \right\} = \\ = R \exp \left\{ jx\kappa_1 \int_{t_0}^t S_1(z) dz + jy\kappa_1 \int_{t_0}^t S_2(z) dz \right\}, \end{aligned}$$

поэтому для характеристической функции [7] величины $\{n_1(t), n_2(t)\}$ запишем:

$$\begin{aligned} Me^{j(u+w)n_1(t)n_2(t)} = H(u, w, t) E = \\ = \exp \left\{ juk_1 \int_{t_0}^t S_1(z) dz + jwk_1 \int_{t_0}^t S_2(z) dz \right\}. \end{aligned}$$

При $t = t_1 = 0$ для характеристической функции процесса $\{i_1(t), i_2(t)\}$ в стационарном режиме получим:

$$\begin{aligned} Me^{j(u+w)n_1(t)n_2(t)} = H(u, w, 0) E = \\ = \exp \left\{ juk_1 \int_0^{x_0} 1 - B_1(z) dz + jwk_1 \int_0^{x_0} 1 - B_2(z) dz \right\} = \\ = \exp \{ juk_1 b_1 + jwk_1 b_2 \}. \end{aligned}$$

Полученное равенство будем называть асимптотикой первого порядка для системы обслуживания $MAP^{(2)}|GI_2|\infty$.

$$\frac{\partial H_2}{\partial t} x, y, t = H_2 x, y, t \left\{ Q + \begin{bmatrix} e^{ju} - 1 S_1 t + e^{jw} - 1 S_2 t + e^{ju} - 1 e^{jw} - 1 S_1 t S_2 t \\ -[juk_1 S_1 t + jwk_1 S_2 t] \end{bmatrix} B - I \right\}, \quad (9)$$

где I – единичная диагональная матрица.

Обозначив $b_1 = 1/\varepsilon^2$, $b_2 = 1/\varepsilon^2$, в уравнении (9) выполним замены:

$$\begin{aligned} t\varepsilon^2 &= \tau, \quad t_0\varepsilon^2 = \tau_0, \quad S_1 t = S_1 \tau, \\ S_2 t &= S_2 \tau, \quad u = \varepsilon x, \quad w = \varepsilon y, \\ H_2 u, w, t &= F_2 x, y, \tau, \varepsilon \end{aligned} \quad (10)$$

и получим:

$$\begin{aligned} \varepsilon^2 \frac{\partial F_2}{\partial \tau} x, y, \tau, \varepsilon &= F_2 x, y, \tau, \varepsilon \left\{ Q + \begin{bmatrix} e^{j\varepsilon x} - 1 S_1 \tau + e^{j\varepsilon y} - 1 S_2 \tau \\ + e^{j\varepsilon x} - 1 e^{j\varepsilon y} - 1 \end{bmatrix} B - \right. \\ &\quad \left. - [j\varepsilon x k_1 S_1 \tau + j\varepsilon y k_1 S_2 \tau] I \right\}. \end{aligned} \quad (11)$$

Теорема 2. Предельное (при $\varepsilon \rightarrow 0$) значение $F_2(x, y, \tau)$ решения $F_2(x, y, \tau, \varepsilon)$ уравнения (11) имеет вид:

$$\begin{aligned} F_2(x, y, \tau) &= R \exp \left\{ \frac{jx^2}{2} \left(k_1 \int_{\tau_0}^{\tau} S_1 z dz + 2k_2 \int_{\tau_0}^{\tau} S_1^2 z dz \right) + \right. \\ &\quad \left. + \frac{jy^2}{2} \left(k_1 \int_{\tau_0}^{\tau} S_2 z dz + \right. \right. \end{aligned}$$

$$\begin{aligned} \varepsilon^2 \frac{\partial F_2}{\partial \tau} x, y, \tau, \varepsilon E &= F_2 x, y, \tau, \varepsilon \left[e^{j\varepsilon x} - 1 S_1 \tau + e^{j\varepsilon y} - 1 S_2 \tau + e^{j\varepsilon x} - 1 e^{j\varepsilon y} - 1 \right. \\ &\quad \left. \cdot S_1 \tau S_2 \tau \right] B - [j\varepsilon x k_1 S_1 \tau + y k_1 S_2 \tau] I E = F_2 x, y, \tau, \varepsilon [j\varepsilon x B - k_1 I S_1 \tau + \\ &\quad + j\varepsilon y B - k_1 I S_2 \tau + \left[\frac{j\varepsilon x^2}{2} S_1 \tau + \frac{j\varepsilon y^2}{2} S_2 \tau + j\varepsilon^2 xy S_1 \tau S_2 \tau \right] B] E = \\ &= F_2 x, y, \tau, \varepsilon \left\{ j\varepsilon [x S_1 \tau + y S_2 \tau B - k_1 I] + \left[\frac{j\varepsilon x^2}{2} S_1 \tau + \frac{j\varepsilon y^2}{2} S_2 \tau + j\varepsilon^2 xy S_1 \tau S_2 \tau \right] B \right\} E + o \varepsilon^2. \end{aligned}$$

Подставляя разложение (15) в последнее равенство, получаем:

$$\begin{aligned} \varepsilon^2 \frac{\partial \Phi_2}{\partial \tau} x, y, \tau, \varepsilon &= \Phi_2 x, y, \tau [j\varepsilon x S_1 \tau + y S_2 \tau R B - k_1 I E + \\ &\quad + \left[\frac{j\varepsilon x^2}{2} S_1 \tau + \frac{j\varepsilon y^2}{2} S_2 \tau + j\varepsilon^2 xy S_1 \tau S_2 \tau \right] R B E + \\ &\quad + j\varepsilon^2 x S_1 \tau + y S_2 \tau^2 f_2 B - k_1 I E] + o \varepsilon^3, \end{aligned}$$

т. к., $RE=1$, $k_2=f_2(B-k_1I)E$ и $RBE=1$, получим, что функция $\Phi_2(x, y, \tau)$ является решением уравнения:

$$\begin{aligned} &+ 2k_2 \int_{\tau_0}^{\tau} S_2^2 z dz \Bigg) + \\ &+ \frac{j^2 xy}{2} 2k_1 + 4k_2 \int_{\tau_0}^{\tau} S_1 z S_2 z dz \Bigg\}, \end{aligned} \quad (12)$$

где величина k_2 определяется равенством

$$k_2 = f_2 B - k_1 I E, \quad (13)$$

а вектор f_2 удовлетворяет условию $f_2 E = 0$ и является решением неоднородной системы линейных алгебраических уравнений

$$f_2 Q + R B - k_1 I = 0. \quad (14)$$

Доказательство. Решение $F_2(x, y, \tau, \varepsilon)$ уравнения (11) запишем в виде разложения:

$$\begin{aligned} F_2 x, y, \tau, \varepsilon &= \Phi_2 x, y, \tau R + j\varepsilon x S_1 \tau f_2 + \\ &+ j\varepsilon y S_2 \tau f_2 + o \varepsilon^2, \end{aligned} \quad (15)$$

подставив которое в (11), получим:

$$\begin{aligned} o \varepsilon^2 &= \Phi_2 x, y, \tau [j\varepsilon x S_1 \tau f_2 + \\ &+ y S_2 \tau f_2 Q + \\ &+ R j\varepsilon [x S_1 \tau + y S_2 \tau] [B - k_1 I]], \end{aligned}$$

т. к. $RQ = 1$, то вектор f_2 является решением неоднородной системы линейных алгебраических уравнений (14).

Для нахождения скалярной функции $\Phi_2(x, y, \tau)$ просуммируем все уравнения системы (11), получим равенство:

$$\frac{\partial \Phi_2(x, y, \tau)}{\partial \tau} = \Phi_2(x, y, \tau) \left\{ \frac{jx^2}{2} [k_1 S_1(\tau) + 2k_2 S_1^2(\tau)] + \frac{j^2 xy}{2} [2k_1 + 4k_2] S_1(\tau) S_2(\tau) + \frac{jy^2}{2} [k_1 S_2(\tau) + 2k_2 S_2^2(\tau)] \right\}, \quad (16)$$

следовательно, решение $\Phi_2(x, y, \tau)$ уравнение (16) имеет вид:

$$\Phi_2(x, y, \tau) = \exp \left\{ \frac{jx^2}{2} \left(k_1 \int_{\tau_0}^{\tau} S_1(z) dz + 2k_2 \int_{\tau_0}^{\tau} S_1^2(z) dz \right) + \frac{jy^2}{2} \left(k_1 \int_{\tau_0}^{\tau} S_2(z) dz + 2k_2 \int_{\tau_0}^{\tau} S_2^2(z) dz \right) + \frac{j^2 xy}{2} [2k_1 + 4k_2] \int_{\tau_0}^{\tau} S_1(z) S_2(z) dz \right\}.$$

Подставляя которое в (15) и полагая $\varepsilon = 0$, получим равенство (12). Теорема доказана.

В силу замен (10), а также равенства (12) для $H_2(u, w, t)$, можно записать асимптотическое (приближенное) равенство:

$$\begin{aligned} H_2(u, w, t) &= F_2(x, y, \tau, \varepsilon) \approx F_2(x, y, \tau) = \\ &= R \exp \left\{ \frac{j u^2}{2} \left[k_1 \int_{t_0}^t S_1(z) dz + 2k_2 \int_{t_0}^t S_1^2(z) dz \right] + \frac{j w^2}{2} \left[k_1 \int_{t_0}^t S_2(z) dz + 2k_2 \int_{t_0}^t S_2^2(z) dz \right] + \right. \\ &\quad \left. + \frac{j^2 u w}{2} [2k_1 + 4k_2] \int_{t_0}^t S_1(z) S_2(z) dz \right\}. \end{aligned}$$

Обозначим:

$$\begin{aligned} \int_{-\infty}^0 S_1^2(z) dz &= \int_{-\infty}^0 [1 - B_1(-z)]^2 dz = \int_0^{\infty} [1 - B_1(z)]^2 dz = \beta_1, \\ \int_{-\infty}^0 S_2^2(z) dz &= \int_{-\infty}^0 [1 - B_2(-z)]^2 dz = \int_0^{\infty} [1 - B_2(z)]^2 dz = \beta_2, \\ \int_{-\infty}^0 S_1(z) S_2(z) dz &= \int_{-\infty}^0 [1 - B_1(-z)] [1 - B_2(-z)] dz = \int_0^{\infty} [1 - B_1(z)] [1 - B_2(z)] dz = \beta_{12}. \end{aligned}$$

Тогда, при $t = t_1 = 0$ и $t_0 = -\infty$, в силу равенства (15) получим:

$$\begin{aligned} H(u, w, 0) &= H_2(u, w, 0) \exp \{ j u \kappa_1 b_1 + j w \kappa_1 b_2 \} = \\ &= R \exp \left\{ j u \kappa_1 b_1 + j w \kappa_1 b_2 + \frac{j u^2}{2} [\kappa_1 b_1 + 2\kappa_2 \beta_1] + \right. \\ &\quad \left. + \frac{j w^2}{2} [\kappa_1 b_2 + 2\kappa_2 \beta_2] + \frac{j^2 u w}{2} [2\kappa_1 + 4\kappa_2] \beta_{12} \right\}. \end{aligned}$$

Следовательно, для характеристических функций [7] величины $\{n_1(t), n_2(t)\}$ можно записать равенство:

$$\begin{aligned} M e^{j u n_1(t) + j w n_2(t)} &= H(u, w, t) E = \\ &= \exp \left\{ j u \kappa_1 \int_{-\infty}^0 S_1(z) dz + j w \kappa_1 \int_{-\infty}^0 S_2(z) dz + \right. \\ &\quad \left. + \frac{j u^2}{2} [\kappa_1 b_1 + 2\kappa_2 \beta_1] + \right. \\ &\quad \left. + \frac{j w^2}{2} [\kappa_1 b_2 + 2\kappa_2 \beta_2] + \frac{j^2 u w}{2} [2\kappa_1 + 4\kappa_2] \beta_{12} \right\}. \end{aligned}$$

Следовательно, для характеристических функций процессов $i_1(t)$ и $i_2(t)$ и в стационарном режиме можно записать равенство:

$$\begin{aligned} h_1(u) &= M e^{j u i_1(t)} = M e^{j u n_1(0)} = H(u, 0, 0) E = \\ &= \exp \left\{ j u \kappa_1 b_1 + \frac{j u^2}{2} [\kappa_1 b_1 + 2\kappa_2 \beta_1] \right\}, \\ h_2(w) &= M e^{j w i_2(t)} = M e^{j w n_2(0)} = H(0, w, 0) E = \\ &= \exp \left\{ j w \kappa_1 b_2 + \frac{j w^2}{2} [\kappa_1 b_2 + 2\kappa_2 \beta_2] \right\}, \end{aligned}$$

которое будем называть асимптотикой второго порядка для системы обслуживания $MAR^{(2)}|GI_2|\infty$.

Литература

1. Эндрюс, Г. Р. Основы многопоточного, параллельного и распределенного программирования / Г. Р. Эндрюс: [пер. с англ.]. – М.: Вильямс, 2003. – 512 с.
2. Топорков, В. В. Модели распределенных вычислений / В. В. Топорков. – М.: ФИЗМАТЛИТ, 2004. – 320 с.

3. Назаров, А. А. Теория массового обслуживания / А. А. Назаров, А. Ф. Терпугов. – Томск: НТЛ, 2005. – 228 с.

4. Гнеденко, Б. В. Введение в теорию массового обслуживания. – Изд. 3-е, испр. и доп. / Б. В. Гнеденко, И. Н. Коваленко. – М.: КомКнига, 2005. – 408 с.

5. Назаров, А. А. Метод асимптотического анализа в теории массового обслуживания / А. А. Назаров, С. П. Моисеева. – Томск: НТЛ, 2006. – 112 с.

6. Эльцгольц, Л. Э. Дифференциальные уравнения и вариационное исчисление / Л. Э. Эльцгольц. – М.: Наука, 1969. – 424 с.

7. Назаров, А. А. Теория вероятностей и случайных процессов / А. А. Назаров, А. Ф. Терпугов. – Томск: НТЛ, 2006. – 204 с.

ПЕДАГОГИКА

УДК [37/02^371.7](1-35)

ОСОБЕННОСТИ ПРОФИЛЬНОГО ОБУЧЕНИЯ УЧАЩЕЙСЯ МОЛОДЕЖИ В РЕГИОНЕ ПРИ УСЛОВИИ СОХРАНЕНИЯ И ФОРМИРОВАНИЯ ИХ ЗДОРОВЬЯ

Н. Э. Касаткина, Т. Н. Семенкова

FEATURES OF SPECIALIZATION-ORIENTED EDUCATION IN THE REGION PROVIDED WITH RESPECT TO KEEPING AND FORMING THEIR HEALTH

N. E. Kasatkina, T. N. Semenkova

В статье речь идет о реализации особенностей профильного обучения в регионе и необходимости сохранения и укрепления здоровья учащейся молодежи в процессе модернизации системы образования.

The article focuses on the implementation of the features of major education in the region and on the needs to preserve and to promote the students health in the process of modernizing the education system.

Ключевые слова: профильное обучение, сохранение и укрепление здоровья учащейся молодежи.

Keywords: major education, to preserve and to promote the students health.

Модернизация системы образования региона предполагает:

- нормативно-подушевое финансирование образовательных учреждений;
- изменение отраслевой системы оплаты труда;
- общественно-государственное управление на всех уровнях;
- реализацию идеи «преподаватель полного дня», совмещающего основное и дополнительное образование («первую» и «вторую» половины учебного дня) при сокращении обязательного компонента учебного заведения и общей учебной нагрузки преподавателя;
- реструктуризацию сети образовательных учреждений;
- новую систему оценки качества обучения;
- введение нового поколения Государственных стандартов образования, построенных на компетентностной основе;
- введение профильного обучения на всех этапах обучения;
- формирование, сохранение и укрепление здоровья всех участников образовательного процесса.

Все эти изменения в принципе не могут быть осуществлены без управления процессами на региональном уровне, так как именно на региональном

уровне имеются ресурсы и возможности значительно большие, чем на уровне муниципальных образований, и тем более, отдельных образовательных учреждений для разработки нормативно-правовой базы, управленческого сопровождения инновационных процессов.

На уровне региона осуществляются основные мероприятия по разработке концептуального и программно-методического обеспечения профильного обучения, привлечению финансовых средств, созданию основ введения профильного обучения, созданию системы подготовки кадров для осуществления профильного обучения и реализации соответствующих образовательных программ; изучение потребностей региона в кадрах соответствующего профиля; организации информационной поддержки, связей с федеральным центром и существующими на федеральном уровне ресурсами и другими региональными образовательными системами и т. д.

При этом мы исходили из того, что нельзя искусственно ускорять переход на профильное обучение в отдельных городах и районах, но именно от органов управления образованием зависит, будут ли замечены и поддержаны первые ростки этого важного нововведения, будет ли сохраняться мотивация к продолжению и развитию этого начинания, верно ли будет оценена готовность муниципальных образовательных сетей к введению профильного обучения; наметились ли пути совместной работы преподавателей и сотрудников учреждений высшего

профессионального образования и преподавателей учреждений общего среднего образования.

Исследование, проведенное нами, позволило выявить особенности введения профильного обучения на региональном уровне.

Мы исходили из того, что:

- на региональном уровне не осуществляется собственно профильное обучение старших школьников, на этом уровне необходимо создавать благоприятные условия для успешного перехода образовательных учреждений и муниципальных образовательных систем на профильное обучение;

- на управлении образовательным процессом в регионе лежит ответственность за принятие решений о выборе моделей осуществления профильного обучения в системе образования региона;

- осуществление профильного обучения оказывается результативным лишь в комплексе с другими направлениями развития системы образования и др.

Реализация профильного обучения в регионе потребовала решения задач информационного обеспечения. Первые в регионе прецеденты практики профильного обучения, организованного преподавателями и сотрудниками КемГУ начиная с 1985 года в гимназиях и лицеях области, стали основанием изучения первого опыта профильного обучения. Мы использовали следующие механизмы:

- создание единого регионального банка данных по элективным курсам, используемым в муниципальных территориях региона (размещение информации в открытом доступе в сети Интернет; публикация региональных сборников элективных курсов по группам профилей; организация выставок или выездных экспозиций в Кемеровском государственном университете (далее КемГУ);

- проведение на базе базовых образовательных учреждений семинаров-практикумов и мастер-классов;

- «круглые столы» по ключевым и наиболее сложным вопросам предпрофильной подготовки и профильного обучения с участием образовательных учреждений – экспериментальных площадок;

- региональные научно-практические конференции по проблемам профильного обучения с обязательным участием трёх сторон – управленцев, учёных, преподавателей;

- издание региональным органом управления образованием и КемГУ справочников и брошюр, обобщающих передовой опыт региона в области профильного обучения;

- региональные конкурсы преподавателей профильного обучения, сопровождающиеся грантовой поддержкой победителей, и их широкая трансляция в региональных СМИ;

- организация рубрик, колонок, регулярных программ и передач, посвященных опыту профильного обучения в местных СМИ, особенно в регио-

нальных профессионально-педагогических периодических изданиях.

Опираясь на опыт трех муниципальных органов управления образованием – участников федерального эксперимента по введению профильного обучения и 19-и образовательных учреждений – областных экспериментальных площадок по осуществлению профильного обучения, мы охарактеризовали особенности осуществления профильного обучения в регионе в условиях использования программно-целевой модели сохранения и формирования здоровья участников образовательного процесса.

Целевая «Программа перехода на профильное обучение в общеобразовательных учреждениях Кемеровской области на 2007 – 2010 годы» (далее целевая программа) является универсальным механизмом управления осуществлением профильного обучения в регионе и выступает инструментом управления. В регионе мы выявили, что различия в использовании целевой программы в рамках той или иной модели проявляются в том, что при использовании программно-целевой модели формирования и сохранения здоровья участников образовательного процесса при осуществлении профильного обучения в регионе структура целевой программы и требования к ней соблюдались достаточно жёстко.

Использование региональной комплексной целевой программы в процессе осуществления профильного обучения позволяло решить следующие важные задачи:

- выявить потенциальные заинтересованные стороны перехода на профильное обучение, информировать их о замыслах и планах участников работы и вовлечь в совместную деятельность;

- привлечь дополнительные финансовые и иные ресурсы;

- сплотить и расширить профессиональные сообщества, стремящиеся к реализации профильного обучения;

- осуществить контроль и мониторинг хода и результатов работы посредством сопоставления достигнутых и планируемых результатов на основе предварительно составленной системы показателей и индикаторов эффективности;

- развивать межрегиональное взаимодействие в рамках осуществления профильного обучения;

- формирование и сохранение здоровья участников образовательного процесса.

При исследовании опыта профильного обучения в регионе мы обращали особое внимание не только на содержание, но и на формы изучаемой практико-ориентированной информации. Это связано с тем, что профильное обучение – не только содержательная, но и деятельностная (организационная, технологическая, методическая инновация), и исследование опыта профильного обучения дает субъектам образовательного процесса ответ на вопросы «Что?» и «Как?» Но в то же время мы исходили из позиции: «осуществляй, но не навреди».

Выделяя особенности осуществления профильного обучения в регионе, мы считали целесообразным выделить и особенности этого процесса на муниципальном уровне.

К этим особенностям мы относим: на муниципальном уровне осуществляется управление введением профильного обучения всей совокупностью образовательных учреждений, принимаются решения о содержании муниципальных сетей организации профильного обучения.

Таким образом, круг административных решений на уровне муниципальных органов управления образованием широк. Это:

- организация сетевого взаимодействия образовательных учреждений;
- утверждение модели единого «портфолио» для всех образовательных учреждений;
- открытие профильных классов;
- утверждение элективных курсов, разработанных в образовательных учреждениях территорий и др.

Муниципальный уровень часто не располагает всей совокупностью ресурсов, необходимых для осуществления профильного обучения (сельские территории, малые города, поселки и др.). Привлечение этих ресурсов требует активного взаимодействия с местной администрацией, спонсорами, с учреждениями профессионального образования, с органами образования региона.

Осуществление профильного обучения на муниципальном уровне нами рассматривается как проектирование муниципальных сетей профильного обучения, которое реализуется во взаимодействии учреждений образования муниципального уровня управления.

Муниципальная система управления профильным обучением формирует заказ рынка труда. На этом уровне определяется стратегия взаимодействия профильного обучения с системой профессионального образования. В одних случаях эта стратегия ориентирует профильное обучение на подготовку учащихся в профильные вузы, в других – на сотрудничество с учреждениями СПО, в третьих, – на подготовку к рабочим профессиям.

Муниципальный уровень осуществления профильного обучения является промежуточным между региональным и школьным, поэтому действия муниципального органа образования должны учитывать особенности как «верхнего», так и «нижнего» уровней.

А потому мы выделили и особенности осуществления предпрофильной подготовки и профильного обучения и на школьном уровне. К ним мы отнесли:

- осуществление профильного обучения реализуется исключительно на этом уровне;
- только на школьном уровне в единстве осуществляются подпроцессы, само введение профильного обучения, ресурсное обеспечение профильного обучения и управление сопровождением этого процесса;

– образовательное учреждение является заказчиком на услуги региональной и муниципальной систем образования, так как от ее потребностей зависит осуществление профильного обучения; а потому оценка усилий региональных и муниципальных уровней образования находятся в прямой зависимости от их вклада в создание условий осуществления профильного обучения в образовательных учреждениях;

– субъекты образовательного процесса в наибольшей степени заинтересованы в объективной оценке осуществления профильного обучения.

Проведенное нами исследование показало, что значимыми аспектами развития профильного обучения в регионе являются:

- соответствие стратегии развития образовательной системы приоритетным направлениям социально-экономического развития региона;
- формирование регионального компонента государственного образовательного стандарта, который должен включать требования к качеству подготовки выпускников, объем часов, предусмотренный на его изучение и, собственно минимум того содержания образования, которое необходимо усвоить обучающимся, и на его основе – регионального учебного плана;

– определение профилей для старшей общеобразовательной школы;

– формирование адекватной рынку профессионально-квалификационной структуры начального, среднего, высшего и дополнительного профессионального образования.

С учетом выделенных нами концептуальных положений, были определены группы задач, которые необходимо решить для осуществления профильного обучения в регионе.

1. Осуществить изменения в образовательной системе региона, района, отдельных образовательных учреждений, включая изменения: в целях и задачах образования на старшей ступени; в направленности, принципах обучения, требованиях к преподавателю и обучающимся; в структуре и содержании образования (введение нового учебного плана; разработка и реализация программ, учебников и учебных материалов профильного и базового уровней, основных курсов и курсов по выбору (элективных курсов); в технологиях обучения; в формах организации обучения; в методах и формах контроля, оценки, аттестации обучающихся; в процессах обучения; во внеурочной работе в связи с осуществлением профильного обучения.

2. Создать условия и ресурсное обеспечение перехода на профильное обучение: разработка и освоение нормативно-правовых документов; использование имеющейся образовательной сети и инфраструктуры, аудиторного фонда, который можно использовать для организации профильного обучения, и создание новых образовательных сетей для такой организации; использование имеющихся и создание новых структурно-институциональных ре-

сурсов, образовательных, сервисных и управленческих структур для работы по профильному обучению; создание, использование и трансляция концептуальных ресурсов - идей и опыта организации профильного обучения; подготовка, переподготовка, повышение квалификации, профессиональное развитие кадров, призванных организовывать, осуществлять, обеспечивать, сопровождать переход на профильное обучение; расстановка этих кадров и использование их потенциала в процессе перехода на профильное обучение; разработка и использование учебных планов, программ, учебников, дидактических материалов, методических пособий базового и профильного уровней, в том числе по элективным курсам; информационное обеспечение, рекламное и PR-сопровождение перехода на профильное обучение; материально-техническое обеспечение, привлечение и использование оборудования средств обучения, транспортных средств и т.д. для перехода на профильное обучение; расширение и использование полезных связей и контактов внутри системы образования и за ее пределами; финансовое обеспечение.

3. Осуществить управление реализацией региональной целевой программой перехода на профильное обучение, включая создание, оформление, обеспечение новых организационных структур для обеспечения перехода на профильное обучение; создание и использование новых механизмов взаимодействия, стимулирования и поддержки субъектов образовательного процесса, механизмов ресурсного обеспечения, реализация перехода на профильное обучение; контроль, мониторинг и оценка хода и результатов реализации программы перехода на профильное обучение.

Таким образом, экспериментальная проверка организационно-педагогических условий реализации профильного обучения учащейся молодежи в регионе показала, что для осуществления этого процесса необходимо обеспечить:

- готовность педагогических коллективов и родительской общественности образовательных учреждений к переходу на профильное обучение в регионе;
- наличие квалифицированных педагогических кадров для реализации профильного обучения;
- наличие материально-технической базы, необходимой для ведения профильного обучения;
- связь общеобразовательных учебных заведений с учреждениями высшего, среднего, начального и дополнительного образования, которые могут помочь в организации профильного обучения;
- наличие в общеобразовательном учреждении опыта дифференцированного и индивидуального обучения;
- наличие высоких результатов, показываемых учениками образовательного учреждения в предшествующие годы – по направлениям, реализующимся при профильном обучении;

– программно-целевая модель формирования и сохранения здоровья при осуществлении профильного обучения в регионе, которая предполагает высокую степень кооперации объекта управления и высокую степень его инициативности. Практика регионального эксперимента по введению профильного обучения показала высокую эффективность обозначенной модели;

– перспективы развития профильного обучения: разработка методологии повышения эффективности профильного обучения; организация сетевого взаимодействия в системе профильного обучения; психолого-педагогическое и здоровьесберегающее сопровождение профильного обучения; новые формы оценивания учебных достижений и итоговой аттестации учащихся в системе профильного обучения на основе компетентностного подхода; формы и технологии самостоятельной работы обучающихся в системе профильного обучения; управление региональной, муниципальной и школьной системами в условиях реализации профильного обучения; подготовка преподавателя к работе в системе профильного обучения.

Но в то же время эксперимент показал, что ожидания от профильного обучения не всегда оправдываются практикой. Ныне действующие Правила приема в высшие учебные заведения не позволяют вузам учесть успехи ученика в изучении профильных дисциплин, его действительную профессиональную ориентацию. По многим специальностям высшего образования нет возможности проводить вступительные испытания именно по тем предметам, которые являются важными для обучения по этим специальностям: психолого-педагогическим, инженерным, социально-экономическим. Ведь проблема обучения в вузе заключается не только в знаниях абитуриента, но и в способности самостоятельно мыслить, организовывать свою учебную деятельность, принимать нестандартные решения, что невозможно определить при помощи ЕГЭ. Поэтому проблему поступления в вуз и качественного отбора абитуриентов простое введение профильного обучения не решает.

Приходится признать, что ожидания общества от введения профильного обучения несколько завышены. Респонденты начинают осознавать трудности, связанные с введением профильного обучения. Отмечается, что введение профильного обучения пока не решает и проблему перегруженности обучающихся. Увеличивается время на изучение профильных дисциплин, но по непрофильным предметам количество часов не уменьшается. Содержание ЕГЭ не соответствует требованиям по непрофильным предметам.

Выявленные направления и перспективы развития научных направлений на повышение результативности профильного обучения рассматриваются нами как направления дальнейшего развития системы образования.

**ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ
И СОЦИОЛОГИЯ**

УДК [327+316.77]:004.738

**ГЛОБАЛИЗАЦИЯ, ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ
И ФОРМИРОВАНИЕ «ГЛОБАЛЬНОГО СЕТЕВОГО ОБЩЕСТВА»****А. В. Андреев****GLOBALIZATION, «INFORMATION TECHNOLOGIES»
AND THE FORMING OF «GLOBAL NETWORK SOCIETY»****A. V. Andreev**

В статье рассматриваются актуальные социальные и политические проблемы, возникшие в различных странах на рубеже XXI столетия вследствие формирования «глобального информационного общества». Это в корне изменяет ситуацию в области политических коммуникаций. Система государственного управления также коренным образом изменяется в направлении фрагментации и децентрализации.

This article considers the actual social and political problems arising in various countries on the threshold of XXI century cause of forming of the «*the Network Society*». It deeply changes a situation in the political communications field. But the state governance system is deeply changing in direction of fragmentation and decentralization.

Ключевые слова: информационная революция, глобальное информационное общество, глобальные изменения, мировой политический процесс, политические коммуникации.

Keywords: the Information Revolution, *the Global Information Society*, global changes, global political process, political communications.

Понимание природы и характера происходящих сегодня в глобальном масштабе изменений – ключевой элемент понимания современного мира. Данные изменения сегодня преимущественно протекают в рамках процессов глобализации и модернизации, хотя и другие силы и факторы – такие, как политика, война и революции – также могут вызывать масштабные социальные изменения. Модернизация – это процесс, в результате которого общества переходят к более высокому уровню развития, в то время как глобализация характеризует в первую очередь, связи и отношения, связывающие различные нации воедино.

Технологическое развитие, конкуренция и прогрессивные подходы к решению актуальных задач побуждают одни нации модернизироваться быстрее, чем другие, хотя следует отметить, что практически все нации прошли через ту или иную стадию модернизации в XX веке. Немецкий политолог У. Бек комментирует этот феномен следующим образом: «Подобно тому, как модернизация в XIX веке разрушила феодальное общество и создала индустриальное, так и сегодня модернизация разрушает индустриальное общество и способствует формированию новых форм Модерна» [2, с. 10].

Модернизация, в свою очередь, стимулирует глобализацию как процесс. Как отмечал в свое время английский социолог Э. Гидденс, глобализация – это процесс развития экономических и социальных отношений, который распространяется на весь мир [11]. Современные технологии делают возможным формирование глобальных сетей финансов, коммуникаций и торговли, и образования, которые связы-

вают воедино людей, корпорации и правительства. Глобализация не означает, что все общества мира сливаются в единую нацию; скорее, она означает, что все нации мира становятся более взаимозависимыми. Помимо этого, сами государства становятся частями единой «мир-системы» [23].

Решения, идеи и инновации, возникающие в рамках социальных, экономических и политических отношений, перестают национальные границы и связывают людей между собой сильнее, чем когда-либо в истории.

Где лежат те глубинные причины происходящих изменений? Американский политолог и эксперт по международным отношениям Дж. Розенау выделяет пять фундаментальных процессов, обозначающих разрыв с традиционными политическими акторами и порождающими глубокие изменения в политике феномены:

- переход от индустриального к постиндустриальному порядку, прежде всего с точки зрения последствий «микроэлектронной революции» для систем информации и коммуникации;

- формирование новых «проблемных сфер» мировой политики (защита окружающей среды, борьба с распространением наркотиков, бедностью, СПИДом и др.);

- кризис централизованного государства с точки зрения снижения его способности к решению возникающих проблем;

- усиление субсистем (регионов и др.) в связи с процессами децентрализации;

– скачкообразное расширение возможностей людей [17].

Все это подвело Розенау к заключению о том, что место авторитета в политической системе будет снова «локализовано» и «реконструировано». По мнению Розенау, этот процесс будет протекать в двух основных направлениях, когда авторитет будет одновременно передаваться как «наверх» – наднациональным институтам, и «вниз» – субнациональным (в том числе территориальным) единицам.

С учетом протекающих сегодня процессов в политической науке сегодня все чаще обсуждается вопрос об отказе от традиционного понимания «государственного суверенитета» в пользу новых концепций и подходов. Век централизованных и иерархически организованных национальных государств, сформировавшихся в эпоху после Великой Французской революции, сегодня растворился в «новом Средневековье» регионализации. Рассуждая о проблемах государства как института, следует помнить, что современное государство стремится решать все меньше проблем, используя традиционные ресурсы управления, и все чаще вынуждено прибегать к «гибким стратегиям». Государство в конце XX века действует «в сетях внутрисоциальных и транснациональных взаимоотношений» [18]. В свою очередь, повышение способности общества к принятию решений сегодня все больше связывается с процессами децентрализации и деиерархизации, что требует использования более тонких управленческих технологий, в том числе в культурно-информационной сфере.

Так, дополнительные возможности для осуществления государственного управления представляет сегодня стремительное развитие и распространение новых информационных и телекоммуникационных технологий, которые приобретают сегодня характер глобальной информационной революции. Эти процессы оказывают все большее влияние на политику, экономику, управление, финансы, науку, культуру и другие сферы жизнедеятельности общества как в рамках национальных границ, так и в мире в целом. Степень важности указанных изменений была зафиксирована в Окинавской хартии глобального информационного общества, гласящей: «Информационно-коммуникационные технологии являются одним из наиболее важных факторов, влияющих на формирование общества XXI века».

Подобное быстрое распространение локальных и глобальных коммуникационных сетей создает принципиально новое качество информационного обмена, в том числе и международного, а также создает принципиально новые инструменты воздействия на общественное мнение, усиливая значение культурно-информационных аспектов глобализации.

В итоге информация и знания становятся одним из стратегических ресурсов государства, масштабы использования которого практически сопоставимы с использованием традиционных ресурсов. Доступ к

информационным ресурсам становится одним из факторов социально-экономического развития государств. В свою очередь, формирование системы сетевых связей между относительно автономными системами (самоорганизации и управления) дает государствам возможность адекватно реагировать на всю совокупность современных вызовов.

В конечном итоге успех государства в современном мире предполагает опору на совокупность капиталов. Об этом писал в свое время выдающийся французский социолог Пьер Бурдьё, полагавший, что современное государство, выступающее как «ансамбль административных и бюрократических полей», сегодня вносит решающий вклад в создание инструментов конструирования социальной реальности» [7, с. 48]. Успех государства в современных условиях зависит от комбинации капитала (экономического, социального и культурного), причем на первые роли выходит культурный капитал, воплощением которого является совокупность актуальных символов государства, его «содержательный образ» [3, с. 183 – 198]. Именно с экспансией культурного и символического капитала, воспроизводимого и транслируемого с помощью информационных сетей, многие исследователи связывают феномен так называемой «коммуникационной революции», на рассмотрении которого следует остановиться подробнее.

Новые информационные технологии и подъем «сетевого общества»

Такие термины, как «коммуникационная революция» или «информационная революция» являются недостаточными для объяснения протекающих сегодня процессов. Речь при этом идет о чем-то большем, чем о простой возможности более быстрого обмена послания или о доступе к базам данных электронных библиотек. В долгосрочной перспективе мы можем говорить о трансфере власти от прежде влиятельных институтов к группам и отдельным личностям. Реальные изменения, происходящие благодаря влиянию Интернета, представляют собой революцию в системе контроля, что означает масштабную трансформацию в управлении информацией, знаниями и ресурсами [19, с. 10].

Навыки, которыми обладают сегодня обычные люди, в корне отличаются от тех, которыми обладали люди предшествующих поколений. Глобальное телевидение, Интернет, факс, и-мэйл, компьютер и несколько позже мобильный телефон.... предоставили отдельным людям возможность изменять их навыки способом, позволяющим более успешно адаптироваться к вызовам усложняющегося мира.

Наиболее важное следствие распространения новых информационных технологий и «информационной революции» касается ее влияния на те способы, с помощью которых взаимодействуют друг с другом отдельные индивиды и организации [17].

До времени массового распространения новейших технологий таких, как и-мэйл и Интернет, наибольшая часть этих взаимодействий имела иерархи-

ческий характер, осуществляясь внутри организаций или при их посредничестве. Прежние иерархии имели формально установленный характер, обладали системой рангов и позиций, что позволяло направлять нисходящие потоки власти и политические директивы, благодаря чему все межорганизационные иерархии имели сугубо вертикальный характер, будучи дополненными неформальными иерархиями престижа, влияния и власти. Горизонтальные сети, существование которых стало возможным благодаря новым информационным технологиям, дополнили собой уже существующие формальные и неформальные иерархии. Следствием возросшей способности различных акторов к образованию сетевых структур стал настоящий «организационный взрыв», связанный с массовым формированием новых организаций и ассоциаций в современную эру. На каждом уровне человеческого сообщества в любой из частей мира продолжается процесс формирования новых организаций, само существование которых поддерживается не столько иерархическими структурами, сколько сетями.

Так, например, исследование процесса роста транснациональных сетей показало, что количество транснациональных НПО с 1990 по 1999 годы возросло с 6 до 21 тысячи. Не менее впечатляющими являются возросшие дееспособность и эффективность сетевых организаций, пытавшихся воспрепятствовать проведению саммита ВТО в Сиэттле, когда 1500 НПО подписали направленную против ВТО декларацию в режиме он-лайн, что, по мнению экспертов, свидетельствовало о подрыве влияния «центральных правительств» и утрате лидерства «командными структурами», от которых оно отныне перешло к «полицентричным структурам, которые невозможно «обезглавить» [21].

Следует особо отметить, что иерархии дополняются, но не замещаются сетями. Тот факт, что сети стали главной формой человеческой организации, не означает, что иерархии отныне обречены на уничтожение. Ибо всегда будет сохраняться необходимость в определенной иерархии, во власти, устроенной таким образом, чтобы это позволяло ей решительным образом урегулировать возникающие конфликты и адаптировать политику высшего руководства в ситуации, когда консенсусные соглашения недостижимы на низшем уровне иерархии в организациях любого типа. В современный период динамика происходящих трансформаций способствует размытию и даже разрушению иерархических структур, однако наличие подобного паттерна не позволяет пока прогнозировать их полное упразднение.

Не следует считать горизонтальные сети новой формой организации. Сети, которые возникают из сетевой коммуникации, являются одной из характеристик человеческих устремлений. Подобные взаимодействия стали возможными уже после появления в XIX веке паровых судов, почтового сообщения и телефона – в первой половине XX столетия. Однако первоначально эти технологии были доступны толь-

ко элите и недоступны остальному обществу. Сегодня, благодаря эффектам «информационной революции», горизонтальные обмены стали не просто возможными, но главное – заметно снизилась цена на этот вид услуг. Как следствие, горизонтальные сети перестали быть однозначно связанными с обладанием такими ресурсами, как богатство и власть. Сегодня именно обычные граждане получили облегченный доступ в Интернет. Выражаясь в терминах эпохи новых технологий, «колоссальный рост новой инфраструктуры включает в себя не только Интернет, но также кабельные, сотовые и спутниковые системы, сдвигающих баланс от одноканальных медиа (традиционные радио и телевидение) к многоканальным интерактивным СМИ. Колоссальный рост глобальной взаимосвязанности является результатом облегчения доступа к новым технологиям для многих наций, равно как и результатом возросшего внимания большого числа акторов к использованию данной инфраструктуры для осуществления различных видов коммуникации» [17, с. 267].

Иными словами, информационная революция ведет к «революции отношений». В рамках масштабных сетей и взаимоотношений, возникающих в малых группах, люди в рамках локального и глобального миров все более активно вовлекаются в разнообразные и углубляющиеся отношения, что в итоге порождает тренд, предполагающий изменение не только личных навыков, но и самих людей и системы их связей в рамках макроколлективов. Последствия их включения в динамично развивающиеся взаимоотношения могут быть весьма значительными для взаимодействий между микро- и макроуровнями общественной организации. Некоторые наблюдатели, например, утверждают, что процессы, протекающие в рамках локального и глобального миров могут сегодня развиваться таким образом, что будут способствовать уменьшению внутригрупповых напряжений [10, с. 211].

Действительно, информационная революция облегчает существенные изменения в том, что мы называем «гражданским обществом», областью которого является частная сфера, для объединения усилий граждан в рамках которой не требуется наличие финансовых ресурсов. По мере того, как НПО и сети распространяются и взаимопересекаются в мире, становится возможным информировать, координировать и мобилизовывать индивидов в разных частях мира, имеющих общие цели, желание посвятить им свое время и энергию. Распространение адвокатских сетей изменяет масштаб мировых дел и существенно изменяет сам ход событий. Формируется или нет гражданское общество в мировом масштабе, очевидно, что именно сети становятся ключевым актором глобального мироустройства.

Наблюдаемый нами «взрыв» новых социальных структур, возникающих в разных областях человеческой деятельности, ведет нас к неизбежному заключению: в качестве исторического тренда, ключевые функции и процессы информационной эры во все возрастающей степени осуществляются и проте-

кают вокруг сетей. Сети формируют новую социальную морфологию нашего общества, и распространение сетевой логики существенно модифицирует характер деятельности и полученные результаты в процессах производства опыта, власти и культуры. Пока сетевые формы социальной организации существовали в ином пространстве и в ином времени, парадигма новых информационных технологий создает материальный базис для экспансии сетей в рамках всей социальной структуры [5, с. 469].

Подъем информационных сетей облегчает обмен технологиями. Повсеместное внедрение сетей изменяет масштабы и формы деятельности политической власти. Сама власть в отношении технологий отныне может быть рассмотрена и понята в рамках (терминах) способности (инструментальной и структурной власти) и с учетом способности информационных технологий создавать новые идентичности и задавать новую повестку дня (т. н. «мета-власть»). Внедрение сетей изменяет характер и масштабы государственного управления. Локусы власти, порядка и легитимности сдвинулись от государства по направлению к более плюралистическим и адвокатским акторам.

Осуществление транзакций через сети приняло сегодня такие масштабы, что все концептуальные подходы так или иначе ведут речь о сетевых организациях. В той или иной форме различные научные школы осмысливают сетевые эффекты, говоря об акторах, являющихся объектом исследования для различных школ международных отношений. Розекранц (1976) предпочитает в этом случае говорить о т.н. «сетевом государстве» [15, с. 277]; Дейберт (1997), Дж. Аркила и Д. Ронфельд (1997) ведут речь о «сетевой безопасности», требующей качественно нового подхода к обеспечению безопасности в «информационную эру» [8]; Д. Шпар и Д. Буссганг (1996) – о «сетевых рынках» [20, с. 19 – 27]; Г. Джерефи (1995) – о сетевых транснациональных предприятиях» [9, с. 100 – 142]; Дж. Мэтьюз (1997), М. Кек и К. Сиккинг (1999) – о созданных на основе неправительственных организаций «адвокатских сетях» [13]; практически все формы сетевых организаций, преобладающих сегодня в мировой политической экономии, осмысливаются Дж. Аронсоном (2002) [1, с. 39 – 62], Р. Кеохэйном и Дж. Наем (1998) [12], и прежде всего – М. Кастельсом (1998, 1997, 1996) [4].

Говоря словами М. Кастельса, сети формируют «новую социальную морфологию наших обществ, и распространение сетевой логики существенно модифицирует технологии и результаты деятельности в процессах производства, исследовательской, властной и культурной деятельности» [6, с. 469].

Рассматривая информационные технологии в качестве нейтральных, мы рассматриваем их в качестве предварительных условий, но не прямых стимулов к действию. Мы видим в них средство, которое способно влиять на процессы, формировать общеполитический контекст, способствовать либо

препятствовать их протеканию в определенном русле, позволять либо запрещать определенное действие, но не определять содержание и характер политического действия или процесса.

Таким образом, восприятие информации как изначально нейтрального феномена не должно игнорировать саму возможность ее превращения в знание, и посредством этого – во власть. Более справедливым выглядит утверждение, что информация и информационные технологии облегчают осуществление того, что принято называть «мягкой властью» [14, 31], которую принято отличать от традиционных форм власти. И как показывают войны в Косово и в Ираке, военный потенциал и сама реализация стратегий безопасности сегодня в значительной степени зависят от информационных технологий.

Пока же, несмотря на наличие многочисленных способов, которыми может реализовываться «мягкая власть», это не упраздняет изначально нейтрального характера информационных технологий. Повторимся, что все, что зависит от того, как истеблишмент и правительство генерируют и используют технологии, и как сама общественность интерпретирует информацию и знания, которые принадлежат ей. Существует совсем немного случаев, когда информационные технологии имели причинную динамику, тогда уровень знаний сообщества являлся однородным и разрывов в уровне знаний внутри сообщества не существовало.

Нет смысла лишний раз говорить о том, что информация имеет ключевое значение на политической сцене. Что изменяется – так это контекст, в котором совершается политический выбор. По тому, как развиваются политические технологии, изменяются и рамки приемлемого выбора. Среди другого, например, технологические инновации ставят вопрос о том, как рамки выбора расширяет масштаб информации среди тех, кто информационно богат, и среди тех, кто информационно беден. А также то, как разрыв между богатством и бедностью изменяет контекст, в рамках которого различные акторы взаимодействуют и изменяют друг друга.

В то же время контекстуальные факторы пока не слишком занимают внимание политологов, изучающих современные мировую политику и систему международных отношений. Равно как и то, каким образом информационные технологии влияют на сам контекст, в котором осуществляются мировые дела?

Однако не следует преувеличивать степень и масштаб влияния информационных сетей на глобальные процессы. Ни у кого сегодня не вызывает сомнений способность технологий продвигать изменения. Однако они не предопределяют их. Эффект сетевого воздействия на государства, бизнес и международные организации может породить определенные детерминистские суждения. Тем не менее два момента развития наиболее важны для понимания того, как технологии влияют на подъем сетевых структур и вытеснение ими прежних организацион-

ных форм. Скептики в отношении возможностей информационных технологий часто ставят под сомнение не сами эффекты, но технологические изменения, которые им способствуют. В этой связи важно понять то, как влияет технология на осуществление власти и управления в контексте этой проблемы.

Литература

1. Aronson, J. D. Global Networks and their Impact / J. D. Aronson // J. N. Rosenau, J. P. Singh (eds.). Global Communications and International Relations. – SUNY: Buffalo Press, 2002.
2. Beck, U. Risk Society Toward a New Modernity / U. Beck. – London: Sage, 1992.
3. Bourdieu, P. Ökonomisches Kapital, kulturelles Kapital, soziales Kapital, in: Kreckel, Reinhard (Hrsg.) Soziale Ungleichheiten (Soziale Welt, Sonderheft 2) / P. Bourdieu. – Göttingen: Otto Schwartz & Co., 1983.
4. Castells, M. End of Millennium, The Information Age: Economy, Society and Culture Vol. III. Cambridge, MA; Oxford, UK: Blackwell, 1998; The Power of Identity, The Information Age: Economy, Society and Culture Vol. II. Cambridge, MA; Oxford, UK: Blackwell, 1997; The Rise of the Network Society. The Information Age: Economy, Society and Culture Vol. I. Cambridge, MA; Oxford, UK: Blackwell, 1996.
5. Castells, M. The Rise of Network Society / M. Castells. – 1999. – Vol. 1.
6. Castells, M. The Rise of the Network Society / M. Castells // The Information Age: Economy, Society and Culture. – Vol. I.
7. Chauvire, Ch. Le vocabulaire de Bourdieu / Ch. Chauvire, O. Fontaine. – Paris: Ellipses, 2003.
8. Deibert, R. J. Parchment, printing, and hypermedia: communication in world order. – Columbia: University Press, 1997; Arquilla J., Ronfeldt D. In Athena's Camp: Preparing for Conflict in the Information Age. – Santa Monica; California: Rand Corporation, 1997.
9. Gereffi, G. Global production systems and third world development / G. Gereffi // B. Stallings (ed.): Global change, regional response: The new international context of development. – Cambridge: Cambridge University Press, 1995.
10. Gergen, K. J. The Self in the Age of Information / K. J. Gergen // Washington Quarterly. – Vol. 23 (winter 2000).
11. Giddens, A. Sociology / A. Giddens. – Cambridge, UK: Polity Press, 1989.
12. Keohane, R. O. Power and Interdependence in the Information Age / R. O. Keohane, J. Nye. – Longman; New York, 2001.
13. Mathews, J. T. Power Shift / J. T. Mathews // Foreign Affairs, January / February, 1997; Keck M. E., Sikkink K. Activists beyond borders. – Ithaca: Cornell University Press, 1998.
14. Nye, J. Soft Power: The Means to Success in World Politics / J. Nye. – New York: Public Affairs Group, 2004.
15. Rosecrance, R. N. America as an ordinary country / R. N. Rosecrance. – Cornell University Press, 1976.
16. Rosenau, J. Distant proximities: dynamics beyond globalization / J. Rosenau. – Princeton; N. Y.: Princeton University Press, 2003.
17. Rosenau, J. Distant Proximities: Dynamics beyond Globalization / J. Rosenau. – Princeton: Princeton University Press, 2003.
18. Rosenau, J. The relocation of authority in a shrinking world / J. Rosenau // Comparative Politics. – Vol. 24. – 1992. – Nr. 3.
19. Scharpf, F. W. Die Handlungsfähigkeit des Staates am Ende des zwanzigsten Jahrhundert / F. W. Scharpf // Politische Vierteljahresschrift. – 1991 – Nr. 4.
20. Shapiro, A. L. The Control Revolution / A. L. Shapiro. – New York: Public Affairs, 1999.
21. Spar, D. L. Ruling the Net / D. L. Spar, J. J. Busgang // Harvard Business Review. – 1996, May-June.
22. The Economist. December 11, 1999.
23. Wallerstein, J. The Modern World-System / J. Wallerstein. – New York: Academic Press, 1989.

УДК 94(430).087

ПРАВО НА СЛУЖБЕ ПОЛИТИКЕ: ГЕРМАНСКИЙ ОПЫТ В ПОСТБИПОЛЯРНУЮ ЭПОХУ (1990-е – 2006 г.)

А. И. Егоров

LAW IN THE SERVICE POLITICS: THE GERMAN EXPERIENCE IN THE POST-BIPOLAR ERA (1990s – 2006)

A. I. Egorov

В статье рассматривается проблема соотношения политики и права в деятельности ФРГ на международной арене. Исследуется правовое обеспечение преодоления Германией политических последствий Второй мировой войны, укрепления ее позиций на европейском континенте, расширения сферы применения бундесвера за границей. Весомое место отводится анализу правовой позиции, занятой Берлином в связи с действиями российской армии в Чечне.

The paper considers the problem of the relationship between politics and law of the Federal Republic of Germany in the international arena. We investigate the legal support to overcome the political consequences of German World War II, strengthening its position in Europe, expanding the scope of the Bundeswehr abroad. Important place given to the analysis of the legal position taken by Berlin in connection with the actions of the Russian army in Chechnya.

Ключевые слова: право, политика, права человека, правовое государство, демократия, суверенитет, Германия, Россия.

Keywords: law, politics, human rights, rule of law, democracy, sovereignty, Germany, Russia.

С крушением авторитарной системы и торжеством демократической модели общественного развития международное право получило шанс для трансформации в универсальный регулятор, признаваемый большинством цивилизованных стран мира. Такая возможность объективно подкреплялась интеграционной тенденцией, способствующей формированию единого глобального пространства.

Однако в мировой политике возобладали иные приоритеты, поставившие юридические нормы на службу однополярной системе международных отношений. Американские стандарты проникли во все сферы общественной жизни, стремясь превратить международное право в эффективный инструмент решения политических и экономических проблем Вашингтона.

Был поставлен под сомнение такой краеугольный принцип, как суверенитет, в соответствии с которым действие международного права заканчивается на государственных границах, а прочие субъекты обязываются не вовлекаться во внутренние дела государства без согласия последнего. Стратеги НАТО и США взяли на вооружение доктрину допустимости вмешательства во внутренние государства как для поддержания международного мира и безопасности, так и по гуманитарным причинам, что нашло воплощение в агрессивных акциях против Союзной Республики Югославии (1999 г.), Афганистана (2001 г.) и Ирака (2003 г.).

Субъектам мировой политики не оставалось ничего иного, как приспособиться к обозначившейся тенденции и попытаться, мысля в духе политического реализма, использовать ситуацию для реализации своих интересов. ФРГ, общество которой после окончания Второй мировой войны развивалось под решающим влиянием либеральных ценностей и в духе западной плюралистической демократии, такое приспособление было осуществить проще, нежели ряду стран, чей исторический опыт был противоположным. При этом германские власти отдавали себе отчет в том, что задача продвижения национальных интересов с помощью правовых инструментов должна решаться постепенно, после соответствующей дипломатической подготовки.

Прежде всего, Германия стремилась преодолеть политические ограничения, наложенные на нее по итогам Второй мировой войны. Решающий импульс этому процессу был дан 12 сентября 1990 г., когда министры иностранных дел ГДР, ФРГ, Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии, США, СССР и Франции подписали Договор об окончательном урегулировании в отношении Гер-

мании. В преамбуле Договора обращало на себя внимание признание сторонами того, что «немецкий народ, свободно осуществляя право на самоопределение, изъявил желание и волю к строительству государственного единства Германии» [8, с. 972]. В результате теряли свое значение права и ответственность четырех держав в отношении Берлина и Германии в целом. Объединенная Германия обрела полный суверенитет над своими внутренними и внешними делами.

Между тем после объединения стало очевидно, что на международной арене ФРГ отдает предпочтение праву наций на самоопределение перед государственным суверенитетом. 23 декабря 1991 г. Федеральное правительство Г. Коля признало самопровозглашенную независимость Словении и Хорватии, входивших в состав суверенной Югославии. Этот шаг германской дипломатии противоречил международным обязательствам ее страны, в частности, принципам Парижской хартии для новой Европы, подписанной в 1991 г., а также пунктам советско-германского «Большого договора» (1990 г.), где говорилось о взаимном обязательстве «обеспечивать приоритет общепринятых норм международного права» и «неукоснительно соблюдать территориальную целостность всех государств в Европе в их нынешних границах» (ст. 1 и 2). Германия противопоставила свою позицию мнению специальной комиссии ЕС, рекомендовавшей не признавать словенскую и хорватскую суверенности. Принципа сохранения территориальной целостности Югославии придерживались в то время президент США Дж. Буш-старший, специальный представитель ООН в Югославии С. Вэнс, председатель мирной конференции по Югославии лорд Каррингтон.

В качестве юридического обоснования признания Германией независимости Словении и Хорватии было использовано право наций на самоопределение. Заместитель председателя фракции ХДС/ХСС в бундестаге Р. Шольц подчеркивал: «Право на самоопределение принадлежит к числу важнейших гарантий международного права. На основании п. 1 ст. 1 Устава ООН признано, что право на самоопределение представляет собой юридически обязательную гарантию. Последняя дополняется ст. 55 Устава ООН, а также «Декларацией о правах человека» ООН 1966 г.» [17, с. 156]. Кроме того, немецкие представители ссылались на прецедент, когда право на самоопределение было реализовано при объединении Германии.

Важным направлением политики властей ФРГ стало укрепление правовой базы, расширявшей сфе-

ру применения германских вооруженных сил. Повышение их боеспособности отразилось в увеличении задач бундесвера, прежде всего участия в многонациональных военных акциях за границей. Национальное законодательство стремилось максимально приспособиться к политическим запросам, в связи с чем 12 июля 1994 г. Конституционный суд ФРГ принял решение об отмене поправки 1982 г. к 24-й главе Основного закона, запрещавшей участие бундесвера в военных операциях за рубежом [4, с. 423].

30 июня 1995 г. бундестаг 386 голосами «за» (при 258 «против» и 11 «воздержавшихся») одобрил решение федерального правительства отправить немецкие воздушные и санитарные силы по поддержке корпуса быстрого реагирования в Боснию. Также была открыта дорога для поставки военных самолетов «Торнадо», способных уничтожать системы ПВО. Консолидированная позиция правительства и бундестага ФРГ получила одобрение со стороны Федерального конституционного суда. Его бывший председатель Э. Бенда фактически признавал политический подтекст данного решения, отмечая, что «с восстановлением государственного единства Германии вес ее политики в мире изменился. Международное сообщество ждет от ФРГ занятия активной позиции в региональных конфликтах» [9].

13 декабря 1996 г. немецкий бундестаг сделал очередной шаг – принял ходатайство федерального правительства об отправке 3 тыс. военнослужащих бундесвера в рамках натовской программы SFOR по урегулированию конфликта на территории бывшей Югославии на 1,5 года для обеспечения мирного процесса в Боснии.

Использование бундесвера за рубежом получило соответствующее обоснование, принципиальные основы которого были изложены в речи федерального президента Р. Херцога перед Немецким обществом внешней политики, произнесенной в марте 1995 г. Херцог обозначил проблему следующим образом: «Почему французские, бельгийские или нидерландские солдаты могут рисковать жизнью ради достижения общей цели, а немецкие – нет?» [12, с. 196].

Германская сторона занялась разработкой критериев, в соответствии с которыми бундестаг мог бы принимать решения об участии военнослужащих бундесвера в многосторонних операциях за рубежом. Главным условием становилось наличие международно-правового обоснования привлечения немецких войск, что подтверждало бы легитимность акции. Иначе говоря, кризисная интервенция с участием военнослужащих бундесвера не должна была иметь односторонний характер, а происходить исключительно в многосторонних рамках и на основании международного мандата, как правило, Совета Безопасности ООН. Эксперт А. Хайманн-Грудер дополнял это условие другими критериями, а именно: соответствие правового аспекта акции Основному закону ФРГ; ясные миролюбивые цели, которые

ставят перед собой силы международной коалиции; наличие политической концепции и четкой стратегии урегулирования ситуации [11, с. 12].

Позиционируя себя в качестве правопослушной стороны, германское руководство вместе с тем акцентировало внимание на изъятиях других стран в правовой области. Особо тщательно власти ФРГ подходили к вопросу соблюдения прав человека, считая, что, будучи зафиксированными во «Всеобщей декларации прав человека», они являются не столько западными, сколько универсальными ценностями. В связи с этим международно-правовой принцип невмешательства во внутренние дела суверенной страны в случае вопиющих нарушений прав человека подходил к пределу. Свою задачу германская дипломатия видела в создании условий, когда религиозные и культурные предпочтения перестанут быть основанием для отрицания универсальных стандартов в области прав человека.

К числу важнейших задач зарубежных представительств Германии (прежде всего посольств) относилась подготовка регулярных сообщений о ситуации с правами человека и правовыми рамочными условиями в стране пребывания. Если официальный Берлин приходил к выводу, что принципы правового государства и демократии находятся под угрозой, то он стремился внести посильный вклад в их защиту. Это происходило как на двусторонней основе, так и в рамках ЕС, НАТО и ООН, чаще всего по согласованию с европейскими и трансатлантическими партнерами.

Реализуя политику в области прав человека, германская дипломатия брала на вооружение разнообразные инструменты. Прежде всего к ним относился мониторинг общественной ситуации, от которой зависело соблюдение прав человека. Затем следовали обращения к правительству и парламентам соответствующих стран, а также представителям их гражданского общества – журналистам, адвокатам, правозащитникам и общественным фондам. Кроме того, активизировались официальные контакты Берлина в области прав человека, которые поддерживались как на многостороннем, так и двустороннем уровнях с рядом стран, в том числе с РФ.

Начало 1990-х гг. совпало с высокими ожиданиями в ФРГ по поводу российских преобразований. Они опирались на весомые показатели растущего политического участия населения РФ. На выборах в Государственную думу и Совет Федерации в декабре 1993 г. была зафиксирована высокая явка избирателей – 54,81 %, а в декабре 1995 г. – почти 64,76 %. В 1996 г. на выборах президента РФ избиратели проявили еще большую активность – 69,8 % в первом туре и 69,4 % во втором. Такие данные можно было расценить как свидетельство окрепших политических обязательств граждан и развития демократических процессов в обществе.

Германия предложила помощь в создании институтов стабильной демократии в России, действуя

как в рамках Евросоюза, так и самостоятельно. Главным многосторонним инструментом выступала программа TACIS, разработанная Европейским союзом. Начиная с 1991 г., в рамках этой программы были поддержаны проекты, специализирующиеся на содействии правам человека, формировании принципов правового государства и развитии гражданского общества. Всего на реализацию этих проектов в России было выделено 1,2 млрд евро.

Также федеральное правительство разработало свои трансформационные программы, преследуя аналогичные цели. Собственно, немецкая поддержка России в строительстве правового государства стала осуществляться позднее, с 1994 г., и выразилась общей суммой в 350 млн ДМ [7, с. 255]. Ее нельзя считать значительной, особенно на фоне крупномасштабной поддержки со стороны Германии бывших советских республик. Лишь одной маленькой Грузии была предоставлена финансовая помощь, исчислявшаяся такой же суммой.

Со второй половины 1990-х гг. в Германии стали все чаще скептически отзываться об успехах России в деле формирования демократических устоев. К тому времени Кремлю не удалось создать ключевые предпосылки демократизации – правовое государство, стабильную многопартийную систему и дееспособный парламентаризм. Приравнивать же победу Б. Н. Ельцина на президентских выборах 1996 г. к «триумфу демократии» оказалось преждевременным. В России к тому времени сложился переходный режим, для которого были характерны сильная президентская власть и относительно слабые представительные органы.

В известной степени разочарованность немецкой стороны подпитывалась боевыми действиями российской армии на Северном Кавказе, развернутыми в ходе первой чеченской кампании и сопровождавшимися многочисленными людскими жертвами.

Для общественного мнения Германии такая ситуация являлась показателем неоимперских устремлений российского руководства, возрождения политического мышления в духе советских традиций, что способствовало усилению негативизма в отношении Москвы.

Консервативно-либеральное правительство Г. Коля пыталось сдерживать нарастание антиросийской тенденции в своей стране, заняв умеренную позицию. Властям Германии было невыгодно подогревать сепаратистские настроения в РФ. Это могло подготовить почву для массовой поддержки террористов населением Чеченской республики, что, в свою очередь, грозило дестабилизировать ситуацию в стране и в конечном счете выступить фактором трансформации российского политического режима в сторону авторитаризма. Также Германия проявляла заинтересованность в сохранении территориальной целостности РФ, ибо ее возможный распад грозил привести к непредсказуемым последствиям на постсоветском пространстве.

В то же время федеральное правительство не исключало возможности введения санкций против РФ по линии Евросоюза. При этом предполагался тщательный подход к выбору инструментария возможных санкций и расчету их политической эффективности. Радикальные действия недружественного характера (например разрыв экономических отношений между ЕС и Россией) были отвергнуты, поскольку объективно вели к появлению новых разделительных полос в Европе, а фактически – к изоляции Москвы.

Такие соображения толкали германское руководство на расширение контактов с российской стороной по дипломатическим каналам, где основную тяжесть работы брало на себя внешнеполитическое ведомство.

Предполагалось воздействовать на Кремль с помощью инструментов дипломатии, тем более, что при вступлении в Совет Европы (1996 г.) Россия обязалась разрешать внутренние конфликты мирными средствами и при соблюдении норм международного права. С этой точки зрения, полагали германские представители, следует кропотливо и настойчиво разъяснять Москве неприемлемость ее действий в Чечне ввиду их несоответствия нормам международного права. Решение чеченской проблемы руководство ФРГ искало в политической сфере. Выход им виделся в сохранении территориальной целостности российского государства, что не исключало предоставление Чеченской республике широкой автономии. Только этот шаг, по мнению германской дипломатии, становился весомым правовым основанием для прекращения кровопролития, а стало быть, соблюдения прав и свобод человека в Чечне.

Ситуация стала меняться после прихода к власти в ФРГ коалиционного правительства СДПГ – Союз 90/«Зеленые». Амбиции новых лидеров Германии на международной арене оказались предельно большими. Они стремились положить конец дискуссии о «нормальности» своей страны [3], превратить ФРГ в одного из самых влиятельных субъектов мирового политического процесса, обеспечить устойчивое положение германского государства в многосторонних международных организациях. Выступая 10 ноября 1998 г. перед бундестагом с первым правительственным заявлением, федеральный канцлер Г. Шредер сравнил формирование нового кабинета со сменой поколений немецкой нации и дал понять, что намерен подвести черту под послевоенным периодом германской истории. «Мы гордимся нашей страной... Это уверенность в себе взрослой нации, которая не должна чувствовать себя превосходящей или проигравшей никому. Она помнит историю и свою ответственность, но при этом смотрит вперед», – подчеркнул Шредер [16].

Позиция, занятая правительством СДПГ – Союз 90/«Зеленые» в отношении соблюдения прав человека в РФ, оказалась значительно более жесткой, чему способствовало несколько факторов. Прежде

всего, это начало второй чеченской войны, в которой переплелись сложнейшие проблемы российского общества. Ее успешное проведение помогло предотвратить отделение Дагестана и Чечни от России, нанести серьезный удар по террористическим организациям на их территории; способствовало широкой поддержке В. В. Путина накануне выборов президента РФ (26 марта 2000 г.).

Однако серьезное укрепление федеральной власти в России не входило в планы ее западных партнеров, которые предпочитали видеть Москву слабой стороной, не способной проводить самостоятельный внешнеполитический курс. Играя на поле ЕС, Берлин все чаще использовал вторую чеченскую кампанию в качестве повода для вмешательства во внутренние дела России. При этом официальные лица предпочитали говорить о необходимости скорейшего окончания войны, где в массовом порядке нарушаются права и свободы человека. В ход были пущены элементы шантажа, поскольку стратегическое сотрудничество и определенные формы партнерства с Москвой ставились в прямую зависимость от положения дел с правами человека в Чечне, а также от выполнения Кремлем своих международных обязательств.

К тому же Европейский парламент рекомендовал Комитету министров Совета Европы лишить Россию права голоса в соответствующих комитетах, ибо, по его мнению, военная акция РФ в Чечне нарушила дух и букву Европейской конвенции о защите прав человека.

Роль главного немецкого критика российской политики в области прав человека взял на себя министр иностранных дел Й. Фишер, который рассматривал чеченскую войну как политическую и гуманитарную катастрофу, которая абсолютно неприемлема ввиду ее направленности против гражданского населения и несовместимости с европейскими и международными нормами» [15]. Официальный Берлин не отрицал право России на защиту своей территориальной целостности, но заявлял, что борьба должна вестись исключительно против терроризма и средствами, приемлемыми для правового государства. Использование жестких, силовых мер, по мнению руководства ФРГ, не имело ничего общего с политикой умиротворения.

В то же время германская сторона не препятствовала деятельности на своей территории сепаратистов, поддерживающих независимость Чечни. В Германии открыто действовало «представительство республики Ичкерии». Граждане ФРГ Авторханов и Абумуслимов именовались личными представителями президента Ичкерии. Также работали «Немецко-Кавказское общество», «Общество защиты угнетенных народов», поддерживавшие тесные связи с сепаратистами.

Избрание в марте 2000 г. президентом РФ В. В. Путина заставило официальный Берлин более четко определить свои новые ожидания в отношении Москвы. ФРГ надеялась на развитие в России

демократии, свободы слова, печати, гражданского общества. Особую роль Германия отводила формированию в РФ правового государства. Недостаточное обеспечение правопорядка являлось существенной причиной утечки капитала из стран, а также сдержанного поведения иностранных инвесторов.

Осенью 2002 г. в Германии состоялись очередные парламентские выборы, принесшие победу социал-демократам и их младшим партнерам по коалиции – партии Союз 90/«Зеленые». Руководствуясь принципом преемственности, федеральное правительство выдвинуло в отношении России две программные цели. С одной стороны, Германия, как член НАТО, ЕС и «Большой восьмерки», стремилась к расширению прочного и длительного партнерства в области безопасности между РФ и этими организациями. С другой – официальный Берлин заявлял о необходимости развития политического, экономического и гражданского диалога, что поможет сделать общественно-правовые и социальные реформы в России необратимыми.

Однако Германия все чаще стала брать на себя роль арбитра, который не только осуществляет мониторинг деятельности российских властей по обеспечению прав человека, но и делает замечания в связи с их нарушением. Негативные оценки положения дел с правами человека в РФ усилились, что Берлин объяснял непрекращающимся конфликтом в Чечне, а также общим курсом Кремля на сворачивание демократии в стране.

25 марта 2003 г. министр иностранных дел ФРГ Й. Фишер выступил с речью на пленуме Комиссии ООН по правам человека, где позволил себе открытую критику в адрес Москвы в связи с якобы имеющимися нарушениями прав человека в Чечне. Фактически Берлин перешел на позицию негласной поддержки чеченских сепаратистов, а в Германию стали наведываться их эмиссары. В частности, по приглашению нескольких депутатов бундестага, в январе 2004 г. Берлин посетил А. Закиев – один из лидеров чеченских террористов, находящийся в международном розыске.

К тому же ФРГ настойчиво пыталась вмешаться в миротворческий процесс на территории Чечни. Координатором германо-российского сотрудничества по линии общественности при правительстве Германии, членом руководства фракции СДПГ в бундестаге Г. Эрлером было предложено заключить многосторонний «Пакт стабильности для Кавказа» [1], который предусматривал бы – при ведущей роли России – участие Евросоюза и сопредельных государств региона (Грузии), а также международных финансовых институтов в урегулировании ситуации в Чечне. Однако содержание пакта носило ярко выраженный антироссийский характер. В качестве первоначальных шагов к достижению стабильности предлагались такие меры, как: публичный отчет российского руководства о реальном состоянии дел в Чечне в частности и на Северном Кавказе в целом; признание Москвой «противоправных действий час-

ти российских войск и сторонников Кадырова»; запуск процесса широкомасштабного восстановления инфраструктуры Чечни с обязательным участием Евросоюза.

Такие выпады не мешали российскому руководству проводить твердый курс на ликвидацию террористической угрозы. К февралю 2004 г. все крупные группировки террористов и их инфраструктура на территории Чечни были уничтожены, и федеральные власти перешли к процессу политического урегулирования. О пророссийских настроениях говорило всенародное принятие новой Конституции Чеченской республики (23 марта 2003 г.), где подчеркивалось, что она является неотъемлемой составной частью РФ.

Вместе с тем угрозы со стороны международного терроризма вынудили Германию налаживать тесное взаимодействие с Кремлем в области обеспечения двусторонней и многосторонней безопасности. В сентябре 2004 г. президентом РФ В. В. Путиным и федеральным канцлером ФРГ Г. Шредером было подписано Совместное заявление о борьбе со всеми формами терроризма в соответствии с Уставом ООН и обязательствами, закрепленными в резолюциях Совета Безопасности этой организации [5, с. 2 – 5]. Особую роль играли координация и активизация усилий для предотвращения приобретения или разработки террористами ядерного, химического и биологического оружия, средств его доставки, а также связанных с ним материалов, оборудования и технологий.

Расхождения между Москвой и Берлином в понимании демократии породили негативную оценку германской стороной российского политического режима, который зачастую трактовался как псевдodemократический. В его условиях, по мнению германской стороны, «понятие реформы вытесняется термином «модернизация», а «гражданское общество» трансформируется в «национальное согласие». Однако такой курс встретил понимание большинства населения, предпочитающего жить в гомогенной культурной области и исповедовать патриархальные ценности в духе коллективизма.

Несмотря на тесное взаимодействие президента РФ В. В. Путина и федерального канцлера ФРГ Г. Шредера, имидж российского лидера в Германии не приобрел демократической окраски. Напротив, некоторые меры, предпринятые с одобрения В. В. Путина государственными органами в области внутренней политики, в том числе подготовка изменений в законодательство о некоммерческих организациях, были расценены как антидемократические, направленные на подрыв суверенитета гражданского общества в России [14].

Приход к власти в Германии «большой коалиции» ХДС/ХСС-СДПГ обострил разногласия в оценке перспектив строительства правового государства и гражданского общества в РФ. Серьезный информационный повод к этому дала российская сторона, когда 23 декабря 2005 г. Государственная

дума приняла Федеральный закон № 18-ФЗ «О внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации». В нем ужесточались требования к деятельности общественных объединений, особенно в части информирования ими федерального органа государственной регистрации об объеме получаемых от международных и иностранных организаций, иностранных лиц и лиц без гражданства денежных средств и иного имущества, о целях их расходования или использования [13]. Немецкая общественность увидела в этом шаг к ослаблению гражданского общества в России, хотя меры могли объясняться тем, что вместо помощи людям, многие некоммерческие общественные организации были заняты исключительно получением зарубежного финансирования и обслуживанием сомнительных групповых и коммерческих интересов.

На этом неблагоприятном фоне 16 января 2006 г. краткосрочный визит в Россию совершила новый федеральный канцлер Германии А. Меркель, которая, однако, не желала накалять обстановку. Она не стала критиковать Федеральный закон №18-ФЗ, отметив лишь, что «он вызвал много возражений, и часть из них была учтена в процессе его разработки. Мы будем следить за его применением с тем, чтобы неправительственные организации и впредь имели возможность осуществлять свою деятельность» [2]. На итоговой пресс-конференции федеральный канцлер дипломатично обошла вопрос немецких журналистов о нарушении прав человека в Чечне. Меркель признала, что эта тема обсуждалась с президентом РФ В. В. Путиным, однако решение проблемы федеральный канцлер видела в многостороннем формате, а именно – в рамках программ Евросоюза.

После окончания встречи с Путиным она побеседовала в германском посольстве с российскими правозащитниками и оппозиционерами, выслушав их мнение о ситуации в России. В свою очередь, президент РФ согласился с тем, что встречи глав правительств иностранных государств с российскими правозащитниками принадлежат к традициям современной дипломатии [10].

В октябре 2006 г. достоянием гласности стал стратегический документ о политике ФРГ и ЕС в отношении РФ, подготовленный в Министерстве иностранных дел Германии. Исходя из реалистических представлений о весомой роли России в европейской политике, германский МИД выдвинул идею «сближения через интеграцию», в рамках которой обозначались такие приоритетные области, как экономика, политика и культура. Также были поставлены вопросы о свободных экономических зонах на территории России с участием германского капитала, энергетическом партнерстве с Москвой и более тесном сотрудничестве в сфере безопасности [6]. Тема соблюдения прав человека в РФ не была затронута вообще. Это дало основание надеяться на то, что лидеры новой правящей коалиции в Германии являются трезвомыслящими политиками, на-

строенными проводить конструктивную линию в отношениях с Россией.

Таким образом, объединенной Германии удалось весьма эффективно воспользоваться фактором права для реализации своих интересов на международной арене. Отдавая приоритет праву наций на самоопределение, ФРГ обеспечила собственный государственный суверенитет, признала самопровозглашенную независимость Словении и Хорватии, что усилило ее позиции в европейской политике. Консенсус федеральных властей позволил подвести правовую основу для использования военнослужащих бундесвера за рубежом. Благодаря акцентированию внимания на проблеме прав человека, официальный Берлин оказал дипломатическое давление на Россию, стремясь подтолкнуть Москву к политическому решению чеченского вопроса.

Литература

1. Верлин Е. «Пакт стабильности» для Кавказа [Электронный ресурс] / Е. Верлин, В. Иноземцев // Центр исследований постиндустриального общества. URL: [http:// postindustrial. net/](http://postindustrial.net/) 2004/09. Дата обращения: 16.12.2011.
2. Меркель и Путин опровергли пессимистов [Электронный ресурс]. – URL: <http://vesti70ru/news/full/?id=101> (дата обращения: 26.08.2011).
3. О проблеме «нормальности» Германии см.: Gross, J. Begründung der Berliner Republik. Deutschland am Ende des 20. Jahrhunderts / J. Gross. – Stuttgart: Deutsche Verlags-Anstalt, 1995. – 176 s.; Habermas, J. Die Normalität einer Berliner Republik. Kleine Politische Schriften VIII / J. Habermas. – Frankfurt-am-Main: Suhrkamp, 1995. – 188 s.
4. Павлов, Н. В. История современной Германии, 1945 – 2005: курс лекций / Н. В. Павлов. – М.: Астрель: АСТ, 2006. – 510 с.
5. Совместное заявление президента Российской Федерации Владимира Путина и Федерального канцлера Федеративной Республики Германия Герхарда Шредера от 9 сентября 2004 г. // Это нападение на нашу страну [Текст]: [подб. ст.]; / В. В. Путин, Г. Шредер // Российская Федерация сегодня. – 2004. – № 18.
6. ФРГ хочет надежных и справедливых отношений Россия-ЕС [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.dw-world.de/dw/article/0,,2303871,00.html> (дата обращения: 26.08.2011).
7. Хильгер, Г. Россия и Германия. Союзники или враги? / Г. Хильгер, А. Майер; пер. с англ. Л. А. Игоревского. – М.: Центрполиграф, 2008. – 413 с.
8. Außenpolitik der Bundesrepublik Deutschland: Dokumente von 1949 bis 1994 / Hrsg. Auswärtiges Amt. – Köln: Verlage Wissenschaftliche und Politik. – 1995. – 1165 s.
9. Benda, E. Deutsche Außenpolitik vor Gericht. Bundesverfassungsgericht und auswärtige Gewalt [Электронный ресурс] // Internationale Politik. – 1995. № 12. – URL: <http://www.internationalepolitik.de/ip/archiv/jahrgang 1995/ dezember 1995/ documentation. htm> (дата обращения: 29.07.2009).
10. Dempsey, J. Merkels Mission [Электронный ресурс] // Internationale Politik. – 2007. – № 1. – URL: <http://www.internationalepolitik.de/ip/archive/jahrgang 2007/ januar 2007/ documentation. htm> (дата обращения: 14.08.2009).
11. Heimann-Grüder, A. Friedensgutachten 2007. – Hrsg.: J.Hippler: LIT-Verlag, 2008. – 336 s.
12. Herzog, R. Vision Europa. Antworten auf globale Herausforderungen, mit einem Vorwort von M. Bissinger und einem Nachwort von K. Kaiser. – Hamburg: Hoffmann und Campe, 1996. – 224 s.
13. Mertes, M. Im Visier des Kremls. Das neue russische NGO-Gesetz schwächt die Zivilgesellschaft [Электронный ресурс] // Internationale Politik. 2006. № 7. – URL: <http://www.internationalepolitik.de/ip/archive/jahrgang 2006/ juli 2006/ documentation. htm> (дата обращения: 14.08.2009).
14. Mommsen, M. Wer herrscht in Rußland? Der Kreml und die Schatten der Macht. – München: C.H.Beck, 2003. – 260 s.
15. Rede des deutschen Außenministers, Joschka Fischer, bei der Jahresmitgliederversammlung des Deutsch-Russischen Forums am 15. Februar 2000 in Berlin [Электронный ресурс] // Internationale Politik. – 2000. – № 5. – URL: <http://www. internationalepolitik. de/ip/archive/jahrgang 2000/ mai 2000/ documentation. htm> (дата обращения: 30.07.2009).
16. Regierungserklärung von Bundeskanzler Gerhard Schröder, abgegeben am 10. November 1998 vor dem Deutschen Bundestag in Bonn [Электронный ресурс] // Internationale Politik. – 1998. – №12. – URL: <http://www. internationalepolitik.de/ip/archive/jahrgang 1998/ dezember 1998/ documentation. htm> (дата обращения: 30.07.2009).
17. Scholz, R. Deklamationen reichen nicht. Das Selbstbestimmungsrecht und die deutsche Politik // Internationale Politik. – 1995. – Bd. 4.

УДК: 316.334.52

ПУТИ ОПТИМИЗАЦИИ МЕЖСЕКТОРНОГО СОЦИАЛЬНОГО ПАРТНЕРСТВА

(на примере Пермского края)

О. Н. Калинин

WAYS OF OPTIMIZATION OF INTER-SECTOR SOCIAL PARTNERSHIP

(an example of Perm kray)

O. N. Kalinkina

В статье в краткой форме определяются успехи и недостатки процесса развития межсекторного взаимодействия на примере Пермского края и предлагаются возможные пути оптимизации партнерства трех секторов – власти, бизнеса и общественных организаций.

In article in the short form successes and lacks of development of regional intersector interaction are defined and possible ways of optimization of partnership of three sectors – the authorities, business and public organizations are offered.

Ключевые слова: межсекторное взаимодействие, межсекторное социальное партнерство, оптимизация, общественные организации.

Keywords: inter-sector interaction; inter-sector social partnership, optimization, public organizations.

В условиях возрастания роли регионов в развитии России, актуальной становится задача научного исследования специфики развития системы межсекторного социального партнерства в различных городах и областях страны. Выявление и анализ механизмов взаимодействия секторов на региональном уровне дает возможность прогнозировать тенденции развития гражданского общества и определить систему оптимизации, способствующую становлению института межсекторного социального партнерства.

Современную ситуацию в сфере межсекторного взаимодействия Пермского края можно охарактеризовать как двойственную. С одной стороны, достигнуты определенные успехи. Согласно данным ряда общероссийских и межрегиональных исследований, Пермский край является одним из лидеров по числу механизмов межсекторного взаимодействия. Кроме того, можно констатировать, что современные властные структуры Пермского края объективно стремятся к построению партнерских отношений с общественным сектором, понимая, что опора на гражданское общество – это мощная основа устойчивости политической системы. В Пермском крае формируется правовая база межсекторного взаимодействия, повышается активность общественных организаций, происходит становление региональных структур бизнеса.

С другой стороны, положение дел далеко не идеально. Нужно признать, что современная политика властей не является целостной и носит фрагментарный характер. Отсутствие последовательного, стабильного взаимодействия с общественностью и бизнесом препятствует успехам в социальной политике и повышению ее эффективности. Показатели социально-экономической эффективности межсекторного взаимодействия, его воздействие на повышение уровня и качества жизни населения еще оставляют желать лучшего. Здесь только начался поиск форм и механизмов взаимодействия общественного сектора, власти и бизнеса.

Межсекторное взаимодействие играет важную роль в процессе институционализации каждого из секторов, поэтому все стороны заинтересованы в его успешном развитии. Рассмотрим некоторые рекомендации по оптимизации межсекторного взаимодействия в Пермском крае:

1. Прежде всего, это касается осуществления ряда принципов, являющихся ключевыми характеристиками гражданского общества – равного доступа к участию в межсекторном взаимодействии всех представителей секторов, т. е. обеспечение равных стартовых условий, отсутствие избранности; добровольность и обязательность. Взаимодействие участников должно базироваться на учете внутренних убеждений каждого и на выполнении взятых на себя обязательств.

2. Выход межсекторного взаимодействия на новый уровень сотрудничества возможен только при взаимном доверительном отношении всех участников сотрудничества и признании общественных организаций полноправным представителем партнерства.

3. Одним из важнейших аспектов оптимизации межсекторного взаимодействия является совершенствование правовой базы, регулирующей партнерские отношения представителей власти, общественного сектора и коммерческих организаций. На уровне Пермского края уже действуют законы, регулирующие деятельность некоммерческих объединений и в их числе общественных организаций, а также некоторые механизмы их взаимодействия с региональными структурами. Однако имеющаяся законодательная база не закрепляет межсекторное взаимодействие как постоянно действующий процесс. Отсутствуют соответствующие нормы, которые должны определять основные принципы межсекторного взаимодействия, механизмы его реализации, ответственность сторон. Существующий закон «О социальном партнерстве в Пермском крае» не охватывает все поле межсекторного взаимодействия, ограничивая его сферой только трудо-

вых отношений, выражающееся в сотрудничестве государства, работодателей, работников и профсоюзов.

Для совершенствования правовой базы, регулирующей партнерские отношения представителей власти, общественного сектора и коммерческих организаций требуется:

- продолжить работу над нормативно-правовой базой благотворительной деятельности, чтобы существующие и планируемые меры содействия развитию благотворительности шли на благо соответствующих структур общества и не распространялись на организации, формально обладающие правовым статусом общественных, но фактически действующие в сфере предпринимательства и бизнеса;

- в нормативно-правовой базе, регулирующей деятельность общественных организаций, нужно выделить экономическую деятельность, связанную с профильной, общественно полезной работой и предоставить на нее налоговые льготы;

- на основе нормативно-правовой базы обеспечить формирование экономических предпосылок развития общественных организаций, предусматривая не только рост прямого государственного финансирования их деятельности, но и формирование необходимых условий для ускоренного развития общественного сектора;

- создать Концепцию взаимодействия органов власти, общественного сектора и коммерческих организаций в Пермском крае.

4. Для институционализации межсекторного взаимодействия в Пермском крае необходимо совершенствовать систему гражданского контроля, что поможет решить следующие задачи:

- обеспечение процедурной прозрачности и регламентированной открытости деятельности органов власти при выработке и реализации решений;

- обеспечение и отстаивание прав и законных интересов граждан в продвижении общественных интересов;

- создание и развитие процедур, механизмов и форм широкого публичного обсуждения всего спектра общественно значимых проблем, повестки дня и перспектив развития края;

- содействие формированию кадрового резерва государственного и муниципального управления;

- содействие выявлению негативных тенденций, расследованию фактов нарушения прав человека, установленных признанными нормами международного права и законодательства РФ, и ликвидации нарушений указанных норм.

Реализация гражданского контроля возможна в форме мониторинга, исследования, расследования, гражданской экспертизы и в иных формах. Органы власти должны активнее приглашать общественные организации для работы в комитетах, общественных советах и рабочих группах по оценке законодательства, а также привлекать представителей обществен-

ного сектора в долгосрочное стратегическое планирование.

Говоря о постоянно действующих общественных советах и комитетах, важно отметить, что их состав нельзя оставлять постоянным. Это приводит к появлению общественной элиты и, как следствие, к расколу в общественном секторе. Смена экспертов в зависимости от проблемы – является наиболее жизнедеятельным механизмом.

Кроме того, краевым и муниципальным властям стоит рассмотреть проблему стимулирования участия представителей общественных организаций в проведении экспертизы программ регионального бизнеса для согласования интересов населения и коммерческих организаций.

5. Следует пересмотреть стратегию управления, при которой органы власти будут выполнять координирующие функции, а не исполнительно-распорядительные.

6. Важной проблемой, препятствующей развитию межсекторного взаимодействия, является отсутствие в Пермском крае органа исполнительной власти, который бы занимался развитием связи с некоммерческими структурами и внедрением принципов межсекторного социального партнерства и социального диалога.

В прежние годы в администрации Перми был отдел по связям с общественностью, который сейчас упразднен, хотя практика других регионов России показывает, что там, где функционируют подобные службы, информированность и взаимопонимание властных структур и населения заметно выросли. Кроме того, необходимо, чтобы взаимодействие с общественными организациями как направление работы было вписано в общую стратегию деятельности органов власти.

7. Технологии связей представителей органов власти с общественностью должны включать разнообразные формы взаимодействия и, в первую очередь, основанные на единых ценностях. Такими объединяющими идеями могут быть местный патриотизм, помощь социально незащищенным, озеленение города и т. д. Важно развивать неформальные отношения. Клубные формы взаимодействия, внимание к личности (открытка или звонок в день рождения) создают атмосферу духовного родства, дают ощущение комфорта. Трудно требовать от каждого чиновника умения создать такую атмосферу, но необходимо поощрять тех, кто способен работать подобными методами.

8. Важным условием развития межсекторного взаимодействия является информационное обеспечение его процессов. Современные средства массовой информации (далее СМИ) являются еще одним негласным, но равноправным участником диалога власть-бизнес-общество, поскольку СМИ как любая коммерческая структура ориентированы на рыночную успешность.

9. Важно обеспечить информационную открытость и прозрачность властных структур, что создаст предпосылки для многостороннего диалога. Не

обладая информацией о специфике, правовых основах и проблемах деятельности всех сторон, невозможно строить не только работоспособные механизмы взаимодействия, но вступать в любые осознанные и взаимоприемлемые формы сотрудничества.

В рамках решения проблемы информационной открытости и прозрачности властных структур можно использовать такие формы, как публичные слушания, система информационных стендов по месту жительства, электронное правительство и др.

10. Другим важным условием оптимизации межсекторного взаимодействия в Пермском крае является оценка эффективности партнерства и мониторинг развития. Это подразумевает анализ результатов и процесса взаимодействия органов власти с общественными и коммерческими организациями и корректировку планов. Помимо оперативного сбора информации о проводимой работе, рекомендуется организовывать анкетирование активистов общественного сектора, работников администраций и представителей бизнеса с целью выявления резервов, поиска новых идей. Оценка эффективности и мониторинг развития межсекторного взаимодействия предполагает не только отслеживание обратной связи по реализации проектов и программ, но и поиск инновационных технологий, которые в дальнейшем будут закладываться в стратегии, прописываться в соглашениях и апробироваться на практике.

11. Для постоянной модернизации межсекторного взаимодействия необходимы научные исследования данной области, а также процесса формирования гражданского общества Пермского края. Это послужит основой для разработки прогнозов развития межсекторного взаимодействия.

Важнейшим ресурсом решения проблем становления межсекторного взаимодействия является участие в этом процессе не только общественных организаций, власти и бизнеса, но и научных учреждений и учебных заведений края. В этих целях возможна организация совместных конференций, семинаров, тренингов по проблемам межсекторного взаимодействия, а также грантовых конкурсов на проведение научных исследований в этой области.

12. Эффективность межсекторного взаимодействия во многом зависит от уровня квалификации взаимодействующих сторон, поэтому необходимы научно-методические и образовательные программы по ее повышению, развитию кадровых ресурсов органов власти, общественного сектора и коммерческих организаций для совместного решения широкого спектра проблем края.

13. Большую роль в осуществлении системы межсекторного взаимодействия играет повышение состояния гражданской культуры и культуры партнерства, согласования интересов всех участников межсекторного сотрудничества, что обеспечивает базовый уровень знаний и компетенций. В этой связи важно утверждать этический принцип взаимо-

действия – усиление нравственных критериев, уважение к закону и принятым социальным нормам.

14. Сегодня социальная сфера – это определяющий детерминант общественного развития, поэтому важен пересмотр региональной политики в этой сфере с введением новых эффективных конкурсных механизмов взаимодействия. В ходе конкуренции за бюджетные средства будет создан дополнительный мотив к профессионализации общественных и коммерческих организаций. В целом произойдет перераспределение социальной ответственности между властью, общественными организациями и бизнесом.

15. Для улучшения взаимопонимания в ходе межсекторного взаимодействия, важно постоянное развитие форм и механизмов проведения диалога между участниками партнерства. Участие общественных организаций в этом процессе позволяет сообща выявить скрытую проблему, оценить степень ее злободневности прежде, чем она станет реальностью.

17. Современное состояние экономики Пермского края указывает на необходимость развития общественного оказания социальных услуг, что может осуществляться через оказание необходимой поддержки общественного сектора, как со стороны власти, так и коммерческих организаций. Решение данной задачи послужит продвижению новых услуг в крае и расширению спектра возможных направлений реализации гражданских инициатив. Расширение услуг, предоставляемых общественными организациями, приведет к появлению новых рабочих мест, к решению проблемы безработицы и к увеличению занятости общественного сектора в экономике края.

18. Повышение эффективности системы межсекторного взаимодействия можно добиться при разработке и реализации системы мер стимулирования и поощрения. Это могут быть рейтинги социальной ответственности, конкурсы предприятий и общественных организаций, законодательное регулирование, стандарты и нормы, субсидии, налоговые и неналоговые льготы и др. Кроме того, важно искать способы поощрения журналистов, активно работающих в пространстве межсекторного взаимодействия и с общественным сектором.

19. Плодотворное межсекторное взаимодействие невозможно без комплекса мер со стороны властных структур по оказанию помощи в развитии общественного сектора. Это и законодательное закрепление различных налоговых льгот, и система целевого финансирования, и другие формы поддержки, в частности, организация общественных центров и т. п.

Сегодня на территории Перми создана властями и активно действует сеть общественных центров, где некоммерческие организации могут устраивать свои офисы и проводить мероприятия. Для успешного развития межсекторного взаимодействия в масштабах края важно распространение конструктивного опыта властей Перми в масштабах всего ре-

гиона, чтобы общественные центры появились в каждом крупном городе.

20. Немаловажную роль в развитии межсекторного взаимодействия играет процесс вовлечения представителей общественных организаций в местное самоуправление, что расширяет возможности для прямого участия граждан и организаций в осуществлении местного самоуправления и повышении уровня гражданской ответственности.

21. Определение места и роли общественных организаций в решении задач стратегического развития города возможно только на основе полного представления об общественном секторе края. Поэтому для успешного развития межсекторного взаимодействия органам власти необходимо сформировать банк данных об общественных организациях и других некоммерческих структурах, который может содержать формальные и неформальные сведения о деятельности общественного сектора и представлять архивную и оперативную ценность.

Все вышеизложенное может стать реальностью только при одном общем условии: наличии системного, активного и конструктивного диалога между властью, бизнесом и гражданским обществом.

Межсекторное взаимодействие имеет большое практическое значение, являясь индикатором качества и уровня развития всех участников сотрудничества и процесса становления социальных отношений в крае. Межсекторное взаимодействие способствует большей гибкости региональной системы социального воспроизводства, повышению ее чувствительности к изменяющимся условиям и обстоятельствам, ограничивая тенденцию чрезмерной поляризации социума региона, данная система обеспечивает достижение общественного согласия.

Оптимизация межсекторного взаимодействия – необходимое условие обеспечения дальнейшей социальной модернизации, социализации личности, мобилизации внутренних резервов экономического потенциала края.

УДК324(470+571)

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ВЫБОР В РОССИИ: ФАКТОРЫ И МОТИВЫ

О. В. Омеличкин

POLITICAL CHOICE IN RUSSIA: THE FACTORS AND MOTIVES

O. V. Omelichkin

В статье рассматриваются особенности современного электорального процесса в России. Показано влияние социально-политических, культурных обстоятельств, обуславливающих выбор населения. Проанализированы мотивы участия граждан и итоги парламентских выборов.

The paper focuses on the peculiar features of the current electoral process in Russia. It explores the influence of social, political and cultural factors on the voters' choice. The motives of citizen participation and the results of the recent parliamentary elections are subject to comprehensive analysis.

Ключевые слова: выборы, политические партии, политическая культура, гражданское общество.

Keywords: elections, political parties, political culture, civil society.

Свободные, конкурентные и результативные выборы являются сравнительно новым элементом политической жизни в современной России. Можно говорить об укореняющемся характере данного политического явления. Хотя и с определенными трудностями, но постепенно меняются сами формы и принципы взаимоотношений власти и народа. На этом пути, как показали последние парламентские выборы, имеется немало сложностей и противоречий. Только часть общества воспринимает выборы как необходимое условие демократии и верит в значимость получаемых в ходе них результатов. Но существует еще немало людей, которые отмечают декоративный, искусственный характер проводящихся в стране выборов и считают их бесполезным занятием. Поэтому очевидна необходимость полного освоения новой для страны политической практики и признания властью и гражданами демократических ценностей и норм, поведенческих установок и правил, реализуемых в политическом процессе.

В научной литературе при изучении электорального поведения обычно используют три основ-

ных теоретико-методологических подхода: социологический, социально-психологический и теорию рационального выбора. Каждый из них обладает определенными продуктивными возможностями и позволяет получить содержательные результаты. Социологический подход выявляет зависимость политических предпочтений и поведения отдельных индивидов и групп от их социального положения. Социально-психологический подход раскрыл значение внутренних установок и мотивации, обусловленной традициями и партийной самоидентификацией в политическом выборе граждан. Модель рационального выбора позволила подчеркнуть роль объективных интересов и политических расчетов, всех преимуществ и затрат, нацеленных на оптимизацию и эффективность принимаемых избирателями решений.

Однако в данных подходах подчеркивается влияние преимущественно внешних факторов (социальных, экономических, психологических) на поведение избирателей. Они играют, безусловно, важную роль, но не имманентны природе политики.

Потребовались новые подходы, отражающие особенности происходящих в политике процессов. В них содержались попытки выявить общие основания политического выбора и электоральной активности населения.

Так, многие исследователи стали выделять значение информационной среды и особой направленности распространяемой информации в формировании политических позиций и в действиях избирателей. Акцент здесь переносится не только на достоверность и полноту предлагаемой информации, ее источники, но и на развитие когнитивных способностей граждан, самостоятельно осуществляющих отбор необходимых сведений и делающих нетривиальные выводы. Отмечается при этом, что нередко информационное воздействие на массовую аудиторию носит манипулятивный характер и основывается на внушении или силе авторитетов. После парламентских выборов в декабре 2011 г. мы столкнулись с этой проблемой в ходе проведения акций протеста в различных городах России.

Особенно продуктивным нам представляется активно развивающийся социокультурный подход, который подчеркивает зависимость политического выбора населения от доминирующих ценностей и нравственных норм усвоенной им политической культуры. Участие в выборах позволяет человеку проявить свою принадлежность к политическому сообществу и повлиять на его политическое развитие. При этом сама картина выборов может носить мозаичный характер, поскольку отражает наличие в обществе не только фундаментальных национальных ценностей, но и разнообразных политических субкультур, отражающих специфику групповых политических ориентаций в условиях дифференцированной социальной и политической среды.

Разумеется, ведущую роль играют базовые характеристики национальной политической культуры. Они проявляются в отношении к обществу, государству, национальным приоритетам. Исследователи отмечают такие особенности политической культуры России, как стремление воспользоваться патерналистской опекой со стороны государства, нетерпимость по отношению к политическим противникам и оппонентам, надежду на добрую волю и справедливость властей, пассивность и долготерпение, недоверие к процедурам и практике судебных разбирательств, незнание и неверие в реальность гражданских прав и свобод, невысокую самостоятельность и инициативность, импульсивность и взрывной характер политических действий, предубежденность по отношению к другим политическим позициям и т. д.

Культура всегда оказывается встроенной в механизм политического выбора, определяя его общий характер и направленность. При этом существуют объективно заданные черты подобного выбора: во-первых, политический выбор населения обуславливается особенностями общественной и политической ситуации, общим состоянием социально-экономической жизни страны; во-вторых, политиче-

ский выбор всегда предполагает наличие реальных альтернатив развития и стоящих за ними активных общественных сил; в-третьих, политический выбор является не столько согласованным и ратифицированным планом или документом (хотя стремление к его принятию всегда имеется), а, скорее, усредненным результатом разнообразных перекрестных влияний или неким итогом политической борьбы, в которой доминирует чья-либо политическая воля и интересы; отсюда такое свойство политического выбора, как его отнюдь не идеальный характер. Он далеко не всегда выражает интересы всех и способствует достижению общих целей, а приобретает обычно односторонний или компромиссный вид; в-пятых, политический выбор не делается раз и навсегда, он постоянно корректируется, пересматривается и утверждается заново и в этом смысле представляет собой длительный процесс.

Главной задачей политической культуры в этих условиях является формирование определенного типа общественного субъекта с развитым гражданским самосознанием и готовностью к легитимному политическому действию. Применительно к России обычно говорят о необходимости формирования зрелого гражданского общества и широкого демократического движения. Однако решение подобных задач требует длительного времени. Очевидно, что переход к рынку или создание новых политических институтов, при всей значимости и сложности данных процессов, проходят в более сжатые сроки, чем формирование нового типа политического сознания и культуры, обладающих высокой устойчивостью и инерционностью.

Поэтому, вслед за рядом отечественных специалистов, мы считаем, что окончательный политический выбор народом России еще не сделан. Выработан только общий вектор демократических изменений, а четкие цели, а также конкретные пути и средства их достижения нуждаются в общественном обсуждении и согласованном принятии понятных для общества поэтапных решений. В ходе этого постепенного продвижения к демократическим устоям и формируются новые политические взгляды, моральные ценности и привычки населения. Именно длительный культурный процесс обеспечивает консолидацию общества и прочность демократических преобразований.

И еще одно соображение. Успешность демократического развития России и укрепление ее державной силы нередко связывают с принятием определенной национальной идеологии или единого общенационального проекта (здесь может использоваться и множественное число). Сами по себе данные задачи не вызывают возражений. Однако необходимо учитывать, что в настоящее время мы живем в отчасти расколотом и конфликтном, или, по другим оценкам, в глубоко дифференцированном и фрагментированном обществе. Поэтому мы считаем, что попытки устранить имеющиеся различия в позициях разных общественных групп могут привести к нежелательным результатам, поскольку пре-

пятствуют выражению их собственных интересов и представлений о будущем страны и не учитывают их национальное и культурное своеобразие. В этом плане перспективнее политика постепенного сближения и взаимного приспособления различных общественных сил и создания на этой основе широкой демократической коалиции на базе новых политических ценностей и приоритетов.

В какой же степени политическая культура современного российского общества отражается на организации и особенностях волеизъявления в ходе проводимых в стране выборов? Какие социокультурные факторы влияют на выбор людей? Ответы на эти вопросы не могут быть исчерпывающими по многим причинам (в т. ч. из-за отсутствия объективных показателей и данных) и по необходимости будут носить предположительный и общий характер. При этом сами итоги парламентских выборов известны и широко комментируются в обществе.

Говоря об отношении россиян к самому институту выборов, нелишне подчеркнуть, что, согласно многочисленным опросам, большинство населения в нашей стране рассматривает участие в выборах как право, а не обязанность гражданина. Поэтому абстрактное признание их значимости еще не означает активного участия людей в электоральном процессе. Скорее, мы имеем дело с медленно растущей политизацией общественного сознания и признанием необходимости выборов для придания законности и легитимности самой власти. Без них порядок формирования власти и органов государственного управления может быть подвергнут сомнению и изменению.

В то же время значительная часть населения полагает, что проведение выборов обеспечивает реальное осуществление принципа народного суверенитета. Именно народ наделен правом избрания своих полномочных представителей и формирования многих государственных органов. Выборы выступают в качестве действенного механизма общественного контроля над властью и позволяют гражданам оказывать влияние на принятие тех или иных политических решений. Вообще, следует подчеркнуть, что возможность относительно равноправного диалога с властью рассматривается населением как важнейшая функция выборов, позволяющая донести до высших политических инстанций мнение народа и добиться его учета по самым разным вопросам. Одновременно граждане отводят выборам и сугубо прагматическую роль определения персонального состава власти путем публичной селекции и периодической ротации кадров в государственных структурах различного уровня.

Однако в российском обществе существует и критическое отношение к сложившейся практике проведения выборов. Мы не станем приводить развернутые аргументы, а ограничимся лишь простым перечислением предъявляемых гражданами претензий. Так, отмечается, что проведение выборов связано с непомерно большими расходами, которые

можно было использовать в других целях. Люди высказывают общее недоверие к институтам власти, которые, независимо от своего состава, проводят, по их мнению, антинародную политику. Так же высказывается мнение, что результаты выборов чаще всего predetermined заранее и при необходимости могут быть фальсифицированы. Есть и такие люди, которые считают, что избиратели в основной своей массе некомпетентны, поэтому их выбор зачастую ошибочен. Поэтому представителей и функционеров власти лучше всего назначать. Выдвигаются и другие замечания и предложения относительно выборов в России на федеральном и местном уровнях. При этом иногда делаются радикальные выводы о том, что выборы вообще не нужны и бесполезны. По-видимому, таким образом выражается своеобразный протест по отношению к режиму власти.

Так, в ходе опроса Левада-Центра в сентябре-октябре 2011 г. выяснилось, что только 59 % опрошенных убеждены в необходимости демократических свобод. А 33 % полагают, что вся власть в России должна быть сосредоточена в одних сильных руках, а выборы и другие свободы не нужны. Еще 9 % затруднились ответить [2]. Как видим, доля авторитарно мыслящих людей у нас достаточно велика.

И объясняется это не столько антидемократизмом граждан, сколько их неверием в возможность перемен. Подобные настроения подтверждаются результатами многочисленных опросов. На вопрос: «В какой степени регулярные выборы заставляют правительство страны делать то, что хотят простые люди?» в ноябре 2011 г. 8 % ответили, что в значительной степени, 35 % – в какой-то степени, 30 % – в незначительной, а 22 % – совершенно не заставляют. Затруднились ответить 5 %. То есть степень воздействия населения на власть признается невысокой и обязанности последней неопределенными. При этом только 52 % опрошенных считали, что выборы в Государственную думу России улучшат положение дел в стране, 39 % – нет, 9 затруднились ответить [3].

В этой связи особый интерес представляет мотивация населения для участия в выборах. Ответы выглядели так: гражданский долг – 59 %, стремление выразить свою политическую позицию – 20 %, привычка – 15 %, стремление помочь своей партии – 12 %, реализация почти единственной возможности участвовать в политической жизни страны – 12 %, принято в кругу близких людей – 11 %, стремление помешать другим партиям – 7 % и т. д. Побудительные мотивы выглядят здесь слишком общими, лишены конкретики (долг, привычка). Причины отказа от голосования на выборах также весьма показательны: от моего участия ничего не зависит – 36 %, не верю никому из нынешних политиков – 27 %, все равно победит «ЕР» – 24 %, пока не выбрал, за кого голосовать – 11 %, устал от политики – 11 %, не интересуюсь (не разбираюсь) политикой – 10 %, выборы будут нечестными – 9 % и т. д. [3]. В данных от-

ветах выражается преимущественно негативное отношение к существующей электоральной системе.

Среди мотивов голосования за ту или иную партию респонденты выделяют (в порядке убывания): отношение к лидеру (впереди – ЛДПР, ЕР, СП), программу и лозунги (СП, КПРФ, ЛДПР), верность или привычку (КПРФ, ЕР, ЛДПР), способность партии защитить интересы простых людей (КПРФ, СП, ЛДПР), обеспечить достойную жизнь (КПРФ, СП, ЛДПР) и др. При этом отмечается, что «Единая Россия» предлагает в целом наилучшие решения проблем, стоящих перед страной [3].

Надо сказать, что еще накануне выборов в Государственную думу в обществе были распространены негативные ожидания относительно их итогов. Так что в факте проведения последующих митингов и акций протеста нет ничего удивительного. В то, что выборы пройдут честно, верили 42 % граждан, 46 % предполагали различные манипуляции и подтасовки. Затруднились ответить 12 %. То, что между партиями будет происходить реальная борьба за власть, полагали 34 % опрошенных, а 51 % считали, что будет имитация борьбы, и распределение мест в Думе будет решаться властями. Не имели ответа 16 %. Большинство граждан полагали, что у нас под видом выборов проходит борьба бюрократических кланов за доступ к государственному бюджету. Только треть из них считали, что все партии находятся в равных условиях [3].

Полагаем, что прошедшие в последнее время региональные и местные выборы все же были достаточно честными. Видимо, после скандалов, связанных с предыдущим избирательным циклом, властями были сделаны соответствующие выводы и обеспечен должный контроль. Благоприятной для «партии власти» была и общая расстановка действующих сил. Что же касается результатов выборов в декабре 2011 г., то ряд наблюдателей высказывают сомнения в их достоверности. Однако обращает на себя внимание то, что протестные настроения разжигаются в основном в самой неустойчивой части общества (молодежь), тогда как заинтересованное руководство партий ведет себя достаточно сдержанно. Кроме того, до сих пор не представлено убедительных свидетельств каких-либо массовых нарушений, повлиявших на ход выборов.

Многие специалисты отмечают ослабление действия фактора социальной принадлежности избирателей. В условиях растущей социальной мобильности его влияние на поведение избирателей не является определяющим. То же самое можно сказать и о партийной идентификации. Но здесь причина заключается, скорее, в общем сокращении численности политических партий и снижении доли определившихся и устойчивых в своих политических позициях избирателей. Вероятно, менее обязывающий характер имеют и идеологические установки организаций. Поэтому политический выбор граждан постепенно утрачивает групповой или коллективный характер и приобретает индивидуальные черты.

Свежие идеи, по мнению россиян, у партий в дефиците. В июле 2011 г. в активе «Единой России» их видели 57 %, у либеральных демократов – 40 %, у КПРФ – 34 %, у «Справедливой России» – 30 %, «Правого дела» – 15 %, «Яблока» – 10 % респондентов. Вместе с тем, по общему мнению, партии постепенно становятся реальной политической силой. При этом «Единая Россия», по мнению населения, прежде всего, выражает интересы «олигархов», банкиров и крупных предпринимателей, чиновников, «директорского корпуса» и «силовиков»; коммунисты представляют интересы «простых людей»: служащих, рабочих, беднейших слоев населения, интеллигенции: учителей, врачей, инженеров; либерал-демократы – «простых людей», «среднего класса», «олигархов»; «Справедливая Россия» – «простых людей», интеллигенции, «среднего класса»; «Яблоко» – интеллигенции, культурной и научной элиты, «олигархов»; «Правое дело» – «олигархов» и «директорского корпуса» [4]. Социальный адресат партийных программ в общем виде определен, но не предопределяет выбор населения.

В этой связи на первый план, на наш взгляд, выходит культурный фактор. Именно он определяет доминирующие установки и представления субъектов, способы обработки и осмысления политической информации, отношение к политическим институтам и конкретным событиям, исполнение политических ролей. Все это проявляется и в электоральном процессе. Влияние политической культуры на выборы может иметь различные формы, но оно всегда основано на исключительной роли базовых ценностей, идейных ориентаций и убеждений, политических идеалов, традиций и стереотипов в электоральном поведении населения. Не меньшую роль играют политические знания, моральные нормы, привычки, умения и навыки граждан, основанные на соблюдении принятых правил и норм. В основе политической культуры лежат принципы широкого гражданского диалога и сотрудничества всех общественных сил.

Очевидно, культурное происхождение имеет и весьма распространенный в последнее время политический конформизм. Невысокая политическая культура части населения проявляется в том, что люди отказываются от самостоятельного выбора, поиска объективной информации, сопоставления различных мнений и анализа программ и заявлений участников. Вместо этого они предпочитают присоединиться к большинству и голосовать за «партию власти». Тем самым они избавляют себя от серьезных размышлений и без особых усилий оказываются в числе победителей. Основной недостаток данной позиции заключается не в поддержке правящей партии, что в конкретной ситуации может быть вполне оправданным, а в отсутствии критического мышления и в облегченной схеме политического выбора, не разделяющего провозглашаемые политические лозунги и практические результаты реальной политики. Связь с победившей партией является поэтому непрочной и ситуативной. На следующих вы-

борах голосование этих людей будет иным, если изменится мнение большинства. Точно так же можно сказать и о протестном голосовании. При отсутствии возможности голосовать против всех, полагаем, некоторые избиратели отдавали свои голоса оппозиционным партиям только для того, чтобы подчеркнуть свое недоверие официальной власти.

Причем на февраль 2009 г. идейно-политические течения в обществе распределялись следующим образом: «левые» по своим взглядам россияне, отдающие приоритет социалистическим идеям, социальной справедливости, равенству, защите интересов людей труда, составили 18 %. Среди них преобладают люди старшего поколения. «Правые», отдающие приоритет либеральным идеям, экономической свободе, правам человека, политической демократии, сближению с Западом, набрали 13 %. Здесь преобладают молодые люди. Наибольшую поддержку имели «национал-консерваторы», отдающие приоритет традиционным русским ценностям, независимости и самостоятельности России, укреплению ее как сильной державы – 31 %. Они практически равномерно распределены по всем возрастным группам. Против всех позиций выступили 22 %. Еще 17 % граждан не определились.

Однако данные течения не точно совпадают с партийной системой. Как показал опрос, коммунисты только на 59 % полагаются на «свою» группу левых по убеждениям. Еще 18 % симпатизируют национал-консерватизму и только 2 % – либерализму. Среди сторонников «Единой России» левые, либералы и национал-консерваторы содержатся в пропорции 16:13:35. Для ЛДПР эта пропорция составляет 10:33:24, то есть сторонники этой партии существенно либеральнее, чем сторонники «партии власти». Четвертая из думских партий – «Справедливая Россия» – тоже содержит в себе представителей всех трех идейных направлений в соотношении 20:22:37, что не сильно отличается от идеологического профиля «Единой России» и не слишком соответствует официально провозглашенному «левому» статусу этой партии. Что же касается партий либерального спектра – «Правое дело» и «Яблока» – то среди их ныне весьма малочисленного электората сторонники либеральных взглядов составляют лишь 30 % при 26 % русских патриотов и 9 % «левых» [5].

При этом очень важно, что во всех партиях, за исключением, может быть, коммунистов, проявляется стремление к умеренности, движение к политическому центру. Это объединяет партии и способствует сохранению общественного единства и стабильности. И попутно придает их политическим программам общие черты. Вероятно, «Единая Россия» в наибольшей степени отражает интересы и позиции этой воображаемой коалиции. Так, среди сторонников «Единой России» 86 % – либо умеренные, либо вообще не идеологизированные граждане; среди сторонников ЛДПР таковых 70 %; среди сторонников «Справедливой России» почти 90 % умеренных или неопределившихся. И только в КПРФ 83 %

симпатизируют радикальной коммунистической идеологии [5]. Вместе с тем последние выборы показали, что между партиями, властью и населением появляются определенные разногласия. И это может дать толчок дальнейшим размежеваниям и формированию новой политической расстановки сил в стране.

Важным фактором на выборах было проведение агитационной кампании. Победившая «Единая Россия» проводила агитационную кампанию наиболее эффективно. Так, ролики этой партии понравились 36 % избирателей, дебаты – 20 %, наружная агитация – 26 %, печатные материалы – 21 %. Остальные партии, проходящие в парламент с меньшими показателями, показали и менее успешные результаты в агитации. Так, КПРФ, занявшая второе место на выборах, по партийным роликам смогла получить положительные отзывы только 23 %, по дебатам – 15 %, по наружной агитации – 10 %, по печатным материалам – 13 %. «Справедливая Россия», занявшая третье место, в ряде случаев проводила агитацию даже более эффективно, чем КПРФ. Например, ролики «Справедливой России» понравились избирателям больше (32 %). Аналогичная ситуация – с дебатами (18 %), наружной агитацией (14 %) и печатными материалами (17 %). ЛДПР показывала высокие результаты в отдельных элементах агитационной кампании – третье место в соревновании по роликам (29 %), второе – по дебатам (19 %) и наружной агитации (14 %), однако прошла в Госдуму с чуть меньшими результатами. «Малые» партии, которым не удалось преодолеть 7 % барьер, слабо проявили себя и в агитационной кампании. Ролики, дебаты, наружную агитацию, печатные материалы партий «Яблоко», «Правое дело», «Патриоты России» большинство избирателей не заметили (опрос проводился за неделю до выборов) [6].

Влияние политической культуры на выбор населения проявляется, на наш взгляд, в традиционно особом значении принципа социальной справедливости для массового сознания. Причем этот принцип утратил прежнюю партийную принадлежность и идеологическую окраску и выступает в качестве мировоззренческой установки и общесоциальной нормы взаимоотношений.

Надо сказать, что само содержание принципа справедливости имеет достаточно абстрактный характер. На уровне теоретического и обыденного сознания существуют различные трактовки данной идеи. Справедливость может пониматься как правильность решений, как равенство возможностей, объективность оценок, соблюдение законности, как равноправие, защищенность граждан, воздаяние по заслугам и т. д. Широта, универсальность и неопределенность данного понятия приводит к тому, что оно вполне вписывается в различные модели хозяйствования и политического управления. Самое главное состоит в том, что идея справедливости лежит в основе российского менталитета и опирается на глубокие культурные традиции нашего народа.

В ноябре 2011 г., согласно данным ФОМ, только 12 % опрошенных считали, что современное российское общество в целом устроено справедливо. 61 % полагали, что нет, а 27 % затруднились ответить. Причины несправедливости большинство видело в социальном расслоении, бедности, низких зарплатах, пенсиях и пособиях, в бесправии, плохих, неработающих законах. При этом российское общество по части справедливости проигрывает как западному (16 % против 47 %), так и советскому обществу 70-х – 80-х гг. (19 % против 52 %) [7]. Поэтому избиратели были весьма чувствительны к звучащим в адрес властей обвинениям в нарушениях данного принципа.

Кто же защитит социальную справедливость? Для общественного мнения ответ очевиден – только государство, причем сильное и социально ориентированное. По нашему мнению, это вторая ключевая идея, доминирующая в политическом сознании. Так, 83 % жителей страны придерживаются мнения, что государство должно «больше заботиться о людях». Только 9 % считают, что «люди должны проявить инициативу и сами позаботиться о себе». При этом лишь 6 % согласны с тем, что люди должны пойти на некоторые жертвы ради блага государства. Более того, полагают, что люди могут прожить без постоянной заботы и опеки со стороны государства только 19 %. А 75 % опрошенных заявили, что большинство населения страны «не сможет прожить без опеки государства». Государство должно обеспечить нормальный уровень благосостояния всем гражданам – считает 47 %. О помощи нуждающимся (безработным, пенсионерам и т. д.) говорят 49 %. Только незначительная часть россиян (2 %) полагают, что люди сами должны заботиться о себе и обеспечить себе нормальную жизнь без какой-либо помощи государства [8].

Представленные данные позволяют сделать некоторые выводы.

Первое. Политический выбор россиян носит лишь отчасти идеологический или программный характер. Общественное сознание в нашей стране преимущественно моралистично. Это означает, что оно ориентируется не на четкие правовые основания и процедурно оформленные политические решения, а на некие абстрактные сущности (народ, равенство, совесть), среди которых особое место занимает социальная и политическая справедливость. Поэтому предпочтение отдается силам, выступающим с критикой недостатков и изъянов российской действительности.

Второе. В силу сложности и масштабности решаемых задач политика по обеспечению социальной справедливости связывается людьми не с политическими партиями, а, в первую очередь, с обладающим

огромными ресурсами и влиянием государством. Однако степень поддержки политического руководства страны и национального лидера за последнее время несколько снизилась. Сами же органы государственной власти не пользуются безусловным доверием граждан по причине своей бюрократичности и коррумпированности. Это порождает новые коллизии в политических отношениях.

Третье. В силу отмеченных обстоятельств, политический выбор населения обычно делается в пользу той партии, которая в общественном сознании в наибольшей степени соединяет себя с государственной властью и непосредственно участвует в деятельности исполнительных органов на федеральном и региональном уровнях. Таковой в настоящее время является «Единая Россия», которая, несмотря на серьезные потери, сохранила свое влияние в обществе. Но ей еще предстоит сложный диалог с гражданами страны для получения массовой поддержки.

Литература

1. См.: Россия после выборов // Пресс-выпуск 21.10.2011 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.levada.ru/21-10-2011/rossiya-posle-vyborov>.
2. Выборы в Госдуму // Пресс-выпуск 25.11.2011 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.levada.ru/25-11-2011/vybory-v-gosdumu>.
3. Россияне о партиях: являются ли они реальной силой, имеют ли свежие идеи, чьи интересы представляют // Пресс-выпуск 23.08.2011 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.levada.ru/23-08-2011/rossiyane-o-partiyakh-yavlyayutsya-li-oni-realnoi-siloi-imeyut-li-svezhie-idei-chi-interi>.
4. Кризис и идейно-политические взгляды россиян: левый поворот или объединение вокруг власти? // ВЦИОМ. Пресс-выпуск № 1147 от 03.02.2009 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=11340>.
5. Итоги агитационной кампании по выборам в Госдуму // ВЦИОМ. Пресс-выпуск №1901 от 05.12.2011 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=112176>.
6. Справедливость в российском обществе // Доминанты. № 47 от 24.11.2011 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://bd.fom.ru/pdf/d4711.pdf>.
7. На что рассчитывают и на кого надеются россияне // Пресс-выпуск 25.10.2011 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.levada.ru/25-10-2011/na-chto-rasschityvayut-i-na-kogo-nadeyutsya-rossiyane>.

УДК 325.14

**К ПРОБЛЕМЕ УЧАСТИЯ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ИНСТИТУТОВ
В ПРОЦЕССЕ АДАПТАЦИИ МИГРАНТОВ***Д. А. Топкаев***TO THE PROBLEM OF POLITICAL INSTITUTES PARTICIPATION
IN THE COURSE OF MIGRANTS' ADAPTATION***D. A. Topkaev*

В статье анализируется деятельность общественно-политических институтов в решении проблем адаптации мигрантов на новом месте жительства.

The article analyses the activities of the socially-political institutions in addressing adaptation of migrants at the new place of residence.

Ключевые слова: общественно-политические институты (УФМС – Управление федеральной миграционной службы, исполнительные органы власти, муниципалитеты, общины, посреднические агентства, СМИ), адаптация мигрантов,

Keywords: Political institutes (UFMS – Management of federal migratory service, power executive powers, municipalities, communities, intermediary agencies, mass-media), adaptation of migrants.

В настоящее время для решения вопросов миграционной политики необходим диалог её участников, так как миграционная политика – это не только прерогатива государства и деятельность его органов управления (субъектов политики), но и деятельность общественных институтов, поэтому только при консолидации усилий участников адаптационного процесса можно достичь положительных результатов.

В контексте политико-властных отношений в современной России главным действующим институтом, отвечающим за реализацию миграционной политики, является Федеральная миграционная служба. Кроме того, отдельные направления по контролю миграционных потоков и регламентации пребывания иностранных граждан находятся в ведомствах Министерства иностранных дел (паспортно-визовые службы) и Федеральной пограничной службы, Министерства труда, Министерства образования и Министерства Юстиции. Определяет миграционную политику правительство Российской Федерации [1, с. 17].

На всех этапах развития перед ФМС ставились широкие задачи по регулированию миграции, включающие не только контроль и ограничение миграционных потоков, но и стимулирование иммиграции. В соответствии с положением, ФМС России осуществляет свою деятельность непосредственно и (или) через свои территориальные органы, заграничный аппарат, а также иные входящие в ее систему организации и подразделения [2].

При УФМС (Управлении федеральной миграционной службе) могут создаваться разнообразные совещательные органы с представителями заинтересованных ведомств. Действует сеть межведомственных комиссий, которые рассматриваются УФМС на уровне субъектов РФ как инфраструктура, обеспечивающая информационное взаимодействие и координацию действий органов местного самоуправления, федеральных органов исполнительной власти, а также негосударственных структур,

участвующих в регулировании миграционных отношений в области.

В целях организации работы в области адаптации и интеграции иностранных граждан в Федеральной миграционной службе в сентябре 2010 года было создано Управление содействия интеграции. Отделы этого Управления ФМС России занимаются вопросами, связанными с выработкой стратегии интеграции, взаимодействием с общественными и национальными организациями, сотрудничеством с общественностью и средствами массовой информации [3]. Работа в сфере содействия интеграции не будет ограничена только центральным аппаратом Службы. Значительные задачи в данной области возлагаются на территориальные органы ФМС РФ. В настоящее время завершается процесс организации такой деятельности в регионах. О содержании и качестве работы управления можно будет судить в ближайшее время.

Таким образом, ФМС координирует деятельность всех структур, обеспечивающих иммиграционную политику, и напрямую определяет содержание решения вопросов адаптации мигрантов на новом месте жительства.

Изучение вопросов адаптации мигрантов по создаваемым материалам ФМС возможно, к сожалению, лишь при оформлении официальных запросов от административных структур, обращение в которые ограничены для рядовых исследователей. Основным аргументом такого ограничения является наличие и возможность доступа к изданиям, выпускаемым территориальными органами Федеральной службы государственной статистики по конкретному субъекту РФ, но содержание региональных официальных изданий статистики может носить ограниченный характер. Так, например, в статистических бюллетенях «Миграция населения Кемеровской области», выпускаемых Кемеровостатом с 2008 г., не публикуются данные о национальном составе приезжих мигрантов, что серьезно затрудняет

исследовательскую работу по вопросам миграции населения, восполнить которую могли бы данные ФМС.

Несмотря на то, что с 15 мая 2002 года Федеральная миграционная служба существует как подразделение МВД, в 2009 году для координации деятельности федеральных органов исполнительной власти и органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации по реализации единой государственной миграционной политики Правительством Российской Федерации была образована Правительственная комиссия по миграционной политике [4]. Создание комиссии свидетельствует о повышенном уровне актуальности и неотложной необходимости решения различных вопросов миграционной политики в целом по стране и в каждом ее субъекте.

На уровне субъектов РФ вопросы адаптации и интеграции мигрантов находятся в компетенции ФМС, а также различных исполнительных и законодательных органов власти. Например, в Кемеровской области особую роль играет деятельность Департамента культуры и национальной политики. Согласно его положению, одной из важнейших задач является содействие сохранению и развитию национальных культур народов и этнических общностей, проживающих на территории Кемеровской области, в том числе коренных малочисленных народов, укреплению межнациональных связей, а также выполнение следующих функциональных обязанностей:

- осуществление разработки законодательных и иных нормативных правовых актов Кемеровской области по вопросам национальной политики и деятельности общественных объединений, правового статуса коренных малочисленных народов, защиты их исконной среды обитания, традиционного образа жизни и традиционного хозяйствования, развития территорий традиционного природопользования;

- организация работы координационного совета национальных общественных объединений при Департаменте культуры и национальной политики Кемеровской области;

- проведение мониторинга реализации государственной национальной политики и взаимодействия с национальными общественными объединениями;

- приготовление и представление в установленном порядке информационных и аналитических материалов об этно-политической и общественно-политической ситуации и деятельности национальных объединений в Кемеровской области [5].

В рамках своей компетенции безучастными на уровне области остаются исполнительные органы власти. Департамент труда и занятости населения [6], регулирующий вопросы легального трудоустройства мигрантов и Департамент образования и науки [7], в компетенции которого находится возможность создания образовательных программ, по

изучению русского языка, профессиональной подготовке в системе НПО, СПО, ВПО, в том числе с этническим компонентом воспитания подрастающего поколения, поскольку образование – один из наиболее действенных инструментов социального конструирования идентичности.

В структуре Совета народных депутатов Кемеровской области, как представителя законодательной власти создан Комитет по вопросам образования, культуры и национальной политики, одной из задач которого является изучение, обоснование и прогнозирование ситуации в сфере образования, культуры и национальной политики в Кемеровской области [8] и последующей возможностью законодательного оформления инициативы. Данный ресурс дает возможность создавать региональные концепции и программы по вопросам миграционной политики, в том числе по адаптации и интеграции мигрантов.

Во многих европейских странах огромную роль в вопросах решения интеграции и адаптации иммигрантов играют муниципалитеты, на уровне которых разрабатываются специальные программы, подкрепленные собственным и центральным (федеральным) финансированием. Однако в условиях российской действительности функции региональных органов государственной власти были сведены до задач реализации установок общероссийской миграционной политики [9Д]. К настоящему времени органы местного самоуправления практически отстранены от принятия политических решений в сфере миграции. Интересы муниципалитетов в сфере миграции объективно не совпадают с интересами бизнеса, нуждающегося в привлечении рабочих рук, и не соответствуют установкам федеральной миграционной политики, связанным с привлечением постоянных мигрантов. Фактически муниципалитеты, которые могут являться ключевыми участниками, непосредственно работающими с мигрантами в процессе адаптации и включения их не только в экономическую сферу жизни территории, но и его социокультурную жизнь, прямо не заинтересованы в притоке на территорию муниципалитета иностранных мигрантов [10]. Работа отдела общественных отношений администрации г. Новокузнецка может служить примером частичного участия в решении вопросов адаптации и интеграции мигрантов [11]. Отделу удалось выстроить достаточно эффективную систему коммуникации с национальными и религиозными организациями города, что подтверждается проводимыми им мероприятиями (ежегодный фестиваль национальных культур, летний интернациональный лагерь и т. д.).

Очевидно, что, если властные структуры не хотят решать имеющиеся реальные проблемы, то это рано или поздно может привести к социальному взрыву, либо власть будет вынуждена искать себе контрагентов в лице влиятельных социальных групп и политических институтов [12, с. 50 – 51, 56].

В настоящее время весомый вклад в решение вопросов адаптации и интеграции мигрантов вносят национально-культурные общества, автономии или национальные диаспоры (общины). И хотя по уставам и по определению их основная задача – поддержание и развитие национальных культур, обычаев и языков, на деле это часто становится задачей второстепенной, а реальная деятельность концентрируется в сфере взаимодействия с властями, различного рода посредничества, оказания соотечественникам комплекса жизненно важных услуг в этой сфере [9]. Мигранты от них ждут помощи в решении проблем статуса, первичного обустройства, решения разнообразных проблем взаимоотношений с властями. Общины – также инструмент взаимопомощи в сложных или чрезвычайных ситуациях. Формальными или неформальными лидерами таких структур являются люди влиятельные, часто богатые, обладающие большими связями в городе. Их покровительство – большой ресурс для новичка и возможность прямого контакта с земляками.

О поддержке создания и развития общественных организаций говорил Президент РФ Д. А. Медведев в своем Обращении к Федеральному собранию. Он отметил, что миграция – процесс положительный, но миграция должна быть цивилизованной. Миграция (в том числе и трудовая) – неотъемлемая составляющая современного гражданского общества и должна находиться под его непосредственным контролем. С этой целью необходимо создавать и развивать негосударственные некоммерческие общественные организации, способствующие развитию миграции и осуществляющие общественный контроль над соответствующими институтами власти и прежде всего ФМС. Действенным механизмом такого контроля могут служить Общественные советы при региональных службах ФМС, МВД и т. д. [13].

В условиях, когда отсутствует официальный центр оказания помощи мигрантам (национальная община), активизируется частная посредническая деятельность. Посредниками выступают предпринимательские структуры (кадровые и рекрутинговые агентства), которые активно работают в направлении оказания услуг по постановке на миграционный учет, по оформлению разрешения на работу иностранных граждан и т. д. Взаимоотношения с ними УФМС весьма противоречивы. С одной стороны, эти предприятия по определению не могут эффективно действовать без рабочего сотрудничества с соответствующими государственными структурами, с другой – такие посредники при отсутствии над ними должного контроля могут способствовать развитию нелегальной миграции.

Западный опыт показывает, что сегодня на уровне любого государства условно существует четыре типа посреднических агентств:

- фирмы, предоставляющие информацию (сюда же входят газеты, размещающие объявления,

Интернет-сайты, фирмы, организующие ярмарки рабочих мест);

- фирмы, смягчающие неблагоприятный выбор (собирающие предварительную информацию о фирмах для рабочих, проверяя выполнение ими обязательств; о работниках – для фирм, их реальной квалификации, рекомендациях, имевшихся проблемах с законом; проводящие предварительное тестирование работников; осуществляющие адаптацию и предварительную подготовку);

- фирмы, решающие проблемы коллективного действия (профессиональные союзы рабочих);

- временные агентства помощи (структуры, создаваемые на короткий срок для решения конкретных конфликтов) [14].

В целом появление и увеличение количества разнообразных посреднических организаций оказывает благоприятное воздействие на рынок труда мигрантов, способствует легализации и снижению их эксплуатации, благодаря тому, что у мигранта появляется возможность выбора, а у посредника появляются дополнительные ограничения. С другой стороны, такая ситуация в большей степени характерна для относительно более либеральных рынков, тех, где в большей степени присутствуют трудовые мигранты из стран СНГ, нежели из стран, официально признанных в РФ «миграционно опасными» [9].

Весомый вклад в формирование миграционной политики по вопросам адаптации и интеграции могут создавать средства массовой информации. СМИ – это и носитель информации об общественных настроениях, действиях властей и других участников на этом поле («зеркало»), это и самостоятельный и важный игрок, обладающий собственными интересами в качестве хозяйствующего лица, продающего информационный товар, вступающий в сложные взаимоотношения с властями, обществом, отдельными его группами. Они информируют, создают образы, предлагают слова для вербализации и оценки проблем и явлений, формируют дискурсы. Общественное мнение во многом складывается не в процессе непосредственного общения, а в результате внедрения суждений и установок, созданных при помощи медиа-образов. СМИ не только отражают позицию тех или иных чиновников, но и формируют ее, предоставляя ту или иную информацию, отсюда, и как следствие, происходит формирование отношения местного населения к мигрантам. Сегодня российская пресса формирует разнообразные образы мигрантов. Большинство публикаций актуализируют негативные стереотипы об этнических мигрантах, преувеличивая масштабы проблемы [15]. Вот некоторые из таких стереотипов:

- мигранты являются иждивенцами, которые живут лучше коренного населения;

- мигранты в скором будущем оккупируют территорию России;

- виртуально «лицо кавказской национальности»;
- мультикультурализм – скорее, желательное (с точки зрения политики), nežелательное состояние межкультурного взаимодействия;
- незаконная миграция приравнивается к терроризму [16, с. 80].

В случае с прессой Кемеровской области авторам центральных изданий (газеты «Кузбасс», «Новокузнецк», «Кузнецкий рабочий») следует аккуратно пользоваться словом и исключить популизм из публикуемых материалов.

Таким образом, решение вопросов адаптации и интеграции мигрантов на новом месте жительства напрямую зависит от содержания и деятельности политических и общественных институтов, принимающих участие в формировании миграционной политики государства. При этом недопустимо слепое копирование иностранного опыта организации и функционирования институтов. Эффективность их деятельности в условиях устоявшихся демократических норм и правил не является гарантией успешного функционирования в странах, находящихся в процессе демократизации. Немаловажное значение имеют национальные особенности, практический опыт и культура каждого народа, сложившиеся обычаи и исторические традиции политической жизни общества и государственного управления. Главным критерием эффективности деятельности институтов является качество жизни конкретного человека – конечной цели всей государственной власти.

Сегодня от успешности адаптационного процесса зависит политическая, социальная и культурная обстановка в принимающем обществе. Скорейшая интеграция мигрантов в принимающее сообщество необходима не только самому сообществу, но и различным категориям мигрантов, поэтому актуальность необходимости решения данной проблемы обусловлена текущими изменениями в современной российской политической и экономической системе очевидна и требует постоянного совершенствования миграционной политики и усиления роли и эффективности работы общественно-политических институтов в ее реализации.

Литература

1. Денисенко, М. Б. Миграционная политика в зарубежных странах и Российской Федерации: опыт сравнительного анализа / М. Б. Денисенко и др. – М., 2003.

2. Указ Президента Российской Федерации от 19 июля 2004 г. № 928 «Вопросы Федеральной миграционной службы».

3. Приказ «Об утверждении Положения об Управлении содействия интеграции Федеральной миграционной службы». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.fms.gov.ru.

4. Постановление Правительства Российской Федерации от 26 мая 2009 г. № 450 «О правительственной комиссии по миграционной политике». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.fms.gov.ru.

5. Департамент культуры и национальной политики Кемеровской области. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.depcult.ru>.

6. Департамент труда и занятости населения Кемеровской области. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ufz-kemerovo.ru/home.aspx>.

7. Департамент образования и науки Кемеровской области. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.edu.kem.ru/>.

8. Совет народных депутатов Кемеровской области. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.sndko.ru/print/181.html>.

9. Дятлов, В. И. Мигранты и принимающее общество: стратегии и практики адаптации (на примере Иркутска). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.buk.irk.ru/exp_seminar/3/3_dyatlov.pdf.

10. Трансграничные миграции и принимающее общество: механизмы и практики взаимной адаптации: монография / науч. ред. проф. В. И. Дятлов. – Екатеринбург: УГУ, 2009.

11. Отдел общественных отношений Администрации г. Новокузнецка. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.admnkz.ru>.

12. Соловьев, А. И. Принятие государственных решений / А. И. Соловьев // Власть. – 2005. – № 10.

13. Сайт общероссийского общественного движения «Таджикские трудовые мигранты». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://tajmigrant.com/migracionnaya-politika-kotoroj-net-chast-2.html>.

14. Autor, D. H. The economics of labor market intermediation: an analytic framework / D. H. Autor // National Bureau of Economic Research. – 2008. Working Paper. – № 14348.

15. Савва, М. В. Механизмы влияния платных СМИ / М. В. Савва.

16. Нужны ли иммигранты российскому обществу? / под. ред. В. И. Мукомеля и Э. А. Паина. – М.: Либеральная миссия, 2006.

ПСИХОЛОГИЯ

УДК 316.614

ЛИЧНОСТНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПОДРОСТКОВ, СКЛОННЫХ К ДЕВИАНТНОМУ И ДЕЛИНКВЕНТНОМУ ПОВЕДЕНИЮ

Л. О. Ковтун

PERSONALITY CHARACTERISTICS OF ADOLESCENTS ARE PRONE TO DEVIANT AND DELINQUENT BEHAVIOUR

L. O. Kovtun

В статье описывается изучение личностных особенностей подростков, склонных к девиантному и делинквентному поведению.

This paper describes the study of personality characteristics of adolescents who are prone to deviant and delinquent behavior.

Ключевые слова: социализация, девиантное поведение, делинквент.

Keywords: socialization, deviant behavior, delinquent.

Мощным дестабилизирующим фактором общества, увеличивающим его духовное неблагополучие, является разрушение естественных институтов социализации — семьи и детского сообщества, негативное влияние средств массовой информации на еще не сформированную детскую психику.

Потеря авторитета родителей, учителей, взрослых, крушение идеалов и потеря нравственных ориентиров ведут к дегуманизации отношений как между взрослыми и детьми, так и в самой детской среде.

Традиционную социализацию семьи начинает заменять телеэкранная, компьютерная социализация, которая весьма далека от общественных нравственных образцов и духовных ценностей. Приверженность подростка техническим «идолам» искажает картину мира гуманных отношений и требует изучения современного подростка, его эмоционально-нравственной сферы в условиях повышенной информационной опасности, когда начинает формироваться клиповое мышление, узость кругозора и деформированное сознание с размытыми категориями добра и зла. Все более разнообразные формы приобретают отклонения в поведении девиантных подростков.

Целью нашего исследования является изучение личностных особенностей подростков, склонных к девиантному и делинквентному поведению.

Было сформировано несколько допущений гипотезы:

- девиантное и делинквентное поведение как проявление кризисного типа развития в подростковом возрасте является следствием нарушений идентификации и отражением кризиса идентичности;

- невротическое развитие является «преморбидным» фактором девиантного и делинквентного поведения;

- деструктивный характер отношений с миром, эмоциональный дискомфорт порождают квази-отношения, которые деформируют сознание и ме-

шают формированию адекватной идентичности подростка.

Под идентификацией в психоаналитической теории понимают процесс, посредством которого ребенок моделирует свое поведение в соответствии с поведением одного из родителей того же самого пола, стараясь стать на него похожим, чтобы освободиться от собственной тревоги и ослабить внутренние конфликты [5].

Социальная идентичность подразумевает принадлежность личности к какой-либо группе с ее нормами и ценностями.

Вариантом формирования социальной идентичности можно считать усвоение человеком социальных ролей, усвоение принятых норм, правил поведения и способность размышлять о себе, о своей принадлежности к той или иной группе. Эффективным регулятором социального поведения становится направленность личности на интересы других, и вектором развития личности являются гуманистические идеалы.

Конечным результатом такого развития можно считать такие характеристики, как положительное отношение к себе и к миру, толерантность или терпимость, стремление к саморазвитию, самореализация.

В модели японского исследователя Сакамото в позитивной направленности проявляются такие формы идентичности: соучастие, интеграция, автономия, независимость, непринужденность, самореализация, самовоспитание и самосовершенствование. В негативной направленности — агрессия, насилие, дискриминация, апатия, покорность, самообесценивание, обезличенность, аддикция (наркомания), самоубийство [5].

Формирование идентичности находится в зависимости от того социального опыта, который приобретает подросток, и от тех идолов, на которые он ориентируется.

Система наиболее общих представлений о самом себе и своем месте в мире межличностных отношений называется идентичностью [2].

Мы согласны с японским исследователем, что идентичность имеет как положительную, так и негативную направленность. Асоциальным подросткам свойственна негативная направленность, которая является следствием их отрицательной социализации.

А. В. Брушлинский выделяет несколько критериев субъектной идентичности [1]: способность познавать мир; способность к саморегуляции и творчеству; овладение определенными видами деятельности и их реализация; способность решать внешние и внутренние противоречия; быть источником преобразования действительности; использование индивидуальных стратегий поведения, стилей жизни и деятельности.

По мнению Н. В. Ковалевой, в структуре субъектной идентичности можно выделить следующие компоненты: онтологический компонент, который включает стереотипы, мировоззренческие установки, представления о том, что есть человек и представление о своем Я, о своей жизненной позиции и смысле жизни; фундаментальный компонент определяет стратегию жизненного самоопределения и поведения в конкретной ситуации – «что я могу себе позволить, а что не могу». Например, мастер-профессионал не может себе позволить работать «спустя рукава»; временный компонент имеет три составляющих: Я-образ в прошлом, настоящем и

будущем; содержательный компонент включает социально-конструктивную направленность, которая развивает качества отношений с окружающими и умело взаимодействует с ними, и социально-деструктивную направленность, которая разрушает качество человеческих отношений и характеризуется эгоизмом, эгоцентризмом и асоциальной активностью [5].

Неадекватные поступки человека, нарушения в той или иной деятельности могут быть отражением кризиса субъектной идентичности.

Деформации субъектной идентичности проявляются в девиантном или делинквентном поведении подростка, которые отражают глубокие противоречия между внутренним миром человека и внешними обстоятельствами. Спасение от кризисной ситуации подросток будет искать либо в открытой агрессии, либо в конформизме, либо в одиночестве и фантазиях, либо в аддиктивном поведении, вплоть до криминального.

Кроме того, на каждом возрастном этапе человек решает возрастные задачи. Соответственно на каждом из этапов мы обнаруживаем разные доминирующие потребности. Неудачи в решении задач текущего и предыдущего этапов развития и в удовлетворении доминирующих потребностей ведут к искажению развития личности.

В обобщенном виде этапы развития представлены в таблице 1 [4].

Таблица 1

Этапы развитие личности (концепция Э. Эриксона)

<i>Возраст</i>	<i>Результат развития</i>	<i>Нормальная линия развития</i>	<i>Аномальная линия развития</i>
0 – 1 год; мать	Доверие – недоверие к окружающим людям.	<i>Доверие к людям</i> : взаимная любовь и признание родителей и ребенка, привязанность, удовлетворение потребностей детей в общении и других жизненно важных потребностей.	<i>Недоверие к людям</i> : результат плохого обращения матери с ребенком, игнорирования, пренебрежения им, лишения любви. Слишком раннее или резкое отлучение ребенка от груди, его эмоциональная изоляция.
1 – 3 года; родители	Автономия – зависимость.	<i>Самостоятельность, уверенность в себе</i> : ребенок смотрит на себя как на самостоятельного, но еще зависимого от родителей человека.	<i>Сомнение в себе, гипертрофированное чувство стыда</i> : ребенок чувствует свою неприспособленность, сомневается в способностях, испытывает недостатки в развитии элементарных двигательных навыков. Слабо развита речь, развито желание скрыть свою ущербность от окружающих.
3-6 лет; родители, братья, сестры	Инициатива, уверенность в себе – чувство вины.	<i>Активность</i> : живое воображение, активное изучение окружающего мира, подражание взрослым, включение в полоролевое поведение.	<i>Пассивность</i> : вялость, отсутствие инициативы, инфантильное чувство зависти к другим детям, подавленность, отсутствие признаков полоролевого поведения.

Продолжение таблицы 1

6 – 12 лет; школа, соседи, знакомые	Трудолюбие – чувство неполноценности.	<i>Трудолюбие:</i> выраженное чувство долга и стремление к достижениям, развитые коммуникативные умения. Ставит перед собой и решает реальные задачи, нацеленность фантазии и игр на активное усвоение инструментальных и предметных действий, ориентация на задачу.	<i>Чувство неполноценности:</i> слабо развитые трудовые навыки, избегание сложных заданий, соревновательных ситуаций, острое чувство неполноценности, обреченности. Конформность, рабское поведение, чувство тщетности прилагаемых усилий при решении разных задач.
13 – 18 лет; группа сверстников	Идентичность – смещение ролей.	<i>Жизненное самоопределение:</i> развитие временной перспективы – планов на будущее, самоопределение: каким быть? Кем быть? Активный поиск себя и экспериментирование в разных ролях. Четкая гендерная поляризация в формах поведения. Лидерство в группах сверстников и, при необходимости, подчинение им.	<i>Путаница ролей:</i> смещение и смешение временных перспектив, мысли не только о будущем, но и о прошлом. Концентрация душевных сил на самопознание, сильно выраженное стремление разобраться в себе в ущерб отношениям с внешним миром. Полоролевая фиксация. Смещение форм полоролевого поведения.

Эмпирической базой настоящей работы являются материалы, полученные в результате комплексного изучения личности подростков, склонных к девиантному и делинквентному поведению. Особый интерес, на наш взгляд, представляет сравнительный принцип, имеющий место при сопоставлении выборок. Был проведен сравнительный анализ двух групп: старшекласники, обучающиеся в лицее г. Кемерово (124 человека), и несовершеннолетние, содержащиеся в следственном изоляторе № 1 г. Кемерово (130 человек).

Для изучения сформированной проблемы был использован следующий набор методик: Т. Лири – диагностика стилей межличностных взаимоотношений; Рат – рисованный апперцептивный тест Мюррея для выявления доминирующих позиций; Фрайбургская анкета (FRJ) для диагностики невротичности; опросник К. Хека, Х. Хеса – диагностика невроза.

Комплексное использование данных методик и обеспечивает надежность и достоверность полученных данных. Большая часть использованных опросников является известной.

Подростки-девианты, находящиеся в СИЗО (130 человек), имели следующие особенности условий развития. Состав семьи: 24 % воспитываются в полных семьях; 64 % – в неполных (воспитывает одна мать, имеется в отчим, воспитывает бабушка и т. д.); 12 % – не имеют родителей (воспитывались в детском доме или интернате). Образование: 65 % – соответствует возрасту; 28 % – не доучились до 9-го класса и 7 % учились только в начальной школе. Имеют 1-ю судимость – 40 % несовершеннолетних данной выборки и 60 % – судимость повторная (рецидив). 20 % подростков предъявлено обвинение по тяжелым статьям (161, 162, 105, 111, 131 – разбой, грабеж, убийство, изнасилование). Учащиеся лица (94 человека): 10 % воспитываются в неполных

семьях. У учащихся выявлены отдельные проявления девиантного поведения (в частности, гетероагрессия, формирование зависимого поведения).

Анализ результатов исследования отклонений в развитии личности подростков

Для того чтобы глубже понять проблему личности и корни ее персонификации, мы обращаемся к ее ближайшему окружению через призму структуры межличностных отношений, ее микросоциума. Изучение группового взаимодействия методом диагностики межличностных отношений позволяет достаточно глубоко проникнуть в мир переживаний членов семьи, раскрыть внутриличностный конфликт.

Приведем данные анализа и сравнения результатов, полученных при обследовании по тесту Лири и Фрайбургскому опроснику (группа несовершеннолетних, находящихся в СИЗО).

В таблице 2 представлены корреляционные связи параметров теста Лири и Фрайбургского опросника. Выявлена достоверная корреляционная связь параметра невротичность с недоверчиво-скептическим, покорно-застенчивым и зависимо-послушным типами межличностного взаимодействия. Это свидетельствует о том, что в поведении подростков будет проявляться замкнутость, покорность, зависимость, неудовлетворенность собой. Преобладание одновременно недоверчиво-скептического и ответственно-великодушного типов межличностного взаимодействия свидетельствует о существовании конфликта между стремлением к признанию группой и враждебностью. Следствием этого может являться формирование невротичности. Также с недоверчиво-скептическим, покорно-застенчивым и зависимо-послушным типами межличностного взаимодействия выявлены корреляционные зависимости по шкале «депрессивность» и

«эмоциональная лабильность». Это может свидетельствовать о том, что в поведении подростков будет проявляться подавленность, склонность к само-

уничтожению, депрессивный фон настроения, неуверенность в себе, потребность в поддержке.

Таблица 2

Корреляция параметров FRI и Лири (группа подростков-делинквентов)

Параметры опросников	Властно-лидирующий	Независимо-доминирующий	Прямолнейно-агрессивный	Недоверчиво-скептический	Покорно-застенчивый	Зависимый – послушный	Сотрудничающий – конвенционный	Ответственно-великодушный
Невротичность				0,38	0,36	0,29		0,21
Спонтанная агрессивность	0,34	0,5	0,33	0,35				
Депрессивность				0,31	0,5	0,36	0,21	
Раздражительность		0,33	0,34	0,44	0,22			
Общительность	0,3				-0,33			
Уравновешенность	0,24	0,23	0,21					0,25
Реактивная агрессивность		0,32	0,24	0,29				
Застенчивость				0,35	0,59	0,54	0,26	0,29
Открытость		0,29		0,33				
Экстраверсия-интроверсия	0,27	0,43	0,33					
Эмоциональная лабильность				0,43	0,55	0,4		
Мужественность-женственность	0,26	0,25			-0,22			

Примечание: общее количество ответов по каждому сюжету – 146.

По параметру, характеризующему общительность, выявлена позитивная корреляция с властно-лидирующим типом межличностного взаимодействия, это проявляется в потребности командовать другими. А с покорно-застенчивым типом межличностного взаимодействия выявлена отрицательная корреляционная зависимость. Это объясняется тем, что чем выше у подростка будут проявляться черты покорности и самоуничтожения, тем ниже у него будет способность к полноценному общению. А преобладание одновременно властно-лидирующего и покорно-застенчивого типов межличностного взаимодействия свойственно лицам с проблемой болезненного самолюбия.

Также выявлены корреляционные связи шкал реактивной и спонтанной агрессии с властно-лидирующим, независимо-доминирующим, прямолинейно-агрессивным и недоверчиво-скептическим типами межличностного взаимодействия. То есть, данные тенденции в поведении будут проявляться у подростков, которым свойственно преобладание не конформных тенденций и склонность к конфликтным проявлениям. Для этих типов поведения характерна экстравертированная направленность личности, что подтверждается данными корреляционных зависимостей. По параметру мужественность – женственность выявлена отрицательная корреляционная

связь с покорно-застенчивым типом межличностного взаимодействия. То есть можно предположить, что покорно-застенчивый тип отношений более характерен для женского пола ролевого поведения.

Следует отметить, что при анализе корреляционных матриц взаимосвязи полученных параметров имеется явное преобладание связей с недоверчиво-скептическим типом межличностных отношений. Это свидетельствует о том, что в поведении подростков данной выборки будет проявляться обособленность, замкнутость, подозрительность, неудовлетворенность своей позицией в микрогруппе, нахождение фактически постоянно в состоянии борьбы и конфликта с окружением.

Далее рассмотрим результаты анализа и сравнения данных, полученных при обследовании по тесту Лири и Фрайбургскому опроснику (учащиеся лица, старшеклассники). В таблице 3 представлены корреляционные связи исследуемых параметров.

При анализе корреляционных матриц взаимосвязи полученных параметров в данной выборке, обращает на себя внимание тот факт, что также имеется преобладание корреляционных связей с недоверчиво-скептическим типом межличностных отношений. Это позволяет нам сделать предположение, что данный тип отношений является доминирующим.

Таблица 3

Корреляция параметров FRI и Лири (группа школьников)

<i>Параметры опросников</i>	<i>Властно- лидирующий</i>	<i>Независимо- доминирующий</i>	<i>Прямолинейно – агрессивный</i>	<i>Недоверчиво- скептический</i>	<i>Покорно- застенчивый</i>	<i>Зависимый – послушный</i>	<i>Сотрудничающий – конвенциональный</i>	<i>Ответственно- великодушный</i>
Невротичность				0,44	0,26			
Спонтанная агрессивность	0,21	0,23	0,28	0,36				-0,24
Депрессивность			0,21	0,52	0,42			
Раздражительность			0,27	0,24				
Общительность	0,46	0,24		-0,34	-0,35		0,24	0,23
Уравновешенность	0,32			-0,23	-0,31			
Реактивная агрессивность	0,25	0,29	0,25	0,2				-0,3
Застенчивость	-0,35	-0,29		0,38	0,56	0,32		
Открытость		0,24		0,26				-0,24
Экстраверсия-интроверсия	0,3				-0,35			
Эмоциональная лабильность			0,26	0,52	0,4			
Мужественность-женственность	0,3	0,21		-0,25	-0,44	-0,21		

Примечание: общее кол-во ответов по каждому сюжету – 146.

Так же выявлена позитивная корреляционная зависимость шкал спонтанной и реактивной агрессивности с властно-лидирующим, независимо-доминирующим, прямолинейно-агрессивным и недоверчиво-скептическим типами межличностного взаимодействия, что в данной ситуации можно рассматривать как нормальную защитную реакцию. А то, что у данных типов межличностного отношения выявлена отрицательная корреляционная связь с ответственно-великодушным типом межличностного отношения, свидетельствует о выраженной потребности соответствовать социальным нормам, а результатом блокированности поведенческих реакций может явиться вегетативный дисбаланс.

Для подростков обеих выборок характерна высокая конфликтность, которая может быть не столь явной и кумулироваться (накапливаться), создавая тем самым повышенную напряженность, и, как следствие, влияя на формирование невротичности.

Исходя из полученных результатов, можно описать психологический портрет несовершеннолетних находящихся в СИЗО, следующим образом: эмоционально неустойчивые, нервные, агрессивные, неуверенные в себе и неискренние. Это подтверждается результатами математико-статистической обработки. Таким образом, общий психологический портрет несовершеннолетних правонарушителей отражает прежде всего нарушение социальной адап-

тации, имеющее постоянный, хронический характер. Такие несовершеннолетние обладают изначально плохой социальной приспособляемостью к условиям жизни в обществе в силу своих психологических свойств. Социальные нормы, в том числе правовые, не оказывают на их поведение существенного влияния. Поскольку оценка жизненных ситуаций осуществляется не с позиций социальных требований, а исходя из личных переживаний и проблем, то поведение может протекать без учета условий возникающих ситуаций и возможных последствий. Поведение несовершеннолетних с такими личностными качествами управляется в основном аффективными установками, а поступки окружающих могут расцениваться как ущемляющие личность, что приводит к зависимости человека и его поведения от субъективного видения наличной ситуации. Поэтому можно предположить, что многие правонарушения, особенно насильственные, являются результатом неспособности несовершеннолетних правонарушителей разрешить жизненную ситуацию в социально приемлемом плане.

На следующем этапе приведем результаты, полученные при помощи интерпретации данных по рисуемому апперцептивному тесту (РАТ).

Учитывая, что анализ полученных результатов проводится в основном на качественном уровне, на наш взгляд, удобнее описывать полученные резуль-

таты по тематике сюжета и связанных с ней тенденций: 1-я картинка выявляет отношение испытуемого к проблеме власти и унижения; 2-я, 5-я и 7-я картинки в большей степени связаны с конфликтными ситуациями, выявляется сфера нарушенных взаимоотношений (семейных); 3-я и 4-я картинки выявляют конфликты в сфере личных, интимных отношений, либо служебных взаимоотношений; 6-я картинка выявляет значимость агрессивных реакций; 8-я картинка выявляет проблему отвержения объектом аффилятивной привязанности или бегство от назойливого преследования отвергаемой им личности. Также, при оценке результатов, имеет смысл разделить позицию личности в конфликте: на агрессивную, страдательную, пассивную, активную и индифферентную.

Анализ полученных результатов проводится с помощью простых количественных сопоставлений по каждой позиции. Отмечая отдельно разные элементы каждого сюжета, экспериментатор суммирует ответы, затем переводит в проценты, высчитывая средний процент от общего количества ответов (см. таблицы).

Из 95 опрошенных (при помощи РАТ) несовершеннолетних, находящихся в СИЗО, 30 человек (31 %) имеют высокий уровень невротизации, по данным опросника К. Хека – Х. Хесса и фрайбургскому опроснику. Соответственно мы считаем необходимым привести анализ описания полученных результатов отдельно. Поскольку несовершеннолетние данной выборки имеют высокий уровень невротизации, у них плохо выражено само понимание и осознание своей собственной роли в сложных жизненных ситуациях. Поэтому проекция личных переживаний и идентификация себя с кем-то из героев позволяют определить сферу конфликта. Так, у несовершеннолетних данной выборки преобладает наличие сложного внутреннего конфликта (60 %). Об этом свидетельствуют следующие данные: высокий уровень пессимистичности высказываний, незаконченность сюжета (отсутствие перспективы), сниженный фон настроения, явная демонстративность (как защитная тенденция), суицидальные намерения сюжета.

Анализируя полученные данные можно отметить преобладание страдательной позиции (проблема приниженности) – 32 % от общего числа ответов, и практически отсутствуют ответы, характеризующие активную личностную позицию (3 %). По остальным позициям – агрессивной, пассивной и индифферентной – получены приблизительно одинаковые результаты (22 %, 23 % и 20 % соответственно). Преобладание страдательной, пассивной и индифферентной позиций свидетельствует о наличии конфликта в межличностных отношениях.

При более подробном изучении сферы нарушенных взаимоотношений (2-й, 5-й и 7-й сюжет) обращает на себя внимание тот факт, что в сфере семейных взаимоотношений выявляется явное преобладание страдательной (жертвенной) позиции и снижение агрессивной (выступающей в качестве защитной тенденции). Это свидетельствует о преоб-

ладании авторитарного стиля воспитания, влияющего на формирование невротичности подростков.

Далее было предпринято более детальное описание основных тенденций, чаще выступающих как защитные в сфере нарушенных межличностных взаимоотношений.

Необходимо отметить, что у подростков данной выборки преобладает (22 % из 10 выделенных тенденций) защитная тенденция – приспособление, т. е. пассивная подчиняемость внешним силам. Как следствие, высокий процент ответов, характеризующих такие личностные черты, как инфантилизм, беззаботность, безответственность. Особенно эти качества проявляются при оценке 2-й, 5-й и 7-й картинок, т. е. при оценке нарушений сферы семейных межличностных взаимоотношений. Высокие показатели получены также по следующим ведущим тенденциям: доминантность, агрессия, отвержение. Таким образом, в поведении подростков проявляется стремление порвать отношения, изгнать, унижить, стремление руководить людьми. Соответственно выявляется явно фрустрированная аффилятивная потребность, выражающаяся в полученных результатах по следующим тенденциям: поиск дружбы, помощь другим и поиск покровителя.

Нам представляется важным обратить внимание на следующие факты. При сравнении полученных данных подростков-делинквентов невротиков и просто подростков-делинквентов выявлены следующие различия: в выборке невротиков имеется явное преобладание пассивной личностной позиции и приспособления как основной тенденции. Также в значительно меньшей степени у них проявляется демонстративность. Это подтверждается содержательной стороной высказываний. Так, при ответе на вопрос «Чем закончится ситуация?», именно у подростков данной выборки доминирует ответ: «Пойду домой», т. е. это является основной, актуальной фрустрированной потребностью, при этом все как бы решится само собой.

При сравнении описания у данных подростков больше фигурируют сюжеты и их герои, носящие достаточно специфичный характер: «мед. отрезвитель, алкаши, больница, скорая помощь, наркоманы, морг, труп, зона, тюрьма, заключенные, преступник, убийца, жертва, милиционер, судья, подсудимый, бомж, вор, погоня, ссора, драка, мордобой, свобода, деньги». И гораздо меньше встречается описание героев, носящих мирный характер: «доктор, спортсмены, фигуристы, солдаты, борцы, каратисты, тренер, бизнесмен, пустыня, хозяин, Бог, царь, Цезарь, молитва, раб, рабовладелец». Содержательная сторона выявленных тенденций характеризуется также достаточно специфичными чувствами и эмоциями: «разочарование, переживание, огорчение, печаль, грусть, унижение, угнетение, боль, горе, несчастье, скорбь, злость, власть, ненависть, гнев, эгоизм, высокомерие, измена, оскорбление, превосходство, страх, обида, ревность, слабость, взаимонепонимание, разлука». Такие чувства, встречающиеся при описании картинок, как «растерянность, скука, беспомощность, тупость, глупость, беззаботность, сла-

ва, азарт, страсть, свобода» свидетельствуют о наличии сложного внутреннего конфликта. А тот факт, что положительные эмоции и чувства, такие, как «радость, любовь, дружба, уважение, добро» в описании сюжетов встречаются гораздо реже у подростков данной выборки, подтверждает тот факт, что аффилиативная потребность является фрустрированной. А присутствующие в рассказах особые темы: смерть, суицидальные намерения, рассуждательство, противоречивость в оценке событий, разноплановость восприятия картинок, эмоциональная отстраненность являются серьезными аргументами при выявлении личностной дезинтеграции.

Далее, на наш взгляд, имеет смысл провести сравнительный анализ полученных результатов основной выборки подростков-делинквентов и учащихся лица (старшекласников).

При выявлении сферы нарушенных межличностных взаимоотношений обращает на себя внимание тот факт, что у несовершеннолетних, находящихся в СИЗО, преобладает индифферентная позиция в межличностных отношениях, а у учащихся лица – страдательная. Так, анализ изучения сферы нарушенных взаимоотношений (в частности, семейных) показал, что у учащихся самое большое количество ответов характеризует пассивную личностную позицию, это свидетельствует о невмешательстве и пассивном приспособлении. А у несовершеннолетних делинквентов преобладает индифферентная позиция и, как следствие, основная тенденция – инфантилизм. Мы предполагаем, что в данной ситуации потребность в принадлежности к семье не удовлетворена, а потребность в автономии не осознаваема. В данной ситуации девиантное поведение выступает как акт защиты от внутреннего конфликта.

Далее, при сравнении основных тенденций, доминирующих в поведении несовершеннолетних, обращают на себя внимание следующие факты. У несовершеннолетних, находящихся в СИЗО, выявлено явное преобладание таких защитных тенденций, как демонстративность и инфантилизм. А у учащихся лица пассивное подчинение внешним силам (23 % от общего количества полученных ответов) выступает как защитная реакция от сложных жизненных ситуаций. О преобладании у несовершеннолетних явно фрустрированной аффилиативной потребности, свидетельствуют выявленные тенденции защитного толка, выражающиеся в стремлении порвать отношения, в поиске виноватых среди окружающих.

Необходимо отметить, что учащиеся лица демонстрируют высокий интеллект, эрудицию, богатую фантазию и воображение. Выдержки из описания: «крепостное право, эксплуатация, барин и крепостной, помещик и крестьянин, холоп, повелитель, рабовладелец, господин, Бог, Гуру и жрец, идол, Иван Грозный, император, Аристотель, аборигены и Кук, гладиаторы, жертвоприношение, монахи, сержант и рядовой, поклонники и солист, клоуны, дворник, Ленин и печник» подтверждают это. Явно заметны различия в содержательной стороне описанных тенденций. Это выражается в том, что

воображаемым героям приписываются несколько иные чувства и эмоции: «смущение, недоумение, неловкость, удивление, сомнение, сочувствие, жалость, раскаяние, надежда, уважение, гордость, искренность, фанатическая радость». Необходимо также отметить, что у учащихся лица прослеживаются такие тенденции, как социабельность (уважение к мнению окружающих), оптимизм, активность, стремление к успеху. При том, что у подростков-делинквентов эти тенденции не прослеживаются вообще.

При анализе отношения подростков к проблеме власти и подчинения (1-й сюжет) у подростков обоих выборок доминирует стремление подчиняться сильной личности, желание найти покровителя. Данная тенденция характеризует их как неуверенных в себе, в своих перспективах. Остальные тенденции, в данной ситуации, выступают как защитные.

При анализе результатов описания 2-й, 5-й и 7-й карты (выявления сферы нарушенных межличностных отношений, в частности, семейных) у учащихся лица выявлен высокий уровень невротизации (35 %, при том, что 96 % из данной выборки воспитываются в полных семьях), это свидетельствует о переживании проблемы отвержения и одиночества. Можно предположить, что в семьях данных подростков преобладает установка на формально-ролевые функции семьи: завышенные требования, соблюдение социальных норм, эмоциональная дистанция и, как следствие, ущемлена потребность в принятии. А у подростков-делинквентов при оценке данных сюжетов преобладает индифферентная личностная позиция и инфантилизм (24 % воспитываются в полных семьях). Это может являться следствием нарушения семейных отношений (преобладание в первом случае – авторитарного, а во втором – индифферентного стиля воспитания) и подтверждать факт влияния семейного воспитания на возникновение невротичности и, как следствие, – асоциальности подростков.

Далее, при анализе результатов описания 3-го и 4-го сюжетов (выявление конфликта в личных, служебных отношениях), получены следующие результаты. У несовершеннолетних, находящихся в СИЗО, данные сюжеты вызывают защитные реакции агрессивного толка, такие, как «обида, боль, печаль, горе, злость, ненависть, месть». А у учащихся лица вырисовывается проблема отвержения, т. е. разрыва отношений: «растерянность, неизвестность, беспомощность, отчаяние, ступор». И, как следствие, на фоне разрыва отношений фигурируют суицидальные тенденции.

При оценке значимости агрессивных реакций (6-й сюжет) выявлены следующие различия. У подростков-делинквентов имеется явное преобладание агрессивной личностной позиции, которая проявляется либо в стремлении победить противника, либо в пассивном приспособлении (жертвенность позиции, аутоагрессия), при этом часто фигурирует описание смерти, убийства. А у учащихся имеется преобладание страдательной позиции, которую можно

рассматривать как способность к эмпатии, потому как доминирует тенденция стремления помощи другим. При этом у учащихся, в отличие от делинквентов,

при освещении данной проблемы практически отсутствует демонстративность.

Таблица 4

Выявление основных тенденций (группа 2, подростки-делинквенты, 65 человек)

<i>Тенденции</i>	<i>К-во ответов по 1 сюжет.</i>	<i>К-во ответов по 2, 5 и 7 сюжет.</i>	<i>К-во ответов по 3 и 4 сюжет.</i>	<i>К-во ответов по 6 сюжет.</i>	<i>К-во ответов по 8 сюжет.</i>	<i>Общее к-во ответов</i>	<i>% от общего к-ва ответов</i>
Доминантность	11	4	1	3	4	23	7
Агрессия	10	4	3	13	8	38	12
Отвержение	3	2	18		9	32	10
Избегание наказания (самозащита)	-	-	-	3	9	12	3,5
Приспособление	11	9	19	13	2	44	14
Поиск покровителя	13	-	-	-	-	13	4
Быть в центре (демонстративность)	6	11	18	19	7	61	19
Игра (инфантилизм)	4	24	5	-	21	54	17
Поиск дружбы	4	11	11	-	2	28	9
Помощь другим	3	-	-	11	-	14	4,5

Примечание: общее кол-во ответов по каждому сюжету – 319.

Таблица 5

**Выявление основных тенденций
(группа 3 учащиеся лица – старшеклассники, 74 человека)**

<i>Тенденции</i>	<i>К-во ответов по 1 сюжет.</i>	<i>К-во ответов по 2, 5 и 7 сюжет.</i>	<i>К-во ответов по 3 и 4 сюжет.</i>	<i>К-во ответов по 6 сюжет.</i>	<i>К-во ответов по 8 сюжет.</i>	<i>Общее к-во ответов</i>	<i>% от общего к-ва ответов</i>
Доминантность	11	-	1	11	7	30	8
Агрессия	5	6	9	12	12	44	12
Отвержение		8	11		9	28	7,5
Приспособление	19	16	23	17	8	83	23
Поиск покровителя, почтительность	16 7	-	-	-	2	25	6,5
Быть в центре (демонстративность)	8	15	6	14	5	48	13
Игра (инфантилизм)	-	13	6	-	25	44	12
Поиск дружбы	8	16	18	-	6	48	13
Помощь другим	-	-	-	20	-	20	5

Примечание: общее кол-во ответов по каждому сюжету – 370.

При анализе результатов проблемы отвержения объектов аффилятивной привязанности (8-й сюжет) вырисовывается следующая картина. У несовершеннолетних, находящихся в СИЗО, чаще всего фигурирует беззаботность, безответственность, инфантилизм как основные защитные тенденции, что подтверждается описанными достаточно противоречивыми чувствами и эмоциями, такими, как «азарт, скука, обида, гордость, страх, веселье, злость, радость». И очень часто при описании фигурирует понятие «вор», которому приписывается страх. А у учащихся преобладает описание игры и маленьких детей, характеризующей несколько иные чувства,

например оптимизм, активность («интерес, радость, веселье»).

Таким образом, завершая обсуждение результатов исследования, можно утверждать следующее: для конструктивного прохождения подростком критического периода развития необходимо, чтобы потребности предыдущего этапа были полностью удовлетворены. Ребенком должны быть освоены способы установления отношений с окружающими людьми, сверстниками, родителями и другими взрослыми. К старшему подростковому возрасту возникают новые потребности, такие, как потребность в автономии, в принадлежности группе и но-

вая личностная тенденция – заявление своих прав. У старшего подростка также должны быть личностные предпосылки для удовлетворения новых потребностей, в том числе и средства для преодоления тенденций, тормозящих эти процессы.

Если часть этих условий, или все они не выполняются, то прохождение подростком критического периода развития принимает деструктивные формы. При этом потребности предыдущего периода удовлетворены не полностью. Новые потребности и личностные тенденции недостаточно развиты и осознаны, с потребностями предыдущего этапа развития они вступают не в противоречие, а в конфликт.

На основании вышеизложенного можно сделать следующие **выводы**:

1. Можно рассматривать девиантное поведение как деструктивную форму прохождения критического периода развития. Делинквентное поведение это разрядка в протестной форме эмоционального напряжения, порожденного неблагоприятной ситуацией.

2. Фокус коррекционной работы с подростками должен выбираться исходя из особенностей их личности и микросоциума.

3. Некоторые особенности личности рассматриваемых групп являются факторами, способствующими формированию девиантного и делинквентного поведения.

Литература

1. Брушлинский, А. В. Психология индивидуального и группового субъекта / А. В. Брушлинский: монография. – М., 2002. – 368 с.
2. Грецов, А. Г. Выбираем профессию. Советы практического психолога / А. Г. Грецов. – СПб.: Питер, 2007. – 224 с.
3. Ковалева, Н. В. Субъективная идентичность как психический механизм развития субъекта / Н. В. Ковалева // Сб. науч. тр.: субъект, личность и психология человеческого бытия. – М.: Институт психологии РАН.
4. Реан, А. А. Психология человека от рождения до смерти / А. А. Реан. – СПб.: Прайм-Еврознак, 2002. – 656 с.
5. Свинцицкий, А. Л. Краткий психологический словарь / А. Л. Свинцицкий. – М.: Проспект, 2011. – 512 с.

УДК 159.9.07

ОСОБЕННОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ СЕМЕЙНОЙ ЖИЗНИ КАК ФАКТОР БЛАГОПОЛУЧИЯ ДЕТЕЙ С ДЕТСКИМ ЦЕРЕБРАЛЬНЫМ ПАРАЛИЧОМ

И. В. Тимофеева

FEATURES OF THE FAMILY LIFE AS A FACTOR IN WELFARE OF CHILDREN WITH CEREBRAL PALSY

I. V. Timofeeva

В статье рассматриваются особенности организации семейной жизни в семьях, имеющих ребенка с ограниченными возможностями жизнедеятельности. Анализируются особенности, психологический климат, которые так или иначе воздействуют на ребенка либо способствуют его психосоциальной реабилитации, либо, наоборот, тормозят ее. В исследовании приняли участие семьи, воспитывающие детей с детским церебральным параличом с сохраненным интеллектом и интеллектуальной недостаточностью. Результаты исследования позволяют считать, что на благополучие детей с детским церебральным параличом влияет ряд факторов, таких, как межсупружеский аспект, хозяйственно-бытовой и отношения, обеспечивающие воспитание ребенка.

This article discusses features of the organization of family life in families with child with disability. The features of the psychological climate, which in some way affect the child, or contribute to its psycho-social rehabilitation, or, conversely, inhibits it. The study involved families raising children with cerebral palsy with intact intellect and intellectual disabilities. Results of the study suggest that the welfare of children with cerebral palsy affects a number of factors, such as interfamily aspect of household and relationship to ensure education of the child.

Ключевые слова: дети с детским церебральным параличом, организация семейной жизни, родительно-детские отношения, методика «PARI».

Keywords: children with a children's cerebral paralysis, the home life organization, relation roditelsko-nurseries, a technique «PARI».

В 2009 году в РФ насчитывалось 70649 детей, страдающих детским церебральным параличом (ДЦП), в возрасте до 14 лет. Подростков с ДЦП в возрасте от 15 до 17 лет было 14068. Впервые был поставлен диагноз ДЦП в 2009 году 7409 детям. По статистике за 2010 год, детей до 14 лет с диагнозом ДЦП насчитывалось 71429, а от 15 до 17 лет – 13655

таких детей. В 2010 году 6978 детям диагноз ДЦП был поставлен впервые. С раннего детства дети с отклонениями в развитии сталкиваются с оценкой их внешности другими людьми. Часто здоровые дети с детской непосредственностью и жестокостью оценивают внешние дефекты детей-инвалидов в их присутствии. В результате у детей-инвалидов фор-

мируются замкнутость, избегание широкого круга общения, замыкание «в четырех стенах», маскированная (скрытая) депрессия. Скрытая депрессия (сниженный фон настроения, негативная оценка себя, собственных перспектив и других людей, часто замедленный темп мышления, скованность и пассивность) в сочетании с заниженной самооценкой и отсутствием благоприятного прогноза на будущее достаточно часто приводит к появлению мыслей суицидального характера. Часто формируется комплекс неполноценности.

Проблема субъективного благополучия является актуальной на современном этапе развития общества, так как переживание личностью состояния собственного благополучия является основой ее успешного функционирования в социуме. Изучение проблемы субъективного благополучия имеет глубокие корни в философии, психологии, социологии и других науках. У понятия «благополучие» есть достаточно ясное значение, его трактовки в значительной степени сходны в науках и обыденном сознании людей. Благополучие рассматривается как многофакторный конструкт, представляющий сложную взаимосвязь социальных, культурных, экономических, психологических, физических и духовных факторов. Понятие благополучия рассматривалось в психологии в контексте изучения счастья, удовлетворенности жизнью, качества жизни, субъективного благополучия. В изучении проблемы субъективного благополучия выделяются две позиции: внутренняя, связанная с самосознанием, особенностями личности, и внешние по отношению к личности условия как возможность повышения уровня благополучия.

По мере взросления дети с ограниченными возможностями начинают осознавать, что уровень их жизненных возможностей, по сравнению с «обычными» детьми, снижен. При этом у них формируется сниженная самооценка, что, в свою очередь, приводит к чрезмерному снижению уровня притязаний. Следствием этих процессов становится социальная пассивность и сужение активного жизненного пространства. Рано или поздно особые дети начинают осознавать глобальность своей зависимости от здоровых членов общества. Пенсия, льготы и многое другое – все это они получают за счет здоровых людей. Осознание глобальности зависимости и привыкание к зависимости способствуют формированию иждивенчества. Типичными тенденциями становятся отказ от самостоятельности и перенос ответственности за свою судьбу на ближайшее окружение. Фактически к дефекту развития «особых» детей присоединяется дефект воспитания.

Наиболее тяжело переживают инвалидность лица, внезапно потерявшие слух, зрение и воспринимающие ее как крах всей оставшейся жизни. Дальнейшее психологическое развитие личности может происходить с поэтапной сменой неврозов, пограничных состояний, психозов. Это особенно выражено у детей-инвалидов с неправильным воспитанием и выявляется при описании ими модели своего будущего. Исследования модели будущего

детей-инвалидов показали, что она изменена, по сравнению с моделью будущего здоровых детей. В 14 – 15 лет 36 % особых детей мечтают об улучшении здоровья и все 100 % – о получении конкретной профессии. Но в 15 – 16 лет представление о будущем сужено – жизнь планируется на 5 лет и только в отношении работы. Эмоциональная окраска будущего отрицательная. Дети не уверены в своих шансах. Мечтают быть артистом, врачом, балериной, юристом, но понимают, что в лучшем случае будут переводчиком, машинисткой, швеей. Модель будущего бедна, ограничена в содержании и временной характеристике, в эмоциональном плане она отрицательна. В структуре модели будущего появляются противоречивые моменты. С одной стороны, желаемое будущее компенсирует ограничение реальных возможностей, имеет положительную окраску и отражает защитный механизм от возможных неудач. С другой стороны, низкий уровень удовлетворенности собой порождает внутриличностный конфликт с последующим формированием различных неврозов, серьезно осложняющих межличностные взаимоотношения [3].

Семья является тем местом, где закладываются основы личности. В ней так же, как и в любом коллективе, формируется свой социально-психологический климат. Но в жизни семьи это явление имеет большее значение, чем в жизни другой группы, так как семья – это первичный фактор социализации индивида. И от характера климата в семейной группе зависит, в первую очередь, будущая социальная и индивидуальная сущность человека. Характер климата в семье непосредственно сказывается на психическом и физическом здоровье личности человека, на настроении и на его деятельности. В каждой семье, имеющей ребенка с ограниченными возможностями жизнедеятельности, существуют свои особенности, свой психологический климат, который так или иначе воздействует на ребенка, либо способствует его реабилитации, либо, наоборот, тормозит ее.

Переживания родителей, связанные с рождением больного ребенка, являлись предметом изучения во многих странах. Этот период принято считать наиболее тяжелым. Меняются отношения между супругами, весь уклад семейной жизни. Именно этот период является первым серьезным испытанием брака на прочность. И здесь очень многое зависит от самих супругов, особенно женщины – матери больного ребенка. Чаше распадаются семьи, в которых у женщины постоянно понижен фон настроения: она тревожна и раздражительна, весь семейный уклад подчинен исключительно нуждам больного ребенка, а потребности других членов семьи не учитываются. Известно, что исход таких отношений зависит от семейной ситуации, сложившейся до рождения больного ребенка. Если отношения были хорошими, то прогноз значительно лучше. Ребенок с физическими нарушениями, за которым нужен практически полный уход и у которого кроме того, проблемы с речью, не может анатомически разви-

ваться полноценно. Соответственно у родителей не бывает той свободы, которая появляется у родителей обычных детей, когда они развиваются и становятся самостоятельными [3].

Нередко родители больных детей стараются избегать конфликтов, опасаясь развода, потому что ухаживать за ребенком вместе легче. Ранее проводимые исследования показывали большое число случаев развода родителей больных детей.

В рамках системного подхода семья рассматривается как целостная система, реализующая совокупность функций, обеспечивающих полное удовлетворение потребностей членов семьи, характеризующаяся внешними и внутренними границами и иерархической ролевой структурой отношений. Понятие границы семейной системы определяет взаимоотношения между семьей, ее ближайшим социальным окружением (внешние границы) и между различными подсистемами внутри семьи (внутренние границы) [8]. Семья включает две основные подсистемы: подсистему супружеских отношений и подсистему родительно-детских отношений. Между супружеской и родительно-детской подсистемой существуют взаимосвязи и взаимообусловленность.

В концепции А. Адлера отражено, что поведение матери в отношении к ребенку играет ключевое, решающее значение для формирования чувства социальной общности и социальной идентичности. Такой фактор, как включенность отца в воспитание ребенка-инвалида, значительно влияет на его психологическое самочувствие. Вследствие отсутствия включенности отца в воспитание, а также в силу других причин, дети-инвалиды часто испытывают дискомфорт в семейных отношениях. Естественно, это всегда негативно. Ребенок-инвалид в таких семьях испытывает двойную нагрузку: неприятие обществом и подверженность феномену отчуждения в собственной семье. Суть психосоциальной реабилитации детей-инвалидов может состоять в снятии нервно-психического напряжения; коррекции самооценки; развитии психических функций – памяти, мышления, воображения, внимания; преодолении пассивности; формировании самостоятельности, ответственности и активной жизненной позиции; преодолении отчужденности и формировании коммуникативных навыков. Любое поведение, укрепляющее в детях чувство, что ими пренебрегают и не любят, приводит их к потере самостоятельности и неспособности к сотрудничеству [1]. Материнская любовь безусловна: ребенок любим просто за то, что он есть. Это пассивное переживание, материнской любви не нужно добиваться. Сама мать должна иметь веру в жизнь, не быть тревожной, только тогда она сможет передать ребенку ощущение безопасности. «В идеальном случае материнская любовь не пытается помешать ребенку взрастать, не пытается назначить награду за беспомощность». Отцовская любовь по большей части – это обусловленная любовь, ее нужно и, что важно, можно заслужить достижениями, выполнением обязанностей, порядком в делах, соответствием ожиданиям, дисциплиной.

В современных исследованиях выделяют такие параметры участия отца в воспитании ребенка, как доступность (присутствие отца и возможность ребенка обратиться к нему), включенность в совместную деятельность (прямые контакты, уход за ребенком, совместная деятельность), ответственность (финансовое и материальное обеспечение, организация образовательно-воспитательной среды). Активное участие отца в воспитании ребенка в раннем возрасте определяет формирование безопасной привязанности и эмоциональное благополучие развития ребенка, в младшем школьном возрасте активное участие отца находит отражение в высоких достижениях в учебной деятельности, в подростковом возрасте близкие и тесные отношения с отцом связаны с более высокой успеваемостью, эмоциональным благополучием. Ответственность отца за финансовое обеспечение детей опосредованно также влияет на благополучие развития ребенка, даже в том случае, когда отец проживает отдельно, и его контакты с ребенком носят ограниченный характер [7, с. 127 – 136].

По Адлеру, идеальный отец тот, кто относится к своим детям как к равным и принимает активное участие, наряду с женой, в их воспитании. Отец должен избегать двух ошибок: эмоциональной отгороженности и родительского авторитаризма, имеющих, как ни странно, одинаковые последствия. Дети, чувствующие отчужденность родителей, обычно преследуют, скорее, цель достижения личного превосходства, чем превосходства, основанного на социальном интересе. Родительский авторитаризм также приводит к дефектному стилю жизни. Дети деспотичных отцов тоже научаются бороться за власть и личное, а не социальное превосходство [1].

Реакция семьи на нарушения развития или болезнь ребенка во многом определяется ее идеологическим стилем; однако верно и обратное: такой ребенок может оказать влияние на ценности семьи. При рождении особого ребенка семья не только реагирует на сам этот факт, но и пересматривает сложившиеся в ней представления о людях с нарушениями. Нарушения развития не ограничены ни расовыми, ни культурными, ни социально-экономическими барьерами, так что особый ребенок может появиться на свет и в самой догматичной и полной предрассудков семье. В таком случае семье приходится не только столкнуться с тем, что означают для нее нарушения развития у ребенка психологически и практически, но и пересмотреть свое отношение к представителям одного из «меньшинств», а именно – к людям с ограниченными возможностями [8].

Изначальным звеном, формирующим благоприятный эмоциональный климат в семье, являются супружеские отношения. Удовлетворенность в браке является главной составляющей частью гармоничного развития семьи в целом. Наконец, согласно Адлеру, огромное влияние на развитие у ребенка социального чувства оказывают отношения между отцом и матерью. Так, в случае несчастливого брака, у детей мало шансов для развития социального

интереса. Если жена не оказывает эмоциональной поддержки мужу и свои чувства отдает исключительно детям, они страдают, поскольку чрезмерная опека гасит социальный интерес. Если муж открыто критикует свою жену, дети теряют уважение к обоим родителям. Если между мужем и женой разлад, дети начинают играть с одним из родителей против другого. В этой игре, в конце концов, проигрывают дети: они неизбежно много теряют, когда их родители демонстрируют отсутствие взаимной любви. Согласно Адлеру, выраженность социального интереса оказывается удобным критерием оценки психического здоровья индивидуума. Он ссылаясь на него, как на «барометр нормальности» – показатель, который можно использовать при оценке качества жизни человека [1].

По мнению С. Д. Лаптенко, важнейшими функциями семьи следует считать хозяйственно-бытовую организацию досуга своих членов, воспитательную. Отечественная социальная психология рассматривает семью как малую группу со специфическим целевым назначением, в первую очередь, семья является коллективом, поскольку ее внесемейная и внутрисемейная деятельность является социально значимой, общественно необходимой; семья, будучи включенной в социальную структуру общества, интегрирует его ценности. Возникающие рассогласования связаны с традиционными взглядами мужчин на распределение домашней работы, в соответствии с которыми основное бремя домашних забот ложится на женщину. Такая позиция способствует хронической перегрузке работающей жены [4]. По данным психологов, при почти равной по времени загруженности мужчин и женщин в общественном производстве женщины загружены домашним трудом в два с лишним раза больше, чем мужчины. Указанная перегрузка женщины, ограничивая ее время для полноценного отдыха, воспитания детей и профессионального роста, является причиной физического и нервного переутомления, что, в свою очередь, ухудшает психологический климат в семье и создает почву для конфликтов.

Для изучения специфики внутрисемейных отношений, особенностей организации семейной жизни было исследовано 306 семей, проживающих в г. Екатеринбурге и других городах Свердловской области. В соответствии с генеральной совокупностью, семьи, где есть девочки и мальчики с диагнозом ДЦП, распределились в пропорции 1:1,8 (семьи с девочками – 142; семьи с мальчиками – 164). Средний возраст детей составил 9 лет, возраст родителей – 27 – 45 лет. Семейный статус: полные семьи – 220, неполные – 86. Другим значимым показателем данной выборки выступает нарушение интеллекта, что часто является вторичным дефектом при ДЦП. Среди мальчиков с нарушением интеллекта – 50 человек, среди девочек – 40 человек.

В качестве психодиагностического инструментария были использованы: объективное наблюдение,

методика «PARI», адаптированная Т. В. Нещерет [5, с. 36]. Методика «PARI» позволяет выявить специфику внутрисемейных отношений, особенности организации семейной жизни и оценить родительско-детский контакт с точки зрения его оптимальности. В методике выделены 23 аспекта-признака, касающихся разных сторон отношения к семейной роли, и 15 – касаются родительско-детских отношений.

Данные показывают, что в аспекте отношений, обеспечивающих воспитание ребенка (признак ощущения самопожертвования), большинство родителей имеют высокий процент по шкалам. Можно предположить, что фактор ребенка (больного ребенка) оказывает существенное влияние на одного из родителей. Они чувствуют, что жертвуют своими личными интересами, свободой и возможностью профессионального роста ради больного ребенка. В исследованиях родительских установок с позиции здорового ребенка указывается, что «ребенок играет роль, чтобы оправдывать озабоченность или иной поведенческий стереотип одного из родителей по отношению к нему». Роль каждого из родителей важна: вовлеченность ребенка непосредственно зависит от тревоги в отношениях родителей. Большинство родителей отличаются избыточным контролем по отношению к ребенку, приобретающим авторитарные черты.

В контексте семьи на взаимоотношения родителей и ребенка оказывают влияние множественные факторы, среди которых [6, с. 80] на первый план выходят факторы отца, матери и ребенка, факторы отношений матери и отца, а также влияние окружающей среды. Важнейшей детерминантой отношений отца и матери, как показали исследования, является поддерживающий совместный брак, так как это вносит определенную ответственность в отношения между партнерами.

Рассмотрим рис. 1, в котором представлены результаты методики «PARI» – аспект внутрисемейных отношений. Если рассматривать межсупружеский аспект отношений («безучастность» мужа, невключенность в дела семьи), то здесь данные свидетельствуют в пользу полных семей, имеющих детей с ДЦП с сохранным интеллектом (27 %). На первый взгляд, это не соответствует общепринятым представлениям о высокой вероятности распада семьи. С другой стороны, современные данные свидетельствуют, что воспитание ребенка с нарушениями развития имеет позитивное влияние на личностное развитие родителей и на функционирование семьи в целом. В частности, улучшаются отношения между супругами, растет терпимость и сотрудничество, катализируется личностный рост родителей. Считается, что эти изменения являются результатом так называемых трансформирующих переживаний, ведущих к переосмыслению жизненных ситуаций, порождению новых ценностей и смыслов [10, с. 200].

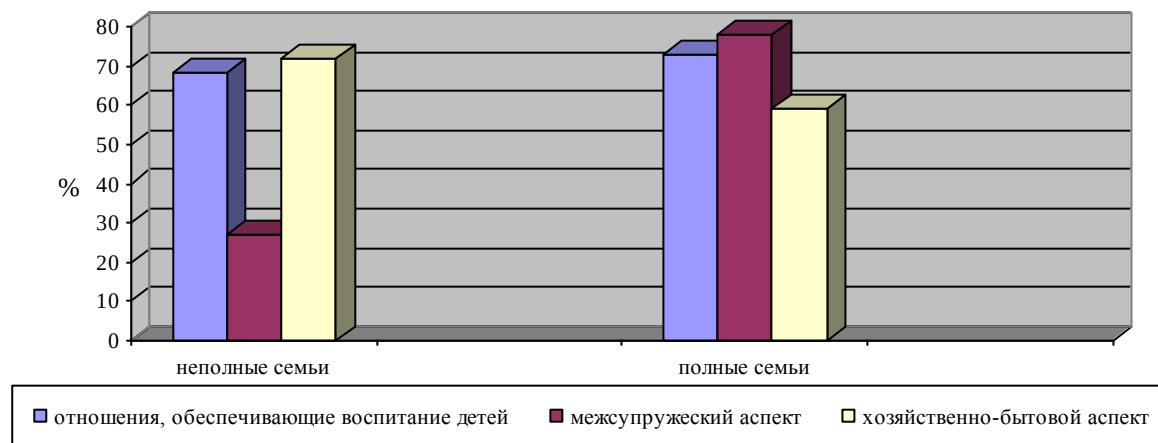

Рис. 1. Семьи, воспитывающие детей с детским церебральным параличом с сохраненным интеллектом

В хозяйственно-бытовом аспекте отношений больший процент по шкале (72 %) имеют неполные семьи, воспитывающие детей с ДЦП с сохраненным интеллектом. Это свидетельствует о приоритете семейных проблем у матерей, воспитывающих детей без отца, о неудовлетворенности ролью хозяйки, постоянной усталости в обстановке угнетенного, тревожного семейного климата. Психоэмоциональное напряжение может привести мать к раздражению, состоянию депрессии. Эмоциональные перегрузки вызывают определенные изменения в поведении и

здоровье матери, что отражается на ребенке. Получается замкнутый круг: болезнь, инвалидность ребенка вызывают стресс у матери, а последствия стресса усугубляют болезнь ребенка.

Данные показывают, что в аспекте отношений, обеспечивающих воспитание ребенка (признак ощущения самопожертвования), большинство родителей имеют высокий процент по шкалам. Можно предположить, что фактор ребенка (больного ребенка) оказывает существенное влияние на одного из родителей.

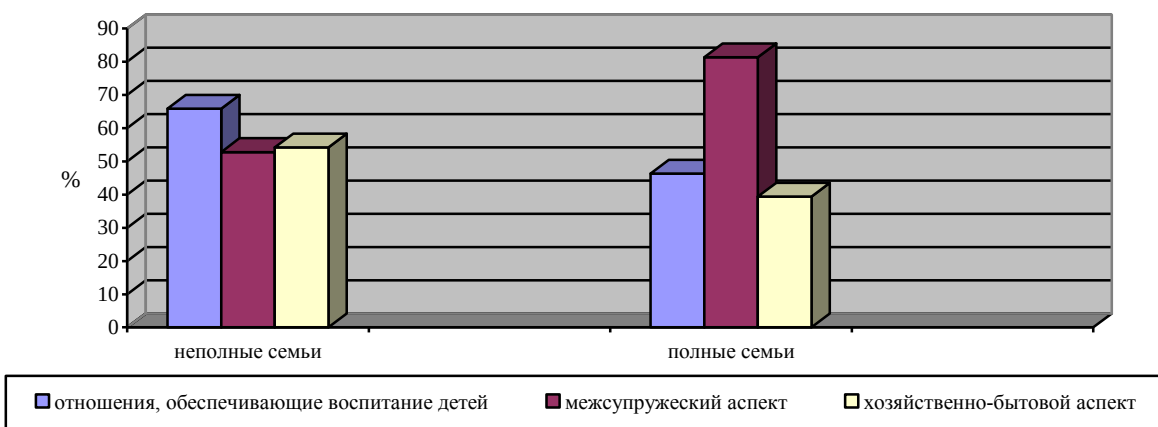

Рис. 1. Семьи, воспитывающие детей с детским церебральным параличом с нарушенным интеллектом

Из рис. 2 мы видим, что полные семьи, имеющие детей с ДЦП, осложненные нарушением интеллекта, в межсупружеском аспекте, как выявлено в нашем исследовании, имеют высокий процент по шкале (81,3 %). Это говорит о том, что происходит дисфункция одного из супругов. Семьи находятся в условиях психотравмической ситуации. Часто семейные отношения ослабевают, постоянная тревога за больного ребенка, чувство растерянности, подавленности являются причиной распада семьи. Значительная часть недифференцированности оседает в адаптивной позиции одного из супругов. Псевдо-Я

адаптирующегося супруга вливается в псевдо-Я доминирующего супруга, который принимает на себя все больше и больше ответственности за семью. «Подавляемый» муж, с целью избежать конфликта, становится безучастным в воспитании ребенка, таким образом еще осложняя складывающуюся ситуацию. Естественно, это усугубляет возмущение матери, усиливает ее раздражительность и недовольство мужем, провоцирует новые конфликты, еще больше осложняя межсупружеские отношения, отдаляя супруга. Изменившаяся ценностная установка отца вследствие психологического стресса приводит к

охлаждению чувств, разводу и уходу из семьи. В отдельных случаях на месте остывших чувств может возникнуть жалость к жене, снисхождение к ее трудностям, терпение, что, как правило, зависит от уровня культуры взаимоотношений бывших супругов. Подобное отношение со стороны близкого человека травмирует личность матери ребенка, снижает ее самооценку, формирует невротичные и психосоматические черты личности. С другой стороны, в сознании матери снижается статус супруга как отца ребенка. Неприятие отцом нарушений развития ребенка становится причиной отчуждения жены от мужа. Женщина стремится восполнить своим материнским теплом отсутствие любви и заботы по отношению к ребенку со стороны отца. Посвящая свою жизнь ребенку, она постепенно отдаляется от супруга, что также приводит к разрыву супружеских взаимоотношений и разводу.

В хозяйственно-бытовом аспекте отношений низкий процент по шкале (39,4 %) имеют полные семьи, воспитывающие детей с ДЦП с нарушенным интеллектом. Это свидетельствует о том, что матери руководят домом, мужем и детьми, организуют быт семьи и в тоже время боятся остаться одной в первые годы воспитания ребенка. Отношение к семейной роли включает ограниченность интересов женщины рамками семьи, ощущения самопожертвования в роли матери, семейные конфликты, «безучастность» мужа, неудовлетворенность ролью хозяйки, несамостоятельность матери.

В аспекте отношений, обеспечивающих воспитание ребенка, большой процент по шкалам имеют неполные семьи, воспитывающие детей с ДЦП, осложненные нарушением интеллекта (65,8 %). Эти показатели указывают на нестабильность среды для развития личности, отсутствие эмоциональной моральной поддержки. Матери, выражаясь словами Л. С. Выготского «...видят в ненормальности только болезнь», подмечают «крупницы дефектов», не замечая «пудов здоровья» [2, с. 42]. Мать меньше времени уделяет больному ребенку, весь акцент направлен на «устройство» личной жизни. Возможно, недовольство семейным статусом, потеря своей индивидуальности, препятствие росту личности порождает у матери отвержение ребенка.

Таким образом, семья способна выдержать определенный объем недифференцированности, который может быть сосредоточен в одной сфере или распределен в разных долях по всем трем (конфликт между супругами, дисфункция одного из супругов,

процесс семейной проекции). Родители, имеющие ребенка с ограничениями жизнедеятельности, действуют с позиции Мы, конфликты сведены до минимума, вся тяжесть недифференцированности ложится на больного ребенка. Важнейшим условием, определяющим специфику личности, считаются особенности и характер родительно-детских отношений. Отношения родителей к ребенку отличаются противоречивым характером. С одной стороны, они проявляют мягкость, терпение, направленность на ребенка, с другой – раздражение, безучастность, равнодушие. Последствия неадекватного стиля и депривации различного типа в отношениях родителей и детей негативно скажутся на всех сферах жизнедеятельности ребенка.

Литература

1. Адлер, А. практика и теория индивидуальной психологии [Текст] / А. Адлер. – М., 1993. – 360 с.
2. Выготский, Л. С. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 5. Основы дефектологии [Текст] / Л. С. Выготский; под ред. Т. А. Власовой. – М.: Педагогика, 1983.
3. Левченко И. Ю. Психологическая помощь семье, воспитывающей ребёнка с отклонениями в развитии [Текст] / И. Ю. Левченко, В. В. Ткачева. – М.: Просвещение, 2008. – 240 с.
4. Лаптенков, С. Д. Семья и духовное развитие личности [Текст] / С. Д. Лаптенков. – Минск: Беларусь, 1977. – 126 с.
5. Карелин, А. Большая энциклопедия психологических тестов [Текст] / А. Карелин. – М.: Эксмо, 2006. – 416 с.
6. Doherty, W. J. et al. Family theories and methods: A contextual approach / W. J. Doherty. – N.Y.: Plenum Press, 1993.
7. Cabrera, N. Fatherhood in the Twenty-First Century / N. Cabrera, C. S. Tamis-LeMonda, R. H. Bradley, S. Hofferth, M. E. Lamb. – Child Development. – Vol. 71. – № 1.
8. Marshak, L. Counseling persons with physical disabilities: Theoretical and clinical perspectives / L. Marshak, M. Seligman (Pro-Ed, 1993).
9. Minuchin, S. Families and Family Therapy / S. Minuchin. Cambridge: Harvard Univ. Press, 1974.
10. Scorgie K. Transformational outcomes associated with parenting children who have disabilities / K. Scorgie, D. Sobsey // Mental Retardation. – 2000. – V 38. – № 3.

УДК 159.944.4-057.36

**ПСИХИЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ, ПРОИСХОДЯЩИЕ С ЛИЧНОСТЬЮ СОТРУДНИКА
ОТРЯДА ОСОБОГО НАЗНАЧЕНИЯ В ПЕРИОД ПОДГОТОВКИ
К ВЫПОЛНЕНИЮ ОПЕРАТИВНО-СЛУЖЕБНЫХ ЗАДАЧ
В ХОДЕ АНТИТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ ОПЕРАЦИИ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ**

И. В. Якушев, Н. П. Расписенко

**PSYCHICAL CHANGES OF THE SPECIAL DETACHMENT EMPLOYEES' PERSONALITY
IN THE PERIOD OF PREPARATION FOR THE OPERATIONAL-SERVICE TASKS IN THE
COURSE OF THE ANTITERRORIST OPERATION IN THE NORTH CAUCASUS**

I. V. Yakushev, N. P. Raspisenko

В статье рассматривается влияние фактора «стрессожидания» служебной командировки в зону вооруженного конфликта на личность сотрудников отрядов особого назначения в период подготовки.

This article considers the influence of stress-waiting factor caused by the official mission to the armed conflict zone on personalities of employees of the special detachment in the period of preparation.

Ключевые слова: фактор «стрессожидания», отряд особого назначения (ООН), экстремальная ситуация, дисциплинарные нарушения различных типов акцентуаций.

Keywords: Stress-waiting factor, special detachment (SD), extreme situation, disciplinary violations of different types of accentuations.

Личный состав ООН постоянно привлекается к выполнению сложных оперативно-служебных (боевых) задач антитеррористической операции в Северо-Кавказском регионе для обеспечения конституционного порядка, пресечения преступных действий бандформирований. Специфика несения службы ООН характеризуется четкостью, быстротой выполнения поставленных задач и сопряжена с риском для жизни. Высокие требования предъявляются к состоянию физического и психического здоровья кандидата, принимаемого на службу, а также изучается его социально-правовой аспект. Сотрудник ООН должен обладать высоким самоконтролем, оптимальным уровнем тревожности, низким уровнем напряженности и лабильности, быть эмоционально устойчивым и разумно относиться к риску [10, с. 152]. Исследования показывают, что в экстремальной ситуации требования к отдельным психическим свойствам резко повышаются, при этом многие механизмы компенсации личности не срабатывают. Осознание сотрудниками ООН того обстоятельства, что им предстоит служебная командировка на Северный Кавказ через три месяца, сопровождается эмоциональными переживаниями и отрицательными психическими состояниями.

Методом анкетирования (на примере Сибирского и Центрального федеральных округов Российской Федерации) был выявлен ряд опасений, которые влияли на настроение, поведение личного состава, убывающего в служебную командировку: расставание с близкими людьми (100 %), отсутствие женского внимания (100 %), длительность командировки (100 %), однообразие жизни в течение шести месяцев (100 %), плотный график работы (100 %), потеря времени (91 %), трудности привыкания к новому распорядку дня (76 %), «необустроенность» проживания в служебной командировке (70 %), незнание нового места дислокации (70 %), плохое обеспечение продуктами питания (70 %), чувство тревоги за

родных (60 %), «психологические трудности» (43 %), смена климата (13 %).

Согласно результатам проведенного анкетирования, 100 % опрошенных отметили, что трудность службы создается «длительностью командировки», «однообразием» и «плотным графиком работы». Основным возрастом сотрудников, которые несут службу в отрядах особого назначения МВД России, в среднем от 25 до 39 лет – 74 % от общего числа сотрудников ООН (средние показатели возрастного состава сотрудников в отрядах особого назначения МВД России на 2010 г.: моложе 25 лет – 18 %, от 25 до 39 лет – 74 %, от 40 до 45 лет – 5 %, старше 45 лет – 3 %). В работе Г. Крайга выявлено, что важнейшей ценностью для большинства этой возрастной категории является семья и воспитание детей [4, с. 733], поэтому такие понятия, как «отсутствие женского внимания» и «потеря времени» являются для них не менее актуальными. В ходе опроса выявлено, что личный состав, убывающий в служебную командировку на Северный Кавказ, обеспокоен тем, что дома остаются незавершенные дела бытового характера. Практика показала, что все эти трудности и незавершенные дела являются мощным фактором «стрессожидания служебной командировки на Северный Кавказ», который, в свою очередь, провоцирует эмоциональную неустойчивость в поведении сотрудников как на службе, так и в быту. В ходе исследования был проведен сравнительный анализ дисциплинарной практики, заболеваемости сотрудников ООН Сибирского региона и, как результат, выявлен рост числа увольнений среди личного состава перед служебной командировкой на Северный Кавказ (таблица 1). Для сравнения были выбраны 2 группы:

1 группу составили сотрудники ООН, непосредственно направляемые в служебную командировку на Северный Кавказ (анализ проводился за 45 дней до начала служебной командировки) в количестве

45 человек (из них 40 – направляемые в служебную командировку и 5 сотрудников составили резерв);

2 группа – это сотрудники отряда особого назначения, которых руководство отряда не планировало

отправлять в служебную командировку на Северный Кавказ в количестве 55 человек.

Таблица 1

Объективные показатели влияния фактора «стрессожидания» на личный состав отряда особого назначения в период подготовки к служебной командировке на Северный Кавказ

<i>Период</i>	<i>Объективные показатели</i>	<i>Группа сотрудников, непосредственно направляемая в СКР</i>	<i>Группа сотрудников, которых руководитель не планировал отправлять в СКР</i>
2008 год (за 45 дней до служебной командировки на Северный Кавказ)	количество дисциплинарных нарушений	10 (22 %)	0 (0 %)
	количество больничных листов	28 (62 %)	4 (7 %)
	количество уволенных сотрудников	6 (13 %)	1 (2 %)
2009 год (за 45 дней до служебной командировки на Северный Кавказ)	количество дисциплинарных нарушений	6 (13 %)	0 (0 %)
	количество больничных листов	40 (80 %)	6 (11 %)
	количество уволенных сотрудников	4 (9 %)	0 (0 %)
2010 год (за 45 дней до служебной командировки на Северный Кавказ)	количество дисциплинарных нарушений	10 (22 %)	2 (4 %)
	количество больничных листов	45 (100 %)	4 (7 %)
	количество уволенных сотрудников	8 (18 %)	0 (0 %)

Как показал анализ дисциплинарной практики, за 45 дней до предстоящей командировки увеличивается количество нарушений со стороны сотрудников, непосредственно направляемых в служебную командировку на Северный Кавказ. Среди дисциплинарных нарушений отмечены следующие: недостойное поведение в быту, выразившееся в появлении в общественном месте в состоянии алкогольного опьянения, а также управление транспортным средством в состоянии алкогольного опьянения. Непосредственные наблюдения за сотрудниками этого отряда выявили, что субъективные состояния переживаются, в первую очередь, как раздражительность, усталость, вялость. Это создает негативный эмоциональный фон, который способствует тому, что они все воспринимают без оптимизма, а это усиливает состояние напряженности личности сотрудника. Анализ заболеваемости личного состава, убывающего в служебную командировку на Северный Кавказ, за 45 дней показывает, что резко увеличивается количество обращений (среди сотрудников, непосредственно отправляющихся в служебную командировку) к врачу за медицинской помощью.

По определению Н. Д. Левитова, эмоциональное состояние – это целостная характеристика психиче-

ской деятельности за определенный период времени, показывающая своеобразие протекания психических процессов в зависимости от отражаемых предметов и явлений действительности, предшествующего состояния и психических свойств личности [5, с. 28]. Поэтому важно изучение влияния фактора «стрессожидания» на личность сотрудников отрядов особого назначения, убывающих в служебную командировку.

Использование методики «Акцент 2-90» (автор М. И. Вигдорчик), направленной на исследование личности, позволило получить усредненный профиль сотрудника отряда осуществляющего служебную деятельность в месте постоянной дислокации за год до служебной командировки на Северный Кавказ. В обследовании участвовало 300 сотрудников ООН Центрального и Сибирского округов (из них 200 – сотрудники Центрального округа, 100 сибирского округа). С помощью критерия Стьюдента для независимых выборок сравнивались средние значения степени выраженности различных типов акцентуации в группах сотрудников Центрального и Сибирского округов. Результаты применения данного критерия представлены в таблице 2.

Таблица 2

**Средние значения степени выраженности различных типов акцентуаций
в группах сотрудников отрядов особого назначения Центрального и Сибирского округов
за год до отправления в служебную командировку на Северный Кавказ**

<i>Акцентуация</i>	<i>Среднее значение признака в группе</i>		<i>Уровень значимости различий (p)</i>
	<i>Центрального округа</i>	<i>Сибирского округа</i>	
Гипертимность	18,06	17,85	0,83
Застревание	11,79	10,8	0,14
Эмотивность	10,89	10,5	0,65
Педантичность	9,66	10	0,76
Тревожность	5,13	5,7	0,66
Циклотимность	7,92	9,6	0,16
Демонстративность	13,72	13,2	0,51
Возбудимость	8,821	7,8	0,27
Дистимия	7,389	7,95	0,57
Экзальтированность	12,21	11,4	0,30
Интроверсия	10,13	10,5	0,67

Анализ результатов, представленных в таблице 1, позволяет сделать вывод о том, что в исследуемых группах испытуемых не существует статистически значимых различий в средних значениях степени выраженности различных черт акцентуации характера, что позволяет нам рассматривать профили как близкие и описать их следующим образом: в целом, профили спокойные и не имеют выраженных мотивационных искажений, поэтому значениям теста можно доверять и рассматривать их как достоверные. На момент обследования сотрудники имели повышенное (Гипертимность – 18; 17) и устойчивое (Циклотимность – 8; 9) настроение. При достаточно выраженной Гипертимности и не выраженной Интроверсии (10), а также низкой Дистимности (7) можно говорить о жизнеутверждающих мотивах поведения и активной позиции оптимистически настроенных личностей. В межличностных отношениях преобладают положительный настрой и позитивное отношение к жизни. Таких людей отличает весёлый нрав, чувство юмора, коммуникабельность, равно как и лёгкое отношение к собственным промахам и недостаткам, и некоторая необязательность, безответственность. Показатели шкалы Возбудимости, свидетельствующие в высоких значениях о достаточно выраженной вероятности проявления агрессии на поведенческом уровне в прямом отреагировании, у наших обследуемых (испытуемых) соответствует значению (8 – 9), что даёт основание говорить о присутствии подконтрольной агрессии. Однако нормативный фактор, призванный сдерживать агрессию, таковым является шкала Педантичности, значения которой (10) в целом являются недостаточно выраженными для сдерживания истинной агрессии. Таким образом, можно предположить, что при стрессе или ином провоцирующем факторе адаптационный режим может быть легко нарушен, значения нормативного фактора Педантичности снизятся, и неконтролируемая агрессия найдёт свободный выход, а это нежелательный прогноз для предполагаемого поведения сотрудника от-

ряда (вероятность неадекватного реагирования, проявления девиантного поведения). Шкала Застревания имеет в профилях значение (11 – 12), что свидетельствует о латентной форме проявления честолюбивых потребностей личностей обследуемых, и, скорее, можно говорить о мотивации избегания неуспеха, нежели о мотивации достижения. Невысокими являются и показатели Циклотимности (7; 9), что позволяет говорить об устойчивом настроении, отсутствии его колебаний, что придаёт стабильности и надёжности личности в целом. Тем не менее латентные значения Интроверсии (в «спокойном» состоянии) не позволяют абсолютно исключить наличие внутреннего напряжения у испытуемых, но мы его (внутреннее напряжение) рассматриваем, при отсутствии явно выраженной Интроверсии, хотя бы в значении (12), как необходимый компонент ПВК (профессионально-важных качеств) сотрудника ООН для его эффективной деятельности. Сочетание таких показателей, как достаточно высокая Гипертимность (18) и выраженная Демонстративность (14; 13 – достаточно выраженные значения для мужчин) при низкой Тревожности (5; 6 – что свидетельствует о низкой рефлексивности, т. е. критичности и объективности в оценке себя и своих действий), свидетельствует о наличии ярко выраженного инфантильного показателя личностей сотрудников отрядов и трактуется, как личностная незрелость. Инфантильные черты усиливаются ещё и выраженными значениями (для мужчин) Экзальтированности (12) и Эмотивности (11), что позволяет говорить об эмоциональной незрелости личности. Вывод: испытуемая личность хорошо адаптирована, находится в согласии с собой и окружающим её миром. Рассмотрим усреднённый профиль сотрудников ООН на примере Сибирского региона в ситуации, когда сотрудники через 45 дней отправятся в служебную командировку на Северный Кавказ.

Таблица 3
**Средние значения степени выраженности
различных типов акцентуаций
в группах сотрудников отрядов
особого назначения Сибирского округа**

	<i>В период службы (за год до команди- ровки)</i>	<i>За 45 дней до служеб- ной коман- дировки в Северо- Кавказский регион</i>
Гипертимность	17,85	19
Застывание	10,8	13
Эмотивность	10,5	11
Педантичность	10	11
Тревожность	5,7	6
Циклотимность	9,6	8
Демонстративность	13,2	10
Возбудимость	7,8	9
Дистимия	7,95	9
Экзальтированность	11,4	12
Интроверсия	10,5	12

Незначительные изменения наблюдаются в показателях шкал: Педантичности (11) – она несколько повышается, повышается контроль; Тревожности (6) – незначительно повышается ситуативная тревожность; несколько снижаются показатели шкалы Демонстративности (10) – а значит, снижается эгоцентричность, сужается ролевой диапазон поведения; несколько повышается Дистимность (9) – что даёт сигнал о понижении настроения, хотя показатели Гипертимности (19) пока об этом не «говорят», но, самое главное, повышается Интроверсия (12), она становится выраженной – свидетельствует о нарастании внутреннего напряжения, что легко нарушает адаптационный режим личности. Увеличивающиеся Интроверсия (12) и Дистимность (9) дают основание делать вывод о серьёзном снижении Гипертимности. Испытуемые пытаются сохранять прежнюю весёлость и непринуждённость, оптимистичность и жизненную энергию, что отражается в показателе Гипертимности (19), но это лишь желание, мотивационное искажение. Истинное состояние – это потеря жизненной активности, силы, приподнятого настроения и позитивного настроения.

Ряд психологических изменений, происходящих с сотрудниками перед служебной командировкой на Северный Кавказ, обусловлены воздействием на них фактора «стрессожидания». Такие психоэмоцио-

нальные состояния могут обуславливать риск заболевания неврозом, так как в основе психосоматического заболевания лежит реакция на эмоциональное переживание, сопровождающееся функциональными изменениями в организме человека [6, с. 47].

Поэтому на стадии подготовки к предстоящей служебной командировке необходима помощь личному составу как со стороны психолога подразделения, так и его руководителя.

Литература

1. Андреев, Н. В. Формирование групп и работа с личным составом ОВД в особых условиях: метод. пособие / Н. В. Андреев. – М.: Академия МВД России, 1996.
2. Буданов, А. В. Обучение сотрудников правоохранительных органов тактике и методам обеспечения личной безопасности / А. В. Буданов. – М.: Академия управления МВД России, 1997.
3. Космолинский, Ф. П. Эмоциональный стресс при работе в экстремальных условиях / Ф. П. Космолинский. – М.: Медицина, 1976.
4. Крайг, Г. Психология развития / Г. Крайг. – СПб.: Питер, 2000.
5. Левитов, Н. Д. О психических состояниях человека / Н. Д. Левитов. – М.: Просвещение, 1964.
6. Малкина-Пых, И. Г. Психосоматика: справочник практического психолога / И. Г. Малкина-Пых. – М.: Эксмо, 2005. – 992 с.
7. Организация психологической реабилитации сотрудников органов внутренних дел: методическое пособие / под общей редакцией доктора психологических наук М. И. Марьина. – М.: ГУК МВД России, 2002.
8. Папкин, А. И. Личная безопасность сотрудников органов внутренних дел: учеб. пособие / А. И. Папкин. – М., 1996.
9. Психологическое обеспечение деятельности органов внутренних дел в экстремальных условиях: методическое пособие. – М.: УВР ГУК и КП МВД России, ЦОКП МВД, 2001.
10. Смирнов, В. Н. Профессионально-психологическое обеспечение деятельности сотрудников органов внутренних дел в экстремальных условиях: учебно-методическое пособие / В. Н. Смирнов. – Домодедово: ВИПК МВД России, 2003. – 152 с.
11. Социально-психологическая диагностика личности и группы: психодиагностический практикум. – Изд. первое / Н. П. Фетискин, Т. И. Миронова. – Кострома: Изд-во КГУ им. Н. А. Некрасова, 2001.

УДК 612:378.062.1:153

ПСИХОФИЗИОЛОГИЧЕСКИЙ СТАТУС СТУДЕНТОВ В ПЕРИОД АДАПТАЦИИ К ОБУЧЕНИЮ НА ФАКУЛЬТЕТЕ КОРРЕКЦИОННОЙ ПЕДАГОГИКИ***В. М. Кирсанов, Д. З. Шибкова*****STUDENTS' PSYCHOPHYSIOLOGICAL STATUS DURING THE PERIOD OF ADAPTATION TO STUDYING AT THE FACULTY OF CORRECTIONAL PEDAGOGY*****V. M. Kirsanov, D. Z. Shibkova***

В статье представлены особенности адаптации студентов к обучению на факультете коррекционной педагогики на основе анализа личностных характеристик (активность, направленность, мотивация, саморегуляция, ценностные ориентации), взаимосвязи типа личности и сферы профессиональной деятельности, а также показателей энергетического метаболизма (уровень постоянного потенциала головного мозга).

The article addresses peculiarities of students' adaptation to studying at the faculty of correctional pedagogy based on analysis of personal characteristics (sthenia, focus, motivation, self-adjustment, system of values), interrelation of the personality type and the sphere of professional activities, as well as indexes of energy metabolism (the level of constant brain potential).

Ключевые слова: личностные особенности, энергетический метаболизм, сверхмедленные физиологические процессы, уровень постоянного потенциала.

Keywords: personal characteristics, energy metabolism, super slow physiological processes, the level of permanent capacity.

Введение. Обучение в вузе является одним из наиболее важных этапов формирования личности современного человека. В связи с этим важно знать насколько успешно протекает процесс адаптации к профессиональному обучению, в частности, по специальностям коррекционной направленности. Показатели академической успеваемости, уровень приобретенных знаний, навыков и умений обучающихся могут служить индикаторами эффективности образовательного процесса, но не являются достаточными. Важно знать, какой ценой достигается эффективность деятельности индивида, насколько эффективно действуют его механизмы адаптации к профилю обучения.

Учебная деятельность, как и любые другие виды активности, является затратной и предполагает наличие определенных ресурсов для восполнения энергетического потенциала. Уровень учебных нагрузок (особенно в высшем образовании) достаточно высок, и несоблюдение определенных условий сохранения здоровья обучающихся (своевременная диагностика состояний переутомления, соблюдение режима отдыха, бодрствования, профилактика заболеваний и т. д.) может привести в конечном итоге к снижению адаптации к условиям обучения. Эта идея подтверждена результатами научных исследований, отраженных в работах Н. А. Агаджаняна, Э. М. Казина, В. П. Казначеева, Н. А. Литвиновой, Н. А. Фомина, Д. З. Шибковой [1, 7, 8, 9, 15, 16]. Актуальность оценки функциональных состояний и показателей энергетического баланса студентов определяется тем, что показатели энергетического метаболизма могут служить надежными индикаторами-предшественниками состояний переутомления человека.

Исследования в области функциональных состояний объединяют широкий спектр методов и подходов к изучению механизмов внутри- и межсистемных взаимодействий, обеспечивающих многообразие алгоритмов приспособительной деятельности человека во взаимодействии с факторами

среды (П. К. Анохин, В. И. Медведев, А. Б. Леонова, Н. Н. Василевский, В. В. Трубачев, В. П. Казначеев, В. И. Климова-Черкасова, А. М. Зимкина, Н. Н. Данилова и др.) [4]. В исследованиях последних лет наблюдается отчетливое смещение акцентов к изучению физиологических основ индивидуально-типологических особенностей функциональных состояний человека. При использовании системного подхода в большей мере раскрывается значение отдельных систем в механизмах регуляции функциональных состояний человека (Н. П. Бехтерева, А. Н. Меделяновский, К. В. Судаков, В. А. Илюхина, Н. Р. Коерчен, А. Р. Fishman). Особое внимание уделяется изучению сверхмедленных биологических потенциалов, которые, в свою очередь, рассматриваются рядом авторов как показатели энергетического метаболизма нервной системы в целом и головного мозга в частности (Н. А. Аладжалова, В. А. Илюхина, В. Ф. Фокин, Н. В. Пономарева, И. С. Баскаков и др.). Показана базисная роль одного из видов сверхмедленных физиологических процессов головного мозга, так называемого постоянного потенциала или устойчивого потенциала милливольтового диапазона, в обеспечении уровней бодрствования, эмоций, мнестических и двигательных функций (Н. П. Бехтерева, Т. И. Грекова, В. М. Смирнов, В. А. Илюхина, Д. К. Камбарова) [4, с. 7, 48].

Исследование взаимосвязи между деятельностью мозга и его энергетическим обменом в настоящее время получило новые перспективы благодаря возможности регистрировать показатели церебрального энергетического обмена и функциональной активности непосредственно в процессе жизнедеятельности человека. Это позволяет изучать регуляцию нейрофизиологических и энергетических процессов при различных функциональных состояниях.

Метод оценки церебрального энергетического обмена с помощью регистрации уровня постоянного потенциала мозга основан на том, что данный элек-

трофизиологический феномен зависит от интенсивности церебрального энергетического обмена. Церебральный энергетический обмен тесно связан с функциональным состоянием организма. В то же время в зависимости от функционального состояния меняются многие психофизиологические характеристики личности, поскольку каждое функциональное состояние представляет собой единство физиологических, биохимических, гормональных и других составляющих, которые, в свою очередь, оказывают влияние на психические процессы [14, с. 199, 214, 255].

Электрическая активность коры больших полушарий проявляется во множестве различных форм – от быстрых импульсных разрядов до сверхмедленных полушарных волн. Термин «сверхмедленные физиологические процессы» (СМФП) – собирательное понятие, используемое для описания физиологически обусловленной динамики биопотенциалов головного мозга в диапазоне от 0 до 0,5 Гц. [2]. Под «уровнем постоянного потенциала» (УПП – это разновидность медленных электрических процессов) понимают устойчивую разность потенциалов милливольтного диапазона, регистрируемую между мозгом и референтными областями с помощью усилителей постоянного тока. Метод регистрации УПП представляет собой оценку энергетического состояния мозга через индикацию, диагностику и анализ уровня постоянного потенциала (омега-потенциала) головного мозга.

Методика. Традиционно для оценки степени снижения функциональных возможностей человека применяется психофизиологический подход, для оценки параметров психики – психологический (психолого-педагогический). Мы полагаем, что для более точного определения состояния личности необходимо дополнить психолого-педагогический подход психофизиологическими данными. Только равнозначное присутствие психофизиологической и психологической составляющих может обеспечить строго научный подход к оценке функциональных состояний и показателей энергетического баланса. В соответствии с комплексным подходом обследование обучающегося должно включать психодиагностические методики, направленные на изучение особенностей его личности и определение его психического состояния (психологический подход), а также диагностику индикаторов энергетического состояния нервной системы, например исследование УПП (психофизиологический подход).

Методика проведения исследования включала в себя два этапа. Предварительно проводился опрос самочувствия испытуемых. На первом этапе исследовалась психическая сфера студентов с помощью батареи психодиагностических методик, направленных на изучение структуры личности в соответствии с теорией многомерно-функционального подхода А. И. Крупнова: диагностика активности (опросник «Порог активности»), мотивации (методика «Структурные уровни мотивационно-потребностной сферы» Н. Н. Демиденко и методика «Мотивация обучения в вузе»), направленности (опросник «Направленность личности»), саморегуляции (оп-

росник «Волевой самоконтроль»), ценностных ориентаций (опросник терминальных ценностей «ОТеЦ»

И. Г. Сенина). Также студенты тестировались на предмет предрасположенности к определенному типу профессий (опросник Дж. Холанда).

На втором этапе проводился анализ показателей энергетического метаболизма головного мозга, в частности, регистрация уровня постоянного потенциала (УПП) в лобном, височных (правое, левое), затылочном и теменном отведениях; исследовалась функциональная асимметрия мозга (ФАМ) (сопоставление показателей УПП в височных отведениях). Измерение УПП осуществлялось в монополярных отведениях в соответствии с международной схемой 10 – 20 с помощью анализатора медленной электрической активности АМЕА (комплекс аппаратный для индикации, регистрации и анализа медленной электрической активности мозга) разработанный ООО НПО «Нейроэнергетика» (г. Москва, 2010).

Исследования В. Ф. Фокина, И. С. Баскакова, Н. В. Пономаревой и др. показали, что специфика УПП связана с их происхождением. Поскольку сосудистые потенциалы зависят от изменения pH, то УПП можно использовать при определенных условиях для оценки церебрального энергетического метаболизма [14].

Организация и методы исследования. В исследовании приняли участие студенты 1-го курса дневного отделения в количестве 60 человек (все испытуемые женского пола) в возрасте от 17 до 21 года, обучающиеся на факультете коррекционной педагогики. Исследование проводилось в период адаптации студентов к обучению в вузе (второй семестр I курса), за месяц до начала летней экзаменационной сессии. Поскольку у студентов первого курса это вторая сессия, то влияние эффекта новизны такой формы отчетности, как сессия в вузе, можно считать незначительным.

Результаты и их обсуждение. Успешность обучения по выбранной специальности во многом определяется тем, насколько личностные особенности человека соответствуют требованиям данной профессии. С этой целью в нашем исследовании проводилось определение психологического типа личности и соответствующей ему сферы профессиональной деятельности по методике Дж. Холанда. Распределение испытуемых по результатам данной методики выглядит следующим образом: к реалистичному, интеллектуальному, предприимчивому типам относилось по 8,3 % испытуемых, к социальному – 76,7 %, к конвенциональному – 1,7 %, к артистическому – 40 %. Методика предполагает, что у отдельно взятого испытуемого могут быть набраны высокие баллы по нескольким классификациям типа личности (и соответственно по нескольким сферам профессиональной деятельности). Поэтому процентные доли по отдельным типам в сумме отличаются от 100 % [12].

Как видно из представленных результатов, подавляющее большинство испытуемых (76,7 %) относились к социальному типу, что характеризует их как лиц с выраженными социальными умениями

(умение общаться, стремление к лидерству, потребность в социальных контактах), независимых от окружающих, успешно приспосабливающихся к обстоятельствам. У таких людей выражены вербальные способности, способность к сопереживанию и сочувствию, отмечается стремление поучать и воспитывать окружающих. Наиболее предпочтительными сферами деятельности для них являются психология, медицина, педагогика. Это позволяет предполагать, что большая часть первокурсников данного факультета вполне осознанно выбрала профиль своего обучения, совпадающий с их типом личности. Вторая по численности группа испытуемых (40 %) относилась к артистическому типу: лица, опирающиеся в отношениях с окружающими на воображение и интуицию, обладающие эмоционально сложным взглядом на жизнь, независимые в принятии решений, обладающие оригинальным мышлением и характеризующиеся склонностью к творческим профессиям.

Полученные результаты позволяют предположить, что студенты I курса факультета коррекционной педагогики в большинстве своем вполне соответствуют по своим психологическим особенностям (тип личности) выбранной профессии (сфера образования).

Формирование полноценной личности предполагает развитие активности человека. С этой целью нами была включена в психодиагностическую батарею методика «Порог активности», предметом изучения которой является степень трудности (легкости) совершения поступков, решительность в действиях, стремление к постоянной активности или, наоборот, к пассивности [10]. Диагностика порога активности с помощью соответствующей методики показала, что группа испытуемых может быть разделена на 3 части:

- с преобладанием низкого порога активности (43,3 %) – респонденты с активной жизненной позицией, деятельные, не склонные подолгу обдумывать свои поступки и их последствия, не боящиеся совершить ошибку, настойчивые в достижении своих целей, уверенно чувствующие себя только, когда активно действуют, не склонные к рефлексии, к признанию собственных ошибок, трудно поддающиеся коррекции;

- среднего порога активности (45 %) – респонденты с гармоничным, сбалансированным сочетанием реальной деятельности и внутренних переживаний, размышлений;

- высокого порога активности (11,7 %) – респонденты инертные, «тяжелые на подъем», более склонные к внутренней жизни, чем к внешней активности, откладывающие необходимые действия до последней возможности, предпочитающие не взаимодействовать с другими, подолгу переживающие свои проблемы.

Анализ полученных результатов позволяет утверждать, что большая часть студентов (88,3 %) могут быть охарактеризованы как активные, деятельные, «легкие на подъем», инициативные, охотно откликающиеся на поручения преподавателей, кураторов и деканата. Они адекватно воспринимают

учебные и воспитательные воздействия и также адекватно на них реагируют.

Одним из показателей полноценного развития личности человека является наличие навыков управления собственным поведением, состояниями и побуждениями, что наиболее полно выражается понятием «саморегуляция». Кроме того, согласно представлениям А. И. Крупнова, саморегуляция (как и активность, направленность, мотивация) является одним из базовых компонентов в структуре личностных свойств. Для исследования навыков саморегуляции студентов нами использовалась методика «Волевой самоконтроль» направленная на обобщенную оценку индивидуального уровня развития волевой регуляции индивида [10]. По результатам диагностики волевого самоконтроля распределение испытуемых выглядит следующим образом:

- часть респондентов (13,3 %) характеризуются преобладанием высоких значений по шкале «общий балл» – эмоционально зрелые, активные, независимые, самостоятельные, спокойные, уверенные в себе, ответственные, с устойчивыми намерениями, реалистичными взглядами, развитым чувством долга, хорошо рефлексирующие собственные мотивы, планомерно реализующие свои намерения, умеющие распределять собственные усилия, контролировать свои поступки, с выраженной социально-позитивной направленностью;

- часть респондентов (21,7 %) – с преобладанием высоких значений по шкале «настойчивость» – деятельные, работоспособные, активно стремящиеся к выполнению намеченного, мобилизующиеся под действием преград, не отвлекающиеся на альтернативы и соблазны, уважающие социальные нормы и стремящиеся подчинить свое поведение этим нормам;

- часть респондентов (8,3 %) – с преобладанием высоких значений по шкале «самообладание» – эмоционально устойчивые, хорошо владеющие собой в различных ситуациях, с развитым чувством внутреннего спокойствия, уверенностью в себе, не боящиеся неизвестности, готовые к принятию нового и свободными взглядами;

- для большей части респондентов характерны средние значения по шкалам «общий балл», «настойчивость» и «самообладание» (61,7 %, 51,7 % и 75 % соответственно), что может быть интерпретировано как средний уровень развития данных свойств.

В целом полученные данные позволяют охарактеризовать испытуемых как людей с развитыми навыками волевого самоконтроля.

Следующим важным компонентом в структуре личностных свойств является направленность, отражающая особенности отношения личности к себе, окружающим (готовность к взаимодействию) и деятельности. Для изучения данного континуума была использована методика «Направленность личности», которая позволяет предполагать степень индивидуальной эффективности и прогнозировать успешность в учебной, профессиональной деятельности [11]. По результатам диагностики направленности испытуемых удалось разделить на три группы. Первая группа – испытуемые с преобладанием

направленности на себя (40 %). Данная направленность отражает, в какой мере респондент описывает себя как человека, ожидающего прямого вознаграждения и удовлетворения безотносительно работы, которую он выполняет, или безотносительно коллег, с которыми работает. Для таких людей группа является средством удовлетворения собственных потребностей и приобретения достоинства, уважения, общественного статуса.

Вторая группа – испытуемые с преобладанием направленности на взаимодействие (35 %). Лица с преобладанием данной направленности стараются поддерживать хорошие отношения с людьми, но лишь «на поверхности», что часто препятствует выполнению конкретных заданий или оказанию настоящей, искренней помощи другим. Такой человек проявляет интерес к коллективной деятельности, но, по сути дела, сам не вносит никакого вклада в осуществление деятельности.

Третья группа – испытуемые с преобладанием направленности на задание (25 %). Данная направленность позволяет человеку, несмотря на личные интересы, выполнять работу как можно лучше и охотно сотрудничать с коллективом, если это повысит продуктивность деятельности.

Результаты исследования свидетельствуют, что среди обследуемых студентов I курса преобладает эгоистическая направленность и отсутствие стремления взаимодействовать с коллективом. Преобладание данной направленности, на наш взгляд, является вполне закономерным. Несмотря на то, что основные механизмы адаптации к профилю обучения уже задействованы, испытуемые обучались в составе студенческих групп в течение первого семестра, сами группы пока не соответствуют по уровню сплоченности группе-коллективу. Возможно, это связано не только с естественными процессами группообразования, но и с недостаточностью адаптационных, пропедевтических занятий (курсов, тренингов и т. д.) на первоначальных этапах (первые месяцы) обучения.

Значимую роль в формировании личности играет мотивация. С целью изучения данного континуума использовалась методика «Мотивация обучения в вузе», позволяющая не только выделить ведущий мотив, но и оценить степень адекватности выбора студентом профессии и удовлетворенность ею [5]. Анализ мотивации обучения в вузе данной группы испытуемых показал, что преобладающим мотивом обучения большинства испытуемых (51,6 %) является мотив овладения профессией. Второе место по значимости занимает мотив получения знаний, он является преобладающим у 31,7 % испытуемых. Мотив получения диплома наиболее значим для 16,7 % испытуемых. Преобладание мотивов «получение знаний» и «овладение профессией» у большей части студентов свидетельствует об адекватном выборе ими профиля обучения (вуза, факультета, специальности) и будущей профессии.

Согласно концепции А. Маслоу, мотивационная сфера личности может быть представлена в виде иерархии мотивационно-потребностных уровней, каждый из которых представлен набором определенных

потребностей, актуальных для данного уровня и в данный временной момент. Включенная нами в психодиагностическую батарею методика Н. Н. Демиденко была разработана для выявления структурных уровней мотивации личности. Данная методика позволяет оценить содержательные (множественность, иерархия) и динамические (сила) параметры мотивационно-потребностной сферы личности [3]. Распределение структурных уровней мотивационно-потребностной сферы по степени значимости для данного контингента испытуемых выглядит следующим образом. На первом месте по значимости III уровень – потребности в социальных связях и контактах (61,7 % испытуемых отдают предпочтение этим потребностям). Второе место – I уровень – физиологические потребности (48,3 %). Третье место – V уровень – потребности в самоактуализации (13,3 %). Потребности II уровня (потребность в безопасности) и IV уровня (потребность в самоуважении) занимают четвертое и пятое места соответственно (10 % и 1,7 %). Следует отметить, что эти данные вполне соответствуют особенностям данной возрастной группы.

Направленность личности, ее мотивация наиболее ярко отражаются в ценностных ориентациях – ориентирах, устоях, которыми руководствуется человек в повседневной жизни. Для оценки ценностных ориентаций использовалась методика И. Г. Сенина «Опросник терминальных ценностей», позволяющая диагностировать ценностные ориентации, которые индивид пытается реализовать в своей жизни (терминальные ценности) и области жизнедеятельности человека, выбираемые им в качестве источника реализации той или иной терминальной ценности (жизненные сферы) [13]. Результаты диагностики ценностных ориентаций представлены на рисунке 1. Среди терминальных ценностей наиболее значимые позиции занимает «высокое материальное положение», что характеризует испытуемых как материально ориентированных лиц, убежденных, что материальный достаток является главным условием жизненного благополучия. Данная особенность может быть основанием для развития чувства собственной значимости и повышенной самооценки. Также значима ценность «достижения», что говорит о стремлении испытуемых к достижению конкретных и ощутимых результатов. Для лиц с приоритетом данной ценности характерно тщательное планирование собственной жизни, постановка конкретных целей на каждом ее этапе и стремление полностью достигнуть этих целей.

На втором месте по значимости находятся такие ценности, как «активные социальные контакты» (стремление к установлению благоприятных взаимоотношений с окружающими), «развитие себя» (заинтересованность в объективной информации об особенностях своей личности, стремление к самосовершенствованию) и «сохранение собственной индивидуальности» (стремление к независимости, сохранению собственных взглядов, убеждений, собственного стиля жизни).

Анализ преобладающих жизненных сфер (сфер, в которых испытуемые стремятся в первую очередь

реализовать себя) показал, что из пяти основных сфер четыре являются наиболее приоритетными, это сфера обучения и образования, сфера семейной жизни, сфера общественной жизни и сфера увлечений. Следует отметить, что сфера профессиональной жизни, отражающая значимость для человека его профессии, отличается по степени приоритетности для данной группы испытуемых от остальных сфер в 1 стень.

Таким образом, исследование психологического статуса студентов I курса факультета коррекционной педагогики позволяет утверждать, что данная группа испытуемых в большинстве своем обладает ориентированностью на профессию коррекционного педагога, высокой активностью, развитыми навыками саморегуляции, стойкой мотивацией к учению, преобладанием направленности на себя, приоритетом социальных потребностей, высокого материального положения, достижений и сфер обучения, образования, семейной, общественной жизни и сферы увлечений. Следует отметить, что обследуемая группа студентов обладает достаточной однородно-

стью – схожесть членов группы испытуемых между собой по результатам отдельных методик. Это может быть связано с тем, что профессия коррекционного педагога (дефектолога) отличается рядом особенностей (особые требования к личностным особенностям дефектолога, особый контингент воспитанников, особые техники и приемы воздействия и т. д.), о которых должен знать студент, выбирая данный профиль обучения. Высокая ориентированность на эту профессию у данной группы студентов говорит об осознанном выборе, что и подтверждается результатами методик.

Функциональное состояние нервной системы является важным психофизиологическим показателем адаптации индивида к окружающей действительности, в том числе к профилю обучения. Для оценки функционального состояния ЦНС студентов проводилось измерение уровня постоянного потенциала головного мозга. Данные регистрации УПП представлены на рисунке 2.

Терминальные ценности (n = 60)

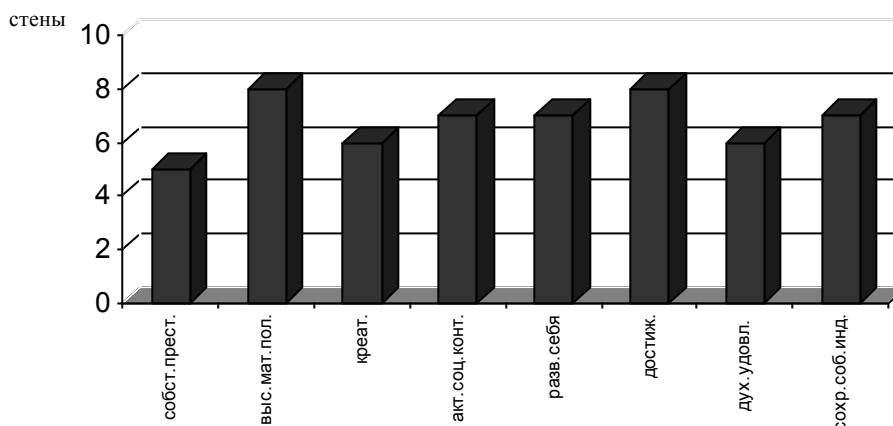

Рис. 1. Результаты диагностики ценностных ориентаций студентов I курса (терминальные ценности)

Уровень постоянного потенциала (n = 60)

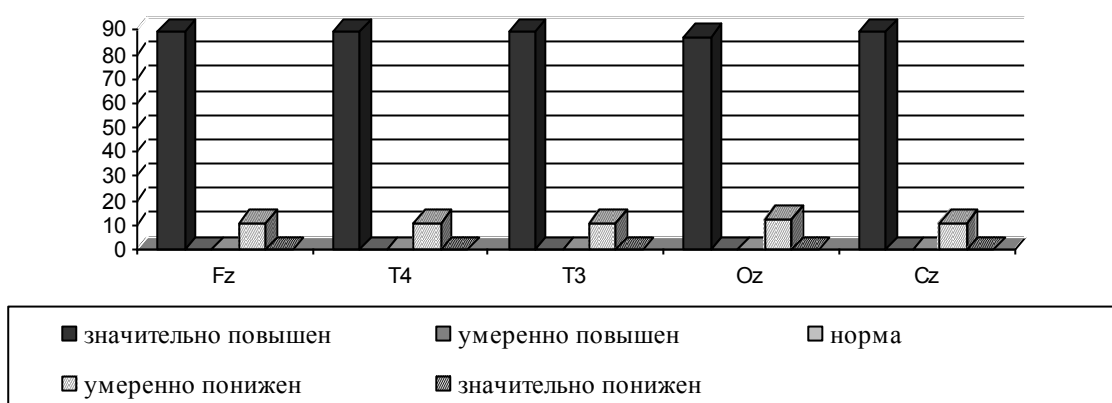

Рис. 2. Распределение УПП студентов I курса факультета коррекционной педагогики

На рисунке четко видно преобладание значительно завышенного УПП (от 20 до 99 мВ) во всех отведениях у большинства студентов (89,1 % испытуемых), что может быть объяснено высокой интенсивностью интеллектуальной деятельности студентов в период подготовки к экзаменационной сессии. У 10,9 % испытуемых был отмечен умеренно пониженный УПП (от 0 до – 5 мВ). Эта зависимость объясняет, почему успешность различных видов деятельности максимальна при определенном уровне стрессового возбуждения (Д. Эверли, Р. Розенфельд, 1985) [14, с. 199].

Измерение функциональной асимметрии мозга (ФАМ) на момент обследования показало, что все испытуемые оказались с функциональным преобладанием правого полушария. Следует отметить, что в данном случае регистрировалась асимметрия включения испытуемых в деятельность, показатели моторной (ведущая рука), сенсорной (ведущие глаз, ухо) асимметрии в расчет не принимались. Регистрация межполушарной разности УПП проводилась в конце второго семестра, что предполагает выполнение итоговых контрольных работ, отчетных заданий и подготовку к зачетам по отдельным дисциплинам, т. е. предполагает интенсивную работу головного мозга, сопоставимую по своей силе со стрессовым воздействием. А, согласно исследованиям В. Ф. Фокина, Н. В. Пономаревой, в таких случаях правое полушарие начинает играть преобладающую роль. Изучение того, на сколько снижаются энергетические ресурсы и как это сказывается на деятельности студентов после окончания экзаменационной сессии, может быть перспективой дальнейших исследований в этом направлении.

Выводы

1. Психологический статус студентов первого курса факультета коррекционной педагогики характеризуется высокой долей лиц (88,3 %) активных, целеустремленных, деятельных, высокой долей лиц (83,3 %) с мотивацией на обучение по выбранной специальности, с развитыми навыками волевого самоконтроля, с преобладанием жизненных приоритетов в сфере обучения, увлечений, семейной и общественной жизни, с приоритетом таких ценностей, как «высокое материальное положение» и «достижения».

2. Студенты факультета коррекционной педагогики обладают оптимальным сочетанием профессиональной ориентированности и возможности реализации собственного потенциала в учебно-профессиональной деятельности. Об этом свидетельствует преобладание доли лиц (76,7 %) социального типа личности.

3. Период адаптации к обучению предполагает интенсивную интеллектуальную деятельность, которая соответственно регистрируется как значительное повышение УПП у высокой доли испытуемых (89,1 %), что приводит впоследствии к снижению энергетических ресурсов организма.

Литература

1. Агаджанян, Н. А. Проблемы адаптации и учение о здоровье [Текст] / Н. А. Агаджанян,

Р. М. Баевский, А. П. Берсенева. – М.: Изд-во РУДН, 2006. – 283 с.

2. Аладжалова, Н. А. Психофизиологические аспекты сверхмедленной ритмической активности головного мозга [Текст] / Н. А. Аладжалова. – М.: Наука, 1979. – 212 с.

3. Демиденко, Н. Н. Мотивационно-потребностная сфера личности как компонент психологической готовности и ее влияние на успешность педагогической деятельности / Н. Н. Демиденко: дис. ... канд. психол. наук. – Тверь, 1996. – 202 с.

4. Заболотских, И. Б. Физиологические основы различий стрессорной устойчивости здорового и больного человека [Текст] / И. Б. Заболотских, В. А. Илюхина. – Краснодар: Изд-во КМА. – 1995. – 100 с.

5. Ильин, Е. П. Мотивация и мотивы [Текст] / Е. П. Ильин. – СПб.: Питер, 2000. – 512 с.

6. Илюхина, В. А. Сверхмедленные физиологические процессы и межсистемные взаимодействия в организме [Текст] / В. А. Илюхина, З. Г. Хабаева, Л. И. Никитина и др. – Л.: Наука, 1986. – 192 с.

7. Казин, Э. М. Образование и здоровье: медико-биологические и психолого-педагогические аспекты [Текст] / Э. М. Казин. – Кемерово: КРИПК и ПРО, 2010. – 214 с.

8. Казначеев, В. П. Методологические проблемы экологии человека [Текст] / отв. ред. В. П. Казначеев // Сб. науч. тр. АН СССР, Сиб. отделение, АМН СССР, Сиб. отделение; Ин-т клинич. и эксперим. медицины. – Новосибирск: Наука; Сиб. отделение, 1988. – 143 с.

9. Литвинова, Н. А. Роль индивидуальных психофизиологических особенностей студентов в адаптации к умственной и физической деятельности [Текст] / Н. А. Литвинова: автореф. дис. ... д-ра биол. наук: 03.00.13. – Томск, 2008. – 38 с.

10. Практикум по психодиагностике. Психодиагностика мотивации и саморегуляции [Текст] / ред. Т. М. Прошина. – М.: МГУ, 1990. – 159 с.

11. Практикум по психологии личности [Текст] / ред. О. П. Елисеев. – СПб.: Питер, 2000. – 560 с.

12. Психологические и психофизиологические методы оценки профессиональной деятельности: методические указания [Текст] / сост. О. Г. Литовченко. – Сургут: СурГПУ, 2007. – 66 с.

13. Сенин, И. Г. Опросник терминальных ценностей [Текст] / И. Г. Сенин. – Ярославль: НПЦ «Психодиагностика»: Фонд гражданских инициатив «Содействие», 1991. – 21 с.

14. Фокин, В. Ф. Энергетическая физиология мозга [Текст] / В. Ф. Фокин, Н. В. Пономарева. – М.: Антидор, 2003. – 288 с.

15. Фомин, Н. А. Психофизиология самопознания [Текст] / Н. А. Фомин. – М.: Теория и практика физической культуры, 2001. – 388 с.

16. Шибкова, Д. З. Программа деятельности центра мониторинга физического развития и здоровья школьников [Текст] / Д. З. Шибкова // Вестник института развития образования и воспитания подрастающего поколения при ЧГПУ. Серия 3. Физическое развитие и здоровье школьников. – 2001. – № 7.

ФИЛОЛОГИЯ

УДК 81-114.2

ВИРТУАЛЬНОЕ ОБЩЕНИЕ: НОВЫЙ ЭТАП РАЗВИТИЯ ПИСЬМЕННОЙ КОММУНИКАЦИИ

Т. В. Алтухова, Н. Б. Лебедева

VIRTUAL COMMUNICATION: A NEW STAGE OF WRITING COMMUNICATION

T. V. Altukhova, N. B. Lebedeva

В статье анализируется специфика виртуальной коммуникации как нового этапа развития письменности. Рассматривается связь специфических признаков Интернет-общения с существующими характеристиками письменной и устной речи. Делается вывод о роли нового носителя информации в формировании нового типа коммуникации.

The article examines the specifics of virtual communication as a new stage of writing. The connection between specific features of Internet communication with the existing characteristics of written and spoken language is considered. The role of new media in the formation of a new type of communication is determined in conclusion.

Ключевые слова: письменная коммуникация, естественная письменная речь, компьютерная коммуникация.

Keywords: writing communication, natural written speech, computer-mediated communication

Цель нашей статьи – проследить изменение коммуникативно-семиотических параметров коммуникации (носитель информации, автор и адресат, функция, особенности знака) на новом этапе развития письменной речи – в компьютерно-опосредованном (виртуальном) коммуникативном пространстве. Мы рассмотрим характеристики виртуальной коммуникации в сравнении с реально-письменной, включающей в себя искусственную письменную речь (профессионально подготовленную речевую деятельность) и естественную письменную речь, далее ЕПР (письменная деятельность, характеризующаяся повседневностью сферы бытования, спонтанностью и непрофессиональностью исполнения, отсутствием промежуточных лиц и инстанций между отправителем и реципиентом текста), объединенные использованием материального (невиртуального) носителя информации (субстрата).

Очевидно, что причина специфики электронной коммуникации вообще и виртуальной коммуникации в частности, кроется в возможностях нового носителя информации. Рассмотрение специфики виртуального общения мы начнем с изучения характеристик субстрата, так как именно они детерминируют остальные признаки данного типа коммуникации.

Электронный субстрат обладает четырьмя основными свойствами, которые обуславливают проявление особенностей нового типа коммуникации: **опосредованностью электронным / цифровым сигналом, виртуальностью, глобальностью и интерактивностью.**

Опосредованность электронным / цифровым сигналом. Е. Н. Галичкина в своей диссертации определила это свойство компьютерного дискурса как общение, осуществленное при помощи технических

средств [5]. Особый канал связи отстраняет коммуникантов друг от друга. Между собеседниками находятся как минимум два компьютера и сеть, состоящая из определенного количества элементов. Информация, вводимая как текст, изображение, аудио- или видеофайл кодируется и передается через сеть, затем на компьютере адресата вновь расшифровывается, принимая исходный вид. Таким образом, опосредованность компьютерного общения как свойство электронного субстрата детерминирует стандартизированность внешней формы текста и мультимедиа, так как передача информации возможна в том случае, если на ее пути каждый из элементов сети может ее воспринять.

На наш взгляд, выделение опосредованности электронным / цифровым сигналом как специфического признака сетевой коммуникации позволяет обозначить разницу между опосредованностью реальной письменной коммуникации и виртуальной текстовой. Так, хотя некоторые исследователи отмечают, что опосредованность компьютерного общения носит иной характер, чем опосредованность «реальной» письменной коммуникации [20, с. 91], необходимо заметить, что опосредованность компьютерного и реально-письменного общения имеет определенные сходства. Общим является то, что и первый, и второй тип коммуникации используют специальные средства для обмена информацией (знаковые системы, различные носители информации). Однако новая техническая база нового субстрата приводит к расширению возможностей коммуникативного пространства и в конечном счете делает носитель информации одним из агентов, формирующих специфику виртуальной коммуникации.

Второй выделенный нами признак электронного субстрата, **виртуальность**, тесно связан с технической опосредованностью. Рассматривая виртуальность как особенность носителя информации, мы опираемся на понимание данного термина, изложенного в работе Д. Галкина: «Виртуальный дискурс как бы подменил природу коммуникации – буквы и слова, звуки и образы, тела и вещи заменены цифрами, и поэтому они виртуальны, и поэтому они обретают столь специфические возможности» [6, с. 30]. Нематериальность носителя информации детерминирует моделируемость (программируемость) коммуникативного пространства как особенную, принципиально новую характеристику субстрата. Виртуальное коммуникативное пространство формируется и существует не отдельно от человека, а, напротив, оно моделируется им и изменяется целенаправленно, усилиями специалистов, так, чтобы быть наиболее удобным, соответствующим тем или иным коммуникативным нуждам. Именно это свойство виртуального пространства объясняет антропоцентризм Интернет-среды, которая была создана человеком для себя, для достижения собственных целей и задач.

В моделируемости виртуального коммуникативного пространства лежит одно из глубинных различий между реально письменной и электронной коммуникациями. Первая вынуждена ограничиваться своим субстратом и иногда даже бороться с ним, осваивая поверхности, не предназначенные или мало предназначенные для письма (например, граффити, записи поверх напечатанного / написанного текста и т. д.). Виртуальный субстрат, напротив, изначально создан для размещения текста, по словам М. Ю. Сидоровой, «виртуальное пространство создано человеком для себя, по человеческой мерке» [26]. Таким образом, электронная запись всегда располагается там, где созданы условия для максимального соответствия текста замыслу, успешного достижения поставленной коммуникативной цели (возможность смены фона, цвета и вида шрифта и т. п.), там, где ему «разрешено» располагаться.

Свойства виртуальности и технической опосредованности привели к возникновению **глобальности** как характеристики виртуального коммуникативного пространства [1; 21], под которой мы понимаем отсутствие временных, пространственных, социальных границ, доступность мировых ресурсов информации всем пользователям.

Важную особенность глобальности компьютерного пространства отметил М. Кастельс. Интернет и подобные ему сети не только преодолевают временные и пространственные барьеры за счет возможности моментального распространения информации, но и само развертывание событий «превращается в плоский синхронный горизонт без начала, без конца и без какой-либо последовательности» [15, с. 429]. Размывание границ и существование виртуальной коммуникативной реальности актуально (пока действует порождающая ее реальность) приводят к важным следствиям глобальности – самореферент-

ности виртуальной коммуникации (формированию собственного времени, пространства и законов), поливременности и полибытийности, «дающих участникам коммуникации одновременно присутствовать в разных коммуникационных актах» [14, с. 279].

Сравнивая виртуальную и реально-письменную коммуникации, отметим, что последняя не знает подобной глобальности. Она с трудом преодолевает временные, пространственные границы. Используя терминологию А. И. Каптерева, виртуальность обладает признаками глобальности и единства, тогда как реальность локальна и партикулярна [14, с. 257 – 263], состоит из множества фрагментов, разделенных в пространстве и времени. Рассматривая признак глобальности, заметим, что отсутствие пространственных и временных границ не свидетельствует о полном отсутствии барьеров в сетевом общении. Ю. Ю. Перфильев отмечает, что региональный сегмент Сети (например Рунет) формируется на основе языка, то есть «языковой барьер в полной мере проявляется и в киберпространстве» [24, с. 21]. Другими словами, языковой барьер остается одинаково проявленным как для реальной, так и для виртуальной коммуникации.

Интерактивность. Интерактивность напрямую связана со свойством программируемости Интернет-пространства. Тенденция развития Сети такова, что возможности обратной связи непрерывно возрастают. Это является следствием того, что, по словам М. Маклюэна, «электронный человек» выбирает диалог и незамедлительную вовлеченность в общение [23]. Е. П. Белинская называет интерактивность ведущей особенностью современных информационных технологий [2, с. 77]. На данный момент идет активная разработка возможностей пользователя управлять собственным фрагментом коммуникативного пространства, обсуждать и комментировать все новые объекты Сети.

Д. Кристал отмечает, что Интернет перестал быть только поставщиком информации, но стал серьезным инструментом общения [33, с. 204]. Это привело к смещению смысловых доминант развития Интернета с размещения и поиска информации на организацию и упрощение возможностей взаимодействия между пользователями.

Любой фрагмент Сети получает возможность обратной связи от других звеньев виртуальной коммуникативной среды, любая фраза из монологичной становится потенциально полилогичной. Стремление к интерактивности, на наш взгляд, и определило то, что во многих источниках названо гибридизацией устного и письменного текста, так как возможность интерактивного взаимодействия такого масштаба и интенсивности ранее существовала только в непосредственном устном общении.

Перейдем к рассмотрению других параметров виртуальной коммуникации и проследим изменение категории *автора и адресата* в новых условиях общения. Мы рассмотрим эти две категории в одном параграфе как образ коммуниканта виртуальной коммуникации, так как субстрат наделяет участника

коммуникации – вне зависимости, выступает ли он как адресант или адресат – одними и теми же характеристиками. Специфический признак образа коммуниканта в виртуальной среде – **физическая непредставленность**, провоцирующая **проявление анонимности и возможности формирования виртуального образа, отличного от реального человека, его создавшего**.

Виртуальное общение, в частности сетевое, характеризуется физической непредставленностью собеседников [8; 30], отсутствием достоверной / полной информации о коммуниканте (анонимность), физические и статусные параметры оказываются скрытыми или искаженными. Анонимность общения в Интернете является источником неограниченных возможностей конструирования виртуального образа [12, с. 45 – 47]. З. С. Завьялова отмечает, что из-за отсутствия физической представленности собеседников, основной функцией субъекта виртуальной коммуникации становится функция персонализации информации [13, с. 45] или, по выражению Е. П. Белинской, «единственная реальность личности в виртуальности суть реальность самопрезентации» [2, с. 78].

Основным средством, используемым для создания виртуальной личности, становится язык, текст в Интернет-общении становится «маской» виртуальной личности [34].

Все сказанное выше в большей степени характеризует автора текста как виртуальную личность, стремящуюся к особенному, индивидуальному речевому самовыражению в процессе коммуникации, что создает ее виртуальный облик. Однако на образ адресата физическая непредставленность собеседников и анонимность общения повлияла в меньшей степени. Образ адресат-читателя или образ Другого начинает строиться не столько на имеющейся информации о нем, сколько на основе приписывания ему определенных качеств со стороны автора текста, что приводит к усилению ориентации на «усредненного другого», что вызвано стремлением быть понятым с общей для всех точки зрения [12]. Также М. Б. Бергельсон отметила, что из-за анонимности виртуальной коммуникации характерно отсутствие реального адресата и, как следствие, – конструирование его самим автором сообщения [3].

Реально-письменное общение, как и виртуальное, характеризуется определенной степенью физической непредставленности, которая, однако, редко переходит в полную анонимность в ходе реальной коммуникации, что затрудняет формирование виртуальной личности в большинстве жанров. Как отметил И. С. Шевченко: «В неvirtуальном общении человек более ограничен в возможностях управления информацией о себе рамками реально воспринимаемых собеседником пола, внешности, признаков социального статуса, профессии и т. д.» [31, с. 86]. Однако и в Интернете описанная анонимность возможна только между не знакомыми ни в реальности, ни в виртуальности людьми. По мере

продолжения общения влияние анонимности на коммуникацию ослабевает [12].

Функционально-целевой аспект. Для виртуального общения характерно преобладание фатической функции общения, в частности, функции самопрезентации, установления и поддержания контактов, рейтинговая функция и т. д. Необходимость создания и поддержания контактов приводит к коммуникативному новаторству [9; 25], требуя от пользователя и языковой оригинальности, и оригинальности точек зрения, что приводит к принципиальной **субъективности информации**: «ЭГО автора выступает в роли центральной фигуры, субъективная точка зрения предстает единственно возможным способом ориентации в новой среде общения» [1, с. 20]. Данный признак связан, с одной стороны, с анонимностью, которая требует от коммуниканта максимального самовыражения и при этом не гарантирует достоверность информации, предоставляемой пользователем, а с другой стороны, с основными целями Интернет-коммуникации. Важным становится не обмен информацией, а обмен мнениями и отстаивание точек зрения, что приводит к снижению объективности и достоверности информации, которая превращается в субъективное восприятие фактов, событий и явлений обеих действительностей – реальной и виртуальной. Информативный компонент становится подкреплением собственного мнения коммуниканта, подкреплением его позиции, основные же речевые усилия собеседников в большинстве форматов общения связаны с установлением контакта и презентацией собственной виртуальной личности.

Преобладание фатической функции характерно для неформального, повседневного общения, в том числе для естественной письменной речи. Функции установления контакта и самопрезентации в ядерных жанрах естественной письменной речи детерминируют субъективность информационного компонента, что сближает виртуальные и рукописные естественные тексты. Однако в виртуальной коммуникации степень субъективности возрастает из-за принципиальной установки на интерактивность и диалог.

Аспект – знак текста. Рассмотрим влияние новой среды коммуникации на знаковый аспект текста, его содержательные и формальные характеристики. Компьютерно опосредованная коммуникация изменяет знак на всех его уровнях – на уровнях языкового содержания, структуры, семиотики, внешней формы.

Языковые особенности знака виртуальных текстов выражаются в разговорно-письменном характере коммуникации и компенсаторной виртуальной эмоциональности.

Разговорно-письменный характер коммуникации. Многие ученые сходятся на мысли, что Интернет-коммуникация представляет собой гибрид устной и письменной речи [13; 16], который, будучи по способу фиксации речью письменной (визуаль-

ной), по многим характеристикам является устной [28; 22].

Мы, признавая специфику языка электронного дискурса, считаем, что при определенном сходстве виртуальной коммуникации с устной, говорить о полном тождестве нельзя, так как Интернет-коммуникация использует визуальный канал связи, а значит, является письменной. Главный признак, влекущий за собой все основные особенности устного и письменного типов речи – форма материального воплощения и канал восприятия текста (слуховой или зрительный). Взаимодействие визуальной и звуковой составляющих письменной виртуальной коммуникации более сложно, чем просто фиксация устной речи на письме. Так, по словам Н. Д. Голева, в виртуальной коммуникации происходит «конкуренция звуковой и визуальной форм речи, представляющая собой способ (внутреннюю форму, структуру) современной коммуникации» [7]. Новая среда коммуникации позволяет увеличить скорость общения, что влечет за собой увеличение доли синтаксических конструкций, характерных для устного разговорного стиля, повышает уровень спонтанности и неподготовленности текста, а также позволяет увеличить объем коммуникации, что приводит к необходимости вырабатывать новые способы для адекватной передачи смысла. Но изобретать новые фреймы для передачи эмоций и логического ударения не требовалось: они уже были выработаны устной коммуникацией: громкость, интонация, выделение фрагментов речи голосом, мимика и жесты, перед Интернет-коммуникацией стояла задача «изыскать свои собственные возможности для передачи субъективно-модальных смыслов» [7].

Наиболее адекватным термином для обозначения языковой разновидности, используемой в Интернете, отражающей ее особенности, будет «письменная разговорная речь». Данный термин уже употреблялся Н. Б. Лебедевой по отношению к естественной письменной речи, а также Н. Д. Голевым («разговорно-письменная речь»), Т. Ю. Виноградовой и А. В. Кузнецовым в статьях, посвященных непосредственно он-лайн-общению. Такое обозначение кажется нам наиболее корректным, так как фиксирует стилевые особенности виртуальной коммуникации и отражает форму ее фиксации.

Языковые (в т. ч. стилевые) элементы устной речи присутствуют и в письменном повседневном общении, что и способствовало введению Н. Б. Лебедевой понятия «письменная разговорная речь». Приближение письменной речи к устной в ЕПР проявляется в орфографических (отражение звучания на письме) и пунктуационных ошибках, когда логическое членение заменяется пунктуационным отражением пауз. Сходство Интернет-коммуникации и ЕПР связано с неформальной средой коммуникации и спонтанностью речевой деятельности. Однако в виртуальной коммуникации «орализация» письма приобретает новые масштабы за счет использования звукового письма и фреймов устной речи как средств компенсации затрудненности передачи мо-

дусных смыслов (компенсаторная эмоциональность и увеличившегося объема и скорости коммуникации в Интернете).

Компенсаторная виртуальная эмоциональность [Шабшин]. Кроме необходимости преодоления физической непредставленности, обусловленной опосредованным характером общения в Интернете, и создания сетевой личности, коммуниканты сталкиваются с проблемой адекватного восприятия своих текстов собеседниками. Возможная неверная интерпретация смысла высказывания связана с затрудненностью выражения эмоционального компонента общения. В письменной речи, электронной или реальной отсутствует интонационный компонент и паралингвистическая составляющая устного общения – мимика, жесты, позы. Для компенсации этих недостатков электронное письменное общение изобретает все новые способы передачи эмоций и чувств, появляются различные смайлики-эмотиконы, коммуниканты используют различные словообразовательные, лексические и синтаксические средства для адекватного достижения поставленных коммуникативных целей и самопрезентации.

Использование средств для компенсации недостаточности Интернет-общения часто имеет игровой характер, оно призвано показать, что у написанного есть «второе дно», что слова имеют не только узкое, но и контекстуальное значение. Использование различных языковых и графических средств для передачи эмоционального компонента имеет карнавальную сторону: оно является способом создания виртуальной личности, отличной от реального пользователя Сети (ср. высказывание Д. Кристалла: «How many people are actually "laughing out loud" when they send LOL?» [33, с. 34]. «Многие ли люди действительно громко смеются, когда отсылают ЛОЛ» (перевод наш – Т. А.). При этом наблюдается определенная избыточность использования средств выражения эмоций, которая, по мнению исследователей, имеет компенсаторный характер в условиях практически полного отсутствия невербальных средств для передачи эмоций и описания эмоциональных состояний [27, с. 24; 8].

Способы компенсации эмоциональной недостаточности заимствуются виртуальной коммуникацией из письменной (словообразовательные, лексические, морфологические, пунктуационные средства) и устной речи (передача тембра голоса, акцента, звуковое письмо). Кроме того, виртуальная коммуникация вырабатывает собственные способы передачи эмоций, которые затем используются в неформальном письменном общении, в том числе и рукописном.

Структурные особенности знака. Электронный субстрат наделяет структуру знака виртуальных текстов специфическими свойствами: гипертекстуальность, интерфейсная архитектура представления информации, нестабильность текстов, стандартизированность внешней формы текста.

Гипертекстуальность. В открытой лекции, прочитанной в 1998 году, У. Эко отметил, что ком-

пьютерную структуру текста от книжной отличает гипертекст, понимаемый философом как многомерная сеть, в которой каждая точка увязана с любой другой точкой, где угодно [32]. Гипертекстуальность является фундаментальным свойством Всемирной паутины, без которого она не может существовать [33, с. 202]. О. В. Лутовинова определяет гипертекст как текст со специфической структурой, который представляет информацию в виде связанной сети гнезд, соединенных между собой нелинейными отношениями в многомерном пространстве [21]. Гипертекст дает возможность связывать различные фрагменты информации, находящиеся в различных точках сети, друг с другом, а также позволяет пользователю самому выбрать «маршрут» движения по тексту [1; 9; 21].

Структура любого текста, опубликованного в Сети, усложняется за счет включения гипертекстовых элементов и в конечном счете формируется гигантский гипертекст, объединяющий бесчисленное количество документов, находящихся в разных точках всемирной Сети [13, с. 305].

Но гипертекстуальность – свойство, присущее не только виртуальной коммуникации. Обычный письменный текст также может быть гипертекстуальным, отсылать читателя своим содержанием к другим источникам, что характерно для искусственных текстов, элементы гипертекста в реально-письменной традиции содержатся в цитатах, сносках, в примечаниях, частично – в вводных словах и вставных конструкциях, отсылающих к другим источникам. Однако, как отмечает В. А. Емелин, когда содержание какого-либо произведения вынуждает нас обратиться к другим книгам, мы уходим за рамки одного текста и включаемся в пространство другого, такого же одномерного и «территориально ограниченного», как и предыдущий [10]. В этом состоит главное отличие электронного гипертекста от реально-письменного: в виртуальном пространстве, за счет скорости передачи данных и возможности мгновенного доступа к информации, пользователю не нужно выходить за рамки первоначального текста, чтобы перейти на связанный фрагмент.

Следующая важная особенность виртуальной коммуникации, которую мы рассмотрим, – **интерфейсная архитектура представления информации**. В понятие интерфейсной архитектуры представления знаний мы включаем размещение и структуру полей для ввода сообщения на экране пользователей, порядок вывода сообщений. В целом интерфейсная структура представления информации влияет на восприятие текста адресатом (а также, на его отношение и статусную оценку конкретного текста среди других текстов в одном коммуникативном пространстве, в целом – взаимодействие текста и его размещения в контексте всего наполнения сайта, взаимодействие текстов различных жанров, размещенных в контексте одной виртуальной «страницы»). Наиболее корректным для обозначения общей медийной характеристики архитектуры представления информации в Интернете мы считаем термин

«интерфейс». Термин «интерфейс» уже используется в Интернет-лингвистике и, например, в работах О. Ю. Усачевой является одним из параметров описания формата [29, с. 27].

Интерфейсная архитектура задает жесткую внешнюю структуру: заголовок сообщения, поле текста, имя автора, – все это располагается в запрограммированном порядке и одинаково для всех авторов в рамках одного формата. Такое «овнешнее» структуры и вывод ее в автоматический режим снижает рефлексию пользователей над внутренней структурой текстов. Слабая логическая структурированность – частое явление и для естественных письменных текстов: в неформальной коммуникации автор придает большее значение смысловому наполнению текста, чем его логическому оформлению.

Внешняя форма знака. Внешняя форма знака виртуальных текстов оказывается напрямую зависимой от новых возможностей субстрата и наделена двумя особенностями, характерными для электронных речевых произведений: стандартизованность внешней формы текста и нестабильность текстов.

Стандартизованность внешней формы текста. Особенности внешней формы электронных текстов проявляются в их более формализованном виде, по сравнению с рукописными текстами, прохождению через машинный фильтр, который отсекает определенные индивидуально-авторские особенности текста, в первую очередь, – почерк, что приводит к стандартизации, унификации внешнего вида электронных текстов. Электронный субстрат влияет на размещение текста, ограничивая свободу расположения на дисплее, тогда как бумага ставит ограничение лишь в размере надписи. Автор вынужден проявлять собственную индивидуальность в создании текста, считаясь с возможностями того или иного средства виртуального общения: выбор места для текста, длина сообщения, количество доступных шрифтов и цветов и др.

Особенности внешней формы электронных текстов важны при рассмотрении Интернет-текстов как естественных письменных произведений. Если мы сравниваем тексты, размещенные в Интернете, и рукописные тексты (записки, письма, черновики и т. д.), мы видим, что первые имеют более унифицированную внешнюю форму. Тексты в Интернет-общении расположены в отведенных им полях и располагаются строго линейно, степень индивидуальности формального выражения, по сравнению с рукописными текстами, в Интернет-коммуникации значительно ниже.

Но, если мы сравним виртуальные тексты с искусственными печатными текстами, мы заметим у первых стремление к индивидуальности и своеобразие внешней формы, в отличие от последней. Ограниченные стандартным набором средств выражения, коммуниканты тем не менее пользуются различными возможностями, чтобы придать написанному индивидуальный характер, что отвечает функциям Ин-

тернет-общения – самореализации и установления контакта.

Нестабильность текстов. Мы употребляем выражение «нестабильность текстов» для обозначения последствий технических возможностей редактирования и изменения текстов. Виртуальный субстрат дает возможность превращения черновика в чистовик без переписывания текста, позволяет постоянно перерождать текст, исправлять, редактировать, сравнивать с другими текстами, итогом чего может стать новое речевое произведение, где точкой вдохновения становится исходный текст.

В реально-письменном общении – печатном и рукописном – также существует возможность редактирования и исправления текстов, которые, в отличие от электронной коммуникации, всегда оставляют следы, свидетельствующие о внесенных изменениях, черновик и чистовик существуют как два самостоятельных текста.

Семиотические особенности знака в виртуальной коммуникации проявляются в изменении характера и интенсивности **креолизованности компьютерных текстов**, которая выделяется как специфическая черта компьютерного текста многими исследователями [5; 8; 1; 21; 20]. Под креолизованностью текстов мы понимаем сочетание вербальных и невербальных (изобразительных) средств передачи информации [1, с. 32]. Степень креолизованности сетевых текстов возрастает с увеличением возможностей субстрата, вхождение в письменное общение мультимедийного компонента меняет характер креолизованности, что позволяет выделить два типа поликодовости: текстовая креолизованность, когда в рамках одного текста присутствуют различные знаковые системы, и медийная креолизованность, предполагающая сочетание в одном тексте элементов, использующих различные каналы передачи информации.

Креолизованность текстов как явление письменной коммуникации существует не только в виртуальном общении. Поликодовость, использование графических и вербальных средств в рамках одного речевого произведения характерны для ЕПР, как неоднократно указывала Н. Б. Лебедева [19]. Виртуальная коммуникация переосмысливает функции креолизованности, делая ее одним из основных средств передачи компенсаторной эмоциональности, а технические возможности субстрата расширили границы поликодовости текстов, позволив сочетать не только различные текстовые коды в рамках одного текста, но и включать в него мультимедийные элементы.

Подводя итоги, отметим, что все характеристики, выделяемые учеными как специфические для электронной коммуникации, ранее существовали в реально-письменной – естественной и искусственной – коммуникации. Новый тип коммуникации сочетает в себе особенности устного (стремление к мгновенному получению обратной связи) и письменного общения (опосредованность, затрудненность передачи эмоционального компонента). Элек-

тронный субстрат изменил характер реализации некоторых признаков, однако в основе своей виртуальная коммуникация представляет собой развитие тенденций естественной письменной речи (физическая непредставленность коммуникантов, разговорно-письменный характер коммуникации, субъективность информации как следствие доминирующей фатической функции, ослабленная логическая структура текстов, креолизованность) как повседневной речевой деятельности, заимствуя и развивая некоторые особенности искусственной письменной речи (стандартизированность внешней формы текста, гипертекстуальность). Специфика проявления различных признаков виртуальной коммуникации лежит в основе особенностей электронного канала связи (электронный / цифровой сигнал) и тех признаков, что являются следствием технических его характеристик: виртуальности (моделируемости среды общения), глобальности и интерактивности, что позволяет нам сделать вывод об активной роли техники и технической базы в формировании электронной коммуникации. Включение в анализ механизмов, как агентов, влияющих на динамику и результативность процесса, предложила Н. Б. Лебедева, анализируя категорию одушевленности как фактор полисобытийности [18, с. 209 – 240]. Техническая база реализует особый способ опосредования коммуникации и за счет нового канала связи задает специфические параметры субстрата (фактуры речи, носителя информации), рассмотренные нами выше. Технический уровень отличается от других субъектов формирования компьютерно опосредованной коммуникации (программистов и рядовых пользователей) тем, что активность механизмов «носит имплицитный характер, так как они не обладают собственной волей и субъектной целенаправленностью» [18, с. 238].

Литература

1. Асмус, Н. Г. Лингвистические особенности виртуального коммуникативного пространства / Н. Г. Асмус.: дис. ... канд. филол. наук. [Текст]. – Челябинск, 2005. – 266 с.
2. Белинская, Е. П. Интернет и идентификационные структуры личности [Текст] / Е. П. Белинская // Социальные и психологические последствия применения информационных технологий: материалы Международной Интернет-конференции / под общ. ред. А. Е. Войскунского. – М.: Московский общественный научный фонд, 2001.
3. Бергельсон, М. Б. Языковые аспекты виртуальной коммуникации [Электронный ресурс] / М. Б. Бергельсон. – URL: <http://www.rik.ru/vculture/seminar/index.html>.
4. Виноградова, Т. Ю. Специфика общения в Интернете. [Электронный ресурс] / Т. Ю. Виноградова – URL: <http://septemberfox.ucoz.ru/biblio/vinogradova.html>.
5. Галичкина, Е. Н. Специфика компьютерного дискурса на английском и русском языках (на материале жанра компьютерных конференций) [Текст]

/ Е. Н. Галичкина: дис. ... канд. филол. наук. – Астрахань, 2001. – 212 с.

6. Галкин, Д. Виртуальный дискурс в культуре постмодерна [Текст] / Д. Галкин // Критика и семиотика. – 2000. – № 1.

7. Голев, Н. Д. Письменная коммуникация новейшего времени: основные векторы развития [Текст] / Н. Д. Голев // Вестник Томского государственного университета (в печати).

8. Горошко, Е. И. Лингвистика Интернета: формирование дисциплинарной парадигмы [Электронный ресурс] / Е. И. Горошко. – URL: <http://www.textology.ru/article.aspx?aId=76>.

9. Горошко, Е. И. Интернет-жанр и функционирование языка в Интернете: попытка рефлексии [Электронный ресурс] / Е. И. Горошко. – URL: <http://www.textology.ru/article.aspx?aId=206>.

10. Емелин, В. А. Гипертекст и постгутенберговская эра [Электронный ресурс] / В. А. Емелин. – URL: <http://emeline.narod.ru/hipertext.htm>.

11. Жичкина, А. Е. Социально-психологические аспекты виртуальной коммуникации [Электронный ресурс] / А. Е. Жичкина. – URL: <http://forum.oculus.ru/?m=sr&it=15020>.

12. Завьялова, З. С. Реальный и виртуальный субъекты сетевой коммуникации: специфика интеракции / З. С. Завьялова // Вестник ТГУ. Сер. Филология, социология, политология. – 2011. – № 343.

13. Капанадзе, Л. А. Голоса и Смыслы. Избранные работы по русскому языку [Текст] / Л. А. Капанадзе. – М., 2005.

14. Каптерев, А. И. Информатизация социокультурного пространства [Текст] / А. И. Каптерев. – М.: ФАИР-ПРЕСС, 2004. – 512 с.

15. Кастельс, М. Информационная эпоха. Экономика, общество, культура [Текст] / М. Кастельс. – М., 2000. – 606 с.

16. Кронгауз, М. А. "Лытдыбр" от блогера или как Интернет-язык делает письменную речь формой существования разговорного языка [Электронный ресурс] / М. А. Кронгауз. – URL: <http://www.ruskiymir.ru/ruskiymir/ru/magazines/archive/2009/06/article008.html>.

17. Кузнецов, А. В. Письменная разговорная речь в онлайн-коммуникации [Текст] / А. В. Кузнецов // Молодой ученый. – 2011. – № 3. – Т. 2.

18. Лебедева, Н. Б. Полиситуативность глагольной семантики (на материале русских префиксальных глаголов) [Текст] / Н. Б. Лебедева. – Томск: Изд-во ТГУ, 1999. – 262 с.

19. Лебедева, Н. Б. Теоретические основы исследования естественной письменной речи [Текст] / Н. Б. Лебедева // Жанры естественной письменной речи. – М.: USSR, 2011.

20. Лепшеева, Н. А. Жанровые особенности компьютерного дискурса [Текст] / Н. А. Лепшеева // Вестник ЧГУ. 2009. № 43 (181). Филология. Искусствоведение. Вып. 39.

21. Лутовинова О. В. Лингвокультурологические характеристики виртуального дискурса [Текст] / О. В. Лутовинова: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Волгоград, 2009. – 39 с.

22. Лысенко, С. А. Взаимодействие устной и письменной формы существования языка в Интернет-коммуникации [Текст] / С. А. Лысенко: дис. ... канд. филол. наук. – Воронеж, 2010. – 184 с.

23. Маклюэн, М. С появлением спутника планета стала глобальным театром, в котором нет зрителей, а есть только актеры [Текст] / М. Маклюэн // Кентавр. – 1994. – № 1.

24. Перфильев, Ю. Ю. Российское Интернет-пространство: развитие и структура [Текст] / Ю. Ю. Перфильев. – М.: Гардарики, 2003. – 272 с.

25. Селютин, А. А. Жанры как форма коммуникативного выражения онлайн-личности [Текст] / А. А. Селютин // Вестник ЧГУ. – 2009. – № 35(173). Филология. Искусствоведение. Вып. 37.

26. Сидорова М.Ю. Лингвистическая уникальность и лингвистическая банальность русского Интернета [Электронный ресурс] / М. Ю. Сидорова. – URL: <http://www.philol.msu.ru/~sidorova/articles/index.html>.

27. Смирнов, Ф. О. Национально-культурные особенности электронной коммуникации на английском и русском языках [Текст] / Ф. О. Смирнов: дис. ... канд. филол. наук. – Ярославль, 2004.

28. Трофимова, Г. Н. Заходите в наш портал. [Электронный ресурс] / Г. Н. Трофимова. – URL: http://www.gramota.ru/biblio/magazines/gramota/net/28_60.

29. Усачева, О. Ю. Опыт жанрового описания коммуникации, осуществляемой в формате русскоязычного Интернет-форума [Текст] / О. Ю. Усачева // Вестник ЦМО МГУ. – 2010. – № 4. Лингвистика.

30. Шабшин, И. О психологических феноменах и особенностях коммуникации посредством Интернета [Электронный ресурс] / И. Шабшин. – URL: <http://www.textology.ru/article.aspx?aId=76>.

31. Шевченко, И. С. Факторы динамичности самопрезентаций участников Интернет-общения [Текст] / И. С. Шевченко // Социальные и психологические последствия применения информационных технологий: материалы Международной Интернет-конференции / под общ. ред. А. Е. Войскунского. – М.: Московский общественный научный фонд, 2001.

32. Эко, У. От Интернета к Гутенбергу: текст и гипертекст [Электронный ресурс] / У. Эко. – URL: <http://www.philosophy.ru/library/eco/internet.html>.

33. Crystal, D. Language and the Internet [Text] / D. Crystal. – Cambridge: Cambridge University Press, 2001. – 284 p.

34. Danet, B. Text as Mask: Gender and Identity on the Internet. Paper presented at the conference, Masculine and Gendered Identity [Электронный ресурс] / B. Danet. – URL: <http://pluto.mscc.huji.ac.il/~msdanet/mask.html>.

УДК 881.251

**КАНОН И ВАРИАТИВНОСТЬ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ПРОПОВЕДИ:
ПРОБЛЕМА ОПРЕДЕЛЕНИЯ ГОМИЛЕТИЧЕСКОГО ПРАВИЛА****Е. Л. Барышева****CANON AND VARIABILITY OF THE RUSSIAN ORTHODOX SERMON:
THE PROBLEM OF DEFINING HOMILETIC RULES****E. L. Barysheva**

Данная статья является первой из цикла статей по лингвистике «Канон и вариативность русской православной проповеди».

Определение границ гомилетического канона осуществляется на материале основных источников теории христианской пастырской проповеди. Поднимается проблема многозначности понятия «гомилетический канон». Под каноном понимается, с одной стороны, набор устойчивых, повторяющихся в гомилетических текстах признаков, составляющих жанровую модель проповеди. С другой стороны, правила содержат канонические постановления Вселенской Церкви. Множество проповеднических правил представлено в статье в интегрированном варианте.

Delimitation homiletic a canon is carried out on a material of the basic sources of the theory of the Christian vicarial sermon. The problem of a polysemy of concept «homiletic a canon» rises. The canon is understood, on the one hand, as a set steady, repeating in homiletic texts of the signs making genre model of the sermon. On the other hand, rules contain initial decisions of Universal Church. The set of sermonlike rules is presented in article in the integrated variant.

Ключевые слова: проповедь, гомилетика, гомилетический канон.

Keywords: the sermon, a homiletics, homiletic a canon.

Настоящая статья посвящена проблеме определения гомилетических правил, что обусловлено необходимостью решения вопроса отклонений от этих правил в текстах русских православных проповедей посредством лингвистического анализа, который будет осуществлен в перспективе.

Проблема критериев православного гомилетического канона остается нерешенной до настоящего времени, несмотря на многовековое богатейшее проповедническое наследие, откуда появилась необходимость квалификации понятия «канон».

Результаты мониторинга богословских информационных источников по теории русской пастырской проповеди позволяют прийти к следующему выводу: границы проповеднического канона настолько размыты, что их можно назвать в достаточной мере условными.

Приведем ряд источников теории христианской проповеди в хронологической последовательности их возникновения, которые были подвергнуты детальному анализу с целью определения критериев гомилетического правила. Здесь можно выделить два направления теории проповеди:

а) формальная (конструктивная) гомилетика – источники, описывающие принципы внешнего оформления гомилий, дающие представление об основных компонентах, элементах, структурных частях проповеди;

б) источники, содержащие практические рекомендации для создания гомилий посредством конкретных примеров – образцов слов, поучений, бесед на основные темы всего годичного церковного круга и на всевозможные случаи пастырской деятельности.

Основные источники теории христианской проповеди**I. Конструктивная гомилетика**

1. «Христианская наука или Основания св. герменевтики и церковного красноречия» Августина Блаженного.

Блаженный Августин (IV – V вв.) большое внимание уделяет внешней стороне проповеди. Он детально разбирает требование ясности и вразумительности речи проповедника. К внешней стороне проповеди относится также учение о видах проповеднического слога [1].

2. «Наука о сложении казаний» архимандрита Иоанникия Галаятовского.

В России до XVII в. не было специальных трудов, посвященных вопросам церковной проповеди. Первым опытом изложения правил проповедничества был труд И. Галаятовского, представлявший собой руководство для проповедников по образцу схоластической латинской проповеди и готовых руководств к ней. Автор ограничивается лишь указанием способов формального составления проповедей [2].

3. «Краткая гомилетика» М. А. Поторжинского содержит, как и все последующие источники в данном разделе, требования, предъявляемые к структуре гомилий [3].

4. «Опыт полного курса гомилетики» М. А. Чепика [4].

5. «Русская проповедь в XIX столетии (метод построения и способ изложения)» И. Гопалова [5].

6. «Курс лекций по гомилетике» Н. Вознесенского [6].

7. «Тематика и методика проповеди на основе святоотеческих и лучших образцов русской проповеди» Е. Смирнова [7].

II. Практическая гомилетика

1. Священное Писание.

Иисус Христос является идеалом для каждого из пастырей и предметом христианской проповеди. Первенствующее значение для построения теории христианской проповеди имеют наставления Христа Апостолам при отправлении их на проповедь (1. Мф. 10: 1 – 42). Здесь содержится учение о предмете пастырской проповеди (2. Мф. 10: 7, 12), ее цели, условиях (3. Мф. 10: 13 – 15, 32). Заповеди о прохождении Апостолами проповеднического служения содержатся и в других местах св. Евангелия, например, о благодатной помощи Духа Святого проповедникам (4. Ин. 14:26), о значении проповеди для слушателей (5. Ин. 8:32).

Ближайшее отношение к вопросам теории христианской пастырской проповеди имеют также притча Христа Спасителя о Добром Пастыре (6. Ин. 10: 1-16), обличительная речь Христа в адрес книжников и фарисеев (7. Мф. 23), содержащие учение об условиях проповеди.

Писания свв. Апостолов также имеют непосредственное отношение к теории проповеди. Так, послания Ап. Павла содержат учение о цели проповеди (8. 1 Тим. 1:4-5; Тит 1:4; 3:8), ее предмете, отношении пастыря к неблагоприятным внешним условиям служения (9. 2 Тим. 3) [8].

2. Творения святых отцов и учителей Церкви:

- Ориген (III в.) учит, что проповеднику необходима предварительная подготовка в деле церковного учительства. Он считал необходимым «всестороннее изучение светских наук с целью применения их к задачам христианского богословия» [9, с. 68].

- Киприан Карфагенский (III в.) говорит о проповеди как об определенном виде деятельности, в которой главное значение имеет благодать Божия; здесь усматривается продолжение апостольских принципов проповедничества, господствовавших в древней Церкви [10].

- В творениях св. Григория Богослова (IV в.) интерес с точки зрения гомилетики представляют высказывания о «синергизме двух сил в проповедничестве» [11, с. 102] (сила Св. Духа и духовные устремления пастыря).

- Творения Иоанна Златоуста (IV в.) содержат правила относительно личности проповедника. Однако это учение не изложено системно, а рассредоточено в сочинениях, значительная часть содержится в 4-м и 5-м Словах о священстве [12].

- Развитию гомилетической науки способствовал св. Григорий Двоеслов (VI в.). Он перечисляет требования, предъявляемые к тем, кто желает принять на себя подвиг пастырского служения: «безупречная в нравственном отношении жизнь и соответствующее образование, основой которого является тщательное изучение Св. Писания» [13, с. 162]. Поскольку в Церкви находятся слушатели разных категорий, то лучший способ избежать затруднений – избегать крайностей.

3. Канонические постановления Вселенской Церкви содержат юридическую формулировку свя-

тоотеческих наставлений об учительстве как о безусловной обязанности пастыря. Собор Константинопольский (681 г.) канонически устанавливает пастырскую обязанность проповедания слова Божия: *«Предстоятели церквей должны во вся дни поучать народ, избирая из Божественного Писания разумения истины, и если будет исследуемо слово Писания, то не инако да изъясняют оное, разве как изложили учителя Церкви в своих писаниях, и сими более да удостоверяются, нежели составлением собственных слов, дабы, при недостатке умения в сем, не уклониться от подобающего. Ибо, чрез учение вышеперечисленных отцов, люди, получая познание о добром и достойном избирании, и о бесполезном и достойном отвращении, исправляют жизнь свою на лучшее, и не страждут недугом неведения, но, внимая учению, побуждают себя к удалению от зла, и, страхом угрожающих наказаний, содействуют свое спасение»* [14]. Карфагенский Собор (419 г.) определил удалять от общения епископа, если он «не возвещает правильного учения догматов» [15] (правило 137).

4. Действующие церковные юридические нормы, в частности, – нормы действующего права РПЦ.

В Духовном Регламенте глава «О проповедниках слова Божия» содержит правила, сформулированные архиепископом Ф. Прокоповичем, которые не потеряли значения для пастырей и в наши дни:

1) *«проповедниками слова Божия могут быть только лица, вполне изучившие книги Св. Писания;*

2) *предметом пастырской проповеди должно служить увещание к покаянию, исправлению образа жизни;*

3) *при обличении пороков проповедник не должен касаться личностей;*

4) *церковный учитель не должен выступать в качестве мстителя за нанесенные ему оскорбления, с чьей бы то ни было стороны;*

5) *говорить о грехах людских «властительно» проповеднику, в особенности молодому, не вполне прилично. Обращаться к слушателям нужно в 1-м лице мн. ч.;*

6) *при виде добрых плодов своей проповеди пастырь не должен хвалиться, равно как при отсутствии их не должен впадать в уныние;*

7) *не позволять себе на церковной кафедре гордые и надменные телодвижения;*

8) *не дозволительны слезы и смех»* [16, с. 83].

5. Разработки по теории гомилетики архиепископа Феофана Прокоповича изложены в «Риторике», написанной в период преподавания им риторики в КДА. Феофан отверг схоластическое направление в гомилетике, оказывавшее влияние на православную проповедь Юго-Западной Руси, и предложил свою теорию церковного слова (см. пункт 4 «Действующие церковные юридические нормы»).

6. «Чтения о церковной словесности или Гомилетика» Я. К. Амфитеатрова можно назвать гомилетикой в собственном смысле, т. к. оно содержит определение гомилетики как науки, излагающей сущность, свойства и способы создания церковной

проповеди, ее краткую историю. Основу его составляет учение о материи и характере церковного собеседования [17].

7. *«Лекции по православной христианской гомилетике»* проф. СПбДА Н. И. Барсова представляют большую научную ценность. Здесь обстоятельно исследованы основные разделы гомилетической науки, касающиеся существа и внутреннего характера церковной проповеди [18].

8. *«Церковное красноречие и его основные законы»* проф. КДА В. Ф. Певницкого занимает особенное место в гомилетической науке. Основу теории составляют вопросы о внутренней идее проповеди, ее содержании, характере и методах проповедничества. В соответствии с этим весь материал распределяется по следующим отделам: 1) церковное красноречие и его основные законы, 2) о содержании проповедей, 3) о характере проповедей, 4) о приготовлении проповедей [19].

9. *«Энциклопедия проповеди или Практическая гомилетика»* И. В. Толмачева содержит толкования с планами и образцами слов, поучений и бесед на евангельские и апостольские чтения всего годового церковного круга (Недели по Пятидесятнице, Недели Триоди Постной, Недели Триоди Цветной) [20].

10. *«Как не следует писать церковных проповедей. Полезные для пастырей Церкви замечания гомилетического характера»*. Данная работа содержит практические рекомендации по составлению гомилий, приводятся примеры текстов проповедей, составленных неподобающим образом [21].

11. *«По вопросам гомилетики. Критические очерки»* М. Тареева. Здесь поднимается вопрос о качестве церковной проповеди, ее действенности и современности [22].

12. *«Практическая гомилетика или сборник тем и конспектов для проповедей на весь церковный год»* В. И. Глотова. Кроме готовых текстов, в это пособие входят конспекты и планы проповедей, а также темы и материалы для построения текстов гомилий [23].

13. *«Гомилетика или наука о пастырском проповедании Слова Божия»* А. Юрьевского отличается широтой охвата видов проповеднической деятельности. Он состоит из обширного введения и 4-х частей: проповедь педагогическая, проповедь церковно-богослужебная, проповедь внебогослужебная, проповедь миссионерская [24].

14. *«Практическая симфония для проповедников Слова Божия»* пресвитера Г. Дьяченко. В этом исследовании большое внимание уделяется личным качествам пастыря, его духовному настрою [25].

15. *«Руководство к церковному собеседованию, или Гомилетика»* протоиерея Н. Фаворова. Здесь идет речь о процессе предварительного органического «вынашивания проповеди» [26, с. 13] гомилетом перед произнесением или письменным фиксированием.

16. *«Теория православно-христианской пастырской проповеди (этика гомилии)»* Г. Булгакова. Он обращает внимание на 2 компонента в проповеди:

неизменное и изменяющееся (константное и варьирующееся) [27].

17. *«Общие основы проповедничества»* проф. МДА протоиерея А. Ветелева названы «подведением итогов двухвековых исканий русской гомилетики» [28, с. 21]. Содержание труда определяется гомилетической системой, согласно которой проповедничество состоит из трех слагаемых: проповедника, самой проповеди и паствы. Автор анализирует процесс зарождения и развития проповеди в душе пастыря, рассматривает влияние пастырского слова на души слушателей;

18. *«Руководство по гомилетике»* епископа А. Таушева представляет конспективно изложенный курс лекций, прочитанных автором в 1951 – 1959 гг. в Свято-Троицкой Духовной семинарии. В основу лекций положено сочинение «Церковное красноречие и его основные законы» В. Ф. Певницкого [29].

19. *«Церковная проповедь по учению Священного Писания»* В. Козыря. В основу настоящей работы положен принцип исторической преемственности проповеди [30].

20. *«Тематика и методика проповеди на основе святоотеческих и лучших образцов русской проповеди»* иеродиакона Е. Смирнова представляет собой анализ текстов проповедей русских святых отцов в аспекте выявления основных проблем, поднимавшихся в разное время [31].

Все перечисленные источники и разработки теории христианской пастырской проповеди так или иначе дают сведения об основных принципах создания гомилий. Однако, насколько позволяет судить опыт критического обзора данных теоретических разработок, сведения о способах создания текстов проповедей даны разрозненно и представляют собой многочисленные «гомилетические правила», не позволяя делать выводов о гомилетическом каноне как о едином четко сформулированном правиле. Пытаясь определить понятие гомилетического канона, мы пришли к выводу о разноречивости и запутанности представлений о его сущности.

Интегрируя все сведения о проповедническом каноне, с одной стороны, мы имеем представление об основных устойчивых, повторяющихся во всех текстах признаках, в своей совокупности составляющих ту категорию, которую можно определить **жанровой моделью проповеди**. С другой стороны, гомилетические правила содержат четкие рекомендации пастырю о тех минимальных догматических знаниях, которые он должен безошибочно использовать в своей практике. Данные рекомендации суть правила, предписываемые Вселенскими соборами и Духовным регламентом, и являются **каноническими постановлениями Вселенской Церкви**.

Итак, мы установили, что канон есть многозначное понятие. В настоящей работе под каноном мы будем понимать:

1) постановления Вселенской Церкви относительно правил создания гомилий, а также некоторые рекомендации, содержащиеся в Духовном регламенте и представляющие собой так называемые «внеш-

ние» факторы, влияющие на существование проповеди;

2) жанровые признаки проповеди, представляющие собой «внутренние» языковые законы существования и развития проповеди (в богословской литературе зачастую происходит отождествление понятий «канон» и «жанр»).

Канонические постановления Вселенской Церкви включают обязанности проповедника, цели, задачи, методы, условия возвещения Слова Божия. Правила представлены здесь в обобщенном варианте:

- Обязанность проповедника – проповедь – вменяется в обязанность пастырю.
- Цели – возвещение пастве Богооткровенного догматического и нравственного учения Св. Православной Церкви и раскрытие тех оснований и побуждений, по которым должно верить возвещаемому учению.
- Задачи – дать пастве понимание главного смысла жизни, усвоив который, можно свободно избрать христианскую систему жизненных ценностей. Способствовать формированию христианского мировоззрения.
- Методы – зависят от восприятия адресатом возвещаемой информации. Отсюда правило: оглашенным истины христианства преподавать элементарно, верным – глубоко и основательно. Проповедник обязан заботиться о том, чтобы различные категории пасомых получали духовную пищу в соответствии со своей духовной зрелостью.
- Условия:
 1. Точное изложение православных догматов.
 2. Не допускать профанации святыни.
 3. Не допускать излишнего практицизма в проповеди.
 4. Не допускать погрешностей против Священной истории и Библейского текста.
 5. Не использовать чужих проповедей.
 6. Не допускать «мудрования плотского», «тщеславного многословия», говорить просто и по делу.
 7. При обличении пороков не касаться личностей.
 8. Не эксплицировать собственное «Я», низводить его до уровня «МЫ», таким образом приравнивая себя к пастве и даже полагая себя у ног ее, быть смиренным слугой пасомых по примеру Самого Христа Спасителя, Который умыл и отер ноги ученикам в знак того, что и они должны поступать так же смиренно, служа народу в деле возвещения Слова Божия.
 9. Глубокое убеждение в истине проповедуемого учения.
 10. Не касаться каких-либо мирских интересов, т. к. вмешательство пастыря в дела «мира сего» с мирскими целями незаконно.
 11. Не освещать в проповеди событий общественно-политического характера и их оценки.
 12. Не заниматься исследованием утонченных богословских вопросов.

13. Не рассматривать частные богословские мнения.

14. Не лжеучить. К ложным относятся рационалистическое и мистическое направления в проповеди.

15. Не допускать нарушения языковых норм, соблюдать правильность пастырской речи, используя соответствующую терминологию.

16. Благоговейность, современность, наглядность проповеднического изложения.

Все остальные сведения о принципах создания гомилий мы отнесем к жанровым. Здесь основными являются такие понятия, как предмет, тема, материал и его характеристика, схема построения проповедей.

• Предмет – совокупность каких-либо явлений духовной жизни: учение о Боге, о видимом и духовном мире, о добродетелях и страстях человеческих и т. д.

• Тема – частная мысль, которая полно исчерпывается проповедью, идея, из которой вытекает все содержание проповеди.

• Материал – данные, которые дают основание говорить об избранном предмете или явлении. Отбор материала определяется темой проповеди.

• Характеристика материала – его оценка.

• Схема построения проповеди (пятичастная):

1. Обращение.
2. Вступление (приступ) – вводит тему проповеди.
3. Изложение (основная часть) – реализуется в обосновании главной мысли или темы проповеди.
4. Выводы – имеют практический характер и непосредственное отношение к жизни паствы.
5. Заключение – включает вновь обращение, подведение итогов.

Обращение и заключение являются своеобразным обрамлением проповеди.

• Прикрепленность тематического материала проповедей к определенному случаю («на злобу дня»: толкуемый библейский текст, праздники и т. д.).

• Типичная, так называемая «зеркальная» композиция. Каждая проповедь начинается и завершается обращением к ее адресату. Формулировка основного тезиса в зачине и вывод, повторяющий эту формулировку в конце. Центральная композиционная часть проповеди варьируется в зависимости от темы.

• Непременный содержательный элемент – обращение к адресату – демонстрирует главное свойство жанра проповеди – диалогизм, включающий признаки обращенности и направленности, делающие проповедь потенциально диалогичной.

• Повышенная импрессивность (как свойство воздействующей речи), часто реализующаяся как суггестивность.

Таким образом, все многообразие сведений о принципах создания проповедей мы представили здесь в обобщенном системном варианте, разграничивая, однако, понятия «канон» как постановления Вселенской Церкви и «канон» как перечень основ-

ных жанровых признаков – устойчивых, повторяющихся во всех текстах показателей, определяющих жанровую модель проповеди. Данный вариант является основой для лингвистического анализа эмпирического материала, который будет осуществлен в перспективе.

Правила произнесения гомилий не будут являться объектом нашего внимания, т. к. это относится к теории звучащей проповеди, основывающейся на риторике. Мы рассматриваем письменные варианты проповедей и ограничиваемся правилами создания письменных гомилий.

Литература

1. Блаженный, Августин. Христианская наука или Основания св. герменевтики и церковного красноречия / А. Блаженный. – Киев, 1835.
2. Галятовский, Иоанникий. Наука о сложении казаний / И. Галятовский. – Киев, 1851.
3. Поторжинский, М. А. Краткая гомилетика / М. А. Поторжинский. – М., 1862.
4. Чепик, М. А. Опыт полного курса гомилетики / М. А. Чепик. – М., 1893.
5. Гопалов, И. Русская проповедь в XIX столетии (метод построения и способ изложения) / И. Гопалов. – Загорск, 1973.
6. Вознесенский, Н. Курс лекций по гомилетике / Н. Вознесенский. – Сергиев Посад, 1896.
7. Смирнов, Е. Тематика и методика проповедей на основе святоотеческих и лучших образцов русской проповеди / Е. Смирнов. – Загорск, 1967.
8. Библия. Новый Завет. – М., 2000.
9. Карфагенский, Киприан. Творения св. свщмч. Киприана, еп. Карфагенского / К. Карфагенский. – Киев, 1891. Ч. 2. Трактаты.
10. Григорий Богослов. Слова / А. Гриценко: Энциклопедия «Религия». – Минск, 2007.
11. Иоанн Златоуст. Четыре огласительные гомилии / И. Златоуст. – ВДИ, 2005. – № 1.
12. Григорий Двоеслов. Пастырское правило / А. Гриценко // Энциклопедия «Религия». – Минск, 2007.
13. Правила святого Вселенского шестого собора, Константинопольского / Школа христианского самообразования свящ. Я. Кротова. URL: http://krotov.info/spravki/help/schola/z_general.htm.
14. Правила святого Карфагенского собора / Школа христианского самообразования свящ. Я. Кротова. URL: http://krotov.info/spravki/help/schola/z_general.htm.
15. Амфитеатров, Я. К. Чтения о церковной словесности или Гомилетика / Я. К. Амфитеатров. – М., 1869.
16. Барсов, Н. И. Лекции по православной христианской гомилетике / Н. И. Барсов. – СПб.: ДА, 1888.
17. Певницкий, В. Ф. Церковное красноречие и его основные законы / В. Ф. Певницкий. – Сергиев Посад, 1893.
18. Толмачев, И. В. Энциклопедия проповеди или Практическая гомилетика / И. В. Толмачев. – М., 1899.
19. Как не следует писать церковных проповедей // Полезные для пастырей Церкви замечания гомилетического характера. – Сергиев Посад, 1901.
20. Тареев, М. По вопросам гомилетики. Критические очерки / М. Тареев. – Сергиев Посад, 1903.
21. Глотов, В. И. Практическая гомилетика или сборник тем и конспектов для проповедей на весь церковный год / В. И. Глотов. – М., 1902.
22. Юрьевский, А. Гомилетика или наука о пастырском проповедании Слова Божия / А. Юрьевский. – Сергиев Посад, 1903.
23. Дьяченко, Г. Практическая гомилетика для проповедников Слова Божия / Г. Дьяченко. – Сергиев Посад, 1903.
24. Фаворов, Н. Руководство к церковному собеседованию или Гомилетика / Н. Фаворов. – М., 1911.
25. Булгаков, Г. Теория православно-христианской проповеди (этика гомилии) / Г. Булгаков. – М., 1916.
26. Ветелев, А. Общие основы проповедничества / А. Ветелев. – Загорск, 1948.
27. Таушев, А. Руководство по гомилетике / А. Таушев. – М., 1951.
28. Козырь, В. Церковная проповедь по учению Священного Писания / В. Козырь. – Загорск, 1965.
29. Смирнов, Е. Тематика и методика проповедей на основе святоотеческих и лучших образцов русской проповеди / Е. Смирнов. – Загорск, 1967.

УДК 81'23

СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ СОМАТИЧЕСКИХ КОНЦЕПТОВ «ROT» И «MOUTH» В ЭТНОКУЛЬТУРНОМ АСПЕКТЕ

Ю. А. Башкатова

COMPARATIVE ANALYSIS OF SOMATIC CONCEPTS “ROT” AND “MOUTH” IN ETHNOCULTURAL TERMS

Yu. A. Bashkatova

Данная статья посвящена выявлению этнокультурной специфики функционирования соматического кода в разноструктурных языках двух лингвокультурных сообществ. При этом соматизмы рассматриваются как этнокультурные тексты, которые могут быть прочитаны и истолкованы лишь в контексте культурных смыслов, передаваемых через те или иные знаки культуры: архетипы, мифы, стереотипы, эталоны, символы, обычаи, традиции, ритуалы. Эти знаки национальной культуры в сопоставляемых лингвосообществах – англ-

лийском и русском – являются образными основаниями идиоматических единиц и метафор и включены в их внутреннюю форму.

The article focuses on the identification of ethnocultural peculiarities of somatic code functioning in different-structure languages in two linguocultural communities. Herewith, somatisms are regarded as ethnocultural texts which can only be read and interpreted in the context of cultural meanings rendered by certain cultural signs: archetypes, samples, symbols, customs, traditions, rituals. These codes of national culture in the compared linguistic communities – English and Russian – are the image base of idioms and metaphors and are part of their inner form.

Ключевые слова: лингвокультурология, языковая картина мира, концепт, соматизм, этнокультурная специфика.

Keywords: linguistic-culturology, linguistic worldview, concept, somatism, ethnocultural peculiarities.

На сегодняшний день можно с уверенностью констатировать тот факт, что научные исследования переместились в область антропоцентрической парадигмы. Данный поворот в языкознании обусловлен тем, что внимание исследователей переключилось с вопроса «как устроен язык» на вопрос «как функционирует язык». Как следствие, появляется необходимость в формировании и развитии нового подхода к анализу и интерпретации языкового материала. К концу XX века заметно восстановление в правах интуиции и интроспекции, что, безусловно, объясняется ростом внимания к человеческому фактору, субъективности в лингвистике [5, с. 83]. Современное языкознание исходит из следующего тезиса: «отправной точкой теоретической и практической деятельности человека является антропоцентризм. Человек как субъект соотносится прежде всего с окружающим природным миром, затем с окружающим социальным миром, затем с каждым индивидуумом и, наконец, с самим собой (самопознание)» [4, с. 86 – 87].

С позиций антропоцентрической парадигмы язык и взаимодействующая с ним культура рассматриваются в тесной связи с бытием человека – с его самопознанием и осознанием мира не только как физически воспринимаемого, но и как созданной человеком духовной реальности.

Культура понимается нами как пространство культурных кодов – вторичных знаковых систем, в которых используются разные материальные и формальные средства для означивания культурных смыслов, или ценностного содержания, вырабатываемого человеком в процессе миропонимания. Разными способами кодируемое ценностное содержание и составляет картину мира, в которой раскрывается мировоззрение того или иного культурного социума.

Как известно, тело человека издревле является источником познания и осмысления мира: знания и наблюдения человека о себе самом переносятся на окружающую действительность. Наименования частей человеческого тела, специфичные для них свойства, характеристики, которые, помимо «называния», несут в себе значимые для культуры смыслы и образуют соматический код культуры.

Соматический код характеризуется отсутствием четких границ с другими культурными кодами. Он предопределяет многие коды культуры, в частности, пространственные представления человека: *под рукой, рукой подать, под носом, на носу, под боком;*

на волосок (от смерти). В целом соматические концепты относятся к классу космических (биологических) концептов, при этом часть структуры этих концептов представляет их в иерархии концептов внутреннего мира: *сердце* – реально существующий кровеносный орган, при этом *сердце* – воплощение характера, в наивной картине мира *сердце* – орган эмоционального переживания [7, с. 10].

Как известно, любое контрастивное исследование направлено на раскрытие национальной специфики через призму сравниваемых языков и ставит себе задачу дать вербализованное представление о духовном мире человека как носителя определенной культуры. Цель настоящей статьи – выявление и описание этнического своеобразия вербализации единиц соматических кодов *pot /mouth* русской и английской лингвокультур.

По данным электронного словаря *Online Etymology Dictionary*, лексема *mouth* происходит от древнеанглийского корня *mup*, восходящего к пражерманскому **munthaz* (ср. O.Fris. *muth*, O.N. *munnr*, M.Du. *mont*, Ger. *Mund*, Goth. *munþs* "рот"), с характерным древнеанглийским выпадением носового согласного (ср. *tooth*, *goose* и т. д.), от праиндоевропейского **mnto-s* (ср. L. *mentum* "выступающая часть тела: подбородок, челюсть, рот") [OED, IERI].

Внутренняя форма слова-репрезентанта концепта РОТ связана с зооморфным признаком: общеславянское исходное **rъtъ* – суф. производное (суф. -*тъ*) (с перегласовкой *ъ/ы*) от той же основы, что *рыть*, буквально означает «то, чем, разрывая, выкапывая, добывают пищу» (о животных, птицах). Древнерусское *рътъ* (> *rot* в результате падения редуцированных) означало «клюв» [Шанский]. Во многих славянских языках лексема *rot* имеет сходное звучание, ср. укр. *rot*, род. п. *roma*, блр. *rot*, род. п. *roma*, словен. *rt*, род. п. *rta* «острие, клюв» [11].

В современном русском языке сохранился еще один соматизм, ведущий свое происхождение от того же корня – *рыло* ((от «рыть»)) морда, лицо и рот животных, скулы с зубами и мягкими частями; бранно – лицо человека» [Даль]. Подобное использование названий частей тела животных в качестве экспрессивного наименования частей тела человека – распространенное явление в обоих языках. Ср.: *paw* – *a hand*; *beak* – *a nose*; *tail* – *a tress of hair*; *пасть* – *рот*; *клюв* – *нос, рот*; *лапа, клешня* – *рука; морда* – *лицо* и т. д.

Основные группы культурных смыслов, носителем которых являются соматизмы *rot* и *mouth*, связаны с дыханием, приемом пищи и речью. Способность человека дышать, есть, пить и разговаривать посредством рта рассматривалась как проявление нормы, жизненной силы, а ее нарушение и утрата означали болезнь, слабость и смерть. Ср.: *рта раскрыть не может* (о человеке в состоянии слабости), *еле ртом шевелить* (говорить медленно); в проклятии: *чтоб ты до рта хлеба не доносил* (т. е. умер). *The eyes were open, the mouth parched and breathless. One of the men with sticks came over and carried his corpse away* (The Daily Mirror) [BNC].

Пословицы о еде, в которых фигурирует соматизм «рот», характерны для русской языковой картины мира в большей степени, чем для английской: *"Давно ль ты стала ворожить?" – А как нечего стало в рот положить. Лакомый кусок, только бы попал в роток. Рот уж болит, а брюхо все есть велит. Хмельного в рот не берет. В рот тебе хлеба! Дал Бог ротик – даст и кусочек. По усам текло, а в рот не попало. Неужто съедено, что в рот положено?* [9].

Еще один важный смысл, воплощаемый концептом *rot/mouth*, связан с тем, что рот как орган тела символизирует человека вообще: *лишний рот, в доме семь ртов, six mouths to feed*.

Что касается понятийных признаков концепта *mouth*, актуализированных в семах слова-репрезентанта, то здесь обнаруживается довольно широкий спектр значений, в том числе, фиксирующих метафорическое переосмысление рта как отверстия (просвета, расщелины, входа) в природных объектах и артефактах.

В словаре *The Merriam-Webster Online Dictionary* находим следующие значения слова *mouth*:

1a: the natural opening through which food passes into the body of an animal and which in vertebrates is typically bounded externally by the lips and internally by the pharynx and encloses the tongue, gums, and teeth

b: **grimace** <made a mouth>

c: an individual requiring food <had too many mouths to feed>

2a: **voice, speech** <finally gave mouth to her feelings>

b: **mouthpiece**

c (1): a tendency to excessive talk (2) : saucy or disrespectful language : **impudence**

3: something that resembles a mouth especially in affording entrance or exit: as a: the place where a stream enters a larger body of water

b: the surface opening of an underground cavity

c: the opening of a container

d: an opening in the side of an organ flue pipe [18].

Итак, согласно современным толковым словарям английского языка, значение лексемы *mouth* составляют следующие семантические компоненты (семы): 'рот, ротовое отверстие', 'гримаса', 'едок', 'речь', 'оратор', 'хамство', 'устье', 'отверстие', 'вход', 'лабиум'.

Русский язык обнаруживает более узкий список понятийных признаков концепта *rot*, актуализиро-

ванных в семах слова-репрезентанта: 'отверстие между губами', 'очертания губ, разрез губ': 'о животных: пасть, зев', 'полость за губами и до глотки', 'едок, иждивенец'.

Толковый словарь Ожегова определяет лексему *лицо* следующим образом:

1. Полость между верхней и нижней челюстями, снаружи закрытая губами. *Полость рта. Дышать ртом. Дыхание рот в рот* (вид искусственного дыхания; спец.).

2. Очертание и разрез губ. *Большой р. Красивый р. Р. до ушей* (очень большой; шутл.).

3. У животных: то же, что пасть. *Рыбий р.*

4. Перен.: едок, иждивенец (прост.). *Пять ртов кормлю. Лишний р. в семье* [10].

Признаки, отмечаемые в одноязычных толковых словарях, представляют собой далеко не полный перечень понятийных признаков. Существенно пополнить этот список можно, обратившись к словарям синонимов.

В словаре *Collins Thesaurus of the English Language* представлены две группы синонимов, характеризующие различные оттенки значений лексемы *mouth*:

1. lips, trap (slang), chops (slang), jaws, gob (slang, esp. Brit.), maw, yap (slang), cakehole (Brit. slang) *She clamped her hand against her mouth*.

2. entrance, opening, gateway, cavity, door, aperture, crevice, orifice *the mouth of the tunnel*

3. opening, lip, rim *a lit candle stuck in the bottle's mouth*

4. inlet, outlet, estuary, firth, outfall, debouchment *the mouth of the river*

5. (Informal) boasting, gas (informal), bragging, hot air (slang), braggadocio, idle talk, empty talk *She is all mouth and no talent* [15].

В *Словаре русских синонимов и сходных по смыслу выражений* представлены следующие лексемы: уста (губы), зев, морда, пасть, рыло, хайло, клюв [1].

Как мы видим, кроме слов *уста (губы)* и *lips*, все синонимы являются разговорно-сниженными наименованиями рта. Отметим также наличие большего количества рядов синонимов лексемы *mouth* в английском языке, по сравнению с русским языком. (Справедливости ради, необходимо отметить, что метафорические значения на основе сем 'вход' и 'отверстие', существуют и в русском языке: *устье реки (печи), жерло вулкана, горлышко бутылки*, но они актуализированы другими репрезентантами.)

Несмотря на универсальность понятийных значений соматизмов *rot* и *mouth*, английская и русская языковые картины мира обнаруживают определенную специфику в комбинаторике ассоциативных признаков данных концептов.

Так, например, в обеих культурах рот связывался с говорением и речью: *открыть рот 'заговорить', keep one's mouth shut 'keep quiet', передавать из уст в уста 'распространять слух, вести', by word of mouth 'orally', золотые уста 'о красноречивом человеке', big mouth 'loquacious'*.

В русских приметах и поверьях рот, особенно открытый, ассоциировался со сплетнями и болтовней, см. рус.: *На всякий роток не накинешь платок*. Тема «замыкания» чужих злых ртов – одна из самых популярных в заговорах, оберегах и проклятиях. В значительной мере она основана на метафорическом отождествлении рта с замком, который можно замкнуть и отомкнуть [2, с. 481]: *Чужой рот не свои ворота, не затворишь. Рот не огород, не затворишь ворот*.

В английских фразеологических единицах рот как орган речи связан с целым спектром значений: праздною болтовней (*run off at the mouth, diarrhea of the mouth*), хвастовством (*be a loud mouth, shoot off one's mouth*), бестактностью (*foot in one's mouth*), руганью (*to rail full mouth, foul-mouthed, (Do) you eat with that mouth?*), неискренностью (*talk out of both sides of your mouth, mealy-mouthed, butter wouldn't melt in one's mouth*).

В русском языке, фольклоре, обрядах рот (а также язык, губы (уста)) связывались с говорением и речью: *передавать из уст в уста* 'распространять слухи, сплетни', *осквернить уста* 'богохульствовать, браниться', *изустный* 'бытующий в разговорной форме' и т. п.

В обеих лингвокультурах присутствуют мотивы, связывающие рот (пасть, горло) с адом: «Что ад разинул?», где *ад* 'пасть, рот'; *ад бездонный* 'ненасытная пасть, обжора' (костром.); *жерло ада; hell-mouth*. По мнению Робин Во, рот – средоточие телесности и жестокости на лице: "The mouth is the focus of physicality and violence in the face. Objects enter the mouth, are broken down, and lose their original form. While faces indicate the differences between one human and another, mouths indicate an interior that one cannot see, but knows is similar to one's own: chewing reduces a variety of objects into a kind of sameness. Since the interior is unseen, it is dangerous" [Waugh 1995, p. 362]. В иконографии Страшного суда широкая огненная река с мучающимися в ней грешниками впадает в пасть ада, где сидит Сатана [12, с. 47].

В рассказах о посмертных наказаниях за грехи рот обнаруживает не свойственные ему функции, включаясь в контекст телесного низа. Например, согласно Полесским поверьям о смерти ведьм, отбивших при жизни молоко у коров, во время агонии изо рта начинало хлестать молоко, забранное ими при жизни. Ср. также инвективу *поцелуй меня в задницу*; или англ. *diarrhea of the mouth* 'словесный понос'.

По поверьям, рот открывал нечистой силе и болезням внутрь человека – отсюда запрет держать рот открытым. Повсеместно известно требование крепить рот при зевании и перед сном, прикрывать во время чихания, не разговаривать во время еды («когда я ем, я глух и нем», *'According to Western etiquette, the mouth is kept closed, especially when chewing'*). Нахождение с открытым ртом оценивается как форма неправильного поведения, проявление слабости характера, глупости, что получает широкое

отражение в русском языке: *ротозеить, ротозейничать, ртом глядеть* 'быть разиней'.

Рот (прежде всего губы) связан с эротическим началом в человеке, ср.: *уста сахарные, сладкие губки; Her lips looked ... delicious, as though if you bit them it would be like biting into a sweetmeat, one of those candies which are filled with a pleasant warming liquid* [14]. О сексуальном темпераменте человека судят по форме и цвету губ (пухлые губы свидетельствуют о страстной натуре): *Мне подумалось, что девушка с такими пухлыми губами может быть и не такой уж покорной* [6]. В современной англоязычной культуре лексема *pout* (надутые губы; недовольная гримаса) стала синонимом слова «рот» из-за широко распространившейся моды надувать губы (увеличивать их с помощью силикона), чтобы казаться сексуально привлекательнее: *The actress' famous luscious pout was named in a list of the world's sexiest things conducted by British men's magazine FHM* [14].

В отличие от современного идеала женской красоты, в средневековой живописи женский рот изображался неестественно маленьким. Например, на древнерусских иконах женские рты закрыты, губы плотно сжаты, не улыбаются. Такое изображение рта соответствовало господствующему приему репрезентации женской телесности, точнее, почти что «бестелесности» (очертания фигуры скрыты под одеждой). Такой тип условно можно назвать «добрая жена» или «святая» [8, с. 8]. Сравните, например, с типичными портретами «грешников» того времени:

А прелюбодейца белилами, румянами умазала, брови и очи подсурмила, уста багряноносна, поклоны низки, словеса гладки, вопросы тихи, ответы мягки, приветы сладки, взгляды благочинны, шествие по пути изрядно, рубаха белая, ризы красная, сапоги сафьянные [3].

Есть же дело настоящее: пишут спасов образ Еммануила, лице одутловато, уста червонная, власы кудрявые, руки и мышцы толстые, персты надутые, тако же и у ног бедра толстые, и весь яко немчин брюхат и толст учинен, лишо сабли той при бедре не писано [3].

Во многих английских идиомах упоминается соматизм *horse's mouth*, который метафорически может переосмысливаться как «достоверный источник информации» – *from the horse's mouth*; удила во рту лошади – ограничения, препятствия – *take the bit in one's mouth*. Народная мудрость советует не заглядывать в рот дареному коню – *look a gift horse in the mouth*.

Человек воспринимает и осознает мир посредством органов чувств и на этой основе создает свою систему представлений о мире. Путь от внеязыковой реальности к пониманию и далее к словесному выражению неодинаков у народов, соответственно различной будет и языковая картина мира, проявляющаяся в принципах категоризации действительности. Несмотря на свою универсальность, соматический код культуры в полной мере иллюстрирует данное положение.

Сопоставительное изучение соматизмов разных лингвокультурных сообществ может принципиально обогащать систематику соматической лексики, выявляя взаимозависимость между тенденциями развития национальной культуры и национального языка; решение примыкающих к ним смежных проблем продвигает теорию лингвистической концептуализации, что, в свою очередь, повышает объяснительную силу филологического знания.

Литература

1. Абрамов, Н. Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений. – 7-е изд., стереотип / Н. Абрамов. – М.: Русские словари, 1999.
2. Агапкина, Т. А. Рот / Т. А. Агапкина // Славянские древности: этнолингвистический словарь в 5 т. Т. 4: П (Переправа через воду) – С (Сито). – М.: Международные отношения, 2009.
3. Житие протопопы Аввакума им самим написанное / под ред. Н. К. Гудзия. – М.: Гослитиздат, 1960. – URL: <http://feb-web.ru/feb/avvakum/default.asp>.
4. Колшанский, Г. В. Объективная картина мира в познании и языке / Г. В. Колшанский. – М.: КомКнига, 2006. – 128 с.
5. Макаров, М. Л. Основы теории дискурса / М. Л. Макаров. – М.: Гнозис, 2003. – 280 с.
6. НКРЯ – Национальный корпус русского языка. – URL: <http://search.ruscorpora.ru/>.
7. Пименова, М. В. Концепт сердце. Образ. Понятие. Символ: монография [Текст] / М. В. Пименова. – Кемерово: КемГУ, 2007. – 500 с. (Серия «Концептуальные исследования». Вып. 9).
8. Пушкарева, Н. «Устне твои сот искаплют...». (Опыт феминистского прочтения нарративов XII – XIX вв., описывающих женский и мужской рот). – Гендерные исследования. № 9. – 2003. – URL: <http://kcgs.org.ua/gurnal-009.shtml>.
9. Толковый словарь живого великорусского языка Владимира Даля. – URL: <http://slovari.yandex.ru/dict/dal/>.
10. Толковый словарь Ожегова / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. 1949 – 1992. – URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ogegova/209742>.
11. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка: в 4-х т.: [пер. с нем.]. – 2-е изд., стереотип / М. Фасмер. – М., 1987. – Т. 3.
12. Цодикович, В. К. Семантика иконографии «Страшного суда» в русском искусстве XV – XVI вв. / В. К. Цодикович. – Ульяновск, 1995.
13. Шанский, Н. М. Школьный этимологический словарь русского языка. Происхождение слов / Н. М. Шанский, Т. А. Боброва. – 7-е изд., стереотип. – М.: Дрофа, 2004. – 398 [2] с.
14. BNC – British National Corpus [Electronic Resource]. Mode of access: <http://corpus.byu.edu/bnc/>.
15. CTEL – Collins Thesaurus of the English Language. – Complete and Unabridged 2nd Edition. – 2002: HarperCollins Publishers, 1995, 2002.
16. IERI – Indo-European Roots Index / The American Heritage® Dictionary of the English Language. – Fourth Edition, 2000.
17. OED – Online Etymology Dictionary. [Electronic Resource]. – Mode of access: <http://www.etymonline.com/>.
18. MWOD – Merriam-Webster's Online Dictionary. [Electronic Resource]. – Mode of access: <http://www.merriam-webster.com>.
19. Waugh, R. Word, Breath, and Vomit: Oral Competition in Old English and Old Norse Literature. Oral Tradition. – 10/2. 1995.

УДК 140.8 (470+571)''19''

ПРОПОЗИЦИОНАЛЬНО-ФРЕЙМОВОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ РЕЧЕВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ (на материале ассоциативного эксперимента)

Л. А. Белякова

PROPOSITIONAL AND FRAME MODELING OF DISCOURSE (based on the data of free associative experiment)

L. A. Belyakova

Пропозиционально-фреймовое моделирование рассматривается в статье как эффективный инструмент сопоставительного описания языкового мировидения шестилетних детей и взрослых. Методологическая основа исследования – базовые положения когнитивной лингвистики.

Propositional and frame modeling is considered in the paper as an effective means of comparative description of language world of six-year children and adult people. Methodological foundations of this research are fundamental tenets of cognitive linguistics.

Ключевые слова: фрейм, пропозиция, дискурс, когнитивная лингвистика.

Keywords: frame, proposition, discourse, cognitive linguistics.

Одной из актуальных проблем, стоящих перед современной лингвистикой, является проблема соотношения мысли и языка, постановка которой стала возможна со сменой общенаучной парадигмы в 1956 – 70-е гг. – когнитивным переворотом, и связа-

на с именами Дж. Брунера, Дж. Миллера, Ж. Пиаже, У. Найсера, Г. Саймона как ответ на многочисленные попытки рассмотреть работу человеческого мозга как некоего механизма. В русской лингвистике интерес к психологизму, к личности человека

проявился значительно раньше, в середине XIX века. Выдающиеся русские лингвисты, среди них И. А. Бодуэн де Куртене, Л. В. Щерба, А. А. Потебня, в своих исследованиях опережали время. «Потебне удалось чудесным образом соединить, синтезировать исторический взгляд с исследовательским интересом к психологическим основам употребления языка и владения им, рассмотреть никогда не переставшие волновать лингвистов проблемы взаимоотношения языка и мышления» [6, с. 15]. Уже в начале XX века в центре внимания языковедов оказывается реально функционирующий живой язык, что обусловило «выдвижение на первый план таких его черт и свойств, как творческий характер, эстетическая функция, психологические основы владения языком, т. е. осуществился поворот языкознания лицом к говорящей личности» [6, с. 13].

Когнитивный переворот в науке позволил заменить структурно-системное описание языка исследованиями глубинного уровня бессознательного, пробудить интерес к механизмам порождения и восприятия речи. Исследования Дж. Миллера, Н. Хомского, Ф. Джонсона-Лэрда, Ч. Филлмора, У. Чейфа и русских психологов Л. С. Выготского и А. Р. Лурии послужили базой для развития когнитивной психологии и когнитивной лингвистики, изучающих ментальные процессы. «В сферу когнитивной лингвистики входят «ментальные» основы понимания и продуцирования речи, при которых языковое знание участвует в переработке информации. Результаты исследований в области когнитивной лингвистики дают ключ к раскрытию механизмов человеческой когниции в целом, особенно механизмов категоризации и концептуализации» [8, с. 53].

Ф. Джонсон-Лэрд пишет о наличии у человека как минимум двух взаимодополняющих стратегий мышления и на их основе выделяет 2 вида умозаключений: эксплицитные и имплицитные. Первые представляют собой логические построения, вторые получены на основе бессознательного сопоставления получаемой информации с хранящимися в памяти фрагментами опыта. Именно имплицитные умозаключения позволяют принимать решения в экстремальных ситуациях, т. к. они не выводятся на уровень рефлексии, благодаря чему появляется возможность сократить время для принятия решения. Процесс получения имплицитных умозаключений возможен при наличии в ментальной сфере человека рабочих ментальных моделей объектов [4, с. 234 – 258].

Э. де Боно описывает мышление по ассоциациям, лежащим в основе познания мира как онтологически присущую человеку латеральную мыслительную деятельность. «Ассоциация – это связь между некоторыми объектами или явлениями, основанная на нашем личном, субъективном опыте. Опыт этот может совпадать с опытом той культуры, к которой мы принадлежим, но всегда является также и сугубо личным, укоренённым в прошлом опыте отдельного человека» [12, с. 189].

Ассоциативные процессы как феномен психики изучали с древних времён. Позже их активно исследовали психологи и психиатры. Именно этим путём пошли З. Фрейд и его ученик К. Г. Юнг, считавшие исследование ассоциаций основным методом психоанализа. Когнитивная психология большое внимание уделяет природе ассоциаций, их связи с процессами индукции, их отношению к каузальным, причинно-следственным цепочкам [8, с. 13]. Психолингвистика начинает изучать более узкий круг ассоциативных процессов – вербальные ассоциации, позволяющие проанализировать те неосознаваемые структуры, в которых мы мыслим окружающий нас мир. Ю. Н. Караулов, Ю. А. Сорокин, Е. Ф. Тарасов, Н. В. Уфимцева, Г. А. Черкасова – группа авторов «Русского ассоциативного словаря», считают вербальные ассоциации принципиально новым источником самого феномена владения языком, базой для анализа закономерностей формирования языкового сознания в онто- и филогенезе [7, с. 5].

В настоящее время в лингвистике активно развивается когнитивно-дискурсивное направление. Значимым становится дискурсивный анализ предикативно-смысловой соотносительности слов, выявляется роль такой минимальной структуры знаний, как пропозиция, актуализирующаяся во фреймах. «Фрейм», «перформанс», «интеракция» – термины теоретической социологии и в широком смысле обозначают круг понятий, связанных со структурированием реальности. Впервые идея фрейма встречается в работах Грегори Бейтсона, который в своих исследованиях ориентировался на теорию коммуникации [3, с. 101]. Интерпретируя поведение выдр, имитирующих драку, Бейтсон предположил, что они обмениваются метакоммуникативными сигналами, обозначающими настоящую драку или игру. Ирвинг Гофман называет фреймом такую ситуацию, которая основана на принципах организации и вовлечённости в события [3, с. 71]. В книге «Анализ фреймов. Эссе об организации повседневного опыта», вышедшей в свет в 1974 г., после 10 лет напряженной работы, автор представляет систему микро-социологических описаний, которые представляют собой схемы для интерпретации повседневной жизни: «Моя цель заключается в том, чтобы выделить некоторые базовые системы фреймов (frameworks), которые используются в нашем обществе для понимания происходящего, и проанализировать трудности использования фреймов. Я исхожу из того, что человеку может показаться реальным то, что на самом деле является розыгрышем, сном, случайностью, ошибкой...» [3, с. 70]. Именно фреймы, по мнению Гофмана, преобразуют рассыпанную на фрагменты эмпирическую реальность в определенных ситуациях, структурируют восприятие социального мира, на основе чего и становится возможным взаимодействие, связанное с пониманием. Выделяя природные и социальные фреймы, автор указывает: «Социальные фреймы ...обеспечивают фоновое понимание событий, в которых участвуют воля, целеполагание и разумность – живая деятельность, воплощением которой является человек» [3, с. 82]. Как

правило, фреймы не осознаются субъектом, попытка их объяснения может привести к дезорганизации восприятия и поведения. Как отмечает исследователь, системы фреймов постоянно находятся в процессе своего формирования, происходит непрерывное «фреймирование» реальности, благодаря соотносению воспринимаемого события с его идеальным смысловым образцом. В терминологии Гофмана, это «ключи» и «переключения» фреймов [3, с. 101]. Гофман выделяет 5 основных «ключей» к первичным системам фреймов: выдумка (*make-believe*), превращающая серьёзное в несерьёзное, состязание (*contest*) – переключение фрейма схватки в игру, церемониал (*ceremonial*), демонстрирующий образцы надлежащего поведения, техническая переналадка (*technicalredoing*) – различного рода презентации, выставки – случаи превращения реальных ситуаций в их изображения, пересадка (*regrounding*) – ключ к пониманию мотивов действия в ситуациях, когда изображение не соответствует реальности. Таким образом, фреймы предстают как определённые ситуации, посредством которых мы моделируем окружающую нас действительность. «Обычно люди правильно оценивают, чем должна являться для них ситуация, и действуют соответствующим образом. Верно, что мы сами активно участвуем в упорядочивании нашей жизни, но, однажды установив порядок, мы часто продолжаем его механически поддерживать, как будто он существовал вечно» [3, с. 61].

Понятия, близкие понятию фрейма, существуют в науке. Данное понятие фрейма близко понятию ментальной схемы – антиципирующей реакции индивида на определённую ситуацию, введённому Фредериком Бартлеттом, и понятию фреймовой семантики, принадлежащему Чарльзу Филлмору, которое позволяет выявить смысл лексических выражений, указывая на типичные ситуации словоупотребления [1, с. 43].

Понятия, аналогичные термину «фрейм», есть и в других науках. В когнитивной психологии формальные схемы, организующие восприятие и память и позволяющие выходить за пределы получаемой информации, называются кодирующими системами. М. Минский называет фреймом структуру знаний для представления стереотипной ситуации [9].

Представляется актуальным проанализировать вербальные ассоциации представителей разных возрастных групп – детей 6 лет и взрослых, используя элементы фреймового анализа, который позволяет вскрыть стереотипные для человеческого общения отношения, отражающие связи явлений в мире. Помимо этого, фреймовый анализ – один из наиболее перспективных методов изучения значения слова, т. к. акцентирует внимание на том, что «для пользующегося языком человека значение слова реализуется через включение его в некоторую более объёмную единицу – пропозицию, фрейм, схему, сценарий, событие, ментальную модель и т. п.» [5, с. 115].

В свободном ассоциативном эксперименте приняли участие 20 детей шести лет, посещающих подготовительную группу одного из детских садов:

г. Кемерово (МДОУ № 36 «Центр развития ребёнка – детский сад»), и 20 взрослых в возрасте от 20 до 53 лет, активно общающихся с этими детьми – воспитателей и родителей. Опрос проводился индивидуально, и детей, и взрослых приглашали в хорошо известное им помещение, не перегруженное игрушками и мебелью. И дети, и взрослые получали инструкцию: «Услышав слово, ответьте сразу, не задумываясь. Назовите первое слово, пришедшее на ум». Реципиентам были предложены существительные, частотные в словарях представителей обеих возрастных групп: *бабушка, воспитатель, девочка, друг, папа, человек*.

Во второй части эксперимента, во избежание предвзятой трактовки ассоциативных реакций, непреднамеренного желания исследователя поставить себя на место испытуемого, реципиентам предлагалось ответить на вопрос: «Почему Вы ответили именно так?» Ответы на этот вопрос помогут вывести информацию с подсознательного уровня на уровень сознания, что позволит приблизиться к пониманию языковой личности ребёнка и взрослого, это та «экстралингвистическая информация, поставляемая социальной составляющей языка и связанная с «историей» языковой социализации данной личности, «историей» приобщения её к принятым в данном обществе стереотипам в отношении жизненно важных понятий, идей, представлений, историей их усвоения и присвоения в процессе социализации» [7, с. 45].

Лексикон взрослого человека детерминирован рядом факторов – среди них и ряд причин социального характера, в том числе и профессиональный фактор. Взрослые реципиенты – это женщины разного возраста, имеющие детей, часть взрослых – 30 % – это сотрудники детского сада, они общаются с детьми дошкольного возраста и в рабочее время. Мы можем проанализировать некоторые особенности ментального лексикона указанной группы взрослых носителей языка. Рассмотрим группу фреймов, объединённых темой «человек».

Фрейм «папа» актуализован следующими пропозициями:

S – его внешние свойства – «папа – большой, высокий» («У нас папа высокий, а я – нет, у них вся родня такая»);

S – его внутренние качества – «папа – добрый, любимый, друг, родной»;

S – P – «папа – помощь» («А кто нам поможет, только папа и поможет»);

S – антоним – «папа – мама» («Папа и мама – самые близкие, самые родные, всегда поймут, всегда поддержат»);

S – его оценка – «папа – голова» («Наш папа умный, я и сыну всегда говорю»).

Ядро составляют 2 пропозиции: «папа – мама» (30 %), «папа – добрый» и «папа – любимый» – по 25 %.

Интересно то, что, говоря о папе, только 2 человека сказали, что они имели в виду своего, родного папу, оставшиеся 18 (с их слов) думали о двух людях одновременно – и о своём папе, и о папе ребёнка

ка, о своём муже. Помимо этого, анализ ассоциативного поля позволяет увидеть то, как мать ребёнка «видит» – подсознательно – некоторые моменты глазами ребёнка («папа – большой»), «папа – высокий» – это точка зрения взрослого человека.

Аналогичный фрейм у ребёнка представлен другими пропозициями:

S – S – «папа – мама, брат, сын, баба, дочка, отец, студент», «Они – муж и жена, у них общие интересы. Мама любит мне «что-нибудь покупать, и себе тоже, а папа любит кататься на сноуборде, и я тоже. А ещё я люблю в бассейне с горки скатываться. Там есть глубокая, но я всё равно плаваю»; «Они – семья»; «Они близкие, как бабушка с бабушкой, они всегда вместе находятся и всегда помогают друг другу»; «Папа и мама – они друг другу родственники, только у них разные родители»; «Папа и мама – они разные: мама красит глаза, а папа – нет, мама любит платья, а папа – нет»; «Мама трудится, плюс ещё готовит, плюс ещё в школу нас возит. Мне мама получше нравится. А папа только деньги зарабатывает»; «Папа и мама – это родители. Они разные. Папа на охоту ходит, он раз хотел медведя поймать. Он залез на дерево, сторожил его, там доски положил. Папа часто уезжает, а мама – нет, она всегда дома»; «Папа и мама – родители. Они – разные, папа – мальчик, а мама – девочка»; «Папа и мама – это два человека, которые тебе ближе всех. Это твои родители»; «Папа и мама – они взрослые люди»; «Папа и мама – они молодые, у них есть дети»; «Это два родных человека, мне родные, и между собой – тоже»; «Папа и мама, они нашли себе семью, и у них ребёнок появился, а если женщина и женщина или мальчик и мальчик – так же не будет интересно»; «Баба для папы – мама, она – папина мама»; «У папы есть семья и дочка. Папа делает всё, что дочка просит»; «У моего папы есть брат, и у него тоже есть дочка»; «Я папу отцом не называю, и никто его не называет, я по телевизору слышал»; «А помните, в сказке: отец и мать, уехали, а брат с сестрой одни остались».

S – приветствие – «Папа, привет!» («Мы с папой всегда так здороваемся»);

S – объект – «папа – мяч, машина». («Папа машину чистит»);

S – P – O – «папа пёк пирожки». («Папа маме на праздник пироги делал, я тоже помогал немножко»);

S – P – «папа – ремонтирует». («Папа машину ремонтирует, игрушечную, мою старую, она сломалась. Я, когда маленькая была, любила с машинами играть»);

S – ласковое обращение к нему. («Ласково папу так называю»; «Я так папу называю, когда он угодил мне. Например, я в машине сказала: «Купи мне две шоколадки, и он мне две шоколадки купил»);

S – его внешние свойства – «папа – красивый». («А у меня папа красивый!»);

S – L – «папа – на работе». («Папа на работе всегда, он в милиции работает. Он допоздна там»).

Ядро данного ассоциативного поля составляет пара «папа – мама», одна из наиболее частотных – 60 % детей называют её вне зависимости от того, полная ли семья. На примере данного фрейма мож-

но проследить процесс категоризации. Категоризация тесно связана с процессами мышления (сравнением, отождествлением, установлением сходства) и языком. «В любом языке мира специальными обозначениями выделены главные для него категории, да и наличие подобного наименования является ярким доказательством релевантности и существенности стоящих за ним концептов и реалий» [8, с. 46]. Процессы категоризации лежат в основе познания мира ребёнком, поскольку человеку, как указывал А. Ф. Потенба [10], вообще свойственно сравнивать всё со всем. Категоризация «в узком смысле – подведение явления, объекта, процесса и т. п. под определённую рубрику опыта, категорию, но в широком смысле – процесс образования и выделения самих категорий, членение внешнего и внутреннего мира человека сообразно сущностным характеристикам его функционирования и бытия» [8, с. 42]. Сталкиваясь в своей жизни с новым объектом либо пытаясь понять суть известного, и взрослый, и ребёнок совершают несколько довольно сложных операций. Они выделяют интересующий объект из множества других, сравнивают этот объект с другими, выделяют в нём знакомые им, привычные свойства, уже известные в других объектах, таким образом объединяя их в одну категорию. По данным Ж. Пиаже [11], ребёнок легче усматривает различия, чем сходства, что вполне естественно, т. к. для ребёнка жизненно важны ощущения: чувство сытости или голода, холода или тепла, внимание взрослого или отсутствие его. Когнитивный переворот позволил пересмотреть процесс классификации явлений действительности с точки зрения обыденной, повседневной жизни, на категорию взглянули с позиций когнитивной деятельности человека. Л. фон Витгенштейн доказал, что естественная категоризация, в отличие от научной или логической, предъявляющей единые требования к каждому члену категории, может объединить неравноправные. Новые члены категории повторяют лишь некоторые из характеристик, их объединяет «фамильное сходство». Позже эти идеи были развиты Л. С. Выготским, а также Дж. Лакоффом, что нашло своё отражение в описанном им прототипическом подходе и прототипической семантике. Анализ описываемого фрейма позволяет увидеть, как дети, следуя принципу естественной категоризации, ищут общие черты и различия между понятиями, объединяющими родственников. Названный пример демонстрирует процесс поиска и выделения прототипических явлений детьми шестилетнего возраста, попытки обнаружить «фамильное сходство», объединить слова в одну категорию на основе одного гипотезированного признака, чему способствует размытость формально-семантических границ категорий.

Фрейм «бабушка» у взрослых носителей языка актуализован пропозициями:

S – его внутренние качества – «бабушка – ласковая, добрая»;

S – его внешние свойства – «бабушка – старенькая, старость». («Старенькая у нас бабушка, заботиться о них с дедом уже пора»);

S – Объект – «бабушка – очки, борщ, пироги, вязанье». («Наша баба Зина учудила на днях: попросила найти её очки. Мы все ищем, с ног сбились, а Андрюшка кричит: «Баба, да они же на носу у тебя!» Так бы и искали. Мы ей их постоянно ищем»);

S – S – «бабушка – дедушка». («Они всегда вместе, даже когда молодые были, отдыхали и то вместе, как попугаи-неразлучники», «Они – самые родные для нас люди»).

Последняя пара (её называли 25 % опрошенных) вместе с отношениями «бабушка – старенькая» (20 %) составляют ядро данного ассоциативного поля. Анализ фрейма позволяет проследить, как слово, соотносящееся с конкретным денотатом, при каждом своём употреблении «высвечивает» определённую грань, тот оттенок смысла, который вкладывает в него данная языковая личность, что является результатом осмысления объекта действительности с разных сторон. При этом слово, являясь представителем концепта, окружено концептосферой, в центре которой – прототипические знания («бабушка – старенькая»), на периферии – представления менее частотные, более индивидуальные – любовь к вязанию, умение варить вкусный борщ, жарить пирожки.

Фрейм «бабушка» у детей представлен отношениями:

S – S – «бабушка – дедушка, старик, мама, сыночек, ребёнок». («Это человек тоже старенький, как и бабушка»; «У меня две бабушки и два дедушки: баба Таня и деда Петя в Красном Броде, а баба Валя и деда Вадим – в Осинниках»; «У меня есть баба Люда, она в Ленинске живёт, мы вчера приехали, у неё были. Они вместе с дедушкой живут»; «Бабушка и дедушка вместе, они живут около нас»; «Бабушка есть у меня, а дедушки нет, умер, не дождался меня, деда Гена»; «Бабушка и старик – оба старые», «Они тоже как семья, и они оба старенькие. У них лицо такое... Им много лет. Молодые бывают выше стареньких»; «Они как бы близкие друг другу. Они всегда вместе»; «Бабушка и дедушка разные, но всё равно родные»; «Бабушка с дедушкой – это родные люди. Они разные: дедушка – это мальчик, а бабушка – девочка. Иногда дедушки бывают лысые, а бабушки – с волосами. У меня дедушка лысый, его бабушка подстригла»; «Бабушка и дедушка разные. Ноги у них одинаковые, тело, голова, руки – разные. Мне дедушка с бабушкой нравятся. Дедушка много работает, а бабушка – нет»; «Бабушка с ребёнком гулять ходит, из садика забирает», «Бабушка и мама одно и то же. Это женщина и женщина. Мама тоже когда-то бабушкой станет»; «Бабушка, баба Фая, у неё есть сыночек, она любит сыночка, только он уже вырос. Она старенькая-старенькая, она моей мамы бабушка, очень глухая. У неё есть собака и куры»);

S – ласковое обращение к нему – «бабушка – бабуля». («У меня бабуля есть, это бабушка, мы её так называем, и я, и мама»);

S – S (родовидовые отношения) – «бабушка – баба Люда, баба Галина». («Баба Галина, она приходит на день рождения с моей сестрой, она в Юрге

только живёт, а я в России, в Кемерово»; «У меня есть бабушка Света, и маму зовут Света»);

S – P – «бабушка гуляет». («Бабушка перед сном гуляет. Она потом спит хорошо, а если не погуляет, заснуть долго не может»);

S – P – O – «бабушка гуляет с Машей»;

S – его внешние свойства – «бабушка – старенькая». («А у нас две бабушки – одна старенькая, а другая – нет, молодая». «Баба Маша старенькая, я у неё часто бываю, она меня сладостями, пирогами кормит»);

S – чувство по отношению к нему – «бабушка – люблю». («Бабушка – родная, добрая, я её люблю»).

Ядро этого ассоциативного поля представлено отношениями «бабушка – дедушка» (50 %). Приведённые ответы детей свидетельствуют о проявлении в их речи наглядно-образного мышления, для которого характерна конкретность, – дети рассуждают о своих бабушках, а не о неких абстрактных, «бабушках вообще», вспоминают наиболее яркие, с их точки зрения, события. Д. Б. Эльконин писал: «Шестилетний ребёнок в состоянии решать задачи не только путём непосредственных действий. Конкретность детского мышления выражается и в привязанности к ситуации, недооценке причинно-следственных связей, подмене их последовательностью во времени, в предпочтении ярких, а не существенных признаков объекта» [13, с. 18]. Онтолингвисты (Наумова, Серебрякова), изучающие ассоциации детей дошкольного возраста, сходятся во мнении, что основная стратегия у ребёнка этого возраста – противопоставление. Однако опрос, проведённый после ассоциативного эксперимента, выявляет иную тенденцию – большая часть, и ассоциативная пара «дедушка – бабушка» в частности, демонстрируют неоднородные отношения: наряду с противопоставлением, дети ищут общее в этих понятиях, проводят анализ на доступном им уровне. Категория смысла, смысловой близости или различия связана с понятием внутреннего контекста. Ребёнок, определяя для себя сходство или различие между объектами, опирается на свой жизненный опыт, на ту сумму знаний, которая доступна ему, на определённую ситуацию, что впоследствии и находит своё отражение в его речи.

Фрейм «девочка» вербализован у взрослых носителей языка в пределах следующих пропозиций:

S – S (антонимичные отношения) – «девочка – мальчик». («Я люблю девочек, а у нас два мальчика», «У меня в группе в этом году больше девочек, думала, повезло, а тут такие девочки, каждая трёх мальчишек стоит»);

S – S (родовидовые отношения) – «девочка – Яна». («У меня девочка, дочка Яна»);

S – его оценка – «девочка – лапочка». («У меня внучка-лапочка и три внука-сорванца»);

S – его внешние свойства – «девочка – длинные волосы, бантик, с бантиком, красавица». («Сестра у меня – красавица, и девочка у неё такая же»);

S – его внутренние качества – «девочка – хорошая, весёлая, хохотушка». («Внучку на выходные привозили, такая хохотушка»).

Ядро – 30 % – отношения «девочка – мальчик».

Анализируемое ассоциативное поле, как следует из приведённых выше примеров, актуализует знания и эмоции мам и бабушек, вызванных всплывающими воспоминаниями об их дочерях, внуках, воспитанниках, – эти ассоциативные связи несут индивидуальный характер, они сформированы личным жизненным опытом. Прототипы в речи могут меняться в зависимости от ситуации (внучка больна и капризничает или у дочери неприятели в школе). Лексическое наполнение ассоциаций определено вербально-логическим мышлением взрослого человека, способного к созданию метафор («девочка – лапочка, хохотушка»).

Аналогичный фрейм у шестилетних дошкольников организован следующими пропозициями:

S – S – «девочка – мальчик, подружка, папа». («Мальчик любит совсем другое, всякие страшилки, а девочка любит куклы»; «Девочки играют с куклами, а мальчики – нет. Мне нравятся балерины, волосы белые и одежда блестящая»; «Девочки и мальчики – они дети, только у девочек волосы длинные и голос не как у мальчиков, и у девочек есть туфли, юбочки, а у мальчиков – кроссовки, штаны»; «Они – дети. Лица одни и те же, только у мальчиков просто волосы, а у девочек косички, даже по колено могут быть, Гордей в Турции видел»; «Девочка и мальчик – разные: у мальчика короткие волосы, а у девочки – длинные, мальчик – спасает, а девочка – нет. Они вместе играют»; «Девочка и мальчик играют вместе во дворе»; «Девочка и мальчик могут быть друзья, у меня есть друзья девочки, Настя, ещё одна Настя»; «Мальчик – тоже маленький человек, это – одно и то же, они – дети»; «Это два человека – девочка и мальчик»; «Это тоже как папа и мама, только маленькие, дети»; «Они тоже вместе, они – разные, у девочек волосы длинные, а у мальчика – короткие, мальчик любит играть в машинки, а не в куклолки»; «Девочка и мальчик похожи, но не совсем... Они могут быть близнецами»; «Девочки и мальчики – у них разные родители»; «Девочки серёжки носят, а мальчики – нет»);

S – словообразовательная форма – «девочка – девчоночка». («Я хотела сказать «девчонка», но это грубо, так говорят грубые люди. Я прибавила ещё слово, получилось «девчоночка»);

S – P – «девочка прыгает». («Нам Зоя Васильевна скакалки дала, и мы прыгали в спортзале»);

S – P – O – «девочка играет в куклы». («Девочки любят играть в куклы, мальчики – нет»);

S – P – L – «девочка играла на площадке»;

S – O – «девочка – куклолка, прятки». («Девочки всегда с куклолками играют, даже в садик приносят»; «Мы с девочками в прятки любим во дворе играть»);

S – S (родовидовые отношения) – «девочка – Марина, Аня». («У нас во дворе есть девочка Марина, мы с ней играем»);

S – P – «девочка – читает».

В ядре находятся отношения «девочка – мальчик» (75 %). Анализ этого фрейма выявляет, помимо ярко выраженного процесса категоризации, обилие однотипных реакций – дети осваивают значимые

для них аспекты значения слова, что подтверждает активную мыслительную деятельность дошкольников. Э де Боно писал: «Наш мыслительный аппарат высокоэффективен. Функционируя, он преобразует всё, что его окружает, в некие стереотипы или модели» [2, с. 9]. И далее: «Мыслительный аппарат – это система, которая рождает клише и их постоянно использует» [2, с. 41]. Стереотипы облегчают процесс общения между дошкольниками, дети посещают одну группу, часто занимаются в одних спортивных школах, их родители общаются в детском саду, многие дружат семьями.

Фрейм «воспитатель» у взрослых носителей языка представлен следующими отношениями:

S – S (синонимичные) – «воспитатель – друг, женщина, наставник, мама, я». («Воспитатель ребёнка маму заменит, пока её нет рядом: и накормит, и нос вытрет, и уму-разуму поучит», «У меня опыта мало, я – молодой воспитатель, мне опытные подсказывают иногда»);

S – O – «воспитатель – дети». («В школе – учитель, а здесь – воспитатель с детьми работает»);

S – L – «воспитатель – садик, стол». («Я в спальне, пока дети спят, сижу за столом, планы на следующий день пишу»);

S – его внутренние качества – «воспитатель – опытный, хороший, умный». («Важно, чтобы малыш сразу к хорошему воспитателю попал, а то капризничает, в группу не заходит»);

S – его внешние свойства «воспитатель – светленькая»;

S – P – «воспитатель – заниматься». («В школе учат, а здесь занимаются с детьми, к школе готовят, хорошо готовят, мой читать научился, мы и не заметили как»);

S – оценка условий его работы – «воспитатель – ужас». («Как они, бедные, с нашими детьми целый день? Я захожу на 5 минут, и то голова от шума начинает болеть»).

Ядро этого ассоциативного поля представлено отношениями «воспитатель – добрый, мама, женщина» (по 10 %). Подбор синонимов («воспитатель – друг, женщина, воспитатель, мама, я») зависит от точки зрения носителя языка, его личности, осмысления им объекта действительности, что в равной степени обусловлено как экстралингвистическими факторами, так и символической функцией вербального знака.

Фрейм «воспитатель» у шестилетних детей объединяет значительно больше пропозиций, чем предыдущие – эта тема ребёнком хорошо исследована, большая часть детей посещают детский сад с двухлетнего возраста, они общались со многими воспитателями, среди них есть любимые, дети их сравнивают.

S – S («воспитатель – мама, учитель, учительница, логопед». («В садике воспитатель, а в школе учитель учит», «Мамы с папой приводят детей в садик, а мамы и папы идут на работу, чтобы им не оставлять одних детей, чтобы дети не смотрели одни мультики. А воспитатель рассказывает всё детям, говорит, какие бывают животные. Воспитатели этот мир уже прошли, и они рассказывают», «Воспитатель и мама – почти одно и то же, только воспита-

тель в садике занимается с детьми, а мама – твой родной, твой близкий человек», «Логопед и воспитатель – то же самое, они говорить учат», «Воспитатель и учитель разные, в садике тоже есть математика, но в школе учитель даёт много уроков, а в садике – мало, и у воспитателей нет такой палочки, да, указки, а у учителя есть», «Мама и воспитатель похожи, только они работают в разных местах. Мамы могут не работать, если у них работы нету», «Мама и воспитатель – разные, воспитатель заставляет что-то делать, а мама – нет»);

S – O «воспитатель – дети». («Воспитатель многому детей научить может, арифметике, строительству»);

S – P «воспитатель читает» («Нам Тамара Николаевна сказки перед сном читает»);

S – P – O «воспитатель детей учит»;

S – L «воспитатель – садик, детский сад, в группе»;

S – внутренние качества «воспитатель – умный, сильный, довольный». («Воспитатель довольный всеми, кто послушается»);

S – P «воспитатель – учит, занимается». («Воспитатель нас учит, пишем, читаем иногда»).

Ядро данного фрейма составляют отношения «воспитатель – мама» (25 %) и «воспитатель – учитель» (10 %). Анализ этого фрейма позволяет увидеть, что пропозициональные структуры знаний в языковом сознании детей шестилетнего возраста уже сложились. Ассоциативные связи, в пределах которых соединяются субъект – его внешние свойства – его внутренние качества – действие – объект – место, дают возможность репрезентации их лексическими единицами, погружёнными в контекст. Наполнение пропозиций этими единицами обусловлено разным уровнем развития психических процессов ребёнка – памяти, внимания, восприятия, мышления, что актуально для этого возраста, индивидуальным опытом дошкольника, средой, которая его окружает.

Фрейм «друг» у взрослых вербализован пропозициями:

S – S (антонимы) – «друг – враг». («А у меня врагов мало, да и друзей тоже», «Такой может быть друг, что и врагов не надо»);

S – S (синоним) «друг – подруга» («У меня не друг, а подруга хорошая»);

S – S (родовидовые отношения) «друг – Ира»;

S – внутренние качества «друг – надёжный, верный, хороший, закадычный». («Друг и нужен надёжный», «У меня все друзья хорошие»);

S – состояние – «друг – весело». («У меня друг есть, он мне всегда настроение поднимет, даже когда плакать хочется. С ним весело»);

S – отношения «друг – дружба».

Ядро этого ассоциативного поля составляют отношения «друг – враг», «друг – хороший» (по 25 %) и «друг – верный» (20 %). Для взрослого человека, и это видно из результата анализа, важно, чтобы друг был надёжным, верным, хорошим.

Анализ аналогичного фрейма у шестилеток важен в силу того, что абстрактная лексика в речи де-

тей-дошкольников появляется сравнительно поздно. Мышление старшего дошкольника наглядно-образное. Появление в речи абстрактных слов отражает новую ступень в речевом развитии ребёнка: расширение социального опыта, знакомство с печатным словом – часть шестилеток читают, развитие мышления – дошкольник пробует осваивать операции анализа и синтеза – всё это позволяет ребёнку начать поиск основного дифференциального признака, пытаться сопоставить явления по существенному, не случайному, как ранее, признаку и объединять их в группы, что находит своё отражение в речи.

Фрейм «друг» у дошкольников актуализован следующими отношениями:

S – S – «друг» – «друзья». («У меня друзей много, и в садике, и во дворе»; «Если один друг, друзья к нему на помощь придут, а один друг мало поможет с уроками или потренировать, например, если ему надо выиграть футбол, а у него не получается. Они ему помогут»; «У меня много друзей. Если один друг, и мы поссоримся и не помиримся, у меня не будет друзей. У меня о-очень много друзей»; «Друг – это один, а друзья – лучше. У меня два друга – Соня и Мария. Соня болеет, я с Марией играю»);

S – S – антонимичные отношения – «друг – не-друг, враг, родной, брат». («Враг, он с тобой не играет и другим говорит: «Не играйте, не играйте с ним», «Враг, он обижает, отбирает всё», «Враг – это тот, с кем ты не хочешь дружить, если взрослые люди, это относится даже к убийствам», «С другом можно поссориться, тогда с ним можно не дружить. Это называется «враг», а если помирился, тогда он снова – «друг». У меня врагов больше, с которыми я не дружу – я же не могу ходить по всему миру и знакомиться», «Друг добрый, играет с тобой, а враг злой и не дружит с тобой»; «Друг» – «родной» – разные понятия. «Друг» – ты с ним в садике дружишь, а «родной» – тот, кто тебя любит»; «Брат – родной, а друг живёт рядом, не в нашем доме, я к нему играть хожу на компьютере»; «Брат – он лучше. Он всегда помогает, он отвозит и привозит, учёбу помогает делать. А друг – он просто так»; «Друг – это мальчик, а подружка – это девочка. Я с мальчиками раз только дружила, а вообще с подружками дружу. Мне так что-то нравится»);

S – S – синонимичные отношения – «подруга, подружка, брат, мама». («Мама сказала, чтобы мы были лучшими подружками», «Друг-девочка – будет подружка, мы с ней играем всегда, она что-нибудь дарит. Мы с ней ещё не ссорились»; «У меня брат – друг»);

S – P (действие, направленное на O) «друг – дружу». («Я с другом играю, дружу»);

S – P (действие, выполняемое S) «друг – играет». («Друг играет в шахматы, и я»);

S – P – L – O «друг играл на улице с котом»;

S – P – «друг дарит цветы». («Друг, он в гости ходит, цветы дарит, подарки»).

Ядро фрейма составляют пропозиции «друг – друзья» (25 %) и «друг – враг» (20 %). Для шестилетних дошкольников – это видно из анализа – важно

наличие большого количества друзей, тех, кто с ними играет, «качественная» характеристика друзей для них пока не важна. Абстрактную лексику ребёнок в этом возрасте употребляет не вполне осмысленно, часто – механически повторяя за взрослым, значение этих слов, как правило, сужено. Абстрактная лексика ещё не стала для дошкольников привычной – жизненный опыт не позволяет этого сделать.

Фрейм «человек» у взрослых актуализован отношениями:

S – S (синонимичные) – «человек – личность, индивид, «мен», «животное». («Человек – часть животного мира, отличается, конечно, умением планировать, интеллектом более развитым, но инстинкты – оттуда, из мира животных»);

S – S (антонимичные) – «человек – собака». («Дома кого только нет: и кошка, и собака, и попугай Ксюшка просит»);

S – его внутренние качества «человек – хороший, образованный, разумный, разный»;

S – родовидовые отношения – «человек – мужчина, друг, человек-Паук». («Егор посмотрелся фильмов, теперь у него человек-Паук везде, и рисует, и журнал покупаем»);

S – его внешние свойства «человек – высокий, одежда»;

S – L «человек – дом».

Ядро этого сложно структурированного фрейма составляют отношения «человек – друг». В данном фрейме представлены те ценностные факторы, которые значимы для конкретной группы людей. Прототипы в речи могут меняться в зависимости от ситуации, эмоционального настроя говорящих. Погружение в различный контекст позволяет рассматривать одни и те же слова то как синонимы, то как антонимы («Ты же человек, не животное, веди себя прилично!» и «Человек – такая же часть животного мира...») Психолингвистическая трактовка синонимов предполагает использование ситуационного подхода, который связан не только с репрезентацией знаний о мире, но и выявляет специфику ассоциативных связей, обусловленных интеллектуальным уровнем человека, профессиональной принадлежностью, жизненным опытом, а также ситуацией, в которой происходит общение. Ценность данного подхода в том, что он развивает концепцию значения слова как достояние конкретной языковой личности, позволяет увидеть индивидуальную картину мира, выводя за рамки сугубо языкового знания [Залевская, 1999].

Фрейм «человек» отражает процесс мыслительной деятельности дошкольника – понятие «человек» предполагает ещё более высокий уровень абстрагирования:

S – Сы «человек – люди». («Человек – это один, а люди – это много. Одному скучно», «Много людей в нашем мире. Одному плохо, если, например, дома один человек»);

S – S «человек – нечеловек, животное, лягушка, кошка, собака, зверь, робот, игрушка, космонавт». («Человек на ногах ходит, а животное – на лапах, человек говорит, а животное лает, мяукает», «Чело-

век высокий, а жаба низкая; лягушка зелёная, а человек... не знаю, каким словом; я в «Лунтике» видел жабу», «Собака – это друг человека, они могут быть друзья, гуляют вместе, играют», «Обезьяна – тоже животное, она похожа на человека, только у них есть хвост, а у людей нет, даже ни у кого, животное ест траву, а человек – нет, потому что траву может есть только животное», «Человек и обезьяна – похоже, лицо почти как у человека. А Вы знаете, что гориллы занесены в «Красную книгу»? Их мало осталось», «У человека нет шерсти, а у животного – есть, у них мордочка вытянутая, а у людей – обычная. Человек может нюхать, и животное может, человек может спать, и животное может. И ещё у них есть уши»; «Человек и игрушка похожи, игрушки, как человек, только сами ходить не умеют, и лицо у них такое же», «Робот можно замаскировать в человека, он будет казаться как человек. Робот может крутиться всяко разное, может даже пушку из руки сделать», «Космонавт – это тоже человек, только он в космосе летает, в ракете. У него скафандр надет, а человек ходит в обычной одежде по улице»);

S – S родовидовые отношения «человек – дядя»;

S – его внутренние свойства «человек – умный, сильный, добрый»;

S – P «человек – играет, плавает». («Человеку играть интересно», «В бассейн буду ходить, хочу научиться плавать. Аня, Люба умеют плавать»);

S – P – L «человек сидит на столе».

Ядро этого фрейма представлено пропозициями: «человек – животное» (25 %) и «человек – люди» (15 %). Категоризация возможна при условии применения не всей информации об интересующем нас объекте, а при использовании лишь существенной её части. «Врождённой способностью высокоразвитого организма является не просто сжатие бесконечного многообразия мира, но сжатие с целью упорядочения и нахождения закономерностей» [12, с. 89]. Анализ данного фрейма позволяет проследить, как ребёнок производит такой отбор информации на доступном ему уровне. Отбор информации, вычленение степени её значимости зависит и от возраста человека, и от его индивидуальности, и от его жизненного опыта. Для ребёнка овладение процессом обобщения – важный этап, «скачок» в интеллектуальном развитии, т. к. именно обобщение позволяет более экономно перерабатывать информацию.

Операция категоризации тесно связана с концептуализацией – процессом поиска смысла. «Механизм категоризации надо отнести к уровню концептуальной структуры, ибо суждения о принадлежности к одной и той же или разным категориям – это итоги сопоставления двух концептуальных структур, принимающих форму высказывания «X – это пример категории Y» [8, с. 46]. Процессы категоризации и концептуализации позволяют раскрыть особенности речемыслительной и познавательной деятельности ребёнка и взрослого. Способность к категоризации, умение классифицировать явления окружающей действительности проявляются у человека рано, ещё в дошкольном возрасте, с возрастом, с накоплением опыта, с усвоением языка эти способности развива-

ются, носят более совершенный характер. Категоризация мира осуществляется в пределах фрейма – именно он направляет мышление человека в любом возрасте, обеспечивая связное мировидение.

Суммируя всё вышесказанное, можно сделать вывод о том, что пропозициональные структуры знаний в языковом сознании детей шестилетнего возраста уже сложились. Наполнение пропозиций лексическими единицами зависит от конкретной личности ребёнка. Явно прослеживаются принципы естественной категоризации, когда и взрослый, и ребёнок классифицируют предметы, согласно их роли и прагматическому значению в их жизни.

Литература

1. Батыгин, Г. С. Континуум фреймов: социологическая теория Ирвинга Гофмана / Г. С. Батыгин // Гофман И. Анализ фреймов. – М.: Институт социологии РАН, 2004.
2. Боно, Э. де. Латеральное мышление / Э. де Боно. – СПб.: Питер Паблишинг, 1997.
3. Гофман, И. Анализ фреймов / И. Гофман. – М.: Институт социологии РАН, 2004.
4. Джонсон-Лэрд, Ф. Процедурная семантика и психология значения / Ф. Джонсон-Лэрд // Новое в зарубежной лингвистике. – М.: Прогресс, 1988. – Вып. XXIII.
5. Залевская, А. А. Введение в психолингвистику / А. А. Залевская. – М., 1999.
6. Караулов, Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. – М., 2007.
7. Караулов, Ю. Н. Русский ассоциативный словарь / Ю. Н. Караулов, Ю. А. Сорокин, Ю. Ф. Тарасов. – М., 1994.
8. Кубрякова, Е. С. Словарь когнитивных терминов / Е. С. Кубрякова, Ю. Г. Панкрац. – М., 1996.
9. Минский, М. Фреймы для представления знаний / М. Минский. – М.: Энергия, 1979.
10. Потебня, А. А. Мысль и язык / А. А. Потебня. – М., 2007.
11. Пиаже, Ж. Речь и мышление ребёнка / Ж. Пиаже. – М.: Римис, 2008.
12. Фрумкина, Р. М. Психолингвистика / Р. М. Фрумкина. – М., 2003.
13. Эльконин, Д. Б. Развитие речи в дошкольном возрасте / Д. Б. Эльконин. – М., 1958.

УДК 811.161.1'42:61

ОБЫДЕННАЯ МЕДИЦИНСКАЯ КОММУНИКАЦИЯ (виды дискурсивных практик)

Н. Д. Голев, Н. Н. Шпильная

ORDINARY MEDICAL COMMUNICATION (types of discursive practices)

N. D. Golev, N. N. Shpilnaya

В статье очерчиваются контуры обыденной медицинской коммуникации как самостоятельного предмета лингвистического изучения, дается общая характеристика обыденного медицинского дискурса. В конкретно-исследовательской части статьи выявляются и описываются дискурсивные практики, сформировавшиеся в сфере обыденной медицинской коммуникации, предлагается их типология, основанная на различении дискурсивных практик по особенностям их референтной и коммуникативной репрезентации события: как «события-идеи», как референтного события и как текстового события.

The paper outlines ordinary medical communication as independent subject-matter of linguistic study, offering overall characterization of ordinary medical discourse. Research section of the paper highlights and describes discursive practices, formed in the sphere of ordinary medical communication, offering their typology based upon discursive practices differentiation according to peculiarities of referential and communicative event representation as 'idea-event', referential event or textual event.

Ключевые слова: медицинская коммуникация, обыденный медицинский дискурс, дискурсивные практики, репрезентация события в дискурсе

Keywords: medical communication, ordinary medical discourse, discursive practices, discourse event representation

*Сфер общественной деятельности – бесконечное множество.
Но лингвисту нет надобности все их подвергать особому рассмотрению. Целе-
сообразно ограничиться лишь теми,
которые выделяются особыми типами языкового взаимодействия.
В. А. Аврорин*

В статье обосновывается возможность рассмотрения обыденной медицинской коммуникации как самостоятельного предмета лингвистического изучения, вписываемого в русло общей теории обыденной коммуникации, объектом изучения которой яв-

ляется естественное функционирование языка в различных коммуникативных сферах – юридической, политической, лингвистической и т. п. Обращение к данной проблематике обусловлено осознанием значимости стихийно-естественных речевых практик,

отражающих реальное функционирование языка (в его различных аспектах) и являющихся генетической основой искусственных – профессиональных – речевых систем и их функциональных трансформаций, с одной стороны, и осознанием необходимости установления диалога научной и наивной картины мира, с другой стороны. «Никакая другая область человеческой деятельности настолько не нуждается в установлении диалога научной и наивной картины мира, как практическая медицина с ее постоянным общением специалистов и неспециалистов по поводу лечения заболеваний» [16, с. 77].

I. Обыденная медицинская коммуникация: постановка проблемы и определение границ

Постановка проблемы. Социальные аспекты языка всегда привлекали внимание лингвистов. В разное время внимание ученых было сосредоточено либо на стратификационной дифференциации языка, обусловленной разнородностью социальной структуры [7; 8, с. 382 – 396; 27, с. 238 – 243; 28, с. 155 – 156], либо на ситуативной дифференциации, обусловленной многообразием социальных ситуаций. Выяснилось, что в социально-профессиональных сферах складываются специфические коммуникативные пространства с определенной субъектно-объектной структурой и системой речевых жанров. Так, в центре художественной коммуникации находится коммуникативное взаимодействие писателя и читателя (на периферии – дискурсивные практики критика, переводчика, учителя литературы и т. п.). Правовая коммуникация имеет более сложную структуру и несколько центров: законодательная власть языком закона общается с народом через опосредование законоисполнительных органов, судебную разновидность правовой коммуникации формирует центр «истец – ответчик», их дискурс неофициальный, а адвокат, прокурор, судья, присяжные заседатели придают ему официальный статус и т. п. Центральными субъектами медицинской коммуникации оказываются врач и пациент, формирующиеся многообразные дискурсы и дискурсивные практики. В каждой коммуникативной сфере присутствует большой диапазон видов дискурса, выделяемых по разным основаниям. Нас интересует оппозиция профессионального, повседневного и обыденного видов, их взаимодействие и трансформации. При этом мы не отождествляем повседневное и обыденное. Повседневное выделяется в оппозиции официально-профессионального и бытового общения (повседневным может быть и дискурс профессионала), а обыденное выделяется на фоне оппозиции «специалист – неспециалист», за кадром которой стоит оппозиция научного знания и знания наивного.

В настоящее время в фокусе внимания лингвистов чаще всего оказываются особенности институционального коммуникативного взаимодействия в таких социальных сферах, как политика, медицина, образование, спорт и пр. Это, в свою очередь, привело к появлению большого количества работ, посвященных исследованию особенностей речевой

коммуникации в той или иной профессиональной среде [35], в том числе юридической [29], судебной [15], дидактической [33, с. 106 – 111], политической [41, 42] и др. Однако при этом в лингвистических работах, за малым исключением, недостаточное внимание уделяется естественной, обыденной коммуникации, осуществляемой в различных социоречевых контекстах. Нам известно несколько работ, посвященных изучению особенностей повседневной коммуникации. Так, к примеру, на сегодняшний день в разных аспектах исследуются особенности обыденной юридической (правовой) [12, с. 297 – 305; 36], религиозной [6, с. 306 – 316], лингвистической [31, 32] коммуникации.

В парадигме наивных социоречевых сфер коммуникации особое место занимает обыденная медицинская коммуникация, обслуживающая спектр естественных коммуникативных контекстов, референтно (тематически) соотнесенных с медицинской практикой. Особость данной коммуникативной сферы обусловлена значимостью медицины как социальной практики, ориентированной на решение ряда проблем, связанных со здоровьем человека, с лечением заболеваний, с человеческой жизнью в целом, и провоцирующей тем самым носителей языка на актуализацию тех или иных аспектов медицинской жизни путем воссоздания событий (ситуаций), имеющих место в реальной или виртуальной медицинской практике, обсуждения «медицинских проблем» (повышение цен на лекарства, хороший врач и пр.), трансляции народной медицинской мудрости и т. п. Как самостоятельная социоречевая сфера, обыденная медицинская коммуникация противопоставлена в аспекте антиномии *естественное – искусственное* профессиональной медицинской коммуникации, то есть профессиональному – прежде всего статусно-ориентированному – общению врачей разных специальностей с пациентами, характеризующемуся представительской коммуникативной функцией его (общения) участников. Однако, в отличие от профессиональной медицинской коммуникации, довольно часто становящейся объектом гносеологических рефлексий лингвистов [2; 4 – 5; 13; 18 – 19; 37 и др.], сфера обыденной медицинской коммуникации гораздо меньше привлекает внимание исследователей и остается малоизученной, хотя ее отдельные разновидности и проявления в разных аспектах исследуются лингвистами, культурологами, философами и пр. Так, исследуются особенности обыденного медицинского **социолекта** – профессионального жаргона [16, с. 76 – 80], наивного медицинского просторечия [1]; особенности наивной – медицинской – языковой картины мира, носителем которой является **непрофессиональная языковая личность**, в этом аспекте изучению подвергаются такие кванты наивного медицинского знания, как болезнь [11; 17, с. 166 – 170; 24, с. 154 – 164; 30; 39], здоровье [11; 23; 38 – 39], врач [9]; изучаются особенности актуализации последних в разных **типах дискурса** – и прежде всего в художественном [11; 24]. В фокусе внимания лингвистов также оказывается такой фациент наивной медицин-

ской коммуникации, как **адресат**; при этом исследуются научно-популярные медицинские тексты (научно-популярные медицинские журналы, научно-популярные медицинские программы), создаваемые профессиональной языковой личностью и характеризующиеся определенной степенью «обыденности», находящейся в прямо пропорциональной зависимости от типа адресата [3, с. 25 – 26]. Однако большинство из указанных работ лингвистов имеют лишь косвенное отношение к изучению обыденной медицинской коммуникации. Так, например, во многих исследованиях наивные проявления речевой деятельности, имеющие место в сфере медицинской коммуникации, выступают в роли обычного материала для лингвистического исследования. Специфика же обыденной медицинской коммуникации как самостоятельной социоречевой сферы, которая, в первую очередь, подчинена **контексту** определенной социальной ситуации, не становится непосредственным предметом внимания лингвистов. Все это позволяет говорить о необходимости рассмотрения сферы обыденной медицинской коммуникации как отдельности, составляющей автономный предмет исследования, подлежащий изучению.

Обыденная медицинская коммуникация: границы проявлений. Изучение обыденной медицинской коммуникации в качестве автономного предмета исследования предполагает рассмотрение вопроса о границах проявлений *обыденной* медицинской коммуникации как сферы реализации когнитивно-дискурсивного потенциала обыденного языкового медицинского сознания. Очевидно, что ответ на поставленный вопрос будет дифференцироваться в зависимости от референтного наполнения оппозиции *обыденное – профессиональное языковое сознание*.

В связи с этим, как представляется, необходимо предварительное обсуждение проблемы соотношения обыденного языкового сознания и тесно и разнонаправленно связанного с ним профессионального языкового сознания. Условно говоря, можно выделить две линии гносеологического осмысления оппозиции *обыденное – профессиональное языковое сознание*. В рамках первой линии при определении границ проявлений *обыденного* языкового, в том числе и медицинского, сознания исследователи апеллируют к *когнитивной стороне речевой деятельности* – и прежде всего к *фактору адресанта*, в частности, к роду его деятельности (профессии). Так, предполагается, что носителем обыденного языкового сознания является непрофессиональная языковая личность, а носителем профессионального языкового сознания – профессиональная языковая личность (языковая личность специалиста). Как отмечает И. С. Антонова, языковое сознание специалиста «включает, во-первых, определенную предметную область с профессионально ориентированными языковыми средствами; во-вторых, образы сознания, отображающие понятия конкретной профессиональной культуры» [4]. В таком случае из состава наивных проявлений языкового сознания исключаются обыденные проявления профессио-

нального языкового сознания, актуализируемые в естественной речевой среде.

В рамках второй линии истолкования обозначенной выше проблемы исследователи акцентируют внимание на *коммуникативной стороне речевой деятельности*, полагая, что оппозиция *обыденное – профессиональное* определенным образом коррелирует со сферой функционирования языка – естественной или искусственной (институциональной). При этом актуализируется идея, в соответствии с которой в специальных коммуникативных контекстах реализуется когнитивно-дискурсивный потенциал профессионального языкового сознания, тогда как в естественных коммуникативных контекстах – когнитивно-дискурсивный потенциал обыденного языкового сознания. Ср. с высказыванием: «Специфика профессионального языкового сознания реализуется в языке, обслуживающем ту или иную специальную сферу» [34, с. 453]. В таком случае возникает закономерный вопрос: где находятся по отношению к данной оппозиции наивные проявления речевой деятельности профессиональной языковой личности, имеющие место в естественной речевой среде, с одной стороны, и где находятся по отношению к данной оппозиции непрофессиональные студии, осуществляемые в специальных коммуникативных контекстах (так сказать, лженаука), с другой стороны? Они являются проявлениями *обыденной*, или *профессиональной*, речевой деятельности?

При решении проблемы референтного наполнения оппозиции *обыденное – профессиональное языковое сознание* мы считаем целесообразным исходить из факта единства когнитивной и коммуникативной сторон речевой деятельности. Как следствие, обыденная медицинская коммуникация рассматривается нами как когнитивно-коммуникативная деятельность носителей языка, которая занимает свое место в парадигме, построенной на пересечении координат «профессиональная / непрофессиональная языковая личность» и «естественный / искусственный коммуникативный контекст». В этой парадигме первая оппозиция отражает когнитивную (информативную) сторону коммуникации, определяемую типом адресанта, а вторая – коммуникативную сторону коммуникации, определяемую типом коммуникативного контекста. Представим данную парадигму в таблице.

Приведенная таблица иллюстрирует дискретный характер коммуникативного континуума, образуемого относительно самостоятельными видами дискурса, которые, в свою очередь, характеризуются особыми типами когнитивно-коммуникативного взаимодействия (Мы осознаем относительный характер границ между компонентами медицинского коммуникативного пространства в предлагаемом нами варианте членения). Из таблицы видно, что медицинское коммуникативное пространство образуют четыре типа дискурса: обыденный профессиональный медицинский дискурс, обыденный непрофессиональный медицинский дискурс, псевдомедицинский дискурс и профессиональный

медицинский дискурс. При этом первые три типа дискурса – обыденный профессиональный медицинский дискурс, обыденный непрофессиональный медицинский дискурс и псевдомедицинский дискурс – характеризуют сферу обыденной медицинской ком-

муникации, а последний – сферу профессиональной медицинской коммуникации. Далее представим краткий обзор типов когнитивно-коммуникативного взаимодействия в сфере обыденной медицинской коммуникации.

Таблица

**Обыденная медицинская коммуникация в парадигме, построенной на пересечении координат:
«профессиональная / непрофессиональная языковая личность»
и «естественный / искусственный коммуникативный контекст»**

	<i>Естественный коммуникативный контекст</i>	<i>Искусственный коммуникативный контекст</i>
Профессиональная языковая личность	Обыденный профессиональный медицинский дискурс	Профессиональный медицинский дискурс
Непрофессиональная языковая личность	Обыденный непрофессиональный медицинский дискурс	Псевдомедицинский дискурс

Типы когнитивно-коммуникативного взаимодействия в сфере обыденной медицинской коммуникации: жанровый состав и ключевые идеи.

Обыденный профессиональный медицинский дискурс функционирует в медицинских контекстах естественного происхождения, при которых стираются «представительские» функции профессиональных коммуникантов. Данный тип дискурса представлен двумя подсферами: относящейся к профессиональному сообществу и относящейся к отношениям «врач – пациент». К обыденному профессиональному медицинскому дискурсу мы относим профессиональный фольклор, включающий в себя медицинские истории (байки), анекдоты, песни, приметы, поговорки, пословицы и пр., жанры профессиональной естественной письменной речи, в частности, стенгазеты, альбомы, мемуары и пр., диалоги с пациентами и коллегами в естественной речевой среде и пр. Ср. с жанрами профессионального медицинского дискурса – история болезни, медицинская консультация, рецепт и пр. Обыденный профессиональный медицинский дискурс актуализирует представления коммуникантов о медицинском быте, происходящих в медицинской жизни событиях, об идеальном враче и «идеальном» пациенте (то есть о пациенте, нуждающемся в лечении) и пр.

Обыденный непрофессиональный медицинский дискурс представляет собой речевую деятельность, имеющую место в естественной речевой среде среди непрофессиональных носителей языка. Для него (дискурса) характерна актуализация наивных медицинских знаний (представлений) в различных бытовых контекстах – в больнице, в больничной палате, в очереди на прием к врачу, в общественном транспорте и пр., в народных рецептах, медицинских мифах, медицинских байках («медицинский опыт»), поговорках, пословицах, в художественных произведениях и пр. Предметом рефлексивной деятельности непрофессиональных коммуникантов чаще всего становятся методы (способы) лечения, профессиональная деятельность врачей (чаще всего их некомпетентность), их личные качества, меди-

цинский быт (условия проживания в больничной палате и т. п.), средства лечения (повышение цен на лекарства и т. п.) и пр.

Особое место в дискурсивном пространстве обыденной медицинской коммуникации занимает **псевдомедицинский дискурс**, специфика которого заключается в трансляции наивных медицинских знаний, позиционируемых непрофессиональной языковой личностью в качестве научных (профессиональных), что проявляется в создании специального типа контекста. Такой тип контекста создается за счет того, что производитель дискурса занимает метапозицию по отношению к транслируемым медицинским знаниям, осуществляя представительскую коммуникативную функцию. Псевдомедицинский дискурс занимает промежуточное положение между наивной сферой знания и собственно профессиональной наукой. В отличие от непрофессионального медицинского дискурса псевдомедицинский дискурс характеризуется своей – донаучной – «методологией» (ср.: *чакры, вселенская энергия, порча, карма* и пр.) и самостоятельным исследованием – интерпретацией – тех или иных медицинских фактов (объяснение причин заболевания и пр.). К псевдомедицинскому дискурсу мы относим дискурс разного рода целителей, заговоры, народные рецепты, дискурс рекламы и пр.

Отметим, что между выделенными видами обыденного медицинского дискурса и профессиональным дискурсом четко обозначенной границы нет; между ними возможны зоны пересечения, обусловленные прежде всего контаминацией способов дискурсивного оформления профессиональных и непрофессиональных медицинских знаний (представлений). Так, например, переходным типом когнитивно-дискурсивного взаимодействия может являться история болезни пациента, записанная словами пациента, или же наукообразный рассказ пациента о заболевании, наукообразность, или профессиональность исполнения которого обнаруживается за счет его (рассказа) излишней терминологизации. Ср.: *На днях у моего мужа случился инсульт. По «03» вы-*

звали «скорую». Приехавший врач сразу диагноз не поставил. Но сказал: «Платите 500 рублей, сделаем хороший укол»... А ведь я имею право на бесплатные медикаменты. Для нормального самочувствия мне необходимы «кардикет» (сердечное), соталекс (от аритмии) и Тромбо Асс (разжижающий кровь) [из письма в газету]. (Пример заимствован нами из [16]). О взаимодействии рекламного и научного дискурсов в сфере распространения медицинских препаратов и БАДов.

II. Разновидности дискурсивных практик, функционирующих в сфере обыденной медицинской коммуникации

При осмыслении обыденной медицинской коммуникации как самостоятельной социоречевой сферы необходимо, как представляется, охарактеризовать механизм ее внутренней организации. Общеизвестно, что каждая сфера коммуникации характеризуется определенными способами производства речевых высказываний (текстов) и, как следствие, реализуется в виде устойчивых типов высказываний, то есть речевых жанров, придающих речи (дискурсу) определенную фактуру. Такие способы текстопроизводства принято называть дискурсивными практиками, под которыми понимаются целенаправленные речевые действия, отражающие «предрасположенность членов социума вести себя сходным образом в широком диапазоне ситуаций» [20, с. 53]. Далее охарактеризуем разновидности дискурсивных практик, функционирующих в сфере обыденной медицинской коммуникации.

К типологии дискурсивных практик, функционирующих в сфере обыденной медицинской коммуникации. Говоря о дискурсивной деятельности носителей обыденного языкового медицинского сознания, мы исходим из мысли о том, что последнее представляет собой поле дискурсивных практик, обслуживающих сферу наивного медицинского общения. Опираясь на терминологию А. В. Бондарко [10], определим такое поле как функционально-семантическое. Как известно, отличительной чертой функционально-семантического поля является выражение определенной семантической константы (семантического инварианта) равноуровневыми языковыми средствами. Так, например, грамматическая категория времени как система временных форм вместе с лексическими показателями времени и конструкциями, обладающими определенным временным значением образуют функционально-семантическое поле темпоральности. В нашем случае речь идет о репрезентации фрагмента языковой картины мира, включающего в себя знания (представления) носителей языка о медицине, веером гетерогенных (с точки зрения внутренней структуры, внутренней формы) дискурсивных практик, среди которых мы предлагаем различать *нарративные*, *декларативные* и *репрезентативные*. Различение данных дискурсивных практик обусловлено прежде всего двойственной природой дискурса, для которого характерна как референтная, так и коммуника-

тивная актуализация (репрезентация) события, и сопряжено с возможностью тройного представления (осмысления) события: как события-идеи, как референтного события и как текстового события [14, с. 320 – 329]. Так, по мнению В. З. Демьянкова, предлагающего дифференцировать три разновидности понятия «события», события-идеи дают интерпретацию референтному событию; референтные события представляют собой прообразы событий-идей; текстовые события – то, что подается логически или хронологически упорядоченно (но обязательно в хронологической последовательности), способствуя тем самым разным интерпретациям референтных событий и событий-идей. Далее мы исходим из того, что нарративные дискурсивные практики актуализируют текстовое – хронологическое – событие, для них характерна двоякособытийность, то есть коммуникативное событие предстает как воссоздание референтного события, причем между коммуникативным и референтным событием наблюдается пространственно-временная дистанция. Декларативные дискурсивные практики актуализируют собственно референтные события, которые подаются как результат авторефлексивной деятельности носителей языка. И наконец, репрезентативные дискурсивные практики актуализируют события-идеи, под которыми мы понимаем прежде всего ментальные события, характеризующиеся автокоммуникативностью. Выявленные нами дискурсивные практики определенным образом коррелируют с выделяемыми В. И. Тюпой [40, с. 142 – 151] нарративными, ориентированными на коммуникативное воссоздание референтного события, и анарративными дискурсивными практиками, характеризующимися монособытийностью, то есть воссозданием либо коммуникативного события как отражения ментальной деятельности человека, либо референтного события как результата рефлексивной деятельности носителя языка. Остановимся подробнее на выделенных нами видах дискурсивных практик.

Виды дискурсивных практик, функционирующих в сфере обыденной медицинской коммуникации.

Нарративные дискурсивные практики. К обыденным медицинским нарративам мы относим рассказ о заболевании, медицинские байки и т. п. Обыденные медицинские нарративы воссоздают определенное референтное событие, имеющее место в действительности, и в то же время представляют собой коммуникативное событие, при этом референтное событие и коммуникативное событие отсрочены во времени. В основе обыденных медицинских нарративов лежит некое хронологическое событие. Кратко охарактеризуем обыденные медицинские нарративы.

Рассказ о заболевании представляет собой обыденный медицинский нарратив, воссоздающий «историю болезни» носителя языка. Данный нарратив актуализирует в текстовой форме фрейм «ЗАБОЛЕВАНИЕ», включающий в себя такие сло-

ты (компоненты), как «Темпус» (указание на время заболевания, периодичность, временные интервалы проявления симптомов), «Локус» (место приобретения заболевания), «Модус» (способ приобретения заболевания), «Характер проявления симптомов», «Локализация симптомов», «Гипотеза о заболевании», «Способы лечения (как правило, уже апробированные)». Некоторые из указанных компонентов либо могут быть представлены имплицитно, либо могут отсутствовать.

Например:

- Позавчера, получается, в бане мылся, выходил, поскользнулся и упал как-то неудачно, на дровину или еще на что-то. Не обратил внимания. Сначала вроде болело-болело, но ничего, переночевал нормально, а вот на вчера она как давай у меня...

- Вы бок ударили?

- Получается, смотрите, я над почкой надавливаю и чувствую боль, у меня икота или что-нибудь такое происходит, у меня что-то вот здесь в районе копчика или чего боль такая, знаете, как жжжет или как будто иголкой тыкают.

- Это вчера произошло?

- Позавчера.

- Раздевайтесь, посмотрим.

- По пояс раздеться?

- Да.

- Я вот в районе почки надавливаю и боль такая невозможная. Лежать невозможно, вроде лежишь и в одном месте затекает, начинаешь переворачиваться и боль такая вообще, прямо невозможно.

- Вы ничем на лечились? Анальгетики? Мази?

- Нет, ничего не стал делать.

- Нурофен-гель повтирать три раза, кеторол, сухое тепло.

- А вот у меня дома такой пояс есть специальный?

- Можно поносить.

- Вчера вот пытался, туго затягиваешь, вроде как бы не чувствуешь, а потом все равно в какой-то момент проходит и опять начинается.

- Наблюдаться у хирурга по месту жительства.

Анализируемый обыденный медицинский нарратив содержит такие компоненты, как время приобретения заболевания (*позавчера*), место приобретения заболевания (*в бане мылся*), способ приобретения заболевания (*в бане мылся, выходил, поскользнулся и упал как-то неудачно, на дровину или еще на что-то*), характер проявления симптомов (*Сначала вроде болело-болело, но ничего, переночевал нормально, а вот на вчера она как давай у меня*), локализация симптомов (*над почкой надавливаю и чувствую боль, у меня икота или что-нибудь такое происходит у меня что-то вот здесь в районе копчика или чего боль такая, знаете как жжжет или как будто иголкой тыкают*), способы лечения (*данная информация представлена имплицитно*)

(ср.: *Вы ничем на лечились? Анальгетики? Мази? - Нет, ничего не стал делать*).

Медицинские байки (истории) – это обыденные медицинские нарративы, описывающие реально (или подающиеся как реально) произошедшие события-ситуации, которые имели место в медицинской практике. В основе медицинских баек лежит, как правило, или курьезный, или внушающий ужас, или «чудодейственный» случай из медицинской жизни, при этом рефлексии подвергается медицинский дилетантизм пациентов, отсутствие у последних профессиональных медицинских знаний, профессиональная некомпетентность врачей. Как коммуникативное событие, медицинские байки предполагают актуализацию действий (поступков) участников референтного события, с точки зрения «очевидца» данного события, при этом особое внимание уделяется участнику, чьи действия (поступки) становятся своего рода «пусковым механизмом», запускающим процесс наррации. Завершаются медицинские байки выводом-сентенцией или фигурой умолчания, позволяющей адресанту не эксплицировать вывод, а «намекнуть» на «истинный» смысл текста. Для медицинских баек характерны неопределенные сюжетобразующие определители типа *однажды, одна моя знакомая, как-то* и пр. Приведем в качестве иллюстрации высказанных положений несколько медицинских баек.

Пример 1.

Заболел человек с фамилией Трупп (довольно жизнеутверждающая, как видите), и попал он в некую больницу. Поднимают его в отделение и медсестра громко так кричит сестре в отделении: «Машаааааа, в какую палату Трупп класть?» Что тут началось, вы просто не представляете.... Но дежурный врач долго и грязно ругался, потому что пришлось возвращать к жизни впечатлительных пациентов, а их оказалось немало.

Пример 2.

Дежурство в обычной больнице, все тихо и спокойно, но спокойствие длилось недолго.... у приемного отделения появляется пара скорых и из них выводят мужичков, в глаза бросается то, что лица у них голубого цвета. Доктор просит чтобы его уципили, потому что такой "красоты" он никогда не видел. Налицо признаки тяжелого опьянения. Начинают выяснять анамнез, в смысле, что произошло, то, но ничего адекватного в ответ не получают. Мужиков конечно спасли, хотя и с трудом... А оказалось, что ребята выпили антиобледенитель, подумав, что сие спирт. Но кожа голубого цвета, это потрясающее зрелище, а потому, когда ребята пришли в себя и взглядели на свои ручки, то они зареклись что-либо выпивать вообще. Чего желаю и вам!!!

Пример 3.

Поступает бабушка – одуванчик в больницу с диагнозом: черепно-мозговая травма, сотрясение головного мозга. Видимо, где-то тряхнулась головкой, ведь была зима и жуткий гололед, так что тут нет ничего удивительного. И вот лежит она в

приемном отделении, закатив глазенки, и прерывисто дышит. К ней подходит солидных размеров врач, дежурящий в приемном отделении, окруженный медсестрами, и, взглянув на сопроводительные документы бабьих, произносит сакраментальную фразу: "Снять череп и в колбасу". После этих слов происходит совершенно неожиданная штука. Бабьих вскакивает с каталки и бежит с такой скоростью в сторону приветственно открытых дверей на улицу, что ей позавидовал бы любой спринтер. Но медсестры тоже, видимо, занимались спортом, потому она была догнана и водворена на свою каталку. А стоило устраивать такой переполох? Ведь доктор подразумевал, что необходимо сделать рентгенографию черепа и положить покамест в коридор.

В приведенных обыденных медицинских нарративах референтное событие подается сквозь призму «очевидца», внутреннего наблюдателя, обзоревающего ситуацию не извне, а изнутри. При этом сюжетную канву нарративов составляет курьезный случай, имеющий место в медицинской практике, причем в последнем тексте курьезный случай вызван медицинским дилетантизмом пациентов.

В байках, функционирующих среди непрофессиональных носителей языка, чаще всего предметом рефлексии становится профессиональная некомпетентность врачей, медицинского персонала и пр. Ср.:

Одна моя знакомая пошла как-то на прием к врачу... Между прочим, к кандидату наук. У нее были проблемы с почками... Так врач при ней посмотрел рентген или, как его там, не знаю точно, и сказал, что у нее опухоль второй почки. А у нее всего одна почка, одну уже удалили давно... Так она прям там и рассмеялась, прям ему в лицо... Его потом перевели в другую больницу. До сих пор работает.. Вот такие у нас врачи... Не могут правильно диагноз поставить...

Декларативные дискурсивные практики. К обыденным медицинским декларативам мы относим народные рецепты, советы, медицинские мифы и т. п. Обыденные медицинские декларативы авторефлексивны, то есть представляют собой результат когнитивно-рефлексирующей деятельности носителей языка, представленный в виде отдельных суждений о пользе или вреде каких-либо народных средств лечения и о самих способах лечения, оздоровления. В них (декларативах) аккумулируется народный – медицинский – опыт носителей языка, приобретенный ими в ходе практической, эмпирической деятельности. Иными словами, обыденные медицинские декларативы аккумулируют и транслируют народную медицинскую мудрость. Для них характерна автореферентность, то есть сосредоточенность на самом референтном событии, и ориентированность на адресата, точнее – направленность на формирование у последнего тех представлений, которые свойственны адресанту. Остановимся подробнее на медицинских мифах и народных рецептах.

Медицинские мифы представляют собой свернутые тексты – суждения, цель которых – декларирование тех или иных «квантов» медицинского опыта; они содержат информацию о лечебных свойствах растений и животных и подаются как абсолютное знание. Нередко медицинские мифы сопровождаются показателями неавторизированной информации типа *говорят, слышала и пр.* Ср.: *Говорят, усталость может быть вызвана анемией; Можно заразиться гриппом, сделав прививку от гриппа... По телевизору говорили, что морковь улучшает зрение; В день нужно выпивать не менее 1,5 л воды; Клубника сосуды чистит, ее надо прямо много есть и есть, прямо с черенками, с этими, с плодоножками, как можно больше; Лук благоприятно воздействует на пищеварение и др.* Данные суждения обладают качествами мифа, поскольку а) являются элементом общественного сознания и разделяются практически всеми членами социума; б) являются коллективным бессознательным, точнее, не до конца эксплицитно осознанным; в) выполняют регулятивную функцию; г) являются средством «быстрого реагирования», стереотипизации действий; д) являются потенциальным нарративом, т. е. могут быть выражены вербальными прототеориями; е) метафоричны по способу репрезентации [22, с. 101].

Народные рецепты содержат сведения о народных средствах, способных помочь при лечении различных заболеваний (зубной боли, кашля, псориаза и пр.), причем эти сведения подаются как результат автореферентной рефлексии носителей языка и «упаковываются» в форму перформативных высказываний. Для народных рецептов характерны наивные медицинские наименования – *отвар, столовая ложка* и пр.

Ср.: *Приготовить теплый отвар шалфея лекарственного (20 г на 200 мл воды) и полоскать рот, стараясь подольше держать отвар у больного зуба. Остывшую жидкость сплевывать и набирать теплую. Делать это нужно 3 – 4 раза в течение пол часа.*

Положить между больным зубом и щекой листа валерианы или щавеля конского; их можно просто пожевать. Зубная боль быстро утихнет.

Для уменьшения зубной боли можно положить на пораженный зуб сырую свеклу.

Столовую ложку раздробленного сухого корня цикория залить стаканом подкисленного кипятка, настаивать 10 минут, процедить. Этот крепкий настой применять в теплом виде для полоскания больного зуба при сильных болях. Можно также пожевать свежескопанный корень цикория, предварительно очистив его.

Репрезентативные дискурсивные практики. К обыденным медицинским репрезентативам мы относим диалоги врачей, пациентов, чат-коммуникацию, медицинские анекдоты и пр. Они (репрезентативы) представляют собой результат когнитивно-рефлексирующей деятельности носителей языка, сопряженный с осмыслением «вечных» медицинских проблем и пр. Отличительной особен-

ностью обыденных медицинских репрезентативов является то, что они актуализируют не референтное событие, а ментальное событие как неупорядоченную, «размытую», диссипативную, систему представлений носителей языка о медицине. Вследствие этого, репрезентативы явлены на поверхностном уровне, чаще всего в виде неконкретных, чистых суждений-декларативов, но «размытых» суждений. В качестве примера реализации репрезентативных дискурсивных практик охарактеризуем медицинские анекдоты и диалоги непрофессиональных носителей языка в различных бытовых контекстах.

Медицинские анекдоты представляют собой тексты, иронично отражающие представления носителей языка о медицине и прежде всего о деятельности врачей. Специфика анекдотов заключается в том, что они сакральное трансформируют в профанное через осмеяние [21, с. 310]. «Профанизация сакрального есть подтверждение его значимости. Иначе говоря, если некоторая идея не переживается, то она становится малозначимой, не актуальной для общества» [там же]. Как следствие, можно говорить о том, что медицинские анекдоты преломляют социально значимые ценности сквозь призму юмора / иронии. В медицинских анекдотах актуализируются представления носителей языка о деятельности врачей, их профессиональной некомпетентности, об идеальном пациенте, то есть пациенте, нуждающемся в лечении, о хорошем (качественном) лечении, о ценах на лекарства и пр. При этом рефлексии подвергаются **стоимость лечения, оказания медицинской помощи, профессиональная некомпетентность врачей, их неспособность поставить верный диагноз, назначить правильное лечение, неэффективность врачебной помощи (лечения), низкая зарплата врачей, «профессиональные заболевания»** (от чего лечат – тем сами и болеют, особенно это касается психотерапевтов, психологов), **ироническое мировосприятие врачей**.

Приведенные далее анекдоты иллюстрируют сказанное. Ср.:

Врач в платной поликлинике – больному:

- Итак, отныне – ни капли вина и водки!

- У меня что-то серьезное?

- Да нет. Просто экономьте деньги, чтобы оплатить мой счет за лечение.

Или:

- Ну и больница! Когда я сюда пришел, один врач сказал, что у меня аппендицит, второй – камни в почках, третий, что порок сердца.

- Ну и чем кончилось?

- Они вырезали у меня железы.

Ср. также:

На симпозиуме американский профессор спросил советского коллегу:

- Бывает ли у вас, что лечите вы от одной болезни, а посмертное вскрытие показывает совсем другую?

- Нет, конечно. У нас от чего лечат, от того и умирают.

Диалоги пациентов в различных бытовых контекстах. К ним мы относим диалоги пациентов в общественном транспорте, на работе, в очереди на прием к врачу и пр. В бытовых диалогах носителей языка актуализируются представления о том, каким должен быть хороший врач, о причинах заболевания и т. п., рефлексии подвергается **возраст врачей, их темп работы, неспособность посочувствовать пациенту, равнодушие к медицинской судьбе пациента, личные качества, уровень профессионализма, качество медицинского обслуживания** и пр. Зачастую в диалогах актуализируется тот или иной компонент (слот) фрейма «ЗАБОЛЕВАНИЕ» (причина, время, место, способы, средства лечения и пр.).

Ср.:

Диалог 1

- Я уже не могу стоять, у меня там (показывает на ногу. – Н.Г., Н.Ш.) уже гной...

- Так, присядьте.

- А чем Вы прокололи?

- Стеклом, белила, прыгнула.

- Так, а почему вы тогда не в травму. Странно.

- Сначала сказали во вторую поликлинику, я там полдня просидела, сказали езжайте в районную поликлинику...

Диалог 2

- Сколько можно стоять? Где врач?

- Сказали – пошел на осмотр.

- Но мы уже полтора часа стоим, а его все нет и нет. Когда ж он уже появится...

- Ну что сходили?

- Сходила... Он там чай пьет..

Приведенные диалоги иллюстрируют **равнодушие врачей к судьбе пациента**, проявляющееся в нежелании заниматься «чужой» работой и нарушении трудовой дисциплины, этико-моральных норм.

Диалог 3

- Почему такая очередь?

- Так сегодня один терапевт на всю больницу... Да еще какой... мы уже час стоим, а очередь не продвинулась даже..

- Она так долго принимает, что ли?

- Да там такой врач-терапевт... ее уже самому лечить надо.

- Почему это?

- Да я как-то была уже у нее, мне надо было справку подписать... так она целый час подписывала, сначала полчаса читала, потом что-то обдумывала, потом смотрю – она куда-то в сторону смотрит и, главное, медленно так все делает, я ей говорю, нельзя ли побыстрее, а она мне в ответ – вы думаете, я того... не в своем уме что ли ...нет, просто я разных таблеток выпила, я же один врач на всю поликлинику.

- Да, она и мне подписывала направление целых полчаса – просто подписать направление.. Кошмар какой-то...

- Да уж...

В данном диалоге рефлексии подвергается **психическое здоровье врача**, самого нуждающегося в

лечении (Ср. часто произносимую фразу: «*Да его самог лечить надо!*»).

В некоторых диалогах рефлексии подвергаются используемые пациентами **способы лечения, эффективность тех или иных средств лечения**. При этом нередко актуализируется следующая мысль: эффективны не медицинские препараты, а народные средства, проверенные временем. Например:

- .. Ну и что он сказал?

- Спросил, чем я лечилась, я сказала мазала ногу медом. Он еще удивился и спрашивает – медом и все? Я говорю, да, ну он так и записал – лечилась медом.. все остальное не помогает, никакие ни мази, ни таблетки... сколько я не пробовала.. Мед – все лучшие.

Подведем итоги. В данной статье мы попытались очертить контуры обыденной медицинской коммуникации как самостоятельной социоречевой сферы – сферы реализации когнитивно-дискурсивного потенциала обыденного языкового медицинского сознания. Сфера обыденной медицинской коммуникации характеризуется наличием особых типов когнитивно-коммуникативного взаимодействия, образуемых на пересечении координат «профессиональная / непрофессиональная языковая личность», «естественный / искусственный коммуникативный контекст». К ним мы относим обыденный профессиональный медицинский дискурс, обыденный непрофессиональный медицинский дискурс и псевдомедицинский дискурс. Каждый из данных видов дискурса представлен некоторой системой жанров и ключевых идей. Как самостоятельная социоречевая сфера, обыденная медицинская коммуникация характеризуется определенным набором дискурсивных практик, то есть типичных способов производства текстов. Анализ материала позволил нам выделить три вида дискурсивных практик, обслуживающих сферу наивной медицинской коммуникации – нарративные, репрезентативные и декларативные, каждый из которых реализуется в виде устойчивых типов высказываний, то есть речевых жанров, придающих речи (дискурсу) определенную фактуру.

Литература

1. Абрамов, В. Социолектная и обиходно-просторечная медицинская лексика [Электронный ресурс] / В. Абрамов, Г. Абрамова. – Режим доступа: http://www.russian.slavica.org/article_492.html (23.02. 2011).
2. Акаева, Э. В. Коммуникативные стратегии профессионального медицинского дискурса / Э. В. Акаева: дис. ... канд. филол. наук. – Омск, 2007. – 149 с.
3. Акаева, Э. В. Речевое поведение ведущих научно-популярных медицинских программ в аспекте коммуникативных стратегий и тактик / Э. В. Акаева // Речевая коммуникация в современной России: материалы II Международной конференции (Омск, 27 – 30 июня 2011 г.) / под ред.

О. С. Иссерс.: в 2-х т. – Т. 2. – Омск: Вариант-Омск, 2011.

4. Антонова, И. С. О соотношении понятий «языковое сознание» и «профессиональное языковое сознание» [Электронный ресурс] / И. С. Антонова. – Режим доступа: <http://sociosphera.ucoz.ru> (12.03.2011).

5. Барсукова, М. И. Медицинский дискурс: стратегии и тактики речевого поведения врача / М. И. Барсукова: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Саратов, 2007. – 21 с.

6. Барышева, Е. Л. Словарь обыденных толкований русских религиозных терминов / Е. Л. Барышева // Обыденное метаязыковое сознание: онтологические и гносеологические аспекты. Ч. 3.: коллективная монография / отв. ред. Н. Д. Голев. – Кемерово: Кемеровский гос. ун-т, 2010.

7. Бодуэн де Куртенэ, И. А. Избранные работы по общему языкознанию: в 2-х т. / И. А. Бодуэн де Куртенэ; – М.: Академия наук СССР, 1963.

8. Бок, Ф. К. Структура общества и структура языка / Ф. К. Бок // Новое в лингвистике. – Вып. VII. Социолингвистика. – М., 1975.

9. Болокова, Н. К. Лингвокультурологический анализ концепта «врач/медик» (на материале русского и английского языков) / Н. К. Болокова: дис. ... канд. филол. наук. – Краснодар, 2009. – 163 с.

10. Бондарко, А. В. Функциональная грамматика / А. В. Бондарко. – Л., 1984.

11. Бухтоярова, Г. Ю. Отображение феноменов «болезнь» и «здоровье» в русской языковой картине мира / Г. Ю. Бухтоярова: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 2010. – 25 с.

12. Воробьева, М. Е. Словарь обыденных толкований русских юридических терминов / М. Е. Воробьева, Н. Д. Голев // Обыденное метаязыковое сознание: онтологические и гносеологические аспекты. Ч. 3.: коллективная монография / отв. ред. Н. Д. Голев. – Кемерово: Кемеровский гос. ун-т, 2010.

13. Гончаренко, Н. В. Суггестивные характеристики медицинского дискурса / Н. В. Гончаренко: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Волгоград, 2007. – 24 с.

14. Демьянков, В. З. «Событие» в семантике, прагматике и в координатах интерпретации текста / В. З. Демьянков // Изв. АН СССР. Серия Литература и язык. – 1983. – Т. 42. – № 4.

15. Дубровская, Т. В. Судебный дискурс: речевое поведение судьи (на материале русского и английского языков) / Т. В. Дубровская. – М.: Академия МНЭПУ, 2010. – 351 с.

16. Елькин, И. О. Влияние профессионального юмора и профессионального сленга на деловое общение в медицине / И. О. Елькин // Системная интеграция в здравоохранении. – 2008. – № 1(1).

17. Ельцова, Л. Ф. О специфике концепта «болезнь» / Л. Ф. Ельцова // С любовью к языку. – М.; Воронеж: ИЯ РАН, 2002.

18. Жура, В. В. Дискурсивная компетенция врача в устном медицинском общении / В. В. Жура:

автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Волгоград, 2008.

19. Зосимова, Л. П. Основные коммуникативные характеристики диалога между врачом и пациентом / Л. П. Зосимова: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М.: МГУ им. М. В. Ломоносова, 1997. – 24 с.

20. Иссерс, О. С. Дискурсивная практика: к определению понятия / О. С. Иссерс // Современная речевая коммуникация: новые дискурсивные практики: монография / отв. ред. О. С. Иссерс. – Омск: Изд-во ОмГУ, 2011.

21. Карасик, В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. – М.: Гнозис, 2004. – 390 с.

22. Кашкин, В. Б. Научные теории и бытовые представления о языке: история и перспективы / В. Б. Кашкин // Обыденное метаязыковое сознание и наивная лингвистика: межвузовский сборник научных статей / отв. ред. А. Н. Голев. – Кемерово; Барнаул, 2008.

23. Кириленко, Е. И. Опыт здоровья в языковом сознании русских [Электронный ресурс] / Е. И. Кириленко. – Режим доступа: <http://www.lib.tsu.ru/mminfo/000349304/08> (20. 09. 2011).

24. Князькина, Л. Е. Отражение концепта «болезнь» в устном народном творчестве / Л. Е. Князькина // Язык медицины: Всерос. межвуз. сб-к научных трудов. – Вып. 2. – Самара: ИПК: Содружество: СамГМУ, 2007.

25. Костяшина, Е. А. Функциональное взаимодействие научного, медицинского и научно-популярного дискурсов в текстовом пространстве научно-популярного медицинского журнала / Е. А. Костяшина // Вестник Томского государственного университета. – 2008. – № 306.

26. Костяшина, Е. А. Дискурсивное взаимодействие в текстовом пространстве научно-популярного медицинского журнала / Е. А. Костяшина: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Томск, 2009. – 24 с.

27. Крысин, Л. П. Социолингвистический аспект изучения языковых «неправильностей» / Л. П. Крысин // Русское слово, свое и чужое: исследования по современному русскому языку и социолингвистике. – М., 2004.

28. Лабов, У. Исследование языка в его социальном контексте / У. Лабов // Новое в лингвистике. – Вып. VII. – М., 1975.

29. Мальцева, В. А. Стратегии речевого воздействия в профессиональной коммуникации (на примере юридического дискурса) / В. А. Мальцева: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Челябинск, 2011. – 24 с.

30. Мишланова, С. Л. Особенности экспликации концепта «болезнь» в различных типах текста [Электронный ресурс] / С. Л. Мишланова, Ю. Смирнова. – Режим доступа: http://www.psu.ru/psu2/files/0453/15_S (22. 01. 2012).

31. Обыденное метаязыковое сознание: онтологические и гносеологические аспекты. – Ч. 1.: коллективная монография / отв. ред. Н. Д. Голев. – Кемерово; Барнаул: Изд-во АГУ, 2009. – 532 с.

32. Обыденное метаязыковое сознание: онтологические и гносеологические аспекты. – Ч. 3.: коллективная монография / отв. ред. Н. Д. Голев. – Кемерово: Кемеровский гос. ун-т, 2010. – 460 с.

33. Олешков, М. Ю. Информационная составляющая дидактической коммуникации / М. Ю. Олешков // НГСПУ. Ученые записки. Филологические науки. – Нижний Тагил, 2004.

34. Прибытова, Л. В. Специфика профессионального языкового сознания (на материале профессионального языка шахтеров Кемеровской области) [Текст] / Л. В. Прибытова // Обыденное метаязыковое сознание и наивная лингвистика: межвузовский сборник научных статей / отв. ред. А. Н. Голев. – Кемерово; Барнаул, 2008.

35. Профессиональная коммуникация: вербальные и когнитивные аспекты // Сборник докладов Международной научно-практической конференции. – М.: РИПО ИГУМО, 2007. – 192 с.

36. Стернин, И. А. Речевое (бытовое) и «юридическое» оскорбление [Электронный ресурс] / И. А. Стернин. – Режим доступа: <http://siberia-expert.com/publ/satti/stati/ll/4-1-0-144> (21. 01. 2012).

37. Стецюра, Л. В. Концептосфера «организм человека» в профессиональной картине мира медика / Л. В. Стецюра: дис. канд. филол. наук. – Челябинск, 2010. – 203 с.

38. Тимошенко, Л. О. Скалярно-антонимический комплекс концепта «здоровье» в русском и английском языках / Л. О. Тимошенко: дис. ... канд. филол. наук. – Уфа, 2005. – 190 с.

39. Туленинова, Л. В. Концепты «здоровье» и «болезнь» в английской и русской лингвокультурах / Л. В. Туленинова: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Волгоград, 2008. – 24 с.

40. Тюпа, В. И. Дискурсивная практика теоретического мышления / В. И. Тюпа // Критика и семиотика. – Вып. 13. – 2009.

41. Чудинов, А. П. Политическая лингвистика: учебное пособие / А. П. Чудинов. – М.: Флинта: Наука, 2012. – 256 с.

42. Шейгал, Е. И. Семиотика политического дискурса / Е. И. Шейгал. – Волгоград, 2000.

УДК 81'373.611, 81'373.45

**ДЕРИВАЦИОННЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ НОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ
В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ***Э. С. Денисова, М. И. Махракова***DERIVATIONAL POSSIBILITIES OF NEW ECONOMIC TERMINOLOGY
IN THE MODERN RUSSIAN LANGUAGE***E. S. Denisova, M. I. Makhrakova*

В статье анализируются новые экономические термины, заимствованные из английского языка, их деривационный потенциал, особенности функционирования и процессы адаптации в современном русском языке.

This article explores new economic terms, borrowed from English, their derivational potential, peculiarities of functioning and the processes of adaptation to the modern Russian language.

Ключевые слова: экономическая терминология, заимствование, словообразование, адаптация, производность / непроизводность.

Keywords: economic terminology, borrowing, derivation, adaptation, derivative / non-derivative.

Период конца XX – начала XXI вв. характеризуется повышенной степенью неологизации многих европейских языков, своеобразный «неологический бум» коснулся и русского языка. В настоящее время в русской языковой системе можно наблюдать ряд процессов, способствующих развитию и пополнению лексического фонда. К одному из таких активных процессов относится заимствование лексических единиц из других языков.

Иноязычные слова проникали практически во все сферы нашей жизни в различные периоды. Так, в праславянский период в русский язык пришли слова из германских языков, греческого и латыни, в XVI – XVII веках благодаря влиянию Османской империи – из тюркских. Начиная с XVI по XIX вв. лексические единицы заимствовались из польского, нидерландского, немецкого и французского языков, закрепляясь в таких сферах языка, как наука, техника, искусство, военное дело.

В настоящее время приоритетным языком-донором является английский, точнее, в большинстве случаев его американский вариант, который имеет все большее распространение не только в нашей стране, но и в мире в целом: он является языком переговоров, источником различных терминов, международная деловая корреспонденция переводится именно на английский язык. В русском языке можно выделить пять основных лексико-тематических сфер, активно пополняющихся заимствованными словами из английского языка, – это экономическая, общественно-политическая, спортивная, научно-техническая и обиходная сферы [12, с. 9].

Для нашего исследования мы выбрали тематическую группу экономики, т. к. данная терминосистема является одной из наиболее пополняемых в русском языке. Это явление неслучайно: родина экономической теории – Англия, а Америка – лидер экономических отношений в мире. Термины-американизмы отражают прежде всего тенденцию к интернационализации экономической терминологии, что существенно стимулируется наличием прямых и непосредственных контактов с иностранными партнерами. Развитие рыночных отношений являет-

ся сильным толчком к тому, чтобы заимствовать подобные термины, которые, в свою очередь, постепенно из узкоспециальной лексики переходят в общелитературный язык, начинают функционировать на страницах печати, звучать по радио и телевидению [6, с. 19].

Дискуссионные моменты современных исследований, посвященных анализу заимствованной экономической лексики, сводятся главным образом к проблеме осознания ее онтогенетической природы: каково структурно-функциональное своеобразие заимствованного языкового знака, как стратифицирована заимствованная лексика, какие причины (лингвистические/ экстралингвистические) способствуют / препятствуют появлению заимствований в русском языке, в чем заключается языковая специфика данных новообразований, каково соотношение синхронического и диахронического подходов при анализе подобных слов, каковы принципы выделения и типологии заимствований (варваризм/ экзотизм/ иноязычное вкрапление), в каких сегментах экономики неологизмы преобладают, каковы пути адаптации иноязычных слов в русском языке и мн. др.

Современная экономическая сфера реализуется в различных подсистемах, которые получают отражение в научной литературе по данной проблематике: «маркетинг» [11, с. 9], «внешнеэкономическая деятельность» [8], «финансово-экономическая сфера» [15; 17], «общественно-экономическая терминология» [16], «коммерция», «менеджмент», «банковское дело» [7] и мн. др. На неоднородность лексики экономического сегмента указывают и многочисленные случаи пересечения материала из различных терминосфер, например слова *маркетинг*, *тендер*, *дискаунт*, *сейл*, *трейд* функционируют в сфере коммерции, финансов и кредита, рекламы. В нашем исследовании предлагается анализ экономической терминологии в целом, основанный на материале экономических словарей, справочников, данных Интернета и Национального корпуса русского языка.

В задачи данной статьи входит изучение деривационного потенциала как производных, так и непроизводных слов, относящихся к заимствованной

экономической лексике. В частности, нам необходимо установить: в чем заключается морфемная / словообразовательная специфика заимствований, каковы основные способы терминологического образования, к какому типу мотивации и степени членности относятся подобные номинации, каково распределение регулярных / нерегулярных / единичных морфем в экономической терминосфере; существует ли возможность перехода иноязычных словообразовательных морфем в регулярные и продуктивные словообразовательные аффиксы.

Стоит отметить, что язык-донор воспринимает новые слова не пассивно, он активно «перерабатывает» их, включает в сеть своих внутрисистемных отношений (полисемии, синонимии, антонимии (ср. [2, с. 8 – 9]). Неисконные слова, пополняя лексическую систему русского языка, как правило, проходят процесс языковой адаптации: фонетической, графической, семантической, словообразовательной и грамматической.

1. Фонетико-графическое приспособление к нормам языка-реципиента протекает в направлениях, свойственных ассимиляции любых иноязычных слов в русском языке: замене английских звуков на фонетически близкие звуки русского языка, изменении графического облика слова с латинского написания на кириллическое.

Основной массив заимствований сохраняет произношение и написание языка-источника (ср.: *management* – менеджмент, *benefit* – бенефит). Однако в некоторых единицах не в полной мере соблюдается эквивалентность написания, хотя они произносятся так же. В основном это касается двойных гласных и согласных, ср.: *business* (*business*), *traffic* (*traffic*), *boom* (*boom*). Некоторые слова меняют звуковое и графическое оформление, что связано с отсутствием подобных звуков в русском языке, например слова *clearing*, *holding* имеют финаль – *ing*, которая произносится при помощи носового звука, отсутствующего в русском языке, поэтому звуковое оформление меняется на *клиринг*, *холдинг*. В слове *businesswoman* присутствует звук «W» – губной заднеязычный сонант, у которого нет соотносительной звуковой единицы в русском языке. Поэтому данный звук и, следовательно, буквенное обозначение меняется на «В». Ударение в заимствованном слове также может отличаться от ударения в языке-этимоне: *bEnefit* – бенеФИт.

Еще одной особенностью, связанной с трансформацией графической оболочки слов, является наличие различных вариантов написания заимствований: *distribution* – *дистрибьюция*, *дистрибуция*; *merchandiser* – *мерчЭндайзер*, *мерчАндайзер*; *realtor* – *риэлтЕр*, *риэлтОр*, *риЕлтор*, *риЭлтор*. Данные примеры указывают прежде всего на то, что многие иностранные слова еще не вошли в систему русского языка, процесс их адаптации не завершился.

2. К особенностям, характеризующим словообразовательную адаптацию заимствованной лексики, относится переход большого количества слов английского языка из производной и членимой лексики в разряд непродводной, нечленимой. Это связано с

тем, что, во-первых, в русском языке заимствованные единицы теряют мотивированность; во-вторых, некоторые аффиксы, с помощью которых образованы данные слова, не функционируют в русском языке. Ср.: в английском языке *deal-er* – *дилер*, *leas-ing* – *лизинг*, *inflat-ion* – *инфляция*, *clear-ing* – *клиринг* и т. д. Однако в нашем материале есть примеры, иллюстрирующие обратный процесс, ср.: *делистинг*, *кросс-листинг* являются производными от *листинг*. Стоит отметить, что происходит и изменение мотивирующей базы данных слов. В английском языке это, как правило, глагол (в нашем примере *to list*), от которого образуется существительное по модели «глагол+суффикс», «префикс+глагол+суффикс»: *list-ing*, *de-list-ing*. В русском же языке мотивирующей базой в данных примерах выступают субстантивы (*листинг* – *де-листинг*, *листинг* – *кросс-листинг*; ср. также: *маркетинг* – *де-маркетинг*).

3. К семантическим особенностям заимствований можно отнести изменение значения (сужение/расширение) при постоянном употреблении слов специалистами в данной области. Например, *consult-ing* в английском языке имеет следующее значение: “(often in the names of companies) the activity and business of providing expert advice, esp. about how a business can be improved” [18, с. 96]. В русском языке встречается похожее значение слова *консалтинг*: “деятельность специальных компаний, заключающаяся в консультировании производителей, продавцов, покупателей по широкому кругу вопросов экономики, финансов, внешнеэкономических связей, создания и регистрации фирм, исследования и прогнозирования рынка товаров и услуг, инноваций” [5, с. 100]. Однако в русском языке происходит расширение значения слова: в английском толковании говорится о советах, как улучшить бизнес, в русском же языке слово *консалтинг* обозначает консультацию не только предпринимателей, но и покупателей, производителей, а также регистрацию фирм.

Еще одним примером расширения значения в русском языке является слово *чек*. В английском языке *cheque* имеет значение: “printed form that you can write on and sign as a way of paying for something instead of using money” [18, с. 75]. В русском языке существует похожее значение слова *чек*: “вид ценных бумаг, представляющих безусловное распоряжение, приказ чекодателя банку или другому кредитному учреждению о выплате держателю чека указанной суммы денег” [5, с. 245]. Но, помимо данного значения, в повседневной жизни мы встречаем следующее: “талон из кассы с обозначением суммы, полученной за товар, или в кассу от продавца с указанием суммы, которую следует уплатить”.

В русском языке можно отметить не только расширение, но и обратную тенденцию – сужение значений заимствованных слов. Например, в русском языке слово *дистрибьютор* / *дистрибутор* номинирует “фирму, предпринимателя, осуществляющих оптовую закупку и сбыт товаров определенного вида на региональных рынках”, в английском же языке *distributor* имеет и другую, технически-специальную характеристику: “распре-

делитель зажигания”. В русском языке *трейдер* – это “работник брокерской фирмы, непосредственно участвующий в биржевой торговле, исполняющий заказы на куплю-продажу ценных бумаг; любое юридическое лицо, обладающее правом заключать сделки на бирже”, в английском *trader* также может обозначать “торговое судно”. Слово *холдинг* в русском языке имеет значение: “корпорация, компания, головное предприятие, управляющая деятельностью или контролирующая деятельность других предприятий, компаний”, в английском *holding* также обозначает “участок земли, вклады, запас”.

Можно сделать вывод, что русский язык «отбирает» только те специальные значения, которые необходимы ему для номинирования в экономической сфере. Все остальные лексико-семантические варианты не переходят в русский язык, так как в большинстве случаев имеют русские наименования/ эквиваленты, ср.: *clearing* (клиринг) – *просека, поляна*, *holding* (холдинг) – *запас, вклад*, *distributor* (дистрибьютор) – *распределитель зажигания*, *management* (менеджмент) – *обман, надувательство*, *trader* (трейдер) – *торговое судно*.

4. Грамматические характеристики неологизмов-заимствований в русском языке также склонны к трансформации. Как правило, в русском языке иноязычное слово закрепляется в форме только одной части речи, тогда как в английском может функционировать в качестве нескольких – как существительное и как глагол, ср.: *benefit* – п. 1. “a helpful and useful effect that sth has”; 2. “money that is paid to people who are unemployed, ill/sick, etc., by the government or through a system of insurance”; 3. “the advantages that you get from your company in addition to the money you earn”. To benefit – v. 1. “to be in a better position because of sth”; 2. “to have a helpful or useful effect on sb/sth” [18, с. 38]. В русский язык *бенефит* переходит только как существительное: *бенефит* – “право получения денег или другого страхового обслуживания по договору страхования”.

В работах исследователей отмечается, что одним из наиболее важных этапов освоения слова является его фонетико-графическое приспособление к нормам языка-реципиента (ср. [16, с. 17; 10, с. 16; 3, с. 9]). Однако именно словообразовательная адаптация является признаком наиболее успешной интеграции иноязычий в систему русского языка (ср. схожую точку зрения в работах [3, с. 10; 14, с. 16]). Если слово становится вершиной нового словообразовательного гнезда, т. е. образует производные в языке, то происходит процесс активной адаптации. Пассивная адаптация протекает иначе: иноязычный неологизм при заимствовании уже представляет собой производное слово (ср.: *банкинг* – *банк*, *бренддинг* – *бренд*) [7, с. 457], или не производит новых слов совсем (ср. *транш*).

Несомненно, заимствованная лексика экономической системы неоднородна по своему морфемному и словообразовательному статусу. Но бесспорным является и то, что иноязычные слова реализуют на русской почве свой деривационно-мотивационный потенциал (термин Н. И. Дорони-

ной), под которым понимается «способность слова к речевой воспроизводимости различной степени сложности (от слова до текста) и к детерминации производимых слов» [4, с. 9].

В нашем материале по степени словообразовательной активности можно выделить две группы иноязычных экономических терминов:

1) заимствования, не образующие новые слова на русской почве;

2) заимствования, активно образующие в русском языке новые дериваты.

К первой группе мы отнесли абсолютные неологизмы – слова, пришедшие в язык недавно, и поэтому еще не закрепившиеся в лексической системе русского языка. Эти слова сочетают в себе новое звучание и новое понятийное содержание, т. е. только начинают фонетическую и семантическую адаптацию, и зафиксированы лишь в специальных экономических словарях (например, [1]): *аддендум*, *лэй-эвэй*, *лэй-дэйс*, *овлэндинг*, *ролл-овер*, *таймшифт*, *транчизи*, *фьючерс*, *старпап*, *лоукостер*, *конмэн* и др.

Данные примеры демонстрируют способ трансплантации (термин Д. Н. Ушакова) – смысловую «пересадку» иноязычного термина из языка-донора на русскую почву. Так, слово *лэй-эвэй* (англ. lay-away “класть подальше”) обозначает “практику продажи, основанную на предварительной выплате всей или установленной части цены” [1, с. 534]. Лексема *ролл-овер* (англ. rollover “возобновление”) имеет в русском языке следующие значения:

1) “продление срока кредита посредством его технического погашения и одновременного возобновления путем предоставления нового кредита”;

2) “перевод средств из одной формы инвестиций в другую” [1, с. 1035].

Семантика слова *лэндинг* (англ. landing “приземление”) в русском языке представлена следующим образом: “плата за разгрузку судна, прибывшего в порт назначения”. В английском языке слово является многозначным: “посадка, высадка десанта”, “лестничная площадка”, “высадка на берег” – и функционирует не только как существительное, но и как прилагательное (“посадочный, десантный”). В Национальном корпусе русского языка встречается лишь одно употребление данного слова в его прямом значении – “приземляться”.

Слова, входящие в данную группу, как правило, не встречаются в контекстных употреблениях Национального корпуса русского языка и не образуют производных на русской почве. Эта особенность объясняется тем, что деривационный потенциал шире проявляется у членимых и мотивированных единиц [4, с. 22]. Однако формально-семантическая структура иноязычных новообразований свидетельствует о потенциальной возможности создания почти от всех из них производных (особенно в разговорной речи). Даже однословное гнездо (согласно терминологии А. И. Моисеева) может со временем реализовать свой деривационный потенциал в рамках словообразовательной системы (ср. точку зрения в [14, с. 9]), что является не отступлением от

нормы, а скорее закономерностью, тенденцией проявления «силы» системы, при условии, что лексема будет востребована узусом. Так, возможность для дальнейшего пополнения и развертывания (вертикального/ горизонтального) словообразовательного гнезда представляют бинарные цепи «имя существительное → имя прилагательное», ср. потенциальные слова: *ролл-овер* → *ролл-оверный*, *лэндинг* → *лэндинговый*, *фьючерс* → *фьючерский* и др. Наблюдается проявление активности и в сфере образования двусловных терминологических номинаций, например, *софт лэндинг* (англ. *soft landing* «мягкое приземление») – «плавное снижение курса валюты».

Ко второй группе мы отнесли слова, активно образующие на русской почве новые словообразовательные цепи, парадигмы, гнезда. Эти заимствования закономерно отнести к группе относительных неологизмов, т. к. они в большей степени освоены языком-источником.

При анализе данных иноязычных слов было установлено, что большинство из них относятся к вершине словообразовательного гнезда и, как правило, являются субстантивами, от которых в свою очередь образуются производные различной частеречной принадлежности: существительные, прилагательные, реже – глаголы и наречия. Например, пополнились словообразовательные гнезда с такими вершинными словами, как *менеджер*, *промоутер*, *маркетинг*: *менеджеризм*, *менеджерский*, *менеджерить*; *промоутерный*, *промоутировать*; *маркетолог*, *маркетология*. Глаголы *инвестировать* и *спекулировать* дали жизнь в русском языке целому ряду производных: *инвестиция*, *инвестиционный*, *инвестор*, *инвестироваться*, *инвеститор*; *спекуляция*, *спекулирование*, *спекулировать*, *спекулятор*, *спекулянт*, *спекулянтство* и др.

Стоит отметить, что ядерным образованием в большинстве случаев является слово, номинирующее лицо, ср.: *джоббер* («лицо, выполняющее на фондовой бирже операции с ценными бумагами, в противоположность биржевому маклеру – за собственный счет»; «фирма, скупающая у импортера крупные партии товара для быстрой перепродажи»), *трейдер* («работник брокерской фирмы, непосредственно участвующий в биржевой торговле, исполняющий заказы на куплю-продажу ценных бумаг»; «любое юридическое лицо, обладающее правом заключать сделки на бирже»), *мерчендайзер* («работник, сотрудник, осуществляющий мерчендайзинг»; «специалист по рекламе и маркетингу»), *бенефициар* («лицо, которому предназначен денежный платеж, получатель денег, выгоды, прибыли, доходов»), *маркетмейкер* («высококвалифицированный работник фондовой биржи, менеджер рынка ценных бумаг, отслеживающий ход процессов на фондовом рынке, оценивающий тенденции, ожидаемую доходность, надежность ценных бумаг, информирующий участников рынка о ценах, курсе, дивидендах») и др.

На втором месте по употребительности стоят существительные, номинирующие процессы и результаты: *листинг* («внесение акций компании в

список акций, котирующихся на данной бирже»), *андеррайтинг* («распространенный метод размещения ценных бумаг новых выпусков на первичном рынке инвестиционными компаниями, банками и крупными брокерскими фирмами»; «договор на размещение ценных бумаг между грантом и эмитентом»), *клиринг* («безналичные расчеты между странами, компаниями, предприятиями за поставленные, проданные друг другу товары, ценные бумаги и оказанные услуги, осуществляемые путем взаимного зачета, исходя из условий баланса платежей»), *менеджмент* (управление производством посредством специальных методов планирования, регулирования и контроля хозяйственной деятельности с целью повышения её эффективности), *демпинг* («продажа товаров на внешнем и внутреннем рынках по искусственно заниженным ценам, меньшим средних розничных цен, а иногда и более низким, чем себестоимость») (толкования единиц взяты из экономического словаря [5]).

В ходе исследования было выявлено, что наиболее продуктивным способом образования экономических терминов в английском языке является аффиксация. Суффикс *-er* является наиболее востребованным из агентивных суффиксов существительных, ср.: *dealer* (to deal), *trader* (to trade), *manager* (to manage), *jobber* (to job) и др. На втором месте по продуктивности стоит суффикс *-ing*, обозначающий процесс/действие или конкретный результат (ср.: *clearing* (to clear), *dumping* (to dump), *leasing* (to lease), *merchandising* и др. В активной словообразовательной модели с аффиксальными показателями *-ація/- (инфляция, спекуляция, рекомендация)* и *-енія/- (аннулирование, аккумуляирование)* в процессе заимствования наблюдается переоформление иностранного суффикса на русский маркер с аналогичным значением, ср.: *accumulation* (накопление, суммирование, аккумуляирование) – *to accumulate* (накапливать) + *-ion*, *speculation* (спекуляция) – *to speculate* (спекулировать) + *-ion*.

В русском языке также функционируют выше-названные словообразовательные аффиксы: суффикс *-ер* называет лицо по отношению к действию так же, как и в английском языке (*пенсионер*, *миллионер* и др.); суффикс *-инг* встречается в небольших группах отлагольных существительных с процессуальным значением, объединяет непродуктивные словообразовательные типы (*крекировать* – *крекинг*, *тренировать* – *тренинг* и др.). Следовательно, в русском языке действует тенденция, связанная с освоением данных лексических единиц. Так, слова на *-инг* приобретают систему склонения, а также от них активно образуются новые производные слова: *лизинговый механизм*, *холдинговая компания*, *консалтинговое агентство* и др.

Помимо суффиксального образования, в английском языке выделяется и группа префиксальных дериватов. Например, при помощи приставки *de-* (*de-*) образуются новые слова, называющие действие, противоположное, обратное тому, которое названо мотивирующим словом, ср.: *de-listing* (*listing*), *de-marketing* (*marketing*). Также к словам, образо-

ванным префиксальным способом, относятся: *cross-listing* (кросс-листинг), *under-writer* (андеррайтер) и др.

Анализ единиц показал, что ряд морфем (*андер-, -вумен, кросс-*) не зафиксирован в морфемных, словообразовательных словарях и грамматиках русского языка. Статус данных морфемных отрезков представляется нам дискуссионным, так как их можно классифицировать как полноценные слова в английском языке и, возможно, здесь мы можем говорить о словосложении: *business-woman* (англ. woman “женщина”), *under-writing* (англ. under “под, меньше, ниже”), *cross-listing* (англ. cross “крест, помесь, поперечный”).

Особую группу составляет пласт специальной лексики, употребляемой преимущественно в разговорной речи, – экономический сленг. Данные единицы проходят второй этап своей адаптации в русском языке – утилизацию, функционирование и употребление в речи (ср. [2, с. 10]) и соответственно почти не представлены в Национальном корпусе русского языка, ср.: *аутрайт, бизнесмент, баффер, безмен, булшинез, бэаршинез, бэквордэйшн, вендорлиз, вуменджер, джорджик, рэйт, кикбэкинг, неттинг, гуччи-муччи-пипл, каверинг, кам нью, флопрайз, уошаут*. Многие из них являются неизвестными для носителей языка, но имеют конкретное значение для экономистов, например: *аутрайт* – “простая срочная валютная сделка” [13, с. 23], *мелон* – “большой хороший дивиденд” [13, с. 194], *флопрайз* – “минимальная цена” [там же, с. 347].

Таким образом, всякая инновация для системы языка – это прежде всего формальная и / или семантическая трансформация, имеющая в «ближайшем» векторе развития – сохранение лексической единицы в речи, а в «дальнейшем» – ее закрепление и функционирование в узусе. Само появление номинации, еще не имеющей вербального аналога в системе языка, выступает своеобразным нарушением как норм словопроизводства, так и норм лексики. Однако словообразовательным потенциалом может обладать любое слово, независимо от своего происхождения и характеристик морфемной / словообразовательной структуры, поскольку оно может стать источником или объектом деривации.

В современном обществе экономика является активной сферой, стимулирующей процессы заимствования терминов из одного языка в другой. Процесс заимствования как непрямых, так и производных единиц оказывает большое влияние на развитие лексической и словообразовательной систем русского языка. Словообразовательная активность слов иноязычного происхождения является результатом сложного процесса «переработки» иноязычных элементов средствами языка-реципиента, их адаптации на русской почве, а способность большинства заимствований образовывать на русской почве производные единицы, словообразовательные цепи, парадигмы, гнезда доказывает их активное освоение носителями языка.

Литература

1. Большой экономический словарь / под ред. А. Н. Азриляна [Текст]. – 7-е изд., доп. – М.: Институт новой экономики, 2008.
2. Быкова, Е. В. Однословные финансово-экономические термины, заимствованные из английского языка в 90-е годы (этапы и типы адаптации) [Текст] / Е. В. Быкова: автореф. дис... канд. филол. наук. – Санкт-Петербург, 2000.
3. Ваганова, Н. В. Современные заимствования из английского языка: семантико-словообразовательный аспект (на материале англицизмов конца XX – начала XXI вв. в современном русском языке) [Текст] / Н. В. Ваганова: автореф. дис... канд. филол. наук. – Нижний Новгород, 2005.
4. Доронина, Н. И. Условия реализации деривационного потенциала слов русского языка (на материале деривационно-ассоциативного эксперимента) [Текст] / Н. И. Доронина: автореф. дис... канд. филол. наук. – Барнаул, 1999.
5. Ковалев, В. В. Экономический словарь: экономические термины и экономический сленг. 3000 слов [Текст] / В. В. Ковалев. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2009.
6. Крысин, Л. П. Слово в современных текстах и словарях. Очерки о русской лексике и лексикографии [Текст] / Л. П. Крысин. – М.: Знак, 2008.
7. Маринова, Е. В. Иноязычные слова в русской речи конца XX – начала XXI вв.: проблемы освоения и функционирования [Текст] / Е. В. Маринова. – М.: ЭЛПИС, 2008.
8. Назаренко, Н. А. Структурно-семантические и функциональные характеристики экономической терминологии (в рамках сегмента терминосферы «Рыночная экономика») [Текст] / Н. А. Назаренко: автореф. дис... канд. филол. наук. – Ставрополь, 2005.
9. Одонтуя, Л. Новые русские экономические термины в системно-контрастивном рассмотрении [Текст] / Л. Одонтуя: автореф. дис... канд. филол. наук. – М., 2003.
10. Потехина, Е. С. Фонематическое консонантное варьирование иноязычных слов в русском языке [Текст] / Е. С. Потехина: автореф. дис... канд. филол. наук. – Самара, 2005.
11. Сербиновская, Н. В. Формирование и развитие терминологического поля «маркетинг» в русском языке [Текст] / Н. В. Сербиновская: автореф. дис... канд. филол. наук. – Ростов-на-Дону, 2008.
12. Сешан, Ш. Англицизмы в русской речи (по материалам прессы 90-х гг.) [Текст] / Ш. Сешан: автореф. дис... канд. филол. наук. – М., 1996.
13. Заимствования в русском субстандарте. Англицизмы: словарь [Текст]. – М.: ИТИ ТЕХНОЛОГИИ, 2004.
14. Суханова, И. Ю. Словообразовательные гнезда с вершиной – иноязычным словом (на материале русской лексики рубежа XX – XXI вв.) [Текст] / И. Ю. Суханова: автореф. дис... канд. филол. наук. – Самара, 2005. – 17 с.
15. Труфанова, Н. О. Проблемы номинации лиц в современной финансово-экономической терминологии

логии (на материале русского и английского языков) [Текст] / Н. О. Труфанова: автореф. дис... канд. филол. наук. – М., 2006.

16. Чан Хоанг Май А. Особенности функционирования англоязычных заимствованных экономических терминов в русском языке на фоне вьетнамских аналогов [Текст] / А. Чан Хоанг Май: автореф. дис... канд. филол. наук. – М., 2007.

17. Шилова, Г. Е. Особенности семантики и функционирования иноязычных слов в современной российской публицистике (на материале газет, радио и телевидения) [Текст] / Г. Е. Шилова: автореф. дис... канд. филол. наук. – Воронеж, 2005.

УДК 81'373.2

МЕТОДИКА ОПРЕДЕЛЕНИЯ АССОЦИАТИВНОГО СХОДСТВА ТОВАРНЫХ ЗНАКОВ: ПОЛИПРОПОЗИЦИОНАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

Я. А. Дударева

TECHNIQUE OF THE METHOD DEFINING TRADE MARKS ASSOCIATIVE SIMILARITY: THE POLIPROPOSITIONAL ANALYSIS

Y. A. Dudareva

В статье предлагается методика проведения лингвистических экспертиз и исследований по определению сходства товарных знаков до степени смешения. В предлагаемой методике сходство товарных знаков устанавливается в результате сопоставления их ассоциативных полей, пары стимул – реакция которых рассматриваются как актанты пропозиций, выражающих множество повседневных ситуаций, в которых эти товарные знаки функционируют.

In article the technique of carrying out of linguistic examinations and researches by definition of similarity of trade marks to mixture degree is offered. In an offered technique similarity of trade marks is established as a result of comparison of their associative fields, steams which stimulus-reaction are considered as actants of the propositions expressing set of daily situations in which these trade marks function.

Ключевые слова: товарный знак, сходство товарных знаков до степени смешения, лингвистическая экспертиза товарных знаков.

Keywords: trade mark, similarity of trade marks to mixture degree, linguistic examination of trade marks.

В современной лингво-юридической практике особую актуальность приобрели дела об установлении сходства наименований (товарных знаков, знаков обслуживания, фирменных наименований, доменных имен) до степени смешения. Сложность принятия решения по данной категории дел связана с неопределенностью понятий «сходство», «степень сходства» и «ассоциативное сходство» знаков, позволяющее их считать сходными до степени смешения.

Согласно п. 3 Методических рекомендаций по проверке заявленных обозначений на тождество и сходство, утвержденных приказом Роспатента от 31.12.2009 № 197, обозначение считается сходным до степени смешения с другим обозначением, если оно ассоциируется с ним в целом, несмотря на их отдельные отличия. Оценка сходства обозначений производится на основе общего впечатления, формируемого в том числе с учетом неохранных элементов [15].

Согласно пункту 14 Постановления Пленума Высшего арбитражного суда Российской Федерации от 17.02.2011 № 11 "О некоторых вопросах применения Особенной части Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях", подтверждением того, сходны ли используемые обозначение и товарный знак с точки зрения потребителей, могут являться в том числе опросы мнения потребителей при их наличии [17].

Как показывает судебная практика по данной категории дел, следование названным «Методическим рекомендациям», которые призваны помочь судьям и экспертам объективировать наблюдаемое ассоциативное сходство товарных знаков, может привести к выводу, который не согласуется с результатами опросов рядовых потребителей товаров. В качестве примера расхождения мнения специалиста, выполнившего исследование согласно «Методическим рекомендациям» [15], с данными социологического опроса рядовых потребителей товаров можем привести известный случай с товарными знаками «Бархатные ручки» и «Бархатная нежность». В решении Арбитражного суда Свердловской области по делу №А60-33062/2010 от 25 мая 2011 г. сказано, что «вывод специалистов о том, что выявленные признаки фонетического и графического различия практически исключают возможность смешения исследованных словесных обозначений на уровне их физического восприятия, носит теоретический характер и опровергается результатами социологических исследований...».

Несовпадение вывода специалиста в области русского языка с результатами социологического опроса связывается нами с различием предписательного и описательного подходов к определению сходства товарных знаков. В современной лингвистике и лексикографии по вопросам толкования слова, синонимии, словообразования и другим наблю-

дается ситуация, аналогичная случаям с товарными знаками. Так, многими лингвистами (Ю. Д. Апресяном, И. А. Стерниным, Р. М. Фрумкиной, Н. Д. Голевым и др.) в результате проведенных экспериментальных исследований отмечено, что «наивные» толкования не совпадают с теми дефинициями, которые представлены в нормативных словарях русского языка. Толкование того или иного слова в нормативных словарях, т. е. в лексикографических изданиях предписательного типа, представляют собой результат работы профессионального лингвиста, который, как описывает Р. М. Фрумкина, сначала «рассматривает свое языковое сознание, т. е. совершает акт интроспекции. <...> «Далее, лингвист (не без основания) выдвигает предположение о том, что внутренние миры говорящих похожи на его собственный. На основании этого лингвист <...> производит совершенно принципиальный для дальнейших обобщений акт и н т р о е к ц и и: наделяет других носителей языка «языковым сознанием», не слишком отличающимся от своего» [20, с. 65].

Вывод специалиста, сделанный по названным товарным знакам, мы интерпретируем как проявление предписательного подхода к определению сходства товарных знаков: методом интроспекции специалистом установлено, что рядовые покупатели не должны смешивать товарные знаки «Бархатные ручки» и «Бархатная нежность». Результаты социологического опроса, т. е. описательное исследование, свидетельствуют об обратном.

Восприятие знаков в целом, установление ассоциативного сходства – это работа правого полушария мозга, а анализ сходства знаков – это деятельность левого полушария мозга. Судья или эксперт, сопоставляющий товарные знаки и следующий в этом сопоставлении уровневому рассмотрению сходства знаков, предложенному в «Методических рекомендациях» [15], утвержденных Роспатентом, находится в неестественных условиях. Рядовой потребитель не проводит тщательного фонетического, графического и семантического анализа знаков. Как отмечается в Постановлении Президиума Высшего арбитражного суда РФ от 18 июля 2006 г. № 3691/06, «основной потребитель <...> руководствуется общими впечатлениями (часто нечеткими) о знаке, виденном ранее, не имеет возможности непосредственно сравнить знаки и проявляет меньшую осмотрительность, чем при выборе дорогих товаров и услуг» [18]. Именно поэтому необходима разработка методики определения ассоциативного сходства товарных знаков, основанная на результатах обращения к сознанию рядовых покупателей/рядовых носителей языка.

Часто опросы мнения потребителей связываются как у судей, так и у граждан, участвующих в судебных процессах по рассматриваемой категории дел, исключительно с данными социологических исследований, в то время как лингвистические исследования мыслятся как работы, подготовленные только на основе данных нормативных словарей и справочников.

В современной лингвистике и междисциплинарных направлениях, как юрислингвистика, активно используются методики работы с рядовыми носителями языка, рядовыми гражданами, связанные с обращением к их языковому и метаязыковому сознанию. Так, Т. М. Григорьева, проводившая лингвистический анализ товарных знаков «Vegeta» и «Bege-get», отмечает необходимость обращения лингвистов к обыденному сознанию рядовых покупателей, для которого оказываются значимы «<...> различия, которые совершенно очевидны, которые лежат «на поверхности» – это их орфографические, лексико-грамматические и акцентологические (связанные с особенностями ударения) характеристики» [8, с. 379].

Результаты экспериментов, проведенные с носителями языка, позволяют сделать выводы по многим актуальным проблемным вопросам, находящимся в сфере пересечения языка и права: об обыденном толковании и понимании юридических терминов и законов [7, с. 297 – 305], о составлении списка «обидных» слов с учетом оценки степени их «обидности» [6, с. 331 – 339] и т. д.

Предлагаемая нами методика определения ассоциативного сходства товарных знаков до степени смешения основана на полипропозиционном анализе результатов ассоциативного эксперимента, проведенного с рядовыми носителями языка / рядовыми потребителями товаров.

Гипотеза проведения ассоциативного эксперимента такова: товарный знак, сходный до степени смешения с уже известным товарным знаком, будет образовывать одни и те же пропозиции и включаться рядовыми носителями языка в те же самые ситуации, что и прототип – известный товарный знак.

Набор ситуаций, в которых товар участвует в качестве объекта или средства действия субъекта, проявляется в его ассоциативном поле. Пары стимул-реакция ассоциативного эксперимента рассматриваются как «лексические элементы – актанты – пропозиции, которые в результате <...> простейших трансформаций превращаются на поверхностном уровне в предложение русского языка» [9], «коммуникативные фрагменты» [4] как «синтаксические примитивы», в которых обнаруживается «отчетливая ситуативно-тематическая связь» [10, с. 220].

Предлагаемая нами методика полипропозиционного анализа ассоциативного сходства товарных знаков входит в круг известных в современной лингвистике методик, в которых используется пропозиционный анализ: методика полиситуативного анализа глагольной семантики, разработанная Н. Б. Лебедевой [14], методика пропозиционно-семантического анализа словообразовательных типов, разработанная и представленная в работах Л. А. Араевой [1] и ее учеников, методика пропозиционно-фреймового моделирования словообразовательных гнезд однокоренных слов, разработанная М. А. Осадчим [16].

Методика полипропозиционного анализа сходства товарных знаков основана на следующих положениях:

1. Товарные знаки, сходные до степени смешения, похожи, как члены одной семьи, они обладают «фамильным сходством» [3], проявляющимся в графическом оформлении, фонетическом звучании и семантике.

2. В каждой семье товарных знаков, сходных до степени смешения, выделяется ее лучший представитель – прототип. Остальные члены семьи – «вторичные» товарные знаки – отклоняются от прототипа в разных отношениях. Например: товарный знак *Adidas* является прототипом в семье знаков, сходных с ним до степени смешения: *Abibas*, *Abidas* и т. п.

3. Слова-реакции респондентов, содержащиеся в ассоциативном поле товарного знака Z-2, сходного до степени смешения с товарным знаком Z-1, представляют собой разные «эффекты наследования» [10, с. 151] – наследование прототипического звучания, графики, семантики. Обнаружение в ассоциативном поле спорного товарного знака таких «эффектов наследования», отсылающих его к прототипу, позволяет сделать вывод о «фамильном сходстве» товарных знаков, об их сходстве до степени смешения.

4. Семья сходных до степени смешения товарных знаков представляет собой полевое образование, имеющее диффузные границы, характеризующееся принципиальной неполнотой и незавершенностью. Это естественная радиальная категория, «включающая центральную конструкцию и ряд периферийных конструкций, связанных с центром» [12, с. 378]. В центре категории находится прототип – первичный товарный знак.

5. Каждый товарный знак, как и любое слово, агномимичен для носителей языка в той или иной степени. Товарный знак существует в сознании носителей языка / рядовых потребителей в несколько размытом, неопределенном виде, что отмечено в ранее процитированном Постановлении Президиума Высшего арбитражного суда РФ от 18 июля 2006 г. N 3691/06 по делу о товарных знаках «Nivea» и «Livia» [18].

Полипропозиционный анализ ассоциативных полей товарных знаков включает в себя следующие этапы:

I. Качественный анализ общих для товарных знаков ассоциаций.

1. Классификация пар стимул – реакция по двум типам текстов: а) «тексты-примитивы» [19, с. 141], б) развернутые тексты: прецедентные тексты («чужие» тексты), собственные тексты.

2. Классификация пар стимул – реакция, образующих тексты-примитивы, по типам пропозиций, предложенных и описанных Н. Д. Арутюновой [2] и Т. В. Шмелевой [21]: а) событийные пропозиции, б) логические пропозиции (пропозиции идентификации, характеристики и релятивные пропозиции).

3. Выделение ситуаций с общими элементами пропозиций.

4. Выделение значимых элементов пропозиций, которые: а) содержатся в ассоциативном поле спор-

ного товарного знака Z-2 и отсутствуют в ассоциативном поле знака Z-1; б) содержатся в ассоциативном поле знака Z-1 и отсутствуют в ассоциативном поле спорного товарного знака Z-2.

5. Выделение типов ситуаций, к которым отсылают развернутые тексты, полученные от респондентов.

II. Количественный анализ.

Определение количества общих для рассматриваемых товарных знаков ассоциативных реакций респондентов в процентном выражении.

«Тайд» или не «Тайд»? Вот в чем вопрос.

Полипропозиционный анализ ассоциативных полей товарных знаков «Tide» и «Taid»

С рядовыми носителями языка / рядовыми потребителями, общее число которых составило 160 человек (2 группы, каждая из которых состояла из 80 человек), проведен ассоциативный эксперимент. В качестве стимулов использовались цветные изображения стиральных порошков «Tide» (рис. 1) и «Taid» (рис. 2). Изображения предъявлялись респондентам разного пола, возраста и профессии. Вопрос для испытуемых был сформулирован следующим образом: посмотрите на изображение. Напишите, пожалуйста, какие ассоциации у Вас возникли.

Рис. 1. Стиральный порошок «Tide»

Рис. 2. Стиральный порошок «Taid»

По результатам эксперимента проведен полипропозиционный анализ ассоциативных полей товарных знаков. При описании результатов эксперимента в скобках указывается число полученных от респондентов реакций.

Качественный анализ сходства ассоциативных полей рассматриваемых товарных знаков

Сопоставление ассоциативных полей товарных знаков «Tide» и «Taid» показало наличие:

I. Общих текстов-примитивов, которые представляют собой:

1. Элементы **событийных пропозиций**, относящихся к следующим ситуациям:

1) *реклама*: «Tide» – реклама (23) и «Taid» – реклама (21); «Tide» – Якубович (3) и «Taid» – Якубович (2); «Tide» – Тишко (1) и «Taid» – Тишко (4);

2) *стирка*: «Tide» – стирка (19) и «Taid» – стирка (14); «Tide» – чистота (13) и «Taid» – чистота (15); «Tide» – стиральная машина (6) и «Taid» стиральная машина (5); «Tide» стирать (2) и «Taid» стирать (1); «Tide» – белье (5) и «Taid» – белье (2), чистое белье (2); «Tide» – пятно (1) и «Taid» – пятно (1); «Tide» – грязь (2) и «Taid» – грязь (3); «Tide» – ванная (1) и «Taid» ванная комната (1); «Tide» – белое (1) и «Taid» белое (1); «Tide» – свежесть (5) и «Taid» – свежесть (1);

3) *покупка*: «Tide» – скидка (2) и «Taid» – скидка (1); «Tide» магазин (3) и «Taid» – магазин (1); «Tide» халява (1) и «Taid» халява (9); «Tide» – дешево (1) и «Taid» дешево (1); «Tide» – экономия (1) и «Taid» экономно (1); «Tide» – выгода (1) и «Taid» выгодно (1).

2. Логические пропозиции: 1) пропозиция идентификации: Taid – много Tide (1); 2) пропозиция характеристики: «Tide» – стиральный порошок (24) и «Taid» – порошок (26).

В ходе полипропозиционного анализа ассоциативных полей товарных знаков «Tide» и «Taid» выделены элементы событийных пропозиций, объединяющиеся в 3 ситуации «реклама», «покупка», «стирка» и 2 общих логических пропозиции. Пропозиция идентификации *Taid – много Tide* (1) заслуживает особого внимания: в ассоциативном поле спорного товарного знака зафиксирован реальный случай смешения сопоставляемых товарных знаков. О сходстве рассматриваемых товарных знаков свидетельствуют многочисленные отсылки товарного знака «Taid» к известным рекламным роликам стирального порошка «Tide».

В ассоциативном поле стимула «Taid» содержатся реакции, которые отсутствуют в ассоциативном поле «Tide», но проявляют сходство рассматриваемых товарных знаков. К числу таких ассоциаций относятся реакции, связанные с ситуацией «реклама». Ассоциативное поле «Taid»: Малахов (5); видеоролик (1); женщина из рекламы порошка (1); СМС (1); телевидение (1); Фоменко (1).

II. Развернутые тексты:

1. Прецедентные тексты:

1. «Tide» – Тогда мы идем к Вам! (12) и «Taid» – Тогда мы идем к Вам! (14).

2. «Tide» – Вы все еще кипятите? Тогда мы идем к Вам! (3) и «Taid» – Вы все еще кипятите? Тогда мы идем к Вам! (2).

3. «Tide» Чистота – чисто «Тайд» (8) и «Taid» – Чистота – чисто «Тайд» (3).

4. «Tide» Тайд или кипячение? (1) и «Taid» – Тайд или кипячение? (3).

Сопоставление развернутых прецедентных текстов свидетельствует о том, что в сознании носителей языка товарные знаки «Tide» и «Taid» смешиваются. Товарный знак «Taid» вызывает в памяти респондентов те же слоганы, которые звучат в рекламе стирального порошка «Tide».

2. Собственные тексты (подробно описаны ниже).

Также в ассоциативном поле товарного знака «Taid» содержатся прецедентные тексты из рекламы стирального порошка «Tide»: Вы еще ругаете детей? Тогда мы идем к Вам! (1); Тайд есть, грязи нет (1).

Полученный материал в результате проведенного нами ассоциативного эксперимента позволяет выделить тексты, среди которых 5 типов текстов являются прецедентными – это рекламные тексты и 17 текстов – созданные самими респондентами.

Поскольку на возникновение ассоциативных связей влияют социально-профессиональная принадлежность респондента, его гендерные и возрастные характеристики, то получаемые в ходе ассоциативных экспериментов пары стимул – реакция могут быть рассмотрены как «персонотексты» [5]: персонотексты-примитивы и развернутые персонотексты.

Лингвоперсонологический анализ полученных текстов – реакций позволяет выделить из числа респондентов графоориентированные и прагматикоориентированные типы личностей. Респонденты графоориентированного типа проявили «орфографическую зоркость» и отметили написание слова «Taid» как ошибочное:

1) название неверное (1);

2) эта картинка вызвала у меня ассоциацию неграмотного человека, который не знает правила написания слова на английском языке, ведь правильное написание слова TIDE, а не TAID (1).

Языковые личности, относящиеся к типу «прагматиков», для которых предъявляемый в эксперименте стимул «служит стимулом активизации и актуализации собственного опыта, своих знаний и презумпций» [10, с. 41], дали следующие ответы – на стимул «Tide»:

1) купи 9 кг по завышенной цене. Хе-хей! (1);

2) на спам не отвечаю (1);

3) я подумала, что это надо как-то описать и похвалить, что-то типа рекламы, которую надо поддерживать. Потом мне пришла в голову реклама (1).

На стимул «Taid»:

– акция нового стирального порошка американского производителя;

– ассоциируется с известным производителем стирального порошка «Taid»;

– можно купить: ведь 2 кг бесплатно;

– плохой порошок: при стирке плохо выполаскивается;

– порошок новой формулы;

– похоже, что это просто пакет, такого порошка нет;

– реклама какого-нибудь дурацкого порошка, который хотят нам навязать (всучить);

- реклама, потому что она яркая, сразу бросается в глаза;
- рекламное изображение нового дешевого стирального порошка, очевидно, какого-то мелкого производителя. Может, даже дешевая подделка;
- рекламные видеоролики, которые показывают в телевизоре;
- стиральный порошок, старый какой-то;
- стоит 45 р. – 0, 5 кг;
- чем больше идет порошка, тем больше идет раздражение на кожу.

Персонотексты в ассоциативном эксперименте создаются спонтанно, что позволяет их рассматривать как тексты «естественной письменной речи» [13].

Из числа собственно персонотекстов выделяются тексты, в которых фациенты автор и адресат представляют собой одно и то же лицо – Я. Признак автокоммуникации сближает персонотексты (*пора постирать вещи; что мне нужно постирать*) с записями, характерными для автокоммуникативных жанров естественной письменной речи.

В персонотекстах «прагматиков» представлены уже ранее отмеченные нами ситуации «реклама», «стирка», «покупка», а также проявляются такие особенности товарного знака «Taid», как его вторичность и амфиболичность (существует / не существует; старый / новый товар).

Количественный анализ сходства ассоциативных полей рассматриваемых товарных знаков

Общее число реакций, полученных на стимул «Tide» составляет 150. Из них 139 реакции (93 %) оказались общими с реакциями ассоциативного поля «Taid». 7 % представляют собой реакции – оригинальные персонотексты, а также включают следующие реакции: *воскресенье (1), дети (1), расчет цены (1), подвох (1), обман (1), мыльная вода (1), лохотрон (1), кухня (1)*.

На стимул «Taid» всего получено 169 реакций, из которых 136 ответов (80 %) совпали с реакциями респондентов на стимул «Tide», 11 % составили реакции – развернутые персонотексты, которые не зафиксированы в ассоциативном поле товарного знака «Tide», и 9 % – это реакции, представляющие собой тексты-примитивы, отсутствующие в ассоциативном поле товарного знака «Tide». В число 9 % реакций вошли следующие ответы: *Малахов (5); видеоролик (1); женщина из рекламы порошка (1); СМС (1), телевидение (1); Фоменко (1)*, которые были отмечены выше, а также реакции: *пена (1); химия (1); пакет (1); квадрат (1); сколько стоит (1)*.

Проведенный полипропозиционный анализ ассоциативных полей товарных знаков «Tide» и «Taid» показал, что данные товарные знаки объединяют такие ситуации, как «реклама» и «покупка», входящие в более крупную тему «торговля и продвижение товаров», а также ситуация «стирка», что говорит об общей сфере применения товаров.

В ходе проведения ассоциативных экспериментов обнаружены одинаковые для рассматриваемых

товарных знаков прецедентные тексты, элементы событийных пропозиций. Именно со стимулом *Taid* получены персонотексты, в которых респонденты отметили написание *Taid* как неправильное и охарактеризовали *Taid* как «дешевую подделку» (характеристика дана респондентом с модусом возможности). Также в ассоциативном поле *Taid* зафиксирована реакция респондента, в которой название порошка записано как *Tide*, и реакции-прецедентные тексты, содержащие слово «Тайд», представляющее собой транскрипцию английского слова «Tide».

Полипропозиционный анализ ассоциативных полей товарных знаков «Tide» и «Taid» позволяет рассматривать именно товарный знак «Tide» как знак-прототип, имеющий «родственников» – товарный знак «Taid», а знак «Taid» – как знак, обладающий сильным фамильным сходством со своим прототипом (товарным знаком «Tide»), сходством до степени смешения.

Литература

1. Араева, Л. А. Словообразовательный тип [Текст] / Л. А. Араева. – М.: URSS, 2009. – 272 с.
2. Арутюнова, Н. Д. Предложение и его смысл: логико-семантические проблемы. [Текст] / Н. Д. Арутюнова. – М.: Наука, 1976. – 384 с.
3. Витгенштейн, Л. Философские исследования // [Электронный ресурс]. – URL: http://read.newlibrary.ru/read/vitgenshtein_1/filosofskie_issledovaniya.html (дата обращения 11.10.2011).
4. Гаспаров, Б. М. Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования. [Текст] / Б. М. Гаспаров. – М.: Новое литературное обозрение, 1996. – 352 с.
5. Голев, Н. Д. Лингвоперсонологическая вариативность языка [Текст] / Н. Д. Голев // Известия Алтайского государственного университета. Серия «История, филология, философия и педагогика». – 2004. – № 4.
6. Голев, Н. Д. Опыт лексикографического описания «обидных» слов русского языка в прагматическом аспекте / Н. Д. Голев // Обыденное метаязыковое сознание: онтологические и гносеологические аспекты. – Ч. 3: коллективная монография [Текст] / отв. ред. Н. Д. Голев. – Кемерово: КемГУ, 2010.
7. Голев, Н. Д. Словарь обыденных толкований русских юридических терминов / Н. Д. Голев, М. Е. Воробьева // Обыденное метаязыковое сознание: онтологические и гносеологические аспекты. – Ч. 3: коллективная монография [Текст] / отв. ред. Н. Д. Голев. – Кемерово: КемГУ, 2010.
8. Григорьева, Т. М. Тожественны ли товарные знаки «Вегета» и «Бедже-гет»? / Т. М. Григорьева // Юрислингвистика – 9: Истина в языке и праве: межвузовский сборник научных трудов [Текст] / под ред. Н. Д. Голева. – Кемерово; Барнаул: АГУ, 2008.
9. Караулов, Ю. Н. Типы коммуникативного поведения носителя языка в ситуации лингвистического эксперимента / Ю. Н. Караулов // Электронный ресурс. – URL: <http://www.iling-ran.ru/library/>

psylingva/sborniki/Book1996/Part2-1.htm (дата обращения: 20.11.2011).

10. Караулов, Ю. Н. Ассоциативная грамматика русского языка [Текст] / Ю. Н. Караулов. – М.: ЛКИ, 2010. – 328 с.

11. Ким, Л. Г. Вариативно-интерпретационное функционирование текста: теоретико-экспериментальное исследование / Л. Г. Ким: автореф. дис. ... д-ра фил. наук. – Кемерово, 2010.

12. Лакофф, Дж. Женщины, огонь и опасные вещи: что категории языка говорят нам о мышлении: [пер. с англ. И. Б. Шатуновского] [Текст] / Дж. Лакофф. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 792 с.

13. Лебедева, Н. Б. Естественная письменная русская речь как объект лингвистического исследования / Н. Б. Лебедева [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.uni-altai.ru/Journal/vestbspu/2001/gumanit/PDF/lebedeva.pdf> (дата обращения: 10.09.2011).

14. Лебедева, Н. Б. Полиситуативный анализ глагольной семантики / Н. Б. Лебедева; отв. ред. О. И. Блинова. – Изд. 2, испр. и доп. [Текст]. – М.: ЛИБРОКОМ, 2010. – 192 с.

15. Методические рекомендации по проверке заявленных обозначений на тождество и сходство, утвержденные приказом Роспатента от 31.12.2009 № 197 [Электронный ресурс]. – URL: http://www.fips.ru/sitedocs/metod_rec_tojd.pdf (дата обращения: 10.09.2011).

16. Осадчий, М. А. Однокоренная лексика русских народных говоров. Фреймовая структура гнезда [Текст] / М. А. Осадчий. – М.: URSS, 2009. – 304 с.

17. Постановление Пленума Высшего арбитражного суда Российской Федерации от 17 февраля 2011 № 11 "О некоторых вопросах применения Особенной части Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях". [Электронный ресурс]. – URL: http://www.arbitr.ru/as/pract/post_plenum/34200.html (дата обращения: 10.09.2011).

18. Постановление Президиума Высшего арбитражного суда Российской Федерации от 18 июля 2006 г. N 3691/06. [Электронный ресурс]. – URL: http://www.businesspravo.ru/Docum/DocumShow_DocumID_116782.html (дата обращения: 10.09.2011).

19. Сахарный, Л. В. Введение в психолингвистику: курс лекций. [Текст] / Л. В. Сахарный. – Л.: ЛГУ, 1989. – 184 с.

20. Фрумкина, Р. М. Психолингвистические методы изучения семантики / Р. М. Фрумкина // Психолингвистические проблемы семантики. [Текст] / отв. ред. А. А. Леонтьев, А. М. Шахнарович. – М.: Наука, 1983.

21. Шмелева, Т. В. Семантический синтаксис: текст лекций из курса «Современный русский язык» [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.twirpx.com/file/331750/> (дата обращения: 10.09.2011).

В тексте статьи использованы изображения:

1. Рис. 1. Стиральный порошок «Tide» [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.mir-opt.ru/catalog/viewgood/54673/> (дата обращения: 27.11.2011).

2. Рис. 2. Стиральный порошок «Taid» [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.drjacob.de/Vollwaschmittel-TAID> (дата обращения: 27.11.2011).

УДК 81'42

СПОСОБЫ АКТУАЛИЗАЦИИ ЯЗЫКОВОЙ ИГРЫ В ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ (на примере прецедентных текстов)

Р. Р. Жаева

METHODS OF LANGUAGE GAME ACTUALIZATION IN PUBLICISTIC DISCOURSE (an analysis of precedent texts)

R. R. Zhaeva

В статье рассматривается языковая игра как одно из самых действенных средств актуализации прецедентных текстов в публицистическом дискурсе, сообщения им дополнительной экспрессии в рамках описываемой ситуации

The article considers a language game as one of the most efficient methods of actualization of the precedent texts in publicistic discourse and conveyance to them additional expression within the describing situation.

Ключевые слова: дискурс, языковая игра, прецедентный текст.

Keywords: discourse, language game, precedent text.

В последние годы публицистика меняет приемы получения и подачи информации, способы воздействия на аудиторию. Конкурентоспособность, желание получить широкую читательскую аудиторию являются характерными признаками современных СМИ, которые влияют на характер самой публицистики. В настоящее время претерпевает изменения

традиционная трактовка публицистического стиля как соединяющего в себе стандартность в изложении материала и экспрессивность. Экспрессивные средства приобретают интеллектуальную обостренность, стандартные становятся основой игрового трансформирования и участвуют в формировании выразительных средств.

На отбор языковых и речевых средств влияют как внешние, так и внутренние факторы. К внешним, экстралингвистическим факторам? относятся характеристики самого печатного издания: предназначенность для массовой аудитории, оперативность создания и применения текста, периодичность выпуска издания, коллективное авторство и т. п. К внутренним, лингвистическим факторам? относятся те средства языка и речи, которые нацелены на формирование информативной и воздействующей сторон высказывания. В комплексе эти факторы подчинены коммуникативной задаче публицистического текста.

Журналист создает яркие и емкие материалы, постоянно прибегает к созданию не только новых слов, но и других, необычных сочетаний слов, трансформаций фразеологизмов, синтаксических конструкций, чтобы воздействовать на читательскую аудиторию.

Творческий потенциал журналиста раскрывается в умении постоянно видоизменять и модифицировать имеющийся в его распоряжении языковой материал для того, чтобы газетный текст воспринимался легко и быстро, независимо от возраста, профессии и образования читателя. Поэтому общепонятность и общедоступность употребляемых в газете языковых средств является постоянным ориентиром в речетворческой деятельности журналиста.

Прецедентные тексты особенно актуальны для газетной коммуникации, так как речевой облик современных СМИ напоминает «игровое поле», а «чтение превращается в увлекательную забаву по разгадыванию связей между «сброшенными» на одно поле фишками из разных игр» [1, с. 19]. Чтобы быть востребованным, необходимо владеть способами создания интересного материала для разного читателя, необходимо установить диалог с ним, поэтому авторы статей намеренно переходят к «тексту – игре». «Журналист, переводя действие в разряд игры, рассчитывает на участие в ней читателя-партнера, разбрасывает по тексту знаки, вовлекающие в процесс чтения и увлекающие красотой игры» [1, с. 30].

Включение ПТ в публицистический дискурс имеет свои особенности, которые также могут быть объяснены спецификой жанра: представленная в прессе информация всегда должна быть актуальной, ситуативно «горячей». Автор журнальной или газетной статьи, используя культурную и эмоциональную «нагруженность» ПТ, должен приблизить его к реально описываемой ситуации, а механизмом, позволяющим осуществить такой «перенос», является особое устройство когнитивной базы носителя языка, его вербальной и «образной» памяти. «Прецедентный текст, хранящийся в ментальной картине мира человека в свернутом виде – фрейма или слота (ситуация, качества героя, сформулированная в тексте жизненная максима), актуализируются частичным или даже аллюзийным его воспроизведением. «Считывание» прецедентного текста осуществляется как считывание смысла в пределах синтаксиче-

ского, морфологического, словообразовательного и лексического варьирования окружения опорных, ключевых слов [2, с. 450].

Модификация ПТ осуществляется автором-журналистом вполне осознанно и поэтому может квалифицироваться именно как языковая игра.

Виды языковой игры:

1) *Преднамеренное употребление нормативных языковых средств для выражения дополнительного коннотативного, реже денотативного смысла.* Нередко выражается в пристрастии к уменьшительно-ласкательным суффиксам, использованию слов в несвойственном им значении, что помогает автору высказать свое отношение и дать оценку изложенному. К этому виду можно отнести игру с лексической сочетаемостью, порождение неологических образований, фоно- и графоигру, игровой жаргон и т. д.

2) *Сознательное нарушение языковой нормы для достижения той же цели.* Этот вид реализуется как в стилистических играх с жаргонизмами, просторечиями, так и в морфологических играх с категориями рода, числа, одушевленности, в создании фонетического подобию устной речи. Позиция открытого конфликта со стандартным и нормированным придает такой языковой игре элемент экспрессии, креативности, оригинальности.

Оба вида способствуют процессу речетворчества, рождению неологизмов, появлению новых значений, приращению смысла.

3) *Использование в речи известных носителям языка прецедентных текстов для создания аллюзии,* т. е. апелляция к культурологическим, историческим, литературным познаниям адресата. Означая в переводе с греческого «намеки», аллюзия как бы дает подсказку реципиенту в процессе понимания того или иного текста, выработке отношения и оценки излагаемому и является одним из любимых приемов журналистов при создании слоганов, заголовков, ключевых фраз. Это объясняется феноменом цитатности сознания, который заключается в невозможности создать текст, который не имел бы аллюзий по отношению к уже существующим дискурсам. Цитатное мышление избирает в качестве прецедентного текста устойчивые выражения, фразы из всем известных сказок, художественных и мультипликационных фильмов, исторические эпизоды. Причем прецедентные тексты могут быть трансформированы или воспроизведены в своем первоначальном облике. Трансформация текстов идет за счет заполнения начальной формы новым деструктурированным содержанием с использованием цитат, героев, ситуаций из известных произведений. Такой текст, согласно теории постмодернизма Р. Барту, «представляет собой новую ткань, сотканную из старых цитат. Обрывки культурных кодов, формул, ритмических структур, фрагменты социальных идиом – все они поглощены текстом и перемешаны в нем...».

Трансформация ПТ как языковая игра несет свою особую «воздействующую» нагрузку и заключается в намеренном искажении известного текста.

При этом далеко не всегда автор медиа-текста преследует цель создания комического эффекта. Главная задача – это актуализация используемого прецедентного текста, придание ему особой остроты, жизненности, включенности его в конкретную ситуацию, а языковая игра является действенным средством актуализации смыслов, скрытых в ПТ.

Трансформированные ПТ по частотности использования в областной газете «Звезда Прииртышья» представляем в следующей классификации:

1. На общих фоновых знаниях. Актуализация ПТ рассматривается в буквальном, нетрансформированном виде, происходит отсылка к фоновым знаниям:

«Какой портрет, какой пейзаж...» (О персональной выставке павлодарского художника Александра Гулина, открывшейся в областном художественном музее.) («ЗП», 04.02.2010). Здесь автор статьи рассчитывает на общие фоновые знания читателя, который, не зная сути публикуемого материала, уже получает общее представление о статье. Название статьи отсылает читателя к известной песне, на стихи И. Резника: *Какой портрет, какой пейзаж. Вот зимний вечер, летний зной, А вот Венеция весной. Ах, вернисаж, ах, вернисаж! Какой портрет, какой пейзаж...*

"То ли ещё будет, ой-ой-ой!" (о школьном обучении) («ЗП», 2008 г.) ПТ – "Песенка первоклассника", автор И. Шаферан, композитор Э. Ханок.

"Осенний день – год кормит" (о сельской жизни) («ЗП», 10.10.08, № 41).

«А Васька слушает, да ест». («ЗП», 26.06.06). Смысл известного крылатого выражения из басни И. А. Крылова «Кот и повар» накладывается на сегодняшнюю ситуацию, за счет чего появляется интерес к содержанию газетной статьи, читатель помнит смысловую основу претекста. Отсюда повышается читательский рейтинг и по отношению к конкретной статье, и к газете в целом.

2. Замена субъекта

«Ёлочки всех стран, объединяйтесь!» («ЗП», 30.12.2008). Языковая игра, направленная на актуализацию ПТ – на один из самых известных коммунистических лозунгов «Пролетарий всех стран, соединяйтесь!», впервые высказанный Карлом Марксом и Фридрихом Энгельсом в «Манифесте», заключается в замене субъекта.

«Набережная: строить нельзя сносить» («ЗП», 20.09.08). ПТ – распространенное крылатое выражение из произведения С. Я. Маршака «Двенадцать месяцев» (*Казнить, нельзя помиловать!*).

«А фарш и ныне там» («Звезда Прииртышья», № 101, 29.08.2000).

ПТ – строчка из басни Н. А. Крылова «Лебедь, Рак и Щука»: «А воз и ныне там...».

"В гостях у музыки" (о концерте учащихся музыкальной школы № 1) («ЗП», 03.04.09). ПТ – "В гостях у сказки" – детская телепередача.

"Рад бы в рай, да диплом не пускает" (об уровне безработицы в отдалённых районах Павлодара) («ЗП», № 41). ПТ – пословица "Рад бы в рай, да грехи не пускают".

3. Сокращение компонентного состава

Тише едешь... («ЗП», 05.06.2008 г.) (О дорожно-транспортных происшествиях). Сокращение компонентного состава. ПТ – пословица *«Тише едешь, дальше будешь»*. Заголовок статьи построен на фоновых знаниях.

"Что написано топором..." (о новых правилах содержания собак) («ЗП», 29.10.08, № 44). ПТ – пословица "Что написано пером – не вырубишь и топором".

«Мороз и солнце ...» («ЗП», 2002 г.); ПТ – строки из стихотворения А. С. Пушкина «Зимнее утро».

«Служить бы рад...» («ЗП», 2003 г.) (о государственной службе). Эти слова известного русского писателя, поэта Александра Сергеевича Грибоедова, произнесенные почти двести лет назад. Но они актуальны и сегодня.

«Сколько волка не корми...» («ЗП», 2004 г.). Структурная трансформация включает усечение второй предикативной части в актуальном прочтении. ПТ – пословица «Сколько волка не корми, все в лес смотрит».

4. Лексическая замена

«Люди, которые играют в игры. Игры, в которые играют с людьми» (Аксу болен игроманией) («ЗП», 20 мая 2000 г.).

Оригинальный ПТ – название книги Эрика Берна «Игры, в которые играют люди: психология человеческих взаимоотношений. Люди, которые играют в игры: психология человеческой судьбы». В данном случае обыгрывание ПТ с целью его актуализации происходит сразу на нескольких уровнях языка:

1) на уровне семантики – это сужение референции (имеется в виду только один вид игр – азартные);

2) замена падежа (именительного на творительный) приводит к изменению смысла (люди [играют] – активный субъект; [играют] с людьми – пассивный объект, в данном контексте – жертва).

«Утомлённые тенью» (о казахстанской «теневой» экономике и бизнесменах-теневиках) («ЗП», 2002, № 30).

Обыгрываемый ПТ – название фильма Н. Михалкова «Утомленные солнцем». Антонимическая замена: солнце – тень, а также актуализация нового специфического значения и соответствующей коннотации (теневая – незаконная, нелегальная экономическая деятельность). «Утомлённые тенью» (о казахстанской «теневой» экономике и бизнесменах-теневиках) («ЗП», 2002, № 30).

Яма раздора. («ЗП», 30.07.2010 г.) (о жителях Восточного микрорайона безрезультатно воюющих с частными предпринимателями, открывшими здесь свой бизнес, и о яме, выкопанной два года тому назад). Здесь наблюдается лексическая замена: Яма / яблоко. ПТ – *Яблоко раздора*, мифы Др. Греции, яблоко, подброшенное Эридой на свадьбе Пелея и Фетиды, метафора *Страсти кипят*.

«Они боролись за Родину (о бывших работниках предприятия – о 16 героях той страшной войны)» («ЗП», 15.05.2010). ПТ – «Они сражались за Родина».

ну» — фильм Сергея Бондарчука по одноименному роману Михаила Шолохова. Актуализация прецедентного текста происходит за счет лексической замены: боролись/сражались.

"Не дать себе замёрзнуть" (о ремонте ТЭЦ) («ЗП», 15.10.08). ПТ — рекламный текст: "Fanta": "Не дай себе засохнуть"

5. Введение актуального субъекта

В «бой» идёт молодёжь. («ЗП» 13.05.2010).

ПТ — строка из названия кинофильма «В бой идут одни старики». Лексическая замена ([старики] на молодёжь) — введение актуального для описываемой ситуации субъекта; изменение времени глагола (В бой идут одни старики — *идет молодёжь*)

«Прорабы перестройки» (Ю. Поминов, «Номенклатурные были», 1999, с. 37) «...Была такая рубрика в газете "Советская Россия". Престижная, популярная, единственная в своем роде. Она рассказывала о людях, ярко проявивших себя сразу после провозглашения Горбачевым нового политического курса, в том числе и о партийных секретарях разного ранга. И мне, хоть и с опозданием, захотелось внести свой вклад в портретную галерею **прорабов перестройки** — почти десять лет я имел возможность видеть в деле трёх первых секретарей обкома партии. Я их классифицировал для себя так: Старый "первый", Новый "первый" и Старый Новый "первый"...».

Прецедентность текста — строчка из известного выражения: «Прорабы перестройки» — люди, которые занимались преобразованиями во время горбачевской перестройки. Приближение к описываемой ситуации с помощью введения в текст названия реально присутствующего в этой ситуации предмета.

«Любовь, которой нет предела...» (о премьер-спектакля «Сильвия» (по пьесе А. Герни), режиссер Алексей Мельников.) («ЗП», 25.01.2007. — № 29).

ПТ — «Стихи о любви и про любовь», Вильяма Шекспира. *Нет, на мои уста кладет печать. Моя любовь, которой нет предела.* Отсылка к тексту — источнику через прецедентный текст заголовка позволяет определить дополнительные смыслы и оценочность, наводимую исходным контекстом цитаты.

«Науки юношей питают»... («ЗП», 25.05.2010) (статья об организации научно-исследовательской деятельности школьников). Цитация в исходной форме. ПТ — строчка из «Оды на день восшествия на престол императрицы Елизаветы Петровны» М. В. Ломоносова:

*Науки юношей питают,
Отраду старым подают,
В счастливой жизни украшают,
В несчастной случай берегут*

Написана в год, когда Елизавета Петровна утвердила новый устав и штаты Академии наук, вдвое увеличив количество средств на ее нужды.

6. Структурная модификация отражает вторжение журналиста в модальный план цитаты:

«Не судите — судимы не будете» (черная зависть и чёрная неблагодарность). Б. Исаев. («ЗП», 2000, № 27). Тире придает тексту категоричный характер.

Название статьи представляет собой трансформированный прецедентный текст — из Библии. В Евангелии от Матфея (гл. 7, ст. 1-2) сказано: «Не судите, да не судимы будете, ибо каким судом судите, таким будете судимы; и какою мерою мерите, такою и вам будут мерить». Здесь наблюдается структурная модификация, по «модели» оригинального прецедентного текста.

"Лето красное пропели" (об отопительном сезоне в п. Шидерты). («ЗП», 10.10.08, № 41). ПТ — "Лето красное пропело" И. А. Крылов "Стрекоза и муравей".

"Когда все дома" (об отсутствии интересных передач на телевидении в выходные дни) («ЗП», 07.03.09) ПТ — название телепередачи "Пока все дома".

Данные выражения легко узнаваемы носителями языка, так как отражают национальную ментальность народа.

Трансформированные цитаты представляют большое разнообразие в газете с точки зрения того, каким изменениям они подвергались. Наиболее частый прием квазицитации — замена одного из слов цитаты на слова, связанные с содержанием газетной статьи, представляющие суть ее содержания. Так, материал под названием «Движению все возрасты покорны» («ЗП», 2000 г.) рассказывает о «Празднике движения», устроенном одной из компаний, в котором приняли участие и стар и млад (ПТ: *Любви все возрасты покорны* — «Евгений Онегин», А. С. Пушкин). В заголовке публикации «*Семь раз посмотри — один раз выбери*» («ЗП», 2002 г.), повествующей о пользе теледебатов накануне выборов, узнается пословица «*Семь раз отмерь — один раз отрежь*».

Широкое распространение в газетах 2000 — 2003 годов имеют распространенные выражения эпохи социализма. Социалистический призыв «*Пролетарии всех стран, объединяйтесь!*» не остался незамеченным публицистами. В газете опубликован материал под названием «*Влюбленные всех стран, соединяйтесь!*», которая посвящена Дню Святого Валентина. «*Учиться, учиться и еще раз учиться. Так завещал великий Ленин?*» («ЗП», 2003 г.) — публикация, в которой представлены размышления выпускников средних школ о том, что учиться дальше вовсе не обязательно; у них нет желания получать высшее образование. (ПТ: *Учиться, учиться и еще раз учиться, как завещал великий Ленин*). Вопросительный знак в конце заголовка придает ему ироническое звучание.

«*Тише едем, дальше будем?*» («ЗП», 2003). — В материале предлагаются мнения ведущих экономистов региона. Используя пословицу «*Тише едешь, дальше будешь*» в заголовке с вопросительным знаком, автор приглашает читателя найти ответ на данный вопрос, обратившись к тексту статьи.

Таким образом, в основе действия прецедентного текста — сравнение «данного» и «нового», причем «новое» рассматривается лишь как разновидность, видоизменение «данного». Эффект новизны, необходимый для этого, достигается либо за счет изменения, трансформации текста, либо за счет наложе-

ния на новую ситуацию, неожиданной референтной отнесенности. Любой обычный прецедентный текст явно умышлен, задуман для того, чтобы произвести впечатление на адресата, выполнить функцию воздействия. Как показывают примеры, извлеченные из областной газеты «ЗП», источниками прецедентных текстов являются произведения классической литературы, рекламные объявления, песни. Фразеологизмы, пословицы являются одним из самых доступных видов прецедентных текстов, так как вполне «узнаваемы». Основным свойством прецедентного текста является расчет на воздействие через сопоставление новой информации и фоновых знаний. «Каждый текст является интертекстом. Другие тексты присутствуют в нем на различных уровнях в более или менее узнаваемых формах. Каждый текст представляет собой новую ткань, сотканную из старых цитат» [3]. Журналист посредством прецедентных текстов «вписывает узнаваемые знаки, стремясь сохранить в медиа-событии связь с реальным событием и сообщить медиа-тексту читабельность разнотной аудитории» [4, с. 26].

Литература

1. Сметанина, С. И. Медиа-текст в системе культуры. Динамические процессы в языке и стиле журналистики конца XX века / С. И. Сметанина: автореф. ... д-ра филол. наук. – СПб., 2002. – 41 с.
 2. Шестак, Л. А. Прецедентные тексты в структуре русской языковой личности: когнитивная природа и структурные модели / Л. А. Шестак // Искусство, образование, наука в преддверии III тысячелетия: тезисы докладов Международного научного конгресса, г. Волгоград, 6 – 8 апреля 1998 г. – Волгоград, 1999. – 452 с.
 3. Даштамирова, З. Г. Аллюзия – прагмакомпонент художественного текста / З. Г. Даштамирова, Л. И. Сердюкова // Прагматика и стилистика текста. – Алма-Ата, 1988.
 4. Солганик, Г. Я. О новых аспектах изучения языка СМИ / Г. Я. Солганик // Вестник МГУ. Серия Журналистика. – 2000. – № 3.
- Источники языкового материала: газета «Звезда Прииртышья», г. Павлодар, Казахстан.

УДК 316.61- 057.87

ОРГАНИЗАЦИЯ ТВОРЧЕСКОЙ САМОПРЕЗЕНТАЦИИ В КОНТЕКСТЕ РЕАЛИЗАЦИИ ОСНОВНЫХ ВИДОВ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УЧАЩИХСЯ НПО

В. В. Игнатова, М. Г. Шишкова

THE ORGANIZATION OF CREATIVE SELF-PRESENTATION IN THE CONTEXT OF REALIZATION OF PRINCIPAL TYPES OF ACTIVITY OF PRIMARY VOCATIONAL EDUCATION STUDENTS

V. V. Ignatova, M. G. Shishkova

Представлено описание дополнительного условия реализации творческой образовательной программы в творческом пространстве профессионального училища, необходимого для успешного ориентирования учащихся на творческую самореализацию, в виде деловой самопрезентации. Данное условие соответствует развитию и развёртыванию качеств успешной творческой самореализации в учебно-профессиональной деятельности.

The description of an additional condition of realization of a creative educational program in creative space of the professional school necessary for successful orientation of pupils on creative self-realization, in the form of business self-presentation is presented. The given condition corresponds to development and expansion of qualities of successful creative self-realization in учебно-professional work. The purpose of realization of the given condition is formation professional компетенций and enrichment of experience of the future professional work of pupils of initial vocational training.

Ключевые слова: творческая самореализация, творческая самопрезентация, профессиональное образование.

Keywords: Creative self-realization, creative self-presentation, vocational training.

Изменения на рынке труда требуют не только постоянных преобразований в системе профессионального образования, но и обеспечения опережающей подготовки специалистов, которая реализуется в формировании дополнительного объема знаний и умений учащихся в области будущей профессии.

Учащиеся, осваивающие основную профессиональную образовательную программу, согласно ФГОС НПО, должны обладать общими и профессиональными компетенциями. Профессиональные компетенции будущих специалистов отражают комплекс знаний и умений, соответствующих видов

профессиональной деятельности, готовность учащихся выполнять профессионально-практическую деятельность в условиях реальных производственных и общественных отношений и требования работодателей к качеству подготовки этих специалистов [6]. В рамках нашего исследования реализации творческой образовательной программы, ориентированной на творческую самореализацию учащихся и на формирование профессиональных компетенций на основе заказов работодателей, обуславливает актуальность компетентностного подхода. Целью реализации данного условия является формирование

профессиональных компетенций и обогащение опыта будущей профессиональной деятельности учащихся начального профессионального образования.

Большое значение в ориентировании на творческую самореализацию учащихся начального профессионального образования, в нашем исследовании, имеет самопрезентация как проявление творческой активности, творческой самостоятельности, творческой самоэффективности. В условиях разработанной нами стратегии, на творческо-деятельностном этапе учащиеся вступают в такие отношения и взаимодействия, которые в реальной жизни в данный период для них неосуществимы. Кроме этого, учащиеся в учебной и внеучебной деятельности не всегда имеют возможности для проявления разнообразных творческих способностей, так как они не часто находятся в условиях творческого поиска решения проблемы, незапланированного результата; своевременного проведения анализа результативности процесса творчества, использования разнообразных приемов, средств, форм и методов творческой активности, творческой самостоятельности, творческой самоэффективности, самопрезентации и так далее.

Для нашего исследования мы сочли необходимым акцентировать внимание на деловой самопрезентации, предполагающей реализацию элементов основных видов деятельности учащихся начального профессионального образования. На наш взгляд, данная форма организации учебно-профессиональной деятельности в большей степени способствует творческой самореализации учащихся, поскольку творческая самореализация всегда сопряжена с решением различных жизненных и профессиональных проблем. Учитывая это, педагог должен, по возможности, создавать условия для эффективной творческой самореализации учащегося посредством «проживания» жизненных ситуаций. Предлагаемая деловая самопрезентация как педагогическое средство предполагает познания радости творческой активности, творческой самостоятельности и творческой самоэффективности.

Самопрезентация – это умение «подать себя», произвести нужное впечатление на окружающих, грамотно представить себя. В состав эффективной самопрезентации входит не только формирование нужного впечатления о себе, но и (обязательным моментом) «считывание» необходимой информации со своих партнеров по деловому общению, например в условиях переговоров, принятия коллективных решений и в общем руководстве организацией [7].

Деловая самопрезентация имеет деятельностный характер и направлена на проявление творческой активности, творческой самостоятельности, творческой самоэффективности. Одновременно деловая самопрезентация включает в себя демонстрацию своих деловых и профессиональных качеств: компетентности, грамотности, профессиональной успешности. С этой целью в презентации используются деловые аргументы (дипломы, наградные листы, благодарности, рекомендательные письма, отзывы о

работе), демонстрируются психологические навыки специалиста (умение убеждать, привлекать и удерживать внимание, завоевывать доверие партнеров или аудитории, производить нужное впечатление), а также демонстрация профессиональных компетенций (качественное выполнение своих профессиональных функций).

В нашей работе введено ограничение: исследование выполнено на базе образовательных учреждений системы НПО Красноярского края г. Лесосибирска, реализующих образовательные программы строительного профиля. Деловая самопрезентация проводилась нами во внеурочное время, в различных формах, отражающих профессиональные компетенции основных видов деятельности учащихся начального профессионального образования. Используемая во внеурочное время деловая самопрезентация, на наш взгляд, более эффективна для творческой самореализации, так как создаваемая некая игровая ситуация вне урока обеспечивает большую свободу для творческой активности личности, удовлетворения её творческого потенциала. Игровая ситуация на занятиях, в отличие от внеурочной, ограничена тематическим, содержательным аспектом и не всегда отражает возможное разнообразие проявления творчества в реальной жизни.

Деловая самопрезентация была разработана и подобрана с учётом качеств творческой самореализации, выявленных ранее: творческой активности, творческой самоэффективности, творческой самостоятельности. С другой стороны, они были ориентированы на приобретение знаний, умений и навыков эффективной самопрезентации. Основной стратегией деловой самопрезентации является самопродвижение, то есть открытое предъявление свидетельств своей компетентности и квалификации. Реально демонстрируя свои возможности, учащиеся учатся объявлять свои личные цели, а также формулировать свои запросы и условия.

В соответствии с этим разработаем стратегию деловой самопрезентации:

1. Обучение умениям и навыкам самопрезентации (информационные моменты):

- изучение механизмов поведения людей;
- анализ собственных поведенческих ресурсов;
- знакомство со средствами, эффектами и каналами самопрезентации;
- опробирование в тренировочных ситуациях отдельных моментов самопрезентации;
- анализ особенностей самопрезентации других людей.

2. Деловая самопрезентация (игровые ситуации):

- умение производить нужное впечатление,
- акцентирование достоинств;
- контроль ситуативных и неожиданных эмоций.

3. Отработка умений и навыков деловой самопрезентации (психодиагностика)

- навыки построения и ведения деловой беседы;
- преодоление потерь информации в ходе деловой беседы;
- преодоление психологических барьеров;
- методы и техники аргументированного убеждения;
- навыки ведения деловой беседы в условиях конфликтного взаимодействия.

На первом этапе осуществлялась работа с понятиями, предусматривалось формирование у учащихся начального профессионального образования представления о деловой самопрезентации и последующее обсуждение возможных путей их профессионального становления с учетом интересов, склонностей и потенциалов личности.

Обсуждение поставленных вопросов строилось по принципу эвристической беседы. Была затронута проблема потенциального и актуального в человеке, в подростке и обращено внимание на процесс профессионального становления учащихся как будущего специалиста в своей профессии. Было замечено, что многие учащиеся впервые посмотрели на процесс обучения в начальном профессиональном образовании как на один из этапов их профессионально-

го становления, задумались о том, что именно училище помогает им определить «свое» потенциальное и реализовать его на начальном этапе обучения, приобщиться к творческой деятельности профессионального характера.

Обсудив процесс профессионального становления как переход потенциального в актуальное, мы перешли к знакомству с понятиями «творческая активность», «творческая самостоятельность» и «творческая самоэффективность». В ходе обсуждения поставленной задачи учащиеся посредством эвристических приемов (свободная ассоциация, прямая коллективная мозговая атака, эвристические вопросы) определяли, что такое творческая активность, самостоятельность и самоэффективность, обсуждали вопросы о врожденных и приобретенных способностях и компетенциях, ресурсах личности и показали на примерах, что зависит от потребностей, ценностей и какие творческие качества проявляются в их профессиональной деятельности и при каких обстоятельствах.

Для второго этапа разработали два вида деловой самопрезентации: имитационная и организационно-деятельностная (таблица 1).

Таблица 1

Виды творческой самопрезентации учащихся НПО

<i>Критерии творческой самореализации</i>	<i>Виды самопрезентации</i>	
	<i>имитационная</i>	<i>организационно-деятельностная</i>
Творческая активность	Угадай профессию	Проектирование профессиональной деятельности
Творческая самостоятельность	Портфолио	Творчество в профессиональной карьере
Творческая самоэффективность	Ассоциация профессий	Мое творческое будущее

В данной связи, при выборе игровой «оболочки» каждого вида нами обеспечивался баланс двух целей: общей целью являлось ориентирование на творческую самореализацию, а частная определялась направленностью профессиональной компетенции строительных профессий (на приобретение знаний о профессии, на постановку проблемы, на выбор творческого решения проблемы). Каждый вид деловой самопрезентации мы условно подразделили на группы: развитие творческой активности; развитие творческой самостоятельности; проявление творческой самоэффективности.

Мы посчитали целесообразным провести данные самопрезентации после теоретического изучения механизма деловой самопрезентации, так как предположили, что в этом случае их эффективность, с точки зрения творческой самореализации, будет выше, поскольку первый этап тренинга способствовал «накоплению» учащимися собственного творче-

ского потенциала и формированию представлений о собственных профессиональных компетенциях.

При проведении деловой самопрезентации на формирующем этапе экспериментально-опытной работы учитывались выработанные нами следующие общие правила их организации, основанные на принципах творческой самореализации:

- формирование творческих качеств на основе методов развития творческого воображения;
 - последовательное изучение и применение эвристических методов учащимися;
 - обеспечение творческой свободы для каждого участника самопрезентации в соответствии с его потребностями и способностями;
 - предоставления учащимся свободы выбора игровых действий;
 - поощрение творческих игровых стратегий.
- Охарактеризуем каждый вид самопрезентации.

1. Имитационные самопрезентации

Имитационные самопрезентации используются для подготовки специалистов в соответствующих областях, а также для решения задач исследования, прогноза намечаемых нововведений. Использование термина «имитационная самопрезентация» связано с некоторыми существенными характеристиками этого метода. С одной стороны, имитация понимается как замена непосредственного экспериментирования созданием и манипулированием с моделями, реального объекта изучения. С другой стороны, существуют собственно игровые методы, в которых участники принимают на себя определенные роли, вступают в непосредственное взаимодействие друг с другом, стремясь достигнуть своих целей. Имитационная самопрезентация объединяет эти два подхода. Она основывается на конкретных ситуациях, взятых из реальной жизни, и представляет собой упрощенную, динамическую модель действительности.

Отличительным признаком имитационной самопрезентации является наличие имитационной модели, в отличие от организационно-деятельностных, где имитационные модели не строятся. Имитационные самопрезентации предоставляют возможность наблюдать актуальные проявления личности, ее сиюминутную жизнь, а не ограничиваться результатами ретроспективного характера. Для педагога это очень важно, так как у него появляется возможность, наблюдая за этими проявлениями, менять в нужный момент стратегию работы с учащимся, чтобы усилить образовательный эффект. Кроме того, игровые ситуации воспринимаются участниками не как особые экспериментальные ситуации, а как реальные жизненные ситуации.

Данные деловые самопрезентации рассматриваются нами как активный способ обучения. Они характеризуют такие отношения между субъектами образовательного процесса, которые сопряжены с достижением дидактических целей, обусловленных учебной дисциплиной. Следовательно, рассматривая имитационные самопрезентации в контексте учебно-профессиональной деятельности, мы учитывали её специфику при их организации. Таким образом, на формирующем этапе экспериментально-опытной работы при проведении этих самопрезентаций нами учитывалась направленность учебной деятельности:

- 1) на обогащение опыта познания (посредством повышения творческой познавательной активности);
- 2) на формирование знаний (умения выбирать информацию, анализировать, систематизировать, осуществлять перенос знания в новую, нестандартную ситуацию);
- 3) на развитие творческой самостоятельности;
- 4) на включение опыта знания в культурный опыт субъекта учения;
- 5) на проявление творческой самоэффективности.

2. Организационно-деятельностные самопрезентации

Цель организационно-деятельностных самопрезентаций – создать для учащихся образовательное

пространство, понимая под образованием выход за пределы своих представлений и своих умений. Эти самопрезентации создают богатые разнообразные возможности для развития. Они построены так, что одним из основных процессов на протяжении всей самопрезентации является процесс творческой самореализации.

Организационно-деятельностные самопрезентации ориентированы не на репродукцию, а на творчество. Для организации подобных самопрезентаций характерно не имитировать известные решения проблем, а решать реальные проблемы, возникающие в профессиональном становлении. Самопрезентация строится на широком проблемном поле, контуры которого приблизительно обозначены темой. Таким образом, организационно-деятельностная самопрезентация осуществляется в условиях очень высокой неопределенности, которая органически присуща этому типу самопрезентации.

Пониманию сущности организационно-деятельностной самопрезентации, как нам представляется, способствует рассмотрение некоторых ее аспектов с позиций рефлексивной психологии (И. Н. Семенов, С. Ю. Степанов). Творческое мышление осуществляется в пределах проблемно-конфликтной ситуации, существо которой в противоречии как объективно-содержательного, так и субъективно-смыслового характера. Активизация участников самопрезентации достигается путем их постановки перед необходимостью решения проблемы в ситуации, когда готовых решений нет. В этом случае преодоление интеллектуально-познавательных затруднений переживается учащимися как личностная проблема. Это актуализирует потребность в самосовершенствовании, пересмотре и переоценке имеющегося опыта, активизирует процесс самомобилизации.

Возможность эффективного решения многоаспектных проблем появляется за счет погружения участников самопрезентации в особую атмосферу и одновременно их втягивания в решение не учебной, а совершенно реальной (особо значимой) для них проблемы во всей ее сложности. Опыт показывает, что самопрезентация очень быстро перестает быть для ее участников просто игрой. Реальные жизненные столкновения становятся, благодаря специальной работе организаторов, столь интенсивными, что участники ведут себя так, будто самопрезентация является самой реальностью.

Таким образом, организационно-деятельностная самопрезентация обеспечивает интенсивное развитие каждого участника игрового действия, его обогащение новыми знаниями, умениями, навыками, технологиями по своей профессии. Самопрезентация предполагает также совершенствование процессов взаимодействия участников, расширение их профессиональной компетентности.

Организационно-деятельностные самопрезентации применяются в том случае, когда обучаемые могут самостоятельно по заданию педагога выполнить определенные виды действий, которые подводят его к усвоению новых знаний. Организационно -

деятельностные самопрезентации могут применяться не только при подходе к усвоению новой темы, но и во время закрепления ее на новой основе, то есть при выполнении упражнений, углубляющих знания.

Исходя из вышеизложенного, нами учитывались следующие аспекты организации данного вида деловой самопрезентации:

1) создание проблемной ситуации (педагог ставит вопросы, предлагает задачу, экспериментальное задание);

2) организация коллективного обсуждения возможных подходов к решению проблемной ситуации;

3) подтверждение правильности выводов, выдвижение готового проблемного задания.

Рассмотрим смысловые характеристики и проанализируем проведенные деловые самопрезентации на примере имитационных («Угадай профессию», «Портфолио», «Ассоциация профессий») и организационно-деятельностных («Проектирование профессиональной деятельности»; «Творчество в профессиональной карьере»; «Мое будущее») самопрезентаций.

3. Имитационные самопрезентации

1. «Угадай профессию» (приоритетная группа качеств творческой самореализации – творческая активность).

В ходе самопрезентации в равной степени решались профориентационные задачи и задачи творческой самореализации. В организации этой самопрезентации исходили из конкретных знаний учащихся о конкретной профессии, а также определяли уровень овладения схемой анализа профессий. Самопрезентация включала такие моменты, которые позволяли учащимся начального профессионального образования проявить творческую активность, обеспечивали на неосознанном уровне фундамент логического анализа и понимания. Учащиеся соотносили свои знания и умения с другими, критически относились к аргументам других, не переносили отношение к суждениям на отношение к личности, старались помочь другому в построении анализа профессии, чтобы понять и по возможности принять его ценности, по необходимости пересмотреть собственную позицию и выработать общую.

При многократном проигрывании анализа профессий, отгадывающие не всегда находили ответ, поэтому интерес снижался, в связи с этим лучше не делать больше двух проигрываний. Незначительная часть участников проявила пассивность, либо пограничные свойства.

2. «Портфолио» (приоритетная группа качеств творческой самореализации – творческая самостоятельность).

Деловая самопрезентация «Портфолио» актуализировала способности к творческой самостоятельности и правильно ориентировала на творческую самореализацию. Она включала в себя два игровых момента: «построение личных профессио-

нальных планов», «профориентационная помощь товарищам».

Цель самопрезентации: познакомить учащихся с процедурой правильного построения личных профессиональных планов и составления портфолио, а также обеспечить творческую самореализацию через имитацию в проигрывании жизненных ситуаций. Различные игровые приемы были направлены на установление контроля над ориентированием правильно выбранной профессии учащихся начального профессионального образования. Другие приемы способствовали преодолению у учащихся нежелания узнать о построении своей профессии.

Наблюдения за участниками самопрезентации позволили констатировать следующее: во время построения личных портфолио и профессиональных планов 11 из 25 человек проявили творческую самостоятельность, чувствовали себя свободно. Среди них были и нерешительные, не самостоятельные, которые в условиях самопрезентации раскрывались неожиданными сторонами. Таким образом, самопрезентация мобилизовала их творческую самостоятельность. Вместе с тем 3 человека так и не смогли себя самопрезентовать. На наш взгляд, это объясняется недостаточным уровнем развития способностей творческой самореализации. Педагог в ходе самопрезентации выступил в роли зрителя (учащиеся самостоятельно вели самопрезентацию) и поэтому способствовал созданию атмосферы доброжелательности, принятия и безопасности.

Данная самопрезентация имеет высокую содержательную насыщенность, и нередко бывает трудно сохранить логику, не давать ей возможности развиваться стихийно, но вмешательство педагога снижает активизирующий эффект. В самопрезентации могут возникать вопросы, с которыми не знаком и сам педагог, поэтому желательно иметь под рукой различную справочную литературу.

3. «Ассоциация профессий» (приоритетная группа качеств творческой самореализации – творческая самоэффективность).

Цель самопрезентации – выявить истинное отношение учащихся начального профессионального образования к различным профессиям в соответствии с профилем училища и создание возможности для проявления творческой самоэффективности в процессе творческой самореализации. Данная деловая самопрезентация является эмоциональной формой и регулятором творческой самореализации, своим общим положительным фоном заражала каждого участника, способствовала его успешной творческой самоэффективности. Суть данной самопрезентации состояла в том, чтобы, по возможности, подкорректировать соотношение возможностей и желаний учащихся начального профессионального образования на творческую самоэффективность в той или иной профессии. Самопрезентация начинается без явно выраженного подготовительного этапа. Каждая профессия отгадывается с помощью ассоциативных вопросов. Опыт показывает, что не все учащиеся сразу понимают эти вопросы, поэтому целесообразно потренироваться на одном примере.

Отдельное обсуждение правильности каждого ответа на ассоциативный вопрос позволяет выявить эмоциональное отношение к разным профессиям и, поскольку характер этого отношения сильно влияет на выбор профессии, педагог получает довольно важную информацию для правильного ориентирования на творческую самореализацию учащихся начального профессионального образования.

В ходе самопрезентации учащиеся были поставлены в вынужденную ситуацию анализа своего выбора профессии. В ходе самопрезентации учащиеся, которые отгадывали профессию, заходили в аудиторию с неподготовленными вопросами или не успевали придумать вариант ответов, поэтому педагогу необходимо разработать специальный перечень ассоциативных вопросов, но не помогать играющим, а, наоборот, обострять, что повысит интерес учащихся.

4. Организационно – деятельностные самопрезентации

1. «Проектирование профессиональной деятельности» (приоритетная группа качеств творческой самореализации – творческая активность).

Деловая самопрезентация на проектирование проходит в начале учебного года и главной своей целью ставит включение учащихся в учебный процесс после школы. Это мероприятие направлено на формирование каждым учащимся своей образовательной траектории на весь учебный период. Учащиеся анализируют приоритеты своих способностей и интересов, свои возможности и свои проблемы и подготавливают программу своего профессионального образования, подытоживаются и организуются их цели, задачи, зоны актуального для них профессионального обучения и учебные возможности.

Данный вид самопрезентации обеспечивал развитие качества творческой самореализации – творческой активности. Данный проект построен на выделении учащимся приоритетов в учебно-профессиональной деятельности и закреплении их с помощью найденных в ходе самопрезентации способов обучения.

Первый этап посвящен анализу учебно-профессиональной ситуации учащихся и нахождению ими способа своего учебного самоопределения. На втором этапе идет работа над выделением проблем в выбранном учащимися приоритетном направлении профессионального образования. На третьем этапе ставятся учебно-профессиональные задачи на ближайшее будущее, которые должны решить поставленные проблемы.

В результате самопрезентации учащиеся более осмысленно и целенаправленно выбирают для себя предметы профессиональной направленности, режим и способы работы на этих предметах. Они становятся способными видеть в педагогах коллег и помощников своего образования и более адекватно относятся к требованиям, которые предъявляет основная профессиональная образовательная программа начального профессионального образования.

2. «Творчество в профессиональной карьере» (приоритетная группа качеств творческой самореализации – творческая самостоятельность).

Основная цель деловой самопрезентации по данной теме – создать условия для размышления учащихся I курса о творчестве в своей будущей профессии и, соответственно, о специализации в той или иной группе предметов. Во время самопрезентации учащиеся осваивают понятие «творчество в профессии» и «профессионализм» и, благодаря этому, получают достаточно четкие ориентиры о требованиях к грамотности и компетентности специалиста-профессионала. Эти представления закладывают основы для более глубокого освоения предметов, с которым связана будущая профессия, выбранная учащимися.

Проект предусматривает запуск процессов профессионального самоопределения учащихся с целью построения рамок, в которых может осмыслиться учебная деятельность. Ориентиры для этого самоопределения строятся в ходе деловой самопрезентации разными способами: одни учащиеся опираются в выборе профессии на свои творческие способности, другие – на интерес к определенным предметам, третьи – на потребности общества и так далее. В самопрезентации исследуются значение и возможности их способов самоопределения. Параллельно идет работа на построение понятий «творчество в профессии» и «профессионализм».

3. «Мое будущее» (приоритетная группа качеств творческой самореализации – творческая самооэффективность).

Данная деловая самопрезентация усиливает связку замысел – реализация за счет предоставления участникам будущей самопрезентации пространства проектирования самой самопрезентации и построив конкуренцию проектов. Цели на деловой самопрезентации: выделить существующие цели и ценности, стоящие за отношением к учебе и построить действительно профессионально-образовательные цели.

Учащимися выдвигаются следующие проекты деловой самопрезентации:

1. «Поиск творческих подходов к смыслу жизни учащихся начального профессионального образования». Выдвигаемая проблема: апатия по отношению к учебному процессу и к происходящему в профессиональном училище. Непонимание: «зачем все это надо и что это дает в жизни».

2. «Личностное становление в подростковом возрасте». Проблема: отсутствие «идеала».

3. «Постановка целей на период обучения в начальном профессиональном образовании». Проблема: отсутствие цели, «переутомление от того, что требуют другие, в то время как самому это не нужно».

4. «Творчество учащихся начального профессионального образования». Проблема: отсутствие творческого потенциала.

5. «Моя профессия». Проблема: нет понимания, какие профессии нужны.

Результатом деловой самопрезентации является создание возможности для проявления способности творческой самоэффективности в процессе творчества, для преодоления барьеров творческой самореализации, связанных с негативными эмоциональными состояниями; обеспечение ситуации успешности, положительного эмоционального настроя. Деловая самопрезентация, своим общим положительным фоном заражала каждого участника, способствовала его успешной творческой самореализации.

В связи с тем, что многие учащиеся задавали нам вопрос «А можно ли развить свои творческие и деловые качества?», «Давайте проверим наши способности делового человека» мы провели тест «Есть ли у Вас деловая хватка?» на третьем этапе самопрезентации. Оказалось, что склонность к развитию деловых качеств сильно выражена у 25 % учащихся, средняя степень выраженности отмечена у 50 % учащихся. Эти результаты оказались несколько лучшими по сравнению с результатами диагностики, проводимой нами в начале опытно-экспериментальной работы. Большинство студентов понимали важность таких качеств, как творческая активность, творческая самостоятельность и творческая самоэффективность, и связывали их с учебно-профессиональной деятельностью, ее успешностью и высказывали надежду на то, что смогут развить их

в себе в процессе обучения в профессиональном училище.

В целом, оценивая творческую деятельность учащихся начального профессионального образования на данном творческо-деятельностном этапе работы, отметили, что выделение деловой самопрезентации было целесообразным, поскольку она ориентировала на развитие творческой активности, творческой самостоятельности, творческой самоэффективности и позволяла работать в режиме развития творческого потенциала будущего специалиста в контексте компетентностного подхода. Кроме того, деловая самопрезентация позволила удовлетворить потребность учащихся в самопознании, способствовала осознанию ими значимости их познавательной, гражданско-общественной, социально-трудовой, культурно-досуговой, профессиональной деятельности.

В заключение следует отметить, что деловые самопрезентации способствуют успешной творческой самореализации учащихся начального профессионального образования, о чём свидетельствуют наши наблюдения, представленные выше, и данные опроса, проведённого по окончании самопрезентаций (таблица 2).

Таблица 2

**Сводные данные творческой самореализации учащихся профессионального училища
в ходе проведения деловых самопрезентаций**

Типы игр	Название игр	Группа № 14				Группа № 17			
		☺	☹	☹	Всего участ- ников	☺	☹	☹	Всего участ- ников
Имита- ционные	«Угадай профессию»	10	15	5	30	6	21	3	30
	«Портфолио»	16	12	1	29	10	13	7	30
	«Ассоциация проф- фессий»	13	17	2	32	13	9	6	28
Органи- зацион- но- детель- ностные	«Проектирование профессиональной деятельности»	13	14	3	30	12	7	6	25
	«Творчество в про- фессиональной карь- ере»	14	17	1	32	10	16	3	29
	«Мое будущее»	12	15	5	32	11	10	9	30

Условные обозначения:

- ☺ – высокая успешность творческой самореализации,
- ☹ – средняя успешность творческой самореализации,
- ☹ – низкая успешность творческой самореализации.

Данные изучения творческой самореализации учащихся начального профессионального образования в ходе проведения деловых самопрезентаций говорят о том, что большинство смогли успешно творчески самореализоваться. Процентный показатель успешности творческой самореализации учащихся в группе № 14 распределился следующим об-

разом: 34 % – высокая, 50 % – средняя, 16 % – низкая. В группе № 17 показатель высокой успешности ниже на 14 %, средней – выше на 20 %, низкой – ниже на 6 %. Очевидно, это объясняется тем, что в группе № 14 изначально работали педагоги с высоким (оптимальным) уровнем творческой культуры, и учащиеся группы № 14 имели более высокий уро-

вень проявления качеств творческой самореализации (творческая активность, творческая самостоятельность, творческая самоэффективность), чем в группе № 17.

Сравнительные данные представлены в диаграмме. Наиболее успешно данный процесс происходил в «организационно-деятельностных» самопрезентациях. Это говорит о том, что для учащихся проблема организации деловых самопрезентаций, направленных не на имитирование известных решений проблем, а именно на самостоятельное решение реальных проблем, возникающих в профессиональном становлении.

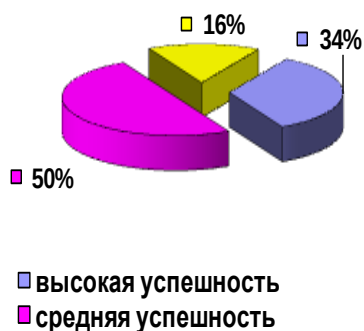

Рис. 1. Диаграмма сравнительных данных творческой самореализации старшеклассников в ходе самопрезентации (группы № 14)

Рис. 2. Диаграмма сравнительных данных творческой самореализации старшеклассников в ходе самопрезентации (группы № 17)

Результаты изучения творческой самореализации отражают положительную динамику изменений ориентированности учащихся экспериментальной группы по всем показателям. На окончание опытно-экспериментальной работы, по сравнению с ее началом, в среднем возросло количество учащихся, для которых «характерна высокая успешность творческой самореализации».

В контрольной группе наблюдается незначительная динамика ориентированности на творческую самореализацию, что объясняется отсутствием

педагогических условий, способствующих данному процессу.

Полученные результаты подтвердили наши предположения, выдвинутые в начале исследования, что основу творческой самореализации составляют такие качества, как творческая активность, творческая самостоятельность и творческая самоэффективность.

Причины проявления данных критериев учащихся начального профессионального образования, по мнению педагогов, состоят в том, что ценностные ориентации подростка соответствуют потребностям и интересам группы, и она побуждает его занять определенную позицию. Учащийся, со своей стороны, хочет быть в центре внимания, пытается завоевать признание и проявить свой творческий потенциал, независимо от потребностей и интересов группы, и в силу этого готов измениться сам. Однако среди учащихся были такие, которые не верили в свои силы, проявляли пассивность, неорганизованность, у них не складывались взаимоотношения с другими учащимися в процессе парной работы и группой в целом. Причины, по которым учащийся не проявлял свои творческие качества, могли быть внешними (социально-педагогическими) или внутренними (психологическими).

Литература

1. Вербицкий, А. А. Деловая игра как метод активного обучения [Текст] / А. А. Вербицкий // Современная высш. шк. – 1982. – № 3 (39).
2. Вьедер, Р. Тесты креативности [Текст] / Р. Вьедер // Психология обучения: дайджест российской и зарубежной прессы. – 2005. – № 10.
3. Гизаттулина, Д. Х. Личностный рост и самодиагностика в профессиональной подготовке будущих учителей [Текст] / Д. Х. Гизаттулина // Прикладная психология. – 2000. – № 3.
4. Готтсданкер, Р. Основы психологического эксперимента [Текст]: учеб. пособие для вузов: [пер. с англ.] / Р. Готтсданкер. – М.: Академия, 2005. – 368 с.
5. Грабарь, М. И. Применение математической статистики в педагогических исследованиях. Непараметрические методы [Текст] / М. И. Грабарь, К. А. Краснянская. – М.: Педагогика, 1977.
6. Федеральный институт развития образования: депозитарий примерных программ НПО / Министерство образования и науки РФ [Электронный ресурс]. – URL: Режим доступа: <http://www.firo.ru/programmy-profobrazovaniya/> (дата обращения 11.06.2011).
7. Президентская бизнес-школа: курсы и тренинги [Электронный ресурс]. – URL: Режим доступа: <http://www.president-business-school.ru> (дата обращения 12.03.2011).

УДК 81-114.2+81'32

**ТЕМАТИЧЕСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ИНТЕРНЕТ-ЭГОИСТОРИИ
В РАНГОВОМ РАСПРЕДЕЛЕНИИ ЦИПФА***А. С. Инфантьева, П. А. Катышев***THEMATIC ORGANIZATION OF INTERNET-EGOHISTORY IN THE ZIPF RANK DISTRIBUTION***A. S. Infantyeva, P. A. Katyshev*

Статья посвящена тематическому анализу такого типа текстов, как Интернет-эгоистория, которая является разновидностью рассказа о себе, оформленного в текст личного Интернет-дневника. Тематический анализ проводится на основе метода рангового распределения Ципфа, согласно которому частота встречаемости слова в тексте обратно пропорциональна его рангу. Материалом для анализа являются 10 полных Интернет-эгоисторий.

Paper is devoted to a thematic analysis of Internet-egohistory, which is a kind of self-story and executed the text of a personal online diary. Thematic analysis is conducted on the basis of rank Zipf distribution, according to which the frequency of words in the text is inversely proportional to its rank. Material for analysis are 10 full Internet-egohistory.

Ключевые слова: Интернет-эгоистория, ранговое распределение Ципфа, тематическое поле, частотность слова.

Keywords: Internet-egohistory, Zipf rank distribution, subject field, the frequency of word/

В настоящее время для лингвистики характерен возрастающий интерес к изучению новых дискурсивных практик, одной из которых является Интернет-эгоистория. В отечественные филологические исследования термин «эгоистория» был введен Ю. Л. Троицким в значении сюжетного повествования о собственной жизни, имеющего свою интригу и не совпадающего ни с автобиографией, ни с автопсихологией [8, с. 58]. Одной из разновидностей рассказов о себе является текст личного Интернет-дневника – так называемого блога.

Целью данного исследования является выявление текстовых показателей, согласно которым в эгоисторическом тексте возможно выявить признаки состояния сознания и речемыслительной деятельности субъекта.

В качестве метода исследования выбран анализ рангового распределения Ципфа, необходимый для выявления закономерностей тематической организации Интернет-эгоисторий, созданных наркозависимыми.

Тематическая организация – это распределение тем в целостном тексте. Центральным понятием в исследовании тематической организации является тематическое поле. Лингвистика традиционно рассматривает его как лексико-семантическую группу слов, связанных парадигматическими отношениями [2].

По определению, данному А. Гурвичем и используемому в нарративном анализе в социологии, тематическое поле – это «совокупность данных, актуальных для определённой темы и являющихся фоном для её раскрытия» [11, с. 10].

Обобщая оба понимания, можно определять тематическое поле как сумму частей целого текста, репрезентирующих события или ситуации, представленные субъектом в отношении к определенной теме и образующие фон, на котором выделяется тема.

Цель анализа тематических полей (thematic field analysis) – исследование «механизмов временной и тематической организации нарратива», доказывающих, что «выбор рассказчиком эпизодов обусловлен контекстом его интерпретации всей своей жизни» [11, с. 10].

Из такого свойства нарративного текста, как вербализация актуальной информации непосредственно следует вывод, что степень выраженности той или иной темы прямо пропорциональна значимости идентификации субъекта с опытом, относящимся к ней.

Избирательность вербализации опыта в нарративе связана с тем, что актуализация объекта повествования «изоморфна самоактуализации субъекта» [8, с. 21]. Таким образом, организуя значимый опыт в тематические поля, субъект действует аналогично пациенту психотерапевта – переосмысляет значимые события через их вербализацию. И это особенно важно для субъектов, «испытывающих трудности в определении своей социальной идентичности» [9, с. 59].

Под индексами темы отдельного текста могут пониматься наиболее частотные существительные, интенсивность использования которых выражается в долях покрываемости всего текста. Для её вычисления используется метод рангового распределения Ципфа.

Согласно закону Дж. Ципфа, распределение слов естественного языка подчиняется закону, который можно сформулировать следующим образом: если к какому-либо достаточно большому тексту составить список всех встретившихся в нем слов, затем расположить эти слова в порядке убывания частоты их встречаемости в данном тексте и пронумеровать в порядке от 1 (порядковый номер наиболее часто встречающегося слова) до R, то для любого слова произведение его порядкового номера (ранга) в таком списке и частоты его встречаемости в тексте будет величиной постоянной, имеющей

примерно одинаковое значение для любого слова из этого списка. Аналитически закон Дж. Ципфа может быть выражен в виде $f_n = c$, где f – частота встречаемости слова в тексте; n – ранг (порядковый номер) слова в списке; c – эмпирическая постоянная величина [10].

Таким образом, относительная частота слова (F) в тексте обратно пропорциональна рангу слова (n), причём «выполнение данного рангового распределения – это признак “правильности” данного текста» [5, с. 9]. Принципиальные отклонения от нормы в ранговом распределении слов текста свидетельствуют об иных закономерностях организации текста.

Проблема связи частоты слова и его ранга соединяется с проблемой оценки лексического богатства текста или совокупности текстов. Таким образом, степень преобладания наиболее частотных слов в тексте обратно пропорциональна лексическому составу текста: чем чаще употребляется слово, тем меньше слов в тексте.

Число, показывающее сколько раз встречается слово в тексте, называется частотой вхождения слова. Если расположить частоты по мере убывания и пронумеровать, то порядковый номер частоты называется рангом частоты. Вероятность обнаружения слова в тексте равна отношению частоты вхождения слова к числу слов в тексте. Дж. Ципф определил, что если умножить вероятность обнаружения слова в тексте на ранг частоты, то получившаяся величина приблизительно постоянна для всех текстов на одном языке.

График зависимости ранга от частоты представляет из себя равнобочную гиперболу. Ципф также установил, что зависимость количества слов с данной частотой от частоты постоянна для всех нормальных текстов в пределах одного языка и также является гиперболой. Исследование вышеуказанных зависимостей для различных текстов показали, что наиболее значимые слова текста лежат в средней части диаграммы, так как слова с максимальной частотой, как правило, являются предлогами, частицами и указательными местоимениями [5], а редко встречающиеся слова в большинстве случаев не имеют решающего значения.

Интенсивность использования наиболее частотных существительных равна покрываемости текста участком словаря (10 первых существительных в частотном списке) и обозначается Z_n . Таким образом, Z_n вычисляется как $F(x_{n1}) + F(x_{n2}) + \dots + F(x_n)$, где x – слово с рангом n . Частота слова в тексте, обозначаемая $F(x_n)$, является отношением количества словоупотреблений одного слова к объёму текста в словоупотреблениях.

Поскольку в настоящее время одной из ключевых проблем общества является наркомания [1, 4, 7], методы лингвистики могут быть использованы для повышения качества диагностики этого заболевания на ранних этапах. Кроме того, материал Интернет-эгоисторий является наиболее доступным и удобным для изучения состояния сознания наркозависимых.

Таким образом, материал Интернет-эгоисторий наркозависимых может выступать не только в качестве контрольной группы в данном исследовании, но и подтвердить возможность диагностирования наркозависимости на основании текста.

Материалом данного исследования являются пять полных нормальных (непатологических) Интернет-эгоисторий и пять Интернет-эгоисторий наркозависимых личностей.

Анализ на основе закона рангового распределения Дж. Ципфа на материале Интернет-эгоисторий проводился в три этапа:

- 1) составление тезауруса каждого из исследуемых текстов;
- 2) распределение рангов для первых 10 по частотности лексем;
- 3) вычисление процентного соотношения словоупотреблений и словарного объёма текста и показателя Z_n .

На данном примере видно, каким образом проводился анализ:

04 марта 02:01

Знаешь тебя не хватает. Привыкла к тебе, нельзя так. Нехватает твоих прикосновений! Передать никак. Ты! зачем ты обещал, если знал что не сможешь? Или ты надеялся успеешь? Успеешь погладить меня, погладить как тогда. Чтобы был полет. Погладить. помнишь, ты поразил меня? Помнишь. Это всегда помнишь.

Помнишь, ломало? Доза выросла, ломки были не передать. Ты чувствуешь что надо, а сил нет. Ходишь по комнате без сил, а собраться выйти никак. Ты тогда сам удивился дозам, но поставил. сам лег. это и теперь остается полетом. Была вторая сильная волна прихода. Как передать... И полетела... Я чувствовала свое тело лежащее рядом с тобой и летела... ты лежал, я поняла ты ведешь меня. Времени нет. Я лечу и ты летишь. Мы вернулись. я лежала, боясь чувствовать не передаваемый полет, не помню, когда это кончилось зато помню полет.

Объём текста в словоупотреблениях составляет 116 единиц. Таким образом, Z_n для данного текстового фрагмента составляет 69,6 %. Индекс покрываемости Интернет-эгоистории, из которой взят данный фрагмент, составляет 27,4 %, и данный фрагмент текста является одним из самых плотных по количеству употреблений 10 самых частотных слов.

Контрольными данными для данного анализа являются показатели Z_n , полученные по результатам исследования беллетристических, эпистолярных и разговорных текстов, приведенного в коллективной монографии [6].

Z_n для беллетристических, эпистолярных и разговорных текстов удерживается в интервале от 0.93 до 1,45 % [6, с. 81]. По результатам данного исследования, в Интернет-эгоисториях Z_n варьируется от 4,5 до 27,4 %. Такой разброс обусловлен интенсивностью записей в Интернет-эгоистории: чем чаще добавляются записи, тем вероятней доминирование в тексте одной и той же темы.

В Интернет-эгоистории со средней интенсивностью записей $1/20,6$ (одна запись за 20,6 дней) имеет $Z_n = 4,5 \%$; при интенсивности $1/1,07 - Z_n = 27,4 \%$. Прямая зависимость Z_n от интенсивности следует из особенностей Интернет-эгоистории как типа дискурса: текст посвящен субъекту, тематически огра-

ничен повествованием о его жизни и дискретен, т. е. состоит из добавляемых записей, малых по объёму.

При высокой интенсивности записей внимание субъекта сосредоточивается на определённой теме, волнующей его, поэтому Z_n в таком тексте превышает 15% – максимально возможный Z_n в нормальных традиционных текстах [6, с. 81].

Тезаурус данного фрагмента, таким образом, составляет 71 лексему:

ты 11	прикосновение 1	удивиться 1
помнить 9	зачем 1	мой 1
полет 6	обещать 1	но 1
лететь 6	если 1	поставить 1
я 6	знать 1	оставаться 1
лечь 5	смочь 1	вторая 1
не 5	или 1	волна 1
передать 4	надеяться 1	приход 1
погладить 4	чтобы 1	свой 1
сила 4	поразить 1	тело 1
чувствовать 3	это 1	рядом 1
тогда 3	всегда 1	понять 1
и 3	ломать 1	вести 1
хватать 2	вырасти 1	время 1
это 2	ломка 1	нет 1
быть 2	что 1	мы 1
а 2	надо 1	вернуться 1
сам 2	нет 1	боясь 1
был 2	ходить 1	когда 1
доза 2	по 1	кончиться 1
никак 2	комната 1	зато 1
успеть 2	собраться 1	к 1
как 2	так 1	нельзя 1
знать 1	привыкнуть 1	выйти 1

Тексты Интернет-эгоисторий наследуют отдельные свойства малых нарративных жанров. Как и в ранее исследованных малых текстах с объёмом слов порядка $N = 10^3$ и $N = 10^4$ [5, с. 15], у частотных слов Интернет-эгоисторий с объёмом $N = 10^1$ и $N = 10^2$ достаточно высокий индекс покрываемости, что обусловлено именно малым объёмом текста.

Ранговое распределение в текстах наркозависимых характеризуется ещё более высоким Z_n , что связано с особой ролью существительных при психопатологии речи: «По мере утяжеления психического заболевания доля именных единиц в патологическом тексте имеет тенденцию к увеличению» [6, с. 82]. Максимальный $Z_n = 31,1 \%$ в данном случае не показателен, так как близок к максимальному Z_n в нормальных Интернет-эгоисториях ($27,4 \%$).

Минимальный $Z_n = 14,8 \%$ является очень высоким, что говорит об узкой тематической направленности Интернет-эгоисторий наркозависимых и подтверждает тенденцию к сведению «истории жизни к истории наркотизации» [9, с. 59] и нескольких ведущих мотивов к одному – влечению к психоактивным веществам [3, с. 327].

Ранговое распределение слов свидетельствует о том, что тематическая организация Интернет-эгоисторий характеризуется более высокой степе-

нью покрываемости текста частотными существительными: их максимальный показатель покрываемости в два раза превышает аналогичный, описывающий ранговое распределение слов в традиционных нарративных малых жанрах.

Такое повышение индекса покрываемости сопровождается интенсивностью добавляемых записей и выдвиганием на первый план какой-либо определенной темы. На этом фоне Интернет-эгоистории наркозависимых характеризуются максимально высоким Z_n , отличным от показателей нормальных текстов, что демонстрирует зацикленность субъекта на доминирующей теме – влечении к психоактивным веществам.

Литература

1. Глухарева, А. Н. Депрессивные идеи (клинико-семантический анализ речевого поведения при депрессивных расстройствах) / А. Н. Глухарева: автореф. дис... канд. мед. наук. – СПб., 2000.
2. Гореликова, М. И. Лингвистический анализ художественного текста / М. И. Гореликова, Ф. М. Магомедова. – М., 1983.
3. Елшанский, С. П. Семантика внутреннего восприятия при зависимостях от психоактивных

веществ (на модели опийной наркомании) / С. П. Елшанский. – М., 2004.

4. Микиртумов, Б. Е. Клиническая семантика психопатологии / Б. Е. Микиртумов. – М., 2007.

5. Орлов, Ю. К. Модель частотной структуры лексики / Ю. К. Орлов // Исследования в области вычислительной лингвистики и лингвостатистики. – М., 1976.

6. Пашковский, В. Э. Психиатрическая лингвистика / В. Э. Пашковский, В. Р. Пиотровская, Р. Г. Пиотровский. – М., 2009.

7. Польская, Н. А. Психопатология: от переживания к нарративу / Н. А. Польская: монография. – Саратов, 2004.

8. Троицкий, Ю. Л. Эгоистория / Ю. Л. Троицкий // Дискурс. – 1996. – № 1.

9. Фоломеева, Н. М. Наркомания как форма девиантного поведения / Н. М. Фоломеева, И. И. Шурышина, Н. А. Новикова, Т. В. Чешнева. – М., 1997.

10. Фрумкина, Р. М. Роль статистических методов в современных лингвистических исследованиях // Математическая лингвистика / Р. М. Фрумкина. – М., 1973.

11. Rosenthal, G. The Narrated Life Story: On the Interrelation Between Experience, Memory and Narration / G. Rosenthal // Narrative, Memory & Knowledge: Representations, Aesthetics, Contexts. – pub. University of Huddersfield, 2006. – URL: http://www2.hud.ac.uk/hhs/nme/books/2006/Chapter_1_-_Gabriele_Rosenthal.pdf (октябрь 2009).

УДК 821.161.1

**«ДУШЕВНЫЙ МИКРОКОСМ» В ХУДОЖЕСТВЕННОМ МИРЕ Ф. И. ТЮТЧЕВА:
«SILENTIUM!» И «ДУША МОЯ, ЭЛИЗИУМ ТЕНЕЙ...»**

А. Л. Калашникова

**«MICROCOSM OF THE SOUL» IN F. I. TYUTCHEVS' POETIC WORLD:
SILENTIUM! AND MY SOUL, ELIZIUM OF SHADOWS...**

A. L. Kalashnikova

В статье исследуются особенности воплощения образа «душевного микрокосма» в стихотворениях Ф. И. Тютчева «Silentium!» и «Душа моя, Элизиум теней...». Рассматриваются способы эстетической универсализации внутреннего мира и определяется значимость художественной модели «мира в душе» в контексте поэтического наследия Тютчева в целом.

In article features of an embodiment of an image «microcosm of a soul» in F. I. Tyutchev's poems «Silentium!» And «My soul, Elizium of shadows ...». Ways of an esthetic universalization of private world are considered and the importance of art model «world in the soul» in a context of a poetic heritage of Tyutchev as a whole is defined.

Ключевые слова: Ф. И. Тютчев, «Silentium!», Элизиум, душа, микрокосм.

Keywords: F. I. Tyutchev, «Silentium!», Elizium, soul, microcosm.

Особое место в кругу интенсивно разрабатываемых в лирике Ф. И. Тютчева тем принадлежит проблеме духовно-нравственного содержания человека, получившей, в частности, воплощение в образе души. Одна из существенных его особенностей связана со сложной организацией субъектно-объектных связей: он маркирует напряженные ценностные отношения между субъектом и мирозданием. Онтологизация души в поэзии Тютчева определяется через категории сопричастности или отторжения души от бытия вселенной, что нашло воплощение в ситуациях: «душа в мире», «мир в душе», «моя душа и душа другого» и т. д. Перечисленные модели бытия души и их варианты задают возможность множества модификаций образа в конкретных произведениях. Так, например, возникают образы, составляющие уникальность художественного мира поэта: «ночная душа», «душа – звезда», «живая душа», «женская душа», «душа – Мария», «душа – Элизиум» и др.

Одним из наиболее масштабных вариантов воплощения образа души в лирике Тютчева становится уподобление ее микрокосму, предполагающее антимическое разделение и преобладание внутреннего мира над внешним. Истоки этого образа, несомнен-

но, восходят к романтической эстетике, открывшей вселенную внутри человека не менее, а то и более грандиозную, нежели окружающий мир. По определению В. Г. Белинского, «в теснейшем и существеннейшем своем значении романтизм есть не что иное, как внутренний мир души человека, сокровенная жизнь его сердца» [2, с. 311]. Отсюда «крайний субъективизм» романтических героев, сосредоточенность на идее личности, отмечаемые многими исследователями истории русского и зарубежного романтизма (Н. Я. Берковский, Л. Я. Гинзбург, Г. А. Гуковский, А. Я. Гуревич, В. М. Жирмунский, Ю. В. Манн, и др.). Необыкновенное расширение пределов внутреннего мира человека повлекло за собой небывалое обогащение его содержания. Достоянием душевной сферы становятся события, факты, реалии окружающего мира. Как отмечает Г. А. Гуковский, «романтическая личность – это идея единственно важного, ценного и реального, необходимого романтиком только в интроспекции, в индивидуальном самоощущении, в переживании своей души, как целого мира и всего мира» [5, с. 42].

Лирика Ф. И. Тютчева, формирующаяся в русле романтического метода, органично воспринимает

сложившиеся традиции изображения душевной сферы, которые обретают оригинальные варианты воплощения в художественном мире поэта. Отдельная роль в этом процессе принадлежит стихотворениям «Silentium!» и «Душа моя, Элизиум теней...».

Поразительная масштабность образа души, воплощенного в «Silentium!», неоднократно отмечена исследователями. Приведем наблюдения А. И. Журавлевой: «Через все стихотворение проходит метафора – внутренний, духовный мир (во всей нестертой первозданности этого образа). <...> Душа уподоблена миру, вселенной» [6, с. 187]. При этом удивительна «скупость» словесных средств при описании внутреннего мира в стихотворении, где за каждым тщательно отобранным словом «тянется длинная цепь ассоциаций, вырастающих из контекста всей тютчевской лирики и современной стихотворению и более поздней» [6, с. 188]. О мире души в тексте действительно говорится немного: он является себя как «целый мир», где чувства и мечты, «как звезды в ночи»; имеет пространственную протяженность («глубина»); в нем находятся «ключи», звучит пенье «таинственно-волшебных дум». Тем не менее, при всем немногообразии словесных средств, образ внутреннего мироздания представляется поистине грандиозным. По-видимому, причина тому не столько вербальные, сколько невербальные способы организации художественного мира в стихотворении, главной идеей которого является молчание. Однако очевидно, что сам факт высказывания, эстетически осуществляемый в стихотворении, противоречит идее молчания как таковой. Антиномия слова и молчания в данном случае подразумевает следующее: словесное воплощение внутреннего мира противостоит умалчиванию, сохранению мира души в тайне. Чтобы понять, каким образом разрешается это противоречие, обратимся к анализу соотношения категорий слова и молчания в стихотворении.

К настоящему времени существует обширная история изучения «Silentium!». Стихотворение было отмечено еще современниками поэта (Л. Н. Толстой, И. С. Тургенев, Н. А. Некрасов) и позднее стало программным для символистов (В. Я. Брюсов, А. Белый, К. Д. Бальмонт и др.). Приведем краткий обзор интерпретаций, определяющих феномены слова и молчания в этом произведении: молчание как средство романтического противопоставления внутреннего и внешнего [7, с. 94]; мотив безмолвия связан с «мистическим откровением» и трактуется как путь к «высшему» познанию [4, с. 34]; «роковое молчание» как переход от догматического романтизма и натурфилософии едва ли не к нигилизму и декадентству [13, с. 34]; стихотворение определяется как рефлексия над поэтическим языком и смыслом творчества в целом: молчание – альтернатива несовершенному слову [11, с. 83; 8]; «Silentium!» рассматривается как полемичное по отношению к пушкинскому канону, подразумевающему возможность все выразить стихом [6]; слово в стихотворении не полемичное, а убеждающее [9]; слово в «Silentium!» имеет «двойное бытие» в контексте двух традиций:

античной (риторика) и христианской (исихазм) [16, с. 5 – 11].

Несомненно, огромное количество существующих интерпретаций стихотворения и периодическое появление новых работ, посвященных его осмыслению, свидетельствует о неугасающем исследовательском интересе. «Silentium!» представляет собой нерешенную загадку, обусловленную главным образом парадоксальностью факта воплощения идеи молчания в слове. Вопреки категоричному призыву «Silentium!» («Молчание!») и императивным обращениям («молчи!») в финале каждой строфы, вербализация все же осуществляется. Более того, может возникнуть впечатление нарочитой словесной избыточности, чему, например, способствует многократное повторение самого слова «молчи» (4 раза, помимо заглавия). И это при эстетической установке на произнесение слов.

Очевидно, что «слово о молчании» в стихотворении обретает особый статус и значимость по сравнению с его обыденным употреблением. М. Эпштейн в работе «Слово и молчание в русской культуре» выделяет две функции языка: информативную и формативную. Первая из них, присущая человеческому языку, сообщает о мире, вторая же – творит мир, являясь свойством божественного языка, но при этом «нельзя отнять у человеческого языка и формативную функцию, которая особенно ясно выступает в "священном языке", на котором человек обращается к Богу и сам как бы уподобляется Богу. Таков язык заклинания и молитвы, цель которых – не сообщить о каких-то явлениях, но вызывать сами явления» [19, с. 205]. В стихотворении «Silentium!», несомненно, реализуется формативная миротворящая функция языка: результатом произнесения слова становится сотворение внутреннего мироздания («Есть целый мир в душе твоей...»), устроенного по законам вселенной («звезды», «ключи», космическая динамика мира: «Встают и заходят оне...» и т. д.). Однако слово в данном случае оказывается обращенным не вовне, как слово Бога, творящее вселенную и вызывающее явления из небытия, а вовнутрь, реализуясь в акте творения «мира в душе». Возможно, именно таким образом объяснима скудность деталей при описании внешнего пространства («дневные лучи», «шум») и его связь с разрушительным хаотическим началом («оглушит», «разгонят»), поскольку творящая энергия направлена не на него.

Возвращаясь к мысли об особой силе заклинательного и молитвенного слова, отметим, что композиция стихотворения имеет некоторое сходство с ритуальными текстами: композиционный повтор в финале строф создает суггестивную «заклинательную» форму с рефреном-замком «и молчи!...». *Заклиная о молчании, стихотворение призывает молчание в мир.*

В то же время очевидно противоречие между реализацией творческих потенций слова и запретом на его произнесение. По-видимому, нарушение собственного запрета на словесное воплощение мира души обусловлено некими непреодолимыми внутренними обстоятельствами, делающими высказыва-

ние жизненно необходимым. В частности, возникающую насущную потребность в высказывании характеризует А. А. Потебня в работе «Мысль и язык»: «Человеку врожденно стремление высказывать только что услышанное, освобождать себя от волнения, производимого силою, действующею на его душу, в слове передавая эту силу другому и нередко не заботясь о том, будет ли она воспринята разумным существом или нет. Это стремление, особенно в первобытном человеке и ребенке, может ограничить с физиологического необходимостью. Как ребенку и женщине нужно бывает выплакаться, чтоб облегчить свое горе, так необходимо высказаться и от полноты душевной» [12, с. 129].

Вероятно, именно состояние «переполнения души», характерное для субъекта лирического высказывания в «*Silentium!*», становится причиной нарушения запрета на раскрытие душевного мира другому («Как сердцу высказать себя...»). Однако, как ни парадоксально, словесное выражение вовсе не противоречит идее молчания в стихотворении. Молчание подчиняет себе слово на всех уровнях организации художественного целого. Для того чтобы убедиться в этом, обратимся к поэтике заглавия, а также композиционным и метрическим особенностям стихотворения.

Появление латинского слова в качестве заглавия явилось объектом интереса многих исследователей. Л. А. Озеров осмысляет его как своеобразный «диагноз» на языке «медицинской латыни» [11, с. 73].

Я. О. Зунделович обнаруживает «нечто от позднеантичного или средневеково-трактатного в самом использовании для стихотворения заголовка «*Silentium!*» [Цит. по: 6, с. 183]. А. И. Журавлева высказывает предположение о наличии «аналогии с вечным школьным даже не «учительным», а «учительским» восклицанием – «Тишина!» и связывает с тютчевским «дидактизмом» [6, 183 – 184]. Л. А. Ходанен отмечает ассоциативную связь заглавия с «античной традицией звучащего слова, риторики как искусства слова и оформления мысли» [16, с. 6]. Добавим к приведенным концепциям следующее наблюдение: латинский язык традиционно относится к группе так называемых «мертвых» языков, то есть тех, которые не функционируют в сфере живой непосредственной межличностной коммуникации. Таким образом, появление латинского заглавия не только настраивает на обращение к античной традиции, но и становится знаком своеобразного коммуникативного вакуума. К тому же, согласно «формативной» функции языка, реализованной в стихотворении, заглавие «*Silentium!*» ценностно организует художественное целое: молчание призывается в мир и начинает существовать в нем, являясь при этом его смысловой доминантой. *Значение становится онтологией: слово превращается в молчание.*

Обозначим, что помимо суггестивной функции, повтор играет еще одну немаловажную роль: слово «молчи», многократно произнесенное в финале строф, как будто ограничивает словесную массу и формально, и содержательно. Стоит отметить, что стихотворение и начинается с призыва к молчанию:

«Молчи, скрывайся и таи...». Таким образом, создается композиционное кольцо, усиленное неоднократным повторением: по сути, в кольцо замыкается первая строфа, каждая последующая и все стихотворение в целом. При этом в качестве композиционного элемента нельзя не учитывать заглавие («*Silentium!*») надстраивающее над текстом дополнительную «ступень безмолвия». В результате словесный материал оказывается в сложной многоуровневой системе обособленных, но связанных друг с другом элементов, замкнутых кругов молчания. Композиционные особенности обнаруживают общую тенденцию в «*Silentium!*»: молчание довлечет над словом и подчиняет его себе.

Наиболее яркая иллюстрация этой тенденции – метрика стихотворения. В частности, три стиха, включенные в традиционный четырехстопный ямб допускают вариативность прочтения: «Встают и заходят оне / Безмолвно как звезды в ночи...» и «Дневные разгонят лучи...». Разница в постановке ударения дает основание для возникновения следующих концепций: стихотворение написано четырехстопным ямбом с использованием «старинных» ударений, составляющих «специфически тютчевскую выразительность», в 4, 5 и 17 стихах (В. Н. Аношкина-Касаткина [14, с. 380 – 381]); четырехстопным ямбом, переходящим в 4, 5 и 17 стихах в амфибрахий (Б. Я. Бухштаб, А. И. Журавлева) или в 3-иктный дольник (Ф. Федоров [15]); Н. В. Королева объясняет ритмические изменения согласно принципу «трехударности», составляющему, по ее мнению, основу метрического строя стихотворения [9, с. 157].

Мы склоняемся к первой точке зрения, поскольку отступления от традиционных размеров в лирике Тютчева имеют все же более регулярный характер (например, «Весеннее успокоение»), в данном же случае затронуты лишь три стиха (2 в первой и 1 в третьей строфе). Акцентологические нарушения, возникающие в этом случае («заходят», «звезды», «разгонят»), с одной стороны, имеют прецеденты в предшествующей поэтической традиции (ср. пушкинское «Погасло дневное светило...»), с другой стороны, связаны с содержательными аспектами эстетического объекта. В данном случае присваивание слову несвойственного ему ударения – вариант его поэтической трансформации, согласно специфической функции языка в поэзии, отмеченной в работах М. М. Бахтина: «Громадная работа художника над словом имеет конечную целью его преодоление <...> художник освобождается от языка в его лингвистической определенности не через отрицание, а путем имманентного усовершенствования его: художник как бы побеждает язык его же собственным языковым оружием, заставляет язык, усовершенствуя его лингвистически, превзойти себя самого» [1, с. 68].

Осуществление эстетического объекта «*Silentium!*» есть преодоление словесного материала «в его лингвистической определенности», при этом формальное выражение полностью соответствует художественному заданию: слово заключается в композиционные рамки («и молчи»), метрика при-

сваивает словам несвойственные им ударение – материал подвергается обработке в процессе творческого акта. Слово преодолевается и превращается в молчание. В результате молчание всецело завладевает художественным миром «*Silentium!*», оно бытийствует в нем и становится принципом организации внутреннего пространства (души), на котором зиждется его гармоничное существование. По выражению В. В. Библихина, «согласие мира говорит голом тишины. Его знак – невынужденное и ненарушенное молчание» [3, с. 49]. Молчание вещает о гармонии, единстве и целостности мира. В «*Silentium!*» оно абсолютно: мир души погружен в молчание и окружен им, что есть залог сохранения его единства и целостности. В этом смысле семантика стиха «Есть *целый мир* в душе твоей» (выделено мною – А. К.) обретает интересные варианты трансформации в зависимости от переноса смыслового ударения на слово «мир» или «целый». Помимо прочего, показателен единственный «звучащий» образ – «пень» «таинственно-волшебных дум», внесловесная природа которого не нарушает согласной тишины внутреннего мироздания.

Образная система другого стихотворения, воссоздающего модель внутренней вселенной («Душа моя, Элизиум теней...»), во многом родственна «*Silentium!*»: антиномическое разделение внутреннего и внешнего миров, мотив молчания (безмолвия теней), своеобразная «символизация» древних языков (слова «*Silentium*» и «Элизиум» латинского происхождения), задающая перспективу слова, его монументальности и значимости и т. д. Однако в стихотворении «Душа моя, Элизиум теней...» осуществляется переход на совершенно новый уровень изоляции душевной сферы – происходит перемещение мира души в иную пространственно-временную плоскость: актуализируется значение Элизиума как потустороннего («по ту сторону») мира и его принадлежность «идеальному» прошлому.

В русской поэтической традиции первой трети XIX в. образ Элизиума соотносится с двумя значениями: с одной стороны, он воспринимается как место бытия блаженных душ, с другой – как сфера памяти [17, с. 19 – 25]. При этом абсолютизация идеи памяти дает толчок к потенциальному осмыслению данного образа как пространства преодоления смерти (например, «Мой Элизий» Е. А. Боратынского, 1831 г.). Для художественного мира Ф. И. Тютчева особенно продуктивен мотив «душевной памяти», получивший отражение, в том числе, в систематической поэтической фиксации памятных дат (значительное место в его поэтическом наследии занимают стихотворения, посвященные памяти умерших: «Памяти В. А. Жуковского», «*MEMENTO*», «Великий день Карамзина...», «Памяти Е. П. Ковалевского» и др.). Поэтическая установка на закрепление памяти об умершем в слове и в душе, несомненно, имеет конечной целью преодоление смерти как факта уничтожения человеческого бытия в земном мире. В качестве одного из вариантов эстетического преодоления смерти существует образ Элизиума в душе. Примечательно своеобразное «присвоение»

Элизиума («душа моя – Элизиум»), воссоздание «своего» Элизиума, населенного родными и близкими тенями. С помощью этого приема осуществляется освоение и «приближение» мифологического пространства.

В тютчевском стихотворении Элизиум становится сферой, сохраняющей существование теней (душ), оберегающей от воздействия внешнего мира, соприкосновение с которым, по-видимому, потенциально опасно для душевной сущности. Последнее становится очевидным при сопоставлении двух миров: по сравнению с внутренним, внешний мир обладает рядом деструктивных свойств, на что указывает способ его наименования («година буйная»). Очевидно, что «буйная година» противопоставлена «Элизиуму теней» как сиюминутное вечному, имманентное трансцендентному. Принадлежность «внешнего» мира настоящему зафиксирована в указательной конкретизации «*сей* годины», «*сей* толпою». Настоящее в стихотворении мыслится как область хаотического («буйной»), Элизиум же воплощает идеальный мир прошлого, несущий упорядочивающую энергию космоса. По-видимому, все это обусловлено ориентацией стихотворения на античные представления о движении времени и миф о «золотом веке», отраженный в сочинениях Гесиода («Труды и дни»), согласно которому мир от первоначального «идеального» состояния неизбежно движется к ухудшению. Образ Элизиума выступает как альтернатива мировому регрессу: воссоздание в душе идеального мира, над которым не властно время, как бы позволяет лирическому «Я» приобщиться к веку героев, местом посмертного пребывания которых как раз и являются Элизиум (Елисейские поля) и Острова Блаженных.

Немаловажной особенностью воплощения образа внешнего мира является также его «отрицательная» заданность. Душа отрицает себя как часть этого мира («не причастных»), отделяется от него и одновременно посредством негации аннулируются мыслительные и чувственные категории мира (помыслы, радость, горе). Отсюда, вероятно, происходит мотив «бесчувствия» толпы в финале стихотворения («сей бесчувственной толпою»). Последовательное отрицание – это и отречение души от мира, и упразднение его сущностных свойств: «внешний» мир теряет свои онтологические ресурсы и фактически перестает быть миром в полном смысле слова. Своеобразное «эстетическое опустошение» подтверждается в том числе отсутствием у него пространственного измерения, от него остается лишь время, которое к тому же понимается как хаотическая, губительная и уничтожающая бытие сила. В противоположность «внешнему», внутренний мир абсолютно укореняется в бытии. Он организован как пространственно-временное целое, концентрирует в себе идеи единства, постоянства, гармонии и красоты. Совершенный мир, найденный в собственной душе, полностью воплощает романтические представления об идеале, конечной цели человеческого существования.

Специфика стихотворения «Душа моя, Элизиум теней...», его потенциальная возможность уводить за

пределы обыденного отмечена исследователями творчества Тютчева. В частности, А. В. Чичерин, обращая внимание на интересную стилевую особенность стихотворения – полное отсутствие глаголов, замечает: «Глубокий лиризм этих обезглавленных и отрешенных строк в их особенной способности уводить каждого в недра его души, в ее внутренние святыни» [18, с. 284]. Отсутствие глаголов – отсутствие действий, направленных вовне. Внешнее бездействие в духовных практиках (например, медитация, молитва и пр.) это всегда активизация внутренней жизни. Медитативный фон стихотворения выводит извне и погружает в глубь, отрешает от внешнего в пользу внутреннего, от мирского – в пользу духовного. Такое примечательное свойство стихотворения было отмечено еще современниками поэта. Так, Н. А. Некрасов пишет: «Чрезвычайно нравится нам у г. Ф. Т., между прочим, следующее стихотворение, странное по содержанию, но производящее на читателя неотразимое впечатление, в котором он долго не может дать себе отчета» (далее – полное цитирование) [10, с. 218]. Загадочность, затемненность смысла делают стихотворение «неотразимым» для воспринимающего. Лирическая формула «Душа моя, Элизиум теней» принципиально не подлежит окончательной расшифровке, как невозможно окончательно постичь смысл жизни и смерти, сущность Бога. Душа непостижима, но она должна быть непрерывно познаваема, ибо только в этом случае возможно движение к духовному совершенству. Стихотворение вовлекает в бесконечный поиск смысла, определения души, познания Божественной сущности.

«Silentium!» и «Душа моя, Элизиум теней...» – два варианта воссоздания модели душевного микрокосма в лирике Тютчева. В обоих случаях поразителен масштаб внутренней вселенной. Гениальность воплощения образа «мира в душе» придает этим стихотворениям уникальный статус в русской литературе и культуре. Но в то же время очевиден факт непродуктивности подобного образа души в лирике поэта (всего 2 стихотворения из более 80), составляющий особенность его художественного мира. По-видимому, причина кроется в некой экзистенциальной недостаточности «мира в душе» при всей избыточности его содержания. Вариант обособления внутреннего мира, сосредоточенности на себе понимается как достигнутое совершенство, но при этом статичный, упраздняющий такие важные элементы жизни души как движение, изменение и эмпатия – взаимодействие с миром и (или) другой душой. При всей самодостаточности образ «мира в душе» оказывается непродуктивным для дальнейшего творчества. В результате, этот образ реализован лишь дважды в 1830-х гг., в дальнейшем эта модель преодолевается и осуществляется поиск других форм выражения душевного бытия.

Литература

1. Бахтин, М. М. Литературно-критические статьи [Текст] / М. М. Бахтин. – М.: Худож. лит., 1986. – 541 с.

2. Белинский, В. Г. Избранные сочинения [Текст] / В. Г. Белинский. – М.: Воениздат, 1948. – 562 с.

3. Библихин, В. В. Язык философии [Текст] / В. В. Библихин. – М.: Прогресс, 1993. – 404 с.

4. Бухштаб, Б. Я. Тютчев [Текст] / Б. Я. Бухштаб // Бухштаб Б. Я. Русские поэты: Тютчев. Фет. Козьма Прутков. Добролюбов. – Л., 1970. – 247 с.

5. Гуковский, Г. А. Пушкин и русские романтики [Текст] / Г. А. Гуковский. – М.: Художественная литература, 1965. – 356 с.

6. Журавлева, А. И. Стихотворение Тютчева «Silentium!» (К проблеме «Тютчев и Пушкин») [Текст] / А. И. Журавлева // Замысел, труд, воплощение. – М.: МГУ, 1977. – 296 с.

7. Касаткина, В. Н. Поэзия Ф. И. Тютчева [Текст] / В. Н. Касаткина. – М., 1978. – 175 с.

8. Козлик, И. В. В поэтическом мире Ф. И. Тютчева [Электронный ресурс] / И. В. Козлик // Тютчевiana: сайт рабочей группы по изучению творчества Ф. И. Тютчева. – URL: <http://www.ruthenia.ru/tiutcheviana/publications/kozlik3.html>.

9. Королева, Н. В. Ф. Тютчев «Silentium!» [Текст] / Н. В. Королева // Поэтический строй русской лирики. – Л.: Наука, 1973. – 254 с.

10. Некрасов, Н. А. Русские второстепенные поэты [Текст] / Н. А. Некрасов // Некрасов Н. А. Полное собрание сочинений и писем. IX т. – М.: Государственное издательство художественной литературы, 1950. – 306 с.

11. Озеров, Л. А. Поэзия Тютчева [Текст] / Л. А. Озеров. – М., 1975. – 175 с.

12. Потебня, А. А. Слово и миф [Текст] / А. А. Потебня. – М.: Правда, 1980. – 469 с.

13. Пумпянский, Л. В. Поэзия Ф. И. Тютчева [Текст] / Л. В. Пумпянский // Уралия. Тютчевский альманах. 1803–1928. – Л., 1928.

14. Тютчев, Ф. И. Полное собрание сочинений и писем: в 6 т. Т. 1. Стихотворения, 1813 – 1849 [Текст] / Ф. И. Тютчев. – М., 2002. – 640 с.

15. Федоров, Ф. «Весенние песни» Уланда как текст [Электронный ресурс] / Ф. Федоров // University of Toronto Academic Electronic Journal in Slavic Studies. – URL: <http://www.utoronto.ca/tsq/12/fedorov12.shtml>.

16. Ходанен, Л. А. «Мысль изреченная есть ложь...»: мотив молчания и безмолвия в стихотворении Ф. И. Тютчева «Silentium» [Текст] / Л. А. Ходанен // Рус. словесность. – 2004. – № 2.

17. Четвертных, Е. А. Элизийский текст в системе локальных сверхтекстов [Текст] / Е. А. Четвертных // Известия УГУ. Сер. 2.: Гуманитарные науки. – 2010. – Т. 72. – № 1. –

18. Чичерин, А. В. Стиль лирики Тютчева [Текст] / А. В. Чичерин // Контекст-1974. – М., 1975.

19. Эпштейн, М. Н. Слово и молчание в русской культуре [Текст] / М. Н. Эпштейн // Звезда. – 2005. – № 10.

УДК 81-114.2

ПОЛИСИТУАТИВНЫЙ АНАЛИЗ КАК МЕТОД ОПИСАНИЯ СЕМАНТИКО-ДЕРИВАЦИОННЫХ ОТНОШЕНИЙ ВНУТРИ ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЙ ГРУППЫ ГЛАГОЛОВ СОЗДАНИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ОБРАЗА*С. Л. Камзина***THE POLISITUATIONAL ANALYSIS AS A METHOD OF THE DESCRIPTION OF THE SEMANTIC AND DERIVATIONAL RELATIONS WITHIN THE LEXICAL SEMANTIC GROUP OF THE VERBS OF ART IMAGE MAKING***S. L. Kamzina*

Статья посвящена вопросу применения методики полиситуативного анализа глагольной семантики, разработанной Н. Б. Лебедевой, в исследовании деривационных отношений внутри лексико-семантической группы (ЛСГ) глаголов создания художественного образа. Указанная методика основывается на представлении о плане содержания глагола как о полиситуативной, полисобытийной, полипропозициональной структуре и позволяет представить семантику глагола в виде ситуатемы – особой конструкции, отражающей динамику глагольного содержания.

The article is devoted to the issue of the application of the polisituational method of the verbal semantics analysis, developed by N. B. Lebedeva to the study of derivational relations within the lexical-semantic groups (LSG). The intflcated method is based on the idea of the verb contents as a polisituational, polieventiv, polipropositional structure, and allows to represent the verb semantics in the form of situatema – a special construction reflecting the dynamics of verbal content.

Ключевые слова: глагольная семантика, полиситуативность, семантическая и словообразовательная деривация, глаголы создания художественного образа.

Keywords: verbal semantics, polisituational method, semantic and formal derivation, the verbs of art image making.

Полиситуативный подход к исследованию глагольной семантики, разработанный Н. Б. Лебедевой, имеет в основании динамический подход к языковым явлениям и соотносится с разработанными когнитивной лингвистикой моделями концептуальных структур: фреймом, сценарием, образом-схемой и др. Однако, в отличие от фрейма или сценария, соотносенных с глагольной единицей, ситуативно-событийно-пропозициональный метод представления глагольной семантики отличается глубиной раскрытия слоев смысла, а также включает признак динамичности глагольного содержания [6, с. 5].

Основной единицей плана содержания глагола при полиситуативном подходе является *ситуатема*, под которой понимается «открытая единица плана содержания со сложной архитектурой, включающей ряд ситуаций (событий, пропозиций), маркированных лексическим и морфемно-деривационным элементами плана выражения глагола» [6, с. 5]. Ситуатемный анализ позволяет структурировать глагольную семантику в виде поля, в котором выделяется ассертивная часть (лексикализованная ситуация, содержащая элементы, попавшие в коммуникативный фокус говорящего) и периферийная, состоящая из смежных пропозиций (ретроспективных, перспективных, параллельных). Таким образом, полиситуативный метод позволяет не только выявить и описать глубинные слои глагольной семантики, но и представить их в динамике протекания ситуации от начальной точки к конечной. Другим важнейшим понятием, введенным в научный оборот Н. Б. Лебедевой и используемым нами, является понятие *Фациента*, под которым подразумевается «разновидность детерминемы, факторообра-

зующий компонент ситуации. Категория Фациента довольно широка и включает, наряду с субстанциональными Участниками <...> и другие компоненты, имеющие функцию фактора: абстрактные, ментальные, речевые <...>, а также различные признаки участников и ситуаций – польза, ущерб и пр.» [6, с. 90].

Н. Б. Лебедева доказывает эффективность своей методики на грамматической, лексико-грамматической, словообразовательной и лексической семантике производных слов. В дальнейшем идея полиситуативности была взята на вооружение Т. А. Кадола и М. С. Небольсиной для выявления особенностей семантики ЛСГ ментальных глаголов [3] и глаголов речевого воздействия [7]. В нашей работе исследуется семантика глаголов создания художественного образа в аспекте деривационных отношений. Цель данной статьи – выявить на глубинном уровне особенности семантики некоторых глаголов ЛСГ создания художественного образа, образованных в процессе двух форм деривации – семантической и словообразовательной (аффиксальной).

ЛСГ глаголов создания художественного образа включает в себя такие глаголы, как *рисовать-1* (изображать, воспроизводить предметы на плоскости (карандашом, пером, углем и т. п.) – МАС), *писать*, *малевать*, *чертить*, *гравировать*, *татуировать*, *зарисовывать*, *подрисовывать*, *рисоваться*, *разрисовывать*, *рисовать-2* (Изображать, описывать в словесной форме) – МАС и др. Часть данных глаголов находится в отношениях словообразовательной деривации, например *рисовать* и *зарисовать*, часть – в отношениях семантической деривации: *рисовать-1* и *рисовать-2*, другие образуют парадигму синонимов: *рисовать* – *писать* – *малевать* и др.

Мы считаем, что все эти три вида отношений, включая синонимию, можно рассматривать как вид деривации. Так, М. Г. Шкуропацкая отмечает, что парадигматические отношения, связывающие синонимы, также являются особым видом семантико-деривационных отношений: «в них (*в рядах синонимов. – С.К.*), как правило, имеются слова-доминанты, с которыми соотнесены все другие члены ряда. Роль доминантной лексемы в чем-то аналогична роли основного значения во внутрисловной семантической парадигме многозначного слова или роли мотивирующего слова в паре мотивационно связанных слов <...> Тем самым синонимия может и должна рассматриваться в аспекте семантико-деривационного развития слова, понимаемого как появление у слова новых значений на основе уже существующих в процессе функционирования слова в лексической системе языка» [8, 45 – 46]. Следовательно, словообразовательную и семантическую деривацию, в том числе синонимию, можно описывать одним и тем же семантическим метаязыком, в нашем случае – языком полиситуативности.

Другая мысль, на которую опирается наше исследование, это идея о том, что основой семантического развития слова служит не столько исходное, базовое значение, сколько соответствующая прототипическая ситуация [5]. Под прототипической ситуацией понимается общая семантическая схема, образец, с которым человек сравнивает денотативную ситуацию, выбирая, каким именно глаголом ЛСГ ее обозначить. Особенностью прототипической ситуации является то, что она содержит мыслительное содержание той или иной денотативной ситуации в полном объеме: все её аспекты и элементы, их параметры и значения этих параметров, в то время как каждый конкретный глагол выбирает и выводит на передний план лишь некоторую часть данной ситуации: «Глагол в определенном значении, «выбирая» из ситуации только часть информации, дает определенный способ концептуализации, осмысления этой ситуации, – другими словами, что-то подчеркивает, высвечивает, а что-то затемняет, отодвигает на задний план» [5, с. 38]. Мы прибегаем к моделированию прототипической ситуации создания художественного образа для того, чтобы выявить, какие ее компоненты окажутся значимыми для синонимов, словообразовательных и семантических дериватов данной ЛСГ. Мы полагаем, что прототипическая ситуация находит свою реализацию в типовой ситуатеме как когнитивно-языковой единице, являющейся инвариантом и представленной в языке целым рядом глаголов. «Базовым» (термин в данном значении предложен Г. И. Кустовой) глаголом, заключающим в себе наиболее общую схему протекания ситуации, представляется глагол *рисовать-1* – как доминантная лексема синонимического ряда и мотивирующая основа для большинства производных слов рассматриваемой ЛСГ [4].

Необходимым этапом нашего исследования является анализ типовой ситуатемы и ситуатем конкретных глаголов с целью выявления того, какие именно компоненты типовой ситуатемы окажутся

релевантными для глаголов, образованных той или иной формой деривации, а какие останутся «в тени».

В данной статье мы приведем полный анализ типовой ситуатемы и, сопоставив ее с ситуатемами конкретных глаголов, покажем специфику последних.

Анализ ситуатемы проводится по схеме полиситуативного анализа, предложенной Н. Б. Лебедевой [6, с. 103].

I. Общая характеристика, пример.

II. Фациенты ситуатемы.

III. Пропозиции ситуатемы.

IV. Конфликт ситуатемы.

V. Динамика ситуатемы.

VI. Реализация номинативного потенциала.

VII. Лексическое микрополе глаголов близкой семантики.

Поясним, что мы не используем в анализе последние два пункта, так как на данном этапе исследования они не являются значимыми.

Анализ ситуатемы глагола *рисовать-1*

I. Общая характеристика, пример. Глагол *рисовать-1* имеет словарную дефиницию: изображать предметы на плоскости карандашом, углем, пером, красками и т. п. (МАС). Приведем пример: *Человек рисует дерево*.

II. Фациенты ситуатемы

Фациент Субъект. В ситуатеме глагола *рисовать-1* присутствуют два Участника, которые в соответствии с теорией полиситуативности можно обозначить как Актанты субъектного типа: Субъект (С) ситуации (рисующий) и абстрактный зритель (Наблюдатель). Обозначим данных Участников как:

1) С-1 – человек, рисующий, Агенс, «лицо, активно осуществляющее ситуацию» [9]. С-1 имеет ряд ролевых подфункций. Во-первых, он является носителем Цели: «цель составляет неотчуждаемую собственность Агенса» [2, с. 22], а следовательно, он является Каузатором ситуации. Во-вторых, С-1 выполняет функцию Режиссера и Контролера, поскольку сам планирует действие, его место и время, подбирает необходимые инструменты, организует рабочее место, сам оценивает результат, корректирует и т. д. Поскольку С-1 – человек, он имеет ментальную сферу, которая может меняться в процессе протекания ситуации.

2) С-2 – Участник, который зрительно воспринимает продукт творчества. Выделение данного Участника связано с тем, что, по нашему мнению, создание художественного образа обычно ориентировано на некоего зрителя и оценку продукта творчества этим зрителем. Данный Участник не представляет собой конкретное лицо, это скорее собирательный образ, олицетворяющий общественное мнение. В теории полиситуативности такой Участник назван абстрактным Субъектом Этической Оценки, Наблюдателем, Представителем Общественных Интересов [6, с. 108]. Важным представляется тот факт, что, несмотря на обязательное наличие Субъекта оценки в типовой ситуатеме, вид

этой оценки будет разным в зависимости от конкретной ситуации реализации глагола, ср.: *рисовать пейзаж, рисовать на парте, рисовать схемы*. В первом случае результат оценивается с точки зрения эстетики; во втором – с позиций этики, потому что в обществе не принято рисовать на партах; в третьем случае оценку получает соответствие результата стандартам, по которым принято рисовать схемы, его наглядность, удобство восприятия и т. д. В связи с этим обозначим данный Фациент как абстрактный Субъект Оценки, без уточнения вида оценки. В дальнейшем при анализе ситуатем конкретных глаголов укажем, какой именно вид оценки получил реализацию в семантике той или иной глагольной лексемы. Субъект Оценки отсутствует в ассертивной части семантики глагола, однако присутствует в части, относящейся к проспекции, и влияет на протекание ситуации в целом. С-2 также может рассматриваться с определенных позиций как актанта объектного типа, поскольку действие С-1 направлено на изменение его ментального состояния: С-1 рисует для того, чтобы удивить С-2, доставить эстетическое наслаждение или же, напротив, вызвать отрицательные эмоции.

Фациент Объект (О), то есть то, на что направлено действие С-1. В ситуатеме рассматриваемого глагола Объект стратифицирован, можно выделить следующие его уровни:

1) О-1 денотативный – реалья окружающей действительности (*реальное дерево*), так называемая Натура, образ которой переносится на плоскость. Данный Фациент присутствует в актуальной позиции, в случае если С-1 рисует с натуры. Если же С-1 рисует нечто по памяти или переносит на холст или бумагу образы, возникшие в его воображении, то мы наблюдаем отсутствие О-1 в Л-ситуации и наличие его в ретроспекции, когда С-1 мог наблюдать О-1 и запомнить. Характерным признаком О-1 является его самотождественность: он, в отличие от О-3, не изменяется на протяжении протекания ситуации либо эти изменения не значимы для ситуации.

2) О-2 ментальный – образ того, что должно быть изображено (*представление о дереве*), существующий в сознании Субъекта-1. Наличие этого участника обуславливает конфликт ситуатемы, связанный с несоответствием результата замыслу. На наш взгляд, данный тип объекта является доминирующим в ситуатеме, поскольку, даже если С-1 рисует с натуры, то образ этой натуры преломляется сквозь призму его сознания.

3) О-3 результативный – рисунок, изображение на плоскости, выполненное рукой С-1 (*нарисованное дерево*). Основным свойством О-3 является нетождественность самому себе в разные кванты времени: он отсутствует на момент начала лексикализованной – непосредственно названной глаголом – ситуации (Л-ситуации), частично присутствует в середине и окончательно появляется в конце осуществления ситуации.

4) Также необходимо выделить О-4 – субстрат, плоскость, на которой С-1 рисует – лист бумаги, холст, песок, заморозившее стекло и т. п.

Фациент Инструмент – это «предмет <...>, использование которого способствует осуществлению ситуации» [6, с. 96]. В данной ситуации выделяются следующие подфункции данного актанта:

1) Орудие – актанта, при помощи которого изображение наносится на плоскость – кисть, карандаш, ручка, мел, уголь и т. п.

2) Средство – «актанта инструментального типа, расходуемый при осуществлении ситуации» [6, с. 96], – краска, паста, тушь, графитный стержень карандаша и т. п.

3) Предмет-инструмент – «актанта инструментального типа, специально не предназначенный для этой функции, который участвует в осуществлении ситуации» [6, с. 96], – палец, палка, нога и т. п.

Вид Инструмента в типовой ситуатеме не является строго определенным: рисовать можно как твердым инструментом, оставляющим линии (карандаш, ручка, уголь, мел), так и с помощью Орудия – кисти, используя Средство – краски. Отметим, что для ситуатемы глагола *рисовать-1* в большей мере, чем для других, характерно наличие Фациента Предмет-инструмент, ср.: можно *рисовать пальцем* на стекле, но невозможно или неестественно *малевать* или *писать* картины *пальцем*.

Фациент Цель: возможно выделить ближнюю цель – создать О-3, и дальнюю – воздействовать на ментальную сферу С-2.

Фациент Степень профессионализма – важный атрибут С-1, который может варьироваться от определения «профессиональный художник», «хороший рисовальщик», до «плохой рисовальщик», «обычный человек» или «работник технической сферы» (если речь идет о создании чертежа или эскиза чего-либо) и т. п.

III. Пропозиции ситуатемы

Поскольку целью осуществления действия является создание О-3 и Бездействие на С-2 при помощи О-3, а ее достижение происходит в ближней и дальней проспекции, то можно отнести данную ситуатему к проспективно направленным. Однако у данной ситуатемы имеется и ретроспективный план, в котором заключается основной конфликт, каузирующий начало ситуации, а также пропозиции, связанные с накоплением С-1 некоторого опыта в рисовании. Рассмотрим пропозициональную структуру типовой ситуатемы на трех уровнях: уровне Л-ситуации, уровне ретроспекции и проспекции.

а) Уровень Л-ситуации:

Пропозиция-1, событийная, ментальная, С-1 имеет представление о будущем рисунке, то есть О-2 (ментал).

Пропозиция-2, событийная, С-1 наблюдает О-1 (если рисует с натуры).

Пропозиция-3, событийная, С-1 извлекает из памяти образ ранее увиденного О-1.

Пропозиция-4, событийная, С-1 проводит инструментом по поверхности О-4 (субстрата), оставляя след.

Пропозиция-5, событийная, С-1 постоянно соотносит свои действия с воображением (0-2) и с натурой (0-1); если она имеется.

Пропозиция-6, включает в себя 2 событийные пропозиции: появляется 0-3, изменяется 0-4.

Пропозиция-7, модально-логическая, С-1 желает, чтобы результат максимально соответствовал замыслу, то есть, чтобы 0-3 был максимально подобен 0-2.

b) Уровень ретроспекции:

Ближняя ретроспекция:

Пропозиция-6, модально-логическая, связана с каузацией ситуации рисования: С-1 испытывает потребность создать 0-3.

Дальняя ретроспекция:

Пропозиция-7, состоит из двух смежных событийных пропозиций: 1) С-1 наблюдает О-1 (денотат.) в прошлом, 2) О-1 (денот.) переходит в 0-2 (ментал.).

Пропозиция-8, событийная, С-1 целенаправленно или нет учится рисовать, приобретает определенный навык в рисовании.

c) Уровень проспекции:

Ближняя проспекция:

Пропозиция-9, включает две смежные событийные пропозиции: 1) появляется О-3 (рез.), 2) 0-4 (субстрат) изменяется.

Пропозиция-10, событийная, С-1 и С-2 зрительно воспринимают вновь созданный О-3 (рез.).

Пропозиция-11, состоит из двух параллельных модально-логических пропозиций: изменяется ментальное состояние С-1 и С-2.

Описать план дальнейшей проспекции в рамках типовой ситуатемы не представляется возможным, поскольку он будет варьироваться в зависимости от того, в ситуатеме какого конкретного глагола он выделяется.

Таким образом, типовая ситуатема ЛСГ глаголов создания художественного образа представляет собой полисобытийный, полипропозиционный комплекс. Она включает в себя 11 пропозиций, из которых 9 событийных и 2 модально-логические.

II. Конфликт ситуатемы

Основной конфликт типовой ситуатемы заключается в отсутствии 0-3 и потребности его создать. Второй тип конфликта связан со степенью подобия 0-3 и 0-2, то есть с тем, насколько результат творчества соответствует замыслу Агенса, насколько 0-3 соответствует 0-2. Чем меньше это соответствие, тем напряженнее конфликт.

III. Динамика ситуатемы:

– со стороны С-1, С-2 – изменяется их ментальное состояние;

– со стороны О-3 – он появляется в процессе осуществления ситуации, то есть переходит из небытия в бытие;

– со стороны 0-4 – изменяется, начинает включать в себя О-3;

– со стороны Пациента Инструмент – карандаши, мел, краски тратятся, кисти стираются.

Следующим этапом нашего исследования является анализ ситуатем глаголов *писать* (создавать произведение живописи, рисовать. П. акварелью. П.

картину, портрет, пейзаж, МАС), *зарисовывать* (несов. от *зарисовать* – сделать рисунок чего либо, запечатлеть в рисунке (МАС) и *рисовать*-2 (Изображать, описывать в словесной форме, МАС). Полученные результаты мы сравниваем с типовой Ситуатемой с целью выяснения того, какие компоненты типовой ситуатемы получили развитие в ситуатемах данных глаголов, вышли на передний план, а какие остались «за кадром».

Не приводя в рамках статьи полного ситуатемного анализа данных глаголов по причине его объема, остановимся на наиболее ярких особенностях семантики указанных глаголов, выявленных в результате полиситуативного анализа.

Опишем особенности ситуатемы глагола *писать*. Данный глагол имеет словарную дефиницию: *писать* – создавать произведения живописи (МАС). *Пример: Художник пишет натюрморт.*

Состав Участников ситуатемы данного глагола содержит все Фациенты типовой ситуатемы, однако часть из них имеют свои особенности. Так, здесь большую значимость в отличие от ситуатемы глагола *рисовать*-1, получает С-2 – Абстрактный Субъект Оценки, так как продукт творчества пишущего претендует на культурную значимость. В данном случае это Субъект Эстетической оценки.

Для ситуатемы глагола *писать* характерен специализированный субстрат (0-4): это обязательно бумага или холст (ср.: в ситуации глагола *рисовать*-1 субстрат может быть любым, как специализированным, так и неспециализированным: бумага, зазершее стекло, песок и др.).

Специализированным является и Пациент Инструмент, который обязательно включает в себя Орудие – кисти и Средство – краски (ср.: *писать картину маслом* и *писать картину карандашом*).

Имеет свои особенности и Пациент Цель: кроме ближней цели создать 0-3, актуализируется дальняя цель – воздействовать на металлическую сферу зрителя (С-2).

Пациент Степень Профессионализма С-1 представляется более ярко выраженным в ситуатеме данного глагола, чем в ситуатемах других глаголов рассматриваемой ЛСГ. Результатом писания является художественное полотно, картина, которое создается профессиональным художником, а результатом рисования является рисунок, для создания которого не требуется особый талант и мастерство. Ср.: «*ребенок рисует картину*» и «*Ребенок пишет картину*» – Субъект действия во втором примере приобретает такие характеристики, как «одаренный», «талантливый», «способный» и т. п., либо глагол *писать* вносит оттенок иронии в смысл данного предложения.

Анализ пропозиционного состава ситуатемы глагола *писать* и его сопоставление с типовой ситуатемой дало следующие результаты:

1. На уровне Л-ситуации состав пропозиций полностью совпадает с таковым типовой ситуатемы.

2. На уровне дальней ретроспекции большую актуальность приобретает пропозиция-8 типовой ситуатемы, связанная с приобретением С-1 навыков создания произведений живописи.

3. В проспективном плане приобретают значимость событийные и модально-логические пропозиции, фиксирующие оценку результата творчества Абстрактным Субъектом Эстетической Оценки (С-2), изменение ментального состояния С-1 и С-2, а также событийные пропозиции, связанные с дальнейшей судьбой 0-3: С-1 выставляет, продает, уничтожает, забывает о нем, дарит 0-3 и т. п. Данные пропозиции являются отличительным признаком ситуатемы глагола *писать*, поскольку сильно выраженный Пациент Степень профессионализма С-1 предполагает высокий уровень художественной ценности 0-3, а это влечет за собой особый статус и судьбу картины в будущем.

На уровне конфликта специфической чертой глагола *писать* является наибольшая степень напряжения второго типа конфликта, описанного в типовой ситуатеме: для профессионального художника чрезвычайно важно, чтобы результат соответствовал его ожиданиям и ожиданиям Абстрактного Субъекта Эстетической Оценки.

На уровне динамики ситуатема глагола *писать* отличается от других тем, что созданный в процессе осуществления Л-ситуации 0-3 продолжает существовать в перспекции, и может использоваться Субъектом-1 с целью получения прибыли.

Одной из лексем, образованных, от глагола *рисовать-1*, является глагол *зарисовывать* (в значении *сделать рисунок чего-л., запечатлеть в рисунке* МАС). Приведем пример употребления данного глагола: *Ученик зарисовывает наука в тетрадь*; рассмотрим его ситуатему.

Для ситуатемы глагола *зарисовывать* характерно обязательное присутствие О-1 – в Л-ситуации, так как зарисовка всегда предполагает наличие так называемой натуры, ср.: для глагола *рисовать* наличие натуры факультативно [1, с. 399].

Ярко выраженным является тип Инструмента: поскольку зарисовывают с целью получение эскиза, очертаний, то используются инструменты, способные передавать линии, контуры, а не цвет – Орудие – карандаш, ручка, уголь, но не кисти и краски, а Средство – графит, паста шариковой ручки, уголь.

Пропозициональный состав семантики данного глагола также имеет свои особенности. На уровне Л-ситуации ситуатема глагола *зарисовывать* представлена двумя событийными пропозициями, сменяющими друг друга во времени неопределенное количество раз: пропозиция-1, событийная: С-1 зрительно воспринимает О-1 и фиксирует в памяти ту или иную деталь О-1; пропозиция-2, событийная: С-1 извлекает из памяти зафиксированную деталь и переносит ее на бумагу, проводя линии на 0-4 собственной рукой при помощи инструмента. Отличие от ситуатемы первого глагола заключается в том, что факультативность наличия О-1 в Л-ситуации глагола *рисовать-1* делает факультативным для него и такой способ организации данных пропозиций: непосредственное восприятие О-1 и перенос его образа на субстрат в один отрезок времени. А для ситуатемы глагола *зарисовывать* такой вид существо-

вания данных пропозиций является характерным и обязательным

Отличие рассматриваемой ситуатемы от типовой заключается и в том, что ее она в перспекции содержит событийную пропозицию, связанную с использованием Субъектом-1 Объекта-3 в своих целях, например, для изучения строения зарисованного объекта или доведения эскиза до готового произведения живописи.

Конфликт данной ситуатемы также имеет свою специфику. Так, здесь большее напряжение, чем в типовой ситуатеме, имеет конфликт, связанный со степенью сходства О-3 (рез.) и О-1 (денот.). От того, насколько О-3 подобен О-1 (по мнению С-1), зависит психологическое состояние С-1.

Перейдем к анализу ситуатемы глагола *рисовать-2*. Приведем пример: *Писатель рисует образ Катерины*.

Поскольку различные ЛСВ фиксируют совершенно разные значения, имеющие, однако, общие компоненты, целесообразно выделить не различные, а сходные «участки» их ситуатем, то есть те компоненты, которые получили развитие в процессе семантической деривации. Рассмотрим ситуатему *глаголизировать-2* также на разных уровнях.

На наш взгляд, помимо С-1 (агенса) типовой ситуатемы, актуализируется и С-2 – Абстрактный Субъект Оценки (видимо, как этической, так и эстетической), поскольку, любое творчество ориентировано на воспринимающего – зрителя или, как в данном случае, читателя.

Также мы полагаем, что для данной ситуатемы, как и для типовой, характерна стратификация Пациента Объект:

О-1 (ден.) – реально существующий человек, послуживший прототипом для создания художественного образа Катерины. Так же, как и для типовой ситуатемы, его наличие факультативно, так как писатель, как и художник, может рисовать образ и полностью вымышленного персонажа.

О-2 (мент.) – образ того, что должно быть «изображено», существующий в сознании С-1. Этот образ, как и рисунок художника, складывается из двух составляющих: опыта взаимодействия С-1 с О-1 и художественного замысла автора.

О-3, (рез.) – готовый, созданный образ, присутствующий в художественном произведении. В данной ситуатеме результат – это текст, обозначенный в теории полиситуативности как делиберативно-перцептивный участник (ДПУ). Основным свойством ДПУ является наличие каузирующей силы по отношению к объекту [6, с. 125] способность воздействовать на его волю, сознание и эмоции. В роли объекта в данном случае выступает С-2. О-3, состоит из отдельных деталей образа: внешность, речь, поступки, характеристики автора и т. п. – на которые автор делает акцент, желает выделить, «прорисовать».

Для описываемой ситуатемы не характерен Пациент 0-4 (субстрат) в том виде, в котором он существует в типовой ситуатеме. Присутствует, но имеет

свою специфику Фациент Инструмент: в данном случае это слова С-1 (писателя).

Отличительной особенностью рассматриваемой ситуации является наличие еще одного типа объекта – ментального образа Екатерины, возникающее в сознании С-2 (читателя, Абстрактного Субъекта этической Оценки), то есть появление 0-5 (ментал.).

Сходство с типовой ситуатемой наблюдается и в характере Фациента «Цель рисования» – создать художественный образ, и воздействовать на ментальную сферу С-2 (читателя).

Близость с типовой ситуатемой наблюдается и в составе пропозиций рассматриваемого глагола. Так, Л-ситуация содержит следующие сходные с типовой ситуатемой пропозиции:

Пропозиция-1, событийная, ментальная, С-1 имеет представление о будущем словесном образе Екатерины, то есть 0-2.

Пропозиция-3, Событийная, как С-1 (художник) в типовой ситуатеме проводит инструментом «по поверхности 0-4 (субстрата), оставляя след, так С-1 (писатель) дает вербальную характеристику персонажу, описывает внешность, речь, поведение и т. п.

Пропозиция-5, модально-логическая, С-1 желает, чтобы результат максимально соответствовал замыслу, то есть, чтобы О-3 был максимально подобен 0-2.

На уровне ретроспекции наблюдается сходство с 6 и 7 пропозициями типовой ситуатемы, то есть С-1 наблюдает О-1 (денотат.) в прошлом и О-1 (денот.) переходит в 0-2 (ментал.); С-1 испытывает потребность создать О-3

В проспекции содержится комплекс событийных пропозиций, связанных, во-первых, с появлением О-3 (рез.) И его восприятием Абстрактным Субъектом Этической Оценки; во-вторых, с возникновением у читателя ментального образа героини, т. е. с появлением 0-5. Также имеются две модально-логические пропозиции, фиксирующие изменение ментального состояния С-1, обусловленное результатом его творчества (ближняя перспекция) и изменение ментального состояния С-2 после прочтения произведения (дальняя перспекция).

На уровне конфликта наблюдается сходство данной ситуатемы с типовой. Однако отличительной особенностью семантики глагола рисовать-2 является появление третьего типа конфликта: между 0-2, О-3 и 0-5. То есть несоответствие между задумкой автора, полученным результатом и восприятием этого результата читателем.

Динамика данной ситуатемы также имеет общие черты с типовой: в процессе осуществления ситуации появляется О-3 (рез.) и продолжает существовать в перспекции; С-2 путем прочтения воспринимает О-3, тот переходит в 0-5 и оказывает влияние на ментальное состояние С-2.

Проведенное исследование показало, что полиситуативный анализ является эффективным методом изучения семантико-derivационных отношений внутри ЛСГ глаголов. Сопоставление ситуатемы базового, мотивирующего глагола, называющего прототипическую ситуацию, и полиситуативных струк-

тур производных глаголов позволяет выявить на глубинном уровне механизм развития лексического значения глаголов в процессе разных форм деривации.

Так, сопоставление ситуатем базового глагола *рисовать-1* и его синонима *писать* показало, что присутствующий в ситуатеме первого глагола (типовой ситуатеме) Фациент абстрактный Субъект Оценки получает особое развитие в ситуатеме второго глагола, приобретая функцию эстетической оценки. Фациенты Инструмент и Субстрат в семантике глагола *писать* становятся специализированными – кисти и краски, а Предмет-инструмент, характерный для типовой ситуатемы, отсутствует. Большое значение приобретает фациент Степень профессионализма рисующего Субъекта. На уровне ретроспекции глагола *писать* актуализируются пропозиции, связанные с приобретением действующим Субъектом необходимого опыта в рисовании. Также расширяется перспективный уровень данного глагола, поскольку содержит пропозиции, фиксирующие дальнейшую судьбу рисунка. Для данной ситуатемы характерна большая, чем в типовой ситуатеме, напряженность второго типа конфликта – между ментальным представлением о будущем результате и самим результатом.

Сопоставление ситуатемы глагола *зарисовывать* с типовой структурой показало, что в ней, так же как и в предыдущей, становится специализированным тип Инструмента, только в данном случае это инструмент, оставляющий линии, а не мазки. Субстрат в данной ситуатеме, в отличие от типовой, не может быть каким угодно, – это всегда бумага (блокнот, тетрадь). Для ситуатемы данного глагола не характерен Фациент абстрактный Субъект Оценки. Особенностью глагола *зарисовывать* является обязательное наличие денотативного Объекта в лексикализованной ситуации и его наблюдение рисующим субъектом, а также связанная с этим особая организация пропозиций. Так же, как и в ситуатеме глагола *писать*, в данном глаголе актуализируется план дальней перспективы, содержащий пропозиции использования Субъектом результативного рисунка в будущем.

Эффективность полиситуативного анализа в исследовании семантической деривации заключается в том, что он позволяет увидеть на глубинном уровне, какие компоненты лексического значения объединяют два лексико-семантических варианта. В случае с глаголом *рисовать-1* и *рисовать-2* такими компонентами являются творящий Субъект и Субъект, воспринимающий результат творчества: в первом случае – это зритель; во втором – читатель. Ситуатемы данных глаголов также схожи по Фациентам Цель и Объект по составу пропозиций и по характеру конфликта.

Литература

1. Апресян, Ю. Д. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / Ю. Д. Апресян, О. Ю. Богуславская, И. Б. Левонтина и др. Первый выпуск. – 2-е изд. – М., 1999. – 552 с.

2. Арутюнова, И. Д. Язык цели / И. Д. Арутюнова // Логический анализ языка. Модели действия. – М.: Наука, 1992.

3. Кадола, Т. А. Русские ментальные глаголы в аспекте полиситуативности / Т. А. Кадола: дис. ... канд. филол. наук. – Барнаул: БГТУ, 2004. – 148 с.

4. Кемеровская дериватологическая школа. Традиции и новаторство / Кемер. гос. ун-т; науч. ред. Л. А. Араева; отв. ред. С. В. Оленев. – М.: Ленанд, 2011. – 39 с.

5. Кустова, Г. И. Типы производных значений и механизмы языкового расширения / Г. И. Кустова. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 472 с.

6. Лебедева, Н. Б. Полиситуативность глагольной семантики (на материале русских префиксаль-

ных глаголов) / Н. Б. Лебедева. – Томск: Изд-во ТГУ, 1999. – 262 с.

7. Небольсина, М. С. Русские глаголы речевого воздействия в аспекте полиситуативности / М. С. Небольсина: дис. ... канд. филол. наук. – Барнаул: БГПУ, 2006. – 221 с.

8. Шкуропацкая, М. Г. Деривационное измерение лексики: системный аспект / М. Г. Шкуропацкая. – Барнаул: Изд-во АГУ, 2003. – 388 с.

9. Шмелева, Т. В. Семантический синтаксис: текст лекций. – Изд. 1. – Красноярск, 1988. – 48 с.

УДК 811.11.2'1

ЛИНГВОКОГНИТИВНАЯ СТРУКТУРА НЕМЕЦКИХ СОЦИАЛЬНЫХ КОНЦЕПТОВ

«ДЕНЬГИ» И «ПОЛИТИКА»

Р. Д. Керимов, Л. И. Федянина

COGNITIVE LINGUISTIC STRUCTURE OF THE GERMAN SOCIAL CONCEPTS

“MONEY” AND “POLITICS”

R. D. Kerimov, L. I. Fedyanina

В статье описываются семантические особенности экспликации немецких концептосфер «Деньги» и «Политика», в структуре которых выделяются четыре когнитивных признака: антропоморфный, предметный, социальный и природный. Данные номинации метафорически представляют опыт и знания о сфере денежных и социальных отношений, аккумулированные в современной немецкой лингвокультуре.

The article is dedicated to the cognitive study of the semantic structure of the German concepts “Money” and “Politics”, which are reconstructed by four conceptual features: anthropomorphic, artifact, social and natural. These metaphors describe the social reality (finance and political relations) and reflect experience and knowledge of the modern German language culture.

Ключевые слова: когнитивная лингвистика, концептология, концептуальная метафора, концептуальная сфера, концепт, немецкая лингвокультура.

Keywords: cognitive linguistics, conceptual linguistics, conceptual metaphor, conceptual domain, concept, German language culture.

Лингвистическое изучение и реконструкция концептов (концептуальных сфер, концептосфер) на материале различных фрагментов и субсистем немецкой лингвокультуры сохраняет в современной германистике свою актуальность и новизну. Такие социальные явления, как «деньги» („Geld“) и «политика» („Politik“) занимают центральное место в системе общественных ценностей, поскольку они связаны соответственно с осуществлением экономических отношений и властных полномочий и являются маркером социальной стратификации, оказывая огромное влияние на жизнь общества, государства и отдельных граждан.

Немецкая лингвокультура в полной мере отражает важную роль данных явлений для германского общества в его современном состоянии, что отражается в регулярной повседневной языковой практике в пределах соответствующих и смежных концептосфер, и в исторической перспективе, что находит свое выражение в соответствующих узуальных и

окациональных словоупотреблениях в паремиологическом и фразеологическом фондах немецкого языка [см, например: 6].

Выделение признаковой структуры концепта сопряжено с выявлением в его структуре некоторых слоев, признаков [2] или «кодов» в терминологии М. В. Пименовой, которые охватывают различные исходные семантические области, аккумулирующие фундаментальные параметры окружающего мира, универсальные для всех представителей данного языкового сообщества. Так, например, в структуре различных концептов представляется возможным выделить признаки, «среди которых растительный..., зооморфный..., перцептивный, соматический (телесный), антропоморфный, предметный, пищевой, химический, колоративный, дименсиональный, пространственный, временной, ценностный, теоморфный» [3, с. 90].

В этой связи актуальными для немецких социальных концептов представляются когнитивные

признаки четырех ключевых групп: антропоморфный (физиология и личная сфера человека), социальный (касается сферы общественных отношений (включая политику)), предметно-артефактный (созданные трудом человека объекты) и природный (живая и неживая природа) [см., например: 1; 4], которые представляют как традиционное для немецкого языка, так и индивидуальное вербальное восприятие «денег» и «политики», причем данные номинации преимущественно сопряжены с метафорическим переносом наименований, поскольку описываются лексическими единицами иных исходных концептуальных сфер [см.: 5].

Антропоморфный концептуальный признак охватывает номинации, которые связаны с личной сферой человека: с его физиологией (анатомическим строением человеческого тела, физиологическими особенностями, болезнями и пр.), личным окружением (семья, друзья, родственники, знакомые). Среди номинаций частей человеческого тела и внутренних органов, метафорически концептуализирующих «деньги» и «политику», чаще всего встречаются «рука» („der Arm“), «ноги» („die Beine“, „die Füße“), «лицо» („das Gesicht“), «глаза» („die Augen“), «сердце» („das Herz“), «мускулы» („die Muskeln“), а также «кровь» („das Blut“) и пр. Так, наличие у «денег» «рук» и «ног» может, с одной стороны, указывать на то, что деньги необходимы человеку, как и данные части тела. С указанием количества акцентируется внимание на том, что деньги быстро тратятся (быстро «уходят»), ср., например: „Geld ist wie ein Arm oder ein Bein: du musst es brauchen oder du verlierst es“. „Geld hat hundert Beine, wenn es fortgeht, und nur zwei, wenn es kommt“. „Geld hat hundert Füße“.

Политические организации также обладают различными человеческими частями тела, которые указывают либо на функцию данного органа («глаз» – чтобы наблюдать), либо на характеристики самой сферы социальных отношений. Так, например, ОБСЕ (Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе), по мнению немецких политиков, должна была стать «глазом» (т. е. наблюдать, шпионить) для ЕС и НАТО в югославской (на 1998 г.) провинции Косово: „Die OSZE wird im Kosovo das Auge des Westens sein“ (Neumann, 1998: 21) (букв.: «ОБСЕ станет в Косово глазами Запада»).

В свою очередь, «лицо», которое, согласно латинской поговорке, является «зеркалом души», в немецком политическом языке в некоторой степени сохраняет значение латинского изречения, представляя собой внешний вид и суть какой-либо политической структуры ФРГ. И если «веснушчатое лицо» („das Gesicht mit Sommersprossen“) хотя и указывает на не совсем презентабельный вид, как это выражено в следующем примере, Берлина как столицы единой Германии (на 1991 г.) не вызывает симпатии оратора, то «размалеванное» лицо Бонна (как столицы ФРГ в 1949 – 1990 гг.) вызывает ассоциации с театральным макияжем, скрывающим истинные чувства и ценности немецкой политической культуры, что и предопределяет в контексте выска-

зывания симпатии именно к «лицу с веснушками» (т. е. к Берлину), а не к его антиподу, метафорически представляющему города западной части Германии, ср.: „Wir wissen alle: Berlin ist lauter als Bonn, unbequemer als Bonn, holpriger als Bonn, ist ein Gesicht mit Sommersprossen. Ist es deswegen wirklich hässlicher als manches geölte und gepuderte Gesicht in Westdeutschland? Ich meine nicht“ (Kansy, 1999).

За метафорой сердца в немецком языке уже закрепилось значение, указывающее на центральную, главную часть чего-то, активируя семы важности и исключительности данного внутреннего органа в человеческом теле. В представлении немецких политиков «сердцем» являются столица Германии, где сосредоточены важнейшие органы государственной власти (парламент и одно из двух представительств федеральных министерств), и парламент – главный законодательный орган страны, например: „Für Bonn, meine Damen und Herren, spricht viel, aber für Berlin spricht alles. Es gibt keine Alternative für Deutschlands schlagendes Herz“ (Weiß, 1999). „Das Herz unseres Landes schlägt in dieser Stadt“ (Börnsen 1999). „Das Parlament ist das Herz dieser Demokratie“ (Kansy, 1999).

«Деньги» уже давно традиционно в немецком языке именуют «кровью экономики» („Geld ist das Blut der Wirtschaft“), в то же время «деньги» и «политика» связаны и с нервной системой, проявляя свойства «рефлексии» в сфере общественных отношений, ср., например: „Geld ist Lebensnerv der Dinge“. „Der Lebensnerv der parlamentarischen Demokratie ist das Parlament“ (Schorlemer, 1999).

«Мускулы, мышцы», которые способна показать немецкая экономическая система, презентируют представления об экономической мощи ФРГ и о высокой производительности труда в немецкой промышленности: „Die deutsche Wirtschaft lässt die Muskeln spielen“ (Blüm, 1998: 7), в то время как собственно «деньги» тоже обладают «большой силой», что указывает на их большую покупательную способность (на деньги можно купить (почти) всё, что угодно), ср.: „Geld hat größere Macht als der Mann“.

В немецкой паремии отмечена способность денег «говорить» („sprechen“, „reden“), посредством чего подчеркивается способность денег управлять умом и поступками людей, влиять на человека и положение вещей, изменяя их по своему усмотрению, ср.: „Geld spricht alle Sprachen“. „Geld spricht laut“. „Geld spricht immer die Wahrheit“. „Wo Geld redet, muss Verstand schweigen“. „Geld spricht mehr als 12 Gerichtsleute“. В последнем изречении отражается представление о том, что деньги способны влиять на отправление правосудия (букв.: «Деньги говорят больше, чем двенадцать присяжных»).

В политическом дискурсе «деньги» также обладают способностью говорить, причем как на немецком языке, так и на иностранных языках. В следующих контекстах, однако, в эту способность вкладывается совсем другой смысл, чем в поговорках: посредством таких образных метафор ораторы (министр финансов в федеральном правительстве

Г. Шрёдера и сам бывший федеральный канцлер) говорили о том, что денежная единица ЕС «евро» зависит не только от финансовой системы Германии («евро» говорит по-немецки», «евро» говорит по-баварски»), но связана с экономиками всех стран ЕС («евро» говорит по-европейски»), ср.: „Aber das wird auch nicht besser, Herr Kollege Waigel, wenn Sie sich mit den Worten vernehmen lassen, Sie seien der eigentliche Außenminister, und gleichzeitig sagen: „Der Euro spricht deutsch“. Ich möchte Sie doch bitten, letzteres zu unterlassen. „Der Euro spricht bayerisch“ konnten Sie angesichts der Haltung Stoibers nicht sagen. Wissen Sie, „Der Euro spricht deutsch“ hört sich in den Hauptstädten Europas merkwürdig an. Sie sollten solche Töne wirklich unterlassen. Ich bitte Sie im Interesse unseres Ansehens in Europa darum“ (Lafontaine, 1998: 6). „Wir wollen nicht, dass der Euro deutsch spricht. Wir wollen, dass D-Mark, Franc und Schilling europäisch sprechen“ (Schröder, 1999: 47). Следует отметить, что в изложенных выше контекстах яркий метафорический образ развивается, помимо всего прочего, также еще за счет того, что в высказываниях отражены окказиональные элементы, противоречащие научной (лингвистической) картине мира, ибо «по-немецки» и (с натяжкой) «по-баварски» (например, на одном из верхненемецких диалектов) говорить можно, а вот «по-европейски» – нельзя, поскольку такого языка как «европейский» ни в генеалогической, ни в типологической классификации языков не существует, хотя он и вписывается в логику развития мысли ораторами.

«Деньги» в немецкой языковой картине мира обладают (или, наоборот, не обладают) способностью справлять естественные физиологические потребности. И если в разговорной речи в негативном смысле говорится об отсутствии такой способности (ср. из разговорной речи: „Wenn du denkst, ich kann Dukaten scheißen, irrst du dich“), то в средневековых немецких народных поверьях был такой мифологический персонаж как „Geldscheißer“, который мог производить деньги данным естественным путем.

В области политики сфера естественных человеческих потребностей используется в строго негативном смысле по отношению к действиям правительства в социальной сфере и на рынке труда: „Sie tun doch immer so, als ob das Arbeitslosengeld und die Arbeitslosenhilfe ganz prima wären, die Sozialhilfe hingegen der letzte Dreck wäre“ (Fink, 1998: 5). „170000 Haushalten mit 235000 Personen ginge es ganz dreckig, wenn es Sozialhilfe nicht gäbe“ (Fink 1998: 5). Употребляемые в данных контекстах (цитаты из одной речи депутата бундестага) слова „dreckig“ и „der Dreck“ создают яркий и наглядный образ, хотя являются пейоративной лексикой, лежащей вне плоскости современного немецкого литературного языка.

Также к физиологическим особенностям «денег» еще со времен античности относят отсутствие у них запаха: „Geld stinkt nicht“. Это выражение является калькой с латинского изречения „Non olet“ («не пахнут»), которым римский император Веспасиан ответил на упреки своего сына по поводу его распо-

ряжения пополнять казну за счет введения налога на общественные уборные. В современных представлениях данное изречение оправдывает любой способ (чаще всего – нечестный, противозаконный) получения денег.

Биологическая природа человеческого существа проявляется также и в болезнях, которыми страдает человек. В метафорическом «зеркале» некоторые болезни проецируются в сферу экономики и денежной системы и в область политики. Так, в некоторых поговорках у «денег» отмечается отсутствие некоторых частей тела, что выражает способность «денег» служить своему хозяину (обладателю) и быстро кончаться: „Geld hat keine Augen im Kopf“. „Geld hat keine Beine, aber es läuft“. «Деньги» обуславливают физические и психические болезни человека, делая его «глухим» („taub“), «слепым» („blind“) и «немым» („stumm“), т. е. «деньгами» можно подкупить человека: „Geld macht stumm“. „Geld, das stumm und zungenlos ist, macht gerade, was krumm ist“. „Geld, das stumm ist, macht recht, was krumm ist“. „Geld macht stumm, blind, taub“.

Морбиальная сфера, проецируясь в область социального, получает активное развитие за счет введения и развития всё новых метафорических единиц («болезнь» („die Krankheit“), «симптом» („das Krankheits-symptom“), «приступ болезни» („der Krankheitsfall“), наименования конкретных болезней, течения и развития болезни и т. д.). В социально-экономической сфере о болезни речь идет в случае критики оппозицией действий правительства или указания на негативные тенденции в экономике: „Wo wären wir, wenn wir Herrn Schröder gefolgt wären, der den Euro als kränkelnde Fehlgeburt bezeichnet hat?“ (Waigel, 1998: 4). Für die Politik bedeutet eine Krankheit entweder falsche Beschlüsse der Regierung und / oder der Opposition oder große Probleme der Gesellschaft: „Misstrauen ist für Sie eine große politische Krankheit unserer Tage“ (Rau, 2001a: 124). „Rotgrün will die Reform der Lohnfortzahlung im Krankheitsfall zurückdrehen, der die Unternehmen in unserem Land eine Kostenentlastung von rund 20 Milliarden DM verdanken“ (Friedhoff, 1998: 4).

Немецкая экономика, по мнению германских политиков, может проявлять явные «симптомы болезни» („Krankheitssymptom“): „Die Schattenökonomie ist schneller als Bruttoinlandsprodukt gewachsen. Das ist in der Tat ein Krankheits-symptom. Worauf beruht diese Krankheit? Sie beruht auf einer Überforderung der arbeitenden Bevölkerung oder der Bevölkerung insgesamt durch Steuern und Abgaben, angesichts deren sie sich immer mehr Ausweichen aus der legalen Ordnung in die Schattenordnung begibt“ (Biedenkopf, 1998: 7).

Мировая экономика, в свою очередь, может «кашлять» („husten“), и ее может «бить озноб» („es fröstelt“): „Heute brauchen wir für den engen Zusammenhang und die Abhängigkeit zwischen Kontinenten, Regionen und Menschen keine großen Erklärungen mehr. Jeder spürt sie am eigenen Leib. Wenn in Tokio oder Kuala Lumpur die Börse hustet, dann fröstelt es

nicht nur die Banken in der übrigen Welt“ (Rau, 2001b: 204).

Оппозиция может представлять правительство Германии в виде больного, старого человека, страдающего от одышки: „Es ist doch verblüffend, wenn die Opposition schreibt: Die Bundesregierung reagiert wie vor kurzatmig und konzeptionslos auf die Beschäftigungs- und Strukturkrise“ (Riesenhuber, 1998: 8). Западногерманские политики проецируют морбиальную сферу на немецкую историю, описывая 40-летний раскол Германии и Берлина в качестве незаживающей, открытой «раны» („die Wunde“) и «шрама» („die Narbe“): „Berlin war für mich immer mehr als der Ort, in dem ich wohne. Es war eine offene, schmerzende Wunde“ (Weiß, 1999). „Aber die Wunde in Berlin wird noch lange, lange spürbar sein“ (Hilse, 1999). „In den letzten dreißig Jahren ist viel erreicht worden, dennoch stoßen wir immer wieder auf Narben und offene Wunden“ (Rau, 2000b: 270).

«Деньги», в свою очередь, обладают способностью «лечить» („heilen“) многие болезни („Geld heilt alle Wunden“), а политики способны «лечить» проблемные сферы: „Wir sollten in der Klimapolitik als ein guter Arzt handeln, der einen Patienten mit Fieber vor sich hat, aber im Blutbild keinen der bekannten Erreger feststellen kann. Er darf nicht warten, bis der Tod des Patienten den Beweis der Ernsthaftigkeit der Krankheit erbringt“ (Rau, 2001b: 207 – 208). Неправильное лечение может, однако, вполне привести и к «летальному исходу» („der Exitus“): „Dieses Rahmenkonzept ist der letzte Beweis dafür, dass in der Forschungs- und Technologiepolitik die Rüttgersche Frischzellenkur ein Beitrag zum Exitus dieser Regierung geworden ist“ (Kiper, 1998: 4).

Как отмечается в некоторых устойчивых выражениях и контекстах, «деньги» и «политики» сами по себе не способны сделать человека счастливым и могут даже лишить его разума, хотя и дружелюбны по отношению к человеку и могут облегчить его жизнь, ср.: „Geld sieht immer freundlich aus“. „Geld macht nicht glücklich, aber es weint sich leichter“. „Geld allein macht nicht glücklich“. „Geld hat keinen Verstand im Kopf“. „Ich bin sehr wohl bereit, zu teilen und zu helfen; aber ich bin nicht bereit, zu glauben, dass der Sitz von Parlament und Regierung eine glückbringende Funktion hat“ (Zeitlmann, 1999). „Es liegt in der paradoxen Logik der Gegenwart, dass wir zwar angeblich auf Zukunft und Wachstum ausgerichtet sind, dass sich aber gleichzeitig diejenigen, die sich trauen und zutrauen, ein Kind oder gar mehrere Kinder zu erziehen – und damit eben auch unser aller Zukunft sichern, – heute oft als gesellschaftliche Außenseiter und ökonomische Idioten vorkommen müssen“ (Rau, 2001a: 82). „Willy Brandt hat gesagt: „Wer wollte bestreiten, dass der momentane Stress erträglicher ist als der frühere Dauerstress des Kalten Krieges“ (Rau 2002b: 328). Пользу «деньги» могут принести только в руках умного и умелого человека: „Geld ist klug in den Händen eines Mannes“. В сфере политики умом отличается конституция (основной закон) Германии: „Wir haben eine kluge Verfassung, die Regierung und

Opposition, Bundestag und Bundesrat zur Zusammenarbeit zwingt“ (Herzog, 1997: 8).

В структуре социальных концептов „Geld“ и „Politik“ представляется возможным выделить и экзистенциальный субпризнак, указывающий на существование, зарождение и умирание, жизнедеятельность и движение, включая различные виды движения („zu Fuß“, „schnell“, „langsam“ и т. д.): „Niemand lebt so stark von der Globalisierung wie die deutsche Wirtschaft“ (Rau, 2002b: 598 – 599). „Geld schreit in der Tasche“. „Geld kommt immer zu Geld“. „Geld kommt, Geld geht“. У «денег» иногда указывается конкретная цель передвижения: „Geld geht immer in den Sumpf“. „Geld, wo gehst du hin? Verwandte und Freunde zu trennen“.

В свою очередь, в сфере политики в различных условиях «живет» и «умирает» демократия: „Wir haben eine lebendige Demokratie, die ihre Stärken gerade darin zeigt, dass sie mit schwierigen Situationen fertig wird“ (Rau, 2001a: 282). Причем часто в контекстах указываются причины, необходимые для жизнедеятельности демократии или способные ее убить, ср.: „Sie sollen erfahren, dass unsere Demokratie nur dann lebendig ist, wenn wir unsere Rechte auch nutzen“ (Rau 2001a: 96). „Die Demokratie stirbt, wenn wir uns nur noch wie Marktteilnehmer und Konsumenten verhalten“ (Rau, 2001a: 96). „Eine lebendige Demokratie braucht das Engagement freier, aktiver Bürgerinnen und Bürger“ (Rau, 2002b: 185). „Die Demokratie lebt vom Streit, vom Konflikt, aber nicht vom Konflikt um des Konfliktes willen“ (Rau, 2002b: 639).

И наконец, исследуемые концепты могут быть структурированы субпризнаком сферы родственных отношений. Так, «деньги» способны иметь родственников (например «брата») или быть чьим-либо родственником: „Geld ist des Geldes Bruder“. „Geld ist ein Verwandter“. В первом случае подчеркивается вера человека в то, что деньги способны привлечь еще деньги (ср. с выражениями в русском языке: «деньги идут к деньгам», «деньги привлекают деньги»), а во втором выражении подчеркивается важность денег для человеческого существования, которые воспринимаются в качестве родственника, члена семьи, друга и пр. «Деньги» помогают заключить выгодный брак (брак по расчету), но, с другой стороны, «женитьба на деньгах» сама по себе не способна принести счастье: „Sie will doch sein Geld heiraten“. „Wo Geld die Braut ist, hat der Teufel ein Ei in die Wirtschaft gelegt“.

В социально-политической сфере персонифицируются определенные политические реалии, выступающие в родственных отношениях с другими реалиями: „Das große Berlin und das kleine Bonn ergänzen sich. Das ist der große Bruder der kleinen Schwester“ (Blüm, 1999). „Ich glaube, dass Nationalismus und Separatismus Geschwister sind“ (Rau, 2000b: 26). „Nationalismus und Separatismus sind Zwillinge“ (Rau, 2000b: 35). „Umwelt, Ökologie und Ökonomie, das sind keine feindlichen Brüder, sondern das ist Geschwisterpaar, das Zukunft sichern und leben kann“ (Rau, 2001a: 113). „Eine Wissenschaft, die so

handelt, macht deutlich, was sie von Anbeginn war und ist: eine Schwester der Freiheit und der Demokratie“ (Rau, 2001b: 323). В указанных случаях терминология родства («брат», сестра), «братья и сестры» и т. д.) может обозначать как положительные, с точки зрения немецких политиков, так и негативные в их представлении явления современной социально-политической реальности ФРГ и Европейского союза.

Социальный признак охватывает те метафорические номинации, которые связаны со сферой общественно-политических и гражданских отношений в обществе, когда человек проявляет себя как представитель определенного класса, социальной группы, политической партии и т. п. К социальным видам деятельности относятся такие, как спорт, криминал, война, профессиональная деятельность, национальная и религиозная принадлежность, социальный статус, искусство, наука и т. д.

Так, метафоры войны характеризуют «деньги» как солдата, который может быть мобилизован („mobilisieren“) и способен вести боевые действия („einen Krieg führen“), например: „Zudem mobilisierten die insgesamt 138 Millionen Euro, die allein der Bund für dieses Programm bereitstellte“ (Perspektiven im Osten). „Geld führt den Krieg“ (Schily, 102). Сфера немецкой политики также может быть описана милитарными метафорами. Так, например, посредством вторичных номинаций деятельность немецких партий и фракций на внутриполитической арене представляется как «ведение предвыборной борьбы» („den Bundestagswahlkampf führen“) и «идеологические окопные войны» („ideologische Grabenkriege“), ср., например: „Das Gerede der SPD vom Kassensturz ist angesichts des von der Bundesregierung vorgelegten vollständigen Zahlenwerks nichts anderes als Wahlkampfgetöse“ (Waigel, 1998: 3). „Es ist nicht meine Aufgabe, mich an parteilpolitischen Grabenkämpfen zu beteiligen“ (Rau, 2001b: 409).

Криминальные метафоры приписывают и «деньгам», и «политике» свойства асоциальных объектов. «Деньги» могут быть вором, мучителем, преступником, убийцей и т. п., посредством чего в немецкой лингвокультуре выражается указание на то, что ради денег люди способны совершать незаконные действия, плохие поступки, напр.: „Komm, gib das Geld zurück, wenn es dich quält“ (Böll, Erzählungen). „Der Pfennig ist ein rechter Dieb“ (Wander, 1987: 1267). „Geld läuft ins Spielhaus wie der Verbrecher zur Richtstätte“. „Geld ist ein Mörder“. „Geld ist ein Dieb“. „Geld erzeugt Räuber“ (букв.: «Деньги производят разбойников»).

Именно связь с миром криминала способствует персонификации «денег» также и в сфере политики, которая может ассоциироваться с «убийцей рабочих мест» („der Jobkiller“) и с представителями самой древней профессии на земле („die Hure“), как это представлено в следующих случаях: „Geld ist eine Hure, es will immer unter Leuten sein“. „Konsequente und marktwirtschaftlich orientierte Umweltpoli-

tik ist kein Jobkiller, sondern Antrieb für einen modernen Wachstumsmarkt“ (Kohl, 1997: 15). „Neue Technologie mag – in einer ersten Phase – durchaus ein Jobkiller sein“ (Herzog, 1997: 24).

Немецкая политика также концептуализируется в социальной коммуникации терминами игры и спортивных состязаний. В целом немцы любят спорт и спортивные соревнования и при метафорической номинации используют понятия популярных в Германии видов спорта: футбола, легкой атлетики, гандбола, автогонок в классе автомобилей «Формула-1».

Так, например, федеральный экс-президент ФРГ Й. Рай (1999 – 2004 гг.) описывал работу немецких политиков как «эстафету по снижению налогов» („der Steuersenkungswettlauf“), а страны с высоко развитой экономикой – как футбольные команды, играющие в высшей лиге („in der Spitzenliga mitspielen“), напр.: „Moderne Steuerpolitik darf nicht zum Steuersenkungswettlauf werden – weder zwischen Parteien noch zwischen Staaten“ (Rau, 2002b: 364). „Wer in der Spitzenliga der Industrienationen mitspielen will, der sollte nicht versuchen, mit Niedriglöhnen zu operieren“ (Rau, 2002a: 299). Из легкой атлетики в сферу общественно-социальных отношений перешли такие понятия, как, например, «старт» („der Start“), «препятствие» („die Hürde“): „Die nächste Hürde nach einem gelungenen Start ist oft fehlendes Beteiligungskapital oder eine nicht ausreichende Kredit- und Darlehensversorgung, um das neue Unternehmen zu konsolidieren, Produktionsanlagen zu finanzieren oder neue Produkte bekannt zu machen“ (Clement, 2002b: 4). Сложно осуществимые политические действия, в свою очередь, могут характеризоваться терминами гимнастических упражнений, как, например, «шпагат» („der Spagat“): „Ich habe hier das Problem, in meinem kurzen Beitrag den politischen Spagat zu machen als einer, der im Innersten davon überzeugt ist, dass auf lange Sicht Berlin als Hauptstadt natürlich auch Sitz von Regierung und Parlament sein wird“ (Lühr, 1999).

Среди номинаций денег важное место в немецкой лингвокультуре занимают словоупотребления, характеризующие большую силу и огромный экономический потенциал денег, которые подчиняют себе человека. В подобных случаях «деньги» становятся «господином» („der Herr“) мира и над человеком, который часто превращается в их «раба» („der Sklave“). Иногда деньги, наоборот, описываются как «слуга», «помощник» („der Knecht“, „der Diener“), причем часто оба эти значения противопоставляются друг другу («плохой / злой хозяин» – «хороший слуга»), ср.: „Geld ist der Welt Herr“. „Geld ist ein guter Knecht, aber ein schlechter Herr“. „Der eine ist des Geldes Herr, der andere sein Sklave“. „Geld ist wie ein Sklave; wenn du nicht verstehst, auf es zu achten, läuft es fort“.

Экономическая сила «денег» придает им иногда статус высокого социального положения, привилегированного положения в обществе, благородного происхождения и т. п.: „Geld ist Adel, Geld ist ohne

Tadel“. „Geld macht jeden, der es hat, adlig“. „Geld ist des Volkes Recht“. Тот факт, что «деньги» зарабатываются человеком в его профессиональной деятельности, отражен в изречениях, указывающих на связь денег с профессиями, искусством, например: „Geld lehrt Künste“. „Geld macht aus Vogelscheuchen Grazien“. „Geld macht schöne Leute“. Политическая сила и власть, напротив, воздействует на человека негативно, или, как отмечено в одной немецкой поговорке, «портит его характер»: „Die Politik verdirbt den Charakter“. Различные субъекты политической деятельности также могут представляться в виде людей определенных профессий или социальных ролей (слуг, служанок и пр.): „Bonn ist das Zimmermädchen der Politik; hier dreht sich alles um die Macht. Berlin dreht sich um sich selbst; es kennt keinen Respekt vor Titel und Namen“ (Weiß, 1999).

«Деньги» считаются и служат товаром („die Ware“), который, однако, может и сам вести торговлю, покупать („kaufen“): „Geld ist die beste Ware, sie gilt Sommer und Winter“. „Geld kauft das Land“. «Политика», совсем наоборот, является той сферой деятельности, которую осуществляют люди и которая никогда (в языковых номинациях и контекстах словоупотребления) не проявляет себя в качестве самостоятельной силы. Профессия политика как род деятельности при этом оценивается в немецком обществе в целом негативно, а сама политика, согласно известной поговорке (она есть и в русском языке), является грязным делом: „Die Politik ist ein schmutziges Geschäft“ (букв.: «Политика – грязное дело»).

Активно в современном немецком языке в сферу политики проецируется религиозный аспект социальной реальности. «Деньги» часто воспринимают как «всемогущего Бога» („der allmächtige Gott“, „der Proteus“): „Jetzt ist eben Geld für uns der Liebe Gott“ (Schily, 1996: 73). „Das Geld ist der tausendgestaltige charakterlose Proteus, der sich in alles zu verwandeln vermag“ (Schily, 1996: 75). „Geld ist des reichen Gott“.

В немецкой культуре, помимо прочего, «деньги» считаются Божьим благословением („ein Gottes Segen“). Богатство, по мнению немцев, человеку дается от бога, а значит и «деньги» благословенны и могут служить добрым делам, см.: „Einerseits erscheint das Geld als Zeichen des göttlichen Segens“ (Geld und Moral, 1994: 126). Другая группа религиозных метафор отражает противоположный взгляд на природу «денег», которые воспринимаются, согласно средневековым христианским воззрениям, как нечто «греховное»: „Im Mittelalter fiel Geld in Ungnade... Geld wurde in zunehmendem Maße als dämonisch dargestellt“ (Boundy: 43). „Viel Geld ist große Sünde, aber wenig Geld ist noch größere“. „Viel Geld ist große Sünde“.

В память о папских индульгенциях, когда в Средние века римско-католическая церковь отпущала грех за небольшое «вознаграждение», в словаре немецкого языка сохраняются выражения, которые говорят о том, что «деньги» очищают человека от всех грехов, делают его свободным, а отсутствие

денег, в свою очередь, мешает быть набожным: „Geld kann den Sünder ledig machen, wo kein es ist, stehen böse die Sachen“. „Wer kein Geld hat, dem hilft nicht, dass er fromm ist“.

Успешная политика в сфере экономики традиционно именуется метафорой «экономическое чудо» („das Wirtschaftswunder“), которое переживала в свое время и Германия (ФРГ в конце 40-х гг. XX в.): „Ohne die Gewerkschaften wäre das deutsche Wirtschaftswunder nicht möglich gewesen“ (Rau, 2001b: 122).

Политические оппоненты в общественно-политическом дискурсе в негативном смысле образно именуются «лжепророками» („falsche Propheten“) и «лжепоповедниками» („falsche Prediger“): „Ja, ich bin zuversichtlich: Vieles wird besser werden. Aber glauben wir nicht den falschen Propheten, die uns sagen: Alles wird gut“ (Rau, 2001b: 235). Лидеры международного терроризма в современной немецкой политической коммуникации получили метафорическое наименование «пророки насилия» („Propheten der Gewalt“).

Предметно-артефактный код концептуальных сфер «деньги» и «политика», играющих важную роль в современной немецкой социальной коммуникации, может рассматриваться двояко: с одной стороны, как «предметность» в чистом виде, при которой посредством соответствующих метафорических обозначений создается образное впечатление об актуальных сущностях (в первую очередь это касается «политики») как о материальных объектах, с которыми могут совершаться разнообразные манипулятивные действия. С другой – актуальным признаком могут выступать свойства «денег» и «политики» как конкретных предметов – артефактов, передающих (посредством метафорических образов) в немецкой лингвокультуре значимые аспекты актуальных социальных объектов.

С точки зрения первого подхода касательно сферы немецкой политики, экспликаторами выступают глаголы типа «захватить», «получить», «брать», «терять», «передать» и т. п., манифестированные, например, в абстрактную область политической власти, с которой, как с неким предметом, совершаются соответствующие действия: „die Macht“ / „die Regierung“ / „die Kraft“ „bekommen“, „ergreifen“, „gewinnen“, „übergeben“, „verlieren“. При обозначении «денежных средств» предметный признак не выявляет метафорического переосмысления, поскольку деньги являются и абстрактным понятием (если речь идет о богатстве, благосостоянии, некоторой сумме, цене и пр.), и конкретным предметом (в виде банкнот, монет, чеков, счета в банке). В связи с этим выражение типа „Geld verlieren“ может быть интерпретировано, в зависимости от контекста, двояко: потеря реальных денежных знаков (пропажа с кошельком и т. д.) или абстрагированная, «виртуальная» ситуация (убыток при неудачных финансовых операциях, вложениях; банкротство; лишняя покупка).

Артефактный концептуальный признак охватывает номинации, связанные с созданными трудом человека предметами и устройствами, к которым относятся: технические инструменты, устройства и механизмы, транспортные средства, архитектурные сооружения, объекты коммуникаций и транспортной инфраструктуры, а также сфера гастрономии.

«Деньги» в современной немецкой лингвокультуре, в первую очередь, выступают инструментом (ключом, топором), выполняющим различные технические действия, которые могут расцениваться как позитивно, так и негативно, ср.: „Geld ist ein Schlüssel für alle Türen“. „Geld öffnet alle Türen“. „Geld ist das Beil, das gute Freunde trennt“. «Политика», в свою очередь, также является инструментом (средством) для осуществления определенных действий, однако, в отличие от «денег», она не самостоятельна и не самодостаточна, а лишь орудие в руках политиков, правительства и пр.: „Alle Experten kommen zu demselben Schluss: Die Mindeststeuer ist ein völlig ungeeignetes Instrument zur Verbesserung der Steuergerechtigkeit“ (Waigel, 1998: 4). „Die Bildung ist ein Teil des Schlüssels zu dem Haus, in dem wir alle wohnen, und wer diesen Schlüssel nicht benutzen kann oder will, der bleibt draußen vor der Tür“ (Rau, 2002a: 210).

При реализации транспортного признака «деньги» предстают в образе некоего транспортного средства (железной дороги, корабля и пр.) или его составной части. Таким образом, метафорически выражаются определенные свойства «денег», как, например, их «прочность» („fest“), то есть их большая сила, покупательная способность и т. д.: „Geld ist fest wie Eisenbahn“. „Das Geld soll wie die Eisenbahn sein, weiter nichts als seine Staatliche Einrichtung, um der Warenaustausch zu vermitteln, wer sie benutzt, soll Fracht zahlen“.

Морская тематика (парус, паром и пр.) создает образ «денег» как некой движущей и управляющей силы, а их отсутствие сулит беды и несчастья, ср.: „Geld – ein Segel in der Tasche“. „Das Leben ist ein Meer, der Fährmann ist das Geld; wer diesen nicht besitzt, schiffte übel durch die Welt“.

«Политика» также получает метафорическое переосмысление терминами транспортной субсферы. В публицистике при этом реализуются образы корабля, поезда, автомобиля, а также их составных частей (мотор, якорь, вагон). Традиционный метафорический образ корабля, восходящий еще к античной риторике, создает впечатление о государстве, его развитии, об институтах государственной власти. Наиболее актуальными при этом представляются ситуации движения «корабля-государства» определенным курсом (правильным или неверным) и управления им командой во главе с капитаном-канцлером, например: „Wenn Sie von etwas Ferne auf das Geschehen in der Bundesrepublik blicken, dann sehen Sie, dass wir schwierige Aufgaben zu bewältigen haben, dass das Staatsschiff aber auf gutem Kurs ist“ (Solms, 1998: 8). „Das Land auf dem richtigen Weg zu halten und da, wo nötig, Kurskorrekturen vorzunehmen,

ist die Aufgabe, die wir für die nächsten Jahre haben“ (Schröder, 2003).

Железнодорожный транспорт («поезд», «состав», «локомотив») описывает развитие разнообразных политических процессов в динамике. Так, например, движение поезда может манифестировать процессы внутригерманской (Западная и Восточная части единой Германии) и европейской (внутри ЕС) интерпретации, ср.: „Höchst unerwartet ist der Zug der politischen Union Europas wieder ins Rollen gekommen“ (Herzog, 1999: 1). „Entgegen allen Beteuerungen laufen wir heute Gefahr, auf das Auslaufmodell „Nationalstaat“ zu setzen und den europäischen Zug der Zeit zu verpassen“ (Bury, 1999). „Aber Brandt hat gesagt: Je schneller der Zug der deutschen Einheit fährt, desto mehr müssen wir darauf achten, dass niemand unter die Räder kommt“ (Rau, 2000b: 283). Помимо этого, важный смысл передают контексты с номинациями железнодорожных станций, вокзалов, начала и места назначения, а также направления движения состава.

Из составных и запасных частей транспортных средств самым частотным является образ мотора как движителя разнообразных политических действий и процессов. Концептуальным антонимом мотора выступают тормоза, которые замедляют темпы социально-экономического развития и потому оцениваются крайне негативно, например: „Die wirtschaftliche Verflechtung hat sich als Motor der Integration bewährt und wird sowohl für die derzeitigen Mitglieder als auch für die beitragswilligen Staaten die treibende Kraft bleiben“ (Fischer, 1998: 17). „Berlins Aufgabe steht doch fest: Berlin wird Motor des demokratischen, sozialen, wirtschaftlichen und ökologischen Aufbaus Mittel- und Osteuropas, vor allem aber der neuen Bundesländer“ (Pflüger, 1999). „Wir werden dafür sorgen, dass Deutschland in der EU nicht länger als Bremser bei der Sozialpolitik auftritt. Wir werden aktiver Schrittmacher bei der Reform der EU sein“ (Schröder, 1999: 47).

Исходная концептуальная субсфера гастрономии актуализируют у сферы-мишени «деньги» перцептивные качества и свойства. «Деньги» как кулинарные блюда могут иметь вкус и запах (приятный или горький), служить ингредиентом, улучшающим качество блюда или придающим ему особенный вкус (иногда – в ироническом смысле), ср.: „Das Geld schmeckt, riecht und stinkt“. „Geld – Eiscreme in der Hölle“. „Geld versüßt die Arbeit“. В некоторых контекстах, наоборот, речь идет о том, что «деньги» – не пища, не хлеб, то есть они ценны не сами по себе, а лишь потому, что на них можно приобрести необходимые вещи и продукты питания („Geld stilt keinen Hunger“. „Geld ist nicht Brot“). В сфере общественных отношений продукты питания и пища в целом создают образы крайне необходимых для функционирования общества духовных сфер деятельности человека, как, например, культура и искусство, которые как раз и делают общество «живым»: „Kultur und Kunst sind ein Grundnahrungsmittel für eine lebendige Gesellschaft“ (Clement, 2002b: 25).

Определенные политические явления, например межгосударственные отношения или международный терроризм, в свою очередь, могут «питаться» из неких источников, то есть иметь политическое, идеологическое, финансовое основание: „Unser Wunsch ist, dass das Verhältnis zwischen Deutschland und Polen sich aus den gleichen Quellen speisen soll wie das deutsch-französische Verhältnis: aus dem Bewusstsein enger Freundschaft und gemeinsamer Verantwortung für Europa“ (Rau, 2002b: 123 – 124).

Традиционный статус в немецком языке получила (и уже закрепились на уровне словаря) метафора «рецепт», указывающая на некие решения по выходу из сложившейся ситуации: „Beim Thema Arbeitslosigkeit geht es um Rezepte. Es geht zwar auch um die Analyse der Ursachen, aber doch nur, um die richtigen Rezepte zu finden“ (Babel, 1998: 6).

Социально-политическая сфера современной немецкой лингвокультуры концептуализируется также понятиями из механистической, архитектурной и текстильной артефактных концептосфер, которые являются для сферы-мишени «Политика» специфическими, поскольку другой социальный концепт («Деньги») подобными признаками на регулярной основе не обладает.

Метафоры механизма объективируют представления о немецком государстве, о Европейском союзе, о германской экономике как о работающем механизме и описывают механизм в целом, составные части механизма, процессы его функционирования, поломки/починки, управления им. В качестве механизма могут быть представлены как политические системы (например Евросоюз), так и экономическая сфера: „Lernen Sie verstehen, wie die Europäische Union funktioniert“ (Rau, 2001a: 157). „Dass der Markt als Mechanismus des Wirtschaftslebens allen anderen Prinzipien überlegen ist, wird nirgendwo und von niemandem mehr ernsthaft bestritten“ (Rau, 2000: 31). Механизм состоит из множества составных частей (колесиков, шестеренок и т. д.), в качестве которых в метафорическом смысле выступают органы государственной власти, политические партии, фракции парламента, отдельные граждане Германии и ЕС: „Unsere Gesellschaft wäre ärmer ohne den selbstlosen und unermüdlichen Einsatz jener vielen Bürgerinnen und Bürger, die bereit sind, die vielen kleinen Räder im großen Getriebe des Hilfsgeschehens in Schwung zu bringen und in Schwung zu bleiben“ (Rau, 2001b: 319).

Функционирующий механизм обязательно кем-то извне управляется, кто-то (что-то) нажимает рычаги, запускает его и пр.: „Der Vertrag von Amsterdam setzt an beiden Punkten den Hebel an: Jeder Unionsbürger bekommt das einklagbare Recht, Dokumente der Kommission, des Europäischen Parlaments und des Rates einzusehen“ (Fischer, 1998: 9). Также на работающий механизм разные внешние и внутренние силы оказывают влияние: „Eine Gesellschaft, deren Regierung nicht für die Nutzung aller Chancen – und für den gleichen Zugang zu diesen Chancen – sorgt, wird unter die Fliehkräfte der Globalisierung von innen zusammenbrechen“

(Schröder, 2002: 23). Сломанный общественно-государственный механизм требует ремонта в специальных мастерских: „Soziale Gerechtigkeit und soziale Sicherheit werden nicht dann am besten erfüllt, wenn möglichst viel Geld für die sozialen Aufgaben ausgegeben wird. Richtig wäre diese Sicht nur dann, wenn wir den Sozialstaat als Reparaturbetrieb der Gesellschaft missverstanden“ (Rau, 2001a: 76).

Еще одним распространенным метафорическим образом, характеризующим государство как некоторую целостную структуру, является метафора дома. Разные аспекты функционирования и устройства государства объективируются посредством номинаций дома как целостного сооружения („das Staatsgebäude“), а также конструктивных составляющих здания (фундамент, стены, окна, двери, крыша и т. п.), выражающих определенные социально-политические процессы, происходящие в Федеративной Республике и в Евросоюзе, например: „Die politische Bildung an unseren Schulen vermittelt jungen Menschen die Kenntnis von den Bausteinen unserer Gesellschaft und unseres Staatgebäudes“ (Rau, 2001a: 96).

В целом немецкое государство предстает в политических речах как открытый дом, устойчивый и защищенный от неблагоприятного воздействия (погоды и пр.). Метафора «Европейский дом» („das europäische Haus“) уже прочно вошла в риторический арсенал германских и европейских политиков и характеризует внутреннюю и внешнюю политику ЕС. Процессы интеграции стран внутри Евросоюза манифестируются как процессы его строительства и ремонта: „An dem europäischen Haus der EU haben mittlerweile mehrere Generationen politisch erfolgreich gebaut. Es wird die Aufgabe unserer Generation sein, dieses Europa der Integration zu vollenden“ (Fischer, 1999: 20).

Образ «Европейского дома» развивается в разнообразных политических контекстах. Так, например, канцлер Г. Коль представлял «дом ЕС» как многоквартирный дом, где каждый член ЕС занимал свою квартиру, а каждый новый член ЕС соответственно являл собой нового жильца данного устойчивого дома: „Wir wollen den Frieden und die Freiheit für die, die jetzt jung sind, für das 21. Jahrhundert sichern. Wir werden diesen Frieden und diese Freiheit nur dann garantieren können, wenn wir gemeinsam das Haus Europa bauen, und wenn alle europäischen Völker, die dies können und wollen, in diesem Haus Wohnungen finden. Polen will eine solche Wohnung und wir wollen, dass Polen sie bekommt. Wir wollen gemeinsam mit unseren polnischen Nachbarn genau wie mit unseren französischen Nachbarn und den anderen in Europa dieses Haus Europa bauen – wetterfest in den Stürmen der Geschichte und der Zeit“ (Kohl, 1997: 20).

Номинации объектов сферы коммуникаций и дорожно-транспортной инфраструктуры («мост», «дорога», «улица» и др.) концептуализируют ситуации международного сотрудничества и процессы политического и экономического развития немецкого общества. При этом мост выполняет важную свя-

зующую функцию, сближая народы, государства: „So war es auch möglich, geistige Brücken über den Eisernen Vorhang zu schlagen und kulturelle Bindungen und Verbindungen zu den Menschen zu pflügen“ (Kohl, 1997: 13). Метафора «дорога» традиционно указывает на «пути» развития государства, процесс проведения реформ, общественно-политических преобразований. Тип дороги и ситуация выбора пути указывают на поиск правильных решений: „Wir stehen an einer Wegscheide. Wir brauchen ein überzeugendes europäisches Zukunftsprojekt mit dem Mut, neue Wege zu gehen“ (Rau, 2001a: 333).

У концепта «деньги» особыми номинациями в артефактной сфере проявляют себя наименования материальных носителей денежных единиц, из которых они изготавливаются и на которых они собственно существуют (бумага, железо, медь, золото, серебро и т. п.). Подобные лексемы не передают никакого образного значения, хотя и часто используются, например в разговорной речи и в немецкой паремиологии.

Природный код представляет собой упорядочивание знаний об исследуемых немецких концептосферах „Geld“ и „Politik“ в терминах исходной понятийной сферы «Природа» и охватывает первичные и вторичные номинации растений, животных, явлений природы (погода, осадки) и природных сил, которые отражают наиболее важные, с точки зрения немецкой лингвокультуры, свойства и качества социальной реальности. В структуре исследуемых социальных концептов, как показывают результаты проведенного сравнительного анализа, данный признак выражается как сходными, так и различными семантическими свойствами, проявляемыми манифестирующими его языковыми единицами.

Так, к фитоморфной группе наименований относятся названия растений (трав, деревьев), их частей и плодов, а также конкретные виды растительного мира („der Weizen“, „die Kastanien“ и пр.). Деньги при этом рассматриваются как некий растительный организм, который растет („wachsen“), культивируется („streuen“), например: „Der Weizen auf unserem Feld ist Geld“ (Spiegel, 18, 2002). „Das Geld ist relativ am breitesten gestreut. Es wächst mit dem Einkommen der Haushalte“ (Grundwissen, 1991: 200). „Schon bis zum Jahr 2005 werde das Einkommen auf 500 Millionen Euro anwachsen“ (Spiegel, 18, 2002).

Также в разных контекстах могут описываться абсолютно противоположные свойства денег. Одни авторы утверждают, что деньги могут «расти на деревьях» как плоды, например, как «каштан», а другие утверждают, что, наоборот, «деньги на деревьях не растут», ср.: „Das Geld kann man von den Bäumen schütteln, wie gute Kastanien“ (Bechstein, 1988: 228). „Wir haben harte Zeiten im Augenblick, wir müssen den Gürtel enger schnallen, Geld wächst nicht auf den Bäumen“ (Boundy, 1997: 198).

Деньги могут проявлять определенные перцептивные качества: «свежий» („frisch“), «сладкий, сочный» („saftig“) „Es geht jedoch nicht nur um

frisches Geld für den Umweltschutz, sondern auch um die Schuldenlast der dritten Welt“ (Schily, 1996: 295). „Jetzt ist ein saftiges Geld das Ende vom Lied“ (Bunte, 33, 2002). Квантитативный показатель (большое количество) денег обозначается в немецкой паремиологии выражением «иметь (много) денег, как сена» („Geld wie Heu haben“), например: „Er musste Geld wie Heu haben“ (Remarque, 1963: 77). В сфере политики социальные реалии также номинируются лексемами «дерево» („der Baum“), «растение» („die Pflanze“), причем данные понятия могут вступать в отношения антонимии. Так, например, в свое время бывший федеральный канцлер ФРГ Герхард Шрёдер уподобил в одной из своих речей демократию «сильному дереву» в противоположность «хрупкому растению», ср.: „Die gemeinsame Geschichte verpflichtet auch uns. Aber inzwischen – das ist gut so – ist unsere Demokratie kein zartes Pflänzchen mehr, sondern ein starker Baum“ (Schröder, 1999: 35).

Говоря о практической деятельности (в области политики, экономики, науки), бывший федеральный президент Германии Йоханнес Рау отмечал, что часто политические деятели используют нерационально результаты научных открытий, букв.: «охотнее едят яблоки, чем сажают деревья» („lieber Äpfel essen als Bäume pflanzen“), ср.: „Der offensichtliche, der ganz praktische Nutzen der Wissenschaft hat aber auch zwei Folgen, die uns zu denken geben sollten: Erstens: Die Wissenschaft gewinnt viele Freunde, die lieber Äpfel essen als Bäume pflanzen ... Was meine ich damit? Ich habe manchmal den Eindruck, dass erstens Ökonomie und Politik aus lauter Begeisterung über die praktischen Nutzenwendungen der Wissenschaft häufig vergessen, das die nutzbringenden Früchte erst reifen müssen“ (Rau, 2001b: 322). Экономическая деятельность, торговля метафорически часто репрезентируются как растения, которые цветут, плодоносят, например: „Ralph Waldo Emerson hat Mitte des 19. Jahrhunderts einmal gesagt: „Handel ist eine Pflanze, die wächst, wo Frieden ist, sobald Frieden ist und solange Frieden ist“. Ich wünsche Ihnen, dass Ihre Bemühungen um inneren und äußeren Frieden diese Pflanze zu voller Blüte gedeihen“ (Müller, 2003b). „Die Deutschen in der DDR waren nicht dümmer und nicht fauler als die Deutschen im Westen, aber unter den gegebenen Bedingungen konnte ihre Leistungsfähigkeit und ihre Leistungsbereitschaft nicht die gleichen Früchte tragen“ (Rau, 2000: 41).

Зооморфные наименования, представляющие деньги и политику в переносном смысле, довольно широко распространены в современном немецком языке и создают яркие, наглядные образы. Деньги предстают чаще всего в виде «птицы» („das Vogel“), «насекомого» („das Insekt“), «рыбы» („der Fisch“) и пр., акцентируя семы неожиданности (появления и исчезновения денег), неподконтрольности человеку (перемещения) денег и т. д.: „Es wird ein kleines Geldgeschenk ins Haus fliegen, das ist die Krisenunterstützung von nächster Woche“ (Fallada, 1967: 352). „Ein Augenblick ist da, in dem hängt die Hand des kleinen Kassierers über dem Geld, wie ein

Sperber in der Luft über dem Kückenhof, alle Krallen sind weit offen“ (Fallada, 1967: 284). „Geld ist ein beschwingter Vogel“. „Geld ist wie ein Aal in der Hand“. „Geld ist wie ein Floh; es springt fort, es ist hier für einen Moment, dann – wer kann sagen, wohin es gegangen ist“ (Deutsche Redewendungen).

Немецкое выражение «свиные деньги» („das Schweinegeld“; *устар.* „schweines Geld“) указывает на большое количество денег (свинья в Германии – символ экономности, благосостояния), но имеет повышенную эмоциональную окрашенность и просторечный характер: „Das kostet ein Schweinegeld“ / „Das kostet schweines Geld“ («Это стоит больших/бешеных денег»). „Er hat damit ein Schweinegeld verdient“ («Этим он заработал громадные деньги»).

Социально-политические реалии в современной немецкой политической культуре также метафоризируются зооморфизмами, которые обозначают прежде всего способы легкой и быстрой наживы и поиски виноватых в определенных политических просчетах („der Sündenbock“ – ср. с эквивалентом в русском языке: «козел отпущения»): „Das gehört zu den Aufgaben der Gewerkschaften. Aber das ist auch Grund dafür, dass sie häufig bezichtigt werden, nur einen „Kuhhandel“ zu betreiben“ (Rau, 2001b: 124). „Das ist offenbar ein Mechanismus in unserer Gesellschaft: Wenn etwas schief geht, dann sucht man den Sündenbock, den man wegschickt, und der Sündenbock mit der schnellsten Geschwindigkeit des sich Entfernens ist offenbar die Schule“ (Rau, 2002b: 397).

Животные могут в переносном смысле именовать как положительные, так и отрицательные черты деятельности отдельных политиков, оппозиции или правительства („auf das falsche Pferd setzen“), а также указывать на успехи в экономическом развитии („der Tiger am Sprung“), например: „Er hat auf das falsche Pferd gesetzt“ (Rau, 2002a: 221) (букв.: «Он сел не на ту лошадь» в значении – «выбрал неправильный путь»).

Метафорический термин «экономический тигр» (der Wirtschaftstiger) появился в 90-е гг. XX века и обозначал страны азиатско-тихоокеанского региона (отсюда синонимичное выражение: «азиатский тигр»), которые, благодаря разумной социально-экономической политике и благоприятной мировой экономической конъюнктуре, пережили бум экономического развития и вышли на уровень мировых лидеров по уровню производства, товарооборота, торговли и ВВП (это прежде всего Южная Корея, Малайзия, Сингапур и отчасти – Таиланд, Гонконг). Экс-президент ФРГ Й. Рау в свое время, для создания положительной оценки социальной политики правительства Г. Шрёдера в «новых» федеральных землях (экс-ГДР), использовал данный термин по отношению к Восточной Германии, которая, по его мнению, уже вышла на уровень, с которого начинается стремительное экономическое развитие, а единственным препятствием могут стать не объективные, а субъективные факторы, среди которых – неготовность самих восточных немцев к новым экономическим реалиям, ср.: „Die Vier kamen zu dem

Ergebnis, Ostdeutschland habe ein ausgesprochen gutes Entwicklungs- und Aufholpotential, es sei ein „Wirtschaftstiger“ auf dem Sprung. Jedes Potential müsse aber zunächst einmal mobiliert werden, und das stoße in Ostdeutschland auf ein psychologisches Handicap: Das weit verbreitete Gefühl der Enttäuschung über die bisherige Entwicklung sei ein Hindernis für den Wachstumsprozess. Die Blockade in den Köpfen hindere den Tiger am Sprung“ (Rau, 2002b: 428).

В толковом словаре немецкого языка зафиксировано также выражение «страусиная политика» („die Vogel-Strauß-Politik“), обозначающее недальновидную политику, не учитывающую и/или не замечающую объективные трудности, препятствия или опасность („Art des Verhaltens, bei der jemand eine Gefahr o. Ä. nicht sehen will“).

В немецкой лингвокультуре при концептуализации социальной сферы и особенно области финансово-денежных отношений также встречаются образы гротескных, не существующих в природе и в мифологии животных, например, «несущая яйца и дающая молоко свиноматка» („die eierlegende Wollmilchsau“), как символ (в реальности не существующего) неисчерпаемого источника материальных благ и «денежная корова» („die Geldkuh“), как некий финансовый источник, который политики хотят полностью исчерпать (в контексте высказывания: «выдоили до смерти» („zu Tode gemolken haben“)), ср.: „Ich denke nicht, dass es das Ziel der Volkshochschulen sein sollte, sich gewissermaßen zur eierlegenden Wollmilchsau zu entwickeln. Ich glaube aber wohl, dass in der schwierigen Aufgabe, Hochschule für alle zu sein, ihre besondere Chance liegt“ (Rau 2002a: 251). „Da die Vereine diese Kredite niemals zurückzahlen werden – sie haben das Spiel überreizt und in ihrer Unersättlichkeit die Geldkuh Fernsehen zu Tode gemolken“ (Spiegel, 2002, Nr. 17: 16).

Деньги и политика могут, как и опасные звери и насекомые, проявлять агрессивное поведение: «кусаться» („beißen“), «колоться, жалить» („stechen“), «иметь и показывать острые зубы» („scharfe Zähne haben“), «извиваться» („sich winden“), что указывает прежде всего на способность денег приносить людям вред, плохо на них влиять или быть для них недоступными: „Geld sticht“. „Das Geld des anderen hat scharfe Zähne“. „Der König heißt, der Pfennig beißt“ (Beyer, 1985: 442). „Das Geld zieht Geld nach sich und die Läuse Läuseeier“. „Die SPD windet sich, wenn es um die Details und die Finanzierung geht“ (Waigel 1998: 4). „Sie gehen über Ihre fundamentalen Probleme hinweg. Sie eiern herum! Sie beschimpfen die Soldaten... Sie reden mit doppelter Zunge“ (Schmidt, 1998: 12).

Единая европейская валюта «евро» („der Euro“), вошедшая в оборот в ЕС в 1999 г. (на территории Бельгии, Франции, Финляндии и Голландии; в ФРГ – с 2002 г.), некоторыми немецкими политиками была названа в конце XX в. «Троянским конем» („das Trojanische Pferd“), ввиду того, что им не было еще понятно, каким образом проявит себя данная денежная единица и будет ли полезна или вредна

для экономики Германии, см.: „So gesehen ist der Euro ein Trojanisches Pferd“ (Deutschland, 1998, Nr. 6: 35).

Очень яркие метафорические образы создавались немецкими политиками при апеллировании к исходной понятийной сфере «Объекты ландшафта» благодаря использованию наименований водоемов, гор, пустынь и т. д. Так, накануне выборов в бундестаг 1998 г. христианские демократы (представители партии ХДС) назвали своего кандидата, действующего федерального канцлера Гельмута Коля, «скалой у прибоя» („der Fels in der Brandung“), имея в виду его политику по противодействию экономическим проблемам: „Herr Solms hat vorhin geklatscht, Herr Geißler hat das wenigstens nicht getan, als sie gesagt haben, Helmut Kohl sei der Fels in der Brandung. Meine Damen und Herren, wenn Sie auf der einen Seite den Rücktritt von Helmut Kohl fordern und ihn auf der anderen als Weltklasse und als Fels in der Brandung feiern, dann muss ich sagen, dass das irgendwie nicht zusammenpasst“ (Lafontaine, 1998: 5-6).

Пустыня („die Wüste“) выражает отсутствие каких-то необходимых условий, например для развития экономики, предпринимательства, торговли. Так, некоторые немецкие и иностранные политики и экономисты в начале нового тысячелетия называли Германию «пустыней в сфере услуг» („die Dienstleistungswüste“): „Manchmal wird Deutschland kritisiert als ‘Dienstleistungswüste’“ (Rau, 2000: 99).

Периодические изменения мировой экономической конъюнктуры уподобляются обычно «волнам» („die Welle“), в частности, так говорится, например, о «волнах глобализации» („die Globalisierungswelle“): „Die jüngste Globalisierungswelle stellt aber auch die Kreditwirtschaft vor ganz neue Herausforderungen“ (Rau, 2001b: 167). Большое количество законодательных актов как «бурный поток» („die Gesetzesflut“) готово поглотить в себе любое правовое государство, ср.: „Ein Rechtsstaat, der in einer Gesetzesflut ertrinkt, verliert seinen ursprünglichen Bezug zur Gerechtigkeit“ (Herzog, 1997: 9).

Наконец, «остров» („die Insel“) выражает определенную, закрытую от внешнего мира систему. Так, по мнению некоторых немецких политиков, Европейский союз является подобным «островом мира, свободы и благополучия» („Insel des Friedens, der Freiheit und des Wohlstandes“) в Европе и в мире в целом, хотя и отмечается, что замкнутое существование такого острова не может быть долговременным, например: „Die westliche Welt (Deutschland und Europäische Union) versteht man in Deutschland als eine Insel in der unruhigen Welt und Europa: «Wenn es richtig ist, dass Westeuropa seit 1945 zu einer Insel des Friedens, der Freiheit und des Wohlstandes geworden ist, so ist es auch seine Pflicht, anderen dabei zu helfen, daß sie in den Genuss vergleichbarer Entwicklung gelangen»“ (Herzog, 1997: 18). „Deutschland ist untrennbar mit der Welt verbunden. Es kann auf Dauer keine lokalen oder internationalen Inseln des Wohlstands und der Sicherheit mehr geben“ (Clement,

2002a: 11). „Die Erfahrung lehrt uns, dass es ja auf Dauer keine Inseln des Wohlstands und des Friedens geben kann in einem Meer von Elend und Gewalt“ (Rau, 2002a: 119).

Погодные явления (осадки, туман) также проецируются в сферу социальных и денежных отношений. Традиционным в немецкой лингвокультуре является образ «денежного дождя» („der Geldregen“), который в толковом словаре трактуется как «желаемое, предполагаемое или (часто) неожиданное получение (больших) денег» („sehr willkommene, erwünschte, oft unerwartete größere Geldzuwendung, größere Einnahme“), а вokkaциональном словоупотреблении может получить и иные, дополнительные смыслы: „Bei ihm regnete es Geld“. „Es ist alles möglich, es regnet sogar Geld“. „Mittlerweile war der sturzflutartige Dukatenregen versiegt“ (Barthel, 1990: 165). „Genau vierhundert Mark regnet es jetzt“ (Barthel, 1990: 165). „Der Pöbel schrie Vivat unter meinem Fenster, und ich ließ doppelte Dukaten daraus regnen“ (Chamisso Werke, 1980: 174).

«Туман» („der Nebel“) в сфере политики прикрывает замыслы политиков и политических партий, вводит в заблуждение и сбивает с толку оппонентов, скрывает истинные замыслы политических субъектов в важных мероприятиях (например при выборах): „Ich wünsche mir, dass sich unser Gemeinwesen solchen Fragestellungen zuwendet, spätestens dann, wenn sich die multimedialen Nebelschwaden des Bundestagswahlkampfes verzogen haben werden“ (Kohn, 1998: 13). „Deshalb sollte jetzt Schluss sein mit dem Taktieren und dem Finassieren, mit dem Nebelwerfen und den immer neuen Verwirrspielchen“ (Conradi, 1999).

Современные немецкие политики, особенно те, которые родом из Западной Германии, часто говорят о бывшей Восточной Германии (ГДР) как о стране, жители которой жили «в тени» („auf der Schattenseite“) (иногда этот образ дополняется, и говорится о «тени Берлинской стены»), в то время как западные немцы жили «на солнечной стороне» („auf der Sonnenseite“), пользуясь благами развитого капитализма: „Unsere Brüder und Schwestern in den neuen Bundesländern haben 40 Jahre lang auf der Schattenseite des Lebens gestanden, weil sie zufällig im Osten Deutschlands und somit unter sowjetischer Besatzung und kommunistischer Unterdrückung leben mussten“ (Roitzsch, 1999). „Zunächst einmal war die Revolution von 1990 für die Westdeutschen auch eine Erinnerung daran, dass sie sich ihre demokratische Ordnung nicht selber haben erkämpfen müssen und dass sie ihr Leben auf der Sonnenseite des Eisernen Vorgangs verbracht hatten“ (Rau, 2001a: 397).

Также жизнь в ГДР уподобляется «пасмурной, несолнечной погоде» („das unsönnige Wetter“), а объединение двух Германий представляется как «ветер перемен, изменения» („der Wind der Änderung“), перешедший потом уже в «новых» федеральных землях в «ураган реформ» („der Sturmwind der Neuerungen“): „Nach dem 40-jährigen unsönnigen Wetter kam nach Ostdeutschland der Wind der Ände-

rung: «Die Ostdeutschen haben seit 1990 einen Sturmwind an Neuerungen und Modernisierungen erlebt» (Rau, 2001a: 396).

Из природных стихий в социальной сфере метафорически манифестируются «огонь» („das Feuer“) и его атрибуты («горячий» („warm“) и пр.), «вода» („das Wasser“), «холод, мороз» („die Kälte“) и соответствующие адъективы («холодный» („kalt“) и т. д.). Иногда две стихии («огонь» и «вода»; «тепло» и «холод») противопоставляются друг другу, выражая две максимы социального мироустройства. Так, например, деньги трудно заработать (и потому они подобны «огню» (т. е. их трудно получить в руки)), но легко и быстро можно потратить, в чем они похожи на «воду» (т. е. быстро «утекают»; ср. в русском языке: «деньги как вода»): „Geld kommt wie Feuer, aber geht wie Wasser“. Деньги (счета, финансы, кредиты) можно «заморозить», т. е. остановить все операции с ними и по ним: „Geld einfrisieren“.

В немецком языке встречается также выражение «горячие деньги» („heißes Geld“), используемое в двух значениях: 1) «деньги, которые, с целью получения наивысшей прибыли, переводятся из страны в страну, в зависимости от размеров налоговых сборов» („In der Wirtschaft) Geld, das, um größeren Gewinn zu erzielen, je nach Zinshöhe in andere Länder fließt“), что является калькой с английского выражения “hot money”; 2) «меченые в специальных целях денежные знаки» („Durch Raub, Erpressung u. Ä. erworbene Münzen und Noten, deren Nummern möglicherweise notiert wurden und die der Erwerber deshalb schnell wieder abstoßen will“).

Понятия «холодный» и «теплый» использовал в своей политической риторике восьмой федеральный президент Германии Йоханнес Рау, говоря о духовности и нравственного современного немецкого общества. По его мнению, в обществе потребителей, в экономически развитом капиталистическом немецком обществе преобладает равнодушие, «социальная холодность» („soziale Kälte“), а нормой должно стать соучастие в общественных делах, «социальная теплота» („soziale Wärme“), к которой нужно стремиться, которую нужно проповедовать и которая, с его точки зрения, намного важнее экономического благополучия: „Ohne die Arbeit der Ehrenamtler wäre unsere Gesellschaft kälter und herzloser“ (Rau, 2002a: 356). „Nicht jede wirtschaftliche Ungleichheit darf man gleichsetzen mit Ungerechtigkeit oder sozialer Kälte. Nein, Leistung erfordert Belohnung, und es ist richtig, unterschiedliche Leistungen auch unterschiedlich zu belohnen“ (Rau, 2002a: 341).

Отдельную группу номинаций денег образует признак универсальности, описывающий особую роль денег в мире, представляющий деньги как меру всему сущему, например, «деньги – это мир, а мир – это деньги» („Geld ist die Welt, und die Welt ist Geld“), «деньги для человека – это всё» („Geld ist alles für die Menschen“), «деньги – мера (масштаб) всех вещей (предметов)» („Geld ist das Maß für alle Dinge“) и т. д. При концептуализации политики такой признак не реализуется.

Таким образом, исследуемые ментальные единицы „Geld“ и „Politik“ в немецком языковом сознании упорядочиваются разнообразными семантическими признаками, несущими в себе как положительные, так и отрицательные коннотации. В целом в немецкой лингвокультуре «деньги» ведут себя как относительно самостоятельная и активно действующая сила (которая «растет», «управляет», «путешествует»), оказывающая сильное воздействие на человека (на его мысли, поступки, образ жизни и т. п.), в то время как «политика» метафоризируется либо в динамике, развитии (при описании различных социальных процессов), либо как некий инструмент («ключ», «оружие» и т. д.) в руках политиков, которые оказывают влияние на государство (и его институты) и на все общество в целом, а посредством этого – и на каждого отдельного гражданина.

Литература

1. Керимов, Р. Д. Артефактная метафорика в политическом дискурсе ФРГ: уч. пособие [Текст] / Р. Д. Керимов. – Кемерово: Кузбассвуиздат, 2008. – 168 с.
2. Маслова, В. А. Когнитивная лингвистика: уч. пособие [Текст] / В. А. Маслова. – Минск: ТетраСистемс, 2005. – 256 с.
3. Пименова, М. В. Введение в концептуальные исследования: уч. пособие [Текст] / М. В. Пименова, О. Н. Кондратьева. – Кемерово: Кузбассвуиздат, 2005. – 178 с. – (Серия «Концептуальные исследования»; Вып. 5).
4. Федянина, Л. И. Концепт *Geld* в немецкой языковой картине мира: опыт концептуального анализа: уч. пособие [Текст] / Л. И. Федянина. – Кемерово: Кузбассвуиздат, 2008. – 160 с.
5. Kövecses, Z. Metaphor: A practical introduction [Text] / Z. Kövecses. – New York: Oxford University Press, 2002. – XVI. – 285 p.
6. Schwarz, M. Einführung in die kognitive Linguistik. – 2., überarb. und aktual. Aufl. [Text] / M. Schwarz. – Tübingen; Basel: Francke, 1996. – 238 s.

УДК 81.161.1'42

**ЕДИНИЦЫ ОПИСАНИЯ ИНТЕРПРЕТАЦИОННОГО ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ТЕКСТА
В ПРОСТРАНСТВЕ АДРЕСАТА****Л. Г. Ким****THE DESCRIPTION UNITS OF THE TEXT INTERPRETATIVE FUNCTIONING
IN THE ADDRESSEE FIELD****L. G. Kim**

Статья выполнена при поддержке гранта Минобрнауки № 16.740.11.0422 "Обыденная семантика лексики русского языка: теоретическое и лексикографическое исследование".

В статье рассматривается модель интерпретационного функционирования текста в процессе его восприятия адресатом, вводятся единицы, позволяющие описать этот процесс, рассматривается их статус как единиц языка и речи.

The article deals with the model of the text interpretative functioning in the process of perception by the addressee. The units describing this process are introduced, their status as language and speech units is determined.

Ключевые слова: интерпретация текста, интерпретируемый текст, интерпретирующий текст, смысловая версия, семантизация, функция языковой единицы.

Keywords: interpretation of the text, an interpreted text, an interpreting text, sense version, semantization, the language unit function.

Вводные замечания

Задачей настоящей статьи является исследование функционирования текста в рецептивном пространстве интерпретатора и выделение единиц, позволяющих адекватным образом представить такое описание.

Согласно современным коммуникативно-прагматическим концепциям функционирования текста, его природа имеет амбивалентный характер. С одной стороны, текст есть результат смыслоплощающей деятельности автора, с другой – текст представляет собой объект интерпретационной деятельности субъекта-адресата. Исходя из этого положения, традиционно представляемую триаду «автор – текст – адресат» мы предлагаем развернуть в коммуникативную цепочку:

Автор → Текст автора →

Текст субстанц. → Адресат → Текст адресата, где ТЕКСТ *автора* представляет собой объект и результат смыслоплощающей и текстопорождающей деятельности автора; ТЕКСТ *субстанциальный* – это текст как некая субстанция в совокупности его признаков (целостность, структурированность, когезия, когерентность, семиотичность, полиинтерпретируемость и т. д.), т. е. текст как потенциальный субъект смыслопорождения и потенциальный объект восприятия и интерпретации; ТЕКСТ *адресата* – это текст, представляющий собой результат интерпретационно-семантизирующей деятельности, осуществляемой адресатом при восприятии текста.

Данная схема иллюстрирует, с одной стороны, амбивалентную природу текста, а с другой – самостоятельность, активность и креативность рецептивной деятельности адресата, носящей интерпретационный характер.

Интерпретация как процесс представляет собой когнитивную (ментально-языковую) деятельность, сущность которой заключается в «смыслосчитывании», или *распредмечивании*, т. е. процессе, при ко-

тором содержание (смысл) языкового выражения (предмета) становится достоянием субъекта-интерпретатора, и *смыслопостроении*, или *опредмечивании*, т. е. процессе, при котором содержание (воспринимаемый смысл) получает языковое воплощение [3, с. 31]. Иными словами, разрабатываемая нами концепция рассматривает интерпретацию как процесс последовательного перехода от текста к смыслу, зафиксированному в форме текста, т. е. реализацию модели «Текст – смысл – текст».

Интерпретационный процесс осуществляется по вариативно-смысловой модели и имеет своим результатом множественность и вариативность смысловых версий интерпретируемого текста.

Исследование смыслового потенциала текста и особенностей его реализации в коммуникативном пространстве интерпретатора предполагает обращение к основным единицам, позволяющим представить текст как способ проявления смысла и особенности его вариативно-интерпретационного функционирования.

В лингвистической науке единицы языка и языкового устройства исследованы в разных аспектах и достаточно детально. Собственно, сама лингвистика базируется на изучении языка как системно-структурного образования, предполагающего классификацию его элементов и распределение их по крупным классам или уровням с выявлением особенностей их семантики и функциональной предназначенности. Такой принцип, постулирующий взаимосвязь системно-структурного и функционального подходов на пути познания сущности изучаемого объекта, соответствует внутренней логике научного познания: «Бесконечное углубление в сущность объекта идет от функции к структуре, от нее – к более глубокой функции и т. д.» [5, с. 173].

Лингвистическая традиция изучения языковых единиц складывалась в направлении «от единицы языка – к функции», на основании чего выделяются

фонема как дифференцирующая и отождествляющая единица языка, слово как основная номинативная единица и т. д. При этом именно аспект изучения языка в значительной степени определяет его результат (ср., например, систему поуровневых единиц Э. Бенвениста [1], в основе которой лежит иерархический принцип).

Описание функционирования текста в коммуникативном пространстве реципиента предполагает использовать принципиально иной подход – «от функции к единице» – и тем самым актуализировать функциональную сущность языка (ср., например, разработанную Д. Г. Богушевичем [2] систему языковых единиц, в основе которой лежит функциональный принцип). В данной работе под функцией языковой единицы понимается «свойственная ей в языковой системе способность к выполнению определенного назначения и к соответствующему функционированию в речи; вместе с тем функция – результат функционирования, т. е. реализованное назначение, достигнутая в речи цель» [11, с. 8]. Подход к языку как функциональной системе позволяет среди многообразия языковых функций, описанных, в частности, в работах [7, с. 136 – 144; 10, с. 340 – 353; 12, с. 30 – 37; 13, с. 372 – 377; 14 и др.], выделить *интерпретационную*, сущность которой заключается в семантизации языковых знаков, или, точнее, в приписывании значений и смыслов языковым знакам (единицам). Эта функция языка проявляется в следующей парадигме: «означающее – означаемое», «знак – знак», «интерпретатор – знак» – и демонстрирует такие свойства языковых единиц, как *самоинтерпретируемость, взаимоинтерпретируемость, интерпретируемость*. Указанные свойства проявляются в способности формы языкового знака выражать некий смысл, в способности знаков интерпретировать друг друга и в способности языковой личности интерпретировать знаки. При этом каждое из названных свойств языковой единицы и языка в целом обнаруживает себя в потенциальной вариативности результата интерпретации, т. е. в объективной способности одной единицы выражать множество смыслов.

Подход «от функции к единице» позволяет говорить о том, что интерпретационная функция, коррелирующая с соответствующими свойствами языковых единиц, и особенности деятельности носителей языка, в том числе деятельности по осуществлению ментально-рецептивного процесса, имеет собственно языковой статус и языковые единицы ее онтологизации. Такой единицей, предназначенной для выполнения интерпретационной функции, является *интерпретирующий текст*. Тем самым актуализируется мысль о том, что при выделении языковых единиц следует исходить не только из представления о языке как вторичной материальной системе, некоем целостном объекте [8], его уровневой стратификации (языковой уровень – единица языка) [1], но и языке как функциональной системе. Именно функциональный подход позволяет говорить о наличии функциональных единиц

языка, среди которых выделяется интерпретирующий текст.

При описании этой единицы возникает несколько вопросов и прежде всего вопрос о ее статусе как единицы онтологического или гносеологического порядка. Далее ставится вопрос о форме и способах ее онтологизации и, наконец, признав эту единицу языковой, необходимо, согласно лингвистической традиции, соотнести ее, с одной стороны, с соответствующей единицей речи, т. е. разграничить единицы этического и эмического уровня, а с другой стороны, – ввести в соответствующий парадигматический ряд.

Интерпретирующий текст как онтологическая и гносеологическая единица

Согласно нашей концепции, интерпретирующий текст – это единица языка как функциональной системы, а следовательно, является единицей онтологического типа. Вместе с тем это единица описания функционирования языка, единица, позволяющая адекватным образом представить модель языка как функциональной системы, а следовательно, это единица гносеологическая. Отмеченная амбивалентность интерпретирующего текста как онтолого-гносеологической единицы не противоречит, а, напротив, соответствует свойствам других единиц языка, так в частности, фонема признается единицей фонетической системы языка – онтологический статус – и единицей описания фонетической системы языка – гносеологический статус. Об антиномии онтологического и гносеологического пишет Н. Д. Голев, рассматривая ее проявление при исследовании, в частности, метаязыкового сознания, которому автор придает онтолого-гносеологический статус, доказывая тезис о диалектическом взаимодействии языковой онтологии и гносеологии [6].

Как онтологическая единица языка интерпретирующий текст в эксплицитном варианте имеет определенные структурно-семантические и функционально-прагматические особенности и воплощается обычно в виде высказывания (суждения), представляющего собой умозаключение, логический вывод о содержании интерпретируемого текста.

Рассмотрим эти особенности на материале интерпретирующих текстов, полученных в результате лингвистического эксперимента семантизирующего типа. Участникам эксперимента предлагался следующий текст, выполняющий функцию *интерпретируемого*:

Места для пассажиров с детьми и инвалидов

При проведении эксперимента его участники должны были ответить на вопрос: *Как Вы поняли смысл данной фразы?* В результате эксперимента было получено 60 метатекстовых реакций, выполняющих функцию *интерпретирующего текста*, которые можно объединить в несколько групп с учетом их формально-смысловой дифференциации. Интерпретируемый текст детерминирует следующие интерпретирующие тексты:

(1) Места, по всей видимости, в автобусе, предназначенные для детей и инвалидов. И дети приравниваются к инвалидам; Что на этих местах должны сидеть дети и инвалиды;

(2) Эту надпись часто встречаешь в общественном транспорте. Она означает, что предназначенные для этой социальной группы, не должны быть заняты другими взрослыми и физически здоровыми людьми;

(3) Фраза эта из общественного транспорта, значит некоторые места предназначены для детей и инвалидов, если они заняты, надо освободить их, если они есть, эти люди в данном транспорте. Их можно занять в том случае, если места свободны, и нет этих людей;

(4) Это значит, что на данных местах должны сидеть вышеуказанные лица (в общественном транспорте и т. д.). Если это место занято вами, вы должны уступить; Эти места предназначены для детей и инвалидов, если в салоне окажутся дети и инвалиды, пассажир, сидящий на этих сиденьях, должен уступить место; Смысл в том, что если мы видим эту фразу, скажем, в общественном транспорте, мы должны уступить место. Инвалидам из-за их физических недостатков, а детям из-за того, чтобы ребенок не травмировался в транспорте; Необходимо как минимум уступить место таковым, как максимум – не занимать их; При появлении детей и инвалидов в общественном транспорте, занимаемое место необходимо уступить. Оно наиболее приспособлено для данных категорий людей;

(5) Предполагается места для малых детей с мамами и инвалидов, которые тяжело больные (в эту категорию входят и пожилые, и ветераны и т. д.);

(6) Первое, что приходит на ум, это места в общественном транспорте, на которых обычно сидят граждане, не подходящие под данную категорию;

(7) Здоровым не садиться;

(8) Предупреждение, ограничение;

(9) Надпись в автобусе над креслами.

Как видим, интерпретирующий текст эксплицитно (1 – 6) или имплицитно (7 – 9) содержит маркеры, позволяющие говорить о том, что перед нами логическое следствие, импликатура интерпретируемого текста. К числу таких маркеров относятся элементы: [эта надпись] означает; значит; это значит; предполагается; первое, что приходит на ум и т. п. В 7 – 9 фразах маркер импликатуры содержится в свернутой, имплицитной форме.

В **структурно-семантическом аспекте** об интерпретирующем тексте следует говорить как о бинарной структуре: в первой части излагается содержание интерпретируемого текста, а во второй – толкование этого содержания. При этом каждая из частей может быть представлена в большей или меньшей степени развертывания / свертывания, в том числе в имплицитной форме, а также в большей / меньшей степени копирования / креативности.

Например, (7) Эти места предназначены для детей и инвалидов, || если в салоне окажутся дети и инвалиды, пассажир, сидящий на этих сиденьях, должен уступить место;

(8) Смысл данной фразы я понимаю в том, что в любом виде общественного транспорта существуют такие места, которые предназначены для детей и инвалидов, || и которые не могут занимать другие дееспособные люди;

(9) Смысл в том, что если мы видим эту фразу, скажем, в общественном транспорте, || мы должны уступить место. Инвалидам из-за их физических недостатков, а детям из-за того, чтобы ребенок не травмировался в транспорте.

Кроме того, о структуре интерпретирующего текста можно говорить в аспекте его актантно-предикатной организации, где объект составляет содержание интерпретируемого текста, а предикат – суждение о нем.

Например, (10) Фраза обозначает предназначенность мест для определенных лиц, т. е. ограничение.

Онтологию отношений интерпретируемого и интерпретирующего текста можно описать и в деривационном аспекте, рассматривая интерпретирующий текст как результат преобразования – деривации – интерпретируемого текста по принципу метонимических отношений: часть содержания интерпретируемого текста сохраняется в содержании интерпретирующего текста. Например, (11) То есть эта фраза говорит о том, что места в общественных транспорте для лиц, подходящих под эти параметры должны освобождаться по первому требованию.

Интерпретирующий текст, рассматриваемый в **функционально-прагматическом аспекте**, обнаруживает бинарную тема-рематическую организацию, где тему составляет содержание интерпретируемого текста, а реме – суждение о его содержании.

Так, первая часть интерпретирующего текста (12) Это места в транспорте, || которые дееспособные граждане должны уступать им, являясь его темой, по сути, в свернутом виде отражает содержание интерпретируемого текста, т. е. представляет собой данное, известное из содержания предшествующего текста, а вторая часть – рема – представляет собой новую информацию, актуальную.

Следует подчеркнуть, что интерпретирующий текст, как компонент речевого акта, способствует продвижению коммуникативного процесса и обеспечению успешности коммуникативного взаимодействия. С одной стороны, содержание интерпретирующего текста отражает информацию о том, как адресат понимает коммуникативную сущность интерпретируемого текста и интенциональность его автора, т. е. информацию об иллокутивном значении интерпретируемого текста. Содержание интерпретирующего текста позволяет автору судить о перлокутивном эффекте его высказывания («меня правильно / неправильно поняли») – перлокуцию

автора. С другой стороны, содержание интерпретирующего текста отражает коммуникативное удовлетворение / неудовлетворение адресата от результата речевого взаимодействия («я понял / я не понял»), его представлений о соответствии / несоответствии формы и содержания языкового выражения («ясно / неясно»), о гармонии формально-смысловой структуры высказывания («удачно / неудачно»). Результат коммуникативного процесса, рассматриваемый в этом аспекте, следует оценивать как перлокуцию адресата. При этом одному и тому же интерпретируемому тексту соответствует множество интерпретирующих текстов, т. е. одно иллокутивное значение, получающее закрепление в виде интерпретируемого текста, соотносится с множеством интерпретирующих текстов, репрезентирующих соответственно разнообразное множество перлокутивных эффектов адресата. Это множество (здесь удачной представляется метафора – *веер*) перлокутивных эффектов задается адресатом. Пространство адресата – это та среда, где создается и функционирует веер интерпретирующих текстов.

Интерпретирующий текст как единица языка и речи

Единицу интерпретационного функционирования текста следует рассматривать, согласно лингвистической традиции, на уровне языка и речи, т. е. дифференцировать единицы «эмического» и «этического» уровня, и поэтому такую единицу, как интерпретирующий текст, необходимо рассмотреть и терминологически дифференцировать на уровне языка и на уровне речи, а также представить отношения этих единиц как корреляцию инварианта – вариантов. Далее, проецируя базовые постулаты системной вариантологии в сферу интерпретационного функционирования текста, следует вести речь о двух тесно связанных между собой, но тем не менее различных оппозициях. Одна из них репрезентирует аспект «абстрактное – конкретное», другая – аспект «тождество – различие».

Под единицей интерпретационного функционирования текста на «эмическом» уровне мы понимаем инвариант (абстрактную модель), который существует в отвлечении как от субъекта, так и от речевого воплощения его деятельности. В своем идеальном функционировании он обеспечивает неосознаваемую, автоматическую интерпретацию. Как языковая единица, в таком функционировании он выполняет интерпретирующую (семантизирующую) функцию, в результате чего обеспечивается ход (продвижение) и исход (коммуникативное удовлетворение) речевого акта.

Учитывая традиции в области лингвистической терминотерминологии наименований «эмических» единиц (*фонема, лексема, морфема, информема* [9], *ситуатема* [4]), а также ее содержательную сущность, описываемую нами единицу интерпретационного функционирования текста можно назвать **интерпретатемой**. Этот термин, с одной стороны, подчеркивает языковой статус единицы и ее онтоло-

гические свойства, а именно – интеграционную сущность: интерпретатема как объединение потенциальных интерпретаций текста по аналогии, например, с фонемой как звукотипом, объединением звуков, лексемой как совокупностью лексико-семантических вариантов и т. д. В этом смысле любой текст есть носитель свойства интерпретируемости и множественного смыслового потенциала и, следовательно, является интерпретатемой. С другой стороны, термин интерпретатема подчеркивает функциональную сущность языковой единицы – служить средством интерпретации текста.

Под **интерпретатемой** предлагается понимать виртуальную языковую единицу, выполняющую интерпретационную функцию, которая представляет собой обобщенную множественность вариантов диктумно-модусных смыслов интерпретируемого текста. Ее функционирование в речи обуславливается онтологическим статусом текста как носителя потенциала интерпретационного функционирования и, следовательно, фактиса коммуникативного процесса. В плане содержания интерпретатема представляет собой пучок смыслов (диктумов и модусов). И в этом плане она обнаруживает такие же принципы организации, как и другие типы языковых единиц: фонема как пучок дифференциальных признаков, обобщающий конкретные (в том числе варианты) ее проявления в речи, лексема как абстрактная совокупность словоупотреблений (в том числе лексико-семантических вариантов).

Интерпретатема как виртуальная языковая единица в ходе рецептивно-интерпретационного процесса реализуется в виде объективно-идеальной (смысловой) и объективно-материальной речевой сущности, т. е. единицы «этического» уровня. Для обозначения этой единицы предлагается использовать термины **интерпретата**, или **смысловая версия**. Первый из терминов подчеркивает ее речевой статус, коррелируя с другими единицами «этического» уровня (лекса, морф), а второй – актуализирует ее онтологические, содержательные свойства.

Смысловая версия – моделируемая речевая единица. Она, подобно лексико-семантическому варианту слова, извлекается из интерпретируемого текста в результате речевой интерпретационной деятельности реципиента, опирающейся на интерпретационные фреймы языкового сознания; смысловая версия воплощается в форме интерпретирующего текста.

Возвращаясь к приведенному выше примеру, можно говорить о том, что данный интерпретируемый текст реализуется совокупностью интерпретирующих текстов, которые на языковом уровне представляют собой интерпретатему как объединение интерпретат, или смысловых версий. В результате лингвистического эксперимента мы выявили 12 интерпретат.

Таким образом, интерпретатема и интерпретата находятся в оппозиции «потенциальное – реальное»; первая из указанных единиц представляет собой отвлеченное от конкретного речевого воплощения объ-

единение – веер – интерпретат как совокупности относительно однородных смысловых версий, получивших конкретное воплощение в рецептивном языковом процессе. Рассматривая отношения инварианта – варианта интерпретатемы и интерпретаты на оси «потенциальное – реальное», можно провести аналогию с другими языковыми единицами, например, отношения между лексемой и лексой (лексико-семантическим вариантом), морфемой и алломорфом.

Литература

1. Бенвенист, Э. Общая лингвистика / Э. Бенвенист. – М.: Прогресс, 1974. – 448 с.
2. Богушевич, Д. Г. Единица, функция, уровень: к проблеме классификации единиц языка / Д. Г. Богушевич. – Минск: Вышэйшая школа, 1985. – 118 с.
3. Демьянков, В. З. Интерпретация // Краткий словарь когнитивных терминов / Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков и др.; под общ. ред. Е. С. Кубряковой. – М., 1996.
4. Лебедева, Н. Б. Полиситуативность глагольной семантики (на материале русских префиксальных глаголов) / Н. Б. Лебедева. – Томск: ТГУ, 1999. – 262 с.
5. Новик, И. Б. Логика научного познания и метод моделирования / И. Б. Новик, Н. М. Мамедов, Н. А. Давтян // Философско-методологические основания системных исследований: системный анализ и системное моделирование. – М.: Наука, 1983.
6. Обыденное метаязыковое сознание: онтологические и гносеологические аспекты. Ч. 1: коллективная монография / отв. ред. Н. Д. Голев. – Кемерово; Барнаул: АГУ, 2009. – 532 с.
7. Слюсарева, Н. А. Методологический аспект понятия функции языка / Н. А. Слюсарева // Известия АН СССР. Сер. Литературы и языка. Т. 38. – 1979. – № 2.
8. Солнцев, В. М. Язык как системно-структурное образование / В. М. Солнцев. – М.: Наука, 1977. – 342 с.
9. Сорокин, Ю. А. Психолингвистические аспекты изучения текста / Ю. А. Сорокин. – М.: Наука, 1985. – 151 с.
10. Степанов, Ю. С. Семиологическая структура языка (три функции и три формальных аппарата языка) / Ю. С. Степанов // Известия АН СССР. Сер. Лит. и яз. Т. 32. – 1973. – № 4.
11. Теория функциональной грамматики: Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис / отв. ред. А. В. Бондарко. – Л.: Наука, 1987. – 347 с.
12. Шведова, Н. Ю. Один из путей построения функциональной грамматики русского языка / Н. Ю. Шведова // Проблемы функциональной грамматики. – М.: Наука, 1985.
13. Якобсон, Р. О. Разработка целевой модели языка в европейской лингвистике в период между двумя войнами / Р. О. Якобсон // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 4. – М.: Прогресс, 1965.
14. Halliday, M. A. K. System and function in language // Halliday M. A. K. Selected papers. – London, 1976. – 250 p.

УДК 821.161.1 Рождественский

ОБРАЗ ИННОКЕНТИЯ АННЕНСКОГО В ЛИРИКЕ Вc. РОЖДЕСТВЕНСКОГО

Н. В. Налезах

THE IMAGE OF I. ANNENSKY IN THE LYRICS OF Vs. ROZHDESTVENSKY

N. V. Nalegach

В статье рассматривается воплощенный в лирике Вc. Рождественского образ И. Анненского как Царско-сельского лебедя, учителя поэтов, связующего звена в непрерывной цепи русских поэтов. Анализ стихотворений Вc. Рождественского «Сквозь падающий снег над будкой с инвалидом...» (1921), «На книге «Тихие песни» Ин. Анненского» (1924), «Музыка в Павловске (Девятисотые годы)» (1929), «Город Пушкина» (1973) и «Иннокентий Анненский (Две тени)» (1976) позволяет утверждать, что его авторский миф об И. Анненском является продолжением мифопоэтического образа этого поэта, созданного в творчестве акмеистов.

Image of I. Annensky created in the lyrics of Vs. Roshdestvensky in analysed in this article. In Vs. Roshdestvensky's lyrics I. Annensky is shown as a teacher of poets and "tzarskoselacky swan" who tied his creativity the Russian poetry of XIX – XX centuries. The analysis of Vs. Roshdestvensky's poems allows to affirm that his author's myth about I. Annensky is continuation of mythopoetic image of this poet created in the poetry of acmeists.

Ключевые слова: И. Анненский, Вc. Рождественский, поэтический диалог, мифопоэтический образ.

Keywords: I. Annensky, Vs. Roshdestvensky, poetic dialogue, mythopoetic image.

Всеволод Рождественский, подобно Н. Гумилеву учился в Царско-сельской Николаевской мужской гимназии (до тех пор, пока директором в ней оставался И. Анненский), чем в определенной степени объясняется его внимание к поэзии И. Анненского и к поэтическому мифу о Царском Селе. На взаимо-

связь царско-сельской темы с образом И. Анненского в поэзии Вc. Рождественского указала в своей монографии А. Г. Разумовская [10, с. 78 – 80]. Сам Рождественский неоднократно подчеркивал важную роль, которую сыграл Анненский в его самоопределении: «Рос я в педагогической семье, которой

близки были литературные интересы, в парках окружал меня воздух, которым дышали поэты пушкинской плеяды и последующих поколений, а директором гимназии был Иннокентий Анненский. Казалось, сама судьба предопределила мне быть убежденным филологом» [10, с. 45]. Слитность царскосельских переживаний с образом И. Анненского и его стихами в восприятии Рождественского отмечалась и мемуаристами. Так, Л. Вышеславский вспоминал о поездке с Вс. Рождественским в г. Пушкин (Царское Село) и о том, как зашла речь об Анненском: «Да, Иннокентий Анненский до сих пор остается моим учителем, определившим мою поэтическую судьбу... Теперь нас сопровождали уже не отрывки из прозы Достоевского, а стихи Анненского, которые вспоминались почти на каждом шагу. Поводов для их чтения наизусть было много» [5, с. 223 – 224]. О столь же высокой оценке поэзии Анненского Рождественским пишет и В. Дитц: «Однажды в редакции журнала «Нива», когда рабочий день уже кончился, мы – несколько сотрудников журнала – попросили рассказать Всеволода Александровича о тех старых поэтах, которых ему довелось видеть еще до революции, в годы своей юности. Всеволод Александрович сразу вспомнил Иннокентия Анненского – поэта, которого он необыкновенно высоко ценил» [7, с. 243].

Войдя в литературу в 1910-е годы, Вс. Рождественский посещал заседания «Цеха поэтов», что также способствовало восприятию идеи о том, что И. Анненский предопределил пути исканий для новых поэтов, не желающих становиться эпигонами символистов. Этот интерес к поэзии и личности И. Анненского Вс. Рождественский сохраняет на протяжении всей творческой эволюции, о чем свидетельствует целый ряд стихотворений, в которых поэт изображает И. Анненского: «Сквозь падающий снег над будкой с инвалидом...» (1921), «На книге «Тихие песни» Ин. Анненского» (1924), «Музыка в Павловске (Девятисотые годы)» (1929), «Город Пушкина» (1973) и «Иннокентий Анненский (Две тени)» (1976). Благодаря включенности в миф о Царском Селе у Вс. Рождественского И. Анненский изображен в широком историко-культурном контексте, вместе с образами других поэтов, прежде всего, А. С. Пушкина и А. А. Ахматовой.

Так, в стихотворении «Сквозь падающий снег над будкой с инвалидом...» во второй строфе образ Анненского призван прояснить лирическому герою его самого, выступает в роли идеала: «Рожденный в сих садах, я древних тайн не выдам. / (Умолкнул голос муз и Анненского нет...) / Я только и могу, как строгий тот поэт, / На звезды посмотреть и «все простить обидам» [11, с. 67]. В комментариях к стихотворению по поводу заковыченной цитаты сказано: «Возможна реминисценция двух стих. Анненского: оригинального («Рассе». Статуя мира») и перевода из Гейне «Ich grolle nicht...», начинающегося строкой: «Я все простил: простить достало сил...» [11, с. 512]. Можно добавить, что стихотворение Анненского «Рассе. Статуя мира» входит в «Трилистник в парке», и Рождественский в своем

стихотворении также обращается к стихотворению Анненского «Бронзовый поэт» из того же «трилистника». На это указывает и сонетная форма обоих стихотворений, и перекличка двух финальных строф стихотворения Рождественского со всем строем и образной системой стихотворения Анненского. Мотивы воспоминаний в вечернем парке, оживших чувств приводят к образу ожившей статуи, что более проявлено у Анненского: «И стали – и скамья и человек на ней / В недвижном сумраке тяжеле и страшней. / Не шевелись – сейчас гвоздики засверкают, // Воздушные кусты сольются и растают, / И бронзовый поэт, стряхнув дремоты гнет, / С подставки на траву росистую прыгнет» [1, с. 122], и менее заметно у Рождественского: «Воспоминаньями и рифмами томим, / Над круглым озером мятется лунный дым, / В лиловых сумерках уже сквозит аллея, // И вьюга шепчет мне сквозь легкий лыжный свист, / О чем задумался, отбросив Апулея, / На бронзовой скамье кудрявый лицеист» [11, с. 67]. В стихотворении Рождественского на первый план выходит ситуация воспоминания-прозрения, перенесения картинки из прошлого в настоящее, возникает ощущение, что Пушкин-лицеист сидит на скамье в парке теперь, и лирический герой его явственно видит. Но подобный прием перенесения прошлого в настоящее внутри того же пространства, в котором по законам мифа все происходит здесь и сейчас, мы могли наблюдать еще в одном царскосельском микроцикле – «В Царском Селе» А. Ахматовой, прежде всего, в стихотворении «Смуглый отрок бродил по аллеям...» (1911). Таким образом, Вс. Рождественский, подобно Н. Гумилеву, вписал образ И. Анненского в «царскосельский» ряд поэтов, среди которых первостепенное значение принадлежит Пушкину и Ахматовой.

В надписи «На книге «Тихие песни» Ин. Анненского» (1924) Вс. Рождественский продолжает развивать миф об Анненском как поэте-царскозеле, связующем своей поэзией времена и передающем дух русской поэзии по наследству, что в финальных стихах выражено мотивом поэтической преемственности лирического героя по отношению к И. Анненскому, мифопоэтически изображенному в образе последнего Лоэнгрин. Начинается стихотворение с противопоставления Анненского современности, окружавшей его, как дерзостного порыва – томлению и скуке: «Когда томили нас Апухтин и «Лакмэ», / Когда на скучный дождь мы выгнали поэму, / Ты первый перевел Стефана Маллармэ / И дерзостным «Никто» назвался Полифему» [11, с. 364].

Упоминание переводов из Стефана Маллармэ как первой заслуги И. Анненского, скорее всего, носит концептуальный характер и раскрывается в контексте спора о влиянии И. Анненского на русскую поэзию, спровоцированного статьей Вяч. Иванова «О поэзии Иннокентия Анненского», написанной как отклик на внезапную смерть И. Анненского в декабре 1909 года и опубликованной в январском номере журнала «Аполлон» за 1910 г. Обозначив поэтический метод И. Анненского как ассоциативный символизм и возведя его к поэтическим откры-

тиям Стефана Маллармэ, Вяч. Иванов практически то отказывает ему в продолжении в современной литературе: «На историческом пути символизма описанный выше метод (преимущественно изобразительный по своей задаче), любимый метод Анненского, кажется почти оставленным...» [8, с. 576], то значительно сужает перспективы его развития в свете лелеемого им идеала соборности, противопоставленного «уединенному сознанию»: «Анненский становится на наших глазах зачинателем того нового типа лирики, нового лада, в котором легко могут выплакать свою обиду на жизнь души хрупкие и надломленные, чувственные и стыдливые, дерзкие и застенчивые, оберегающие одиночество своего заветного уголка, скупые нищие жизни. Их магически пленяет изысканный стиль и стих Анненского, тонкий и надламывающийся, своенравно сотканный из сложных, отреченных гармоний и загадочных антиномических намеков. Уединенное сознание допевает в них свою тоску, умирая на пороге соборности...» [8, с. 586]. В противовес Вяч. Иванову эта же связь с поэзией Стефана Маллармэ была иначе осмыслена в контексте исканий постсимволизма.

Особенно показательна здесь оценка О. Мандельштама, усилившего по отношению к отзыву Вяч. Иванова мотив поэтической дерзости и в противовес ему же подчеркнувшего уникальность поэтической манеры Анненского: «неспособность Анненского служить каким-то бы ни было влиянием, быть посредником, переводчиком, прямо поразительна. Оригинальнейшей хваткой он когтил чужое и еще в воздухе, на большой высоте, надменно выпускал из когтей добычу, позволяя ей упасть самой. И орел его поэзии, когтивший Еврипида, Малларме, Леконта де Лиля, ничего не приносил нам в своих лапах, кроме горсти сухих трав» [9, с. 225]. Учитывая вхождение Вс. Рождественского в русскую литературу в составе постсимволистов, упоминание переводов из Стефана Маллармэ становится определением поэтической манеры И. Анненского. Дерзость этой манеры была воплощена и в духе мифопоэтической образности, заложенной в основе псевдонима, которым подписался И. Анненский при публикации книги «Тихие песни», «Никто». Таким образом, задолго до комментариев Вс. Сечкарева и А. В. Федорова Вс. Рождественский почувствовал взаимосвязь мифа об Одиссее и лирического героя «Тихих песен» Анненского, проник в специфику дерзостного порыва (дерзость Одиссея, бросившего вызов богам в лице сына Посейдона циклопа Полифема), обманно заключенного в классически строгую форму, культ которой был характерен для участников «Цеха поэтов».

Во второй строфе образ Анненского-Лоэнгрин как рыцаря, связанного с таинственным лебедем, соединяясь с образом «Ледина выводка» (Леда, соблазненная Зевсом, принявшим вид лебедя, родила своих сыновей подобно птице), включается в Царскосельский миф о лебедях как духах-покровителях Царского Села и в поэтический миф, восходящий к поэзии Горация о лебедях как душах поэтов. Кроме того, Лоэнгрин – герой одноименной оперы Р. Ваг-

нера становится знаком музыки, любимой И. Анненским. Напомним его высказывание из письма к А. В. Бородину от 15. 06. 1904 г.: «То, что я до сих пор знаю вагнеровского, мне кажется более сродным моей душе, чем музыка Бетховена» [2, с. 349]. Еще более показательно письмо, адресованное Е. М. Мухиной и написанное по-французски от 22.02.1907 г. и переведенное Л. Я. Гинзбург: «Вы говорите мне о Лоэнгрине. Знаете ли Вы, что я думал об этом персонаже (мистическом в большей мере, чем таинственном) и, может быть, в тот самый момент, когда Вы ему аплодировали. В подспорье я захватил с собой из Царского том Зелинского – «Третья книга идей». Заключительная часть ее посвящена Мерлину-волшебнику Иммермана. У меня впечатление, что Зелинский от него в безумном восторге. Судя по его анализу (и, быть может, из духа противоречия), мне не слишком нравится этот мир лебедей и упитанных блондинок с глазами цвета пивной пены. Вагнерианцем же я остаюсь, я им был всегда, и я заранее радуюсь перспективе увидеть «Кольцо» полностью» [3, с. 121 – 122]. Скорее всего, мысли И. Анненского относительно Лоэнгринга оказались достоянием лишь Е. М. Мухиной, иначе вряд ли бы Рождественский сравнил его с этим героем, в то время как его любовь к музыке Р. Вагнера, по всей вероятности, была широко известна среди царскоселов. При этом образ «Последнего Лоэнгринга» хорошо сочетался с гумилевским изображением И. Анненского как «Последнего из царскосельских лебедей». Эти отсылки, соединяясь, позволяют выразить мотив воплощения в образе Анненского духа поэзии одновременно как духа музыки (символично в этом плане заглавие книги стихов, подчеркивающее их музыкальную природу, «Тихие песни»), мотивируя финальное обращение лирического героя стихотворения Рождественского к Анненскому как духу-покровителю поэтов.

Образ Анненского в связи с темой музыки присутствует и в двух строфах стихотворения «Музыка в Павловске (Девятисотые годы)» (1929). Само стихотворение изображает концерт на вокзале, правда в отличие от мандельштамовского решения этой темы, у Рождественского отсутствует эсхатологический мотив. Более того, в его стихотворении, разворачивающемся как воскресшее и воскрешающее воспоминание, утверждается мотив нерасторжимой связи времен, когда прошлое, вызванное не проясненной для самого лирического героя ассоциацией, прорастает в настоящем: «Оранжевая ли роза / В окне кареты и лакей, / Или одышка паровоза / Над влажным гравием аллей, // Густое, свежее пыланье / Дубов и окон на закат, / Или игла воспоминанья, / пруды и стылый листопад? // Не знаю... Шипром и сиренью / По сердцу холод пробежал, / И я вхожу воскресшей тенью / В старинный Павловский вокзал» [11, с. 130].

Само воспоминание отчетливо распадается на две части. В первой из них (строфы 4 – 10-я) в центре воспоминаний публика, собравшаяся на концерт, во второй (строфы 11 – 18-я) – музыка, которая представляет собой не только музыкальные

произведения Баха, Шуберта, Глинки, Бородина, но также звуки и ритмы окружающего мира и в целом – эпохи: «Уже летают паутинки, / И осень века вплетена / В мигрень Шопена, голос Глинки, / В татарщину Бородина» [11, с. 131]. Под стать музыке и оркестр, состоящий не только из музыкальных инструментов, но и звучащих реалий эпохи: «О, флейты Шуберта! С откоса / Сквозь трубы и виолончель / Летите в мельничьи колеса, / Где лунно плещется форель, // <...> // Уже летит по ветру роза / И ниже клонятся весы, / А дымный отклик паровоза / Вступает в Баховы басы» [11, с. 131 – 132].

Интересно, что строфы, в которых изображен И. Анненский, завершают собой галерею собравшихся на концерт людей и находятся в непосредственной близости со строфами, в которых изображена набирающая силу музыка. Представляется, что в таком композиционном решении Рождественский отразил двойственность восприятия И. Анненского современниками, которую в мемуарах он выразил следующим образом: «...самому Иннокентию Федоровичу заявлять о себе как поэте в директорском звании было бы неловко» [12, с. 408]. Этой же двойственностью положения Анненского в глазах окружающих Вс. Рождественский объяснял в тех же мемуарах псевдоним «Никто», поэтически актуализированный им в стихотворной надписи 1924 года «На книге «Тихие песни» Ин. Анненского»: «...в самом псевдониме таилось некоторое ироническое лукавство, понятное лишь читателю, знакомому с античной мифологией. На обложке, как имя автора, стояло: «Ник. Т – о». В слитном чтении получалось «Никто» – перевод древнегреческого «Утис». А таким именем назвал себя на вопрос страшного Циклопа хитрый и предусмотрительный Одиссей. <...> Ин. Анненский воспользовался этим мифом, очевидно, потому, что, не рассчитывая на добрый прием своих «декадентских стихов» в среде ведомственных циклопов Министерства Народного Просвещения» [12, с. 408]. В стихотворении, где И. Анненский изображен как директор, поэтическая часть его души передана через соседство с темой музыки: «Лицеем занят левый сектор, / Правей гусары, «свет», а там / Средь бальных платьев мой директор, / меланхоличен, сух и прям. // Он на поклон роняет веки / И, на шнурке качнув лорнет, / Следит за облаком на треке / Под романтический септет» [11, с. 130 – 131]. Показательно легкое смещение реалий (гимназия названа в стихотворении лицеем), устанавливающее преемственность Царскосельской Николаевской мужской гимназии по отношению к пушкинскому Лицею, что усиливает мотив связи времен и подчеркивает мотив включенности лирического героя в цепь поколений поэтов-царскоселов.

Восприятие Анненского как незаменимого звена в цепи русских поэтов, унаследовавших дух самой сути русской культуры, воплощенный в поэзии А. С. Пушкина, сохранится на протяжении всего творчества Вс. Рождественского. Так, символично явлен образ Царского Села – Пушкина в стихотворении «Город Пушкина» (1973): «Нет, не мог он остаться в былом! / Неподвластный обычным законам,

/ Бывший некогда Царским Селом, / Стал он царственных муз пантеоном» [11, с. 316]. Образ города как пантеона муз во второй строфе развивается в образ города, выстоявшего в огне Великой Отечественной войны, что соотносится не только с реальной историей, но и оказывается свойством, которое приобретает реальное пространство под воздействием сферы искусства, отражая античное понимание: жизнь коротка – искусство вечно. Этим обусловлен мотив возрождения города как приюта муз в третьей строфе, в которой также появляется мотив непрерывности служения русских поэтов искусству: «Но над пеплом есть праведный суд, / И ничто не уходит в забвенье. / Музы, в свой возвращаясь приют, / За собою ведут поколения» [11, с. 317].

Заявленный в третьей строфе мотив возрождения из пепла органично в следующих строфах ведет за собой образ Сада, который в четвертой строфе изображен как связующее звено между миром земным и идеально-поэтическим: «Сколько струн, незабвенных имен / Слышно осенью в воздухе мгlistом, / Где склоняются липы сквозь сон / над бессмертным своим лицеем!» [11, с. 317]. Сад, явленный как поэтический Элизиум в пятой строфе, наполняется легкими тенями Анненского в шестой строфе, Ахматовой – в седьмой и Пушкина – в восьмой заключительной. Тем самым Вс. Рождественский обыгрывает смену названия города, усилившую в нем мотив колыбели и храма русской поэзии, ее живительного и неуничтожимого истока, что в последней строфе не случайно отражено в соединении образа юности Пушкина с фонтаном, им воспетым, из которого теперь «кастальская льется струя» [11, с. 317].

Возвращаясь к образу Анненского, отметим соединение реального и поэтического слоев смысла в его изображении: «На любимой скамье у пруда / Смотрит Анненский в сад опущенный, / Где дрожит одиноко звезда / Над дворцом и Кагульской колонной» [11, с. 317]. С одной стороны, Рождественский показывает его возвратившимся на свою любимую скамью у пруда, которая упоминалась не только в воспоминаниях об Анненском, но и к тому моменту уже была опозитивирована в стихотворении Н. Гумилева «Памяти Анненского». Таким образом, можно предположить, что для посвященных в стихотворение вводится еще одна «тень» Царскосельского поэта – Н. С. Гумилева, прямое пиететное упоминание которого вряд ли было возможным в 1970-е годы. С другой стороны, образ дрожащей одинокой звезды одновременно соединяет план реальной действительности с поэтической реальностью Анненского, особенно с его образом единственной звезды из стихотворения «Среди миров», которое неоднократно отразилось в разных стихотворениях Вс. Рождественского. Таким образом, в этом стихотворении акцент в изображении Анненского сделан на его неотъемлемую принадлежность к пантеону муз русской поэзии.

В стихотворении «Иннокентий Анненский (Две тени)» цепь поколений поэтов вновь обретает вид Пушкин – Анненский – Ахматова: «Ахматовой учи-

телем он был, / Он вел ее на строгие ступени / Под сводом лип и пушкинской сирени...» [11, с. 350]. Анненский передает Ахматовой «старинное кольцо»: «В него не камень вставлен, а печать / Из темных недр откопанного века / С двустилием неведомого грека: / «Цени слова, но дай им срок молчать». / Она подарок вещей приняла / С крупницею античной горькой соли...» [11, с. 350]. Образ подарка-перстня размыкает ряд поэтов в бесконечную перспективу веков и пространств, позволяет представить Царское Село как «пространство мировой культуры», «колыбель русской поэзии», наследующее европейскую культуру от античности.

Возможно, мотив передачи дара в образе перстня навеян поэзией А. Ахматовой, в первую очередь, ее стихотворением «Сказка о черном кольце» (1917 – 1936): «И, простивши нрав мой вздорный, / Завещала перстень черный. / Так сказала: «Он по ней, / С ним ей будет веселей» [4, с. 305]. В этом стихотворении перстень означает духовное соединение, лирическая героиня отдает его – как свою душу, полюбившемуся герою. В свою очередь, мотив передачи перстня означает отказ от свободного состояния души к плененному, что могло вводить биографический подтекст взаимоотношений с Н. Гумилевым, хотя в реальной действительности перстень был подарен не ему, а Б. Анрепу (история передачи перстня излагается в комментариях Н. В. Королевой к этому стихотворению А. Ахматовой [4, с. 841]). Указанный мотив встречается и в стихотворении Н. Гумилева «Пять могучих коней мне дарил Люцифер...», которое сначала было опубликовано в сборнике «Путь конквистадоров» (1905), а затем и в «Романтических цветах» (1908). Если учесть, что сборник «Романтические цветы» был посвящен А. А. Горенко и что в поэзии Гумилева она часто изображалась в ореоле лунных и водных мотивов, то несомненно, что «дева Луны» имеет биографическим прототипом А. Ахматову. Интересно, что и у Гумилева, и у Ахматовой мотив передачи кольца сопровождается мотивами утраты и отчаяния. У Гумилева: «И я отдал кольцо этой дева Луны / За неверный оттенок разбросанных кос. / И, смеясь надомной, презирая меня, / Мои взоры одел Люцифер в полутьму, / Люцифер подарил мне шестого коня, / И Отчаянье было названье ему» [6, с. 100]; у Ахматовой: «И, придя в свою светлицу, / Застонала хищной птицей, / Повалилась на кровать / Сотый раз припоминать: / Как за ужином сидела, / В очи темные глядела, / Как не ела, не пила / У дубового стола, / Как под скатертью узорной / Протянула перстень черный, / Как взглянул в мое лицо, / Встал и вышел на крыльцо» [4, с. 307].

Богатейший комплекс реминисценций, связанных с мотивом передачи перстня-дара, позволяет Вс. Рождественскому не только включить своим стихотворением в контекст мифа об Анненском как о царскосельском поэте, выросшем из русской ко-

лыбели поэзии, унаследовавшей античный дух, но и переосмыслить поэтическое высказывание Н. Гумилева: «последний из царскосельских лебедей». По Рождественскому, ряд размыкается дальше в XX век, за Анненским следует Ахматова, что позволяет Рождественскому представить Анненского как учителя поэтов. Неразрывная связь Анненского с поэтической мифологией Царского Села и мотив наставничества поэтов последовательно воплощается во всех рассмотренных стихотворениях Вс. Рождественского.

Литература

1. Анненский, И. Ф. Стихотворения и трагедии / И. Ф. Анненский; [вступ. ст., сост., подгот. текста, примеч. А. В. Федорова]. – Л., 1990. – (Библиотека поэта. Большая серия).
2. Анненский, И. Ф. Письма. В 2-х т. / И. Ф. Анненский [сост., предисл., коммент. и указатели А. И. Червякова]. – Т. 1. 1879 – 1905. – СПб, 2007.
3. Анненский, И. Ф. Письма. В 2-х т. / И. Ф. Анненский [сост., предисл., коммент. и указатели А. И. Червякова]. – Т. 2. 1906 – 1909. – СПб, 2009.
4. Ахматова, А. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 1. / А. А. Ахматова; [сост., подгот. текста, коммент., ст. Н. В. Королевой]. – М., 1998.
5. Вышеславский Л. Отлитый в слово / Л. Вышеславский // О Всеволоде Рождественском: Воспоминания. Письма. Документы / сост. В. Б. Азаров, Н. В. Рождественская. – Л., 1986.
6. Гумилев, Н. Собрание сочинений: в 3 т. Т. 1. / Н. Гумилев; [сост. и коммент. И. А. Панкеев]. – М., 2000.
7. Дитц, В. Памятные беседы / В. Дитц // О Всеволоде Рождественском: Воспоминания. Письма. Документы / сост. В. Б. Азаров, Н. В. Рождественская. – Л., 1986.
8. Иванов, Вяч. О поэзии Иннокентия Анненского / Вяч. Иванов // Иванов Вяч. Собрание сочинений: в 4 т. Т. 2. / Вяч. Иванов; под ред. Д. В. Иванова и О. Дешарт. – Брюссель, 1974.
9. Мандельштам О. Собрание сочинений: в 4-х т. Т. 1. / О. Э. Мандельштам; [сост. П. Нерлер, А. Никитаев]. – М., 1999.
10. Разумовская, А. Г. Сад в русской поэзии XX века: феномен культурной памяти / А. Г. Разумовская. – Псков, 2010.
11. Рождественский, Вс. Стихотворения / Вс. Рождественский; [сост., подгот. текста и примеч. М. В. и Т. В. Рождественских; вступ. ст. А. И. Павловского]. – Л., 1985.
12. Рождественский, Вс. Н. С. Гумилев (из запасов памяти) / Вс. Рождественский // Николай Гумилев. Исследования и материалы. Библиография / сост. М. Д. Эльзон, Н. А. Грознова. – СПб., 1994.

УДК 821.161.1 Дама с собачкой 7 Чехов

**МОТИВ НЕУВЕРЕННОСТИ И ЕГО ФУНКЦИЯ
В ФОРМИРОВАНИИ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЦЕЛОСТНОСТИ РАССКАЗА А. П. ЧЕХОВА
«ДАМА С СОБАЧКОЙ»**

Е. Н. Рогова

**THE MOTIF OF UNCERTAINTY AND ITS FUNCTION IN FORMING OF THE ARTISTIC INTEGRITY
A. P. CHEKHOV'S SHORT STORY THE LADY WITH THE DOG**

E. N. Rogova

Статья посвящена выявлению иронической художественной целостности в рассказе Чехова «Дама с собачкой», автор демонстрирует наличие в произведении Чехова иронических мотивов, проводит интертекстуальные связи с произведениями модернизма (Д. Хармса, Ж.-П. Сартра, Ф. Кафки, Т. Манна).

The article is devoted to detection of the ironical artistic integrity in the short story of A. Chekhov *The Lady with the Dog*, the author demonstrates the presence of ironical motifs in the work of Chekhov, finds intertextual connections with modernist works (D. Kharms, J.-P. Sartre, F. Kafka, T. Mann).

Ключевые слова: мотив, ирония, абсурд, отчужденность, модернизм, интертекст, целостность.

Keywords: motif, irony, absurd, alienation, modernism, intertext, integrity.

Рассказ «Дама с собачкой» Чехова привлекает внимание критики на протяжении XIX – XX вв., останавливающейся на моральной и идейной проблематике [1], особенностях сюжета и героях [2, с. 430 – 431], поэтике [7, с. 336 – 338], детализации и характере целостности произведения [10, с. 58], литературных традициях [5, с. 111]. Проследим за мотивом неуверенности в рассказе Чехова, наблюдение за функционированием которого, на наш взгляд, может внести определенные дополнения в существующие интерпретации. Уровень детализации рассказа в литературоведении анализировался неоднократно, тем не менее выделение мотива неуверенности и ряда связанных с ним мотивов, а также обнаружение интертекстуальных связей (представляющих собою «моменты художественных языков, встречающихся в более или менее широком круге произведений» [9, с. 24]) в текстах одного типа позволит вновь поразмышлять о характере целостности «Дамы с собачкой».

Обратимся к мотиву неуверенности, играющему важную роль в рамках художественной целостности рассказа Чехова «Дама с собачкой». Под мотивом мы понимаем: «...любой элемент сюжета или фабулы (ситуация, коллизия, событие), взятый в аспекте повторяемости...» [9, с. 193 – 194]. Мотив неуверенности (связанный с мотивами неопределенности, неясности, предположительности) возникает в начале произведения. Данный мотив выражается в рассказе Чехова с помощью целого ряда слов-образов, обладающих сходным контекстуальным значением («вероятно», «наверное», «казалось», «быть может», «должно быть», «что-то», «неуловимое», «какой-то», «какая-то», «кто-то», «непонятно», «показалось», «что-нибудь»). Впервые слово-образ «казаться» используется в характеристике жены Гурова, героя рассказа: «Его женили рано, когда он был еще студентом второго курса. И теперь жена *казалась* в полтора раза старше его» [13, с. 364]. В словах автора-повествователя нет прямых указаний на возраст жены Гурова, отсутствует и четкая, однозначная оценка героя и его поведения. Автор-повествователь

передает точку зрения Гурова, объясняющую наличие тайной жизни героя, уходит от возможных комментариев морального плана: «...он втайне считал ее недалекой, узкой, неизящной, боялся ее и не любил бывать дома. Изменять ей он начал уже давно, изменял часто и, **вероятно**, поэтому о женщинах отзывался почти всегда дурно...» [13, с. 365].

В рассказе неоднозначность авторской оценки в отношении Гурова, неуверенность в происходящем персонажей сочетается с отсутствием четкой границы между точками зрения героя и повествователя. Подобный прием способствует психологизации повествования, а также возрастанию роли читателя в дискурсивном процессе. Читателю «Дамы с собачкой» уготована автором позиция неуверенности, легкого сомнения в герое, его динамике.

Оппозиция «неясное – ясное» на сюжетном уровне произведения теряет однозначность бинарного противопоставления: ясное (понятное, соответствующее реальному положению вещей) является одновременно неясным, кажущимся. Например, в третьей части рассказа «Дама с собачкой» происходит постепенное осознание героем чувства к Анне Сергеевне: «Пройдет какой-нибудь месяц, и Анна Сергеевна, казалось ему, покроется в памяти туманом... но прошло больше месяца, ... а в памяти все было ясно, точно он расстался с Анной Сергеевной только вчера» [13, с. 372 – 373]. Ясные воспоминания Гурова на самом деле представляют собой «неясное»: «воскресало в памяти ... раннее утро с туманом», «воспоминания переходили в мечты, и прошедшее в воображении мешалось с тем, что будет», «закрывши глаза, он видел ее как живую, и она казалась красивее, моложе, нежнее, чем была; и сам он казался себе лучше, чем был тогда, в Ялте» [13, с. 373 – 374]. Гуров «понял ясно, что для него теперь на всем белом свете нет ближе и важнее человека ... он думал о том, как она хороша. Думал и мечтал» [13, с. 376]. По сути, Гуров переживает ясность мечты (ясность «неясного»), что разобщает его с реальной жизнью, возможностью осуществления этой своей мечты.

Мотив неуверенности в рассказе может быть соотнесен с мотивом двоемрия: жизнь Гурова словно раздваивается, делится на явную и тайную, и как в ироническом романтическом произведении грань между разными «мирами» нечеткая, подвижная. На протяжении всего рассказа герой стремится кем-то быть: то героем рассказа о легких победах и мимолетной связи с неизвестной женщиной, то эгегическим субъектом, то «искренним и нежным». Подлинная (как кажется герою) душевная жизнь Гурова является тайной, требует исполнения своеобразного сценария, «втискивается» в привычную для окружающего мира форму адюльтера: «И Анна Сергеевна стала приезжать к нему в Москву. Раз в два-три месяца она уезжала из С. и говорила мужу, что едет посоветоваться с профессором насчет своей женской болезни, – муж верил и не верил. Приехав в Москву она останавливалась в «Славянском базаре» и тотчас же посылала к Гурову человека в красной шапке» [13, с. 377 – 378]. Не случайно, в начале произведения, когда Анна Сергеевна совершенно искренне ведет себя, герою кажется, что она играет роль: «... если бы не слезы на глазах, то можно было бы подумать, что она шутит или играет роль» [13, с. 369]. Гуров начинает свои отношения с Анной Сергеевной как герой «рассказа о легких победах», а потом, несмотря на подлинность чувств, осуществляет роль «порядочного человека, москвича, тяжелого на подъем», для которого любовное приключение неизбежно перестает в тяжелую задачу. Отсюда в произведении мотив театральности: наполнена фальшью повседневная жизнь (и до того, как Гуров полюбил, и после пробуждения в нем искреннего чувства), в третьей главе рассказа встреча героев происходит в театре, в окружении людей, чьей отличительной характеристикой являются их социальные роли, находящие воплощение в предметном мире, вещном. На уровне детализации возникают образы-детали, способствующие формированию разъятого мира, хаоса, абсурда: «губернаторская дочь в боа», «губернатор ... видны были только его руки», «... в петлице у него блестел какой-то значок, точно лакейский номер» (о муже Анны Сергеевны). В единый синонимичный ряд входят образы одушевленные и неодушевленные: «люди в судейских, учительских и удельных мундирах, и все со значками; мелькали дамы, шубы на вешалках» [13, с. 376]. Вместе с рассуждениями Гурова о диких нравах, диких лицах, неинтересных и незаметных днях, неистовой игре в карты, обжорстве, пьянстве, постоянных разговорах все об одном образы мундиров, дам, шуб создают тему бессмысленной, пустой, мишурной жизни. Можно провести параллели с новеллой Э. Т. А. Гофмана «Золотой горшок», в которой присутствует тема агрессивного материального, вещного мира, вышедшего из-под контроля. В поэме Т. С. Элиота «Полые люди» развиваются темы пустоты человеческого существования, стирания границы между миром предметным и миром человеческим, близкие названным темам в рассказе Чехова «Дама с собачкой»: «Чучела, а не люди. / Труха в голове» [14, с. 293].

Динамика рассказа Чехова связана с внутренним изменением героя, «с зарождением и развитием любви» [1, с. 69], пробуждением в нем способности рефлексировать, сопереживать. С одной стороны, Гуров противопоставляется толпе, у него есть «сердце» («сердце жалось», «сердце забилося»). С другой стороны, он не свободен от социальных рамок, норм: герой любит, но вынужден скрывать свои переживания, играть роли, данные ему обществом. Не случайно, диалог с Анной Сергеевной в театре, на премьере «Гейши» напоминает сценическую речь с повышенной эмоциональностью, обилием восклицательных, вопросительных предложений. Герои рассказа напоминают драматических актеров, у которых есть свои зрители («казалось, из всех лож смотрят» [13, с. 376], «два гимназиста курили и смотрели вниз» [13, с. 377]. Когда Гуров говорит неопределенно о женщинах и о любви, желая поделиться своими воспоминаниями об Анне Сергеевне, жена, чувствуя изменения в поведении Гурова, произносит: «Тебе, Дмитрий, совсем не идет **роль** фата» [13, с. 373]. Происходит отчуждение героев от самих себя, своих социальных ролей. Несмотря на искренность переживаемого Анной Сергеевной чувства, по «внешнему исполнению», для стороннего наблюдателя она – «дама с собачкой», «точно грешница на старинной картине», «гейша», и, как героиня, несвободная от общественных стереотипов поведения, сама говорит о себе: «Стала пошлой, дрянной женщиной, которую всякий может презирать» [13, с. 369]. Можно выделить мотив подмены настоящего искусственным, кажущимся: повседневные роли героев являются для них ненастоящими, в момент же подлинного, как им кажется, сближения («им казалось, что сама судьба предназначила их друг для друга» [13, с. 380], они вынуждены вести себя «как воры», вновь играть роли, которым давно есть определение в социуме. Подмена настоящего ложным ведет к тому, что Гурову кажется естественной фальшь: «И по себе он судил о других, не верил тому, что видел, и всегда предполагал, что у каждого человека под покровом тайны, как под покровом ночи, проходит его настоящая, самая интересная жизнь» [13, с. 378]. В словах автора-повествователя «культурный человек так **нервно хлопочет** о том, чтобы уважалась личная тайна» присутствует легкая ирония. Отчужденность героя от себя самого проявляется и в эпизоде с зеркалом, когда Гуров видит себя и свою жизнь, «которая начала блекнуть и вянуть...» [13, с. 379], со стороны: «ему показалось странным, что он так постарел за последние годы, так подурнел» [13, с. 379]. Очень показательно в оценке Гуровым собственной жизни наличие в начале и в конце произведения повтора слова образа «странно», подчеркивающего отстраненность героя от происходящего: «Анна Сергеевна, эта «дама с собачкой», к тому, что произошло, отнеслась как-то особенно, очень серьезно, точно к своему падению, – так казалось, и это было странно и некстати» [13, с. 368]; «ему показалось странным, что он так постарел...» [13, с. 379]. В стихотворении В. Ходасевича «Перед зеркалом»

мы видим то же отстранение лирического героя от себя овнешненного, явленного в телесном, материальном облике, представшем в виде двойника, в котором гротескно проявился душевный опыт: «Я, я, я. Что за дикое слово! / Неужели вон тот – это я? / Разве мама любила такого, / желто-серого, полуседого / И всезнающего, как змея?» [12, с. 249].

Интересно, что Гуров видит в зеркале свои руки на плечах Анны Сергеевны: «Плечи, на которых лежали его руки, были теплы и вздрагивали» [13, с. 379]. Эта деталь характеризует героя, как человека способного на сострадание, испытывающего чувства вины и ответственности. Определения «теплые» говорит об изменении героя, появлении качественно нового чувства к женщине (в начале произведения упоминается о «женщинах ... двух-трех, очень красивых, холодных» [13, с. 368]). О внутренней динамике героя (он способен на любовь, восприятие теплоты) говорит и деталь, появляющаяся в конце произведения в диалоге персонажей, во время которого он пьет чай, в то время как в начале рассказа и взаимоотношений с Анной Сергеевной он ест арбуз. В. И. Тюпа связывает чаепитие Гурова с внутренним сближением героев: «Чаепитие – действие сугубо домашнее, повседневно бытовое, покойное. Подлинной близостью две личности создают вокруг себя атмосферу домашней интимности...» [10, с. 45]. Вместе с тем Гуров остается прежним, во время разговора с любимой женщиной он в начале рассказа ест арбуз, в завершении во время диалога с героиней пьет чай. Определенная динамика, безусловно, присутствует, но повторение образов не случайно: Анна Сергеевна страдает, изливает свои чувства, плачет (отвернувшись к окну), а Гуров в это время пьет... О сближающем домашнем чаепитии можно говорить как о совместном действии, здесь же, как и в эпизоде с арбузом, повторение (с изменением) ситуации разобщенности. Гуров, глядя на себя в зеркало, пытается очередной раз понять происходящее с ним: «За что она его так любит? Он всегда казался женщинам не тем, кем был, и любили они в нем не его самого, а человека, которого создавало их воображение и которого они в своей жизни жадно искали; и потом, когда замечали свою ошибку, то все-таки любили» [13, с. 379]. В конце второй главы уже появлялись подобные рассуждения Гурова: «Все время она называла его добрым, необыкновенным, возвышенным; очевидно, он казался ей не тем, чем был на самом деле, значит невольно обманывал ее...» [13, с. 372]. Гуров осознает наличие в себе «высокомерия счастливого мужчины», чутко замечает, что Анна Сергеевна, как и женщины, которые были до нее, не была с ним счастлива: «было видно, что у нее нехорошо на душе» [13, с. 368]; «и по глазам ее было видно, что в самом деле не была счастлива» [13, с. 377]; «ни одна из них не была счастлива» [13, с. 379]. Парадоксальность динамики отношения Гурова к Анне Сергеевне в том, что он ее, как ему кажется, действительно, полюбил по-настоящему, но она, по-прежнему, не счастлива с ним, как «одна из них».

Отказ автора-повествователя от однозначных характеристик действий героев сочетается в произ-

ведении с непоследовательностью поведения Гурова и Анны Сергеевны. Нелогичность поступков персонажей, их жизни находит выражение на синтаксическом уровне рассказа в многократном повторении синтаксических конструкций с сочинительным противительным союзом «но». Формируется картина мира, в которой все «странно», зависит от случая, логика жизни скрыта от персонажей и читателя, преисполнена тайны. Внезапные повороты событий являются нормой для героев, этим объясняется неоднократное повторение слова-образа «вдруг» на протяжении всего повествования «Дамы с собачкой»: «мысль о ... романе с неизвестной женщиной, которой не знаешь по имени и фамилии, **вдруг** овладела им» [13, с. 365]; «**вдруг** обнял ее и поцеловал» [13, с. 367]; «стало **вдруг** страшно» [13, с. 376]; «...в эту минуту он **вдруг** вспомнил» [13, с. 376]. Гуров в решающий для него момент определяет для себя стратегию действий, соответствующую состоянию окружающего мира: «Лучше всего положиться на случай» [13, с. 374]. В реплике Анны Сергеевны присутствуют мотивы непонимания происходящего, неопределенности желаний: «хотелось чего-нибудь получше», «со мной что-то делалось», «я сама не знаю, что делаю» [13, с. 369]. Гуров едет в С., но степень осознанности им собственных действий чрезвычайно мала и выражается словами автора-повествователя, с помощью повторяющихся вопросительных предложений: «...уехал в С. Зачем? Он и сам не знал хорошо» [13, с. 374]; «Как все это глупо и беспокоило... Вот и выспался зачем-то. Что же я теперь ночью буду делать?» [13, с. 375]. Неопределенность, случайность, иррациональность (странность, неясность и нелогичность происходящего, не поддающегося контролю) являются определяющими характеристиками художественного мира произведения Чехова, что позволяет говорить о наличии абсурда в рассказе «Дама с собачкой».

В тексте последовательно используется определение «какой-то», связанное с мотивом неопределенности и бессмысленности происходящего, случайностью встреч, отчужденностью между людьми: «На пристани было много гуляющих; собрались встречать **кого-то**» [13, с. 367]; «Подошел **какой-то** человек, должно быть, сторож, – посмотрел на них и ушел» [13, с. 370]; «Парадная дверь вдруг отворилась, и из нее вышла **какая-то** старушка...» [13, с. 375]; «мелькали у них перед глазами **какие-то** люди...» [13, с. 376]. Образ неизвестного, по странному стечению обстоятельств, сопровождает героев, пересекается с их жизнью: «По лестнице снизу вверх **кто-то** шел» [13, с. 377]. «Кто-то» в рассказе Чехова связан с темой соглядатайства, несвободы («... вдруг обнял ее и поцеловал в губы, и его обдало запахом и влагой цветов, и тотчас же он пугливо огляделся: не видел ли **кто?**» [13, с. 368]. Направленность движения («снизу вверх») позволяет актуализировать мифологическое значение образа «кого-то», связанное с демоничностью, inferнальностью. На сюжетном уровне мотив неопределенности, отсутствия четкого знания о происходящем сочетается с мотивом вмешательства рока («некуда

было деваться» [13, с. 367], дьявольских сил: Анна Сергеевна, объясняя произошедшее с нею, говорит: «Я люблю честную, чистую жизнь, а грех мне гадок, я сама не знаю, что делаю. Простые люди говорят: нечистый попутал. И я могу теперь про себя сказать, что меня **попутал нечистый**» [13, с. 369]. Символами несвободы в произведении являются «забор, серый, длинный, с гвоздями» [13, с. 374], «сумасшедший дом и арестантские роты», с которыми Гуров сравнивает свою жизнь. Символизация образов осуществляется в духе модернистской эпохи. «Кто-то» в рассказе Чехова вызывает ассоциации со стихотворением А. Блока «Фабрика»: «И глухо заперты ворота, / А на стене – а на стене / Недвижный кто-то, черный кто-то / Людей считает в тишине [3, с. 302]. Социальная жизни героини в рассказе определяется символическими образами: «серый забор» (до встречи с Гуровым), «клетка» (после встречи).

Образ «какой-то старушки» в рассказе Чехова может быть сопоставлен со старухами из «Вываливающихся старух» Хармса, старухой из «Тошноты» Ж.-П. Сартра, символизирующими смерть, пустоту, хаос, абсурдность мира. Подобно герою Ж.-П. Сартра, Гуров доходит до «экзистенциального кризиса»: «И в следующие ночи он спал дурно, все сидел в постели и думал или ходил из угла в угол. Дети ему надоели, банк надоел, не хотелось никуда идти, ни о чем говорить» [13, с. 374]. Сознание Гурова «вбирает» в себя отдельные детали, передающие состояние потерянности героя, ощущения чуждости и дискретности мира: безголовая чернильница; забор с гвоздями; какая-то старушка; фамилия «Дрыдыриц», произнесенная швейцаром; больничное одеяло в номере... Какая-то старушка выходит из дома Анны Сергеевны со знакомым Гурову шпицем. «Старуха» как неизбежность и бессмысленность, безусловно, гротескный образ, архетип смерти. В «Тошноте» Ж.-П. Сартра старуха является символом вечности, неотвратимости времени: «Старуха, ковыляя, уходит дальше... Она идет, она была там, теперь она здесь... старуха плетется по пустынной улице, переставляя грубые мужские ботинки. Вот оно время в его наготу, оно осуществляется медленно, его приходится ждать, а когда оно наступает, становится тошно, потому что замечаешь, что оно уже давно здесь. Старуха дошла до угла, теперь она превратилась в узелок черного тряпья» [8, с. 43]. В «Вываливающихся старухах» Хармса используется гротеск, повторение образа старухи в контексте произведения, нанизывание одинаковых эпизодов способствуют формированию текста, разрушающего сюжетную логику рассказа о необыкновенном событии: «Одна старуха от чрезмерного любопытства вывалилась из окна, упала и разбилась. Из окна высунулась другая старуха и стала смотреть вниз на разбившуюся, но от чрезмерного любопытства тоже вывалилась из окна. Упала и разбилась. Потом из окна вывалилась третья старуха, потом четвертая, потом пятая. Когда вывалилась шестая старуха, мне надоело смотреть на них, и я пошел на Мальцевский рынок, где, говорят, одному слепому подарили вязанную шаль» [11, с. 2]. Рассказ Хармса, построен-

ный формально в соответствии с законами классической целостности, представляет собой ироническую игру, разрушающую читательские стереотипы. В рассказе Чехова так же используется прием обманутого ожидания: Гуров по приезду в город С., не знает, как встретиться с Анной Сергеевной, он все ходит напротив ее дома и «поджидает случай», но «парадная дверь вдруг отворилась, и из нее вышла какая-то старушка» [13, с. 375]. Появление старушки с собакой неожиданно для Гурова, не соответствует и сюжетной линии встречи влюбленных, безусловно, можно говорить и о гротеске: из парадной двери выходит не Анна Сергеевна, но «какая-то старушка», словно сама жизнь во всей ее абсурдности и непредсказуемости столкнулась лицом к лицу с героем: «вдруг забилося сердце, и он от волнения не мог вспомнить, как зовут шпица» [13, с. 375]. В «Даме с собачкой» мотивы потери памяти, безумия, болезни органично вплетаются в характеристики абсурдного мира: «И здесь все ходила как в угаре, как безумная...» [13, с. 369]; «мы с вами обезумели» [13, с. 377]; «точно все сговорилось нарочно, чтобы прекратить поскорее это сладкое забытие, это безумие» [Там же, с. 371], в гостинице постель покрыта «...серым, точно больничным, одеялом» [13, с. 375]. В рассказе Чехова старушка, выходящая из дома вместо Анны Сергеевны, может быть связана с категорией времени, предвестием грядущего, старостью, возможным завершением взаимоотношений героев, их жизни: «... Анна Сергеевна привязывалась к нему все сильнее, обожала его, и было нелегко сказать ей, что **все это должно же иметь когда-нибудь конец**... Голова его уже начала сесть... Он почувствовал сострадание к этой жизни, еще такой теплой и красивой, но, вероятно, уже близкой к тому, чтобы начать блекнуть и вянуть, как его жизнь» [13, с. 379]. Время развивается по своим законам, герои не в силах остановить его, обернуть вспять, как не в силах они бороться с внезапно настигшим их чувством любви.

Повторение мотивов в начале и конце рассказа Чехова позволяет сделать вывод о кольцевом типе композиции. Мотив тайны в «Даме с собачкой» повторяется: в начале («втайне» считал ее недалекой и... изменял) и в конце рассказа (о Гурове и Анне Сергеевне говорится, что «...они видятся тайно, скрываются от людей»). Наличие мотива несвободы (предопределенности, судьбы) также способствует формированию семантики повторения. О Гурове и его отношениях с женщинами говорится в экспозиции рассказа: «...во всей его натуре было **что-то** привлекательное, **неуловимое**, что располагало к нему женщин, манило их; он знал об этом, и самого его тоже **какая-то сила влекла** к ним» [13, с. 365]. Поведение героя, его измены, как видно из слов автора-повествователя, содержащих точку зрения на Гурова, вызваны независимой от героя силой и непонятной для него собственной привлекательности для женщин. Тот же мотив несвободы, характеризующий взаимоотношения героев и их жизнь, появляется в завершающей части «Дамы с собачкой»: «казалось, сама **судьба** предназначила их друг для

друга», «точно это были две перелетные птицы, самец и самка, которых *поймали и заставили* жить в отдельных клетках» [13, с. 380]. Герой изменился под влиянием чувства любви, но как в начале («Некуда было деваться» [13, с. 367]), так и в конце рассказа, от героя мало что зависит: вновь звучит мотив судьбы и неуверенности в ходе развития событий, их причин, присутствуют пассивность, «страдательность» поведения Гурова. На протяжении всего рассказа «Дама с собачкой» Чехова мотивы неуверенности и несвободы повторяются, несмотря, на первый взгляд, на очевидность динамики внутреннего мира героя («теперь... он полюбил как следует, по-настоящему...» [13, с. 379]. О неоднозначности перемен, происходящих с героями, авторской иронии Н. Я. Берковский пишет следующее: «Есть скорбящие среди бессмыслия жизни, есть приспособившиеся; на переходе одних к другим – люди из рассказа Чехова «Дама с собачкой». Люди эти несчастны, однако же Чехов вовсе не так благосклонен к обоим, как об этом принято думать. Он слегка презирает обоих – и Гурова и Анну Сергеевну. Оба они по-своему сговорчивы в отношении к злу. Оба отвели от себя действительную жизнь... Их любовь без характера, как и сами они, отстранившие от себя все, что дает людям характер и личную инициативу... Гуров и Анна Сергеевна имитируют жизнь, имитируют любовь, веря, что их подражание – это и есть сам подлинник. Очевидно, в этом суть знаменитого рассказа: люди убеждены, что у них любовь, тогда как любовь едва коснулась их; они принимают стеклянное за бриллиантовое, им помогает незнание того, что такое на самом деле их отношения, кто такие сами они. Их счастье, что они понимают меньше, чем позволено понимать читателям через автора» [2, с. 430 – 431].

Независимость от героев происходящего в их жизни позволяет сопоставить мотивы неуверенности в ходе событий и предопределенности в рассказе «Дама с собачкой» с мотивами кукольности, марионеточности и двойничества романтического иронического произведения. От героев рассказа Чехова словно ничего не зависит: непонятно, как Гуров оказался женат на «недалекой, узкой, неизящной» женщине, а Анна Сергеевна – замужем за человеком, которого не уважает. Гуров и Анна Сергеевна до встречи друг с другом ведут двойной образ жизни: Гуров «втайне» изменяет жене, а Анна Сергеевна обманывает мужа («И не сейчас только, а уже давно обманываю» [13, с. 369]). Герои очень похожи, Анна Сергеевна выступает своеобразным «двойником» Гурова, не случайно она напоминает герою его собственную дочь: «...он вспомнил, что она еще так недавно была институткой, училась все равно как теперь его дочь...» [13, с. 366]. Сближает героев и жажда жизни, Гуров при встрече с интересной женщиной забывал о «горьком опыте»: «...хотелось жить, и все казалось так просто» [13, с. 365]. В исповедальном монологе Анна Сергеевна рассказывает о своей прошлой жизни: «Мой муж, быть может, честный, хороший человек, но ведь он лакей! ... Мне, когда я вышла за него, было два-

дцать лет, меня томило любопытство... Хотелось пожить! Пожить и пожить...» [13, с. 369]. Жажда жизни, которой наделены герои, ничего не меняет во внешних обстоятельствах их судьбы, рассказ завершается исходной сюжетной ситуацией: Гуров, по-прежнему, изменяет жене, Анна Сергеевна – обманывает мужа. Гурову в третьей главе открывается бездуховность окружающего его мира: «... остается какая-то куцая, бескрылая жизнь, какая-то чепуха... точно сидишь в сумасшедшем доме или в арестантских ротах!» [13, с. 374]. Гурова возмущают и бесплодные разговоры «все об одном», но именно разговорами («давай поговорим», «они долго говорили») героев завершается рассказ. Герои любят по-настоящему, но «бескрылая жизнь» (любовь в рассказе не «окрыляет») и «арестантские роты» неизменно остаются константой их социальной жизни: «точно это были две перелетные птицы, самец и самка, которых поймали и заставили жить в отдельных клетках» и основным для них является вопрос: «Как освободиться от этих невыносимых пут?» [13, с. 380]. Мотив неуверенности в ходе событий настойчиво повторяется на протяжении всего повествования и присутствует в последнем фрагменте рассказа: «И, *казалось*, что еще немного – и решение будет найдено, и тогда начнется новая, прекрасная жизнь...» [13, с. 380]. Завершение последней фразы, на первый взгляд, вносит определенность: «... и обоим было *ясно*, что до конца еще далеко-далеко и что самое сложное и трудное только еще начинается» [13, с. 380]. Формальное выражение уверенности в приведенной фразе содержит обратный прямому значению смысл, проявляющийся в повторе слова «далеко»: было ясно, что ничего не ясно. Открытости финала способствует вопросительная реплика Гурова, предшествующая процитированному фрагменту, состоящая из трех повторяющихся вопросительных предложений: «Как? Как? – спрашивал он, хватая себя за голову. – Как?» [13, с. 380]. Фигурально, герой «ломает» себе голову над вопросами, которым не может найти ответ. Символической представляется деталь, возникающая в третьей главе, при описании гостиничного номера, в котором поселяется Гуров, приехав в С.: «... на столе стояла чернильница, серая от пыли, со всадником на лошади, у которого была поднята рука со шляпой, а голова отбита» [13, с. 374]. Образ всадника на коне олицетворяет сдерживание страсти, энергию, силу (для сравнения можно привести картину К. С. Петрова-Водкина «Купание красного коня», а также строки из стихотворения С. Есенина «Не жалею, не зову, не плачу...»: «словно я весенней гулкой ранью проскакал на розовом коне...» [4, с. 164]). В рассказе Чехова «Дама с собачкой» чернильница со всадником на лошади без головы, серая от пыли выступает символом чувств Гурова, его неспособности управлять собственной жизнью.

В рассказе, наряду с несвободой, вызванной непредсказуемостью жизненных событий, присутствует и внутренняя несвобода героев. Гуров не может освободиться от любви к Анне Сергеевне, он любит женщину «с вульгарной лорнеткой в руках», связан-

ную с миром социальной несвободы, миром, символическим цветом которого является серость: «серый забор напротив дома Анны Сергеевны», «пол в гостиной обтянут серым солдатским сукном..., на столе чернильница серая от пыли...» [13, с. 374]. В городе С., пространстве Анны Сергеевны, Гуров «сидит на постели, покрытой дешевым серым... одеялом» [13, с. 375] и размышляет об обременительности для него новых отношений: «Вот тебе и дама с собачкой... Вот тебе и приключение... Вот и сиди тут» [13, с. 375]. Гуров любит свою несвободу: любимый цвет платья Анны Сергеевны – серый, цвет глаз Анны Сергеевны – серый. В символическом плане, осознав несовершенство, ограниченность своей жизни, Гуров, полюбив и изменившись, приобретает новую несвободу, несвободу чувств. Приехав в город С. в поисках Анны Сергеевны, Гуров последний раз видит шпица, образ собачки больше в рассказе не повторяется, он словно подменяется Гуровым.

Образ «дамы с собачкой» может быть сопоставлен с «дамой в мехах» из новеллы Ф. Кафки «Превращение». «Дама» является социальной характеристикой, меха, как и собачка, «детали» роскошного туалета, соотносятся с изысканностью, утонченностью, аристократичностью владелицы. В рассказе Чехова и в новелле Ф. Кафки «дама» обладает атрибутом (меха, собачка), мифологическое значение которого обозначает связь с зооморфным началом. Женщина символизирует естественность чувств (для романтиков, как известно, женщина выступает в роли «опростительницы», ее функция заключается в возвращении поэта из мира грез назад, к естественному, природе) и в произведениях Чехова и Ф. Кафки открывает главным героям путь к идеальной свободе через связь с природой, отказ от социальных ролей. «Дама» в рассказе Чехова и новелле Ф. Кафки соотносится с социальным статусом. Несвобода образа дамы в мехах в новелле Ф. Кафки подчеркивается рядом деталей (строгостью осанки, закрытостью тела мехами): «Над столом... висел портрет, который он недавно вырезал из журнала и вставил в красивую золоченую рамку. На портрете была изображена дама в меховой шляпе и боа, она сидела очень прямо и протягивала зрителю тяжелую меховую муфту, в которой целиком исчезала ее рука» [6, с. 112]. Дама, протягивая с портрета руку, словно зовет за собой, рука, полностью скрытая в меховой муфте, подобна лапе животного. Символическое значение этого образа соотносится с рудиментами зооморфного божества, первоматери, за которой, превращаясь в жука, следует Грегор. Портрет дамы в мехах вырезан из иллюстрированного журнала, что характеризует шаблонизированность эстетического вкуса Грегора, его инфантилизм (Грегор не умеет налаживать отношения с представительницами противоположного пола, он, подобно подростку, украшает стену вырезкой из журнала). Грегор напоминает чеховского человека в футляре: замкнут в многочисленные рамки (нелюбимой работы, сыновнего долга, стандартного вкуса, маленькой комнаты, в конце концов, тела насекомого). Панцирь

жука, как гроб для героя рассказа Чехова «Человек в футляре», стал для Грегора совершенной и последней рамкой. Мотив рамочности в новелле Ф. Кафки сопоставим с мотивом футлярности произведения Чехова. Грегор в тисках повседневной работы, раннего вставания, в свободное время перечитывает расписание поездов и выпиливает лобзиком рамки. Превратившись в насекомое, Грегор приобретает чувство свободы, но полного освобождения от социума, моральных рамок, укоренившихся в нем самом, он не достигает. Превращение открывает герою новеллы Ф. Кафки путь обретения свободы (герою впервые дышится свободнее): возвращение к Природе. Чувства ответственности, долга и вины, любви не дают возможность достичь абсолютной свободы. Свобода и несвобода в рассказе Чехова «Дама с собачкой» и новелле Ф. Кафки «Превращение» – в самих героях. Наличие социального и природного начал в человеке демонстрирует его двойственность. Тема неоднозначности человеческой души, столь актуальная для иронических произведений романтиков, переходит в модернистские тексты. Гуров двойственен: он стал лучше, чище под влиянием чувства любви, но на протяжении всего развития сюжета автор указывает на связь героя с пошлым миром. «Осетрина-то с душком», – фраза, которая характеризует самого Гурова. В произведении Чехова и Ф. Кафки присутствует конфликт между природным и социальным в человеке, развивающийся в русле модернистской поэтики, не позволяющий реализоваться мечте о полной свободе в социальном мире.

Во фрагменте элегической тональности рассказа Чехова «Дама с собачкой», в котором герой наслаждается красотой природы, содержится указание на способ достижения гармонии: «... шум моря... говорил о покое, о вечном сне, какой ожидает нас. Так шумело внизу, когда еще тут не было ни Ялты, ни Ореанды, теперь шумит и будет шуметь так же равнодушно и глухо, когда нас не будет. **И в этом постоянстве, в полном равнодушии к жизни и смерти каждого из нас кроется, быть может, залог нашего вечного спасения, непрерывного движения жизни на земле, непрерывного совершенства**» [13, с. 370]. Человек здесь противопоставлен вечной природе, ему не доступно «совершенство» в силу его смертности и вписанности в мир социума: «Гуров думал о том, как в сущности, если вдуматься, все прекрасно на этом свете, все, кроме того, что мы сами мыслим и делаем, когда забываем о высших целях бытия, о своем человеческом достоинстве» [13, с. 370]. Показательна структура высказывания о том, «как все прекрасно». Этому утверждению предшествует две вводных конструкции, усложняющие структуру предложения, содержащие «условия» для подобного вывода: «как, в сущности, если вдуматься» и придаточное предложение уступки «кроме того, что мы сами мыслим и делаем». Сложное строение предложения словно передает кажущуюся легкость обретения «совершенства», для которого требуется неосуществимое – отказ от социального начала в человеке.

Автор формирует неуверенность читателя в моральности-аморальности героев, расшатывает шаблонные критерии нравственности, как замечает В. Набоков: «Нет никакой особой морали...» [7, с. 337]. Так же, как и в случае с другими ценностными оппозициями в рассказе Чехова (понимание – непонимание, искренность – искусственность), происходит стирание однозначности в противопоставлении нравственного – безнравственного начал. Л. Н. Толстой в отношении героев категорично заключает: «Читал «Даму с собачкой». Это все Ницше. Люди, не выработавшие в себе ясного мирозерцания, разделяющего добро и зло. Прежде робели, искали; теперь же, думая, что они по ту сторону добра и зла, остаются по сю сторону, то есть почти животные» [1, с. 68]. Речь идет о неоднозначности, сложности чеховского героя и героя модернизма. Т. Манн в новелле «Смерть в Венеции» также изображает неоднозначность перемен, происходящих с Густавом Ашенбахом, наделенного автором, как и Гуров, «запретной» любовью, которая может быть «очищена» только смертью героя и осуществиться за рамками социального, телесного миров.

Мотив непонимания в рассказе Чехова «Дама с собачкой» связан с иронией («дивергенцией внутренней заданности бытия («я») и его внешней данности (событийной границы) [9, с. 76]), играющей важную роль наряду с драматизмом [10, с. 58] в рамках художественной целостности произведения. Мотивы непонимания, отчужденности человека от мира и самого себя, несвободы, театральности, марионеточности, пограничного существования, ухода в «киллюзорный» мир сформированы иронической художественностью, наличие которой становится очевидной при проведении интертекстуального анализа произведений, относящихся к романтической и модернистской литературным парадигмам и содержащих ироническую картину мира.

Литература

1. Бердников, Г. «Дама с собачкой» А. П. Чехова / Г. Бердников. – Л., 1976.
2. Берковский, Н. Я. Чехов, повествователь и драматург / Н. Я. Берковский // Статьи о литературе. – М.; Л., 1962.
3. Блок, А. Фабрика / А. Блок // Собр. соч.: в 8 т. Т. 1. Стихотворения, 1897 – 1904. – М.; Л., 1960.
4. Есенин, С. Не жалею, не зову, не плачу / С. Есенин // Стихотворения и поэмы. – Л., 1986.
5. Катаев, В. П. Литературные связи Чехова / В. П. Катаев. – М., 1989.
6. Кафка, Ф. Превращение / Ф. Кафка // Соч.: в 3 т. Т. 1. Рассказы, 1904 – 1922; Пропавший без вести (Америка). – М., 1995.
7. Набоков, В. Лекции по русской литературе / В. Набоков. – М., 1998.
8. Сартр, Ж.-П. Тошнота / Ж.-П. Сартр // Стена: избранные произведения. – М., 1992.
9. Теория литературы: в 2 т. / под ред. Н. Д. Тамарченко. – Т. 1 / Н. Д. Тамарченко, В. И. Тюпа, С. Н. Бройтман. Теория художественного дискурса. Теоретическая поэтика. – М., 2004.
10. Тюпа, В. И. Художественность чеховского рассказа / В. И. Тюпа. – М., 1989.
11. Хармс, Д. Вываливающиеся старухи / Д. Хармс // Полн. собр. соч. Т. 2. Проза. Драматические произведения. Авторские сборники. Незавершенное. – СПб., 1999.
12. Ходасевич, В. Ф. Перед зеркалом / В. Ф. Ходасевич // Собрание стихов. – М., 1992.
13. Чехов, А. П. Дама с собачкой / А. П. Чехов // Собр. соч.: в 8 т. Т. 6. Рассказы и повести, 1895 – 1903. – М., 1970.
14. Элиот, Т. С. Полые люди / Т. С. Элиот // Американская поэзия в русских переводах. – М., 1983.

УДК 803.0

СЛОЖНОПОДЧИНЕННОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ В СИНТАКСИСЕ ОСТРОВНЫХ НЕМЕЦКИХ ГОВОРОВ АЛТАЯ

Н. В. Трубавина

THE COMPLEX SENTENCE IN THE SYNTAX OF THE UPPER AND LOW INSULAR ALTAI GERMAN DIALECTS

N. V. Trubavina

В статье выявляются и описываются особенности сложноподчиненного комплекса в островных верхне- и нижненемецких говорах Алтайского края, определяется специфика его функционирования в устной речи диалектоносителей. В ходе анализа практического материала определяются черты сходства и различия с аналогичными конструкциями в современном литературном немецком языке и в диалектах на территории Германии, с паратаксисными и гипотаксисными конструкциями в устной немецкой разговорной речи, а также степень влияния русского языка на структуру диалектного сложноподчиненного комплекса.

The article reveals and describes the peculiarities of a complex sentence of the Upper and Low insular Altai German dialects, the specificity of its functioning in the oral speech of the dialect speakers is defined. The analysis of practical material reveals the similarities and differences with analogous constructions in the contemporary literary German language and the dialects on the territory of Germany, with parataxis and hypotaxis constructions in

oral German speech as well as the degree of the Russian language influence on the structure of the dialectal complex sentence.

Ключевые слова: островные немецкие говоры, синтаксис, сложноподчиненное предложение, Алтайский край.

Keywords: Low insular Altai German dialects, syntax, complex sentence, Altai-region.

Настоящая статья посвящена изучению особенностей синтаксиса сложноподчиненного предложения в островных немецких говорах Алтайского края, одного из наиболее крупных регионов Российской Федерации с компактным проживанием этнических немцев. На сегодняшний день на территории Алтайского края насчитывается около 50 немецких сел, так называемых дочерних колоний, основанных потомками переселенцев из Германии, которые во второй половине XVIII в. – начале XIX в. основали немецкие колонии на территории Поволжья и Южной Украины [7]. Жители этих деревень являются носителями островных немецких говоров разных типов, которые могут быть разделены на 2 основные группы: нижненемецкие говоры и верхненемецкие, объединяющие в себе средне- и южнонемецкие. Практически все говоры являются смешанными и сформировались в иноязычном окружении в процессе длительного контактирования с русским языком [6].

Материал для настоящей статьи был собран в ходе исследовательских экспедиций в немецкие села Алтайского края в 2003 – 2010 гг. Для выполнения поставленных задач применялся метод сплошной фиксации живой монологической и диалогической речи на различные темы в ходе направленной беседы, а также метод прямого и косвенного опроса на основании авторских синтаксических анкет. Записанные, расшифрованные и транскрибированные тексты и послужили основой настоящего исследования.

В имеющихся работах, посвященных немецким диалектам Западной Сибири, основное внимание уделяется фонетическому строю и морфологии, синтаксис же по-прежнему остается наименее изученной областью. Считается, что для диалекта соединение предложений способом подчинения не свойственно, поскольку в диалектах особенно ярко проявляется склонность немецкого языка координировать предложения между собой. Действительно, в островных немецких говорах наблюдается широкое распространение паратаксиста, однако это не означает, что придаточные предложения в них вовсе отсутствуют. Диалектоносители так же свободно оперируют придаточными предложениями, как и те, кто говорит или пишет на современном литературном немецком языке [3].

Анализ фактического материала показал, что в островных немецких говорах Алтайского края, как и в литературном немецком языке, представлены сложноподчиненные предложения со всеми типами придаточных, за исключением придаточных сопутствующего действия (модальных), которые в литературном немецком языке вводятся союзами “indem”, “wobei”, “während”, “indessen”. Наиболее часто носителями говора употребляются придаточ-

ные предложения времени (26 %), дополнения (19,5 %), определения (11,5 %), причины (10 %) и условия (8 %).

Полученные нами данные сопоставимы с подсчетами других исследователей, занимавшихся проблемами диалектного гипотаксиста. Н. В. Пирогов, рассматривая синтаксис нижненемецкой диалектной литературы, подсчитывает частотность употребления различных типов придаточных предложений в монологе и диалоге [8, с. 73]. Расчеты Г. Г. Едига проводятся на материале устной речи носителей нижненемецкого говора на территории СССР [3, с. 12]. К. Вильд в своей работе по синтаксису придаточного предложения в фулдайском немецком говоре на территории южной Венгрии подсчитывает частотность придаточных, учитывая поколение и возраст респондентов [12, с. 56 – 57].

При сопоставлении полученных данных становится очевидным, что степень употребительности отдельных типов придаточных предложений в литературном немецком языке, в немецких диалектах и говорах отличается незначительно. Очевидно, что более простые и распространенные взаимоотношения предметов и явлений окружающей действительности чаще находят свое выражение в сложноподчиненном комплексе. Более сложные отношения реализуются в гипотаксистических построениях гораздо реже.

Основная особенность союзного подчинения в островных немецких говорах Алтайского края заключается в том, что по сравнению с современным литературным немецким языком говоры, как и диалекты на территории Германии [13, с. 136], располагают меньшим количеством союзов и союзных слов для выражения подчинительной связи. Вполне возможно, что ограничение в инвентаре подчинительных союзов обусловлено устным характером существования островных немецких говоров, сближающим их с разговорной речью: многие союзы и союзные слова, представленные в современном литературном немецком языке, едва ли можно встретить в синтаксисе немецкой разговорной речи [9; 1; 10]. Употребляются обычно те союзы, которые в кодифицированном литературном языке рассматриваются как доминантные в синонимическом ряду [5, с. 232]. Так, например, в нижненемецких говорах значение следования может быть выражено двумя союзами – «**os**» и «**nu dem**». Однако, из этих двух синонимичных вариантов диалектоносители выбирают первый в силу того, что он более употребителен и имеет более широкое значение по сравнению с «**nu dem**», что подтверждается статистическими данными – 90 % придаточных предложений времени с отношением следования присоединяются к главному составу с помощью союза «**os**»:

Wir durften essen, **nachdem** der Vater den Löffel genommen hatte.

► Wi dofte eite, **os** däi Vuda dem Leppel noom (90 %).

► Wi dofte eite, **nu dem** däi Vuda dem Leppel nom (10 %).

С другой стороны, репертуар союзов и союзных слов в диалектах и говорах ограничен изначально в силу их исторического развития. В островных немецких говорах Алтайского края, как и в немецких диалектах на территории Германии, отсутствует обширная группа подчинительных союзов и союзных слов: «falls», «insofern», «damit», «so daß», «indem», «so oft», «während», «nachdem», «seitdem» «sobald», «sooft», «obwohl», «obschon», «obgleich» и др. В большинстве случаев речь идет о подчинительных союзах, развившихся в XIV – XVI вв., в период формирования национального литературного языка, и используемых преимущественно в языке делового общения, в научной и художественной литературе. Кроме того, в группе верхненемецких говоров не представлен временной союз «als», для передачи соответствующих значений носители говоров широко используют союз «wie»:

Внем. **Wi** ich mit moi Arweit ferdig war, hun ich ten Freund keholwe. = **Nachdem** ich mit meiner Arbeit fertig war, habe ich dem Freund geholfen.

Wi ich te Ouwent hoom komme pin, hen mich schunt moi Freunde kewart. = **Als** ich am Abend nach Hause gekommen war, warteten schon auf mich meine Freunde.

Расширение первоначального значения союза «wie» приводит к его полифункциональности – с его помощью в островных верхненемецких говорах могут вводиться сравнительные, временные, причинные, а также субъектные придаточные предложения. В случае необходимости носители говора используют дополнительно лексические средства для уточнения временных отношений, например:

Внем. **Wi** ti Lekzii all ware, is er **kleich** hoom konge. = **Sobald** die Vorlesungen zu Ende waren, ist er nach Hause gegangen.

В нижненемецких говорах союз «os» получает широкое распространение:

Ннем. De Oula wi lang krank, **os** a met det Peed onja Iis jent'. = Der Alte war lange krank, **als (nachdem)** er mit dem Pferd unters Eis ging.

Os di dem Rezapt den Dokta weis, word fuz olles kloa. = **Als** sie das Rezept dem Doktor zeigte, war alles sofort klar.

Как и в верхненемецких говорах, для уточнения значения союза могут использоваться лексические конкретизаторы:

Ннем. Es vāja oda fiif W'et' rom, **von donn os** a storw. = Sind vier oder fünf Wochen rum, **seitdem** er starb.

Полифункциональность подчинительных крепл, возникшая как результат недостаточности средств связи, распространяется не только на временные союзы. Широкое применение для выражения подчинительных отношений в островных немецких говорах Алтая получает союз «dass» (внем. **tass** / нем. **dot**), с помощью которого вводятся самые различ-

ные придаточные предложения. Носители верхненемецких говоров часто употребляют сочетание союза «dass» с вопросительными местоимениями для замены неупотребительных в говоре местоименных наречий w-формы: «wovon», «wofür» и т. д., а также относительного местоимения «welcher», употребления которого носители говоров стараются избегать, например:

Внем. Aach oon Pandit, mer waß net, **vun wo tass** ter war. = Auch ein Bandit, wir wissen nicht, **woher** der war.

Wonndr Mensch uf ti Arwait keht, waß er, **fir was tass** er schawe tut. = Wenn der Mensch zur Arbeit geht, weiß er, **wofür** er arbeitet. (schafft*).

Tes kann mer net mehr here, **was vun Tarf tass** tu kommst. = Das kann man nicht mehr hören jetzt, **von welchem Dorf** du kommst.

В некоторых случаях зависимые предикативные конструкции, вводимые вопросительным местоимением в сочетании с союзом «tass», употребляются вместо простых вопросительных предложений, например:

Warum tass so n Schild is, vun vārunneunzig? Tes is net recht. = **Warum** ist so ein Schild, von vierundneunzig? Das ist nicht richtig.

В подобных случаях употребление подчинительной конструкции служит для выражения модальности – она указывает на элиминированную главную предикативную единицу, подчеркивая заинтересованность или удивление говорящего: «Ich wundere mich, warum es so ein Schild ist.»

В речи носителей рассматриваемых нижненемецких говоров сочетание союза «dass» с вопросительными местоимениями или с другими союзами нами зафиксировано не было. Союз «dass» также используется диалектоносителями для присоединения к главному составу разных типов придаточных предложений, однако не получает столь широкого распространения, как в верхненемецких говорах.

В верхненемецких говорах распространено употребление союза «wo» для присоединения различных типов придаточных предложений:

Внем.: Ich hatt allerhond fuzählt, und hod'r noch kefrucht, **wo** te Keschicht schei war. = Ich habe allerhand erzählt, und er hat noch gefragt, **weil** die Geschichte schön war.

Jezert is es schunt vārzig Johr, **wo** mer to zomme sin. = Jetzt sind es schon vierzig Jahre, **seitdem** wir zusammen sind.

Awer **wo** iwer sin, kroine immer. = Aber die drüben sind, weinen immer.

Wo me in Russlond wohnt, tut es ten tak ws'o rawno weh. = **Wenn** man in Russland wohnt, tut es denn sowieso weh (so was zu hören).

Un ti zweit Schwester, **wo** kestorwe is, ti hot siwe Klass keendigt. = Und die zweite Schwester, **die** gestorben ist, die hatte sieben Klassen beendet.

Как видно из примеров, союз «wo» в островных верхненемецких говорах Алтая может вводить зависимые предикативные конструкции причины, времени, выражать субъектные и условно-временные

отношения, а также присоединять определительные предикативные конструкции.

Использование данного союза было характерно для более ранних периодов развития немецкого языка [11, с. 232 – 233]. В современном литературном немецком языке данный союз неупотребителен, однако он сохранился сегодня в разговорной и диалектной речи, где он нередко употребляется в качестве всеобщего показателя относительного подчинения [4, с. 378; 13, с. 136; 9, с. 118].

В нижненемецких островных говорах в данных значениях союз «wo» не встречается. В речи носителей он выступает эквивалентом немецкому литературному союзу и наречию «wie»:

Ннем. **Wo** schud mi dot nech es, kann et' noscht moke. = **Wie** schade mir das auch ist, kann ich nichts machen.

Et' ha nech jefrougt, **wo** lang di en Ditschlond wuhne. = Ich habe nicht gefragt, **wie** lange die in Deutschland wohnen.

Наряду с союзными и относительными придаточными предложениями в говоре встречаются и асиндетические построения. Предложения с бессоюзным способом связи частей составляют 4,1 % от всех зафиксированных примеров. Это противоречит утверждению о том, что в островных немецких говорах широко используются асиндетические конструкции [8]. Чаще всего в рассматриваемом говоре асиндетическая форма связи встречается в придаточных предложениях дополнения и условия:

Внем. Ja, ich waß net, si fahre in ti onere Stadt, oder si plaiwe, wo si jetzt sin. = Ja, ich weiß nicht, fahren sie in die andere Stadt, oder bleiben sie, wo sie jetzt sind.

Häst tu kester mich kerabbelt, wär ich pa tich komme. = Hättest du mich gestern angerufen, wäre ich bei dir vorbeigekommen.

Такие структуры функционируют и в немецкой разговорной речи, равно как и в литературном немецком языке. Однако в говоре возможно бессоюзное присоединение и других типов придаточных предложений – временных, определительных, субъектных, бессоюзное оформление которых не характерно для литературного немецкого языка, например:

Внем. Hot onkefonge hia, war er escht to Utschotschik in ti Traktorbrigade. = Als er hier angefangen hatte, war er zuerst Kluppierer in der Traktoristenbrigade.

Mer hen woobschtsche Papir kriit, yun ti eschte pis te oonuntraißigste August mise me abkewe. = Wir haben überhaupt ein Papier gekriegt, vom ersten bis zum einunddreißigsten August müssen wir abgeben (den Test). Is kut, ti Olga is tohoom, ti helpt mich arich viil. = Ist gut, dass Olga zu Hause ist, die hilft mir sehr viel.

Ннем. Pessiat, wi gune ene Kirje. = Es passiert, wir gehen in die Kirche.

Использование в говорах бессоюзной формы связи в данных типах придаточных предложений объясняется близостью диалектной и разговорной речи – бессоюзные построения с временными, определительными и субъектными отношениями являются отличительной чертой немецкого разговорного гипотаксиса [9, с.134, 1, с. 109].

Близость с устной разговорной речью проявляется и в действии принципов языковой экономии и языковой избыточности, во многом обуславливающих грамматическое построение полипредикативных конструкций в говоре. Так, в речи носителей как верхне-, так и нижненемецких говоров, довольно часто встречаются эллиптические построения. Ситуативность, тесная связь с обстановкой, возможность подкрепления слова жестами и мимикой приводят к тому, что элиминируются как главные, так и второстепенные члены предикативных единиц:

Внем.: Oomol oikeschleppt – ti halwe Kastrul leer. = (Wenn er) einmal geschöpft (hat), (ist) der halbe Topf leer.

Ннем.: Hab Schwiin jehäid, hab T'eej jehäid, sou det et' faktisk fiif Klousse jeendeucht ha. = (Ich) habe Schwein gehütet, habe Kühe gehütet, so dass ich praktisch fünf Klassen beendet habe.

В некоторых случаях могут быть элиминированы целые предикативные единицы в составе сложноподчиненного комплекса:

Внем.: Ti Schweinefirma woobschtsche, wonnste tir vustelle konnst. = Die Schweinefarm überhaupt, (das war schrecklich), wenn du es dir vorstellen kannst.

В данном случае слушающему для понимания достаточно невербальных средств (мимики и соответствующего жеста), которыми говорящий сопровождает свое высказывание, вследствие чего главный состав сложноподчиненного комплекса опускается.

Широко распространено в островных немецких говорах противоположное эллипсису явление повтора: в процессе речи часто повторяются или дублируются синонимами части сложноподчиненного комплекса, если что-то должно быть представлено живо и наглядно:

Внем.: Unser **Moder**, *unser alt Moder*, saat, so wi ehr macht, so wird's. = Unsere **Mutter**, *unsere alte Mutter*, sagt: „So, wie ihr macht, so wird's".

Ннем.: Na jo, mit den Benzin es det hia leichta, wils **seja kold im Winta** es, *seja kold im Winta*. = Na ja, mit dem Benzin ist das hier leichter, weil's **sehr kalt im Winter** ist, *sehr kalt im Winter*.

Нередко повтор и плеоназмы служат для уяснения мысли, ее конкретизации и усиления. Такие повторы широко используются в немецкой разговорной речи вследствие ее естественности и эмоциональности [2, с. 104]. Действие принципов языковой экономии и языковой избыточности проявляется также и в таких явлениях, как стяжение, прерванность, пролептические, антиципационные конструкции и др.

Еще один фактор, влияющий на особенности сложноподчиненного предложения в островных немецких говорах – воздействие со стороны русского языка, особенно заметное в области средств подчинительной связи. Так, например, уступительный союз «wonn aach» конкурирует в говорах с заимствованным из русского языка союзом «хоть»:

Внем.: Ter is net komme, **hot'** hun ich'n kenedigt un ter wollt komme. = Der ist nicht gekommen, obwohl ich ihn eingeladen habe und der kommen wollte.

Ннем.: **Hot'** we däi ok seja enjenumme, fong he Tiit fe mi. = Obwohl er auch viel Arbeit hat, fand er Zeit für mich.

Постепенно языковая экономия вызывает замену сложного слова более простым, и союз «хотя», «хоть» становится основным средством передачи уступительных отношений в сложноподчиненном комплексе.

В верхненемецких говорах под влиянием русского языка появляются сложные временные союзы «noch tes wi» и «vor tes wi», калькированные с русских «после того, как» и «перед тем, как»:

Внем.: **Noch tes wi** me iwerzoge sin, musste ich te konz Monat s'Haus in Ordnung prenge. = Nachdem wir umgezogen sind, musste ich den ganzen Monat das Haus in Ordnung bringen.

Vor tes wiste sich keschlowe lejt, musste escht te Pille oinehme. = Bevor du schlafen gehst, musst du erst die Pille einnehmen.

Своего рода калькой структуры русского предложения является употребление отрицания в придаточных предложениях уступки:

Внем.: **Wi's tu net** fragst, ich kann niks mache. = Wie du es auch bittest, kann ich nichts machen.

Ннем.: Wu du **nech** best, et' fing di. = Wo du auch bist, ich finde dich.

Отрицательная частица "net" в уступительных придаточных предложениях появляется под влиянием русских конструкций "куда бы ни", "где бы ни", "когда бы ни" и т. п. Аналогичное явление можно наблюдать и в придаточных предложениях времени с союзом "pis":

Внем.: Ehr kennt paar Tage pa uns wohne, **pis** ehr sich **ko** Haus fint. = Ihr könnt paar Tage bei uns wohnen, bis ihr euch ein Haus findet.

Ннем.: Et' t'leiw doron nech, bot et' dot selbst nech sehe. = Ich glaube daran nicht, bis ich das selbst sehe.

В современном литературном немецком языке, как и в немецкой разговорной речи, отрицание данным типам придаточных предложений несвойственно. В островных диалектах и говорах оно появляется под воздействием русской синтаксической конструкции «пока не».

Влиянием русского языка объясняется и употребление русской частицы "бы" после союза "wenn" (внем. wonn / ннем. wänn) в сложноподчиненных предложениях с придаточным условием:

Внем.: Wänn **by** wär mehner Reger, täide me on raicherer Uroshai zommerome. = Wenn es mehr geregnet hätte, hätten wir bessere Ernte gehabt.

Ннем.: Wänn **by** du dem t'annst, wi **by** dot oolles ondascht. = Wenn du den kenntest, wäre das alles anders.

Сочетание союза "wenn" с частицей "by" употребляется только в ирреальных придаточных условиях для усиления нереальной модальности. Этому заимствованию способствует недостаточная выразительность сослагательного наклонения из-за частичной утраты в говорах форм конъюнктива.

Нельзя не отметить влияние русского языка и на порядок слов в сложноподчиненном комплексе. В островных немецких говорах нередко имеют место

как случаи отклонения от рамочного оформления придаточного предложения, так и нарушения порядка слов главного состава:

Внем.: Ich hoffe, tass si **kommt** pa Zait. = Ich hoffe, dass sie pünktlich kommt.

Wonnste willst in Theater kehe, **ich** kann tich Piled-er suche. = Wenn du ins Theater gehen willst, kann ich dir die Karten besorgen.

Ннем.: De ischte Tiit schooft et' em Kolchos, os Sampredsedatelja Kolchosa, neche wi et' ook Sootech-nik, ook Agronom, **wils** wi **houde** em Kolchos t'ejnem, en de latzte Tiit hab et' twentech Joh os Ekonomist jeschooft. = Die erste Zeit schuf ich im Kolchos, als Vertreter vom Kolchosvorsitzenden, dann war ich Zootechniker, auch Agronom, **weil** wir im Kolchos keinen **hatten**, und die letzte Zeit habe ich zwanzig Jahre als Ökonom geschaffen.

Однако нарушение порядка слов в сложноподчиненном предложении не стоит целиком приписывать только влиянию русского языка. Как уже было отмечено выше, говорам присущи особенности немецкой разговорной речи, в том числе и более свободный порядок слов по сравнению с письменным литературным немецким языком. В результате длительного контактирования с русским языком в говорах лишь укрепляется тенденция к более свободному расположению членов сложноподчиненного предложения.

Таким образом, мы видим, что островные немецкие говоры Алтайского края обнаруживают много общего с исходными говорами и диалектами Германии, а также с устной разговорной немецкой речью. В то же время сложноподчиненное предложение в говорах обнаруживает специфические черты, сформировавшиеся за долгое время развития говоров в изоляции от исходного языкового коллектива в условиях тесного контакта с русским языком. С одной стороны, в результате стремления носителей говоров сохранить свой язык, в них сохранились многие реликтовые явления, свойственные немецкому языку в ранние периоды развития, с другой стороны, в говоры проникают элементы структуры русского языка. При сравнении синтаксических особенностей разных групп островных немецких говоров становится очевидным, что синтаксис сложноподчиненного предложения в островных верхненемецких говорах выказывает намного больше своеобразия по сравнению с нижненемецкими говорами, которые по структуре намного ближе к современному литературному немецкому языку.

Литература

1. Девкин, В. Д. Немецкая разговорная речь: синтаксис и лексика [Текст] / В. Д. Девкин; под ред. Н. Н. Соколовой. – М.: Международные отношения, 1979. – 254 с.
2. Брандес, М. П. Стилистика немецкого языка: учебник для студентов институтов и факультетов иностранных языков [Текст] / М. П. Брандес; под ред. В. М. Завьяловой. – М.: Высшая школа, 1983. – 271 с.

3. Едиг, Г. Г. Придаточные предложения нижненемецкого говора Алтайского края [Текст] / Г. Г. Едиг: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Томск, 1962. – 39 с.

4. Жирмунский, В. М. Немецкая диалектология [Текст] / В. М. Жирмунский; Академия наук СССР, Институт языкознания; отв. ред. В. Ф. Шишмарев. – М.: АН СССР, 1956. – 636 с.

5. Земская, Е. А. Русская разговорная речь. Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис [Текст] / Е. А. Земская, М. В. Китайгородская, Е. Н. Ширяев; отв. ред. Е. А. Земская. – М.: Наука, 1981. – 276 с.

6. Москалюк, Л. И. Социолингвистические аспекты речевого поведения российских немцев в условиях билингвизма [Текст] / Л. И. Москалюк. – Барнаул: БГПУ, 2000. – 166 с.

7. Москалюк, Л. И. Лингвистический атлас немецких диалектов на Алтае [Текст]: в 2 ч. / Л. И. Москалюк, Н. В. Трубакина. – Барнаул: АлтГПА, 2010. – 197 с.

8. Пирогов Н. А. Синтаксис современной нижненемецкой диалектной литературы [Текст] /

Н. А. Пирогов: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1980. – 27 с.

9. Поликарпов, А. М. Сложное предложение в синтаксисе немецкой разговорной речи / А. М. Поликарпов. – Архангельск: Поморский гос. ун-т. им. Ломоносова, 2000. – 446 с.

10. Kallmeyer, W. Textlinguistik [Текст] / W. Kallmeyer, R. Meyer-Hermann // Lexikon der Germanistischen Linguistik / Hg. von P. Althaus, H. Henne, H. E. Wiegand. – Tübingen: Niemeyer, 1980. – Band 1.

11. Moskalskaja, O. I. Deutsche Sprachgeschichte [Текст] / О. И. Москальская: учебное пособие для вузов: [на нем. яз.]; предисл. Н. И. Рахманова. – М.: Академия, 2003. – 281 с.

12. Wild, K. Syntax der eingeleiteten Nebensätze in den "Fuldaer" Deutschen Mundarten Ungarns [Текст] / K. Wild. – Budapest: Akad. Kiadó, 1994. – 257 S.

13. Post, R. Pfälzisch. Einführung in eine Sprachlandschaft [Текст] / R. Post; 2. Aufl. – Landau/Pfalz: Pfälzische Verlagsanstalt GmbH, 1992. – 399 S.

УДК 81'23

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ФЕНОМЕНОВ «АГРЕССИЯ» И «КОНФЛИКТ» В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ РОССИЯН И АМЕРИКАНЦЕВ

А. Г. Фомин, Н. С. Якимова

THE REPRESENTATION OF THE PHENOMENA OF "AGGRESSION" AND "CONFLICT" IN RUSSIANS' AND AMERICANS' VERBAL CONSCIOUSNESS

A. G. Fomin, N. S. Yakimova

Статья посвящена анализу данных свободного ассоциативного эксперимента по словам-стимулам «агрессия» и «конфликт». В эксперименте приняли участие российские и американские студенты. В статье представлена модель репрезентации исследуемых слов-стимулов в языковом сознании представителей соответствующих лингвокультур.

The results of the free associative experiment with words-stimuli "aggression" and "conflict" are presented in the study. The participants of the experiment were Russian and American students. The model of the representation of the given words-stimuli in Russians' and Americans' verbal consciousness is provided.

Ключевые слова: агрессия, конфликт, языковое сознание, свободный ассоциативный эксперимент.

Keywords: aggression, conflict, verbal consciousness, free verbal associative experiment.

Агрессивность коммуникативного и информационного пространства современного мира непременно проявляется в агрессивном поведении индивидов. А поскольку любое явление окружающей действительности непременно находит отражение в языке и языковом сознании его носителей, мы можем говорить и об агрессивном коммуникативном поведении и вербальной агрессии как одной из его форм.

Преодоление агрессии в коммуникативном поведении является залогом успешности коммуникации, в частности, межкультурной. Для разработки механизма преодоления вербальной агрессии в межкультурной коммуникации необходимо комплексное изучение экстралингвистических феноменов и языковых маркеров, которые могут служить репрезентантами и катализаторами агрессии.

Целью проведенного исследования является моделирование фрагмента лингвокультурного сознания русской и американской языковой личности. Данная статья посвящена анализу репрезентации феноменов «агрессия» и «конфликт» в языковом сознании россиян и американцев. Необходимо отметить, что, несмотря на актуальность феномена агрессии для современного общества, это слово-стимул не представлено в Русском ассоциативном словаре [4], следовательно, изучение ассоциативного поля слова-стимула «агрессия» в рамках данного исследования проводится впервые. Важность взаимосвязи понятий «агрессия» и «конфликт» не вызывает сомнения. В частности, Н. Н. Кошкарлова в своем исследовании приходит к выводу о том, что любой конфликт коммуникантов построен на агрессии, которая затем воплощается в коммуникативном конфликте, составляя данную трихотомию [2, с. 49].

Ассоциативный эксперимент как вид исследования вербальной агрессии был проведен нами в 2008 году в США и в 2009 году в России.

Всего в свободном ассоциативном эксперименте приняли участие 203 человека, из них – 101 русский и 102 американца. Среди русских респондентов – 33 мужчины и 68 женщин, все они – носители русского языка и студенты Кемеровского государственного университета. Среди американских респондентов – 35 мужчин и 67 женщин, все они являются носителями американского варианта английского языка, а также студентами университета г. Лок-Хэйвен, США. Средний возраст русских респондентов – 19,52 года, средний возраст представителей американской группы – 20,16 года.

Эксперимент проводился в письменной форме на родном языке респондентов. В рамках ассоциативного эксперимента испытуемые должны были записать все ассоциации, возникающие у них при прочтении слов-стимулов; ограничений по количеству и содержанию ответов не было, однако количество времени для ответа по условию эксперимента было ограничено.

Полученные в ходе эксперимента реакции образуют ассоциативные поля исследуемых слов-символов. Наиболее частотные реакции формируют ядро ассоциативного поля, единичные и менее частотные реакции образуют его периферию [1; 5,

с. 139 – 162; 6]. При анализе результатов ассоциативного эксперимента учитываются как количественные (общее количество полученных реакций; количество отказов от реагирования; количество единичных реакций, степень стереотипизации реакций), так и качественные показатели (взаимосвязь полученных реакций со словарными дефинициями слов-стимулов). Количественные показатели реакций мужчин ниже, чем у женщин, поскольку и респондентов мужского пола было меньше, чем испытуемых женского пола. Поэтому при сравнительном анализе использовались относительные показатели, в частности, степень стереотипизации реакций (процент идентичности реакций), по которой можно судить о большей или меньшей однозначности отношения к данным понятиям в конкретном обществе и культуре. Степень стереотипизации реакций на слово-стимул рассчитывалась по формуле:

$$St = 1 - \frac{n_{dif}}{n_t} \times 100\%,$$

где St – показатель степени стереотипизации реакций; n_{dif} – количество вариантов различных реакций; n_t – общее количество реакций на слово-стимул. Из полученных данных очевидно, что степень стереотипизации реакций американцев значительно выше, чем у россиян.

Таблица 1

Количественные показатели реакций респондентов на слово-стимул «агрессия/aggression»

	<i>Россияне</i>		<i>Американцы</i>	
	<i>мужчины</i>	<i>женщины</i>	<i>мужчины</i>	<i>женщины</i>
Количество респондентов	33	68	35	67
Общее количество реакций	56	117	59	111
Различных реакций	40	75	31	48
Единичных реакций	32	62	25	36
Отказов	0	1	0	1
Степень стереотипизации	28,57 %	35,90 %	47,46 %	56,75 %

Таблица 2

Реакции российских респондентов на слово-стимул АГРЕССИЯ

<i>Ответы мужчин</i>	<i>Ответы женщин</i>
Злоба (8); война (3); ярость (3); Гитлер (2); спор (2); удар (2); необоснованная (2); ракеты (2); алкоголизм; апатия; апельсин; беспокойство; бой; внезапная злость к кому-либо; возбуждение; враг; громкая брань; действия физического характера, подкрепленные внутренним беспокойством в отношении другого существа; драка; красное лицо; крик; кровь; люди; матерщина; насилие; нож; обоснованная; оскал; Папуа Новая Гвинея; период; плохо; поединок; полемика; разрушение; слабость; смерть; спонтанность; терроризм; трусость; убийство (56).	Злость (20); война (5); крик (5); драка (4); ненависть (4); ярость (3); грубость (2); дикие животные (2); жестокость (2); негатив (2); раздражение (2); страх (2); терроризм (2); асоциальные элементы; атака; безысходность; бешенство; боль; войны; вооруженное нападение; враг; вспыльчивость; Германия; гнев; дворы; желание самореализоваться; защита; зубы; идиотизм; Интервенция; Ирак; испорченное настроение; конфликт; кровь; месть; нападение; напряжение; насилие; неадекватное поведение человека; негодование; нежелание; необоснованность; неожиданность; неприязнь; нож; ночь; Нью-Йорк; огонь; озлобленность; оскал; подростки; преступники; причинение ущерба; расстройство; Резолюция ООН "Определение ярости" 1984 г; рожа; свойственна каждому; сила; слабость; слюни; Сталин; стресс; США; темнота; тигр; толпа; тупость; убийство; угроза; удар; укус; унижение; уничтожение; фашизм; хищники (117).

Основные количественные показатели реакций респондентов на слово-стимул «агрессия/aggression» представлены в таблице 1.

В российской группе респондентов на данное слово-стимул было получено 173 реакции: 56 реакций мужчин и 117 реакций женщин. Количество реакций респондентов мужского пола меньше, поскольку количество опрошенных мужчин также было меньше количества женщин. Полученные ассоциации представлены в таблице 2.

Наиболее частотная реакция у респондентов мужского пола – *злоба* (14,29 %), у женщин наиболее частотной является однокоренная реакция *злость* (17,09 %). Очевидно, российские респонденты именно *злость* считают основной причиной агрессии; другие эмоции в этом ряду ассоциатов – *ярость* (5,36 % у мужчин, 2,56 % у женщин), *ненависть* (3,42 % у женщин), *раздражение*, *страх* (по 1,71 % у женщин), *бешенство*, *гнев*, *негодование* (единичные в ответах женщин). Данная реакция также однозначно определяет место агрессии на шкале бинарной оппозиции культурных концептов «добро-зло».

Вторая по частотности реакция у представителей обоих полов – *война* (5,36 % у мужчин и 4,27 % у женщин), вероятно, это объясняется ролью войн в истории Российского государства и отношением к Великой отечественной войне в частности, подтверждением чему служат менее частотные реакции *Гитлер*, *ракеты*, *Сталин* (по 3,57 % у мужчин), а также единичные реакции в ответах женщин: *Германия*, *фашизм*. В ответах российских женщин-респондентов имеют место множественные единичные реакции, которые также относятся к сфере войны, очевидно, потому, что и в современном мире случаются многочисленные военные конфликты, что отражается в реакциях: *атака*, *войны*, *вооруженное нападение*, *враг*, *Интервенция*, *Ирак*, *конфликт*, *терроризм* (единичная у мужчин, 1,71 % у женщин).

Примечательно, что полученные реакции отражают наличие основных разновидностей агрессии – физической: *удар* (3,57 % у мужчин, единичная у женщин), *драка* (3,42 % у женщин, единичная у мужчин) – и вербальной: *крик* (4,27 % у женщин, единичная у мужчин), *спор* (3,57 % у мужчин), *громкая брань*, *матерщина* (единичные у мужчин).

Многие единичные реакции на это слово-стимул содержат ярко выраженную негативную оценку: у мужчин – *трусость*, *убийство*, у женщин *асоциальные элементы*, *идиотизм*, *неадекватное поведение человека*, *тупость* и др. В ответах женщин также присутствуют реакции *дикое животное* (1,71 %), единичные *тигр*, *хищник*, которые придают дополнительный негативный смысл, определяя агрессивное поведение как инстинктивное и свойственное животным. Отметим, что, по данным РАС слово *агрессия* является реакцией на слово-стимул *тигр*, а также на слово-стимул *фашизм* [4] (оба представлены в единичных реакциях женщин).

В словаре Т. Ф. Ефремовой приводятся следующие значения слова *агрессия*: «1. Незаконное применение силы одним государством против другого, вооруженное нападение одного государства на другое с целью захвата территории, ликвидации независимости и т. п. (в международном праве). 2. Склонность к нападению, наступлению на кого-л.; агрессивность, враждебность» [2]. Ядерные реакции на слово-стимул *агрессия*, полученные в данном исследовании, отражают оба значения: агрессию на межполитическом и межличностном уровнях.

В американской группе респондентов на данное слово-стимул было получено 170 реакций: 59 реакций мужчин и 111 реакций женщин. Количество реакций женщин превышает количество реакций мужчин, поскольку и количество респондентов женского пола пропорционально больше количества респондентов мужского пола. Полученные ассоциации представлены в таблице 3.

Таблица 3

Реакции американских респондентов на слово-стимул AGGRESSION

Ответы мужчин	Ответы женщин
Anger (19); fighting (4); war (3); hate (2); mad (2); violence (2); active; adrenaline; attack; competition; dictator; direct; dominance; excitement; frustration; games; goat; harm; hostile; irritation; males; mean; overbearing; playing a football game; scary; sporting event; sports; temper; towards another; unnecessary; upset (= 59).	Anger (31); fighting (8); violence (8); mad (7); mean (5); frustration (4); boys (2); dogs (2); forceful (2); hate (2); hostility (2); hurt (2); men (2); animal like; blood flowing; bully; conflict; confrontation; dancing; fear; fist; football; furrowed brow; gets things done; harassment; having conflicts with other people; hit; impatient; loath; lose of control; people wronging you; physical violence; punch; resentment; rough; scheduling problems; singing; sport; sporting events; stress; taking it out on sth; taking the lead; talking; temper; unhappy; upset; willing to fight back; work; yelling (= 111).

Наиболее частотной является реакция *anger* (35,59 % у мужчин и 27,93 % у женщин). Следовательно, главной причиной агрессивного поведения, с точки зрения американцев, является эмоциональная составляющая, в частности, эмоция гнева. К другим номинациям эмоций относятся *mad* (3,39 %

у мужчин и 6,31 % у женщин), *hate* (3,39 % и 1,8 % соответственно), *hostility* (1,8 % у женщин), единичные реакции *excitement*, *hostile*, *impatient*, *loath*, *unhappy*, *upset*. Примечательно, что вторая по частотности по данным ассоциативного словаря [7] реакция *fear* в результатах данного исследования

представлена только как единичная в ответах мужчин.

Вторая по частотности реакция как у мужчин, так и у женщин – *fighting* (6,78 % и 6,31 % соответственно) отражает основной способ проявления агрессии (по данным ассоциативного словаря реакция *fight* является наиболее частотной). Об этом также свидетельствуют ассоциаты *violence* (3,39 % у мужчин и 7,31 % у женщин) и единичные реакции *attack, fists, hit, hurt, punch* и др.

Третья по частотности реакция у мужчин – *war* (5,08 %), война как радикальная форма проявления агрессии на государственном уровне; к этому же семантическому уровню могут быть отнесены единичные реакции мужчин *dictator, domination*.

Об отношении респондентов и представляемого ими социума к агрессии как явлению свидетельствует частотная у женщин реакция *mean* (4,5 %, единичная у мужчин). Частотные реакции отсылают и к основной теории агрессии в психологии: *frustration* (3,6 % у женщин, единичная у мужчин). Единичная реакция у мужчин *harm* соответствует основному мотиву агрессивного поведения, отраженному и в словарном значении слова-стимула.

Единичные ассоциаты раскрывают основную сферу проявления агрессивности: это соперничество, например, в спорте. К ним относятся реакции *sport, games, football*, а также *competition, dancing*,

singing и др., присутствующие как в ответах мужчин, так и у женщин.

Среди реакций можно выделить и обозначающие наиболее частотный субъект и источник агрессии: это различные животные – *dogs* (1,8 % у женщин), *animal, goat*, а также некоторые испытуемые женского пола называли среди субъектов агрессии лица мужского пола – *men, boys* (по 1,8 %), в ответах мужчин встречается единичная реакция *males*. Среди единичных реакций встречается и лексема разговорного стиля с оценочной коннотацией *bully*.

Итак, агрессия ассоциируется у американских студентов с борьбой и насилием как способами выражения сильных эмоций, нередко в спорте и других соревнованиях.

Понятие «агрессия» тесно взаимосвязано с понятием «конфликт». Основные количественные показатели реакций респондентов на слово-стимул «конфликт/conflict» представлены в таблице 4.

В российской группе респондентов на данное слово-стимул было получено 124 реакции: 44 реакции мужчин и 80 реакций женщин. Количество реакций респондентов мужского пола меньше, поскольку количество опрошенных мужчин также было меньше количества женщин. Полученные ассоциации представлены в таблице 5.

Таблица 4

Количественные показатели реакций респондентов на слово-стимул «конфликт/conflict»

	Россияне		Американцы	
	мужчины	женщины	мужчины	женщины
Количество респондентов	33	68	35	67
Общее количество реакций	44	80	53	93
Различных реакций	30	58	25	53
Единичных реакций	26	50	19	42
Отказов	2	8	0	1
Степень стереотипизации	31,82 %	27,50 %	52,83 %	43,01 %

Таблица 5

Реакции российских респондентов на слово-стимул КОНФЛИКТ

Ответы мужчин	Ответы женщин
Война (10); ссора (4); агрессия (2); спор (2); бывает; драка; жертвы; Ирак; межполитический; мир; не сошлись во мнениях; непонимание; неравенство; нехорошо; отношения; отрешенность; проблемы; противостояние; разногласие; разрешение; разрыв; ранение; расхождение; самовыражение; смерть; совместное проживание; соперничество; точка; угроза; физический ущерб (= 44).	Ссора (12); война (4); драка (3); решение (3); обида (2); противоречия (2); столкновение (2); сторона (2); агрессия; боль; вооруженный; вражда; грубость; доказательства; задача; злость; испорченное настроение; истерика; контракт; конфета; крик; лучше избегать; магнит; международный; межнациональный; межэтнический; МО; мордобой (=); надо решать!; неуравновешенность; обход; оружие; переговоры; переживание; политика; примирение; проклятие; противостояние; работа; развал; разные взгляды; разные мнения; разочарование; раскол; расхождение во мнениях людей, из-за которого возникает нехорошее чувство; словесный; сомнения; спор; стена; столкновение вооруженное; столкновение интересов; столкновение мнений; страх; у всех случается; улучшение; учеба; что будет дальше?; этноконфессиональные процессы (= 80).

Наиболее частотная реакция мужчин на это слово – *война* (22,73 %, у женщин – 5 % (вторая по частотности), а также вторая по частотности в РАС) и единичные реакции *Ирак*, *межполитический* и др.

Наиболее распространенной реакцией женщин является вариант *ссора* (15 %, у мужчин – 9,09 %, наиболее частотная по данным РАС), к той же семантической группе относятся реакции *столкновение* (6,25 %), *спор*, *раскол* и др.

Менее частотные и единичные реакции на данное слово-стимул отображают возможные причины конфликта, в основном это *расхождение во мнениях* (3,75 %), *столкновения интересов*, а также осознаваемую необходимость разрешения конфликта: *мир*, *примирение*, *переговоры*, *разрешение*, *улучшение* и т. п.

Анализ частности реакций на данное слово-стимул позволяет прийти к выводу, что у российских мужчин конфликт ассоциируется прежде всего с войной – на государственном уровне, у женщин – с ссорой, разногласиями на личностном уровне. Словарное толкование *конфликта* отражает оба этих уровня: «серьезное разногласие, столкновение противоположных сторон, мнений, сил» [2].

В американской группе респондентов на данное слово-стимул было получено 145 реакций: 52 реакции мужчин и 93 реакции женщин. Количество реакций женщин превышает количество реакций мужчин, поскольку и количество респондентов женского пола пропорционально больше количества респондентов мужского пола. Полученные ассоциации представлены в таблице 6.

Таблица 6

Реакции американских респондентов на слово-стимул CONFLICT

Ответы мужчин	Ответы женщин
Fight (13); war (6); disagreement (5); problem (5); arguing (2); argument (2); Iraq (2); aggression; between countries; cause and effect; drama; Grenada; good for people when not taken to extremes; Iraq-Contra; lack of knowledge; misunderstanding; ongoing fight; needs to be solved; resolution; quarrel; social issues; struggle; turmoil; Vietnam; World (=53).	Fight (13); problem (11); disagreement (9); arguing (3); argument (3); confrontation (2); family (2); friends (2); resolution (2); war (2); yelling (2); 2 people; 2 different ideas can cause this; anger; bad feelings; battle; between 2 people who are mad; boys; clashing; clashing of ways/opinions; college; compromise; confused; dislike; don't want it; everything; fighter; financial aid; inner turmoil; internal; issue; mad; miscommunication; misunderstanding; needs resolved; no one wins; not seeing eye to eye; of interests; question; reading; should be solved; sociology; solution; solve; stupid; talk; things going wrong; to have a disagreement; trouble; try to avoid; uncomfortable; unrest; verbal disagreement (= 93).

Наиболее частотная реакция на данное слово-стимул – *fight* (25 % у мужчин и 13,98 % у женщин), а также война – *war* (11,54 % и 2,15 %) как экстремальная форма разрешения конфликта. Именно реакции из данной семантической категории составляют ядро ассоциативного поля по данным Ассоциативного тезауруса [7]. Конфликт как война представлен в третьем словарном значении слова-стимула: «*conflict* n. 1 [C; U] a difference, disagreement... 2 [C] an argument... 3 [C; U] a war...» [8]. Показательно, что эта реакция в ответах женщин встречается в 5 раз чаще, чем в ответах мужчин: этот факт подтверждает, что наличие стереотипов поведения и социальных ролей мужчин и женщин, которые усваиваются при воспитании, влияет на их ассоциативное поведение.

Наряду со сражением конфликт понимается как разногласие (основная словарная дефиниция), это вторая по частотности реакция: *disagreement* (9,62 % и 9,68 %), *argument* (7,7 % и 6,46 %), *clashing*, *quarrel*, *confrontation*. Частотной у женщин также является ассоциация *problem* (11,83 %), следовательно, для значительной части американок наличие проблемы обязательно приводит к конфликту.

Полученные реакции свидетельствуют о том, что, человек может вступать в конфликты с близкими людьми: *family*, *friends*. Наряду с индивидами,

целые страны также могут находиться в конфликтных отношениях: *Iraq*, *Vietnam*, *Grenada*, *Iraq-Contra*. Данные имена собственные встречаются в реакциях мужчин, что подтверждает широко распространенный стереотип о лучшем ориентировании и большей заинтересованности мужчин в политике и т. п.

Итак, в сознании американцев конфликт – это схватка либо разногласие, возникшие в результате непонимания, которые в любом случае должны быть разрешены. Конфликты были выявлены в двух сферах бытования: межличностные и межнациональные.

Результаты проведенного эксперимента позволяют представить следующие модели репрезентации понятий «агрессия» и «конфликт» в языковом сознании исследуемых групп респондентов.

В сознании российского студента агрессия ассоциируется со *злобой* и *яростью* как сильными эмоциями, а также с *войной* как крайней формой бытования конфликта. *Спор* также воспринимается российскими мужчинами как проявление агрессии. Чрезмерная и повсеместная репрезентация агрессии в современном мире вызвала у российских студентов реакцию «*необоснованная*» и отразилась в общей оценке данного феномена как *зла*. Конфликт у российских студентов ассоциируется прежде всего с

войной как формой проявления физической агрессии на межгосударственном (политическом) уровне.

В сознании российской студентки агрессия ассоциируется прежде всего с сильными эмоциями (*злость, ненависть, ярость, раздражение, страх* и др.). Также актуальны представления российских студенток об агрессии как форме физического или вербального конфликта (*война, крик, драка, терроризм*). Данный феномен получает оценку «зло» и ассоциируется с поведением, недостойным человека и вызываемым животными инстинктами (*дикие животные, жестокость, грубость*). Конфликт у российских студенток ассоциируется прежде всего с *ссорой* как формой проявления вербальной агрессии на межличностном уровне.

В сознании американского студента агрессия концептуализируется как результат эмоции гнева, а также ненависти. Для американских студентов агрессия – это прежде всего действия физического характера (*схватка, война, насилие*). Агрессивное поведение получает оценку *mad* (сумасшедшее). Конфликт у американских студентов ассоциируется прежде всего со схваткой (*fight*); по совокупности реакций можно судить, что с точки зрения данной группы респондентов конфликт наиболее вероятен на государственном уровне.

В сознании американской студентки агрессия репрезентирована прежде всего как результат эмоций (гнев, ненависть и др.), а также преимущественно как действия физического характера. Агрессивное поведение концептуализируется американскими женщинами как свойственное лицам мужского пола и получает оценку *mad* (сумасшедшее). Конфликт у американских студенток, также как и у мужчин, ас-

социируется прежде всего со схваткой (*fight*); по совокупности реакций можно судить, что, с точки зрения данной группы респондентов, конфликт наиболее вероятен на межличностном уровне.

Литература

1. Горошко Е. И. Интегративная модель свободного ассоциативного эксперимента / Е. И. Горошко. – М., 2001.
2. Ефремова, Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный / Т. В. Ефремова. – М.: Русский язык, 2000. – URL: <http://www.efremova.info>.
3. Кошкарлова, Н. Н. Лингвистические механизмы речевой агрессии в СМИ / Н. Н. Кошкарлова // Вестник ЧГУ, 2009. – № 10 (148). Филология. Искусствоведение. Вып. 30.
4. РАС – Русский ассоциативный словарь [электронная версия]. – URL: <http://thesaurus.ru/dict/dict.php>.
5. Уфимцева, Н. В. Русские: опыт еще одного самопознания / Н. В. Уфимцева // Этнокультурная специфика языкового сознания. – М., 1996.
6. Фомин, А. Г. Психолингвистическая концепция гендерной языковой личности / А. Г. Фомин. – Кемерово: Кузбассвуиздат, 2003. – 236 с.
7. Kiss G. The associative thesaurus of English / G. Kiss, C. Armstrong, R. Milroy, J. Piper. – Edinburgh, 1972. – URL: <http://www.eat.rl.ac.uk>.
8. Heinle' NHD – Heinle's Newbury House Dictionary of American English. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://nhd.heinle.com/home.aspx>.

УДК 811.1:378.881

МЕТОДИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ ОБУЧЕНИЯ СТУДЕНТОВ ИССЛЕДОВАНИЮ СХОДСТВ И РАЗЛИЧИЙ В ИНТЕРПРЕТАЦИИ УНИВЕРСАЛЬНЫХ КУЛЬТУРНЫХ КОНЦЕПТОВ

Л. П. Халыпина

METHODOLOGICAL APPROACH TO TEACHING STUDENTS HOW TO INVESTIGATE SIMILARITIES AND DIFFERENCES OF UNIVERSAL CULTURAL CONCEPTS

L. P. Khalyapina

В статье раскрываются новые методические подходы к обучению иностранным языкам на основе достижений таких базовых наук, как межкультурная коммуникация и когнитивная лингвистика, которые дают возможность осуществлять исследование универсальных культурных концептов, имеющих как сходства, так и различия в интерпретации их значений в различных языках и культурах.

In the article new methodological approach to the process of teaching foreign languages on the basis of studies in the field of such sciences as intercultural communication and cognitive linguistics are revealed. This approach gives an opportunity to investigate universal cultural concepts through the interpretation of their similarities and differences in different languages and cultures.

Ключевые слова: обучение иностранным языкам в аспекте межкультурной коммуникации, универсальные культурные концепты, концептуальный анализ, концептуальная картина мира, культурные ценности.

Keywords: teaching foreign languages in the aspect of intercultural communication, universal cultural concepts, conceptual analysis, conceptual world picture, cultural values.

В условиях использования английского языка как языка международного общения мы сталкиваемся с ситуацией, когда носители других языков (в том

числе русского) подсознательно апеллируют к своим культурным ценностям, что провоцирует взаимное непонимание. Как изменить данную ситуацию?

Как помочь студентам преодолеть эту проблему? Мы решили обратиться к исследованиям в сфере теории межкультурной коммуникации и когнитивной лингвистики, которые анализируют сходства и различия между представителями различных культур на уровне концептуальных картин мира, универсальных культурных концептов, концептуального анализа и т. д. Мы считаем, что использование в методической науке данных подходов и понятий поможет в большей степени подготовить изучающих иностранный язык к лучшему взаимопониманию с представителем другой культуры в ситуации межкультурной коммуникации и сокращению межкультурных барьеров.

В настоящее время в лингвистике и теории межкультурной коммуникации общепризнанными являются положения о наличии общих для всех культур элементов, которые обеспечивают возможность взаимопонимания всех людей на общепланетарном уровне. В плане терминологии здесь нет устоявшихся понятий, однако семантика представленных в данном контексте явлений идентична; так, к наиболее распространенным относятся следующие: семантические и концептуальные универсалии (А. Вежбицкая), культурные универсалии (В. А. Маслова), общечеловеческие концепты (В. М. Бухаров), универсальное когнитивное пространство, универсальная когнитивная база и универсально-прецедентные феномены (В. В. Красных, Д. Б. Гудков).

Возникновение универсалий связано с потребностями человека и человеческих общностей. Культурные универсалии предстают в многообразии конкретных вариантов культуры. Многообразие культурных форм ставит проблему сравнимости этих форм.

Многие ученые, принадлежащие к различным наукам и различным школам внутри наук, предпринимали попытки выявления культурных универсалий, присущих культурам всех человеческих общностей, населяющих нашу планету, и делали это при помощи различных по природе концептуальных аппаратов. Решение задач по определению общих черт, свойственных всем культурам – культурных универсалий – осуществляется в сфере лингвокультурологии, социологии, антропологии, собственно культурологии и других науках.

В связи с этим имеет смысл обратить внимание на теорию семантических универсалий и понимания культур через посредство ключевых слов [2]. Согласно рассматриваемой теории, возможность успешной коммуникации между различными культурами напрямую зависит от универсальности базового множества семантических примитивов, из которых каждый язык может создать практически бесконечное число более или менее «идиосинкретичных» (специфичных для данной культуры) понятий (комбинируя примитивы в различных конфигурациях). В качестве примера можно привести такие семантические и лексические универсалии, как:

– субстантивы: я, ты, некто (лицо), нечто (вещь), люди, тело;

– детерминаторы: этот, тот же, другой; атрибуты: хороший, плохой, большой, маленький;

– жизнь и смерть: жить, умереть и т. д.

Данная теория основана на том, что в структуре любого естественного языка могут быть обнаружены элементарные концепты (примитивы), а идентифицированные наборы примитивов в разных языках будут совпадать и каждый такой набор есть не что иное, как одна лингвоспецифическая манифестация универсального набора фундаментальных человеческих концептов. Данные концепты, по словам исследователя, являются частью генетического наследия человека, на основании чего делается вывод о том, что они не будут различаться от одного человеческого сообщества к другому. Отсутствие такого фундамента привело бы к тому, что «носители разных языков были бы обитающими в разных измерениях узниками различных концептуальных систем, лишенными всякой возможности какого бы то ни было контакта с узниками других концептуальных тюрем» [2]. Такое воображаемое положение противоречит опыту человечества, который указывает как на различия, так и на сходства в человеческой концептуализации мира и который говорит нам, что при всей трудности и определенной ограниченности межкультурной коммуникации, она все же не является абсолютно невозможной.

Ещё одна мысль, характерная для теории семантических универсалий, представляется важной для нашего исследования. Она заключается в следующем: «только надежно установленные языковые универсалии могут дать солидную основу для сопоставления концептуальных систем, закрепленных в различных языках, и для объяснения значений, закодированных в одних языках и не закодированных в других». Это утверждение представляется особенно значимым в том плане, что наличие одних и тех же концептов в разных языках ещё не говорит об их семантической равнозначности. Для разных культур могут быть характерны разные вербальные репрезентации и разные смысловые значения одних и тех же концептов, и лишь наличие языковых универсалий будет способствовать установлению взаимопонимания в ситуации межкультурной коммуникации.

В антропологии одним из возможных путей решения задачи идентификации культурных универсалий является универсальная модель культуры – концепция единого плана построения культуры, которая осуществлена на основе анализа нескольких сотен (более 600, World Ethnographic Atlas) культур. Данный анализ позволил выделить повторяющиеся черты, названные всеобщими. Изучение культурного разнообразия позволило исследователям выбрать элементы, общие для всех известных культур: возрастное деление, календарь, организация общества, системы родства, приготовление пищи, совместный труд и разделение труда, декоративное искусство, образование, этика, праздники, фольклор, табу, похоронные ритуалы, игры, подарки, гостеприимство, жилищное строительство, запрет инцеста, закон, наказания, имена, религиозные культы и т. д. Количе-

ство, качественный состав и сочетание рубрик у каждого автора (К. Уисслер, Дж. Мёрдок, Б. Малиновский, Д. Аберле, и др.) было оригинальным, не совпадало с концепциями коллег, однако суть оставалась единой.

В рамках данного исследования невозможно дать подробный анализ всех имеющихся на сегодняшний день концепций, определяющих и доказывающих важность существования той или иной культурной универсалии, однако представить компоненты различных систем считаем необходимым. Рассмотрим некоторые из наиболее известных.

1. Первые попытки объяснить сходства и различия культур исходили из психического единства человека и строились на изучении реакций человеческого организма на разнообразные стимулы и условия жизни. Таким образом, первая классификация культурных универсалий предложила вариант классификации основных побуждений и стимулов: самосохранение, увековечение себя, самоудовлетворение и религия (Самнер и Келлер). Эта классификация строилась на четырех чувствах: голоде, любви, тщеславии и страхе.

2. Модель культуры, построенная на основе «универсального» способа изучения сходств и различий культур, исходя из культурно-детерминированного поведения человека (Дж. П. Мёрдок). Итоговая универсальная схема содержала 47 всеобщих культурных черт, среди которых следующие: совместный труд, спорт, образование, наличие ритуалов, системы родства, правила взаимодействия полов, язык и т. д.

Все исследуемые элементы культуры в данном случае были зафиксированы при помощи формализованной записи, которая была разработана Дж. П. Мёрдоком и положена им в основу HRAF (Ареальная картотека человеческих отношений – Human Relations Area File). Впервые она была опубликована в виде «Этнографического атласа» (1967) и представляла собой набор табулограмм по 600 культурам.

3. Концепция универсальной социокультурной системы (D. F. Aberle, A. K. Coen, V. S. Devis). Эта схема включала девять позиций, каждая из которых была не просто отдельным культурным элементом, но вектором системы. В нее входили:

- адаптация общества к природе и воспроизводство населения;
- разделение социальных ролей и их распределение;
- коммуникация;
- общепринятые познавательные ориентации;
- общепринятый ряд целей;
- нормативное регулирование, регулирование эмоциональной сферы;
- социализация;
- контроль за девиантными формами поведения [6].

Эти составляющие рассматривались авторами концепции как функциональные условия, необходимые для выживания системы.

4. Разработанная на основе анализа американской школы антропологической лингвистики концепция, состоящая из десяти культурных универсалий в следующем составе: отношение к природе, времени, пространству, деятельности, характеру общения, характеру аргументации в ходе общения, личной свободе и автономности личности, соперничеству, власти, природе человека [3], [4].

5. Система универсальных культурных концептов, представленная Ю. С. Степановым, выделяет следующие: «вечное, мир, время, огонь и вода, хлеб, действие, ремесло, слово, вера, любовь, радость, воля, правда и истина, знание, наука, число, счет, письмо, алфавит, закон, цивилизация, душа, совесть, мораль, деньги, страх, тоска, грех, грусть, печаль, дом, язык» [5].

Объяснение существованию культурных универсалий антропологи связывают с биологическими и психологическими факторами. Исходя из того, что универсальная модель культуры существует во всех культурах – простых и сложных, древних и современных, ее основа объясняется особенностями биологической природы человека и условиями человеческого существования.

Идеи антропологии относительно универсальности модели культуры нашли своё продолжение в исследованиях по лингвистике и лингвокультурологии. Заслуживающее внимания высказывание В. М. Бухарова сформулировано следующим образом: «...формирование концепта в сознании человека происходит вне жесткой связи с тем, на каком языке он говорит и говорит ли вообще на каком-либо языке. Это означает возможность установления общечеловеческих концептов, системы реализации которых обнаруживают национальную, этническую, культурную и т. д. специфику. В результате этого возникают трансконцептные связи и отношения» [1, с. 74 – 84].

Полного согласованного списка культурных концептов данного, то есть универсального, уровня в лингвистической литературе ещё нет, и дискуссионным является вопрос о том, каковы критерии для составления такого списка – концептуария культуры.

В исследованиях группы волгоградских ученых (Э. В. Грабарова, 2001; С. П. Димитрова, 2001; О. А. Зеленова, 2001; Е. В. Кормакова, 1999 и др.) рассматриваются такие культурные концепты, как: честь, судьба, собственность, любовь, труд, обман, образование, красота, вежливость, гостеприимство, власть, закон, тоска, смерть, самоуважение, здоровье.

По проявлению культурных универсалий, культуры и культурные группы можно сравнивать между собой: в какой степени близки или далеки друг от друга те или иные общечеловеческие концепты в плане их содержания.

Необходимо подчеркнуть идею о том, что компетенция в сфере установления и объяснения гло-

бальных (общечеловеческих) концептов в ситуации межкультурной коммуникации будет способствовать продвижению на пути взаимопонимания между представителями разных культур. Быть компетентным в сфере глобальных (общечеловеческих) культурных концептов, значит обладать знаниями, умениями и способностями, необходимыми для того, чтобы выявлять концепты данного уровня в дискурсе собеседника, оповещать его о специфическом наполнении культурных универсалий в собственной культуре с тем, чтобы обеспечить возможность взаимного понимания с собеседником – носителем другой культуры.

После того, как были исследованы теоретические основы обращения к системе универсальных культурных концептов и доказана их значимость для ситуации межкультурной коммуникации, было организовано экспериментальное обучение иностранным языкам студентов языкового вуза с целью обучения их технологии осуществления учебного варианта концептуального анализа, с целью выявления сходств и различий в интерпретации одних и тех же культурных концептов представителями разных языков и культур. В целях более эффективной реализации разработанной автором методической системы, было решено осуществлять ее внедрение поэтапно. При этом были выделены следующие этапы: подготовительный (цель: овладение различными видами Интернет-коммуникации и знакомство с теорией концептуального анализа, особенностями исследования культурных концептов разных уровней); интерактивного обучения (цель: исследование способов лексической репрезентации культурных концептов); самостоятельной поисковой и исследовательской деятельности (цель: исследование способов контекстной реализации смысловых значений культурных концептов на основе web-сайтов и интерактивных жанров Интернет-коммуникации); творческого представления результатов самостоятельной деятельности (цель: сопоставительный анализ сходств и различий значений культурных концептов различных лингвокультур – на уровне универсального и этнокультурного значений культурных концептов – в рамках устной презентации или эссе).

В качестве языкового и речевого материала использовались разные жанры Интернет-дискурса как процесса и результата речевой деятельности, осуществляемой в условиях электронной среды: web-сайты (электронные толковые словари и энциклопедии, электронные газеты и журналы, отражающие современные проблемы и реалии жизни разных стран); форумы, позволяющие в рамках виртуальной конференции изучить особенности интерпретации той или иной проблемы представителями различных культур; e-mail-проекты, обеспечивающие возможность более глубокого исследования отношения к той или иной культурологической ситуации в разных культурах; chat-конференции, способствующие проведению экспресс-опроса по выявлению особенностей реализации и наполнения значения того или иного культурного концепта в различных культурах.

Тематика подготовительных занятий, посвященных проблемам концептуального анализа, включала в себя следующие пункты:

1. Языковая и концептуальная картины мира.
2. Культурный концепт.
3. Универсальная концептосфера.
4. Этнокультурная концептосфера.
5. Способы исследования лексической репрезентации концепта.
6. Способы исследования контекстуальной реализации смысловых составляющих концепта.

На основе имеющихся исследований концептов студентам была подробно объяснена методика осуществления исследования лексической репрезентации концепта и контекстной реализации концептуальных смыслов.

Первый этап знакомства с практической стороной концептуального анализа был направлен на изучение методики исследования толковых и энциклопедических словарей.

В данном случае для анализа лексикографических источников рекомендуется отбирать только прямые номинативные значения. Используемый для примера сравнительный анализ словарных дефиниций имен существительных «любовь» и «love» показал, что мнения составителей словарей по поводу признаков, по которым можно определить каждое из значений данных многозначных единиц, не совпадают, поэтому выделенные ими признаки весьма разнообразны, что свидетельствует о размытости, неопределенности абстрактного понятия «любовь» в целом при функционировании его языкового кода в речи.

В качестве практического задания студентам было предложено в малых группах поработать с англоязычными и русскоязычными лексикографическими изданиями на предмет изучения лексической репрезентации того же концепта «любовь». Выводы, полученные студентами, следующие. В английском языке большое внимание уделяется признакам, характеризующим любовь как страсть, желание: “A feeling of intense desire and attraction toward a person with whom one is disposed to make a pair; the emotion of sex and romance”. Однако в качестве общих признаков, обозначенных как в русских, так и в английских источниках, помимо интимности и теплоты, было выявлено также глубокое эмоциональное влечение (a deep, tender feeling of affection).

Подобные результаты анализа лексикографических источников позволяют дать студентам первичное представление об универсальной и этнокультурной специфике культурных концептов.

Следующей задачей подготовительного этапа, направленного на знакомство с методикой концептуального анализа с целью выявления общего (универсального) и различного (этнокультурного) в характеристиках концепта, является знакомство с методикой сопоставления интерпретаций контекстуальной реализации смысловых составляющих концепта и выявления общего и специфического в ассоциативных связях языковых сознаний представителей сопоставляемых лингвокультур.

Результат совместной работы с несколькими текстами, подготовленными преподавателем на основе материалов Интернет-сайтов, позволил определить следующие контекстуальные выражения о любви в русском и английском языках:

- 1) любовь – высшее благо и высшая ценность для человека;
- 2) любовь – не самое главное в жизни человека;
- 3) деньги, материальное благополучие важнее любви;
- 4) любовь неизбежна и непредсказуема;
- 5) истинная любовь приходит к человеку только один раз и т. д.

Вывод, предлагаемый студентам для обсуждения, заключается в следующем: для русских важнее любовь как духовный комфорт, эмоциональность переживания, для англичан очевидно рационально-утилитарное восприятие явления (любовь – не самое главное в жизни человека, но труд, а следовательно, материальное благополучие, деньги важнее и необходимее для человека, чем чувства).

Итог, который следует из данных, представленных в результате проведенной работы, заключается в следующем: являясь универсальным явлением в человеческой жизни вообще (а соответственно и универсальным культурным концептом), “любовь” как понятие универсально с точки зрения совокупности существенных признаков, наполняющих его. Но языковые интерпретации этого понятия различны в сравниваемых языках, так как коннотативные и ассоциативные признаки, вычлененные конкретным языковым сознанием, своеобразны и базируются на ментальных образах, свойственных только данному конкретному социуму. Расхождения в интерпретациях понятия “любовь” прослеживаются в структурных типах его описания, в коннотативных признаках и в образно-ассоциативных переосмыслениях, связанных с этим понятием.

Таким образом, лексические и контекстуальные варианты в наполнении концепта «любовь» в сравниваемых языках свидетельствуют об относительной универсальности данного концепта и разности его этнокультурного фона.

В качестве других концептов, предложенных студентам для совместного подготовительного исследования, были выбраны концепты «дружба», «счастье», «грех», «деньги».

Анализ итоговых самостоятельных работ студентов содержал полный и всесторонний сопоставительный анализ как лексической репрезентации концептов в двух лингвокультурах, так и исследование интерпретационного поля концепта на основе различных типов дискурса и Интернет-

коммуникации. В работах правильно интерпретировались сходства и различия смысловых значений концепта, на основе которых определялись выводы о возможном взаимопонимании между представителями исследуемых культур (в данном случае – американской и русской).

Итоговые работы говорят о том, что студенты, пользуясь учебным вариантом концептуального анализа, продемонстрировали способность, следуя различные лингвистические источники (словари, энциклопедии, тексты), осуществлять на когнитивном уровне проникновение в концептуальную систему носителей другой лингвокультуры, определять сходства и различия сопоставляемых лингвокультур, что оказывает положительное влияние на процесс межкультурного взаимодействия и взаимопонимания. Такой вывод подтверждается результатами реального общения в Интернет-среде, тональностью итоговых работ студентов, а также обсуждением рассматриваемых проблем на занятиях в процессе работы над той или иной темой.

Таким образом, результаты внедрения разработанной автором методической системы представили картину положительной динамики формирования способности и готовности студентов к межкультурной коммуникации, психологической готовности студентов к межкультурному взаимодействию с представителями другой культуры, желание и стремление понять их точку зрения.

Литература

1. Бухаров, В. М. Концепт в лингвистическом аспекте / В. М. Бухаров // Межкультурная коммуникация: учебное пособие. – Нижний Новгород: Деком, 2001.
2. Вежицкая, А. Семантические универсалии и описание языков / А. Вежицкая; пер. с англ. А. Д. Шмелева; под ред. Т. В. Булыгиной. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 780 с.
3. Елизарова, Г. В. Культура и обучение иностранным языкам / Г. В. Елизарова. – Санкт-Петербург: КАРО, 2005. – 352 с.
4. Елизарова, Г. В. Интерпретация культуры как текстовой сущности / Г. В. Елизарова. – Санкт-Петербург: Книжный дом, 2008. – 191 с.
5. Степанов, Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования / Ю. С. Степанов. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. – 824 с.
6. Aberle, D. F. The functional prerequisites of a Society / D. F. Aberle, A. K. Coen, V. S. Devis. – Ethic, – 1950.

ФИЛОСОФИЯ

УДК 159.923.2

ПОНИМАНИЕ ДРУГОГО КАК МОДУС СУЩЕСТВОВАНИЯ ЧЕЛОВЕКА

О. И. Жукова, В. Д. Жуков

UNDERSTANDING OF OTHER AS THE MODE OF PERSON'S EXISTENCE

O. I. Zhukova, V. D. Zhukov

В статье авторами анализируется понимание, являющееся одним из важных параметров формирования человека. Понимание рассматривается в качестве экзистенциально необходимого модуса бытия человека, через раскрытие которого он постигает смысл своего существования и существования Другого. Раскрываются основные подходы в понимании взаимодействия человека и Другого.

In the article the author analyses understanding, that is one of the main parameter for the formation of the man. The understanding is considered as the existentially necessary modus for the identity being by which the identity comprehend the meaning of self-being and being of Another. The basic approaches to the understanding of the identity and Another interaction are revealed in the article.

Ключевые слова: человек, герменевтический аспект, понимание, Другой, смысл существования.

Keywords: man, hermeneutic aspect, understanding, Another, meaning of being.

Один из важных параметров, формирующий человека в качестве целостности, связан с проблемой понимания себя и Другого. Понимание предстает в качестве универсальной категории, которая относится к бытию человека в целом. Оно необходимо для того, чтобы осознать индивидом свое место и предназначение в мире. Истолковывающее понимание, или понимающее толкование – это тот модус, вне которого бытие человека не может быть полноценно определено и осуществлено. Но при этом нужно учитывать, что определяющим условием, при котором возможно истолкование, понимание предполагает существование Другого, наличие которого и позволяет обнаруживать, раскрывать, отстаивать, корректировать, косвенным или прямым образом изменять, принимать или отторгать человеком самого себя. Поэтому, по большому счету, вне Другого самость не может самоопределиваться.

В европейской классической философии практически отсутствует понятие Другого, за исключением некоторых христианских учений и немецкого романтизма. В немецкой классической философии, если бы такое понятие присутствовало, то оно обозначало бы некий объект, вещь, мир, зависящий от активной деятельности субъекта. В данной философской традиции взаимопонимающая коммуникация двух самостей обязательно предполагала наличие отвлеченности, абстрактности в виде «абсолютной идеи», «мирового духа» и т. д. Однако именно понятие Гегеля «свое – иное», Фихте «не – Я» и были обозначены в качестве методологического основания для современного философского понимания категории «Другого».

Но только в постклассической философии, когда разум перестает быть безусловным, самодовлеющим, когда возникает сомнение в достоверности «сogito», идея человека предстает глубоко пронизанной самим фактом признания Другого, который обуславливает в ней присутствие собственной ре-

презентации. Обращение к Другому настолько определяет бытие человека, что делает открытость Другому содержанием становления его сущности.

Феномен Другого как объект философского осмысления появляется в постклассической философии в работах М. Бахтина, М. Бубера, Г. Гадамера, Л. Лакана, Э. Левинаса, Мерло-Понти, Ортеги-и-Гассета, П. Рикера, Ж.-П. Сартра, М. Хайдеггера, С. Франка, К. Ясперса и др. мыслителей. Изучение текстов данных философов показывает, что в значении термина «другой» (при этом неважно, с большой или маленькой буквы написано это слово) вкладываются разные смыслы: от понимания его как атомизированной, самодостаточной личностной самости – до рассмотрения не только в качестве человека, но и растения, животного, произведений человеческого духа, различных артефактов, законов природы, Бога. Идея Другого иногда вводится в процесс размышления в качестве явного, четкого понятия, иногда оказывается скрытой предпосылкой мышления. Другого относят и к внешнему, и к внутреннему в качестве условия восприятия или мышления.

Другой – это тот, кто обладает инаковостью по отношению к каждому Я и в то же время подобен ему, равноценен, так же личностно-самодостаточен. Другой необходим человеку, чтобы целостно постичь, понять все структуры своего существования. Другой зримо и незримо присутствует в его жизни. Он может оказывать самое разное влияние – от созидательного, до разрушительного. Все, что человек может понять относительно самого себя, оценить, определить как высоко ценностно-значимое или наоборот, как пустое, ничтожное в конечном итоге предопределяется Другим. Вне Другого нет личности.

Ортега-и-Гассет в своей работе «Человек и люди» [1] пишет, о том, что мир Другого входит в жизнь индивида намного раньше, чем мир природы,

так как человек рождается среди людей, и с ними он сталкивается в первую очередь. Испанский мыслитель формулирует определенный закон социальности, исходя из которого, каждый человек, прежде чем осознает самого себя, успевает получить общее представление о том, что существуют Другие, принципиально отличные от него самого. При этом мир Другого недоступен как некая очевидность. В Другом всегда наличествует тайна, нечто темное, неясное, противоречивое, скрытое, разного рода тайные ходы и переходы, куда доступ закрыт. Человек не может легко проникнуть в него, здесь присутствует лишь предположение, догадка, и эта догадка делает его сопричастным миру Другого. Подобная непроницаемость, недоступность Другого не отчуждает человека, а, наоборот, вызывает желание понять Другого, а через подобное понимание прийти к пониманию и самого себя. Это предполагает ситуацию открытости личности по отношению к Другому.

Но открытость навстречу Другому чревата для человека разными последствиями. Другой – это и потенциальный друг и враг. Другой, как считает Ортега-и-Гассет, по своему определению – опасен, причем каждый по-своему и в определенной степени. Опасность Другого, даже если он и не представляет угрозы, – вообще его определяющее качество. Оно отличает общение человека со своими знаковыми, даже с самыми близкими людьми.

Существование Другого зачастую отрицает бытие человека – его образ мыслей, чувств, предпочтений. Отсюда следует, что импульсы отрицания со стороны Другого превращают жизнь личности в череду перманентных столкновений и в конечном итоге позволяют ей провести демаркационную линию между собой и Другим. Если в свои детские годы человек экстраполирует свою самость на весь мир, считая ее абсолютно тождественной окружающему миру, то, по мере развития, его самость сужается до истинных размеров в результате постоянного столкновения с Другими, которые ограничивают ее экспансию.

Опасность, исходящая от Другого, не обязательно несет с собой нечто враждебное, деструктивное; напротив, она может оказаться благотворной, принести удачу. В этом контексте необходимо разделять влияние Другого на человека – от созидательного, до разрушительного. Созидательное проявляется в том, насколько Другой способствует развитию личности, оказывая благотворное влияние на ее ценности, мировоззрение, жизненную позицию. Разрушительное осознается, когда человек говорит на языке Сартра: «Ад – это другие». Французский экзистенциалист пишет в «Бытии и ничто», что Другой, Другие – это «смерть моих возможностей». При этом Сартр отмечает двойственность отношения человека к Другому: «Речь идет, с одной стороны, о том, чтобы защитить себя от опасности, которая подстерегает меня в моем внешнем-бытии-в-свободе-Другого, а с другой стороны, о том, чтобы использовать Другого в конечном счете для тотализации распадающейся целостности, которой я являюсь, для закрытия открытого круга и сделать, нако-

нец, то, чтобы я был основанием для самого себя» [2, с. 373].

Подобное происходит тогда, когда, живя в мире наполненном Другими, человек пытается выйти из глубин своего тотального одиночества, пытается преодолеть расколотость и заброшенность своего бытия, избавиться от чувства постоянной тревоги и неудовлетворенности путем познания себя и Другого. В этом случае Другие нужны ему для обретения своей распадающейся целостности. И в то же время Другие постоянно мешают понять человеку свою сущность, уведат его от обретения целостности, что и приводит в конечном итоге к «заболтанности», уходу от своей подлинности. Человеку грозит опасность не быть самим собой, потерять стержневые основы своего «я». Разрушительность Другого в том, что он выступает помехой на пути осознания человеком жизни как радикальной ценности, которая всегда есть только радикальное одиночество.

В свое время на двойственный характер взаимоотношения человека и Другого обращал С. Франк, предлагавший различать между упомянутыми нами выше два типа отношений.

В одном типе отношений, по мнению отечественного мыслителя, в своей первичной непосредственности Другой представляется самости как нечто чуждое, угрожающее. Другой таит в себе опасность врага, вторгающегося в мир самости, нарушающего ее внутреннее глубинное состояние. Личность начинает испытывать при этом особого рода страх, основанный на состоянии внутренней необеспеченности, она замыкается в себе, уходит вглубь себя. Быть может, как полагает мыслитель, состояние застенчивости и является знаком подобного соотношения. «Устремленный на меня взор чужой пары глаз – первое непосредственное действие на меня «ты» – повергает меня в состояние несвободы, связанности, скованности моего непосредственного самобытия, – в некоторого рода паралич его самообнаружения во мне, сказывающийся и в каком-то искажении его самого и его внутренней жизни» [3, с. 364]. Но ценность подобного состояния заключается как раз в том, что благодаря ему, и происходит рождение самости как актуализированного бытия в себе и для себя. Именно самоограждение личности позволяет ей понимать себя в качестве самодостаточного, внутренне, автономного и независимого человека.

Во втором типе отношений Другой, как показывает Франк, может иметь для личности совершенно иной смысл, в котором она узнает «реальность сходного, сродного, родного – некую свою родину» [3, с. 366].

Такое позитивное воздействие Другого для личности рождает в ней чувство единения, осознания себя уже не в качестве одинокой атомизированной сущности, а в качестве ей подобной, близкой, тождественной. При этом философ подчеркивает, что в каждом из этих положительных и отрицательных типов взаимоотношений между человеком и Другим содержатся как свои положительные, так и свои отрицательные черты. С одной стороны, если взять враждебные отношения между человеком и Другим,

то в этом опыте уже содержится внутренняя однородность личности и Другого, так как нечто абсолютно чуждое вообще бы никаким образом не затрагивало человека. В данном случае мир Другого находился бы в совершенно чуждой сфере реальности и тем самым не существовали бы никакие точки соприкосновения. «Напротив, всякое «единоборство» (личностей как и народов) предполагает некий минимум «уважения» к врагу – минимум его восприятия как мне подобного, мне сродного 'ты'» [3, с. 368]. С другой стороны, всякое положительное отношение личности и Другого, сколько бы оно не было исполнено взаимного тепла, симпатии, любви, понимания, содержит тем не менее элементы чуждости, «неродственности»; «и во всяком, даже любимом мне «ты», есть нечто жуткое и непонятное для меня – именно потому, что в конечном счете я для себя все же есмь, безусловно, единственный и одинокий, и не может быть речи о безусловной и безоговорочной однородности мне какого-либо 'ты'» [3, с. 368].

Итак, несмотря на сложный характер взаимоотношений человека и Другого, мир личности вне Другого будет искусственным, неподлинным миром, где ее становление в качестве уникального, неповторимого человека в конечном итоге не может состояться. Только в столкновении с Другим человек раскрывает границы своего мира, вырисовывает свой конкретный облик. Достоинства и недостатки Другого позволяют оценить и понять ему свои собственные отрицательные и позитивные черты. Таким образом, именно в мире, где находится Другой, именно благодаря ему, формируется индивид со свойственными ему уникальными чертами, психосоматическими характеристиками и стилем поведения. Во взаимодействии с Другим происходит второе рождение человека, но уже не в качестве определенного индивида с присущими только ему психофизиологическими особенностями, а в качестве уже неповторимой, самодостаточной индивидуальности, осознающей себя определенной целостностью. В этом и заключается позитивное влияние Другого на становление человека, которое, в первую очередь, основывается на аксиологических параметрах взаимодействия.

Оценочный аспект неизбежен при взаимодействии человека и Другого. Ведущим здесь выступает принцип, следуя которому, личность не может оценивать сама себя, не оценивая Другого как самого себя. Словоупотребление «как самого себя» означает, что Другой тоже способен реализовывать себя в мире, выстраивать иерархию своих целей и приоритетов, оценивать цели своих действий и данные действия сопрягать с оценкой самого себя, как и личность способна на самооценку. В данном случае, эквивалентность между «Другой тоже» и «как я сам» основана на этическом принципе: Другой, как и человек, что-то могут, каждый из них имеет свои значимость и предназначение в этом мире. В данном контексте оценка, понимание Другого, как самого себя, и оценка, понимание самого себя, как Другого, глубинным образом становятся эквивалентными. Мо-

жет быть, в этом и заключается секрет парадоксальной заповеди: «Возлюби ближнего своего как самого себя».

Этические взаимоотношения между личностью и Другим могут приобретать и иную окраску. Они могут носить не эквивалентный, а, наоборот, неравноценный характер. Все здесь зависит от того, каким образом толкуется область нравственного. Нравственная реальность может пониматься исключительно как сфера религиозного сознания. Взятая же вне религиозных координат, в частности, в философско-этическом аспекте, понятие нравственного сужается до уровня рациональных этических посылок, сводясь к абстрактной морали. Отсюда, если опираться, допустим, на принципы христианской нравственности, можно указать на принципиальную неравноценность человека и Другого, которая сводится к следующему: нельзя любить себя, но должно любить Другого, нельзя быть снисходительным к себе, но должно быть снисходительным к Другому, необходимо освобождать Другого от всяческого бремени и брать его только на себя. Поэтому как раз в образе Христа христианская этика находит «единственный по своей глубине синтез этического солипсизма, бесконечной строгости к себе самому человека, то есть безукоризненно чистого отношения к себе самому, с этически-эстетической добротой к другому: здесь впервые явилось бесконечно углубленное я-для-себя, но не холодное, а безмерно доброе к другому, раскрывающее и утверждающее всю полноту ценностного своеобразия другого... Отсюда, во всех нормах Христа противопоставляется я другому: абсолютная жертва для себя и милость для другого» [4, с. 51].

Как нам представляется, в этих двух этических прочтениях взаимоотношения человека и Другого просматривается метод герменевтической интерпретации, который и показывает, что подобная разность толкований не означает признания какой-либо позиции в качестве правомерной или ошибочной. Наоборот, они свидетельствуют о всей сложности и неоднозначности нравственных исканий, с которыми сталкивается личность, пытаясь понять, что для нее означает Другой. Окончательно осознанный ответ может для нее растянуться длиною в целую жизнь. В любом случае, этические, нравственные параметры в конечном итоге становятся ведущими в процессе взаимодействия человека и Другого.

Таким образом, как нам представляется, никакого полноценного, завершенного понимания личности относительно самой себя вообще не существует до встречи с Другим. Причем это касается не только этических сторон взаимоотношений ее и Другого, но и затрагивает эстетические параметры их взаимодействий. Этическая и эстетическая объективации нуждаются в некой серьезной точке опоры вне себя, в некоторой действительной составляющей, исходя из которой человек может видеть себя как Другого. Так, если обратить внимание на многие автопортреты, написанные великими художниками, то бросается в глаза отсутствие в них полноценного, завершенного собственного образа. Данный фено-

мен можно характеризовать как неспособность личности увидеть себя извне и в этом смысле ее нужно в Другом, в его видящей, помнящей, собирающей и объединяющей активности. Это подметил еще Бахтин: «Моя наружность не может стать моментом моей характеристики для меня самого. В категории я моя наружность не может переживаться как объединяющая и завершающая меня ценность, так переживается она лишь в категории другого, и нужно себя самого подвести под эту категорию, чтобы увидеть себя как момент внешнего единого живописно-пластического мира» (4, с. 33). Поэтому человек для себя не может быть эстетическим объектом. Эстетичен всегда Другой, видимый человеком извне. Человек воспринимает себя изнутри, не входя в живописно-пластический мир внешнего, находясь на границе кругозора собственного видения. Только Другой весь в объекте, и поэтому только он и может довести человека до целостности, придать ему форму.

Бесконечно многообразные варианты взаимоотношений человека и Другого показывают, что, будучи свободным бытием, Другой для человека может быть всем, начиная с друга и кончая недругом, т. е. носителем как добра, так и зла. Поэтому первоначально во встрече личности и Другого одновременно присутствуют амбивалентные чувства: смесь настороженности, доверия, страха и надежды. Но, как нам представляется, для глубинного понимания личности самой себя (что, как мы уже говорили, возможно только через понимания Другого), необходимо отказаться от изначального восприятия Другого как носителя зла. Напротив, здесь должна присутствовать ориентация на отношения между человеком и Другим, основанная на единстве раздельности и взаимопроникновения. В этом контексте мы не можем согласиться с Сартром и его пониманием природы межличностных отношений. Для французского экзистенциалиста первичное отношение человека к Другому связано с попыткой превратить последнего в объект рассмотрения, отчуждая тем самым его мир и его возможности, что приводит к своеобразному отрицанию Другого. Озабоченная утверждением своего индивидуального мира, своей свободы, личность, у Сартра, ищет путь к пониманию своей экзистенции не через обращение к Другому, а вопреки ему. Для Сартра, ключевые слова, отражающие взаимоотношения человека и Другого, – конфликт, борьба. В этом конфликте и происходит, с его точки зрения, конституирование важных экзистенциалов: вины, стыда, страха, греха и т. д. Несмотря на то, что Сартр говорит о двойственном отношении человека и Другого, тем не менее конфликт для него и есть первоначальный смысл бытия для Другого. В этом плане философ подчеркивает, что даже если самость личности и будет проявлять способность к толерантным отношениям, то тем не менее ей не удастся полностью ликвидировать кон-

фликт, в силу его онтологической укорененности в бытии человека, а лишь свести к минимуму характер «ада» в межличностных отношениях.

Как нам представляется, наиболее плодотворной позицией в понимании взаимосвязи человека и Другого является ориентация на нравственно-этические основания между ними. В характеристике отношений личности и Другого необходимо исходить из своеобразия их взаимодействий, основанных не на насилии, подчинении, господстве тотальности логоса и порядка, а на отношениях, где нет ничего «аллергического», отчужденного, где преобладает лишь признание уникальности Другого. Ведущими здесь должны быть принципы «человек – для –человека», «личность – для Другого» как приоритетные ценности, на которых должно быть основано социально-историческое и духовное существования человечества.

Отсюда, существенный признак отношений между человеком и Другим состоит как раз в том, что, при всей их сохраняемой, никогда не исчезающей самодостаточности и раздельности, в нем априори присутствует некое подлинное единство, осуществляемое в форме взаимопроникновения. И в этом взаимопроникновении происходит, если говорить языком Франка, «чудо трансцендирования», трансцендирования непосредственного самобытия личности за пределы самой себя.

Хотя, как мы видели, существует принципиальное различие между человеком и Другим, но тем не менее человек и Другой взаимно конституируют друг друга, один является условием другого, без этой пары не будет смыслового пространства, так как личность может быть противопоставлена и сопряжена только с другой личностью. Итак, исходя из этой посылки, можно говорить о том, что пока человек не в состоянии посмотреть на себя как на Другого, акт самовосприятия, познания и понимания не может состояться. Поэтому – только в желании встречи с Другим, в познании и понимании Другого впервые, в подлинном смысле, и рождается человек как завершенная целостность.

Литература

1. Ортега-и-Гассет, Х. Человек и люди. / Х. Ортега-и-Гассет // «Дегуманизация искусства» и другие работы. Эссе о литературе и искусстве; пер. с исп.: сб. – М.: Радуга, 1991.
2. Сартр, Ж.-П. Бытие и ничто / Ж.-П. Сартр; пер с фр. – М.: ТЕРРА: Республика, 2002.
3. Франк, С. Л. Непостижимое / С. Л. Франк. – М.: Правда, 1990.
4. Бахтин, М. М. Автор и герой в эстетической деятельности / М. М. Бахтин // Эстетика словесного творчества. – М.: Искусство, 1979.

УДК [1+316]:001

**ФИЛОСОФИЯ И ЭПИСТЕМОЛОГИЯ НАУКИ О РОЛИ «HABITUSA»
В ПОЗНАНИИ И ПРАКТИКЕ***Н. А. Иванова***PHILOSOPHY AND EPISTEMOLOGY OF SCIENCE ON THE ROLE OF «HABITUSA»
IN COGNITION AND PRACTICE***N. A. Ivanova*

В статье рассматривается роль «habitus» в разных философских контекстах (эмпиризм, философия жизни, прагматизм, феноменология, философия науки). Делается вывод о том, что «habitus» позволяет связать мышление и поведение, восприятие и действие, соединяет в себе интеллектуальные и телесные практики. Выступая консервативным фактором мышления и деятельности, «habitus» выполняет позитивно-высвобождающую функцию и обеспечивает творческие инновации.

In article the role «habitus» in different philosophical contexts (empiricism, life philosophy, pragmatism, phenomenology, science philosophy) is considered. The conclusion that «habitus» allows to connect thinking and behavior, perception and action is drawn. Also the «habitus» unites intellectual and corporal practices. Acting as the conservative factor of thinking and activity, the «habitus» carries out as a positive-liberating function and provides creative innovations.

Ключевые слова: габитус, повседневность, познание, действие, практика.

Keywords: habitus, daily occurrence, knowledge, action, practice.

К отличительным особенностям современной эпистемологии И. Т. Касавин относит междисциплинарность, порождающую новые методологические подходы и придающую социально-гуманитарному анализу познания новые импульсы, а также отказ от нормативных установок и обращение к повседневности [1]. Указанные тенденции позволяют говорить о размывании предметных и методологических границ между философией, социологией и историей, психологией и когнитивными науками, в результате чего происходят расширение и обогащение понятийного аппарата современной эпистемологии. В философии отказ от «герменевтики подозрительности», рассматривающей повседневность как низшую реальность, произошёл благодаря понятию «жизненного мира» Э. Гуссерля, выступающему необходимым условием жизнедеятельности человека и любых форм познания. Отмечая, что понятие «повседневная жизнь» не является самоочевидным, среди его дефинирующих характеристик польский социолог П. Штомка называет: необходимое присутствие социального контекста; циклический, рутинный характер событий; наличие ритуальных, типичных и привычных действий; телесную укорененность; локализацию в пространстве и определенное временное протяжение; нерелексированность и следование обычаям [2, с. 9 – 10]. Определяемый таким образом, концепт «повседневность» делает рассмотрение таких понятий, как социальный контекст, «habitus», ритуальные традиции, рутинизация, телесность, нерелексивные (фоновые) практики необходимым. Используемое в социологии понятие «габитус» (от лат. habitus – внешность и греч. – обычай), обозначая инкорпорированную в телесность человека социальность и историчность, позволяет в социально-гуманитарных исследованиях связать природное и социальное (М. Мосс), индивидуальное и коллективное (Н. Элиас), структуру и действие (Э. Гидденс), субъектив-

ное и объективное, свободу и необходимость (П. Бурдьё) и преодолеть тем самым традиционные оппозиции. Не являясь общепризнанной философской категорией, о чем свидетельствуют ее отсутствие в справочной и энциклопедической литературе, понятие «habitus» используется в разных философских контекстах, выявление которых представляется эвристически ценным для адекватного понимания процесса познания в свете новых тенденций, характерных для современной эпистемологии.

Одним из первых, кто указал, что привычка (habit) или обычай (custom) выступают исходными принципами и достаточными основаниями человеческого мышления и поступков был Давид Юм. Он называет привычкой «все, что возникает в силу повторения в прошлом без помощи рассуждения и заключения» [3, с. 159]. Складываясь на основе многократного повторения тех или иных впечатлений и действуя инстинктивно, привычка придает устойчивость непостоянному и изменчивому содержанию нашего опыта. Мышление и действие «по привычке», согласно Юму, заменяет любую форму каузального объяснения. Представляя собой прежде всего теорию познания, философия Юма исходит из первичности ощущения по отношению к рефлексии. Одна из основных заслуг шотландского мыслителя состоит в постановке и решении вопроса о происхождении таких фундаментальных понятий научного познания, как «субстанция» и «причинность». Юм полагал, что человеческой природе присущ принцип ассоциации, сущность которого непознаваема. Выделяя три типа ассоциации (по сходству, по смежности и по причинности), именно привычку ассоциировать идеи Юм рассматривал как основу образования понятий «субстанция» и «причинность». «Предположение – будущее похоже на прошлое, не основано на каких-либо аргументах, но происходит исключительно из привычки, которая принуждает нас ожидать в будущем той последова-

тельности объектов, к которой мы привыкли» [3, с. 188]. Не отражая объективного положения дел, субстанция и причинность выступают понятиями, образующимися из переработки впечатлений в нашем сознании. В то время, как понятие «субстанция» указывает, что предмет, несмотря на изменение его свойств, остается одним и тем же, а отличительным признаком данной идеи является одновременность, идея причинности связана с последовательностью впечатлений. Генезис понятия «причинность» Юм описывает следующим образом: «На основе фиксации факта повторяющихся феноменов складывается психологическая ассоциация, согласно которой после восприятия феномена А в сознании появляется идея В. Факты многократного Действия этой ассоциации приводят к образованию устойчивой склонности или привычки как должное ожидать появления В после А. Привычка преобразуется в ожидание, что после А в будущем последует В, и как результат – люди впадают в ошибку *post hoc, ergo propter hoc*. Привычка и вызванное ей воображение, перерастают в «веру» – склонность полагать, что многократное появление В после А и есть каузальная связь [4, с. 18 – 19]. В действительности же «между объектами нет доступной нашему наблюдению связи; и только при помощи действующей на воображение привычки, а не какого-то иного принципа, мы можем вывести из явления одного объекта заключение о существовании другого», – заключает Юм. [3, с. 159]. Он утверждает, что не может быть убедительных логических аргументов в отношении того, что новые случаи будут обязательно схожи с теми, которые повторялись до сих пор. Таким образом, привычка и основанная на ней вера выступают важнейшими механизмами формирования идеи причинности, способствуя бессознательному усвоению правила, что «одинаковые объекты, поставленные в одинаковые условия, всегда будут производить одинаковые действия».

В то время как, трактуя опыт как поток переживаний, в котором отсутствует постоянство, представитель английского эмпиризма сделал вывод о невозможности утверждать существование какой-либо субстанции, французский мыслитель А. Бергсон заявил, что изменчивость «есть сама субстанция вещи» [5, с. 15]. Как отмечает Гастон Ражо в статье «Психофизиология и философия А. Бергсона», за границей и во Франции Бергсона считают метафизиком психологии, которая в конце 19 века находилась под влиянием теории германского происхождения – психофизиологии. Последняя, как ее определял один из основателей Г. Т. Фехнер, есть промежуточная наука об отношении между душой и телом, физическим и психологическим миром, опирающаяся на опыт и измерение [6, с. 871]. Во Франции ее представителями являлись психологи и философы Б. Рибо и П. Жане. Первый обратил внимание на то, что наши душевные процессы сопровождает непрерывный ряд физических действий. Так, например, очевидно, что разница между вниманием и рассеянностью как состояниями сознания проявляется в физиологических изменениях, в пер-

вую очередь, мускульных. Сравните положение тела внимательного человека и скучающего слушателя. Исследования Жане сомнабулизма привели его к различению двух форм психологической деятельности: синтетической и автоматической. Будучи обусловленными необходимостью приспособления, «синтез» представляет собой оригинальное соединение известных актов, автоматическая же деятельность основана на силе привычки производить старые операции. В то время как в нормальном состоянии данные формы деятельности согласуются, поддерживают и дисциплинируют друг друга, в патологическом состоянии болезнь упраздняет творческую активность, а автоматическая берет вверх [7, с. 250]. Именно французские представители экспериментальной психологии обратили внимание на сходство своих идей с положениями философии А. Бергсона, представленными в работе «Материя и память». Как пишет сам Бергсон, он поставил задачу проанализировать идею тела, сравнив идеалистические и реалистические теории материи, а также увидеть различие между духом и телом с тем, чтобы глубже проникнуть в механизм их связи [8, с. 414]. Подвергнув критике концепцию психологического детерминизма, а также идеализм и материализм, пренебрегающие вопросом отношения восприятия к действию и воспоминания к поведению, Бергсон предпринял попытку показать единство восприятия и материи, восприятия и действия, противопоставление которых есть искусственное создание разума. Определяя тело как «инструмент действия», Бергсон пишет, что «тело сохраняет двигательные привычки, способные снова разыграть прошедшее; оно может вновь принимать положения, в которые вложится прошедшее;...» [8, с. 643]. Полагая телесную вовлеченность условием возможности познания, Бергсон утверждает, что, будучи связанным с настоящим, именно тело ориентирует сознание на практическую деятельность. Из тезиса о том, что тело выступает центром действия, вытекает ряд следствий для восприятия, памяти и соотношения тела и духа. Именно в восприятии приходит в соприкосновение сознание, тело и душа. Описывая реальность как неделимую движущуюся непрерывность, исходным пунктом познания Бергсон полагает «чистое восприятие», а сам процесс познания трактуется им как взаимодействие восприятия, памяти и воспоминаний. При этом восприятие ничего не создает, а выполняет лишь функцию выбора. Согласно Бергсону, воспринимать – значит, устранить из совокупности образов те, на которые я не могу воздействовать, и выделять из совокупности предметов возможность действия тела на них. Память не является простой функцией мозга, ее основная задача – вызывать прошлые восприятия. При этом узнавание наличного предмета может осуществляться двумя различными способами: пассивным и активным. В основе первого лежит способность нашего тела отвечать на восприятие действием, ставшим автоматическим, созданным в теле привычкой (*habit*), второе осуществляется при помощи образов-

воспоминаний, идущих навстречу наличному восприятию [8, с. 656].

Для понимания праксеологического поворота, произведенного в философии членами «Метафизического клуба», необходимо указать на ту общую посылку, которая была ими поставлена под сомнение. Речь идет о привилегированном положении сознания и убеждении в том, что процесс поведения формируют и направляют ментальные акты. Один из представителей прагматизма Д. Дьюи пишет, что именно «Бергсон обратил наше внимание на то, что человек вполне достоин называться *Homo Faber*» [9, с. 59]. Теоретики праксиса полагали, что роль сознания, представленная в философских системах Декарта, Локка и Канта, сильно преувеличена, и, считая праксис центральным аспектом человеческого существования, они поставили под сомнение субъективистские теории, в которых человеческий разум обладает неограниченной властью. Следует отметить, что в теориях праксиса нашлось место для проблемы сознания в виде вопроса: каким образом человеческая субъективность интегрирована в процесс деятельности? Представители прагматизма отвечали на этот вопрос по-разному. Получив медицинское образование и начав свою академическую деятельность как физиолог, У. Джемс затем заинтересовался психологией, результатом чего явилась публикация двухтомного труда «Начала психологии». В творчестве Джемса нашли отражение две тенденции. С одной стороны, гносеологический дуализм субъекта и объекта, согласно которому психология исследует субъекта как «ментальную» сущность, а физическая наука концентрируется вокруг материального объекта. С другой – признание того, что субъект и объект не представляют собой изолированных систем и форм существования, т. к. очевидные факты физиологии требуют признания значения организма и нервной системы. Идея единства наиболее ярко проявилась в трактовке У. Джемсом опыта, привычки и значения практики. Критика традиционного противопоставления тела и души, а также связанного с этим субстанционализма сознания, привели Джемса к признанию субъективности и объективности функциональных атрибутов опыта. Широкая трактовка опыта, включающего в себя не только ощущения, а также эмоции и переживания, позволила утверждать равноправие всех видов опыта – научного и религиозного. Подвергая критике подходы, предписывающие сознанию функции отражения, Джемс утверждает, что сознание в любых его формах характеризуется прежде всего «избирательной активностью». Что касается роли привычки, то, как отмечает Е. Н. Ильин, в психологической литературе привычка как психологический феномен до сих пор не получила однозначного толкования. В одном случае ее относят к поведению и определяют как автоматизированное действие и сложившийся способ поведения, в другом – к мотивам, и трактуют как вид потребности. Именно у Джемса как одного из основоположников психологии можно обнаружить оба указанных подхода [10]. В своих работах он пишет о привычках

как о навыках и как о факторе, определяющем поведение человека. Трактую привычку как биологический фактор, основой которого выступает строение материи, т. е. Тело, Джемс пишет, что она представляет собой причину «связи идей» – удержание их в памяти и припоминания, а также воображения. В то время как привычка выполняет функцию удержания, функцию различения и побуждения к активности выполняет практика. «В случае, если ... различие не представляет практического интереса, если мы ничего не достигнем, выделив из сложного целого одну черту, составляющую, таким образом, его часть, то у нас вырабатывается привычка оставлять ее незамеченной» [11]. Трактовка привычки как действия позволяет рассматривать любое сформированное действие как привычку (умение ходить, плавать, писать, держать ложку и т. п.). Джемс указывает, что «привычка играет в общественных отношениях роль колоссального махового колеса: это самый ценный консервативный фактор в социальной дифференциации, «привычка удерживает от смешения различные слои общества. Уже на 25-летнем молодом человеке заметна печать его профессии, будь то коммивояжер, доктор, пастор или адвокат. В нем проявляются известные, едва уловимые особенности характера, странности мысли, предрассудки, – словом, печать профессии, от которой человек так же не может освободиться, как не могут складки на рукавах его сюртука внезапно принять новое положение» [11]. Привычка одновременно удерживает и побуждает, предохраняет и принуждает к тем или иным действиям. Выявляя практическое значение привычки, Джемс пишет, что она, упрощая наши движения, делает их более точными и менее утомительными, уменьшает сознательное внимание, с которым совершаются наши действия, и делает их (т. е. действия) произвольными. Разнообразие привычек и их формирование обусловлены воспитанием и обучением, а также пластичностью тела. В целом Джемс делает вывод, что, чем больше обыденных действий будет предоставлено контролю автоматизма привычки, тем в большей степени высшие духовные способности будут иметь свободу реализации. Являясь ограничительно-сдерживающим фактором, привычка одновременно выступает необходимым условием творческой активности.

В то время как традиционная философия утверждала, что опыт никогда не поднимается над уровнем отдельного, случайного и вероятностного, Д. Дьюи полагает, что «память хранит и накапливает такие отдельные случаи. По мере того, как они потихоньку громоздятся друг на друга, их периодические отличия аннулируются, общие черты сортируются, усиливаются и объединяются. Постепенно складывается поведенческая привычка, в соответствии с которой формируется некоторая обобщенная картина объекта либо ситуации. Мы приходим к знанию или обозначению не просто этого отдельного, которое, являясь отдельным, не может быть в строгом смысле познано вообще (поскольку то, что

не классифицировано, нельзя охарактеризовать и идентифицировать), а к признанию чего-либо человеком, деревом, камнем, кожей, то есть индивидом определенного рода, отличающимся определенной универсальной формой, характерной для всех вещей данной категории. С развитием подобного общезначимого знания возникает и известная упорядоченность поведения. Его особые проявления сплавляются в нечто единое, и в итоге складывается такой способ действия, каждый элемент которого носит общий характер. Развиваются навыки, которые демонстрирует нам художник, сапожник, плотник, врач, то есть все те, кто владеет формальным способом справляться с какой-то ситуацией. Эта формальность, разумеется, символизирует то, что особый случай рассматривается не как изолированная частность, а как элемент рода и поэтому для него требуется и действие определенного рода» [10, с. 63]. В то время как представители рационализма настаивают на том, что подобная обобщенность и организованность ограничены и чреваты ошибками, и стоит положить конец силе слепой привычки, как тотчас же начнется прогресс науки и общественного устройства. Дьюи утверждает, что именно опыт в самом себе несет принципы связи и организации. «Всюду, где существует жизнь, есть поведение, активность. Для того, чтобы жизнь продолжалась, эта деятельность должна быть непрерывной и адаптированной к окружающей среде. Более того, процесс адаптации не является абсолютно пассивным; он не сводится к простому обтесыванию организма средой. Даже моллюск воздействует на среду и в какой-то степени изменяет ее. ...чем выше формы жизни, тем более существенную активную перестройку среды она производит» [10, с. 66]. Избегая грубой дарвинистской идеи о «выживании сильнейшего», систематизатор прагматизма полагал, что человеческие существа в не меньшей степени, чем все остальные виды, стремятся вести себя таким образом, чтобы достичь стабильного и координированного взаимодействия с окружающей средой. Теория праксиса Дьюи, по мнению А. Коэн, может быть представлена как теория цикла обычных, рефлексивных, рационально-сознательных и поведенческих перемен [12, с. 128]. Дьюи полагает, что необходимую экономичность и координированность человеческому поведению придают обычаи и привычки. Люди просто не способны рефлексировать по поводу каждого совершаемого нами действия. Сознание человека не может уделять внимание миллионам действий, которые каждый из нас совершает за короткое время. Выступая против рутинных видов деятельности, сводящих на нет креативные инновации, способные помочь лучше приспособиться к различным обстоятельствам социальной жизни, Дьюи считает, что не все обычаи одинаковы. Высоко оценивая дорефлексивный опыт многих форм обычая, он в то же время, обращает внимание на значимую роль рефлексивной сознательности, или живого мышления, в процессе приспособления человека к окружающей среде. Несмотря на то, что некоторые обычаи являются монотонными и меха-

ническими, в целом Дьюи рассматривает их как динамические диспозиции и задает вопрос: что делает их динамическими? При ответе полагает, что они являются таковыми постольку, поскольку выражают лежащие в основе человеческой деятельности импульсы. Понятие «импульс» указывает на то, что люди рождаются с набором примитивных склонностей реагировать на внешние стимулы. При этом сходные импульсы могут сублимироваться в разные формы реагирования, и именно обычаи есть форма выражения импульсов разными способами. Основанные на обычае действия воспринимаются как само собой разумеющиеся до тех пор, пока они проблематично соответствуют ситуациям, в которых осуществляются. Если это соответствие ничем не нарушается, формы поведения могут застывать, превращаясь в повторяемость и нерелексированные традиции. Вслед за Дарвином, Дьюи считает, что все формы адаптации и приспособления подвластны времени и переменам. Обычаи могут проблематизироваться двумя взаимодополняющими способами. С одной стороны, что-то может измениться в среде, с другой стороны, даже в стабильной среде ситуация может складываться таким образом, что возникает конфликт между паттернами реагирования. Круг замыкается, когда импульсы, создавшие проблему, ресублимируются в новые обычаи. Если же последние перестают соответствовать среде, проблемно-инновационный цикл начинается заново.

Как отмечает в своих исследованиях В. О. Волков, выполняя роль методологического компромисса, понятие «практика» явилось, с одной стороны, результатом критики идей детерминизма и подчеркнуло активную роль человеческой деятельности, с другой – субъективизма, т. к. указало на системно-структурные ограничения человеческой свободы [13, с. 14]. Этнометодологические исследования повседневности выявили два способа понимания практики: как фоновое (неэксплицированное) знание и умения и как конкретную деятельность, соединяющей рефлексию и действия. В то время как идея фоновых практик восходит к позднему Витгенштейну, понятие фона и фигуры берет свое начало в гештальтпсихологии и обозначает целостную структуру, лежащую в основе любого осмысленного восприятия. Не являясь чем-то скрытым, фон не замечается, т. к. функционирует как условие, придающее смысловую определенность. Согласно Витгенштейну речь идет не о контекстуальной обусловленности социальной коммуникации, а обо всей совокупности практик совместной деятельности, навыков и обычаев, образующих культурный фон, который лишь отчасти поддается экспликации и кодификации. Беря в качестве объекта исследования повседневную практику, этнометодологический подход позволяет показать ее как искусство решения практических задач в ситуации неопределенности, когда согласованные действия участников, «снятая» неопределенность, способствуют поддержанию социальных институтов. Волков указывает на три способа изменения практик, которые могут быть выделены аналитически. Артикуляция, когда

определенный стиль или способ действия попадает в фокус внимания, благодаря чему становится возможным его нормативное выражение и распространение в обществе. Примерами могут служить пастеризация Франции и тейлоризм. Реконфигурация означает, что практика или ее аспект, ранее являвшийся маргинальным, становится центральным. Как показали исследования Фуко, дисциплинарный элемент военного искусства со временем становится основным в социальной жизни. И наконец, заимствование предполагает, что существующие практики переносятся в другие контексты, приспособляясь для других практических задач [13, с. 18]. Обращение к фоновым практикам в социальных науках, способствуя критическому отношению к привилегированной позиции исследователя, требует рассмотрения предмета исследования не как абстрактной схемы, структуры или категории, а с учетом конкретного пространства, времени и целей. Это приводит к объяснениям в форме детального этнографического описания и обращению к типичным, повседневным, рутинным действиям, составляющим основную часть социальной жизни.

Подводя промежуточные итоги, следует согласиться с Л. А. Микешиной, которая указывает, что «целостный подход к субъекту познания предполагает единство трансцендентального и эмпирического в нем. В свою очередь, эмпирическое предполагает не только вид знания, но укорененность самого субъекта в природных реалиях и прежде всего обладание телесностью» [14, с. 186]. В то время как в классической рационалистической парадигме познающий субъект выступал как принципиально бестелесный, отличительной чертой неклассической философии является проблематизация телесности. На то, что тело ускользает от альтернатив «материальное/духовное», представляя собой место, где «душевное» и «материальное» взаимодействуют, указал основатель феноменологии Э. Гуссерль. Будучи связанной с историческим существованием, идея телесности разрушает идеал «чистого акта познания» и наделяет познающего субъекта «местом» – обусловленностью социальными практиками и их неререфлексивными формами. Создатель феноменологии Э. Гуссерль отмечал, что именно представления Юма о прерывистом и изменчивом характере нашего опыта стимулировали его на выявление тех структур сознания, которые придают опыту и познанию постоянство и смысловое единство. Подвергнув критике экспериментальную психологию, не признающую специфического своеобразия анализа сознания, Гуссерль полагает, что объектом феноменологической рефлексии являются способы формирования значений и знания. С этой целью он обращается к первичным способам конструирования предметности [15, с. 141 – 142]. В последней, опубликованной при жизни работе «Картезианские размышления», Э. Гуссерль указывает на две формы принципа конститутивного генезиса: активный и пассивный синтез. Активный синтез, обеспечивая конституирование новых предметов, с необходимостью предполагает в качестве своего низшего уров-

ня синтез пассивный. «Мы сначала вообще должны научиться видеть вещи, и это видение должно генетически предшествовать всем другим способам осознания вещей», – пишет Гуссерль [16, с. 420]. Петер Прехтель указывает, что конститутивную функцию по отношению к смыслу понятия «сущий предмет» в феноменологии Гуссерля выполняет хабитуальная и потенциальная очевидность [17, с. 73]. Тожественность предмета не является реальным моментом текущего переживания. Субъект, полагал Гуссерль, посредством своей конституирующей деятельности производит себе смысловые единства, на которые он всегда может сослаться вновь. Рассматривая Трансцендентальное Я в генезисе, Гуссерль указывает, что, функционируя как персональное Я, оно в своих оценках, убеждениях, мотивациях отнесено к окружающему миру. На основе апперцепции субъект добывает себе смысловые связи, которые всегда могут быть актуализированы в новых ситуациях опыта, предоставляя тем самым себе габитуальные структуры. Утверждая связь между однажды выполненными апперцепциями и типизацией опыта, Гуссерль полагал, что типизация становится предвосхищаемым образцом для будущего опыта. То обстоятельство, что в результате этого имеет место не новая смысловая конституция, а только перенос на основе подобий, склоняет Гуссерля говорить здесь о «пассивном синтезе», который, наряду с активным, образует конститутивный момент в строении мира опыта. Речь идет о «некой идеальной имманентности, отсылающей нас к дальнейшим существующим взаимосвязям возможных синтезов. Каждая очевидность учреждает в моем обладании некое непреходящее знание. В ряду последующих новых очевидностей, в которых происходит восстановление первых, я могу вновь и вновь возвращаться к действительности, увиденной самой по себе, что создает в качестве потенциального горизонта это *«Я могу вновь и вновь»*. Не будь у нас возможности такого рода, мы не располагали бы никаким устойчивым и неизменным бытием, никаким реальным и идеальным миром» [16, с. 396].

Ограниченность «философии сознания» преодолевается также в работах Мерло-Понти. Опираясь на философские воззрения Гуссерля, французский философ характеризует тело как «нашу укорененность в мире» [18]. В отличие от Сартра, для которого тело выступало в негативно-ограничительном аспекте, на первый план выдвигает его открытость. Идея тела указывает на тот срез сознания, который не является логико-гносеологическим, а носит бытийный характер. Благодаря телу и его постоянному диалогу с миром, становится возможным постижение другого, вещей и природы, а человеческое существование приобретает неопределенность и многозначность [19, с. 139 – 154]. Идеи, высказанные Мерло-Понти, оказали влияние на взгляды М. Полани, который, как известно, выступил против построения «эпистемологии без познающего субъекта». Заслуга автора работы «Личностное знание» заключается в том, что он одним из первых западных исследователей, указал на роль неконцептуализированных форм пере-

дачи знания. Подвергнув критике позитивистский подход, а именно – тезис о безсредпосылочности научного знания, Полани показал роль навыков, научной сноровки, мастерства, которые обретаются лишь в практике научного исследования. Подчеркнув единство научного исследования и профессионального образования, рассматривая их сторонами единого процесса познания, Полани поставил задачу доказать, что приобретение в ходе профессиональной подготовки членами «научного сообщества» «познавательных средств» в форме неэксплицируемых навыков составляет фундамент и условие успешного функционирования науки. Он утверждает, что наука создается искусством ученого, который, осуществляя свое умение, формирует научное знание. «Цель искусного действия, – пишет Полани, – достигается путем следования ряду норм или правил, неизвестных как таковые человеку, совершающему это действие» [20, с. 82]. В то время как эксплицитные правила умелого действия могут быть полезными, в целом не они определяют успешность деятельности. Представляя собой максимы, они могут служить «путеводной нитью», если вписываются в практические умения или владение искусством. Искусство, процедуры которого остаются скрытыми, нельзя передать с помощью предписаний, единственный способ его передачи – личный пример. Именно поэтому процесс переноса различных ремесел сопровождается миграцией групп людей, их освоивших, а искусство, которое не практикуется в течение жизни поколения, становится безвозвратно утраченным. Все это в равной мере относится и к сфере научной деятельности, несмотря на то, что это не всегда осознается ее субъектами. Отказавшись от идеи «деперсонифицированного» знания, Полани утверждает, что стать знатоком или умельцем можно лишь в результате следования примеру в непосредственном личном контакте. Врач-диагност не научится распознавать симптомы болезни только читая литературу. Большое количество учебного времени, которое проводят студенты и ученики на практических занятиях, свидетельствует о той роли, которую играют в становлении профессионализма и приобретении специальности, неформализованные личностные знания. «В самом сердце науки существуют области исследования, которые через формулировки передать невозможно». Выделяя два рода сознания: периферическое, недетализируемое сознание и фокус сознания, Полани утверждает, что в научном познании познавательные инструменты выступают как часть нас самих, включаются в сферу нашего бытия и служат нашим продолжением. И это касается как материальных, так и интеллектуальных средств познания. Свои исследования Полани называет «посткритическим рационализмом», который направлен на поиск органического единства культуры и научной рациональности. Концепция неявного знания М. Полани оказала влияние на воззрения Т. Куна. В дополнение к работе 1969 года «Структура научных революций», он обращает внимание на то, что введенное им понятие «парадигма» в своем определении содержит логический круг, т. к., с од-

ной стороны, парадигма объединяет членов научного сообщества, с другой – научное сообщество состоит из тех, кто признает парадигму. Парадигму Кун определяет как «некоторые общепринятые примеры фактической практики научных исследований – примеры, которые включают закон, теорию, их практическое применение и необходимое оборудование, – все в совокупности дают нам модель, из которых возникают традиции научного исследования» [21, с. 35]. Кун делает вывод о возможности обнаружить содержание парадигмы путем тщательного исследования поведения членов научного сообщества. Последнее он определяет как группу исследователей, получивших сходное образование и усвоивших общие навыки. Становясь предметом социологического исследования, научное сообщество требует для своего изучения использование нетривиальных эмпирических методов, т. к. обнаружение правил и предписаний, которыми руководствуется ученый, представляет собой большую трудность, в силу того, что их освоение есть тесное единство теории и практики. Научные исследования – не просто приложение к теории, наоборот, – освоение теории включает в качестве неотъемлемого элемента решение практических задач. Если такие элементы научной парадигмы, как «символические обобщения», ценности и образцы могут быть эксплицированы, то правила и предписания, образуя «скрытые знания», определяются практикой и не достигаются исключительно вербальными средствами. Его основу образует способность уловить сходство за многообразием ситуаций, которая достигается многократной тренировкой.

На роль «habitus» в коммуникативной деятельности указывает отечественный исследователь Г. Б. Гутнер. Проводя различие между двумя основными формами научной коммуникации – габитуальной и рефлексивной – и, обращаясь к проблеме понимания, он полагает, что его основой выступает способность индивида действовать сообразно правилам. Рассмотрение проблемы, следование правилу приводит к указанию на ряд альтернатив. Во-первых, следование правилу может быть истолковано либо как результат адаптации к внешнему миру, либо как форма врожденного знания. Во-вторых, оно может быть рассмотрено либо как иррациональная деятельность, основу которой составляет привычка, либо как осознанное подчинение норме, предполагающее рефлекссию и эксплицитное описание [22, с. 105]. Обращаясь к теме следования правилу Л. Витгенштейна, Гутнер пишет о существовании «зазора» между формальными предписаниями и их применением, который преодолевается благодаря навыку следования правилу. Научная деятельность, являясь интеллектуальной и телесной практикой, состоящей из множества рутинных техник, обязательных для любой профессиональной деятельности, осваивается в результате обучения, в первую очередь, как совокупности привычек. Владение навыками составляет решающий фактор как в повседневной, так и любой специализированной области деятельности. Более того, опыт, аккумулированный

в привычках, может оказаться богаче явного, формализованного знания. Г. Б. Гутнер делает предположение, что научная новизна есть, во-первых, результат переноса уже существующих навыков или техник из одних предметных областей в другие; во-вторых, новое рождается как комбинирование различных техник. И в третьих, сами техники и навыки, изменяясь, с течением времени создают эффект новизны [23, с. 123].

В заключение следует отметить, что рассматриваемое в статье понятие «habitus» в разных философских контекстах не приобретает характер универсального средства изучения всего многообразия познавательной деятельности, но позволяет в определенных аспектах связать мышление и действие, тело и дух, сознание и практику, необходимость и свободу. Указанные выше новые тенденции в эпистемологии – междисциплинарность и направленность на изучение повседневных познавательных практик – означают признание значимости эмпирического субъекта и, следовательно, расширение понятийного аппарата и средств концептуализации эпистемологических исследований. Выступая основой всех форм устойчивых связей, понятие «habitus» указывает на то, что когнитивные структуры имеют социальный генезис.

Литература

1. Касавин, И. Т. Междисциплинарные исследования: к понятию и типологии / И. Т. Касавин // Вопросы философии. – 2010. – № 4; Касавин, И. Т. Повседневность как проблема междисциплинарной эпистемологии // Эпистемология и философия науки. – 2008. – Т. XVII. – № 2; Штомка, П. В фокусе внимания повседневная жизнь / П. В. Штомка // Социологические исследования. – 2009. – № 8.
2. Юм, Д. Трактат о человеческой природе / Д. Юм; перев. с англ. С. И. Церетели; под общ. ред., со вступ. ст. и примеч. И. С. Нарского; худ. обл. М. В. Драко. – Мн.: Поппури, 1998.
3. Грязнов, А. Ф. Разумный скептицизм в жизни и философии / А. Ф. Грязнов // Сочинение: в 2 т. / пер. с англ. С. И. Церетели и др.; вступ. ст. А. Ф. Грязнова; примеч. И. С. Нарского. – 2-е изд., дополн. и испр. – М.: Мысль, 1996.
4. Мельвиль, Ю. К. Пути буржуазной философии XX века: (критич. очерки) / Ю. Мельвиль. – М.: Мысль, 1983.
5. Ражо Г. Психофизиология и философия Бергсона / Г. Ражо // Бергсон А. Материя и память // Творческая эволюция: пер. с фр. – Мн.: Харвест, 1999.
6. Петровский, А. История психологии / А. Петровский, М. Ярошевский. – М.: РГТУ, 1994.
7. Бергсон, А. Творческая эволюция. Материя и память / А. Бергсон: [пер. с фр.]. – Мн.: Харвест, 1999.
8. Дьюи, Д. Реконструкция философии. Проблема человека / Д. Дьюи: [пер. с англ.]; послесл. и примеч. Л. Е. Павловой. – М.: Республика, 2003.
9. Ильин, Е. Н. Мотивация и мотивы / Е. Н. Ильин. – СПб.: Питер, 2004.
11. Джемс, У. Психология. [Электронный ресурс] / У. Джеймс. – М., 1991. – Режим доступа: <http://psylib.org:11a/books/iam02/txt04.htm> (дата обращения 20.12.2010).
12. Коен, А. Теории действия и праксиса // Блэквелловский путеводитель по социальной теории / под ред. Брайана С. Тернера: пер. с англ. А. Ю. Рыкун. – Томск: ТГУ, 2003.
13. Волков, В. О концепции практик(и) в социальных науках / В. Волков // Социс. – 1997. – № 6.
14. Микешина, Л. А. Философия познания. Полемика главы / Л. А. Микешина. – М.: Прогресс-Традиция, 2002.
15. Молчанов, В. И. Время и сознание. Критика феноменологической философии / В. И. Молчанов: моногр. – М.: Высш. шк., 1988.
16. Гуссерль, Э. Логические исследования. Картезианские размышления. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология. Кризис европейского человечества и философия. Философия как строга наук / Э. Гуссерль. – Мн.: Харвест; М.: АСТ, 2000.
17. Прехтль, П. Введение в феноменологию Гуссерля / П. Прехтль. – Томск: Водолей, 1999.
18. Мерло-Понти, М. Феноменология восприятия / М. Мерло-Понти. – М., 1999.
19. Подорога, В. А. Феноменология тела. Введение в философскую антропологию / В. А. Подорога. – М.: Ad Marginem, 1995.
20. Полани, М. Личностное знание. На пути к посткритической философии / М. Полани. – М., 1985.
21. Кун, Т. Структура научных революций: [пер. с англ.] / Т. Кун; Сост. В. Ю. Кузнецов. – М.: АСТ, 2001.
22. Гутнер, Г. Б. Следование правилу и габитус в описании коммуникативной деятельности / Г. Б. Гутнер // Вопросы философии. – 2008. – № 2.
23. Гутнер, Г. Б. Неявное знание и новизна в математике / Г. Б. Гутнер // Эпистемология и философия науки. – Т. XV. – № 1.

УДК 101.1

**ФИЛОСОФИЯ: ЕЕ МЕНТАЛЬНАЯ И СОЦИАЛЬНАЯ ПРИРОДА,
ОСНОВНЫЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОСТИ****В. И. Красиков****PHILOSOPHY: ITS MENTAL AND SOCIAL NATURE, MAIN HISTORICAL SEQUENCES****V. I. Krasikov**

Статья поднимает вопросы о природе философского знания и основных путях его развития. Философия есть одна из форм интеллектуальной деятельности сообществ специалистов. Ее предмет – глубокие мыслительные затруднения, а суть развития – в повышении уровня абстракции-рефлексии. Автор выявил исторические последовательности развития философии: космологическая, гносеолого-метафизическая, научно-философская, этико-философская и религиозно-философская.

Article raises questions about a nature of philosophical knowledge and main ways of its development. Philosophy is a form of intellectual activity of expert's communities. The subject of philosophy is deep mental difficulties and its essence is an increase the level of abstraction & reflection. The author reveals historical sequences of philosophy' development. There are cosmological sequence, gnoseologo-metaphysical sequence, scientific-philosophical sequence, ethical-philosophical sequence and religious-philosophical sequence.

Ключевые слова: абстракция, рефлексия, исторические последовательности развития философии, интеллектуальные сообщества.

Keywords: abstraction, reflection, historical sequences of philosophy' development, intellectual communities.

Сколько существует человек, столько времени его сопровождают формы художественного, религиозного и философского творчества – активности сознания, порождающей в каждом поколении новые шедевры поэзии, литературы, музыки и пластики, религиозных озарений и философских проникновений. Казалось бы, зачем вновь и вновь решать вечные проблемы красоты, Бога и истины – ведь не счесть прежних духовных богатств-результатов напряжений тысяч гениальных умов, живших прежде. Однако каждое поколение не преминет начинать все как бы сначала. Это и есть важнейшее свидетельство того, что философия, как и другие вечные спутницы человеческого духа, – искусство и религия – выражает, в своей специфической форме, фундаментальное исходное качество нашего сознания и природу его самостоятельности. Исходное качество сознания, делающее его сознанием, а не просто отражением окружающей среды или же воспроизведением вложенных в генетическую программу алгоритмов поведения, – порождение смыслов.

Человек – существо, генерирующее смыслы и в них живущее. Смыслы – значимости, отличные и от окружающих нас явлений-фактов, и от воспроизводящих их обозначений. Они лишь отчасти отражают действительность и в большей мере выражают наши исходные к ней ожидания и требования. Смыслы – это действительность, повернутая к нам лицом, мир, в котором мы являемся его существенной частью. Смыслы очеловечивают мир, включают его в наши игры. Смыслы – ткань нашего мира, как мы его себе представляем и что он для нас значит. Это наше отношение к окружающим вещам и явлениям, наиболее зримо представляющее в ментальных формах философских понятий, художественных образах, моральных нормах и ценностях. Фундаментальные смыслы, организующие наши картины реальности, – истина, красота, благо, справедливость, Бог и т. п. – являются и основополагающими для духовной ак-

тивности. Их суть – смыслопорождение, наполнение материалом конкретности исходных врожденных форм-устремлений (интенций). Это устремления к красоте, истине, должному и правильному. Однако пребывают они внутри нас самих. Прекрасное и безобразное, возвышенное и низменное, хорошее и плохое, правда и ложь – все исходит лишь из наших душ.

Философия, равно как искусство и религия, вовлечены в вековечное воспроизведение этих смыслов. Долгое время они сосуществовали в едином комплексе мифологического сознания, постепенно разделившись потом в ходе генезиса первых древних цивилизаций.

Механизмы порождения смыслов и составляют собой суть любой интеллектуальной активности, будь то в философии, искусстве или же религии.

Эти механизмы представимы в виде четырех процедур.

1. *Априорная ориентация* – необоримое влечение к поиску смысла. Сама возможность смыслов определена наличием в наших душах (сознании) определенной интенциональной диспозиции или же рисунка врожденных предпочтений и ориентаций. Бесспорно, что культурные и исторические каноны того, что люди полагали "красивым", "достойным", "справедливым" и "правильным" очень разнообразны, однако неизменно наличие самих потребностей искать и создавать себе эти самые смыслы. То есть в наши сознания как бы "встроены" цели нахождения "красоты-безобразия", "правильного-неправильного", "хорошего-плохого" и т. д. Таким образом, эти исходные душевные веления-устремления запускают и формируют сам процесс смыслопорождения.

Далее. Интеллектуалы, или же люди более способные достигать успеха в размышлениях, воображении, выражении своих идей и образов, используют еще ряд схожих мыслительных приемов. Это:

2. *Абстрагирование* – аналитическая работа: интеллектуалы обобщают, выявляют из массы конкретной информации то, что они начинают считать "смыслом": "красивым", "правильным" или же "хорошим".

3. *Универсализация* – работа воображения, экстраполяции: они распространяют найденный ими смысл на все мироздание в качестве его основы, безусловно, веря в это.

4. *Рефлексия*, или критическое размышление уже над полученным множеством смыслов, установление в них внутренней иерархии.

Весь этот комплекс присущ любой интеллектуальной творческой активности и особенно четко представлен в философии, которая есть историческая последовательность в развитии человеческой способности к абстракции-рефлексии. Если сказать о природе философии более кратко, то ее можно определить как "концептуальную рефлексию" или как "рефлексию в понятиях". Рефлексия – это одно из высших качеств сознания, заключающееся в способности критического рассмотрения собственного содержания, объективного самоанализа. Поведенческая рефлексия или критическое отношение к собственным поступкам присущи многим людям, если же они способны распространить эту способность на рассмотрение оснований научных теорий или же на размышления о смысле человеческого присутствия в мире, то мы имеем дело уже с научной и философской рефлексией.

Все эти интеллектуальные процессы, так же, как и их оценка, осуществляются в специализированных сообществах. В том и заключается *социальная природа* человеческой активности, в том числе и философии. Не следует полагать ее исключением, а философов – одинокими избранниками богов.

Развитие и культивирование абстрагирования-рефлексии становятся сферой деятельности специалистов или сообществ интеллектуалов, причем самых разных – от священников и художников до философов и ученых. Этим группам вменяется выработка форм, символов, эмблем нового единства в условиях прогрессирующего общественного разъединения по профессиональным и социальным признакам. Посредством способности к абстрагированию и устанавливается единство взглядов, создается *общезначимое пространство интеллектуального внимания* разных людей, но подвижных сходными жизненными интересами. Так, для религиозных людей – это интерес поиска Бога, для художественно ориентированных – стремление к красоте, для ученых – заинтересованность в истине и т.п.

Эти вот сообщества и продуцируют религию, искусство, философию. Даже рефлексия, фундаментальная способность нашего разума к объективному исследованию самого себя, отвечающая за философствование, и та имеет не только индивидуальную, но и ярко выраженную социальную природу. Рефлексия – это и есть изучение индивидуальным разумом отношений между мировоззренческими позициями в пределах общезначимого пространства интеллек-

туального внимания – того, что в эту эпоху и в этом обществе более всего привлекает внимание людей.

Интеллектуальные сообщества профессионально заняты мыслительной деятельностью, имеют разные уровни абстрагирования-рефлексии и разные скорости исторического скольжения по этим уровням. Одни достигают успехов на высших уровнях, другие процветают на средних и даже низших – здесь нет ценностного преимущества. Интеллектуалы, имеющие дело с содержимым мышления на уровнях конкретности и вещественности, – маги, шаманы, художники, инженеры и изобретатели экспериментального оборудования. Интеллектуалы, привычно чувствующие себя в пределах чувственно-наглядного верифицируемого опыта (средний уровень), – бизнесмены, священники политеистических верований, ученые-прикладники, философы-материалисты. Интеллектуалы, имеющие модус внимания к высшим уровням абстрагирования-рефлексии, – теоретики трансцендентных религий, философы идеалистического склада, мистики и ученые-теоретики (космологи, математики, фундаментальная физика и пр.).

Идеи рождаются здесь на перекрестии борьбы разных позиций в соответствующей группе. Как правило, в поле интеллектуального внимания присутствуют и борются от 3 до 6 позиций. Некоторые из позиций утверждаются затем как "истины" в итоге *достигаемого согласия* внутри интеллектуального сообщества – относительно принципов поведения и оценок мира, благодаря которым оптимизируется существование людей в контексте социального мира. Истины опривычиваются, становясь частями социальной реальности, наглядной очевидностью повседневного проживания людей.

Идеи, таким образом, имеют в большей степени интеракционную, нежели индивидуальную природу. То же можно сказать и в отношении философских постулатов и концепций. Они есть выражения, обозначения споров и согласий между главными участниками философских групп, которые затем оформляются в виде традиции, передаваемой в исторических последовательностях учеников, последователей, оппонентов, называемых интеллектуальными сетями. Отцы-основатели, авторитеты, отличительные знаки-категории – все это символы группового единства "школ", "направлений", удерживающие сквозь века смыслы членства в интеллектуальных сообществах и принадлежности к древнему духовному ордену под названием "философия".

Первичны сами акты общения-дискуссий в группе интеллектуалов, которые-то порождают и учения, и самих мыслителей. Мыслители не предшествуют общению, но сам коммуникативный процесс создает мыслителей в качестве своих узлов. Идеи, таким образом, действительно "носятся в воздухе", хотя и имеет значение, насколько талантливым окажется та голова, в какую они попадают в первую очередь, насколько ярко и четко они будут представлены публике. Интеллектуальные репутации в истории философии, а также описания того,

"что и как думали" предшественники, создаются их потомками, отстоящими, как минимум, на два-три поколения. История философии есть, таким образом, последующая возобновляющаяся интерпретация, элемент текущей мировоззренческой, ментальной борьбы, где репутации и идеи предшественников (переделанные "под себя") суть эмблемы и орудия всегда "сегодняшнего" самоутверждения фракций философов в существующем сейчас поле интеллектуального внимания. Кое-какие фигуры, правда, сразу попадают в центр общего интереса, но не факт, что они в нем останутся. Многие широко известные в свое время философы для нас неизвестны, их знают только профессиональные историки философии. Другие же, ранее бывшие рядовыми, а то и анонимными участниками философского действия, напротив, врываются, но всегда с помощью потомков, в философские святы. Можно привести примеры истории репутаций Аристотеля, Спинозы, Юма, Кьеркегора и др. Такое происходит даже с целыми периодами, особенно в неевропейской истории философии.

Итак, появление философии всегда связано с началом дискуссий по значимым проблемам, в которых сопоставляются, сравниваются разные аргументации. Для этого нужно определенное количество сведущих образованных людей, способных выслушивать друг друга и разделяющие какие-то общие исходные понятия. Эти люди составляли некие сообщества, которые появлялись в древних городах, и объединялись для решения религиозных, политических, нравственных и пр. вопросов. Исходные дискуссии, из которых появлялась древняя философия, были разными, ибо людей волновали свои злободневные темы – в зависимости от региональной специфики и предшествующей истории, потому и философия, там и тут, была отличной.

Китайская философия возникала в контексте политических и моральных дискуссий по поводу ритуалов государственного культа "неба", власти князя и тем нравственности. В Греции фоном служила децентрализация культов и храмов, что снижало значимость религии, и на первый план выходила политическая и юридическая аргументация в растущих городах-государствах. В Индии внешним условием стал упадок могущества ведийских жрецов и последующая конкуренция соперничавших новых религиозных движений. В арабских странах философия возникала через соперничество школ религиозного права, которые регулировали все стороны жизни исламского общества и процедуры передачи власти.

Философия в более узком, трансцендентальном понимании, как исследование мышлением своих собственных оснований, появляется сравнительно недавно – у Декарта и в немецкой классике, с этого времени занимаясь по преимуществу исследованием самого процесса углубления рефлексии в своей истории (гиперрефлексия). Это и есть "высокая, чистая" философия. Всё, что до этого, – пример интеллектуалов, занимающихся широким кругом

вопросов, которые сейчас приватизированы многочисленными частными дисциплинами. Потому-то столь многообразно содержание философии, т. к. она была на протяжении тысячелетий синонимом ученой осведомленности о мире, была компендиумом знаний, которые сейчас входят в состав тысяч современных научных дисциплин, тогда как во времена Аристотеля их насчитывали не более двух десятков.

Соответственно такому широкому интеллектуальному спектру содержания традиционной философии ее история демонстрирует несколько возможных основных путей развития абстракции-рефлексии. Причем эти пути всякий раз сосуществуют: сменяя друг друга либо реализуясь параллельно друг другу, включая в себя как "чистые" линии развития мысли, так и в пересечении с близлежащими областями духа (мораль, политика и религия) – при доминировании в разных регионах и в разные эпохи некоторых из них.

Первый из них – это *"космологическая последовательность"*, характеризующаяся вниманием к вопросам устройства природы в целом и смыслам ее эволюции. Философы, увлеченные этими вопросами, развивали учения, получившие потом названия "натурфилософий" и "космологий". Эта последовательность учений возникала из мифологических мировоззрений, хорошо представлена во всей древней философии. Космологическая последовательность (космология мировых ингредиентов) проходит через ряд шагов:

→ появление мифологий, рассказов народных сказителей, позже перерабатываемые полупрофессиональными чтецами и поэтами;

→ классификация компонентов мировоззрения в виде областей правления специализированных богов и сочинение историй, объясняющих происхождение этих компонентов (Зевс отвечает за воздушную стихию, Посейдон – за морскую, Аид – подземное царство, разные виды деятельности получают своих покровителей);

→ рационализация этих компонентов на основе их систематизации в форме генеалогий или пантеонов ("Теогония" Гесиода);

→ появление более абстрактных концепций, отвечающих на явно задаваемый вопрос "из чего состоит мир": вначале это смешанные перечни богов, элементов, физических и психологических процессов; затем возникают дискуссии о том, какой компонент является главным.

В Греции и Индии космологическая последовательность представлена в качестве начальной фазы развития философии (Веды, упанишады в Индии; Гомер, Гесиод, натуралисты – в Греции), в Китае она появляется позже (III – II вв. до н. э.), после морально-политических споров о природе человека Конфуция, Ян Чжоу, Мэн-цзы и Сюнь-цзы, когда возникает даосская философия с ее представлением о безымянной природной спонтанности (Дао).

Космологии – это своего рода детство философии или ее эмпирическая стадия сбора разнообраз-

ных сведений о мире. Потом наступает период аналитики, обобщений и критических вопрошаний. Но космологии как универсальные систематизации знаний на основе здравого смысла и рассудочности навсегда остались среди популярных форм философского обобщения – у материалистов, практиков опытного знания и оккультистов. Более того, начиная с Нового времени, и особенно в XX в., космология становится важнейшим разделом естествонаучного знания.

Корневая, собственно "чисто" философская последовательность – *гносеолого-метафизическая*. Она присутствует в развитых культурах и выражает собой возобновляющиеся полные циклы развития зрелой философии (философии специалистов). Здесь уже ставят вопросы об условиях верного познания окружающего мира и построении на основе достоверного знания его истинной мысленной модели. В рамках этой последовательности появляются такие базисные разделы философии, как "гносеология" и "метафизика" (онтология), а также и наука, как современная правопреемница философии.

Теориям познания предшествуют разнородные учения или комплексы знаний: о природе (космологии), о морали, политике, богах и духах (религия). Сначала этот материал по-разному упорядочивается в *описательных* учениях о познании, где последнее толкуется как естественное самоочевидное или психологическое явление. В описательных учениях, на основе собранной предшествующими поколениями эмпирической информации, утверждаются те или иные картины мира или "метафизики" (онтологии). По мере осознания проблем, трудностей возникают *критические* гносеологии, где рефлексии подвергаются сами возможности познания, его методы и формы. Итогом подобных усилий являются те или иные формы скептицизма и агностицизма, которые устраняют все сомнительные места и очищают место для новых описаний и метафизических моделей мира. Наиболее знаменитые критические гносеологии: скептиков в Древней Греции, буддистов, Юма, Декарта, Канта, постмодернизма. После решительных "зачисток" интеллектуального поля появлялись новые возможности для онтологического конструирования.

Научно-философская последовательность – боковое ответвление корневой гносеолого-метафизической последовательности, наметившееся еще в античности и пережившее настоящее рождение в XVII в. Ее суть – систематические размышления о природном мире, основанные на опытных исследованиях. Это направление активно развивалось в Китае, греческом и западно-европейском ответвлениях, где формулировались специализированные учения в математике, механике, астрономии, медицине, химии и т. д.

К научно-философской последовательности примыкает схожее направление, также соединяющее опытные сведения о мире с символическими понятиями – это *оккультизм*. Оккультизм – взгляд на мир, согласно которому существует нерасторжимая

внутренняя связь и взаимовлияния между человеческим, социальным, природным и особой реальностью духов, которую можно постичь в виде "чудесных" явлений и предзнаменований. Как и в науке (ранее – в магии), оккультист ищет законы, управляющие космосом и людьми, верит в возможное использование незримых могучих сил и предвидение будущего.

Долгое время традиционная наука имела вид натурфилософии или же "естественной" философии, обращенной на изучение природы: наблюдения за разнообразными ее областями, сбор сведений и их классификация. Ситуация разительно поменялась в Новое время. Произошли три революционных события, вкуче изменившие характер социальной динамики в развитии интеллектуальных сообществ: появление новой рефлексивной методологии, технологизация исследований и радикальное изменение основ самоорганизации групп ученых. Это означает следующее:

→ в XVII в., усилиями Декарта, Лейбница и Ньютона, математика была превращена в новую универсальную методологию: технологию работы с символами на бумаге, в машину по решению задач; было осознано, что ее предмет – исследование рефлексии интеллектуальных операций как таковых, а все области математики были объединены в единое понятийное пространство, подчиненное единым процессам математического оперирования – из этого следовало, что можно создать одну всеохватную и истинную философию;

→ развитие лабораторного оборудования, измерительной, экспериментальной техники стали не только самостоятельной бурно прогрессирующей областью, но основным источником получения информации, все следовали методу Галилея: новые изобретенные инструменты дают принципиально новые знания (телескоп и микроскоп позволили выявить новые области реальности, открытия в которых уже были гарантированы; изобретение электрической батареи и ее использование в электролизе привело к открытию десятков химических элементов; ускорители частиц – породили «цунами» физических открытий; переход от оптической к радиофизической астрономии также открыл совершенно новый срез астрономических явлений и т. п.) – возникает «гонка» и конкуренция среди изобретений, а не среди теорий как раньше, появляется генеалогия, преемственность исследовательских машин;

→ появление универсальных методик открытия и технологий успешного вторжения в природу привело к появлению новой организации интеллектуалов – науки в современном понимании; имеются 2 ее радикальных отличительных признака: а/ внимание сообщества сфокусировано на быстро перемещающемся фронте экспериментальных исследований, только здесь и идут горячие споры; б/ если в традиционной науке (и философии) существовали обширные и долговременные области несогласия, то в новейшей европейской науке достигается высокая степень консенсуса – хотя она также основана на состоя-

зательности, но до тех пор, пока тема находится на переднем крае исследовательского фронта, в итоге споры разрешаются: выигравшая позиция воспринимается как достоверное знание, проигравшие позиции покидаются, а внимание перемещается к другим проблемам (проще создать себе репутацию в изучении новых тем, чем цепляться за старые споры), философские же споры, как правило, так и остаются неразрешенными, а существовавшие ранее позиции обычно впоследствии возрождаются.

Космологическая, гносеолого-метафизическая и научно-философская последовательности являются профильными для специфики западного развития мышления, они-то и определили мейнстрим в понимании природы философии и ее истории – в виде движения от размышлений о космосе к теории познания и метафизике, а от них – к возникновению науки. Такова стандартная западная модель понимания философии.

Вместе с тем существуют и другие ветви становления мышления как последовательностей в повышении уровня абстракции-рефлексии, доминировавшие в других великих регионах философского развития. Их мы можем обнаружить и в эволюции западного мышления – в виде важных самостоятельных этапов, не вполне оцененных историками философии. Это последовательности симбиотических объединений философии с близкородственными духовными образованиями: моралью и религией.

"Этико-философский" путь тесно связан с регионами, в которых по историко-культурным причинам внимание людей в большей мере занимали проблемы нравственности и общественного развития. Однако и в обществах с "метафизической" мотивацией (греко-римско-европейские) бывали времена, как правило, кризисные, когда на первый план философского интереса выходили моральные головоломки, стремление к душевному уединению и экзистенциальному самостроительству.

Философия в этой последовательности интерпретируется как знание о человеческом поведении, добродетелях, об "искусстве жить". В Древнем Китае философия и начинается в дискуссиях о природе человека: добр ли он, или же зол, коллективистичен или же врожденно эгоистичен. Это обстоятельство исходности в становлении одной из важнейших региональных линий развития мировой философии подтверждает важность и самостоятельность данной последовательности. В Греции антропологический поворот в философской проблематике происходит, начиная с софистов и Сократа, чтобы затем занимать умы людей и в эллинистическо-римскую эпоху (III в. до н. э. – III в. н. э.) – вплоть до появления неоплатонизма. Другие крупные всплески интереса к морально-политической рефлексии совпадали с переходными эпохами формирования индивидуализма: Возрождения (ренессансный антропоцентризм) и времени "поворота к человеку" в иррационализме, философии жизни и экзистенциализме (XIX – XX вв.)

Важнейший путь философской эволюции – *религиозно-философский* – состоит во взаимодействии с напряжениями религиозного мышления, включающего собственные специфические абстрагирования и глубокие рефлексии. Религиозные устремления в поисках сверхъестественных сил, особого трансцендентного мира ставят новые фундаментальные философские вопросы: бытия и случайности, причины и свободной воли, субстанции и множественности. Так, индийская философия отличается особой имманентной теистичностью, равно как и важнейший тысячелетний период в эволюции западного мышления – средние века (V – XV вв.)

Особенно сильный толчок религиозно-философскому развитию дал монотеизм (христианство и ислам) – с его идеей антропоморфного Бога, приведя к появлению многочисленных религиозных онтологий и "доказательств бытия Божия". Идея монотеизма сама по себе предполагает серьезное развитие абстрагирующих способностей и возникает уже в достаточно продвинутых сообществах интеллектуалов, однако для утверждения в качестве действенного учения требует еще и подкрепления внешними социальными условиями – стремления к имперскому государству (древний Израиль, Рим, арабский халифат). Существенные предпосылки для философского развития идеи монотеизма находимы в греческой философии с ее разработкой тем: метафизического единства всего эмпирического и выхода за его пределы (трансценденции), познавательного и нравственного совершенства. Но настоящему формированию религиозной монотеистической философии происходит в высокотонусных эмоциональных дискуссиях харизматиков-адептов христианства с неоплатониками (в 400 гг. н. э.), рационалистов и мистиков – в исламской философии (700 – 1200 гг. н. э.) Размышления и доказательства бытия Божия стали периметром для общего поля интеллектуального внимания религиозной философии на протяжении тысячелетия. Одновременно это стало областью общепринятых испытаний на философское мастерство, используемых не для обращения неверующих, а для утверждения превосходства в интеллектуальном сообществе. Здесь были разработаны основные стандарты в Его интерпретации: Бог есть единственно чисто необходимое, само по себе бытие, имеющее качества бесконечного совершенства и мирозадающей силы, обладающее высокими стандартами всеведения, всемогущества, бесконечной свободы и беспредельного блага.

Дискуссии по поводу преимуществ веры и разума привели к исследованию природы и источников познания, критике оснований разума. В итоге появляется особая религиозная метафизика с ее специфическими основополагающими абстракциями, выстраиваемыми вокруг осей отношений "Бога", "мира" и "человека". Достигнутый высокий уровень абстракции стал мощным стартовым основанием для нового взлета гносеолого-метафизической по-

следовательности в Европе Нового времени – в контексте появления новой науки.

Спецификой религиозно-метафизического развития отличалась и Индия. Хотя здесь, так же, как и в Китае, не было политически поддерживаемого монотеизма и понятия личного Бога-Абсолюта, индийцы – одни из самых религиозно-одаренных, наряду с семитскими (евреи и арабы), народов. Их особый теизм и мистицизм породили свою развитую религиозную философию.

Итак, предметом исходной, традиционной философии, т. е. философии на протяжении всей истории вплоть до XIX в., века великой дифференциации в возникшем специализированном познании (науке), крайне широк – абстрактное содержание естественнонаучного и гуманитарного познания, их "сливки". Из перечня последовательностей, разворачивавшихся в рамках традиционной философии, образуем обширный список ее "частей", ингредиентов: онтология (метафизика), гносеология (эпистемология), методология, социальная философия, антропология, этика, эстетика, философия религии и истории, философия науки и мн. др. Философия долгое время выполняла функцию теоретической обработки материала человеческого познания и самопознания. До того, как появились великие теоретизации в физике Нового времени, потом в биологии и других естественнонаучных, потом социально-гуманитарных дисциплинах.

Стремительно-обвальное оскудение содержания философии в последние два столетия, когда из нее ушли десятки новых дисциплин, сами ставшие "матками" для десятков других, привело к появлению тезиса о *"смерти философии"*. Казалось бы, могильщики философии не далеки от истины – чистых философов, тех, кто бы занимался лишь анализом природой мысли как таковой, не осталось совсем, да и оставшиеся превратились в исследователей символической и математической логики.

Однако не следует полагать за философию исчезающе малый, скукоженный остаток шагреновой кожи познания. Философия – это не частная дисциплина, таковой она может быть лишь в виде сферы преподавательской деятельности – рассказывать подрастающему поколению о славной философской истории и перечислять ее основные проблемы. Философия с древности была и остается широкой междисциплинарной формой духовной деятельности,

объемлющей собой все фронтиры современного познания. "Философ" – это интеллектуал широкого профиля, а не только тот, кто заканчивает философский факультет. Философы – это креативные теоретики во всех формах духовной активности, находящиеся в напряжении абстрагирования-рефлексии. Тот, кто способен к чистому абстрагированию и усмотрению собственных предпосылок, тот и философ. От ученых-практиков они отличаются все тем же отличительным признаком – рефлексией. Они постоянно извлекают, "раскапывают" свои концептуальные основания, т. е. склонны задавать и отвечать на вопросы: "в чем необходимость" такого-то и такого решения, постановки, понятия и пр. Темы подлинной и "вечной" философии – *глубокие мыслительные затруднения*, возникающие в той или иной теоретической сфере.

Философия не исчерпается тем, что из нее ушли и уходят ее прежние составляющие, в ней от того не убудет. Эмпирические науки, а потом социальные, остаются на принципиально более низком (среднем) уровне абстракции. Потому, пока есть интеллектуальные сообщества, способные к автономной теоретической деятельности по разделению собственного пространства внимания, – будет существовать и философия, как *высший уровень их же абстракций-рефлексии*. Это – живая, современная, развивающаяся философия, к ней, конечно же, добавляется ее славная история – незаменимый, единственный тренажер формирования основательного, разностороннего и гибкого интеллекта для молодых людей.

Итак, философия в качестве одной из *разновидностей древнего знания*, наряду с религией и искусством, проделала длительную эволюцию от привилегированно-универсальной позиции "высшей мудрости" – до положения частной дисциплины, существующей наряду со многими другими и отчаянно пытающейся доказать свою нужность и востребованность. Она была наукой до появления науки в современном смысле слова, но она и больше, чем наука, выражая сами способности к абстрагированию и рефлексии. Суть ее развития и заключается в изоляции, углублении этих способностей.

Литература

1. Коллинз, Р. Социология философий. Глобальная теория интеллектуального изменения / Р. Коллинз. – Новосибирск: Сибирский хронограф, 2002. – 1281 с.

УДК 172:316.472.4

СЛОЖНОСТНАЯ ЭТИКА СЕТЕВЫХ СООБЩЕСТВ

С. А. Решенин

COMPLEXITY ETHICS OF VIRTUAL COMMUNITIES

S. A. Reshenin

В статье предлагается свежий взгляд на этическое измерение социального пространства глобальных телекоммуникационных сетей в контексте сложностного мышления. Рассмотрены особенности функционирования механизма цензуры в сети и его влияние на этическую самоорганизацию сетевых сообществ.

The given article presents a fresh view on the ethic dimension of the Cyberspace in the context of the complexity thinking. There is considered mechanism of the network censorship and its influence on the ethical self-organization of Internet communities.

Ключевые слова: сложностное мышление, конвергенция, множественность, сетевая этика, цензура, девиация, ризома, самоорганизация.

Keywords: complexity thinking, convergence, multiplicity, netiquette, censorship, deviation, rhizome, self-organization.

Сети эксплицировались во всей своей полноте только в эпоху массовых конвергенций. Лишь когда нить, ухваченная Конфуцием, стала отчётливо видна и менее просветлённым, а единый мир уступил место множественным картинам мира, зыбкость структур (и в особенности, "Структуры" с большой буквы) стала ощущаться в каждом явлении. Ощущение зыбкости принимает различные формы в самых разнообразных дискурсах.

Так, американские футурологи говорят о новом синтезе и пересмотре концепции специализации. Элвин Тоффлер пишет о необходимости нового взгляда на пространство, время и знание в контексте процессов децентрализации, демассификации, десинхронизации и деспециализации [8]. В полном соответствии с вышеобозначенными тенденциями растёт число междисциплинарных публикаций. Современный лингвист уже не может позволить себе роскошь оставаться только лингвистом. Специалист по геной инженерии едва ли ускользнёт от влияния NBIC-конвергенции. Науки, дисциплины, различные уровни реальности и картины мира обвиваются нитью паутины. Существовая независимо друг от друга, они могли наивно претендовать на свою единственность и непогрешимость. Новая конфигурация лишает их такой возможности.

Для ориентации в пост-структурных образованиях необходимо новое мышление, "сложностное мышление" (англ. complexity thinking, понятие было введено впервые в теории хаоса). Американский социолог Мануэль Кастельс делает, на наш взгляд, верный акцент, когда говорит, что это не столько метатеория (которая неизбежно столкнётся с метатеорией более высокого порядка), сколько метод для понимания разнообразия. Он отмечает, что хотя правила и существуют, однако они "создаются и меняются в непрерывном процессе преднамеренных действий и уникальных взаимодействий"[9, р. 74]. Сложностное мышление направлено на схватывание разворачиваемой динамики множества переплетающихся сетей. Таким образом, на периферии внимания сложностного мышления всегда должны находиться концепты становления и множественности, образующие между собой первичную сеть (или сборку).

Понятие "множественности" также требует переосмысления. Множественность, как единство Парменидовской традиции, как законченная структура, не вписывается в сложностное мышление. Мы полагаем, что концепту "множественности" стоит предпочесть концепт "множественностей" (во множественном числе), чтобы на уровне языка подчеркнуть их несводимость к единому. Видные представители

французской теории Жиль Делёз и Феликс Гваттари, развивая свою концепцию "ризома", предлагают отказаться от дихотомии, как способа разложения единого на множественное. Формулу, согласно которой одно становится двумя, они называют "самой классической, самой продуманной, самой старой и усталой мыслью" [4, с. 10] и в противовес ей постулируют множественность через умеренность. "Всегда $n-1$ (только так один составляет часть множественного, будучи всегда вычтенным). Вычитать единственное из создаваемой множественности, всегда писать -1 после n " [4, с. 11]. Благодаря этой формуле, Делёз и Гваттари избегают сведения множественного к единому, делая последнее, по сути, побочным продуктом производства. В какой-то мере, эта формула перекликается с теорией синергетики, проблемное поле которой как раз и концентрируется вокруг понятия "сложности". В частности, синергетика также отталкивается от первичности хаотической множественности, в то время как сложные структуры являются продуктом самоорганизации.

Отметим ещё один важный концепт, разработанный Делёзом и Гваттари, а именно – концепт "сборки". Сборка предполагает соединение и сопоставление элементов множественности. Однако, в отличие от жёсткой структуры, сборка может объединять самые разные объекты, тем самым она ориентируется не только на познаваемое, но и на нераспознаваемое. Концепт сборки является основой того, что Гваттари называет "машинным гетерогенезом" [4], противостоящим редукционизму и "абсолютной идее". Сразу оговоримся, что сборку можно осуществить лишь в условиях той или иной модели сложностного мышления.

Здесь нам кажется важным отметить некоторое сходство с положениями философии прагматизма. В частности, концептуальная относительность истины легко может быть переведена в термины сборки и множественности. Кроме того, концепт сборки, вопреки своей открытости (а на самом деле даже благодаря ей), возлагает на каждого исследователя высокую ответственность, сопряжённую с возможностью свободного выбора элементов сборки. Редукционизм отныне становится безответственной практикой, если в рамках исследования заранее не оговорён его ограниченный характер. Редукционизм возможен (и, возможно, весьма полезен) лишь как редукционизм *ad hoc*, разворачивающийся в контексте множественности и становления. При таком его использовании мы можем эксплицировать отдельные аспекты изучаемого феномена.

Сети невозможно опоясать чёткой структурой, они всегда будут ускользать от структурного описания. Но мы можем выхватить моменты их становления, для чего и будем использовать концепт сборки. Обратимся для примера к медийным сетям и выдвинем рискованную исследовательскую гипотезу: современные средства массовой информации не только воздействуют на социализацию и социальную ориентацию воспринимающего субъекта, но и потакают его скрытым и явным прихотям. Ещё Аристотель говорил, что все люди от природы стремятся к знанию. Однако природу этого стремления можно интерпретировать по-разному. Так, например, потребность в информации (иначе говоря, в новостях) у телезрителя почти всегда носит перверсивный характер. Разумеется, эта потребность не исчерпывается подобной интерпретацией, однако обратившись к ней мы можем вскрыть неявные ранее взаимосвязи посредством новой сборки.

По меньшей мере, интерес телезрителя граничит с вуайеризмом: ему хочется увидеть всё своими глазами, пусть и опосредованно, через экран телевизора, но при этом остаться самому не увиденным. На этом желании основывается механизм современного телерепортажа, уводящий зрителя в глубь событий, но при этом оставляющий между ними непреодолимую дистанцию.

Дело редко ограничивается одним лишь вуайеризмом, который, в принципе, уже и не воспринимается как нечто перверсивное. Новости, затрагивающие самые сумеречные аспекты социального бытия, неизменно оказываются самыми популярными, интересными и зрелищными. При этом интерес особенно возрастает в том случае, если нам сообщают о чём-то из ряда вон выходящем, то есть о девиации. Мало кому интересна новость о собаке, загрызшей человека (разве что сам этот человек был кем-то "интересным"), а вот новость о том, что человек загрыз собаку, привлечёт к себе гораздо больше внимания. Ну, а ещё интереснее станет, если выяснится, что человека загрыз человек. После основного информационного тезиса начинается смакование подробностей, в рамках которого воспринимающий субъект и реализует свою потребность в информации.

Средства массовой информации с большой охотой обращаются к подобным темам, однако они соблюдают некоторый цензурный барьер, который:

- во-первых, ограничивает воспринимающего субъекта от наиболее перверсивной информации;
- во-вторых, позволяет воспринимающему субъекту не утратить способность к восприятию в силу информационного переизбытка и эмоционального перегруза.

Таким образом, мы можем утверждать, что цензура не в последнюю очередь выступает координатором (системой сдержек и противовесов) своеобразного информационного рынка. Иначе говоря, цензура предлагает нам некоторые сборки, детерминированные амплитудой общественно допустимого отклонения от нормы. Отметим, однако, что в контексте более сложной, децентрализованной и раз-

ветвлённой сети, эта детерминация может сойти на нет. Так, например, до сих пор ведутся споры, до какой степени возможна цензура в международной сети Internet. Займём в качестве рабочей умеренную позицию и попробуем поэтапно разобраться в ситуации.

Обеспечение полного отсутствия цензуры, о котором мечтали отдельные идеологи свободного киберпространства [2], оказалось практически невыполнимой задачей. Ежедневно сеть "очищают" от наиболее одиозной и запрещённой информации. Однако, подобно гидре, уже на следующий день эта информация вновь появляется в сети, множится и расплзается по самым разным её узлам. Таким образом, цензура в сети с её нынешней организационной структурой воспринимается прежде всего как действие, а не результат. Причём действие это носит неостановимый стихийный характер и оттого зачастую воспринимается как нечто бессмысленное и бесплодное.

Но это восприятие обманчиво: на самом деле цензура самым непосредственным образом влияет на доступность информации даже в рамках глобальной сети и тем самым входит в противоречие с имманентно присущим сети принципом свободы информации. Как следствие, некоторую информацию найти сложнее, чем другую. И эти степени сложности поиска и доступности информации самым непосредственным образом влияют на сетевую социальную стратификацию. Так, например, в сети Internet существует большое количество закрытых сообществ, в которые невозможно вступить, не пройдя определённые проверки и/или не заручившись поручительством одного из действующих членов общества.

Тем не менее цензура в сети Internet коренным образом отличается от цензуры в системе телерадиовещания. Её власть в значительной степени ограничена и постоянно оспаривается. Причины этому в (без)структурной организации пространства сети. Во-первых, при определённой инструментально-технической грамотности пользователь может себе обеспечить достаточно высокий уровень анонимности (или, по крайней мере, уверенность в оном) и тем самым обезопасить себя от какой-либо ответственности. Во-вторых, Internet предлагает значительное количество самых разнообразных механизмов и моделей самореализации, и агенты цензуры попросту не способны охватить весь поток. В-третьих, дополнительным препятствием для обеспечения цензуры выступают автоматизированные системы, имитирующие отдельные пользовательские действия. Самой большой и заметной группой подобных систем являются так называемые спам-боты. Сфера действия таких систем не ограничивается электронной почтой, спам-боты уже давно проникли в мессенджеры, блоги и социальные сети. Они создают колоссальный информационный шум и мешают проведению многих операций.

Резюмируем: нынешняя организация глобальной сети Internet подразумевает множественность, многомерность, анонимность и значительный информа-

ционный шум, в результате чего цензура в ней носит ограниченный характер. Таким образом, цензура оказывается не способной в должном количестве производить сборки, оформляющие в социальном пространстве сети дихотомию "норма-девиация", и на информационном рынке глобальной сети царствует принцип *Laissez-faire*. Как следствие, потребность в перверсиях и девиациях (которые уже и нельзя воспринимать таковыми, так как отсутствуют чёткий коррелят в виде нормы) поощряется и в значительной степени утоляется.

Принцип *Laissez-faire* самым интересным образом сочетается с имплицитной установкой глобальной сети на общедоступность информации и неприятие тайны в любом её виде. В результате глобальная сеть Internet, помимо прочего, становится площадкой для самореализации самых маргинальных слоёв населения. Городские сумасшедшие заводят блоги, подростки документируют процесс приготовления домашних животных, а новые хилиасты и конспирологи предлагают очередные девиантные (опять же, девиантные только для отдельного наблюдателя, но не для сети Internet в целом) интерпретации мира. Вуайеризм и его обратная сторона – "жизнь" напояк – очень быстро обесценивают самые важные аспекты бытия. Так, смерть в сети Internet уже стала досужим зрелищем, имеющим самые разнообразные формы, популярнейшей из которых является самоубийство перед веб-камерой.

В то же время любое отдельно взятое сообщество внутри глобальной сети вольно выстраивать посредством сборок свою собственную систему цензуры и тем самым оформлять локальную дихотомию "норма-девиация". Это парадоксальное стремление глобальной сети к локальности подчёркивает её множественный характер, её нежелание сводиться к единому и оформляться вокруг определённого центра.

Однако в контексте неконтролируемых децентрализованных множественностей и индивидуальных сборок появляются правомерные, на первый взгляд, опасения о невозможности коммуникации и выстраивания общих смыслов. Не окажется ли социальное пространство сети Internet реальным воплощением множественности монад без окон? Именно об этом размышляет Кастельс, используя метафорический образ персонализированного гипертекста, под которым он понимает результат работы нашей способности "рекомбинировать и понимать своим умом смысл всех компонентов гипертекста, распределённых среди множества различных сфер культурной выразительности" [6, с. 236]. Иначе говоря, суть дела в нашей способности осуществлять сборки и индивидуально интерпретировать их, в результате чего "мы становимся свободными, но потенциально аутичными" [6, с. 237].

Но в то же время сама природа коммуникации подразумевает существование Другого, с которым и осуществляется диалог. "То же самое" не нуждается ни в осмыслении, ни в сравнении, ни в общении. Для коммуникации необходима множественность,

именно она и делает диалог возможным и необходимым. "Объединяет людей не обобщенное, а особенное. Человек по-настоящему имеет право отождествить себя только с тем, что непохоже, редко, исключительно, единственно. Общее, навязывая людям одинаковость, делает их чужими друг другу" [2, с. 51].

Кастельс вопрошает "каким образом общий смысл и, следовательно, общество могут быть реконструированы в условиях распределённого персонализированного гипертекста?" [6, с. 237], и сам же предлагает ответ: для схождения множественностей существуют специальные протоколы смысла, мосты между самыми автономными дискурсами. А самым важным из них является искусство во всех его проявлениях, которое "способно стать – и без всякой особой программы освобождения, а только благодаря одному лишь факту своего существования – коммуникационным протоколом и инструментом социальной реконструкции" [6, с. 239].

И действительно, общение в сети пронизано циркулирующими творческими потенциями, именно они оказываются способны обеспечить прочность глобальной паутины, обволакивающей разнородные локальности. Сообщества и индивиды продуцируют свои ценности, свои дискурсы, которые, в свою очередь, могут отправиться в свободное плавание посредством разнообразных коммуникационных практик, осуществляемых в сети. Диалог возможен лишь как соприкосновение бесчисленных границ множественного, но не как их размежевание или, наоборот, размытие. Настоящая коммуникация всегда является в той или иной мере творческой самореализацией, и она ни в коем случае не подразумевает полное исчезновение Другого. Очень важно, на наш взгляд, помнить о том, что множественность вовсе не означает незначительность или бессмысленность отдельных дискурсов, так как именно на этом сомнительном аргументе обычно строится направленная против неё критика.

Сеть Internet "глокальна" по своей природе, для её этической системы характерно сближение несовместимых элементов. С одной стороны, многие исследователи правомерно пытаются охарактеризовать её как реляционно-нигилистическую, с другой – отдельные сообщества в сети имеют крайне жёсткие системы этических норм и цензуры. Кроме того, в сети существуют ещё и мягкие формы этической регуляции, называемые нетикетом. Так, например, спам (являющийся прямым нарушением нетикета) вызывает негодование практически у каждого пользователя сети.

Современное общество отчаянно нуждается в новой этической модели, о чём свидетельствуют многочисленные этнические, религиозные и прочие социальные конфликты. Так, например, рефлексия над недавними событиями в Осло, словенский философ и культуролог Славој Жижек в статье "Казус Брейвика, или чего хочет Европа?" [5] пишет о необходимости нового витка эмансипации, однако оказывается не способным привести конкретный пример возможной её модели, за что впоследствии

критикуется Александром Морозовым [7]. В продолжение мысли Жижека, мы хотим привлечь всеобщее внимание к реализации этического взаимодействия в глобальных телекоммуникационных сетях.

Мы считаем, что этика в контексте сетей становится не столько реляционной, сколько сложностной. Она уже перестаёт претендовать на единственность или метаэтичность, но в то же время не отказывается от своей значимости. Для сложностной этики в большей степени характерна честность, нежели конформность (хотя бы уже в силу отсутствия единой модели конформности). Сеть подразумевает конвергенцию, но конвергенция не обязательно означает полное слияние и исчезновение Другого. Напротив, ни одно мнение нельзя убрать с доски в силу концептуально-технических особенностей сетевой организации. Поэтому сложностная этика оказывается этикой необходимости терпения множественного. Это не либеральная модель толерантности, отнюдь. В сложностной этике терпение множественного не подразумевает абсолютную вежливость и страх перед собственным мнением. Дебаты и споры, локальные войны и перемирия ни на секунду не прерываются в пространстве сети. Они контролируются мягко, посредством нетикета, но при этом редко эскалируются, так как для полноценной эскалации нужна единая подобная структура, а в сети мы имеем дело с множественностями. Путь к новой этике лежит прежде всего в признании становления и множественного. Здесь и начнётся новый виток эмансипации.

Литература

1. Барлоу, Д. П. Декларация независимости киберпространства [Электронный ресурс] / Д. П. Барлоу // POSIX. – Режим доступа: <http://posix.ru/openway/declaration>.
2. Биbihин, В. В. Язык философии [Текст] / В. В. Биbihин. – М.: Языки славянской культуры, 2002. – 416 с.
3. Галинская, И. Л. Компьютерная этика, информационная этика, киберэтика [Электронный ресурс] / И. Л. Галинская. – Режим доступа: <http://ilgalinsk.narod.ru/articles/competh.htm>.
4. Делёз, Ж. Тысяча плато: капитализм и шизофрения [Текст] / Ж. Делёз, Ф. Гваттари. – М.: Астрель, 2010. – 895 с.
5. Жижек, С. Казус Брейвика, или чего хочет Европа? [Электронный ресурс] / С. Жижек // Русский журнал. – Режим доступа: <http://russ.ru/Mirovaya-povestka/Kazus-Brejkika-ili-chego-hochet-Evrope>.
6. Кастельс, М. Галактика Интернет [Текст] / М. Кастельс. – Екатеринбург: У-Фактория, 2004. – 328 с.
7. Морозов, А. Жижек и Брейвик [Электронный ресурс] / А. Морозов // Русский журнал. – Режим доступа: <http://russ.ru/Mirovaya-povestka/ZHizhek-i-Brejkik>.
8. Тоффлер, Э. Третья волна [Текст] / Э. Тоффлер. – М.: АСТ: АСТ Москва, 2010. – 795 с.
9. Castells, M. The Rise of the Network Society [Text] / M. Castells. – Oxford: Blackwell Publishing Ltd., 2010. – 597 p.

УДК 316.462:316.662.4

ЗНАКОВО-СИМВОЛИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМАТИКА ВЛАСТНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ

Д. В. Чайковский

SIGN AND SYMBOLICAL PROBLEMATICS OF THE POWER

D. V. Chaykovskiy

В статье обосновывается возможность рассматривать социальную природу власти через ее знаково-символическое измерение. Анализируются различные знаковые проявления власти в контексте информационно-коммуникативной парадигмы. На основе анализа работ представителей семиотики освещается определение знака. Проводится классификация знаков власти в логике, предложенной Ч. Пирсом. Рассматриваются иконические, индексальные знаки власти, а также ее символы.

In article possibility to consider the social nature of the power through its sign and symbolical measurement is proved. Various sign displays of the power in a context of an information-communicative paradigm are analyzed. On the basis of the analysis of works of representatives of semiotics it is given sign definition. Classification of signs on the power, in the logic offered by Ch.S.Peirce is spent. Icons, indexes and symbolical sings on the power are considered.

Ключевые слова: власть, знак, иконический знак, индекс, символ, семиотика.

Keywords: power, sign, icons, indexes, symbols, semiotics, Peirce, Morris, Saussure.

Анализ реалий современного мира, в особенности его информационно-коммуникативной составляющей, акцентирует исследовательское внимание на вопросах, связанных с реализацией знаково-символического взаимодействия. Наш мир является знакоориентированным. Необъятный массив соци-

ального опыта закодирован в знаковых системах, выполняющих роль хранилищ социально значимой информации, и нуждается только в своевременном раскодировании. В знаковой форме представлены явления, процессы, теории, концепции. Как подчеркивал Чарлз У. Моррис, один из создателей знако-

вой теории, «человеческая цивилизация невозможна без знаков и знаковых систем, человеческий разум неотделим от функционирования знаков – а возможно, и вообще интеллект следует отождествить именно с функционированием знаков» [1, с. 37].

Для власти знаковость также является важнейшим свойством, придающим ей подлинную социальность. Ведь в чем заключается цель власти? Ответ очевиден – в подчинении. Но подчинение – это всегда подчинение чему-то: силе, авторитету, чину и т. д. Подчинение предполагает интерпретацию имеющегося различия (неравенства) и последствий отношений им порожденных (как негативных, так и позитивных). Как подчеркивает П. Бурдьё, даже «самые грубые отношения силы в то же время всегда являются символическими», а соответственно подчинение им – «когнитивными актами, которые в таком своем качестве приводят в действие когнитивные структуры, формы и категории перцепции, принципы видения и деления» [2]. Действительно, физическое принуждение, по сути, есть знак, имеющий внешнюю форму выражения – осуществляемое насилие, и несущий некий смысл (содержание) – возможность прекращения этого насилия при его верной, с точки зрения власти, интерпретации, т. е. подчинении. Собственно само понятие «власть» является знаком, обозначающим определенный вид социальных отношений. Этот момент был тонко подмечен М. Фуко, писавшем, что власть это имя, которое дают сложной стратегической ситуации в данном обществе [3, с. 193].

Власть должна быть узнана и истолкована в качестве таковой. Признание власти есть предпосылка ее эффективной реализации. Для этого она вынуждена презентовать себя через совокупность своих атрибутов, выраженных, как правило, в знаково-символической форме. Власть именно презентует себя, то есть старается сделать свои знаки максимально заметными и понятными. Власть стремится к публичности. Код интерпретации ее знаков должен быть максимально открыт и понятен окружающим, чтобы окружающие тратили минимальные усилия на декодирование. Для того, чтобы распознать власть не требуется специального знания. Система интерпретации власти находится под контролем самой власти. Правильное толкование позволяет власти избежать необходимости принимать дополнительные меры по своему утверждению: предшествующий социальный опыт, реализующий интерпретацию власти в направлении возможных последствий, выполняет за власть всю «грязную» работу.

Знаки власти разнообразны. Внешними знаками власти являются чины и должности, научные степени и специальные звания. В качестве внешних знаков может выступать, например, одежда. Это остроумно отразил Г. Данелия в своем культовом фильме «Кин-дза-дза», связав социальную стратификацию с цветовой дифференциацией штанов. Власть может подчеркиваться специальными внешними знаками – инсигниями (корона, скипетр, меч и т. д.). В качестве знака власти можно воспринимать речь, походку,

позы человека. Даже время и пространство в ряде случаев являются знаками власти: так, кабинет руководителя есть пространственная и временная дифференциация его власти от подчиненных.

Но, если внешние знаки могут быть присвоены субъектами, не обладающими властью, и соответственно могут быть расширительно истолкованы не только во властной парадигме, то совокупность «внутренних» знаков, отражающих ее существо, является неотчуждаемой. Они однозначно интерпретируются как власть. Этот момент хорошо проиллюстрирован Гоголем в повести «Ревизор». Как получилось, что все, в том числе опытный городничий, который «мошенников над мошенниками обманывал», приняли Хлестакова за лицо, облеченное властью? Никакие внешние знаки не позволяли его истолковывать в качестве ревизора. Гоголь специально описывает его как незрелого, приглуповатого молодого человека, который «говорит и действует без всякого соображения».

Однако, вопреки всем этим атрибутам, Хлестаков занимает в умах жителей города статус ключевой фигуры, наделенной практически сверхъестественной властью: к министрам вхож, да во дворец каждый день ездит. За счет каких знаков он был проинтерпретирован как власть? Ответ мы найдем в характеристике Хлестакова данной Добчинским: «Он! И денег не платит, и не едет. Кому же быть, как не ему?».

Внимательный взгляд городского помещика выделил ключевой знак в образе Хлестакова. Знак, который, особенно в российской традиции, прочно ассоциирован с властью. Хлестаков позволяет себе поведение, которое не может быть присуще «обычному» человеку. Выходит за рамки общепринятого (не оплачивать оказанные услуги) может только тот, кто не боится наказания, т. е. лицо, наделенное властными полномочиями. Он ведет себя так, как обычный человек в обычных условиях себя вести не должен и не может. Он по-своему «попирает» нормы общепринятого поведения. Дальнейшая агрессивная (оправдательная) риторика Хлестакова только подтверждает «верность» выбранного направления толкования.

В. Прозоров, исследуя семантические горизонты понятия «власть», подчеркивает, что в русской духовной культуре власти с древности задана безусловная и беспредельная высота [4, с. 58]. Власть – это прежде всего Бог, Божья воля, Божья милость. Земная власть есть продолжение Божьей власти, поэтому в русском понимании она также наделяется признаками силы и необходимостью безусловного подчинения. Первая фраза повести, вызывающая страх у действующих лиц, изначально демонстрирует недостижимый уровень власти и обязанность ей подчиняться. Ревизор – это воплощение Божьей кары при земной жизни, именно поэтому только ему может быть присуща мощь выходить за общепризнанные рамки.

Итак, мы считаем справедливым рассматривать власть в информационно-коммуникативной парадигме через ее знаковое измерение. Но что есть

знак? В гуманитарной мысли исследование знака осуществляется в плоскости такого научного направления, как семиотика. Семиотика как наука возникла относительно недавно, хотя сам термин «semiotic» был введен еще Дж. Локком. Отцами-основателями семиотики можно считать Фердинанда де Соссюра (1857 – 1913) и Чарлза С. Пирса (1839 – 1914). Несмотря на коренное отличие их воззрений каждый из них по-своему определил развитие семиотики на десятки лет вперед.

Так, Ф. Соссюр сформулировал основные принципы науки о знаках, которую он назвал «семиологией». С его точки зрения, данная наука была призвана объяснить, что есть знак, какова его сущность, каковы законы, управляющие знаками. Знак, с его точки зрения, есть неразрывное единство означающего и означаемого, терминологически противопоставляющих себя друг другу и знаку как целому. Существующий в конкретном обществе способ их ассоциирования основан на традициях, коллективной привычке либо на соглашении. Соответственно, означающее немотивированно, то есть произвольно по отношению к данному означаемому, с которым у него нет в действительности никакой естественной связи [5, с. 101].

Американский исследователь Ч. Пирс определял семиотику как учение о сущности и основных видах знакообозначения. Знак он определял «как всякое нечто, которое таким образом обусловлено другим нечто, называемым его Объектом, и так обуславливает некоторого рода воздействие на того или иного человека, каковое воздействие я называю его Интерпретантом, что последний оказывается обусловлен первым» [6, с. 307]. Знак является своего рода связующим звеном между объектом, который он обозначает, и интерпретантом, который он генерирует. Последний, в свою очередь, также может являться знаком. Как видно, в отличие от Ф. Соссюра, раскрывающего содержание знака в диадическом отношении «означающее – означаемое», Пирс подчеркивает его триадическую связь, установленную между знаком, его объектом и интерпретирующей его мыслью. Кроме того, если швейцарский ученый рассматривает знак в статическом единстве означающего и означаемого, то Пирс делает акцент на динамической природе знака, на непрерывном изменении его форм в процессах интерпретации. Этот момент подробно проанализирован в работе Н. А. Лукьяновой [7], строящей свою концепцию социокультурных изменений на совмещении статики (Соссюр) и динамики (Пирс) как способов существования знака, воспроизводящих его целостность в коммуникациях.

Последователь Пирса Чарльз У. Моррис в русле концепции бихевиоризма определяет знак как указатель на нечто (десигнат), посредством которого это нечто воспринимается кем-то (интерпретатором) и способствует возникновению определенного типа поведения (интерпретанты). Например собака, реагируя на определенный звук, начинает вести себя так же, как она ведет себя при охоте на бурундуков, путешественник, читая письмо с описанием местно-

сти, планирует, как правильно построить там свое поведение. Здесь знак (звук, описание) указывает на десигнат (бурундучья охота, географическая область) и провоцирует интерпретанту (поведение). Т. о. «в семиозисе нечто учитывает нечто другое опосредованно, то есть через посредство чего-то третьего» [1, с. 40], т. е. знака. Знаки (знаковые средства), следовательно, есть посредники, благодаря которым десигнаты, как то, что учитывается, воспринимаются интерпретаторами через их интерпретацию этих знаков.

Бихевиористский подход Морриса подвергался неоднократной критике, но нам он кажется вполне применимым к исследованию семиотических проблем власти. Моррис подчеркивает, что учесть десигнат вследствие наличия знакового средства – значит реагировать на десигнат в силу реакции на знак [Там же, с. 41]. Это и имеет важнейшее значение с точки зрения бихевиоризма. Простая схема стимул (наличие знака, а следовательно, и десигната) – реакция (интерпретанта, а следовательно, и некое поведение) как нельзя четко отражает основную сущность власти. Так, в случае служебной иерархии субъект (интерпретатор) реагирует на должность Другого (знаковое средство), как атрибут власти (десигнат) определенным типом поведения – подчинением и выполнением его распоряжений (интерпретанта). При этом надо иметь в виду, что знак порождает соответствующую интерпретанту только в условиях определенного контекста. Вне этого контекста интерпретанта может либо вообще не возникнуть, либо быть принципиально иной. Должность интерпретируется как знак власти только в условиях организационной иерархии. Вне организационной структуры интерпретанта (подчинение) сформирована не будет. Кроме того, формирование интерпретанты имплицитно предполагает возможность узнавать десигнат (власть) за соответствующим знаковым средством. Интерпретатор должен обладать определенным социальным опытом, конструирующим в конкретных условиях конкретную интерпретанту.

В логике семиотического исследования можно провести некоторую классификацию знаков власти. Для целей нашего исследования остановимся на классификации знаков, предложенной Ч. Пирсом в 1867 г. Пирс подразделял знаки, исходя из их отношения к своим объектам, и выделял соответственно иконические знаки, индексальные знаки и символы.

В ранних работах Пирс видел действие иконического знака в фактическом подобии означающего и означаемого [8, с. 104]. Например, рисунок есть иконический знак изображаемого объекта. Однако позже он трактует эту взаимосвязь несколько глубже. Иконический знак определен им как знак, обусловленный своим объектом, исходя из своей собственной внутренней природы [6, с. 292]. Им может являться настроение, возникшее в результате прослушивания музыкального произведения, репрезентирующее именно такой замысел его автора. Т. е. подобие в иконическом знаке есть «возможность». Он есть не что иное, как Абстракция, некая «пре-

дельная референция». В этом смысле портрет президента в кабинете есть подтверждение подобия власти чиновника и государственной власти. Иконический знак (портрет) как бы подтверждает легитимность отправляемой чиновником власти. Посредством него «делегируется» часть власти президента конкретному уровню государственной службы, конкретной должности (которая, в свою очередь, также выступает в качестве иконического знака). Он есть декларация возможности иметь власть лицом, занимающим соответствующее место в бюрократической иерархии. Портрет деперсонализирует власть, переводя ее из личной сферы конкретного лица в сферу абстрактной государственной власти.

Индексальный знак предполагает реальную связь со своим объектом. В простейшем случае это фактическая, реально существующая смежность означаемого и означающего, например, дым выступает индексальным знаком огня, след на песке – знаком прошедшего человека [8, с. 104]. Именно индексальные знаки в наибольшей степени отражают сущность власти. Изменение поведения объекта, его подчинение есть знак того, что над ним осуществлена власть. С точки зрения самого объекта, воздействие интерпретируется как индекс власти в случае, если потенциально наличествуют негативные или позитивные последствия этого воздействия. Право власти награждать и наказывать, право отдавать приказы и требовать их исполнения есть наиболее понятные индексальные знаки власти.

Если иконический знак Пирс отождествляет с Абстрактным, то индексальный знак – с Конкретным. Здесь объект есть Событие, свершившийся Действительный факт или Существующая вещь. Поэтому индексальный знак власти запечатлевает действия и поступки ее субъектов, реализуя слова Христа из нагорной проповеди: «По плодам их узнаете их». Результаты властных свершений в форме конкретных дел власть стремится означить и использовать в качестве индексов, подтверждающих ее легитимность.

Наконец, Символ Пирс определяет как «знак, который обуславливается своим динамическим объектом только в том смысле, что первый будет интерпретирован в качестве символа» [6, с. 292]. Эта категория знаков власти наиболее многочисленна. Символами царской власти являются трон, корона, скипетр и держава. Символами власти государства герб, гимн, флаг. Символами чиновничества – кабинет, секретарь, служебный автомобиль с проблесковым маячком. Символами власти врача – белый халат и стетоскоп. Все символы власти стали таковыми в процессе социальной эволюции. Другими словами, символ будет воспринят в качестве знака, только если существует некое заранее известное условие, правило, предполагающее его трактовку в качестве такового. Этим условием может выступать соглашение, привычка. Оно может определяться естественным характером своего интерпретанта, либо областью его действия.

Соответственно сам Символ есть результат конвенции и договоренности. Она может быть как рациональной, основанной на логическом суждении, так и иррациональной, базирующейся на сакральных предпосылках. Причем второе часто не противоречит первому. Вспомним легенду о короле Артуре, изложенную Томасом Мэлори. Королем должен был стать тот, кто вытащит меч из-под наковальни, появившейся вместе с камнем чудесным образом в Рождество во дворе лондонской церкви. Здесь меч – символ потенциальной власти, имеющий сакральную природу и интерпретирующийся в качестве такового благодаря тексту на камне. В свою очередь, акт извлечения меча – символ реальной власти, который интерпретируется уже абсолютно рационально. Легенда гласит, что Артуру пришлось неоднократно, в течение длительного времени, вновь и вновь извлекать меч, т. е. означивать этот символ, добиваться рациональной интерпретации сакрального и, как следствие, доказывать свое право на престол. Только спустя несколько месяцев, когда уже всем стала очевидна уникальность Артура, он был признан королем.

Высшей формой конвенции является закон, который, в свою очередь, также является символом власти. Наличие закона освобождает интерпретатора от необходимости излишней интерпретации. Закон жестко закрепляет связь между означающим и означаемым, лишая ее сосюрсовской произвольности: *dura Lex, sed Lex*. В этом плане символ, получивший свое законодательное закрепление, транслирует свое значение не только в настоящее, но и в будущее.

У Пирса символ есть Собирательный знак. Он означает некую совокупность «вещей», объединенных общим свойством. Соответственно сам символ тоже не отдельная «вещь», а совокупность, которую он обозначает. Это правило, получающее некое значение. Поэтому способ, в котором существует символ, отличается от способа существования других знаков. В одной из своих поздних работ Пирс пишет: «Бытие иконического знака принадлежит прошлому опыту. Он существует только как образ в памяти. Индекс существует в настоящем опыте. Бытие символа состоит в том реальном факте, что нечто определенно будет воспринято, если будут удовлетворены некоторые условия, а именно: если символ окажет влияние на мысль и поведение его интерпретатора» [8, с. 116]. Символ есть обобщение. Но обобщение не может быть полностью реализовано в настоящем. Оно есть проекция в будущее потенциально возможных интерпретаций.

В качестве заключения проиллюстрируем вышесказанное следующим пассажем. Власть принуждает (подчиняет) не сама по себе, а потому, что люди ей подчиняются (в силу существующего закона или конвенции (общественного договора)). Некое проявление власти есть применение этой конвенции к конкретному случаю, нередко путем передачи власти, делегирования ее принуждающих полномочий, третьим лицам, которые наделяются правом отправлять власть, в том числе и путем прямого насилия

(карательные органы государства). Деятельность этих органов олицетворяет власть и отражает ее смысл в единичном событии, безотносительно к существующей конвенции. Иконический знак у Пирса репрезентирует некоторую вещь, которая может иметь, и иногда действительно имеет, место: власть – как потенциальная возможность применения насилия. Индексальный знак указывает на само Событие (единичная вещь или положение вещей), с которым мы в данный момент имеем дело: конкретное проявление власти-насилия карательным органом. Символ репрезентирует то, что может быть наблюдаемо при определенных общих условиях, в том числе и в будущем. Это власть как конвенция, как соглашение, наконец, как закон, дающий право карательным органам применять насилие.

Литература

1. Моррис, Ч. У. Основания теории знаков / Ч. У. Моррис // Семиотика. – М.: Радуга, 1983.
2. Бурдьё, П. Дух государства: генезис и структура бюрократического поля [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://bourdieu.name/content/burde-duh-gosudarstva-genezis-i-struktura-bjurokraticheskogo-polja>.
3. Фуко, М. Воля к знанию / М. Фуко // Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. – М.: Касталь, 1996.
4. Прозоров, В. О семантических горизонтах понятия «власть» / В. Прозоров // Логос. – 2003. – № 4 – 5(39).
5. Соссюр, Ф. Труды по языкознанию / Ф. Соссюр. – М.: Прогресс, 1977 г.
6. Пирс, Ч. Начала прагматизма / Ч. Пирс. – СПб.: Алетейя, 2000.
7. Лукьянова, Н. От знака к семиотическим конструктам коммуникативного пространства / Н. Лукьянова. – Томск: ТПУ, 2009.
8. Якобсон, Р. В поисках сущности языка / Р. Якобсон // Семиотика. – М.: Радуга, 1983.

ХИМИЯ

УДК 546.11:539.23:538.913

ИССЛЕДОВАНИЕ НАНОКОМПОЗИЦИОННОЙ СТРУКТУРЫ ПИРОНИТРИДА БОРА ПРИ ПРОТОННОМ ОБЛУЧЕНИИ

Ю. В. Бородин, В. Х. Пак, С. В. Романенко

INVESTIGATION OF THE BORUM PYRONITRIDE NANOCOMPOSITE STRUCTURE IN PROTON IRRADIATION

Yu. V. Borodin, V. Kh. Pak, S. V. Romanenko

В статье исследована наноконпозиционная структура пиронитрид бора (ПНБ) при облучении наносекундными протонно-ионными пучками с энергией 120 – 250 КэВ, плотностью тока до 80А/см² и длительностью 20 – 100 нс. Показано, что облучение наносекундными протонно-ионными пучками с высокой плотностью мощности способствует росту вюрцитоподобного ПНБ на основе самоорганизующихся спирально циклических наноконпозиционных структур из первичной структуры протонно-выделенных нанополимеров.

The paper investigated the nanocomposite structure pironitrid boron (PNB) irradiated by nanosecond proton-ion beams with energies of 120 – 250 keV, current density and duration to 80A/sm² 20 – 100 ns. Shown that irradiation of nanosecond proton-ion beams with high power density contributes vuyrtsitopodobnogo NSP based on self.

Ключевые слова: наноконпозиционная структура, самоорганизация, протонирование.

Keywords: nanocomposite structure, self-organization, protonation.

Облучение кристаллов простых веществ и соединений наносекундными протонно-ионными пучками с высокой плотностью мощности приводит, как правило, к приповерхностному модифицированию материалов и протонному выделению первичной структуры нанополимеров (ПСНП) [1 – 3]. Высокий уровень сопутствующего протонирования чаще всего наблюдается в плотноупакованных и слоистых материалах. К числу таких материалов относится пиронитрид бора с большим количеством плотноупакованных плоскостей, где интенсивные структурные преобразования происходят при низ-

ких температурах [4, с. 227 – 237; 5, с. 297 – 304]. Формирование в таких условиях сверхтвердых фаз улучшает механические и диэлектрические свойства ПНБ, способствует созданию инструментальных материалов и изделий с высокой радиационной стойкостью [6, с. 98 – 104; 7, с. 165 – 170]. Исследования тонкой кристаллической структуры и текстуры различных модификации ПНБ не привели к объяснению природы ПСНП и нанополимеров из ПСНП. Наноконпозиционная структура чаще всего формируется при ударно-волновых и наносекундных воздействиях, обработке в расплавах солей и кислот,

где обеспечивается высокий уровень протонирования, регулирование размеров ПСНП и соблюдение принципов самоподобия [8, с. 475 – 487]. Представляется необходимым исследование влияния наносекундного протонного облучения на форму и размеры ПСНП, нанополимеров и низкотемпературные структурные преобразования.

Методика эксперимента

Исследованы пластины коммерческого ПНБ. Облучение велось пучками протонов с энергией 120 – 250 КэВ, плотностью тока до 80 А/см² и длительностью 20 – 100 нс с ограничивающим зону облучения (Ø 3 мм) экраном из фольги W толщиной 0,5 мм. Рентгеновские исследования проводили на дифрактометре ДРОН-3 в Cu-K_β-излучении. Для восстановления тонкой структуры подрефлексов использована методика съемки нефокусированных лауэграмм, когда образец смещается из центра го-

ниометра в сторону рентгеновского источника, и дифракционная картина наблюдалась от неподвижного образца как при съемке лауэграмм. При рентгенографических исследованиях по методике Шольца также использовался метод расфокусировки изображения [9, с. 499 – 501]. Микроскопические исследования проводили на электронном микроскопе ЭМ-125К; изображение, позволяющее судить о фазовом составе, получали с области 0,5 – 1,0 мкм.

Результаты исследования

В исходном ПНБ и облученном наносекундными протонными пучками ($E = 120$ КэВ, $I = 10$ А/см²; $t = 20$ -100 нс с, $T = 15$ имп./мин) наблюдается сложная иерархия распределения интегральной интенсивности дифракционных линий, что свидетельствует о сложности распределения электронной плотности в атомных плоскостях (рис. 1).

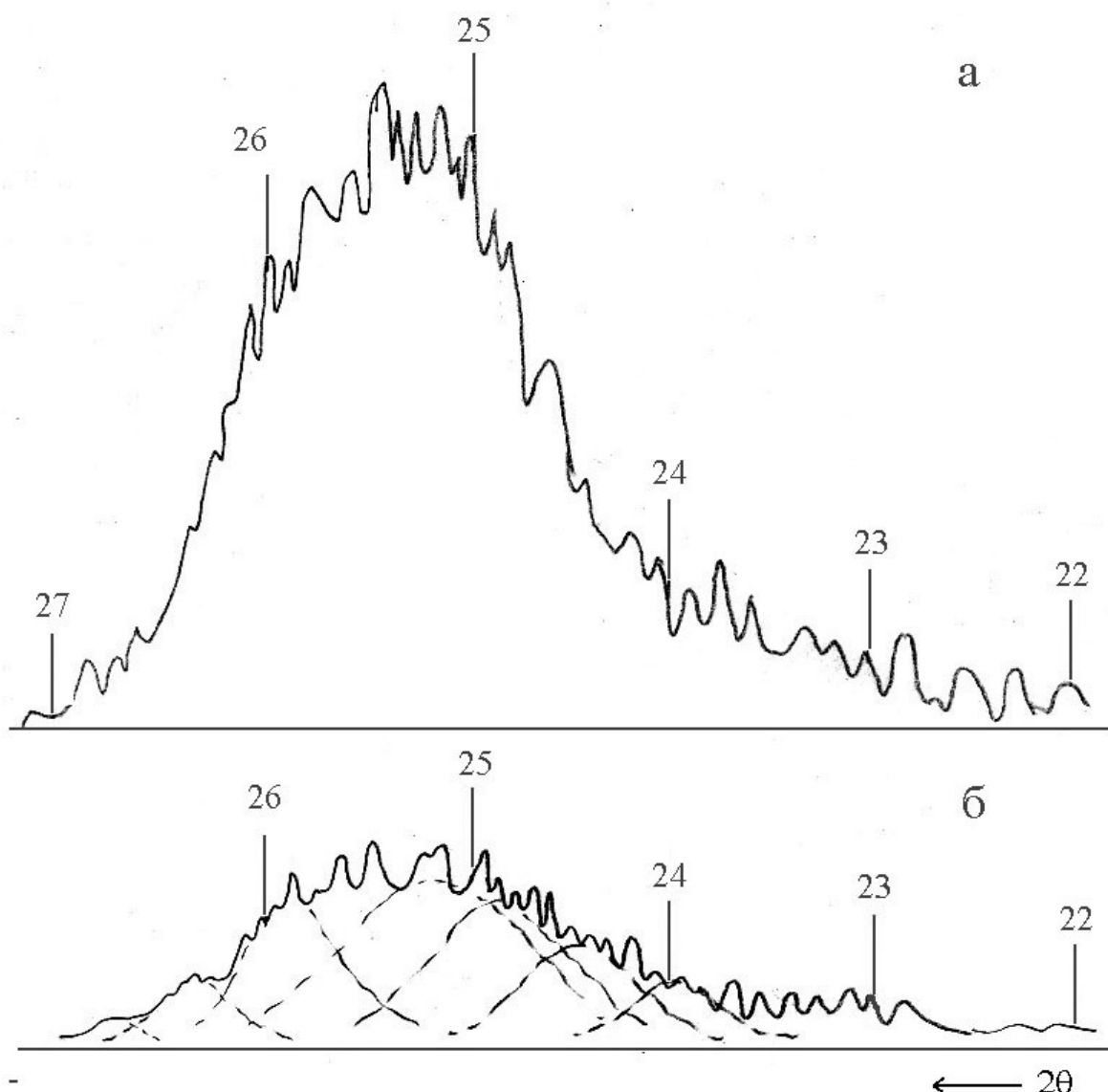

Рис. 1. Тонкая структура дифракционного рефлекса (002) исходного (а) и облученного (б) ПНБ

Неравномерность электронной плотности можно связать с перераспределением старых и формированием новых нанополимеров.

Каждый рефлекс разбивался на семь и более крупных подрефлексов, расположенных аperiodически внутри большого рефлекса. Исходя из геометрии, расположения субподрефлексов и рефлексов зависимости распределения межуговых положений имеют соответственно вид [10]:

$$\Delta\varphi_0 \tau^0, \Delta\varphi_0 \tau^1, \Delta\varphi_0 \tau^2; \quad (1)$$

$$\Delta\varphi_0 \tau^0, \Delta\varphi_0 \tau^1, \Delta\varphi_0 (1/2\tau^2), \Delta\varphi_0 (1/3\tau^2), \quad (2)$$

где $\Delta\varphi_0$ – минимальное межуговое расстояние,

$\tau = 1,618$ – число золотого сечения.

С учетом выражений (1) и (2) в табл. 1 представлены экспериментальные значения микроблоков вдоль плоскостей [110] и [001]. Используя экспериментально найденную величину межплоскостного расстояния наиболее плотноупакованной плоскости с максимальной интенсивностью линии ($d_{\max}$), размер ребра ПСНП находился из выражения [10]:

$$d_{\text{ПСНП}} = d_{\max} N^{1/2} \tau^{1/6} K_{\phi}^{-1/3}, \quad (3)$$

где $N = H^2 + K^2 + L^2$ – сумма квадратов индексов наиболее плотно упакованной плоскости; K_{ϕ} – коэффициент формы ПСНП ($K_{\text{куб}} = 1$; $K_{\text{октаэдр}} = 0,4714$; $K_{\text{тетраэдр}} = 0,1179$).

Расчетные значения нанополимеров получены исходя из принятых в [9, с. 499 – 501] положений о составляющих их ПСНП и масштабировании размеров ребер ПСНП согласно последовательности Фибоначчи. Из табл. 1 видно, что при использовании ПСНП октаэдрической формы с $a = 0,455$ нм часть нанополимеров по размерам близки к расчетным. Вдоль плоскости [001] при облучении формируются более крупные нанополимеры, часть из которых находится в иерархических цепочках 5 – 6 – 7 с самоподобными переходами [8, с. 475 – 487]. Реализации таких переходов препятствуют экспериментально наблюдаемые нанополимеры с размерами 3,1; 3,94; 4,25 и 11,56 нм. С помощью методики топографической съемки по Шольцу наблюдается распределение правильным образом расположенных блоков размерами 10 – 20 мкм.

Таблица 1

Размеры нанополимеров в ПНБ после облучения

Плоскость	110			001		
$a_{\text{экспер.}}$, нм	1,37	2,614	9,596	3,66	6,40	11,56
Шаг ряда Фибоначчи	3	4	7	5	6	7
$a_{\text{расч.}}$, нм	1,365	2,275	9,555	3,64	5,915	9,555

Облучение ПНБ наносекундными пучками протонов с высокой плотностью мощности ($E = 120$ КэВ, $I = 80$ А/см², $t = 100$ нс, $T = 15$ имп./мин.) сопровождается формированием новой вюрцитоподобной (BN_v) фазы. Зависимость объемной доли BN_v имеет выраженные провалы, соответствующие глубинам 1,6; 3,2; 4,8 и 7,9 мкм. Изменения структуры наблюдаются также на расстоянии до 15 мм под защитным экраном от зоны облучения. Низкотемпературное превращение $\text{BN}_r \rightarrow \text{BN}_v$ связано с уменьшением длины ребра ПСНП на $\Delta a = 0,009$ нм и, по-видимому, связано со сдвиговыми деформациями слоев.

Электронно-микроскопические исследования подтверждают образование BN_v на достаточном удалении от зоны облучения и изменение распределения сфероидальных образований BN_v по глубине (рис. 2).

В табл. 2 представлены соотношения размеров включений и плотность их распределения по образцу и вдали от зоны облучения. На глубине 0,2 мкм и при удалении на 15 мм от зоны облучения сфероидальные образования измельчаются и доля их снижается до 45 %. На глубине ~50 мкм наблюдаются фрагменты BN_v с симметрией пятого порядка в виде пентагонов размерами до 32 нм, переходящими на глубине ~500 мкм в образования типа звездочек размерами до 62,5 нм (рис. 3). Экспериментально наблюдаемые звездочки и пентагоны в BN_v связаны с особенностями процессов самоорганизации спиральных циклических структур [6, с. 98 – 104]. На рис. 3 показана укладка нанополимеров (светлых блоков) самоорганизующейся структуры в области локальной оси симметрии пятого порядка с образованием пентагонов и звездочек в точке выхода оси L_5 [5, с. 297 – 304, 10].

Таблица 2

Расположение сфероподобных включений в ПНБ при протонном облучении

Параметры включений	Исходный	Удаление от зоны облучения (мм)		
		0	10	15
Размер, d, нм	8,4	82	64,5	6,6
$d_{\max}$ ($d_{\min}$)	600(37,5)	250(37,5)	87,5(50)	87,5(50)
Объемная доля, ΔV , %	~100	35-45	3-5	≤1,0

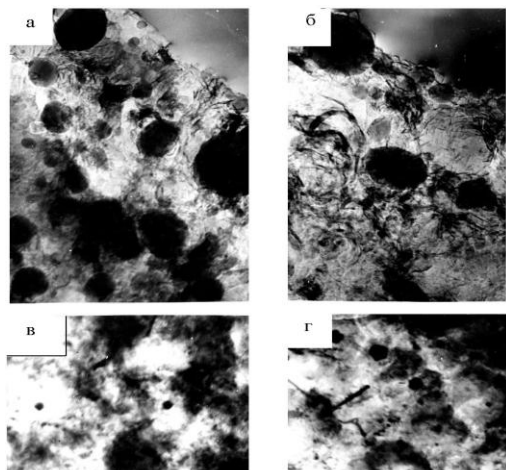

Рис. 2. Электронно-микроскопические снимки ПНБ после облучения на глубине (мкм): 0-(а, б); 50(в); 500(г); $N = 1000 \text{ шт.}$; $I = 10 \text{ А/см}^2$, $\tau = 100 \text{ нс}$ (а); $N = 3 \text{ шт.}$; $I = 80 \text{ А/см}^2$, $\tau = 20 \text{ нс}$ (б, г); $\times 80000$

Выводы

1. Изучена наноконпозиционная структура различных модификаций ПНБ при наносекундном протонном облучении и показано, что при низких температурах происходит сдвиговый фазовый переход $\text{BN}_\Gamma \rightarrow \text{BN}_\text{в}$.
2. На примере плотноупакованного слоистого ПНБ экспериментально подтверждается протонный механизм выделения структурных элементов и нанополимеров из них.
3. Электронно-микроскопическими исследованиями показана возможность формирования фрагментов с симметрией пятого порядка с самоорганизующейся структурой $\text{BN}_\text{в}$.

Литература

1. Popp, D. Surface modification by intense proton irradiation / D. Popp, A. Mehling, R. et. al. Wilzbach // Appl. Phys. A. – 1992. – V. 55. – № 6.
2. Piekoszewski, I. High intensity pulsed ion beams in material: equipment and applications / I. Piekoszewski, I. Langner // Nucl. Instrum. and Meth. Phys. Res. B. – 1991. – V. 53. – № 2.
3. Zheng, X. M. The topologies of the clean and hydrogen – terminated C (100) surface / X. M. Zheng, P. V. Smith // Surface Sci. 1991. – V. 256. – № 1 – 2.
4. Turan, S. High resolution transmission electron microscopy of the planar defect structure of hexagonal

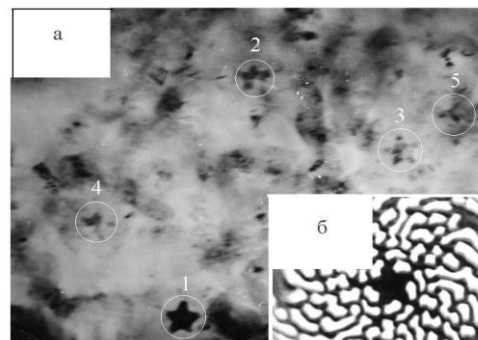

Рис. 3. Образование звездочек в точках выхода оси L_5 на электронно-микроскопических снимках ПНБ (а) и при укладе светлых блоков в самоорганизующейся структуре (б); 1, 2, 3, 4, 5 – разные уровни проявления звездочек

boron nitrid / S. Turan, K. M. Knowles // Phys. Status Solisi. A. – 1995. – V. 150. – № 1.

5. Дедков, В. И. Надкристаллитные квазикристаллические образования в нитриде бора / В. И. Дедков, Ю. Ф. Иванов // Физ. тв. тела (СПб). – 1995. – Т. 37. – № 2.
6. Barhart, F. The formation of curled concentric - shell clusters in boron hitride under electron irradiation / F. Barhart, M. Zwanger // Chem. Phys. Lett. – 1994. – V. 231. – № 1.
7. Кабышев, А. В. Электрофизические свойства поликристаллического сфалеритного нитрида бора / А. В. Кабышев, Ф. В. Конусов, В. В. Лопатин и др. // Изв. РАН. Сер. Неорган. материалы. – 1996. – Т. 32. – № 2.
8. Odagaci, T. Self-similarities in onedimensional periodic and quasiperiodic systems / T. Odagaci, H. Aoyama // Phys. Rev. B. – 1989. – V. 39. – № 1.
9. Сергеев, А. Н. Геометрическое моделирование структуры сверхпластичной конструкционной керамики / А. Н. Сергеев, С. В. Руднев, В. Г. Бамбуров и др. // Докл. АН СССР. – 1995. – Т. 341. – № 4.
10. Бородин, Ю. В. Наноконпозиционные структуры в тонком слое / Ю. В. Бородин, М. Э. Гусельников, А. Н. Сергеев. – Томск: Изд. ТПУ, 2007. – 106 с.

УДК 544.032.52:546.171.8'57

**О КОЛЕБАТЕЛЬНОМ ХАРАКТЕРЕ ПОСТ-ПРОЦЕССОВ ПРИ ЭЛЕКТРОПОЛЕВОМ
РАЗЛОЖЕНИИ НИТЕВИДНЫХ КРИСТАЛЛОВ АЗИДА СЕРЕБРА*****В. И. Крашенинин, А. П. Родзевич, Е. Г. Газенаур, Л. В. Кузьмина, В. Г. Гритчина*****ON THE OSCILLATORY CHARACTER OF THE POST-PROCESSES OF THE ELECTRO-FIELD
DECOMPOSITION OF THREADLIKE CRYSTALS OF SILVER AZIDE*****V. I. Krashenin, A. P. Rodzevitch, E. G. Gazenaur, L. V. Kuzmina, V. G. Gritchina***

В работе предложена непротиворечивая модель, объясняющая колебательный характер процессов, протекающих в нитевидных кристаллах азидов серебра после энергетического воздействия.

In this work presents a consistent model to explain the oscillatory nature of the processes in the threadlike crystals of silver azide after the energy effects.

Ключевые слова: электрическое поле, азид серебра, пост-процессы, носители заряда, колебания.

Keywords: electric field, silver azide, post-processes, the charge carriers, the oscillations.

Пост-процессы разложения в кристаллах азидов тяжелых металлов (АТМ) были обнаружены при исследовании действия на них контактного постоянного электрического поля в режиме монополярной инжекции дырок [2 – 4, 11, с. 126 – 135]. Эти процессы носят затухающий колебательный характер. Механизм пост-процессов до конца не выяснен. На качественном уровне физико-химические процессы, протекающие при электрополево́м разложении азидов серебра (AgN_3), могут быть описаны в рамках единой обобщенной модели, включающей как основные, следующие стадии: генерацию при энергетическом воздействии в объеме кристалла электронов и дырок, время жизни которых аномально высоко [7, с. 4 – 9]; перенос их к поверхности с преодолением исходного (биографического) или искусственно сформированного энергетического барьера [4]; разложение, протекающее в локальных (реакционных) областях дислокационной природы [3, с. 17 – 21; 10, с. 103 – 104]. К настоящему времени остается нерешенным вопрос, с чем связан колебательный затухающий характер пост-процессов электрополевого разложения нитевидных кристаллов азидов серебра, выяснению которого и посвящена настоящая работа.

Сразу отметим, что пост-процессы колебательного характера наблюдаются только при электрополево́м воздействии, при ультрафиолетовом (УФ) облучении пост-процессы затухают по экспоненте. Однако, если УФ-облучение проводить в бесконтактном постоянном электрическом поле ($E \geq 10^4$ В/м), также наблюдаются затухающие колебания [4]. Таким образом, сама по себе химическая реакция в анионной подрешетке азидов серебра не носит колебательный характер, но электрическое поле его инициирует. Колебательный характер пост-процессов связан с действием постоянного электрического поля.

Значение периода колебаний (минуты) может определяться ионной природой процессов. Электрометрические измерения процессов поляризации и деполяризации для системы $\text{Ga-AgN}_3\text{-Ga}$ показывают, что и ток поляризации, и ток деполяризации затухают по экспоненте. Это дает возможность не рассматривать высоковольтную поляризацию.

Химическая реакция с образованием в анионной подрешетке промежуточного продукта N_6 протекает в реакционных областях (РО) в приповерхностной (на глубине не более 5 мкм) части кристалла [2 – 4]. РО возникают в местах выхода краевой дислокации на поверхность кристалла. Линия дислокации в AgN_3 обладает электростатическим отрицательным зарядом [10, с. 103 – 104], что приводит к формированию облака Коттрелла, состоящего из положительно заряженных ионов. Процессу формирования РО посвящена работа [12, с. 161 – 164], в которой экспериментально установлено, что электрохимическая очистка кристаллов AgN_3 дает возможность управлять скоростью формирования РО при введении «свежей» дислокации. Таким образом, РО является электронейтральной в отсутствии внешнего поля, а при его включении происходит смещение облака Коттрелла, что приводит снова к полной компенсации внешнего поля внутри РО в течение определенного времени.

Будем исходить из того, что внешнее постоянное электрическое поле производит максимальное смещение положительно заряженных ионов относительно отрицательно заряженной линии дислокации в момент его отключения.

Период колебаний пост-процессов определяется периодом колебаний (и, в свою очередь, подвижностью положительно заряженных ионов) облака Коттрелла относительно отрицательно заряженной линии дислокации. Это предположение имеет вполне определенный физический смысл, поскольку время периода колебаний неплохо совпадает со временем ионных процессов (минуты).

Процесс изменения локального поля не может привести к колебательному характеру изменения зарядовой плотности в приэлектродных областях (и колебательному характеру высоковольтной поляризации), но может влиять на скорость химических реакций внутри РО, поскольку даже слабое электрическое поле значительно изменяет скорость химической реакции в нитевидных кристаллах АТМ [9, с. 48 – 51; 12, с. 161 – 164]. Согласно теории Друде-Лоренца, смещение электрических зарядов во внешнем электрическом поле описывается уравнением [1]:

$$m \frac{\partial^2 x}{\partial \tau^2} + f \frac{\partial x}{\partial \tau} + \chi x = qE, \quad (1)$$

где m – масса носителей заряда; f – коэффициент силы трения; χ – коэффициент упругой силы; x – координата смещения заряда; q – электрический заряд частицы; E – напряженность внешнего электрического поля.

При отключении электрического поля ($E = 0$) уравнение (1) принимает вид:

$$m \frac{\partial^2 x}{\partial \tau^2} + f \frac{\partial x}{\partial \tau} + \chi x = 0. \quad (2)$$

При определенных условиях это уравнение носит колебательный затухающий характер.

Для решения уравнения произведем масштабирование: $x = x_1 x_0$, $\tau = \tau_1 \tau_0$, где: x_1 – расстояние максимального смещения положительного иона в облаке Коттрелла при действии внешнего электрического постоянного поля ($E = 300$ кВ/м); τ_1 – время периода колебаний пост-процессов ($\tau_1 = 360$ с).

Тогда можно записать уравнение (2) в виде:

$$\frac{\partial^2 x}{\partial \tau^2} + a \frac{\partial x}{\partial \tau} + bx = 0, \quad (3)$$

где: $a = \frac{\tau_1 f}{m}$ и $b = \frac{\chi \tau_1^2}{m}$ – безразмерные величины.

Для получения решения уравнения (3) в виде колебательного и затухающего необходимым условием является: $\frac{a^2}{4} < b$, которое следует из решения характеристического уравнения:

$$k_{1,2} = -\frac{a}{2} \pm \sqrt{\frac{a^2}{4} - b},$$

поскольку волновое решение с затуханием получается лишь в случае комплексных корней: $k_{1,2} = \alpha \pm i\gamma$.

Общее решение уравнения (3) получим в виде:

$$x = e^{\alpha \tau} \cdot c_1 \cdot \cos \gamma \tau + c_2 \cdot \sin \gamma \tau,$$

где c_1 и c_2 – произвольные действительные коэффициенты.

Будем считать, что за период (τ_1) процесс затухает в e раз. Кроме того, $x(0) = 1$. Физически это означает, что в момент выключения поля имеет место максимальное отклонение облака Коттрелла от положения равновесия и $\frac{\partial x}{\partial \tau} = 0$.

Тогда $x(0) = 1 = c_1 \cdot \cos 0$ и $c_1 = 1$

$$\text{и } \frac{\partial x}{\partial \tau} = 0 = -c_2 \gamma \cdot \cos \gamma \tau, \quad c_2 = 0.$$

Таким образом, решение получаем в виде:

$$x = e^{\alpha \tau} \cdot \cos \gamma \tau.$$

Поскольку за $\tau = 1$ (период) процесс затухает в e раз, то $\frac{a}{2} = 1$, $a = 2$.

Для коэффициента $\gamma = 2\pi$, при $\tau = 1$,

$$\sqrt{b - \frac{a^2}{4}} = \sqrt{b - 1} = 2\pi.$$

$$\text{То есть: } b = 4\pi^2 + 1 \approx 4\pi^2. \quad (4)$$

Отсюда:

$$f = \frac{2m}{\tau}; \quad x = \frac{m}{\tau_1^2} \frac{4\pi^2 + 1}{\tau}. \quad (5)$$

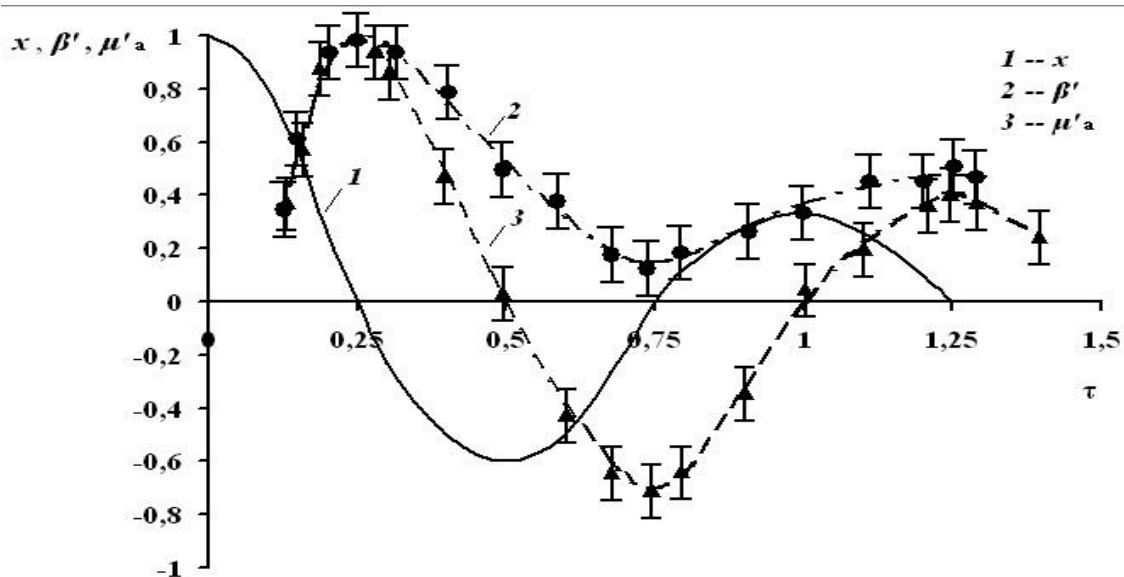

Рис. 1. Зависимость смещения иона x в облаке Коттрелла относительно линии дислокации; относительно удержанного объёма $\beta' = \beta / \beta_{\max}$; амбипольной дрейфовой подвижности $\mu'_a = \mu_a / \mu_{a,\max}$

С другой стороны, анализ кривой пост-процессов (зависимости величины относительного объема газообразного продукта разложения нитевидных кристаллов азида серебра (β) от времени хранения образца после энергетического воздействия) позволил провести сопоставление зависимостей β и амбиполярной дрейфовой подвижности (μ_a) [4, 8]: максимум положительной подвижности соответствовал максимуму β и, наоборот, минимум β соответствовал максимуму отрицательной подвижности.

На рисунке 1 построены три зависимости β , μ_a , x_0 от времени хранения (локальной деполяризации).

Если локальная деполяризация носит колебательный затухающий характер, то должна быть поляризация с таким же периодом [1]. В этом случае должны быть получены колебания при исследовании процессов разложения в анионной подрешетке, а возможно, колебания и подвижности.

Для проверки этого предположения были проведены исследования пост-процессов разложения нитевидных кристаллов AgN_3 в следующем варианте: разлагающее электрическое поле (в полуконтактном варианте) ориентировали в поперечном направлении относительно кристалла, как это показано на рисунке 2. Через определенные промежутки времени в продольном направлении кристалла подавали электрический прямоугольный импульс, длительность и напряженность которого подбирались таким образом, чтобы носители заряда из области разложения могли перемещаться в пределах кристалла:

$$\langle \text{расстояние дрейфа} \rangle \geq \mu_{\max} \cdot E_n \cdot \tau_n,$$

где $\mu_{\max}$ – максимальное значение подвижности, по данным [4, 8] оно составляет $\approx 0,01 \text{ м}^2 \text{В}^{-1} \text{с}^{-1}$; E_n и τ_n – напряженность электрического поля и длительность прямоугольного импульса соответственно.

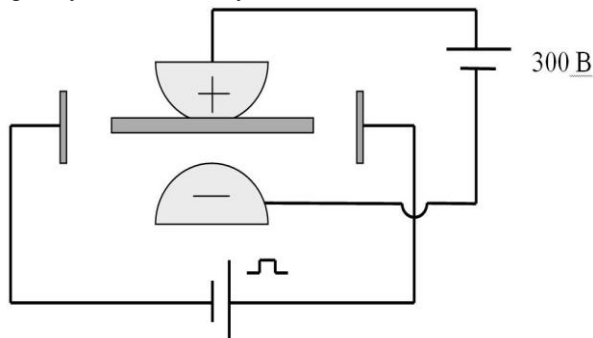

Рис. 2. Схема проведения эксперимента при измерении подвижности во время действия разлагающего электрического поля

Следует подчеркнуть, что значение подвижности выбиралось для случая сильного захвата (перенос носителей заряда на большие расстояния со скоростью намного меньше тепловой, когда время захвата много меньше времени пролета, что соответствует условиям эксперимента).

На рисунке 3 представлена зависимость измеренной подвижности от времени действия электрического разлагающего поля.

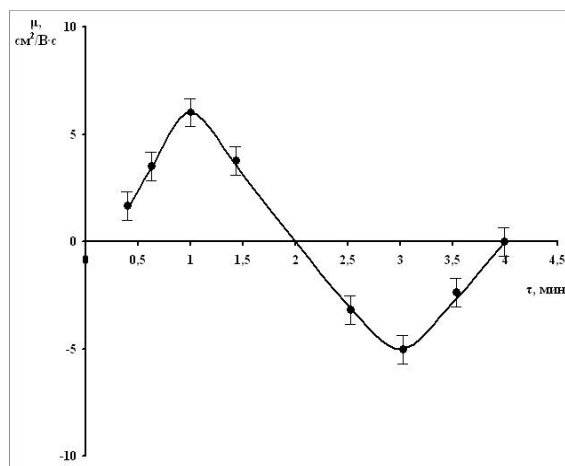

Рис. 3. Зависимость амбиполярной дрейфовой подвижности от времени в условиях действия разлагающего электрического поля

Период колебаний составил 240 ± 30 с в продольном поле и 360 ± 30 с в поперечном электрическом полях. Полученные небольшие несоответствия периода колебаний в двух направлениях вполне разумны: период колебаний в различных кристаллографических направлениях может отличаться хотя бы потому, что может отличаться в различных направлениях величина подвижности ионов, составляющих атмосферу Коттрелла (анизотропия). Таким образом, экспериментально показано наличие знакопеременных колебаний подвижности и в пост-процессах, и при действии поля.

Экспериментально известно [2 – 4, 10], что размер ямки травления в AgN_3 составляет $10 \div 15 \times 10 \times 5$ мкм, а это размер области, где электростатическая энергия, переходя в механическую энергию, создала условия выхода более подвижных ионов на поверхность. В качестве таких ионов в литературе рассматриваются ионы серебра [5, с. 2076 – 2078]. Размеры ионов серебра меньше, чем размеры ионов N_3^- и, следовательно, поверхность AgN_3 заряжена положительно, а приповерхностный слой – отрицательно (катионные вакансии) [6, 10].

Рассмотрим вопрос: можно ли реально сопоставлять период колебаний в пост-процессах с периодом колебаний облака Коттрелла? При максимальном отклонении ионов (напряженность внешнего электрического поля равна нулю) ионы начинают дрейфовать в поле деполяризации 300 кВ/м. Положим, что максимальное смещение составит 10^{-7} м, тогда подвижность ионов должна иметь значение $\approx 10^{-14} \text{ м}^2 \text{В}^{-1} \text{с}^{-1}$ или $10^{-10} \text{ см}^2 \text{В}^{-1} \text{с}^{-1}$.

Построим умозрительную модель. Пусть колебания в пост-процессах обусловлены резонансной деполяризацией (колебанием положительно заряженных ионов, образующих облако Коттрелла, относительно заряженной линии краевой дислокации). Зависимость $E_{\text{деп}}$ определяли, изменяя во времени β , то есть скорость реакции в РО.

При максимальном значении β скорость реакции максимальна – это значит, что свободные дырки переходят в захваченное состояние, то есть положительные заряды дырок переходят в заряды, локализованные на анионных вакансиях. Поэтому при максимальном значении β из наших рассуждений следует, что свободных дырок становится меньше, а захваченных больше, чем в моменты, когда скорость реакции уменьшается. Можно предположить, что, при $\beta = \beta_{\max}$, $p < n$, амбиполярная подвижность будет положительной, а смещение пакета носителей заряда происходит в сторону отрицательного электрода. При $\beta = \beta_{\min}$ происходит смещение в сторону свободных дырок и $p > n$, а подвижность становится отрицательной.

Таким образом, временное изменение поля деполяризации стимулирует колебательные химические процессы в анионной подрешетке AgN_3 , а они определяют знакопеременные колебания амбиполярной дрейфовой подвижности носителей заряда, то есть дрейф системы свободных и захваченных на уровне прилипания электронов и дырок, что определяется как электрон-дырочная твердотельная плазма [7, с. 4 – 9].

С точностью до массы частицы (иона) можно, основываясь на экспериментальные данные оценить значения f и χ .

1. Коэффициент силы трения. Положим, что атмосферу Коттрелла составляют ионы свинца (с $m = 3,44 \cdot 10^{-25}$ кг).

Поскольку $f \cdot \tau_1 / m = 2$ ($\tau_1 = 360$ с), получим $f = 1,9 \cdot 10^{-27}$ кг/с.

2. Коэффициент упругой силы. Как следует из (4) и (5):

$$\frac{\chi \cdot \tau_1^2}{m} = 4\pi^2 + 1.$$

Отсюда:

$$\chi = \tau_1^{-2} m \cdot 4\pi^2 + 1 \approx 1 \cdot 10^{-28} \text{ кг} \cdot \text{с}^{-2}. \quad (6)$$

Для классического осциллятора, пренебрегая силой трения, решают уравнение $\frac{dx}{d\tau} + \chi x = 0$, что дает возможность определить частоту колебаний (ν) по соотношению $\nu = \sqrt{\chi / m}$, откуда, при $\nu = \tau_1^{-1}$, для χ получим:

$$\chi = \tau_1^{-2} \cdot m \approx 2,6 \cdot 10^{-30} \text{ кг} \cdot \text{с}^{-2}. \quad (7)$$

Таким образом, при учете силы трения, требуется увеличение упругой силы. Различие (6) и (7) состоит в наличии $4\pi^2$, что дает учет силы трения.

Известно [4; 9, с. 48 – 51], что бесконтактное электрическое поле тормозит скорость разложения в анионной подрешетке: при включении электрического поля прекращается внешнее газовыделение. Однако пост-процессы можно обнаружить на уровне чувствительности методики. Таким образом, действие электрического поля не прекращает до конца реакцию. Сопоставление деполяризации, пост-процессов и подвижности (рис. 1) показало, что при

максимальном значении поля деполяризации наблюдается минимум на кривой пост-процессов и отрицательное значение подвижности.

Предложенная модель не противоречит экспериментальным результатам, но остается одной из гипотез, требующей экспериментального подтверждения.

Литература

1. Борисова, М. Э. Физика диэлектриков: уч. пособие / М. Э. Борисова, С. Н. Койков. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1979. – 240 с.
2. Захаров, В. Ю. Медленное разложение азидов тяжелых металлов / В. Ю. Захаров, Е. Г. Газенаур, А. И. Гасанов, В. И. Крашенинин, В. И. Якунина // Боеприпасы. – 2001. – Т. 4 – 5.
3. Захаров, В. Ю. Физико-химические процессы в азидах тяжелых металлов и дислокационная структура / В. Ю. Захаров, Е. Г. Газенаур, А. И. Гасанов, В. И. Крашенинин, В. И. Якунина // Известия вузов. Физика. – 2002. – № 6.
4. Захаров, В. Ю. Медленное разложение азидов серебра и свинца / В. Ю. Захаров, В. И. Крашенинин. – Томск: НТЛ, 2006. – 168 с.
5. Захаров, Ю. А. Ионный и электронно-дырочный токоперенос в AgN_3 / Ю. А. Захаров, В. К. Гасмаев, С. П. Баклыков, Ю. Р. Морейнс // Журнал физической химии. – 1978. – Т. 52.
6. Захаров, Ю. А. Исследование методом внешней фотоэмиссии азидов серебра / Ю. А. Захаров, Л. В. Колесников, А. Е. Черкашин, С. В. Кашеев // Известия вузов. Физика. – 1975. – Т. 44. – № 6.
7. Крашенинин, В. И. Электронно-дырочная плазма в азиде серебра / В. И. Крашенинин, Е. Г. Газенаур, Л. В. Кузьмина, К. И. Вершинина // Известия вузов. Физика. – 2011. – Т. 54. – № 1/3.
8. Крашенинин, В. И. Способ визуального определения дрейфовой подвижности в азидах тяжелых металлов [патент РФ. № 2080688] / В. И. Крашенинин, Е. Г. Газенаур, А. Ю. Сталинин. – Бюл. № 15. – 8 с.
9. Крашенинин, В. И. Способы управления стабильностью азидов серебра / В. И. Крашенинин, Л. В. Кузьмина, Е. Г. Газенаур, О. В. Цыльковская // Ползуновский вестник. – 2010. – № 3.
10. Крашенинин, В. И. Моделирование дефектной структуры в кристаллах азидов серебра / В. И. Крашенинин, Л. В. Кузьмина, Е. Г. Газенаур, В. И. Гасанова // Вестник ТГУ. Приложение. – 2006. – № 19.
11. Крашенинин, В. И. Электрополевое разложение азидов серебра: влияние поперечных электрического и магнитного полей / В. И. Крашенинин, Л. В. Кузьмина, В. Ю. Захаров, А. Ю. Сталинин // Химическая физика. – 1995. – Т. 14. – № 4.
12. Zakharov, V. Yu. The control of solid phase decomposition of silver azide by noncontact electric field / V. Yu. Zakharov, V. I. Krasheninina, L. V. Kuz'mina, Yu. A. Zakharov // Solid State Ionics. – 1997. – V. 101 – 103.

ЭКОЛОГИЯ. ЗДОРОВЬЕ

УДК 613.62.622.814 (571.17):314,4

**ЗДОРОВЬЕ РАБОТНИКОВ УГОЛЬНОЙ ОТРАСЛИ И ЕЕ ВЛИЯНИЕ
НА ДЕМОГРАФИЧЕСКУЮ СИТУАЦИЮ В КЕМЕРОВСКОЙ ОБЛАСТИ***Л. С. Хорошилова, И. В. Трофимова***HEALTH OF COAL INDUSTRY WORKERS AND ITS INFLUENCE
ON THE DEMOGRAPHIC SITUATION IN KEMEROVO REGION***L. S. Khoroshilova, I. V. Trofimova*

Высокая технологичность и рост темпов развития производственного комплекса предприятий угольной отрасли приводит к неизбежному возникновению и концентрации вредных факторов производственной среды на рабочих местах и, как следствие, увеличивает вероятность возникновения профессиональных заболеваний у работников угольной промышленности.

High adaptability to manufacture and growth of rates of development of an industrial complex of the enterprises of coal branch leads to inevitable occurrence and concentration of harmful factors of the industrial environment on workplaces and, as consequence, increases probability of occurrence of occupational diseases at workers of the coal industry.

Ключевые слова: экология, здоровье, демография, угольная отрасль, профессиональные заболевания.

Keywords: ecology, health, demography, coal industry, occupational diseases.

Кузбасс – сложный в демографическом отношении регион России. Здесь наиболее выражены такие негативные процессы, как уменьшение численности населения, рост смертности и резкий спад рождаемости.

Продолжительность жизни людей в Кузбассе существенно ниже российских показателей. Причины указанного кроются в падении уровня жизни и ухудшении здоровья населения, повышении числа больных хроническими заболеваниями. Каждый третий новорожденный имеет заболевание. Рождаемость в Кемеровской области не обеспечивает простое воспроизводство населения, что чревато серьезными последствиями.

Исторически сложилось так, что угольная промышленность многие годы являлась приоритетной. В результате большинство населения области составили работники угольной промышленности, лица занятые в сфере услуг, члены их семей, проживающие в городах и рабочих поселках Кузбасса.

Уровень профессиональной заболеваемости среди шахтеров превышает средний показатель по Российской Федерации в 20 раз, а профессиональная заболеваемость в Кемеровской области является самой высокой среди регионов России. Каждый шахтер имеет 2 и более хронических заболеваний.

Отмечается высокий уровень травматизма. Число погибших и пострадавших от травм в Кузбассе в 2 раза превышает российские показатели. Более 3/4 погибших от травматических аварий приходится на угольную отрасль [1, с. 228].

Большое влияние на демографическую ситуацию в Кузбассе оказывает экологическая обстановка. По уровню загрязнения окружающей среды Кузбасс является зоной экологического бедствия. Население шахтерских городов подвергается воз-

действию комплекса вредных химических веществ, концентрации которых в атмосферном воздухе, питьевой воде, почве превышают гигиенические нормативы. Значительная часть населения этих городов проживает в кварталах, где уровень шума превышает допустимый. Питание населения не обеспечивает в достаточном количестве потребности в витаминах и других биологически активных веществах.

На состоянии здоровья шахтеров сказываются последствия тяжелейших условий труда, обусловленных использованием устаревших технологий, слабой механизацией вспомогательных процессов, применением горной техники, выработавшей свой ресурс в 60 – 90 % случаев. В связи с этим работники постоянно испытывают значительные физические нагрузки, подвергаются действию высоких уровней вибрации и шума, запыленности, неблагоприятного микроклимата. Сегодня на предприятиях угольной отрасли 36,6 % работающих трудятся в условиях, при которых могут развиваться профессиональные заболевания.

В конце 80 – начале 90-х гг. в Кузбассе многие коллективы перешли на 12-часовую рабочую смену. Этим, по существу, были поправлены действующие в стране гигиенические нормативы, разработанные для 8-часовой рабочей смены.

Изменение режима труда работников массовых горных профессий привело к резкому возрастанию профессиональной заболеваемости, которая в 2002 – 2011 гг. на разрезах возросла в 20 раз [2].

По данным Государственной инспекции труда, смертельные случаи травмирования горняков, работавших 10 – 12 часов подряд, более частые.

Тяжелейшая экономическая ситуация в угольной отрасли в последние 10 лет сказалась на состоя-

нии охраны труда. Наряду с положительными явлениями реструктуризации отрасли, выразившимися в закрытии 35 самых неблагополучных шахт, проявили себя и негативные процессы. Оказалась разрушенной инфраструктура в угольной отрасли, прямо связанная с осуществлением комплекса организационно-технических, гигиенических, медико-профилактических мероприятий, направленных на ослабление действия вредных факторов производственной и окружающей среды, укрепление здоровья людей [3, с. 285].

Подземные рабочие перестали получать горячее питание, ультрафиолетовое облучение в фотариях, витаминотерапию, профилактические ингаляции, массаж рук. Серьезные проблемы возникли с выдачей средств индивидуальной защиты – противопылевых респираторов, антифроне и др., проведение профилактической дезинфекции на предприятиях, неблагополучных по гнойничковым, грибковым заболеваниям, со стиркой сменной одежды.

Разрушена цеховая медицинская служба, ранее проводившая медицинскую реабилитацию горняков. Трудности, связанные с содержанием санаториев-профилакториев на балансе угольных предприятий, сказались на снижении численности шахтеров, получивших курсы оздоровительного лечения. В результате резко ухудшилось медицинское наблюдение за работающими в процессе труда. Ежегодные медицинские осмотры потеряли свое профилактическое значение из-за нерегулярности проведения и снижения качества.

Таким образом, население Кузбасса, связанное с угольной отраслью, и работники отрасли особенно, находятся в неблагоприятных экологических условиях. Это затронуло важные показатели демографического благополучия, уровень заболеваемости населения профессиональными заболеваниями, травмы и инвалидность, в том числе лиц трудоспособного возраста.

На протяжении многих лет в Кузбассе отмечается непрерывный рост профессиональной заболеваемости в угольной промышленности, причем в 2010 году по сравнению с 2009 годом выросла в 1,5 раза (больных в 2009 г. – 994 человека, в 2010 г. – 1449 человек). Растут показатели профессиональной инвалидности, сохраняется неблагоприятная ситуация по травматизму, в том числе со смертельным и тяжелым исходом [4].

К сожалению, масштаб негативных процессов, протекающих в Кузбассе, таков, что при реализации специальных программ нельзя в короткие сроки рассчитывать на радикальное изменение в сложившейся ситуации.

В настоящее время в Кузбассе продолжается программа реструктуризации и освоения новых угольных районов, что приводит к изменению социально-экономической ситуации в отрасли. За последние годы введен ряд новых угольных предприятий, которые заменили старые закрытые ранее шахты.

Население Советского Союза привыкло к тому, что жизнь может только улучшаться, а все социальные блага, которыми они располагают, являются естественной частью окружающей жизненной среды и не могут исчезнуть из-за политических установок и решений. Предприятия были центрами жизнеустройства горняков, благодаря той системе социальных отношений, которые сложились в годы индустриализации страны и во многом предопределялись политической системой Советского Союза. Сформировавшийся в то время жизненный уклад накладывал на людей определенные обязанности, нормированные функции и зависимости, устойчивость которых была обеспечена последующим официальным их признанием.

В последнее десятилетие предприятия угольной отрасли перешли в частную собственность, что существенно повлияло на характер взаимосвязей между шахтерами в процессе производственной деятельности, а также на социально-бытовые условия горняков и их семей. Об этом свидетельствуют фоновые показатели социальной среды, которые характеризовали уровень жизни населения Кемеровской области до аварий на шахтах «Ульяновская» и «Юбилейная». В программе социально-экономического развития Кемеровской области до 2012 года содержится информация о том, что анализ за период 2005 – 2010 годов свидетельствует о высокой естественной убыли населения в регионе, который выше средних по Сибирскому федеральному округу и Российской Федерации, отмечалась высокая смертность и заболеваемость населения трудоспособного возраста.

В последние годы снижение численности населения характерно для Кузбасса так же, как и для России и Сибирского федерального округа. Причиной её сокращения в Кузбассе является естественная убыль населения, наблюдаемая с 1992 года. Естественные потери за 2000 – 2010 года составили около 170 тысяч человек. В связи с падением рождаемости численность детей в возрасте до 16 лет сократилась за 2000 – 2010 года на 34,7 % при общем снижении численности на 5,8 %. Численность населения трудоспособного возраста увеличилась за 2000 – 2010 года на 1,6 %, старше трудоспособного – на 7,5 %. Каждый пятый житель Кемеровской области достиг пенсионного возраста. Согласно международным критериям, население страны считается старым, если доля людей в возрасте 65 лет и старше превышает 7 %. В настоящее время 13 % жителей Кузбасса, а это фактически каждый восьмой, находится в вышеуказанном возрасте. Серьезного внимания заслуживает тот факт, что основная причина смертности населения трудоспособного возраста – несчастные случаи, отравления, травмы, которые характерны были для 40,5 % всех умерших в трудоспособном возрасте [5, с. 41].

Демографические данные свидетельствуют о том, что изменившаяся социальная среда в период рыночных, либеральных реформ существенным образом повлияла на всю систему социальных отношений, на структуру человеческих ресурсов, приве-

ла к ухудшению их качественного состояния. По мнению специалистов горного дела, нельзя принимать на работу в комплексно-механизированные забои людей недисциплинированных и не обученных всем приемам работы. Нельзя держать в штате рабочего, который имеет более одной-двух легких травм в году, или работника, по вине которого произошла любая авария, даже незначительная. Совокупность предъявляемых к персоналу шахт вышеперечисленных требований означает исключительно высокий уровень профессиональной квалификации и человеческих качеств в отношении всех рабочих и инженерно-технических работников (ИТР) комплексно механизированных забоев. Избавление горного производства от неквалифицированных работников — задача более трудная и важная, чем закрытие нерентабельных шахт.

В настоящее время на угольных шахтах отмечается дефицит в кадрах, особенно в высококвалифицированных специалистах, что, в свою очередь, имеет определяющее значение для нормального функционирования таких опасных производственных объектов, которыми являются данные предприятия. Например, в ОАО «ОУК «Южкузбассуголь» средний возраст составляет 40 лет: инженерно-технических работников — 41 год, рабочих — 40 лет. Самые молодые коллективы на шахтах «Ерунаковская 8» и «Ульяновская» — 38 лет. Наиболее высокие показатели среднего возраста у рабочих шахт «Осинниковская» — 43 года и «Абашевская» — 44 года. Учитывая возможность приобретения права на трудовую пенсию работникам этой возрастной категории, эти предприятия столкнутся с дефицитом квалифицированных рабочих в ближайшие 3 — 5 лет в связи с увольнением этих работников на пенсию. Анализ возрастного состава компании показывает преобладание персонала в возрасте 46 — 50 лет (20 %), работников в возрасте 41 — 45 лет (15 %). По 12 % работников в возрасте 26 — 30 лет, 31 — 35 лет, 36 — 40 лет. По состоянию на 31.12.2007 года количество работающих пенсионеров в компании составляет 2719 человек. Возрастной состав шахтеров имеет существенное значение для снижения травматизма [6, с. 58 — 60].

В частности, только в 2007 году введены в строй действующих 2 шахты и 3 разреза на 5,2 млн т. угля в год, создано 1400 новых рабочих мест. За счет технического перевооружения предприятий и использования новых технологий уменьшилось на 32 тыс. число работников, занятых во вредных и опасных условиях труда. Изменение коснулось также инфраструктуры угольных городов Кузбасса, улучшилось качество жизнеобеспечения населения: ведется строительство доброкачественного жилья, решаются вопросы тепло-, водоснабжения и оздоровления окружающей среды [7, с. 14 — 24].

Администрация области получила поддержку угольных компаний, органов надзора, профсоюзов горняков при определении приоритетов в проведении организационных мероприятий по предупреждению заболеваемости и травматизма работников угольной отрасли. В сегодняшней ситуации имею-

щиеся средства должны быть направлены на защиту самой неблагоприятной группы работающих (группы риска) — работников, которые находятся в наиболее опасных условиях труда и на протяжении многих лет подвергаются неблагоприятному воздействию вредных производственных факторов.

Каждый из них должен проходить послесменную медико-биологическую реабилитацию, а также регулярные, с определенной периодичностью, специальные курсы лечебно-профилактического лечения в условиях санаториев-профилакториев и своевременные периодические осмотры. С этой целью началось восстановление цеховой медицинской службы, организовано 4 центра по диагностике и лечению профессиональных больных, открыт научно-клинический центр охраны здоровья шахтеров в Ленинск-Кузнецке [8, с. 65 — 72].

Вызывает беспокойство то, что, оставляя работу на угольных шахтах в связи с их закрытием, люди оказывались без необходимой для их последующего оздоровления материальной поддержки от предприятий.

Необходимо, чтобы каждый шахтер при оставлении работы на шахте получил «Паспорт здоровья», составляемый по результатам углубленного медицинского освидетельствования, а также план последующей медицинской реабилитации с финансированием через систему социального страхования. Это позволит предупредить развитие многих заболеваний и, как следствие, инвалидность.

Также представляется необходимым в случаях превышения предельно допустимых уровней вредных факторов на рабочих местах при отсутствии возможности изменения ситуации использовать «защиту во времени», то есть организацию труда с учетом ограничения продолжительности времени контакта с ними. Методики расчетов разработаны, переход на такой режим позволяет уже сегодня решить вопросы первичной профилактики профессиональных заболеваний. Однако решение вопроса об ограничении времени работы во вредных условиях выходит за компетенцию субъектов Федерации. В этой связи в регионе разрабатывается законодательная инициатива.

В настоящее время ведется работа над реализацией Программы мероприятий по охране труда в угольной промышленности, концепции социально-экономического развития Кузбасса, мониторинга здоровья населения области по 65 показателям общественного здоровья, включая блоки «Здоровье», «Социальные условия», «Внешняя среда». Организационные мероприятия проводятся в соответствии с принятыми в 1977 году законом по Кемеровской области «Об охране труда».

К изучению и разработке мер безопасности труда и оптимизации здоровья населения привлечены ученые Кемеровской государственной медицинской академии, Новокузнецкого ГИДУВ, НИИ комплексных проблем гигиены и профессиональных заболеваний СО РАМН (Новокузнецк), НК Центр охраны здоровья шахтеров (Ленинск-Кузнецкий), НИИ травматологии (Прокопьевск), НИЦ по безопасности

работ в угольной промышленности, ВостНИИ, Институт угля и углехимии СО РАН.

Известно, что в реализации любых решений определяющую роль играет «человеческий фактор». В Кемеровской области разработана система непрерывного обучения охране труда всех категорий работников. К настоящему времени обучено и аттестовано более 8 тыс. руководителей и специалистов.

Для изменений демографической ситуации в Кузбассе необходима переоценка устоявшихся взглядов на принципы осуществления профилактической работы. Наряду со ставкой на устранение причин аварий, травматизма, профессиональной заболеваемости, необходимо в последующие годы усилить работу по повышению санитарной культуры населения и работающих, особенно в угольной отрасли.

Значительное внимание уделяется исследованиям по оценке рисков профессиональных заболеваний у шахтеров. Показано, что при имеющихся условиях труда на шахтах популяционные относительные риски составляют при стаже работы 25 лет заболеваний органов дыхания 3,2 случая, профессиональной нейросенсорной тугоухости 2,9 случая и вибрационной болезни – 1,0 случая на 1000 работающих в угольной промышленности. Ежегодные потери в состоянии здоровья трудоспособного населения шахтерских городов оцениваются как 37,3 случая профессиональных заболеваний, 71 случай первичного выхода на инвалидность и 105 – 100 дней временной нетрудоспособности на 10 тыс. трудоспособного населения [4].

Распространенность ранних стадий остеохондроза позвоночника у шахтеров достигает 140,8 % случаев; в его возникновении доля производственного фактора (тяжесть и напряженность труда, стаж работы, способ выемки угля) почти в 3 раза превышает воздействие социально-бытовых и медико-биологических причин.

Условия труда в угольной промышленности предопределяют опасность производственного травматизма. В социально-гигиенических исследованиях, выполненных в 70-х гг., проведен анализ 16,1 тыс. случаев производственных травм у шахтеров Кузбасса, показавший, что наиболее высокие уровни производственного травматизма отмечались у горнорабочих очистного забоя (123 – 157 %). Чаще имели травмы шахтеры в возрасте 25 – 34 года при стаже работы 5 лет, наибольший удельный вес травм (28,1 %) регистрировался в 4 квартале года, ведущими видами повреждений были ушибы (86 %), доминирующей локализацией травм являлись кисть (26,8 %) и стопа (11,9 %), производственные травмы были детерминированы организационными, техническими и санитарно-гигиеническими факторами.

В аналогичных исследованиях, проведенных в 90-е гг. на примере 18,7 тыс. случаев производственных травм у шахтеров, установлено (с использованием метода главных компонентов факторного анализа), что факторы, оказывающие влияние на производственный травматизм, существенно не изменились. В профессиях горнорабочих очистных за-

боев он достигал 116 – 153 % случая. В то же время выявлено влияние на формирование производственного травматизма таких факторов, как недостаточный технический надзор, отсутствие механизации тяжелых и опасных работ, семейное положение, напряженная психологическая обстановка [9, с. 28 – 30].

В связи с производственным травматизмом заслуживают внимания результаты клинко-эпидемиологических исследований по распространенности среди шахтеров психозадаптационных состояний и пограничных нервно-психических расстройств, уровни которых достигают соответственно 192 и 167 % случаев. При этом выявление пограничных нервно-психических расстройств у шахтеров при профотборах и периодических медицинских осмотрах весьма низкое. В клинко-нозологической структуре пограничных нервно-психических расстройств у шахтеров преобладали экзогенно-органические нарушения, обусловленные значительным количеством лиц, перенесших легкие черепно-мозговые травмы, а также комплексным воздействием производственных факторов, декомпенсирующих латентно протекающие периоды травматической болезни головного мозга.

Острой проблемой является тяжелый травматизм шахтеров при авариях и техногенных катастрофах. Исследованиями обоснована оптимизация системы медицинского обеспечения спасения людей при взрывах и завалах в угольных шахтах Кузбасса, основанная на современных представлениях патогенеза, ишемического токсикоза и включающая определение дополнительных объемов оказания медицинской помощи пострадавшим на догоспитальном этапе, разработку экспериментальной модели комбинированного поражения с методом временной «замены пораженного органа» (легкое – кровь), принципы медицинской сортировки и помощи пострадавшим с компрессионной травмой мягких тканей при завалах в шахтах. Для решения вопросов оказания медицинской помощи пострадавшим при тяжелых травмах шахтеров разработана патогенетическая модель комбинированной шахтовой травмы, включающей кровопотерю, механическое сдавливание, вдыхание угольной пыли и отравление оксидом углерода, позволяющая оценивать методы коррекции посттравматических нарушений.

На межсменную реабилитацию и распространенность заболеваний у шахтеров могут оказывать влияние санитарно-бытовые условия проживания и загрязнение окружающей среды в шахтерских городах. В городах Кузбасса в домах с полным санитарно-техническим благоустройством проживают только 53 % населения, в аварийном жилье – 7,0 %, число мест в санаториях-профилакториях составляет 4,8 %. В то же время установлено, что доли влияния комплекса средств внеарбочей профилактики (включая обеспеченность санаториями-профилакториями для послерабочей реабилитации) на вероятность проявления профессиональной заболеваемости составляет 28,7 %, в том числе на уровень заболеваемости органов дыхания (обусловленной

пылевыми факторами) – 29,4 %, опорно-двигательного аппарата – 21,7 %, нейросенсорной тугоухостью – 18,2 %, вибрационной болезнью – 47,2 %.

В шахтерских городах Кузбасса загрязнение атмосферного воздуха диоксидами серы и азота, взвешенными веществами, формальдегидом и фенолом, питьевой воды – свинцом, кадмием, фенолом и мышьяком, почвы – кадмием, ртутью, мышьяком, цинком создает высокие антропогенные нагрузки на окружающую среду, квалифицируемые как «критическая» и «кризисная степень напряжения санитарно-гигиенической ситуации».

Здоровье подрастающего поколения в шахтерских городах, которому предстоит работать на шахтах, характеризуется в настоящее время негативно. Первичная заболеваемость в 2007 г. составляла 1140 – 1900 случаев на 1000 детей, что значительно выше, чем в городах сравнения. Общая заболеваемость юношей достигла 1102 – 2135 случаев на 1000. Отмечаются повышенные уровни социально обусловленных инфекций (педикулез, чесотка, сифилис, активный туберкулез). В то же время в 2007 – 2008 гг. в шахтерских городах только $23,0 \pm 5,5$ % детей и подростков систематически занимались физической культурой, имели летний загородный оздоровительный отдых $10,7 \pm 1,6$ %, горячее питание в школах – $43,2 \pm 9,2$ %. Установлены средние по силе связи (коэффициенты корреляции 0,43 – 0,57) между уровнями болезней нервной, эндокринной и костно-мышечной систем, с одной стороны, и количеством детей, имевших загородный организованный летний отдых, занимающихся физической культурой, – с другой. Доля «вклада» названных факторов в уровни заболеваемости детей составляет 20,1 – 26,5 % [10, с. 15 – 16].

В современных социально-экономических условиях целесообразна научно обоснованная разработка системы паллиативных мероприятий направленных на сохранение здоровья трудоспособного населения, подрастающего поколения и в целом населения шахтерских городов. В первоочередном порядке необходимо осуществление социально-гигиенических и лечебно-профилактических мероприятий по управлению рисками профессиональных заболеваний работников угольных предприятий Кузбасса. Необходимо иметь методы прогноза индивидуальных рисков различных видов профессиональных заболеваний в зависимости от экспозиционных производственных факторов с учетом условий труда, так и стажа работы шахтеров. На современной научной основе должен быть установлен безопасный стаж работы в ведущих профессиях.

Значительный эффект, в том числе экономический, может дать разработка методико-генетических позиций системы рабочей и послерабочей профилактики профессиональных и производственно-зависимых заболеваний. Нужно иметь стандарты на медико-технические условия на лечебно-профилактические и реабилитационные мероприятия угольных предприятий с учетом имеющихся условий труда. Многие могут дать подготовка методов индификации индивидуальной устойчивости или предрасположенности профессиональным заболеваниям на основе генетических, физиологических и биохимических маркеров. Решая перечисленные выше проблемы, можно подойти к действительному управлению рисками профессиональных заболеваний угольной промышленности.

Литература

1. Заболотская, К. А. Угольная промышленность Кузбасса в условиях постсоветской России / К. А. Заболотская // Вестник НГУ. Сер. История, филология. – 2010. – Т. 9. – Вып. 1.
2. О санитарно-эпидемиологической обстановке в Кемеровской области в 2009 году: государственный доклад / Управление Федеральной службы по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека по Кемеровской области. – 2010. – 218 с.
3. Кузбасс 2010: Стат. сб. – Кемерово, 2010.
4. Кузбасс. История в цифрах: Статистический сборник. – Кемерово, 2010.
5. Геоэкологическое состояние угледобывающих регионов Кузбасса на современном этапе / Л. С. Хорошилова. – Томск: изд-во ТГПУ, 2008.
6. Кожевников, А. А. Социальные причины аварийности на шахтах Кузбасса / А. А. Кожевников // Гуманитарные технологии в угольной отрасли. Теория и практика: сб. ст. – Новокузнецк: НФИ: КемГУ. – 2009.
7. Ващалова, Т. В. Социальные факторы техносферной аварийности: опыт анализа статистики / Т. В. Ващалова // Социологические исследования. – 2006. – № 1.
8. Департамент труда Кемеровской области «О состоянии условий и охраны труда в Кемеровской области в 2010 году». – Кемерово, 2010.
9. Департамент труда Кемеровской области «О состоянии условий и охраны труда в Кемеровской области»: информационно-аналитический обзор. – Кемерово, 2010.

ЭКОНОМИКА

УДК 336.63

АНАЛИЗ СОСТОЯНИЯ РОССИЙСКОГО РЫНКА ДЕПОЗИТНЫХ УСЛУГ

Н. В. Елесина, Е. А. Калачева

THE ANALYSIS OF THE STATUS OF THE RUSSIAN MARKET OF DEPOSIT SERVICES

N. V. Elesina, E. A. Kalacheva

В статье дается определение рынка депозитных услуг и анализируется его современное состояние по качественным и количественным показателям. Определяются границы рынка депозитных услуг, институциональная структура, качественные показатели конкуренции, емкость рынка и его концентрация. Также рассматриваются агрегированные участники рынка депозитных услуг для выявления крупных игроков и определения уровня концентрации внутри каждого сегмента рынка депозитных услуг.

The article deals with the definition of the depositary services market and its current state. Borders of the market of depositary services, institutional structure, competition quality indicators, market capacity and its concentration are defined. The aggregated participants of the depositary services market for revealing of large players and definition of concentration level in each segment of the depositary services market are considered.

Ключевые слова: рынок депозитных услуг, емкость рынка, уровень концентрации рынка, индекс Герфиндаля-Гиршмана.

Keywords: the market of depositary services, market capacity, level of the market concentration, index of Gerfindal-Girshman.

В условиях рыночной экономики одной из главных проблем, стоящих сегодня перед Россией, является обеспечение экономического роста на основе структурной перестройки экономики. Мировой опыт показывает, что данная цель может быть достигнута путем привлечения значительных инвестиционных ресурсов в реальный сектор экономики и за счет эффективного их использования. В связи с этим особое значение в экономике России приобретает рынок депозитных услуг, который мобилизует свободные денежные средства и способствует их инвестированию в различные отрасли экономики.

В экономической прессе повышенный интерес вызывает функционирование рынка депозитных услуг: появляются аналитические статьи о его состоянии, разрабатываются меры по его оживлению и т. п. При этом никто из авторов не уточняет, что он вкладывает в само понятие «рынок депозитных услуг». Из контекста можно предположить, что, как правило, речь идет о рынке банковских депозитов, хотя в некоторых обзорах исследователи анализируют и другие способы привлечения финансовыми институтами свободных денежных средств.

Поэтому, на наш взгляд, рынок депозитных услуг – это система экономических отношений, возникающих между институтами, предлагающими депозитные услуги, и субъектами, владеющими свободными денежными средствами и имеющими потребности в их увеличении (приращении). Следовательно, с институциональной точки зрения, структура рынка депозитных услуг может быть представлена совокупностью финансовых и кредитных учреждений, которые различными способами и методами привлекают свободные денежные средства

физических и юридических лиц. Это могут быть не только кредитные организации, но и страховые компании, кредитные потребительские кооперативы, паевые инвестиционные фонды.

Исходя из данной институциональной структуры, проведем анализ состояния рынка депозитных услуг РФ на основе методических рекомендаций Министерства РФ по антимонопольной политике и поддержке предпринимательства [2]. В соответствии с данной методикой необходимо определить:

- продуктовые границы рынка депозитных услуг;
- его географические границы;
- институциональную структуру рынка депозитных услуг и состав клиентов финансовых организаций;
- качественные показатели конкурентной среды;
- емкость рынка депозитных услуг и доли финансовых организаций на этом рынке;
- показатели рыночной концентрации.

Определение продуктовых границ рынка заключается в определении вида депозитной услуги, осуществляемой финансовой организацией и отражаемой в соответствии с правилами ведения бухгалтерского учета в финансовых организациях на отдельном счете либо группе счетов, сгруппированных по признаку экономической однородности. На исследуемом рынке депозитных услуг выделяются следующие виды депозитной услуги:

- 1) банковский депозит;
- 2) сбережения в кредитном кооперативе;
- 3) накопительное страхование жизни;
- 4) пай в инвестиционном фонде.

Географические границы рынка определяют место предоставления соответствующей услуги

потребителям на территории Российской Федерации или ее части. Исходя из условий приобретения депозитных услуг, географические границы исследуемого рынка совпадают с административными границами Российской Федерации.

Институциональная структура рынка депозитных услуг, как уже отмечалось, представлена финансовыми организациями, предлагающими депозитные услуги своим клиентам. На территории Российской Федерации по официальной статистике на начало 2010 года таких организаций было 1972, из них 849 – кредитные организации, 625 – страховые компании, 303 – управляющие компании и 195 – кредитные кооперативы. С 2006 по 2010 гг. общее количество участников рынка депозитных услуг снижалось, что обусловлено как мировым финансовым кризисом, так и ужесточением государственного регулирования, но при этом по отдельным участникам наблюдалась положительная динамика. Так, за исследуемый период количество управляющих компаний, у которых есть ПИФы под управлением, увеличилось почти в 4 раза, с 77 до 303, а число кредитных организаций, имеющих лицензию на привлечение вкладов, сократилось на 196. Тенденцию к снижению также имели страховые компании, их число, по сравнению с 2006 годом, сократилось на 296 компаний. Количество кредитных кооперативов за анализируемый период сначала увеличилось (до 2007 года) с 226 до 238, а потом уменьшилось до 195 в (2010 году).

Состав клиентов финансовых организаций достаточно полно отражен в результатах социологического опроса, проводимого ОАО «Всероссийским центром изучения общественного мнения» (ВЦИОМ) в 2010 году. Типичным потребителем депозитных услуг является представитель пенсионной или предпенсионной возрастной группы – в этих наиболее многочисленных возрастных группах (от 45 до 59 лет и свыше 60 лет) доля «сознательных» вкладчиков максимальна и составляет соответственно 26 % и 30 % [1].

Основными **качественными показателями, характеризующими конкурентную среду рынка** депозитных услуг, является наличие (или отсутствие) барьеров входа на рынок для потенциальных конкурентов, возможность их преодолимости.

Главными барьерами входа на рынок депозитных услуг для кредитных организаций являются необходимость получения лицензии Банка России и выполнение требований по минимальному размеру уставного капитала (собственных средств); квалификационные требования, предъявляемые к кандидатам на должности руководителя кредитной организации, главного бухгалтера кредитной организации и его заместителей. Размер первоначальных капитальных вложений является весьма значительным для учредителей кредитных организаций. В частности, минимальный размер уставного капитала вновь регистрируемого банка составляет 180 млн руб. И самое главное, для оказания депозитных услуг кредитной организации необходимо иметь лицензию на привлечение средств физиче-

ских лиц и участвовать в системе страхования вкладов.

Барьеры для создания кредитного кооператива можно назвать, по сравнению с другими участниками рынка депозитных услуг, самыми преодолемыми – оплатить госпошлину за регистрацию юридического лица 2000 рублей. В последние годы требования регулирующих и надзорных органов к кредитным кооперативам неуклонно возрастают и будут возрастать и дальше. Так, в соответствии с принятым в 2009 г. ФЗ «О кредитной кооперации», кооперативы должны выполнять финансовые нормативы, состоять в саморегулируемых организациях кредитной кооперации. Кроме того, в 2011 году начинает действовать система страхования вкладов пайщиков через гарантийные фонды СРО кредитных кооперативов.

Для страховых компаний барьерами для входа на рынок являются: наличие у них оплаченного уставного капитала и страховых резервов, а также система перестрахования. Минимальный размер оплаченного уставного капитала, сформированного за счет денежных средств, на день подачи юридическим лицом документов для получения лицензии на осуществление страховой деятельности должен быть не менее 35 тысяч минимальных размеров оплаты труда – при проведении страхования жизни и иных видов страхования. Для получения лицензии на осуществление страховой деятельности страховой компании необходимо представить в федеральный орган исполнительной власти по надзору за страховой деятельностью заявление с приложением учредительных документов; свидетельства о регистрации; справки о размере оплаченного уставного капитала; экономического обоснования страховой деятельности; правил по видам страхования; расчетов страховых тарифов; сведений о руководителях и их заместителях.

Паевые инвестиционные фонды, как правило, организуются управляющими компаниями, близкими к банковским структурам и входящими в крупные банковские группы, так как именно кредитные организации имеют большой опыт в структурировании и реализации схожих продуктов. Главным барьером для входа на рынок является минимальный размер собственных средств управляющих компаний ПИФов. Согласно Постановлению ФКЦБ от 21 марта 2002 г. № 4/пс, минимальный размер собственных средств управляющих компаний ПИФов с 1 апреля 2003 г. составляет 20 млн руб.

Емкость рынка депозитных услуг и доля каждой группы финансовых организаций определяются в пределах выявленных продуктовых и географических границ рынка депозитных услуг, составов клиентов (потребителей) и конкурентов.

Емкость рынка депозитных услуг (V_{fr}) может быть определена как сумма объема депозитных услуг, осуществляемых всеми финансовыми организациями за определенный период [2]. В связи с большим количеством участников рынка депозитных услуг они были объединены в сегменты по видам оказываемых депозитных услуг.

Для определения емкости рынка депозитных услуг были использованы статистические данные Федеральной службы государственной статистики, Лиги кредитных союзов и Национальной лиги управляющих, на основе которых была составлена таблица, свидетельствующая об объемах привлеченных средств финансовыми организациями (табл. 1). Также следует отметить, что статистические данные Лиги кредитных союзов и Националь-

ной лиги управляющих могут содержать неточные данные, т. е. не полностью отражать весь объем привлеченных средств финансовыми организациями, входящими в них. Но можно предположить, что погрешность в расчетах будет небольшой, так как по сравнению с кредитными организациями они имеют маленький удельный вес.

Таблица 1

Объем привлеченных средств по сегментам рынка депозитных услуг, млн руб.

	2006	2007	2008	2009	2010	Темпы роста, % (2010 г. к 2006 г.)
Сегмент банковских депозитов	2761194	3809714	5159200	5906990	7984970	289,2
Сегмент ПИФов	84866	305600	48744	16522	10816	12,7
Сегмент сбережений, привлеченных кредитными кооперативами	2950	4519	5627	4888	2540	86,1
Сегмент накопительного страхования жизни	2916	2712	1419	2060	2603	89,3
Емкость рынка депозитных услуг (Vfr)	2851926	4122545	5214990	5930460	8000929	280,5

Емкость рынка депозитных услуг за анализируемый период постоянно увеличивалась, причем в большей степени за счет роста депозитов у кредитных организаций. Так, на начало 2010 года емкость составила 8 трлн руб., что почти в 3 раза больше, чем в 2006 году – 2,8 трлн руб.

Конечно, во время мирового финансового кризиса темпы роста емкости рынка депозитных услуг снизились, так как население в это время предпочитало наличную форму хранения денежных средств и изымало свои депозиты из финансовых организаций. Также снизилась активность вложений денежных средств населения в ПИФы, так как фондовый рынок во время кризиса показывал отрицательные

результаты, что тоже повлияло на снижение темпов роста.

В таблице 2 представлена структура рынка депозитных услуг. Основную долю на этом рынке занимает сегмент банковских депозитов: в 2010 году его удельный вес составил 99,8 %. Такое положение сохраняется практически весь анализируемый период, только в 2007 году наблюдалась ситуация, когда за счет резкого увеличения доли привлеченных средств в ПИФы (с 2,9 % в 2006 году до 7,44 % в 2007 году) доля данного сегмента сократилась до 92,4 %.

Таблица 2

Структура рынка депозитных услуг по отдельным сегментам, %

	2006	2007	2008	2009	2010
Сегмент банковских депозитов	96,9	92,4	98,98	99,6	99,8
Сегмент ПИФов	2,9	7,44	0,9	0,3	0,13
Сегмент сбережений, привлеченных кредитными кооперативами	0,1	0,1	0,1	0,07	0,03
Сегмент накопительного страхования жизни	0,1	0,06	0,02	0,03	0,04
Итого	100	100	100	100	100

Таблица 3

Динамика уровня концентрации рынка депозитных услуг

	2006	2007	2008	2009	2010
Коэффициент концентрации рынка (CR-3), %	96,8	92,4	98,9	99,6	99,8
Индекс концентрации рынка Герфиндаля-Гиршмана (HHI)	9378,8	8592,9	9788,1	9921,1	9960

Для оценки уровня концентрации рынка используются следующие показатели (таблица 3):

а) коэффициент концентрации рынка (CR) представляет собой процентное отношение объема депозитных услуг, оказываемых кредитными организациями (так как это самая крупная группа участников), к общей емкости рынка депозитных услуг. Полученные результаты совпали с показателем доли сегмента банковских депозитов;

б) индекс концентрации рынка Герфиндаля-Гиршмана (НИ), который рассчитывается возведением в квадрат процентной доли на рынке каждого участника и суммированием полученных результатов. В 2010 году НИ составил 9960, что на 581,2 больше чем в 2006 году (9378,8). Индекс концентрации, как и предыдущие показатели, в 2007 году значительно снизился за счет роста популярности ПИФов и составил 8592,9.

В зависимости от значений показателей концентрации, рынок может быть признан высоко-, умеренно- или низкоконтентрированным. Рынок признается высококонтентрированным, если выполняются следующие условия:

$$70 \% < CR-3 < 100 \%;$$

$$800 < НИ < 10000.$$

Значения показателей концентрации, рассчитанные для рынка депозитных услуг, свидетельствуют о том, что он может быть признан высококонтентрированным. Рынок насчитывает большое количество участников, борющихся за свободные денежные средства населения, но за счет своего надежного имиджа кредитные организации получили почти стопроцентное влияние на этом рынке.

Далее будут рассмотрены все агрегированные участники рынка депозитных услуг для выявления крупных игроков и определения уровня концентрации внутри каждого сегмента.

Емкость и уровень концентрации рынка в сегменте банковских депозитов

Важным событием, повлиявшим на развитие сегмента банковских депозитов, стало введение системы обязательного страхования депозитов частных лиц в кредитных организациях в соответствии с Федеральным законом от 23.12.2003 № 177-ФЗ «О страховании вкладов физических лиц в банках Российской Федерации». Данная система направлена на защиту прав и законных интересов вкладчиков отечественных банков и стимулирование привлечения сбережений населения в российскую банковскую систему.

Во многом благодаря успешной деятельности системы страхования депозитов, кредитные организации смогли достойно выдержать мировой финансовый кризис, не снижая уровень привлечения вкладов. Во время кризиса только уменьшились темпы их прироста. Если за 2006 и 2007 гг. темпы прироста вкладов были в среднем 35 % в год, то за 2008 год темп прироста составил всего лишь 14 %, но в 2009 году темпы прироста сравнялись с докризисными.

Еще одним результатом введения обязательного страхования банковских вкладов стало обострение конкуренции между кредитными организациями за сбережения граждан, о чем свидетельствует значительное снижение доли Сбербанка России в отрасли банковских депозитов с 51,5 % по состоянию на 2008 год до 47,9 % по состоянию на 2010 год. Но в абсолютном выражении объем депозитов, привлеченных Сбербанком, увеличился в 2010 году и составил около 3,8 трлн руб. против 2,6 трлн руб. в 2008 году. Доля другого крупного игрока – ВТБ24 – за исследуемый период увеличилась на 1,2 пп. и на конец года составила 6 %. Доля Банка Москвы в банковских депозитах плавно сокращалась каждый год на 0,1 пп. и в 2010 году составила 2,2 % (таблица 4).

Таблица 4

Динамика депозитов, привлеченных крупнейшими игроками сегмента банковских депозитов

	2008 г.		2009 г.		2010 г.	
	объем депозитов, млн руб.	доля, %	объем депозитов, млн руб.	доля, %	объем депозитов, млн руб.	доля, %
Сбербанк	2656988	51,5	2918053,06	49,4	3824800,63	47,9
ВТБ24	2339,712	4,8	941,754	5,7	648,96	6
Банк Москвы	135,048	2,4	112,424	2,3	55,88	2,2

В таблице 5 представлены расчеты показателей рыночной концентрации для 3-х ведущих банков, из которых можно сделать вывод, что данный сегмент рынка депозитных услуг пока еще является высококонтентрированным, однако появляются признаки снижения степени концентрации. Так, индекс Герфиндаля-Гиршмана с 2008 года по 2010 год имел

тенденцию к снижению и по сравнению с базисным годом снизился на 345,8 и составил 2335,25, что относит сегмент к высококонтентрированному. А коэффициент концентрации со своим значением 47,9 % относит его уже к умеренноконтентрированному, т. к. выполняется условие $35 \% < CR-3 < 70 \%$.

Таблица 5

Динамика уровня концентрации сегмента банковских депозитов за 2008 – 2010 гг.

	2008 г.	2009 г.	2010 г.
Коэффициент концентрации рынка (CR-3), %	51,5	49,4	47,9
Индекс концентрации рынка Герфиндаля-Гиршмана (HHI)	2681,05	2478,1	2335,25

Емкость и уровень концентрации рынка в сегменте сбережений, привлеченных кредитными кооперативами

До середины 2008 года объем средств, привлеченных кредитными кооперативами, увеличивался большими темпами. С 2006 по 2008 годы темп прироста составил 55 %. А потом привлечение средств снизилось на 14 % в 2009 году и на 50 % в 2010 году; на конец анализируемого периода его абсолютное значение стало даже меньше 2006 года – 2540 млн руб. против 2950 млн руб.

Показатели концентрации для кредитных кооперативов рассчитать невозможно из-за отсутствия информации об отдельных участниках, так как в доступе есть информация о привлеченных средствах только от саморегулируемых организаций областей РФ, которые в себя включают кооперативы областей.

На протяжении 2006 – 2010 гг. в тройке лидеров крупнейших ассоциаций кредитных кооперативов

числились такие организации, как ПО «КСП Экипа» и Ассоциация кредитных союзов Кузбасса: на их долю в 2006 году пришлось около 50 % от общей суммы средств, привлеченных всеми кредитными кооперативами по стране (1030 млн руб. и 454 млн руб. соответственно). В 2010 году объем привлеченных средств ПО «КСП Экпой» составил 986 млн руб., а Ассоциацией кредитных союзов Кузбасса – 619 млн руб.

Также следует отметить, что Ассоциация кредитных союзов Кузбасса – самая многочисленная по числу пайщиков: в среднем их число составляло 75000, тогда как в первой по объему привлечения средств ПО «КСП Экипа» их в полтора раза меньше – 25000. Это означает, что в Ассоциации кредитных союзов Кузбасса вклады пайщиков не такие крупные, как в ПО «КСП Экипа».

Емкость и уровень концентрации рынка в сегменте накопительного страхования жизни

Привлечение средств страховыми компаниями в области накопительного страхования жизни за 2006 – 2010 гг. снижалось вплоть до середины 2008 года (объем привлечений снизился на 48 %), после чего, несмотря на кризисные явления, начало расти достаточно большими темпами (45 % в 2009 году и 26 % 2010 году).

При изучении сегмента были выделены следующие компании-лидеры, а также был рассчитан их удельный вес в общем объеме собранных премий по страхованию жизни (табл. 6).

Таблица 6

Показатели по сбору страховых премий крупнейшими компаниями в сегменте накопительного страхования жизни

	2007		2008		2009	
	премии, млн руб.	доля, %	премии, млн руб.	доля, %	премии, млн руб.	доля, %
Аиг - Лайф	2055	75,77	879	61,95	1030	50
Ингосстрах-жизнь	95,1	3,51	91	6,41	98	4,75
Росгосстрах-центр	20	0,74	6	0,42	26	1,26

Первое место занимает страховая компания АИГ-лайф, ее доля в 2009 году составила 50 %, что почти на 26 % меньше, чем в 2007 году. Второе место занимает страховая компания Ингосстрах-жизнь, доля собранных премий которой выросла почти в 2 раза с 2007 по 2008 гг., но в 2009 году ее доля снизилась до 4,75 %. И на третьем месте находится Росгосстрах-центр с долей 1,26 % в 2009 году.

Высокая концентрация в сегменте накопительного страхования жизни в целом сохраняется, что можно проследить в таблице 7. Но показатели концентрации за 2007 – 2009 гг. неуклонно снижаются, что говорит о том, что данный сегмент с таким развитием ситуации в скором будущем может стать умеренноконцентрированным. Так, коэффициент CR-3 в 2009 году составил 56 %, что на 24 пп. меньше, чем в 2007 году. Индекс HHI в 2009 году составил 2524,3, что на 3230,4 меньше, чем в

2007 году, темп снижения данного показателя каждый год составляет примерно 34 %.

В целом на федеральном уровне в сегменте накопительного страхования жизни проявляется тенденция ослабления концентрации.

Таблица 7

Динамика уровня концентрации сегмента накопительного страхования жизни за 2007 – 2009 гг.

	2007 г.	2008 г.	2009 г.
Коэффициент концентрации рынка (CR-3), %	80,0	68,8	56,0
Индекс концентрации рынка Герфиндаля-Гиршмана (HHI)	5754,7	3878,5	2524,3

Емкость и уровень концентрации рынка в сегменте паевых инвестиционных фондов

На протяжении 2006 – 2007 гг. объем вложений в ПИФы возрастал и достиг своего максимума в размере 305600 млн руб. На фоне кризисных явлений, произошедших в экономике в 2008 году, объем вложений в ПИФы резко сократился и составил 48774 млн руб., что меньше аналогичного показателя 2006 года. В течение последующих лет ПИФы не стали более привлекательными для вложений, их объем продолжал сокращаться и в 2010 году соста-

вил рекордно низкие за исследуемый период 10816 млн руб.

В таблице 8 представлена динамика долей управляющих компаний-лидеров отрасли. Следует обратить внимание на то, что стабильно ведущие позиции занимают управляющие компании «Тройка Диалог» и «Райффайзен Капитал», их суммарная доля на рынке с 2009 года увеличилась и в 2010 году достигла 19,46 %.

Таблица 8

Динамика долей управляющих компаний за 2006 – 2010 гг.

2006 г.		2007 г.		2009 г.		2010 г.	
управляющая компания	доля, %	управляющая компания	доля, %	управляющая компания	доля, %	управляющая компания	доля, %
Менеджмент Консалтинг	10,35	Тройка Диалог	0,63	Райффайзен Капитал	7,18	Тройка Диалог	9,87
Тройка Диалог	5,83	КИТ Финанс	0,58	Тройка Диалог	1,64	Райффайзен Капитал	9,59
Альфа-Капитал	1,42	УК Банка Москвы	0,56	КапиталЪ Управление активами	1,09	КапиталЪ Управление активами	7,99

Так, самой популярной управляющей компанией в 2010 году стала «Тройка Диалог». ПИФы этой УК смогли привлечь почти 1,06 млрд руб. На втором месте находится управляющая компания «Райффайзен Капитал», суммарный приток средств в ПИФы которой оказался не намного меньше – 1,03 млрд руб. ПИФы под управлением «КапиталЪ Управление активами» привлекли 864,58 млн руб.

Показатели концентрации соответствуют условиям $CR-3 < 35\%$; $HHI < 800$, что свидетельствует о низкой концентрации сегмента (таблица 9). Данные показатели резко снизились в 2007 году, далее, вплоть до 2010 года, они росли, но даже самое высокое значение коэффициента концентрации в 2010 году (37,89 %) относит сегмент к умеренно-концентрированному.

Таблица 9

Динамика уровня концентрации сегмента ПИФов за 2006 – 2010 гг.

	2006	2007	2009	2010
Коэффициент концентрации рынка (CR-6), %	21,31	3,21	11,98	37,89
Индекс концентрации рынка Герфиндаля-Гиршмана (HHI)	147,72	1,74	56,93	291,09

Таким образом, в итоге исследования всех сегментов рынка депозитных услуг можно выделить следующие финансовые организации-лидеры: Сбербанк, ВТБ24, Аиг-Лайф, Тройка Диалог. Полученные результаты свидетельствуют о различном уровне конкуренции внутри сегментов рынка депозитных услуг.

На основании представленных выше характеристик можно сделать выводы о состоянии и перспективах развития конкуренции в каждом сегменте, о целесообразности и формах государственного воздействия на рынок. Также в зависимости от уровня концентрации рынка депозитных услуг дифференцируются действия антимонопольных органов по отношению к различным сегментам и действующим на них финансовым организациям.

Литература

1. Инвестиционное поведение населения и влияние системы страхования вкладов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.asv.org/insurance/analytics/research/2010.doc>. – Дата обращения 10.05.11.

2. Методические рекомендации по порядку проведения анализа и оценки состояния конкурентной среды на рынке финансовых услуг от 31.03.2003 № 86 // Справочно-правовая система (СПС) «Гарант».

УДК 331.101.39

**МЕТОДИКА ОЦЕНКИ СТОИМОСТИ
ФОРМИРОВАНИЯ КАДРОВОГО ПОТЕНЦИАЛА ОРГАНИЗАЦИИ***А. М. Калачев***THE PROCEDURE OF ORGANIZATIONS' STAFF POTENTIAL FORMING COST ASSESSMENT***A. M. Kalachev*

Выявлена противоречивость понятия «стоимость кадрового потенциала организации», введено понятие «стоимость формирования кадрового потенциала организации». Определены направления использования показателя стоимости формирования кадрового потенциала, проанализированы его составные элементы. Представлена авторская методика расчёта стоимости формирования кадрового потенциала организации.

This paper provides a definition of staff potential forming cost, an information about its structure and usage areas. In the body of the text, staff potential forming cost assessment procedure, which was developed by author, is presented. This procedure describes step-by-step acts, which are required to be done in order to calculate the indicator of staff potential forming cost.

Ключевые слова: кадровый потенциал, стоимость формирования, оценка.

Keywords: cadre potential, forming cost, assessment.

В условиях рыночной экономики стоимостная оценка кадрового потенциала организации приобретает большое значение. Собственники и руководители организации должны иметь представление об имеющихся у их работников способностях, знаниях, умениях и навыках, оцененных в денежном выражении. Эта информация необходима для получения более точной оценки обоснованной рыночной стоимости компании. Однако единой методики стоимостной оценки кадрового потенциала организации к настоящему моменту времени не выработано. Разные авторы предлагают различные, подчас противоречащие друг другу подходы к оценке. Появление такого рода противоречий во многом связано с тем, что изначально недостаточно чётко определяется цель оценки. В итоге не понятно, каким образом интерпретировать рассчитанный по той или иной методике показатель стоимости кадрового потенциала и каким образом использовать его на практике.

Так, например, А. Ю. Евстратов и В. В. Царёв в работе [3, с. 34 – 39] приводят разработанную ими методику оценки стоимости кадрового потенциала отдельных сотрудников. Для получения стоимостной оценки потенциала работника предлагается суммировать затраты этого работника на получение образования с доходами, полученными им в виде заработной платы, с величиной премий за период его работы в организации, с инвестициями организации в повышение квалификации этого сотрудника и даже с долей прибыли, формируемой данным работником. Каким образом интерпретировать и применять на практике рассчитанный по такой методике показатель, называемый авторами «дисконтированной стоимостной оценкой потенциала индивидуального работника», остаётся неясным.

В. В. Аллавердян в работе [1] определяет кадровый потенциал организации как «совокупную оценочную стоимость всех работников предприятия». Рассчитывать эту оценочную стоимость В. В. Аллавердян предлагает путём суммирования показателей по каждому работнику, полученных путём умножения среднерыночного уровня заработной платы по

должности, занимаемой работником (именно среднерыночного, а не фактического), на коэффициент, отражающий уровень знаний, умений и навыков конкретного работника (методика расчёта данного коэффициента приведена в статье [1]), и прибавления к этому произведению стоимости услуг кадровых агентств по найму работника на данную должность (если запланировано использование такого рода услуг в случае замещения персонала). Как трактовать результаты расчётов и как использовать их в практической деятельности остаётся непонятным и в этом случае.

Приведённые примеры – далеко не единственные. В литературе и периодических изданиях можно встретить описания и других методик стоимостной оценки кадрового потенциала организации (см., например, статью [2, с. 52 – 55]). Однако всем им свойственен тот же недостаток – спорность процедуры расчёта показателя стоимости кадрового потенциала организации, сложность его интерпретации и фактически невозможность его практического применения.

Выполнив анализ существующих подходов, мы пришли к выводу о противоречивости самого понятия «стоимость кадрового потенциала организации». По нашему мнению, говоря об оценке кадрового потенциала в денежном выражении, предпочтительнее использовать понятие «стоимость формирования кадрового потенциала». Необходимо изменить сам подход к оценке: она должна отвечать не на вопросы «Какова стоимость отдельных сотрудников?» и «Сколько стоит кадровый потенциал организации?», а на вопрос «Сколько будет стоить формирование кадрового потенциала организации, равного текущему кадровому потенциалу, в случае полного обновления персонала организации (увольнения всех работающих сотрудников и найма на их место новых), при том же уровне совокупных затрат на труд». Это означает, что должно быть проведено определение затрат на формирование кадрового потенциала, равного текущему, в том случае, если бы была осуществлена сделка купли/продажи предпри-

ятия как имущественного комплекса без сформированного штата работников (а значит, без нематериальных активов в виде знаний, умений и навыков персонала). Другими словами, стоимость формирования кадрового потенциала – это сумма денежных средств, которую пришлось бы затратить собственнику организации для того, чтобы нанять работников, выполняющих требуемый круг обязанностей, обладающих требуемым уровнем кадрового потенциала и эффективно работающих за определённую заработную плату, в том случае, если бы собственник приобрёл не действующее предприятие, а совокупность движимого и недвижимого имущества.

Показатель стоимости формирования кадрового потенциала может быть без каких-либо затруднений использован при определении стоимости действующего предприятия, а также для принятия обоснованных управленческих решений, в частности, при осуществлении антикризисного управления. Он выступает в качестве надбавки к цене предприятия как имущественного комплекса (при вычислении стоимости действующего предприятия в соответствии с затратным подходом) и является таким же компонентом стоимости бизнеса, как стоимость основных средств, оборотных активов, а также патентов, лицензий и т. п.

Оценка стоимости формирования кадрового потенциала организации предполагает оценку стоимости выполнения каждого из мероприятий, которые необходимо осуществить для того, чтобы кадровый потенциал данного предприятия (организации), рассматриваемого как имущественный комплекс без персонала (а следовательно, с кадровым потенциалом, равным нулю) достиг той величины, которая существовала на момент последней оценки. При этом уровень затрат на персонал после осуществления обозначенных мероприятий должен либо соответствовать, либо быть ниже уровня затрат на персонал, существовавшего в организации на момент оценки (речь идёт о равенстве еженедельных, ежемесячных, ежеквартальных и ежегодных расходов на персонал, включающих выплату заработной платы, премий и т. д.).

Мы считаем необходимым выделить следующие составляющие элементы данного комплекса мероприятий:

1. Планирование персонала (кадровое планирование).
2. Найм персонала, в т. ч.: набор, отбор, приём.
3. Обучение, повышение квалификации персонала.
4. Обеспечение адаптации персонала.
5. Формирование здорового морально-психологического климата в коллективе.

Процедура **кадрового планирования (планирования персонала)** позволяет руководству организации определить, какие работники необходимы организации, в какой момент времени и в каком количестве. В случае определения стоимости формирования кадрового потенциала организации, информация о том, какие работники и в каком количестве необходимы для осуществления деятельности

организации, уже известна. Эту информацию можно получить из штатного расписания организации (форма Т-3). Момент времени, к которому необходимо осуществить набор работников, в общем случае можно определить правилом «чем быстрее – тем лучше», так как, чем быстрее будет набран персонал, тем меньше будет упущенная выгода от «простоя» производства.

Если бы предприятие приобреталось как имущественный комплекс, то, до введения предприятия в действие, необходимо было бы провести процедуру планирования персонала. Покупатель действующего предприятия от этих затрат, естественно, освобождается (персонал уже набран, следовательно, его планирование было проведено заблаговременно). Это означает, что затраты на планирование персонала представляют собой часть стоимости формирования кадрового потенциала организации.

Затраты на планирование персонала предлагается определять на основании информации о сложности технологического процесса, информации о масштабе производства и информации о числе дополнительно осуществляемых организацией видов деятельности (помимо основного). Связь сложности планирования со сложностью технологического процесса очевидна: чем сложнее технологический процесс, тем более квалифицированные работники требуются для его обеспечения, и тем сложнее определить перечень требований к этим работникам и необходимое их количество. Связь сложности планирования с масштабами производства обусловлена как ростом потребности в производственных рабочих, так и ростом потребности в специалистах и служащих, а также в руководителях (как правило, рост масштабов производства вызывает увеличение числа уровней управления в организации). Дополнительные виды деятельности, осуществляемые организацией, естественно, требуют привлечения дополнительных работников – специалистов соответствующего профиля. С этим связано увеличение сложности планирования при наличии у организации намерений заниматься другими, помимо основной, видами деятельности.

Затраты на планирование персонала ($Z_{\text{план.}}$) включают предполагаемую оплату труда группы экспертов, которые будут заниматься планированием, за тот период времени, который заняла бы процедура планирования в случае её осуществления, а также оплату услуг других организаций, так или иначе принимающих участие в процедуре планирования (оказывающих консалтинговые услуги и т. д.). Затраты на планирование персонала предлагается определять по формуле:

$$Z_{\text{план.}} = 3P_{\text{раб. планир.}}^{\text{день}} \cdot D_{\text{планир.}} + Z_{\text{оплат. услуг. орг. план.}},$$

где $3P_{\text{раб. планир.}}^{\text{день}}$ – затраты на оплату труда за день работы группы экспертов, которые были бы привлечены для осуществления планирования; $D_{\text{планир.}}$ – количество дней, необходимое для завершения процедуры планирования персонала группой экспертов; $Z_{\text{оплат. услуг. орг. план.}}$ – предполагаемые затраты на оплату

услуг сторонних организаций, необходимых при осуществлении процедуры планирования персонала (например, консалтинговые услуги). $ЗП_{\text{раб. планир.}}$, $Д_{\text{планир.}}$ и $З_{\text{опл. услуг. орг. план.}}$ определяются экспертным путём.

Найм персонала предполагает привлечение соискателей, обладающих требуемыми характеристиками, на имеющиеся вакантные места. В литературе (а также и на практике) процедура найма разбивается, как правило, на три последовательных этапа: набор, отбор и приём работников.

Если говорить о наборе персонала, то в действующей организации он может осуществляться двумя путями – из внешних источников и из внутренних источников. Внешние источники подразумевают привлечение работников со стороны, внутренние источники – перемещение по службе сотрудников, уже работающих в организации. Понятно, что при оценке стоимости формирования кадрового потенциала организации рассматриваются только внешние источники набора персонала: предполагается, что на момент осуществления процедуры найма предприятие (организация) как хозяйствующий субъект не функционирует, и, соответственно, внутренние источники найма полностью отсутствуют.

Набор кандидатов из внешних источников может производиться:

1. Собственными силами организации путём размещения объявлений о наличии вакансий в специализированной прессе, сообщения об имеющихся вакансиях по радио или телевидению.
2. Собственными силами путём размещения информации о вакансиях в сети Интернет.
3. Через частные кадровые агентства.
4. Через государственную службу занятости.

В первом случае в стоимость формирования кадрового потенциала организации необходимо включить затраты, связанные с размещением информации об имеющихся вакансиях в специализированной прессе, на радио и телевидении. Поиск кандидатов на вакантные должности через Интернет также в большинстве случаев оказывается платным, и стоимость услуг Интернет-проектов по поиску работников должна включаться в стоимость формирования кадрового потенциала организации, если такие источники набора персонала используются. Исключением являются лишь случаи поиска работников через тематические форумы, но зачастую подобного рода поиск гораздо более трудоёмок и куда менее результативен, так как тематические форумы создаются для обсуждения вопросов и проблем, касающихся той или иной области профессиональной деятельности, а не для поиска работников (хотя в некоторых случаях на форумах и создаётся соответствующий раздел). В случае, если для набора персонала предполагается прибегнуть к услугам кадровых агентств, то в стоимость формирования кадрового потенциала организации должна быть включена стоимость этих услуг.

Какой бы метод набора персонала либо их комбинация ни была выбрана, в стоимость формирования кадрового потенциала организации должна включаться величина оплаты труда работника, исполняющего роль менеджера по персоналу, за время осуществления процедуры найма. Менеджер по персоналу организует взаимодействие с кадровыми агентствами, занимается поиском кандидатов на вакантную должность с помощью соответствующих Интернет-ресурсов, организует размещение объявлений об имеющихся вакансиях в СМИ, организует взаимодействие с государственной службой занятости. Таким образом, затраты на набор персонала ($З_{\text{набор}}$), как составляющий элемент стоимости формирования кадрового потенциала, рассчитываются по формуле:

$$З_{\text{набор}} = З_{\text{поиск через СМИ}} + З_{\text{поиск через Интернет}} + \\ + З_{\text{поиск через КА}} + ЗП_{\text{мен. по перс.}}^{\text{день}} \cdot Д_{\text{набор}},$$

где $З_{\text{поиск через СМИ}}$ – совокупные затраты на размещение информации об имеющихся вакансиях в средствах массовой информации; $З_{\text{поиск через Интернет}}$ – совокупные затраты на оплату услуг специализированных Интернет-сайтов по подбору персонала; $З_{\text{поиск через КА}}$ – совокупные затраты на оплату услуг кадровых агентств; $ЗП_{\text{мен. по перс.}}^{\text{день}}$ – ставка оплаты труда за день работы менеджера по персоналу, который занимался бы организацией процедуры набора работников; $Д_{\text{набор}}$ – количество рабочих дней, необходимое для завершения процедуры набора персонала.

Объём затрат на процедуру набора персонала определяется на базе информации о тарифах СМИ и Интернет-проектов на размещение объявлений о вакансиях и о стоимости услуг частных кадровых агентств. Ставка оплаты труда за день работы менеджера по персоналу ($ЗП_{\text{мен. по перс.}}^{\text{день}}$) принимается равной среднерыночному месячному размеру заработной платы работников этой должности, поделённому на 30. Период времени, который займёт процедура набора персонала, определяется экспертным путём.

По завершении набора персонала приступают к отбору, позволяющему выбрать из общей совокупности кандидатов наиболее подходящих. Отбор персонала предполагает сбор информации о соискателях, проверку достоверности этой информации, оценку кандидатов (в ходе беседы, посредством тестирования, деловых игр и т. д.), принятие решений об утверждении либо отклонении кандидатур конкретных соискателей. В процедуре отбора персонала задействован либо один сотрудник (менеджер по персоналу), либо группа экспертов, включая менеджера по персоналу, осуществляющая отбор. Затраты на отбор ($З_{\text{отбор}}$) персонала предлагается рассчитывать следующим образом:

$$З_{\text{отбор}} = ЗП_{\text{гр. эксп.}}^{\text{день}} \cdot Д_{\text{отбор}},$$

где $ЗП_{\text{гр. эксп.}}^{\text{день}}$ – ставка оплаты труда за день работы группы экспертов, включающих менеджера по персоналу, которая занималась бы осуществлением процедуры отбора работников; $Д_{\text{отбор}}$ – количество

рабочих дней, необходимое для завершения процедуры отбора персонала, включая время, необходимое для подготовки требуемых для осуществления процедуры отбора материалов: анкет, тестов и т. д.

$ЗП_{гр. \text{ эксп.}}$ и $Д_{отбор}$ определяются экспертным путём.

Затраты на процедуру **приёма персонала** ($З_{приём}$), предполагающую заключение трудовых договоров и знакомство вновь принятых сотрудников с новым рабочим местом и с коллективом, мы считаем целесообразным оценивать с использованием следующей формулы:

$$З_{приём} = ЗП_{мен. \text{ по перс.}}^{\text{день}} \cdot Д_{приём},$$

где $ЗП_{мен. \text{ по перс.}}^{\text{день}}$ – ставка оплаты труда за день работы менеджера по персоналу, который занимался бы осуществлением процедуры приёма работников; $Д_{приём}$ – количество рабочих дней, необходимое для завершения процедуры приёма персонала.

Так же, как и в случае с расчётом затрат на набор персонала, ставка оплаты труда за день работы менеджера по персоналу принимается равной среднерыночному месячному размеру заработной платы работников этой должности, поделённому на 30, а количество рабочих дней, которое займёт процедура приёма, определяется экспертным путём.

Итоговая величина затрат на найм персонала определяется путём суммирования затрат на набор персонала, затрат на отбор персонала и затрат на приём персонала.

Следующим важным элементом затрат, составляющих стоимость формирования кадрового потенциала организации, являются затраты на **развитие персонала** – обучение и повышение квалификации. Профессиональный уровень работников, наличие у них определённых знаний, умений и навыков – основа их кадрового потенциала.

Про оценке стоимости формирования кадрового потенциала организации нужно исходить из того, что существует две возможности для обеспечения организации квалифицированными кадрами:

1. Найм готовых специалистов на рынке труда.
2. Найм сотрудников с уровнем квалификации ниже требуемого и последующее их обучение.

Такого рода решение принимается по каждой вакантной должности исходя из критерия минимума затрат:

$$З_{учит.} = \min(З_{найм}^{\text{треб. квал.}}; З_{найм}^{\text{нед. квал.}} + З_{обуч. \text{ и пов. квал.}}),$$

где $З_{учит.}$ – учитываемые затраты; $З_{найм}^{\text{треб. квал.}}$ – затраты на найм работника требуемой квалификации; $З_{найм}^{\text{недост. квал.}}$ – затраты на найм работника с уровнем квалификации, ниже требуемого; $З_{обуч. \text{ и пов. квал.}}$ – затраты на повышение уровня квалификации вновь принимаемого работника до требуемого уровня.

Таким образом, если дешевле нанять готового специалиста, то в стоимость формирования кадрового потенциала должны включаться только затраты на найм такого специалиста. Если же специалисты требуемого уровня квалификации в какой-либо области чрезвычайно «дефицитны», или их вообще нет в месте расположения предприятия, и затраты, свя-

занные с наймом такого специалиста, слишком велики, то в стоимость формирования кадрового потенциала должны включаться затраты, связанные с наймом работника, квалификация которого на момент найма ниже требуемой (но её планируется повысить), и затраты, связанные с повышением квалификации этого работника. Следует особо отметить, что, в соответствии с разработанной нами системой оценки стоимости формирования кадрового потенциала, предполагается, что размер оплаты труда каждого работника равен среднерыночной ставке заработной платы для работников данной специализации. Это означает, что какое бы решение не было принято: найм готового специалиста или найм специалиста недостаточно высокого уровня и последующее повышение уровня его квалификации, – по окончании обучения недостаточно квалифицированного работника уровень оплаты его труда будет соответствовать уровню оплаты труда, который был бы назначен «готовому» специалисту. По окончании обучения работник становится более ценен для организации (и сам он начинает оценивать свой труд более высоко).

При оценке стоимости формирования кадрового потенциала предполагается, что на момент осуществления процедуры найма персонала предприятие (организация) вообще не функционирует. По этой причине в подавляющем большинстве случаев представляется целесообразным найм готовых специалистов, так как за время обучения работников, уровень квалификации которых недостаточен, размер упущенной организацией выгоды может быть весьма велик (ведь во время обучения с отрывом от производства работа «простаивает», а в случае обучения без отрыва от производства на некоторое время неизбежно снижается производительность труда). Если принято решение о замещении всех вакантных должностей готовыми специалистами, то затрат на обучение и развитие персонала в совокупную величину стоимости формирования кадрового потенциала включать не следует.

Придя на новое предприятие, работник не может сразу же начать работу, демонстрируя высочайший уровень производительности труда. Стабильно высокий уровень производительности труда может продемонстрироваться сотрудником только по завершении периода **адаптации**. Процесс адаптации предполагает приспособление работников к новой организации и новым условиям труда.

При оценке стоимости формирования кадрового потенциала организации предполагается, что процесс адаптации проходят абсолютно все работники. Следовательно, должны учитываться затраты на адаптацию каждого работника. Затраты предлагается определять экспертным путём по каждой должности. Выводы экспертов об их величине при этом должны быть обоснованы. Сумма прогнозируемых затрат на адаптацию всех работников $З_{адапт.}$ включается в стоимость формирования кадрового потенциала организации.

Морально-психологический климат характеризует эмоционально-нравственное состояние кол-

лектива, настроения сотрудников и их отношение друг к другу. Только при благоприятном морально-психологическом климате в коллективе возможно проявление эффекта синергии (результат деятельности группы как целого превосходит сумму возможных индивидуальных результатов). На формирование морально-психологического климата влияет большое число факторов, в том числе содержание и условия труда, система мотивации организации, степень совпадения формальной и неформальной структуры, психологические особенности конкретных работников.

При наборе персонала на вновь создаваемое предприятие (организацию), морально-психологический климат в коллективе во многом формируется стихийно. Безусловно, руководство может оказывать прямое влияние на такие факторы, как содержание труда, условия труда и система мотивации, однако степень совпадения формальной и неформальной структур группы, а также психологические особенности конкретных работников полностью предопределить невозможно. Работодатель может проводить тесты на определение типа темперамента / на психологическую совместимость при приёме на работу нового сотрудника, однако это позволяет лишь снизить риски возникновения неблагоприятной морально-психологической ситуации, но не устранить их полностью (и, кроме того, требует определённых затрат). Вследствие этого, руководителю приходится принимать меры по урегулированию конфликтов, корректировке системы мотивации в части поощрений и наказаний для того, чтобы привести морально-психологический климат в нормальное состояние. Возможно, некоторых работников придётся перевести на другую должность или даже уволить вследствие несовместимости их с остальным коллективом. Всё это ведёт к определённым потерям.

По этой причине мы считаем целесообразным включать в стоимость формирования кадрового потенциала организации затраты, связанные с формированием благоприятного морально-психологического климата ($Z_{\text{формир. МПК}}$). Эти затраты, однако, носят крайне вероятностный характер, и спрогнозировать их весьма сложно. Определены они могут быть только экспертным путём.

Итоговый показатель стоимости формирования кадрового потенциала организации рассчитыва-

ется путём суммирования затрат на планирование персонала, затрат на найм персонала, затрат на обучение и развитие персонала, затрат, связанных с адаптацией персонала, и затрат, связанных с формированием благоприятного морально-психологического климата в организации.

Весьма значимую проблему при расчёте стоимости формирования кадрового потенциала организации представляет тот факт, что большое количество показателей могут быть определены только экспертным путём. При оценке тех или иных затрат эксперт может пользоваться данными статистики, накопленными данной компанией, имеющейся информацией о компаниях-конкурентах, может привлекать к оценке других экспертов и пользоваться услугами консалтинговых компаний, однако в любом случае в полученной оценке будет достаточно велика доля субъективизма, поскольку многие виды затрат, образующие стоимость формирования кадрового потенциала, носят вероятностный характер.

Несмотря на это, разработанная методика позволяет получить вполне обоснованный показатель стоимости формирования кадрового потенциала организации, позволяющий в значительной степени уточнить её рыночную стоимость и чрезвычайно полезный для менеджеров среднего и высшего звена. Таким образом, направление практического использования рассчитываемого показателя достаточно чётко определено.

Литература

1. Аллавердян, В. В. Оценка стоимости «кадрового потенциала» коммерческого предприятия / В. В. Аллавердян // Инвестиционный консалтинг [сайт]. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.i-con.ru/publications/marketing/d285/>. – Дата обращения: 21.09.2011.
2. Евстратов, А. Ю. Аналитическая оценка методов оценки стоимости кадрового потенциала / А. Ю. Евстратов // Управление персоналом. – 2008. – № 21.
3. Евстратов, А. Ю. Оценка индивидуальной стоимости работника коммерческого предприятия / А. Ю. Евстратов, В. В. Царев // Управление персоналом. – 2008. – № 24.

УДК 353. 2 (066)

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ АДАПТАЦИИ РЕГИОНАЛЬНОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО МАРКЕТИНГА

М. М. Кисляков

SOCIAL AND ECONOMICAL PROBLEMS OF REGIONAL POLITICAL MARKETING ADAPTATION

M. M. Kislyakov

В статье автором рассматриваются социально-экономические проблемы адаптации регионального политического маркетинга к условиям регионов. К числу основных проблем автор относит объективное неравенство регионов по уровню социально-экономического развития, наличие разных типов социально-экономической политики в регионах, разный уровень и качество жизни граждан региона, проблемы безрабо-

тицы, улучшения условий труда, обеспечения жильем, получения качественной медицинской помощи и образования. По мнению автора, адаптация регионального политического маркетинга может рассматриваться как процесс, как состояние, как результат. Конечным результатом адаптации должно стать, с учетом специфики регионов, практическое внедрение как отдельных элементов политического маркетинга, так и всей его системы.

The author of the article considers social-economic problems of regional political marketing adaptation to the conditions of the region. The main problems discussed are : objective inequality of regions according to the level of social-economic development, availability of various types of social-economic policy in regions, different level and life quality of the citizens, unemployment problems, improvement of working and housing conditions as well as medical care and education. According to the author adaptation of regional political marketing can be considered as a process, state and result. Taking into account the specific conditions of regions the introduction of both separate elements of political marketing and its whole system must be the final result of adaptation.

Ключевые слова: социальная адаптация, проблемы и результаты адаптации политического маркетинга.

Keywords: social adaptation, problems and results of adaptation of political marketing.

В современной научной литературе проблемы адаптации рассматриваются под разным углом зрения. Философы и психологи видят в адаптации процесс приспособления. Зарубежные психологи и социологи рассматривают социальную адаптацию как процесс и состояние одновременно. Российские ученые, в частности новосибирская исследовательница Л. В. Корель, изучает адаптацию как статистическое равновесие между социальной системой и ее окружением, как процесс и как состояние. Л. В. Корель выделяет отличительные черты адаптации. К ним она относит:

- 1) адаптация рассматривается как процесс, при котором субъект приспосабливается к новой среде;
- 2) под адаптацией понимается результат приспособительного процесса;
- 3) адаптация связывается с какой-то целью, к которой стремится субъект;
- 4) адаптация (адаптивность) предполагает соответствие между целями и достижением в процессе деятельности результатами;
- 5) адаптация используется для обозначения отношения равновесия между субъектом и средой;
- 6) адаптация – это и процесс развития самого субъекта адаптации [1, с. 39 – 40].

На современном этапе развития российского общества, утверждает Л. В. Корель, изменяется содержание процесса адаптации населения к рынку в связи с осуществлением модернизационных проектов. Происходит переход от традиционных способов адаптации к современным рациональным способам. К числу таких способов можно отнести занятие малым бизнесом, включение в деятельность открытых акционерных обществ, что, естественно, приводит к изменению социального статуса граждан, изменению их отношения к политике, к политическому участию и политической деятельности. Автором обосновывается положение о том, что в обществе имеется потенциал роста, но и существуют пределы развития.

Процесс социальной адаптации касается всех социальных групп и слоев общества и протекает достаточно сложно и трудно. Как показывают социологические исследования, проведенные в регионах России, большинство россиян пока еще так и не приспособились к новым рыночным отношениям.

Сложно и трудно идет процесс формирования новых отношений и в политической сфере, внедрения новых систем политического управления, новых политических технологий, в частности, политического маркетинга.

Для части российских граждан, проживающих в регионах, политический маркетинг представлялся, особенно в начале 90-х годов прошлого столетия, малопонятным явлением. Но постепенно граждане на практике уяснили для себя, что такое политический маркетинг.

Как происходил и происходит процесс адаптации элементов регионального политического маркетинга к условиям конкретных регионов?

Технологии политического маркетинга в регионах России начали использоваться в середине 90-х годов. К концу 90-х годов политический маркетинг стал нормой политической жизни регионов. В начале XXI века он становится системой и основой формирования новой системы регионального политического управления и местного самоуправления.

В каждом регионе создаются свои правила игры на электоральном рынке, имеется специфика проведения политико-административной реформы. Исходя из того, каковы запросы регионального политического рынка, таковы должны быть и методы, технологии его изучения, а затем распространение политического товара.

В регионах России своеобразно формируется спрос на политический товар. При этом политический спрос может быть повышенным, устойчивым или вообще отсутствовать. Задача продавцов политического товара состоит в том, чтобы предпринять определённые усилия и навязать покупателям политический товар.

Проблемы адаптации регионального политического маркетинга как открытой неравновесной системы, с нашей точки зрения, следует рассматривать с позиций политико-социологического подхода и как относительное равновесие между региональной политической системой и социальной средой, как состояние, как процесс и как результат.

Как **относительное равновесие** между региональной политической системой и социальной средой адаптация политического маркетинга может

рассматриваться в качестве связующего звена между социальными группами и органами власти.

Состояние адаптации регионального политического маркетинга может быть неизменным и динамичным.

Характерными чертами процесса адаптации регионального политического маркетинга могут быть: во-первых, определение цели процесса приспособления; во-вторых, достижение соответствия между целями и результатами; в-третьих, оценка эффективности использования политического маркетинга в регионе.

Конечный результат процесса приспособления политического маркетинга к условиям региона, на наш взгляд, должен состоять в том, чтобы учесть специфику условий в регионе и внедрить на практике как отдельные технологии, так и всю систему политического маркетинга.

Достижение соответствия между целями и результатами процесса приспособления должно проявиться в том, чтобы система политического маркетинга в регионе начала реально функционировать.

Эффективность использования системы политического маркетинга в регионе должна отразиться на результатах проведения выборов и приближении органов власти к реализации интересов и потребностей граждан региона.

На наш взгляд, можно выделить три этапа адаптации регионального политического маркетинга к условиям региона. Первый этап – выделение проблем адаптации. Второй этап – выяснение причин существующих проблем адаптации. Третий этап – определение направлений, путей, средств и методов адаптации регионального политического маркетинга к условиям регионов.

При этом формы адаптации могут быть эволюционными и радикальными. Эволюционные формы предполагают постепенные изменения в содержании регионального политического маркетинга. Радикальные формы предполагают качественные изменения в содержании регионального политического маркетинга.

Содержание процесса адаптации регионального политического маркетинга можно рассматривать в узком и широком смысле слова.

В узком смысле слова это процесс приспособления технологий регионального политического маркетинга к условиям регионов. В широком смысле слова это процесс приспособления всей системы регионального политического маркетинга к условиям региона.

Более подробно остановимся на этапах адаптации. Первый этап – выделение проблем адаптации. В числе основных трудностей адаптации регионального политического маркетинга можно выделить следующие проблемы: социально-экономические, политические, правовые, нравственные и психологические.

Второй этап адаптации – выяснение причин, существующих проблем.

Причины существующих проблем в регионе связаны с общими процессами переходного периода,

осуществляемого в нашей стране, со сменой экономической и политической системы. А также с изменением экономического, социального и политического статуса большей части населения страны, а также с особенностями социально-экономического, социально-политического и духовного развития регионов.

Третий этап – определение направлений, путей, средств и методов адаптации.

Основные направления адаптации технологий регионального политического маркетинга и всей его системы могут быть следующие:

- во-первых, это разработка и использование новых методов проведения адаптации;
- во-вторых, осуществление процесса адаптации;
- в-третьих, анализ результатов процесса адаптации регионального политического маркетинга.

Исходя из основных направлений, можно определить пути, средства и методы процесса адаптации.

Возможны два основных пути адаптации:

- выбор наиболее эффективных маркетинговых технологий, приемлемых для данного региона;
- внедрение эффективных технологий на практике.

Средства и методы адаптации регионального политического маркетинга могут быть следующие: традиционные и инновационные.

Традиционные методы: приспособление, достижение соответствия между целями и результатами.

Инновационные методы: использование современных технологий, в частности Интернета, нахождение оптимального сочетания между традиционными и новыми методами адаптации.

Необходимо также формировать новый механизм адаптации регионального политического маркетинга. При формировании нового механизма адаптации необходимо опираться на существующие политические институты в регионе, с учетом инфраструктуры (политической и правовой среды) и имеющихся ресурсов (административных, финансовых, информационных, технологических).

В качестве факторов, сдерживающих процесс адаптации политического маркетинга к условиям регионов, исследователи прежде всего выделяют социально-экономические.

Это связано с тем, что регионы России объективно не равны по уровню социально-экономического развития. В регионах России имеют место разные модели проведения социально-экономической политики. На это обстоятельство указывает исследователь Г. В. Марченко. Он считает, что в регионах можно выделить 6 моделей социально-экономической политики:

- это «консервативно-коммунистическая» политика, сущность которой заключается в сдерживании роста цен и доходов населения;
- «национально-либеральная», при которой региональные власти пытаются следовать в русле либерального реформирования со всеми его издержками;

– «интернационально-либеральная» модель, при которой региональные власти пытаются реализовать особый статус регионов как свободных экономических зон, включившись лишь в мировые хозяйственные связи;

– это «лоббистская» социально-экономическая модель, которой придерживаются региональные власти, имеющие своих представителей, выдвиженцев на важные государственные посты;

– «сепаратистская» модель, представители которой просто вытрясают из федеральных властей особые привилегии под угрозой выхода из состава России;

– патерналистская или патронажная модель, которой придерживаются руководители наиболее экономически и финансово несостоятельных и инвестиционно непривлекательных регионов [2, с. 132].

Разные типы социально-экономической политики, проводимой в регионах России, неизбежно приводят к созданию разных возможностей для решения социальных проблем. От решения социальных проблем в регионах во многом зависит и решение социально-политических проблем. Все эти процессы прямо или косвенно влияют на становление и развитие регионального политического маркетинга. Как показывает политическая практика, начавшиеся в начале 90-х годов прошлого столетия реформы в России и регионах наложили свой отпечаток на многие процессы в стране, в том числе и на становление и развитие регионального политического маркетинга.

Проведенные в начале XXI века социологические исследования показывают, как российские граждане оценивают те социальные события, которые произошли за период с 1991 г. по 2001 г. Наиболее отрицательно россияне оценили два события – это финансовый кризис августа 1998 года и процесс приватизации. Так, если финансовый кризис августа 1998 г. отрицательно оценили 89 % опрошенных, то процесс приватизации отрицательно оценили 84,6 % россиян. Процесс либерализации цен и переход к рыночной экономике в 1991 – 1992 гг. отрицательно оценили 54,4 % россиян [3, с. 3]. Приведённые цифры говорят о том, что начатые в 90-е годы XX века реформы не дали положительных результатов, что, естественно, привело и к возникновению ряда проблем в развитии регионального политического маркетинга.

В 90-е годы XX века сложно решалась проблема повышения уровня и качества жизни россиян. Медленно шел процесс повышения размеров заработной платы. Не всегда на должном уровне было потребление продовольственных и промышленных товаров. Имели место трудности в обеспечении россиян благоустроенным жильём. Невысоким оставался уровень развития образования, здравоохранения, культуры.

Одна из главных проблем периода проведения реформ – это подъём уровня и качества жизни россиян. Основной показатель уровня жизни – величина заработной платы и платёжеспособность граждан. Уровень заработной платы большинства

россиян оставался невысоким. В чём причины? Можно выделить несколько причин. Это низкие темпы роста промышленного и сельскохозяйственного производства. Это значительный износ промышленного и сельскохозяйственного оборудования и другие. Кроме того, шел процесс становления и развития большинства предприятий в связи с переходом на новые рыночные отношения. Изменение форм собственности, появление нового класса собственников, наличие монополий, отсутствие конкуренции – всё это затрудняло развитие новых экономических отношений как в целом по стране, так и в регионах. В качестве примера того, как трудно шёл процесс развития новых экономических отношений, может служить Кемеровская область. В Кузбассе, как известно, развиты три основные отрасли промышленности: угольная, металлургическая и химическая. Все эти три отрасли находились в упадке до июля 1997 г., т. е. до момента, когда произошли изменения в руководстве областью. В соответствии с Указом Президента РФ Б. Н. Ельцина, вместо М. Б. Кислюка исполняющим обязанности губернатора был назначен А. Г. Тулеев. Только с октября 1997 г. в Кузбассе начались позитивные изменения как в развитии промышленности, так и в других сферах жизни региона. Почему стали возможными позитивные изменения? Прежде всего это связано с усилением контроля со стороны областной администрации за ходом проведения реформ в регионе. Кроме того, принципиально изменились подходы к управлению экономикой региона. За короткие сроки были ликвидированы сотни посреднических организаций в угольной, металлургической и химической отраслях промышленности. Изменились взаимоотношения между региональной властью и руководителями предприятий. Отношения начали строиться на основе подписанных соглашений о сотрудничестве. В этих отношениях власти и руководители прописывали права и обязанности сторон, санкции в случае нарушений основных положений соглашений.

В конечном итоге все принятые меры привели к устойчивому и динамичному развитию экономики региона. К 2010 году Кемеровская область из дотационного региона превратилась в регион-донор. Достигнутые результаты в экономике региона позволили улучшить качество жизни граждан региона. Это проявилось в том, что значительно сократилась численность безработных в регионе, граждане региона имеют возможность получения квалифицированной медицинской помощи, получения образования, повышения культурного уровня.

Особое значение в жизни каждого человека имеют условия, в которых ему приходится трудиться. От того, каковы условия труда, во многом зависит здоровье, работоспособность человека, его отношение к труду, степень удовлетворённости им. Условия труда влияют на эффективность производства в целом, на уровень жизни и развитие личности.

В научной литературе выделяется три группы факторов, влияющих на условия труда. Каковы же эти факторы?

– Социально-экономические факторы (нормативно-правовые, социально-психологические, общественно-политические);

– технико-организационные факторы (средства труда, кредиты и продукты труда, технологические процессы, организация труда, организация управления);

– естественно-природные факторы, географические, биологические, геополитические.

Все эти факторы находятся в неразрывном единстве и воздействуют на процесс труда одновременно. Элементы, составляющие основу условий труда.

Первая группа – санитарно-гигиенические элементы (микроклимат, освещённость, шум, вибрация, состояние воздействующей среды, ультразвук, разнообразные излучения, контакт с водой, токсичными веществами, общая и профессиональная заболеваемость), составляющие внешнюю среду в рабочей зоне.

Вторая группа – психо-физиологические элементы (физическая нагрузка, нервно-психическое напряжение, монотонность работы, рабочая поза), обусловленные процессом труда.

Третья группа – социально-психологические элементы (психологический микроклимат, социальные характеристики).

Четвёртая группа – эстетические элементы (художественное оформление рабочего места, интерьер, применение функциональной музыки).

Как же учитывались основные факторы, влияющие на условия труда, и что было сделано, чтобы улучшить эти условия?

В исследуемый период в Кемеровской области решались следующие задачи:

– экологическая проблема;

– сокращение доли физического труда;

– создание здорового психологического микроклимата в трудовых коллективах.

За период с 1997 г. по 2010 г. в Кузбассе получили развитие все основные отрасли промышленности, сельское хозяйство, транспорт. Кузбасс сегодня имеет наиболее развитую систему социальной защиты населения, при этом особое внимание власти региона обращают на улучшение уровня и качества жизни пенсионеров, инвалидов, студентов, работников бюджетной сферы. Достаточно сказать, что заработная плата работников бюджетной сферы выросла более, чем в полтора раза. В Кузбассе постепенно снижается смертность населения и повышается рождаемость. Достижение таких результатов стало возможным только благодаря усилиям, предпринятым властями, руководителями предприятий.

Особое значение для процесса адаптации регионального политического маркетинга имела и имеет проблема снижения уровня безработицы. Как и в целом по России, так и в большинстве регионов России, наблюдается процесс постепенного снижения числа безработных. Так, в Кемеровской области количество безработных уменьшилось, но незначительно. В целях сокращения уровня безработицы в Кузбассе обращалось внимание на строительство новых предприятий и развитие малого и среднего бизнеса.

Очень важный момент в процессе адаптации регионального политического маркетинга к условиям региона – это рациональное использование его технологий. Нужен творческий подход к использованию всего набора имеющихся технологий политического маркетинга. При этом важно учитывать уровни, особенности избирательных кампаний. На наш взгляд, для того, чтобы приспособить региональный политический маркетинг к условиям региона, необходимо выяснить, насколько возможна адаптация его системы и основных инструментов, в число которых входят региональный политический товар, цена этого товара, места распространения, особенности продвижения в конкретном регионе.

Как показывает политическая практика, приспособить и внедрить систему регионального политического маркетинга в регионах позволяет, с одной стороны, желание региональной администрации повысить эффективность политического управления, с другой стороны, готовность граждан региона поддерживать это желание.

Таким образом, можно утверждать, что процесс адаптации регионального политического маркетинга носит взаимообусловленный характер и должен развиваться как сверху, так и снизу, и в конечном итоге способствовать решению основных социально-экономических проблем в регионе. Это должно выразиться в том, чтобы граждане региона имели работу, достойную зарплату, жилье, могли получить образование и качественную медицинскую помощь, а также возможность повысить уровень общей гражданской культуры.

Литература

1. Корель, Л. В. Социальная адаптация населения Сибири к рынку: критерии и факторы / Л. В. Корель, М. А. Шабанова, О. В. Шарнина, Ю. Б. Чистякова. – Новосибирск, 1993.
2. Марченко, Г. В. Регион как объект и субъект государственной политики в России / Г. В. Марченко // Регион как субъект политики и общественных отношений. – М.: МОНФ, 2000.
3. Анатолия русской души. Десятилетие отечественных реформ в расшифровке социологов // Известия. – 2002. – 16 апреля.

УДК 331.52:316.346.32 –057. 87

**ЗАНЯТОСТЬ СТУДЕНТОВ И ЕЕ РОЛЬ
В ФОРМИРОВАНИИ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ БУДУЩИХ СПЕЦИАЛИСТОВ**
Н. К. Михайлова

**STUDENTS EMPLOYMENT AND ITS ROLE
IN THE FORMATION OF THE PROFESSIONAL COMPETENCE OF THE FUTURE SPECIALISTS**
N. K. Mikhailova

В статье анализируется занятость студентов, ее количественные и качественные параметры, влияние на формирование профессиональных компетенций будущих специалистов.

In this article the employment of the economy students is analyzed – its quantitative and quality aspects and the influence on the formation of the professional competence of the to be specialists.

Ключевые слова: занятость студентов, рынок труда, профессиональные компетенции, профессиональная адаптация, конкурентоспособность специалистов.

Keywords: students employment, labor market, professional competence, professional adaptation, competitiveness of the specialists.

Профессиональные компетенции будущих специалистов формируются прежде всего в процессе обучения, и перед системой высшего профессионального образования стоит задача – адекватно реагировать на требования, предъявляемые к качеству рабочей силы со стороны работодателя.

С учетом этих требований многие российские вузы, кроме профессиональной, осуществляют специализированную подготовку будущих выпускников и вместе с дипломом выдают сертификаты переводчиков, компьютерщиков и др. Такая система подготовки, безусловно, повышает качество и конкурентоспособность специалиста на рынке труда, его шансы на трудоустройство.

Однако, с точки зрения работодателей, главной составляющей профессиональных компетенций являются практические навыки и умения. При приеме на работу одним из главных критериев является наличие стажа работы, как правило, не менее двух лет по предлагаемой вакантной должности. Поэтому включение студентов в эффективную экономическую деятельность представляет собой серьезную проблему. Значительная часть выпускников вузов испытывают трудности при устройстве на работу, то есть диплом и теоретическая подготовка не гарантирует рабочее место и приличную зарплату. Опыт работы ценится выше «корочки». Следовательно, будущие специалисты должны быть озабочены проблемой трудоустройства, начиная с первого курса. И такая возможность им предоставляется в процессе обучения в вузе, т. к. учебным планом предусмотрено получение практических навыков в профессиональной сфере во время прохождения различных видов практик. Однако этого недостаточно, как показывает опыт, быстрой адаптации студентов на рынке труда способствуют различные формы их привлечения к практической деятельности.

Этому должна способствовать занятость студентов, которые совмещают учебу с работой в современных организациях. Она позволяет обрести опыт работы и трудовой стаж и тем самым повысить свою конкурентоспособность на рынке труда после окончания вуза.

Занятость студентов становится все более заметным явлением как на рынке труда за рубежом, так и в России. Так, в США в настоящее время доля работающих студентов в возрастной когорте от 16 до 24 лет составляет около 50 %. В странах Западной Европы ситуация схожая. Например, доля работающих студентов варьируется от 48 % во Франции до 77 % в Нидерландах. Доля российских студентов, занятых на рынке труда, ее рост в целом соответствует мировым тенденциям. По данным Мониторинга экономики образования, около 46 % студентов, обучающихся в высших учебных заведениях, имеют работу [1]. Однако, несмотря на то, что в России наблюдается непрерывный рост студенческой занятости как в режиме неполного, так и полного рабочего дня, она остается недостаточно изученным явлением, как в эмпирическом, так и теоретическом планах.

Изучение занятости студентов порождает целый ряд вопросов, требующих ответа: каковы мотивы и временные затраты занятости студентов; способ оформления трудовых отношений между работодателями и работающими студентами; сфера концентрации занятости и ее отраслевая структура; качество, предоставляемых студентам рабочих мест и другие, в частности, способствует ли занятость студентов формированию профессиональных компетенций будущих специалистов.

В поисках ответа на эти вопросы среди студентов - экономистов было проведено исследование, в котором приняли участие 132 респондента – студенты 1 – 4 курсов. В ходе исследования применялись количественные и качественные методы сбора и анализа информации. Анализ результатов включал в себя выделение количественных параметров и особенностей этого явления.

Количественные параметры предстали в следующем виде: более четверти студентов (28,8 %), обучающихся на дневном отделении экономического факультета, работают или имели опыт работы. Доля работающих студентов увеличивается от первого курса (18,2 %) к последующим (43,2 % на чет-

вертом курсе), то есть, чем выше курс, тем больше связан студент с рынком труда.

Временные затраты составили в среднем 82 часа в месяц, при этом чаще всего студенты работают 3 – 4 дня в неделю (40,9 %), реже 1 – 2 дня (17,4 %), 14 % работают эпизодически, остальные заняты на постоянной работе. Это меньше временных затрат работающих в современных организациях, но в сочетании с учебной в вузе представляют весьма существенную трудовую нагрузку. График работы студентов не связан с расписанием занятий: они работают там, где есть работа, и тогда, когда есть работа. Большая часть студентов работают по вечерам и ночам (59,8 %), тем самым сокращается время для учебной подготовки и физического восстановления. Подтвердился вывод ранее проводимых исследований: на первых курсах преобладает подрабатывание, а на старших ведущей становится постоянная работа [2, с. 400 – 403; 3, с. 34 – 38].

Остановимся на особенностях занятости студентов. Это нерегулярная занятость: в большинстве случаев респонденты работают/работали эпизодически, время от времени (65,2 %). Однако более четверти (27 %) заняты на постоянной работе. Существенной характеристикой занятости студентов является то, что это как сфера формальных трудовых отношений, так и неформальных. 35,6 % опрошенных признались, что работали на основе устных договоренностей. Чаще юридически трудовые отношения оформляются на государственных предприятиях (62,8 %), реже на частных (17,8 %).

Сфера частного предпринимательства наиболее мобильна, гибка, в ней менее регламентированы условия найма. Здесь, как показало исследование, концентрируется основная масса работающих студентов. Нелегитимный характер занятости студентов может стать источником их дискриминации на рынке труда. Студент, будучи временным работником, проявляет равнодушие к своему юридическому статусу, если его работа не связана с той специальностью, которая приобретает в вузе. Среди обладателей трудовых книжек больше тех, у кого работа совпадает с будущей профессией.

Отраслевая структура рабочих мест, занятых студентами, такова: 37,9 % опрошенных трудятся в торговле, 29,5 % – в сфере обслуживания, 9,8 % – заняты в промышленности. Значимой сферой деятельности является – сфера обслуживания (программирование, охрана, воспитательно-образовательные услуги, строительно-ремонтные и погрузочные работы). Основной сферой занятости студентов является торговля, так как в этой сфере легче найти работу. Высокий удельный вес занятых в розничной торговле объясняется потребностью в энергичных работников в качестве представителей, агентов и продавцов.

Далеко не все студенты трудятся в сферах деятельности, близких их будущей специальности. По нашим данным, более чем у половины студентов работа не соответствует учебной специализации. 65 % опрошенных заявили, что их настоящая работа не связана с будущей профессией. Поэтому вряд ли

ее можно связывать с формированием профессиональных навыков и умений.

Тем не менее существенной доле студентов (19,2 %) удается устроиться на такие рабочие места, которые соответствуют будущей специальности (чаще это маркетинг, реклама, производство, посредничество). В этом случае занятость студентов играет роль профессиональной стажировки.

Среди причин, побуждающих студентов к поиску работы, лидирует стремление к материальной независимости от родителей (42,4 %). Причины трудовой деятельности зависят от дохода семьи. Есть студенты, которые вынуждены обеспечивать себя. Вместе с тем существует немало студентов, которые хотят добиться независимости от родителей и зарабатывать деньги на карманные расходы. Жесткие финансовые ограничения, рост цен за обучение и жизненные расходы заставляют студентов искать работу. Однако нельзя с полной уверенностью сказать, что основным побудительным мотивом для выхода студентов на рынок труда является денежный фактор. Хотя склонность студентов к поиску работы обратно пропорциональна доходам их семьи, но значительная часть (17,4 %) занятых студентов из обеспеченных семей. Кроме того, другая часть студентов (6,8 %) ради работы по будущей специальности трудятся в качестве стажеров, получают небольшое вознаграждение или работают бесплатно. Большинство посетителей сайта www.examen.ru (84,9 %) положительно относятся к студенческой занятости в период обучения в вузе и аргументируют свою позицию высокой ценностью имеющегося опыта работы при трудоустройстве после окончания вуза и необходимости практики по специальности [4].

Полученные данные показали, что в поисках работы студенты прибегают к разным источникам: 1) родители, знакомые, друзья; 2) СМИ; 3) специальные государственные структуры трудоустройства.

Коммуникабельность, наличие свободного времени, поддержка близких и друзей являлись важными условиями получения рабочего места. Решая вопросы трудоустройства, 56,1 % студентов отметили, что использовали неформальные связи и контакты, а межличностные коммуникации играют главную роль в нахождении места работы. Значительная часть опрошенных (31,1 %) отметили, что нашли работу с помощью друзей. Роль родителей в трудоустройстве своих детей-студентов зависит от их социально-профессионального статуса. Родители-руководители, предприниматели чаще других помогают найти своим детям работу. Чем ниже статус родителей, тем меньше они участвуют в трудоустройстве детей. 6,8 % работающих студентов создали рабочие места для себя сами. Это студенты, обладающие особой активностью или специфическими ресурсами. Следует отметить, что в группе самозанятых больше молодых людей, у которых работа совпадает с приобретаемой специальностью. Это значит, что при создании себе рабочего места сту-

дент смог использовать профессиональные навыки, полученные в вузе.

Занятость, безусловно, меняет жизнь студента. Она имеет как отрицательные (пропуски занятий, снижение успеваемости), так и положительные последствия (приобретение навыков, коммерческих знаний, рост уверенности в себе, опыт, рост доходов). Так, 73,4 % респондентов оценивают эти изменения как позитивные. По мнению работающих студентов, им работа не мешает или почти не мешает учиться, т. е. они справляются с двойной нагрузкой. Так или иначе, половина работающих студентов удовлетворены своей работой и считают ее потребностью и возможностью самореализации. Однако неработающие студенты обладают и неоспоримым преимуществом: они лучше учатся и не пропускают занятий, а следовательно, у них выше уровень теоретической подготовки. Сокращая усилия на учебу, студент направляет ее на эксперименты в трудовой сфере с целью установления контактов, позволяющих найти работу, которая совпадает с его представлениями о призвании и адекватном вознаграждении за труд. Следовательно, нанося вред студенческой успеваемости, занятость во время учебы увеличивает доход и формирует определенные социальные навыки. Поскольку диплом не гарантирует трудоустройства вообще и по специальности в частности, студенты сокращают усилия на его получение, но при этом не отказываются от высшего образования, признавая, что его наличие оказывает положительное влияние на их будущее.

Многие студенты отчетливо осознают ту роль, которую работа по специальности может сыграть в их будущей карьере. Большинство тех, у кого работа не совпадает с выбранной специальностью, хотели бы работать по профилю учебы. Только 22,7 % остаются равнодушными к тому, что работа не соответствует будущей специальности. Занятость студентов существенна как своеобразная производственная практика. Отчетливо прослеживается стремление большинства студентов связать свою работу с будущей специальностью. Работа студентов имеет большое значение и как непосредственный жизненный опыт. Работающие студенты при будущем трудоустройстве смогут вписать в свое резюме факт работы и тем самым повысить шансы на получение желаемой вакансии.

Полученные данные позволяют сделать следующие **выводы**.

1. Студенты становятся активными субъектами современного рынка труда, предъявляя спрос на рабочие места и предлагая свой труд. Занятость студентов характеризуется нерегулярностью и краткосрочностью, основана на личных связях, что обеспечивает гибкость данного вида занятости в современной социально-экономической ситуации.

2. Занятость студентов является способом адаптации к экономическим трудностям, стратегией, позволяющей увеличить личный и семейный доход.

3. Занятость характерна для студентов, располагающих для этого временными и адаптивными ресурсами: они, как правило, общительны, легко всту-

пают в контакт, готовы приобретать новые навыки, осваивать новые для них виды деятельности.

4. Рабочие места в сфере занятости студентов характеризуются низким качеством, не требуют высокой квалификации, специальных и профессиональных знаний.

5. Работа способствует профессиональной интеграции, даже если она не совпадает со специализацией, расширяет сферы общения, позволяет накапливать социальный опыт.

6. Занятость и подработка во время учебы вырабатывает у студентов навыки и качества, крайне полезные с точки зрения будущего трудоустройства, повышающие его шанс. Ранний выход на рынок труда улучшает возможности трудоустройства после окончания вуза.

Теперь вернемся к вопросу: способствует ли занятость студентов формированию их профессиональных компетенций? Прежде чем ответить на этот вопрос, определимся с понятием «профессиональные компетенции», подходами к их описанию.

Обобщая различные подходы к пониманию профессиональных компетенций, можно выделить два основных направления толкования понятия «компетенция»:

- способность человека действовать в соответствии со стандартами. Этот подход получил название функционального подхода;

- характеристика личности, позволяющей ей добиться результатов. Данный подход получил название личностного. Каждый подход имеет свой набор индикаторов, достоинства и недостатки. На наш взгляд, выбор данных подходов зависит от контекста исследования. Более приемлемым к исследованию занятости студентов является личностный подход, т. к. функциональный подход не учитывает, за счет чего будет достигнут результат: опыта, способностей или повышенной мотивации работника, – главное, что работа будет выполнена на должном уровне.

Студенты, участвующие в качестве респондентов в данном исследовании, отмечали, что работа в современных организациях положительно повлияла на формирование таких общекультурных и профессиональных компетенций, как:

- способности к саморазвитию;
- способности критически оценивать свои достоинства и недостатки, наметить пути и выбрать средства развития достоинств и устранения недостатков;

- готовности к кооперации с коллегами, работе в коллективе;

- владения основными методами, способами и средствами получения, хранения, переработки информации, навыками работы с компьютером, способности работать с информацией в глобальных компьютерных сетях;

- способности находить организационно-управленческие решения и готовность нести за них ответственность;

– способности использовать для решения коммуникативных задач современные технические средства;

– способности критически оценить предлагаемые варианты управленческих решений и разработать и обосновать предложения по их совершенствованию с учетом рисков и возможных последствий.

Таким образом, студенческая занятость позволяет устранить дефект нашей системы образования – нацеленность на формирование теоретического базиса, а не практических навыков в профессиональной сфере. Хотя этот вид занятости не обнаруживает тесной связи с профессиональной деятельностью после окончания вуза, однако он может рассматриваться в качестве фактора, повышающего конкурентоспособность и профессиональную адаптацию будущих специалистов (бакалавров), т. к. в процессе трудовой деятельности оттачиваются деловые и личные качества будущего специалиста. Следовательно, в современных условиях необходимо:

– создавать специализированные службы трудоустройства как важнейшего условия институционализации статуса работающего студента;

– развивать систему частичной занятости, виды занятости с неполным рабочим днем, вводить и распространять принцип минимального обязательного размера почасовой оплаты труда;

– вузам адаптировать свою образовательную деятельность к росту студенческой занятости с этой целью расширить практику индивидуальных учеб-

ных графиков для работающих студентов и др., сохраняя при этом образование как основную цель.

Создание условий для занятости студентов позволит им решить сложную задачу – не растерять знаний, полученных в ходе обучения, но и освоить практические навыки.

Литература

1. Апокин, А. Анализ студенческой занятости в контексте российского рынка труда / А. Апокин, М. Юдкевич [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://institutiones.com/strategies/983-analiz--studentcheskoj-zanyatosti/>.
2. Михайлова, Н. К. Занятость студентов как явление на рынке труда / Н. К. Михайлова // Человек и общество на рубеже тысячелетий: международный сборник научных трудов / под общ. ред. проф. О. И. Кирикова. – Вып. XXXI. – Воронеж: ВГПУ, 2005.
3. Михайлова, Н. К. Конкурентоспособность молодых специалистов на рынке труда / Н. К. Михайлова // Новые технологии подготовки специалистов в современных социально-экономических условиях: материалы Всероссийской научно-практической конференции / под общ. ред. В. Н. Рыбаковой. – Т. 2. – Новокузнецк, 2005.
4. Правоторов, В. Студенческая занятость / В. Правоторов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.examen.ru/main2/news_and_articles/news/studentcheska.

УДК 338:330

СИНЕРГИЗМ И ЭМЕРДЖЕНТНОСТЬ: ГЕНЕЗИС ИХ ГАРМОНИЗАЦИИ В ЭКОНОМИКЕ И УПРАВЛЕНИИ

А. С. Муратов, И. П. Поварич

SINERGY AND EMERGENCE: THE GENESIS OF THEIR HARMONIZATION IN ECONOMICS AND MANAGEMENT

A. S. Muratov, I. P. Povarich

Раскрыта природа сходства и различий синергизма и эмерджентности в социально-экономических системах, значение и необходимость их гармонизации. Проведена аналогия эволюционного развития биологических и социально-экономических объектов.

Disclosed the nature of the similarities and differences of synergy and emergence in the sociology-economic system, the importance and necessity of their harmonization. The analogy of the evolutionary development of the biological and socio-economic objects.

Ключевые слова: синергизм, эмерджентность, закон, система, сходство, различие, гармонизация.

Keywords: synergy, the emergence of the law, the system, likeness, difference, harmonization.

В методологии со сменой общественной формации в нашей стране системный подход и порожденная им синергетическая парадигма вытеснили ранее господствовавшую материалистическую диалектику. В теории организации закон синергии признан основным и единственным в таком статусе. По приоритетности и массовости с проблематикой системности и синергичности в экономических и управ-

ленческих публикациях может конкурировать только кризисность. Казалось бы, тема синергизма в экономике и управлении раскрыта широко и полно, однако это не так, хотя бы потому, что в таком принципиальном вопросе, как различие синергизма и эмерджентности, нет единого мнения.

1. О сходстве понятий «синергизм» и «эмерджентность»

В словарях, научных статьях, учебной литературе, Интернет-ресурсе можно найти множество определений синергизма и эмерджентности, которые по-

сят авторский характер, причем довольно часто эти понятия отождествляются. Результаты обзора справочной, учебной литературы и Интернет-ресурса (табл. 1) подтверждают наши выводы.

Таблица 1

Формулировки и определения синергии и эмерджентности

Автор	Определения:	
	синергия	эмерджентность
1. Смирнов Э. А. [1]	«Для любой системы (технической, биологической или социальной) существует такой набор ресурсов, при котором ее потенциал всегда будет либо существенно больше простой суммы потенциалов, входящих в нее, входящих в нее ресурсов (технологий, персонала, компьютеров и т. д.), либо существенно меньше» (с. 103); «Объединяемые части сильно зависят друг от друга и при объединении могут существенно (положительно или отрицательно) повлиять друг на друга в рамках целого. Это называется синергетическим эффектом» (с. 150).	«При объединении целого из подготовленных в результате анализа частей целого необходимо также учитывать степень будущей зависимости частей друг от друга. Как и в случае разделения, учитываются три возможности: – объединяемые части слабо зависят друг от друга, и они не ухудшают и не улучшают функционирование объединяемых частей в рамках целого; – объединяемые части зависят друг от друга и при объединении могут несколько усилить или ослабить функционирование объединяемых частей в рамках целого. Это называется <i>эмерджентностью</i> » (с. 150).
2. Акимов Т. А. [2]	«Любая сложная динамическая система стремится получить максимальный эффект за счет своей целостности; стремится максимально использовать возможности кооперирования для достижения эффектов» (с. 179).	«На самом деле по отношению к общим системным свойствам эмерджентность и синергизм – синонимы» (с. 178)
3. Латфуллин Г. Р., Райченко А. В. [3]	«Свойства организации больше суммы качеств ее составляющих» (с. 119).	«Эмерджентность – оперативная мобилизация принципиально новых качеств» (с. 196).
4. Лафта Дж. К. [4]	«Сумма свойств организованного целого не равна арифметической сумме свойств каждого из его элементов в отдельности; или сумма свойств организационного целого превышает арифметическую сумму свойств каждого из его элементов в отдельности» (с. 171).	«Получение при объединении элементов целого работоспособного образования, потенциал которого выше суммы потенциалов объединенных элементов носит название эмерджентность. Эффект синергии – составная часть эмерджентности. Эмерджентность относится к явлениям, а синергия к процессам, происходящим в элементах организации» (с. 304).
5. Лапыгин Ю.Н. [5]	«Для любой организации существует такой набор элементов, при котором ее потенциал всегда будет либо существенно больше простой суммы потенциалов, входящих в нее элементов, либо существенно меньше» (с. 50).	«Эмерджентность – особенность систем, состоящая в том, что свойство системы не сводится к совокупности свойств частей, из которых она состоит и не выводится из них» (с. 86).
6. Яндекс	«Синергизм – 1) совместное действие органов или систем; 2) совместное действие лекарств, усиливающее эффект каждого из них».	«Эмерджентность – качество, свойство системы, которые не присущи её элементам в отдельности, а возникают благодаря объединению этих элементов в единую, целостную систему».

Таким образом, у Э. А. Смирнова, Дж. К. Лафты, Ю. Н. Лапыгина понятия «синергизм» и «эмерджентность» практически не различаются, Т. А. Акимова называет их синонимами и только Г. Р. Латфуллин и А. В. Райченко дают определение эмерджентности как оперативной мобилизации принципиально новых качеств, но и синергизм приводит к возникновению новых качеств. Яндекс принципиального различия между этими понятиями тоже не устанавливает.

Следует сделать вывод, что генезис сходства синергизма и эмерджентности заключается в несводимости свойств системы к сумме качеств её составляющих частей.

В статье «Эволюционная динамика и эмерджентность» Интернет-ресурса отмечается: «Появление эмерджентности является результатом синергизма. Эмерджентность – это новое свойство (информация), появившееся в результате объединения элементов в систему» [6]. И далее: «Она может восприниматься как «чудо», но имеет другие корни и является следствием проявления, как минимум, трех факторов:

- резкого нелинейного усиления ранее мало заметного свойства;
- следствием непредсказуемой бифуркации какой-либо подсистемы;
- следствием рекомбинации связей между элементами» [6].

В статье [7] утверждается: «На состояние и эффективность любой организации действует множество внутренних и внешних факторов. Согласно свойству эмерджентности, совместное действие нескольких факторов всегда или почти всегда отличается от разделенных эффектов. Именно это отличие, которое называют эффектом синергии, фактором взаимодействия или кооперативным эффектом, является количественным или качественным выражением эмерджентности или синергии». И далее: «В теории организации синергизму придается важное значение. Во главу закона синергии положен принцип эмерджентности сложных систем: совместное действие нескольких факторов всегда или почти всегда отличается от суммы отдельных эффектов» [7].

Содержание Интернет-ресурса по обозначенной нами проблеме окончательно убеждает, что многие исследователи не видят существенного различия между понятиями «синергизм» и «эмерджентность».

2. Природа различий синергизма и эмерджентности

Наше несогласие с общепринятым мнением основывается на двух позициях:

а) эти понятия тождественны и взаимозаменяемы в определенных условиях быть не могут, иначе одного из них просто не существовало бы;

б) не может закон синергии, даже в рыночных условиях, быть единственным основным законом функционирования и развития предприятий, фирм, корпораций и т. д., поскольку любое развитие подразумевает и определенные ограничения.

Следовательно, между синергизмом и эмерджентностью необходимо провести «разделительную полосу». Попытаемся изложить свое видение обозначенной проблемы.

Думаем, что никто не будет возражать против такого авторского утверждения: «Среда, в которой функционирует и развивается любая социально-экономическая система, является неоднородной: внутренней и внешней. По отношению к внутренней среде система (и организация) является субъектом управления, а по отношению к внешней среде – объектом управления, то есть в любой момент времени организация одновременно является субъектом и объектом управления» [10, с. 15 – 22].

Далее обратимся к определениям, данным в википедии:

«Синергетика – междисциплинарное направление научных исследований, задачей которого является изучение природных явлений и процессов на основе принципов самоорганизации систем (состоящих из подсистем)».

«Синергия – суммирующий эффект, когда целое больше простой суммы своих частей ($1+1=2 \times x$, где $x > 1$)» [8].

А выше мы ссылались на автора [7], который утверждает, что «на состояние и эффективность любой организации действует множество внутренних и внешних факторов». Определение синергии не дает ответа на вопрос: «За счет каких факторов получается синергетический эффект – внутренних и / или внешних?» А вот из определения синергетики как науки о самоорганизации систем следует, что синергетический эффект в социально-экономических системах получается преимущественно за счет внутренних факторов.

Теперь об эмерджентности. Обратимся к Новейшему словарю иностранных слов и выражений: «Эмерджентный (англ.) – возникший внезапно; эмерджентная эволюция – философская гипотеза, рассматривающая развитие как скачкообразный процесс, при котором возникновение новых, высших качеств обусловлено сверхъестественными, непознаваемыми причинами и силами» [9, с. 949].

Если несколько отстраниться от мистики и дословности перевода, то можно утверждать, что в социально-экономических системах эмерджентность – это возникновение новых высших качеств под воздействием внешних факторов.

Таким образом, на наш взгляд, правомерно считать, что ключ к уточнению понятий «синергизм» и «эмерджентность» дает определение синергетики, а природа различий – в преимущественном воздействии факторов: внутренние (эндогенные) формируют синергизм, а внешние (экзогенные) факторы – эмерджентность. При этом эмерджентность носит характер разового направляющего воздействия, то есть по природе своей она отлична от управления.

3. О гармонизации синергизма и эмерджентности

Выше мы отмечали, что любая социально-экономическая система (или организация) на микро-

экономическом уровне является одновременно и субъектом, и объектом управления. Успех ее функционирования и развития во многом зависит от гармонизации синергизма и эмерджентности.

Синергизм присущ системе или организации естественным образом и является результатом единения и целостности ее элементов, результатом самоорганизации. Именно синергизм характеризует организацию, а его проявление отличает фактическую, действительную организацию от формальной. Синергизм есть признак организации – определенного количества людей, сплоченных единой целью, общими задачами и ресурсами. В системе управления синергизм проявляется в объекте управления.

Теперь давайте вспомним о различии таких понятий, как «управление» и «менеджмент». «Управление» применимо как к живым, так и неживым объектам. Управляют велосипедами, автомобилями, коллективами людей и т. д. Менеджмент применяется только по отношению к коллективу людей.

В командной экономике широко применялся термин «управление», в рыночной экономике чаще используется «менеджмент», то есть там, где больше внешнего воздействия – «управление», больше самоорганизации – «менеджмент».

Человеком или коллективом не нужно «управлять» в классическом понимании этого слова. Его необходимо мотивировать на определенные действия и осуществлять корректирующие направляющие воздействия в случае отрицательного отклонения от заданной, запланированной «траектории движения».

Внезапность в момент направляющего воздействия, как одна из характеристик эмерджентности, может присутствовать, но скачкообразность прироста нового качества, по нашему мнению, не обязательна – это может быть и изменение направления движения или изменение цели. Важно, что это воздействие на объект управления извне (экзогенный фактор). Как правило, такое воздействие имеет приоритет перед действиями эндогенных факторов и не позволяет самоорганизации, самоуправлению коллектива эволюционировать до эгоцентризма.

Считаем необходимым пополнить систему законов организации законом эмерджентности, который сбалансировал бы закон синергии. В нашей трактовке он формулируется следующим образом: «Свойства организации могут изменяться под воздействием экзогенных факторов (внешней среды)». Здесь речь идет о степени существенности внешнего воздействия, поскольку не всякое воздействие вызывает качественные изменения в организации.

Естественно, что внешнее воздействие на организацию требует ответной реакции и она происходит – синергизм приобретает новое качество. Взаимодействуя между собой, законы организации приходят в соответствие с законом эволюционного развития Дарвина (см. рис.1), восстанавливается преемственность законов развития организаций с законами развития биологических систем, которой лишена «классическая» система законов организации [10, с. 15 – 22].

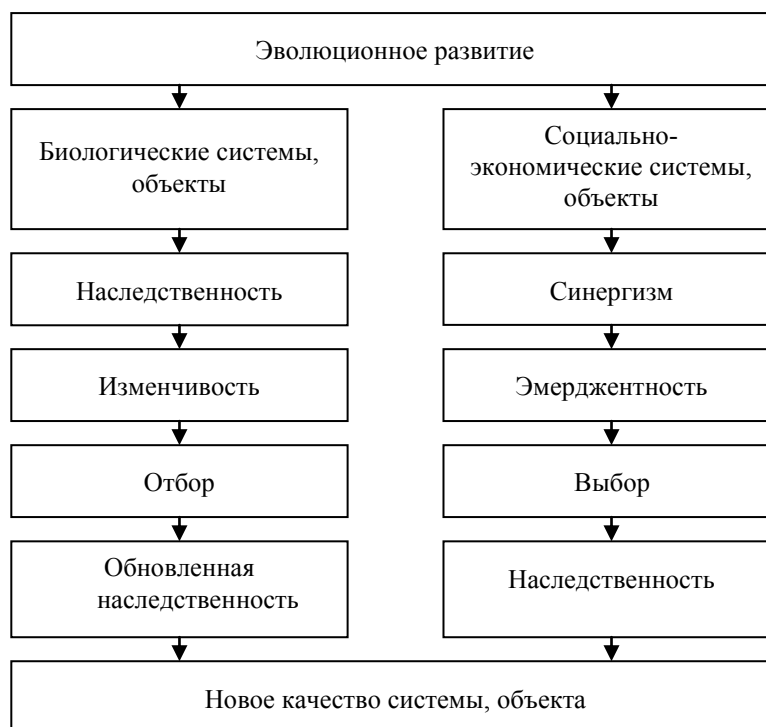

Рис. 1. Эволюционное развитие биологических и социально-экономических систем

Наследственность биологических систем и синергизм социально-экономических систем формируются за счет эндогенных факторов. Изменения, происходящие во внешней среде, оказывают влияние на исследуемую систему или объект. В биологических системах такое влияние называют «изменчивость», в социально-экономических системах предлагаем называть – «эмерджентность». В биологических системах, как правило, действует естественный отбор. В социально-экономических системах «выбор» означает обоснование и реализацию управленческого решения, направленного на ее адаптацию к изменившимся условиям, т. е. он носит искусственный характер. В результате имеем новое качество системы или объекта.

Важно подчеркнуть, что синергизм в организациях отвечает за наследуемые признаки. Оглянувшись на историю, считаем, что признание такого явления в социально-экономических системах, как наследственность, позволило бы отдельным организациям и нашему обществу в целом избежать неприятностей, которые со временем становятся очевидными.

Преобладание эндогенных или экзогенных факторов в том или ином явлении, процессе или действии имеет важное квалификационное значение и в экономике, и в управлении (табл. 2).

Таблица 2

Классификация явлений, процессов, действий по признаку преобладания эндогенных или экзогенных факторов

Преобладание эндогенности	Преобладание экзогенности
Синергизм	Эмерджентность
Менеджмент	Управление
Мотивация	Стимулирование
Свобода предпринимательства	Государственное регулирование
Капитализм	Социализм
Рыночная экономика	Командная экономика
Эгоизм	Альтруизм
Индивидуализм	Коллективизм
Субъект	Объект

В таблице 2 приведены крайние проявления эндогенности или экзогенности, которые находятся в состоянии дисгармонии друг с другом. Преобладание эндогенности характерно для субъекта управления, свободы предпринимательства, рыночной экономики. Преобладание экзогенности – для объекта управления, государственного регулирования, командной экономики.

В реальной жизни тезис «Или одно, или другое» часто уступает место тезису «И одно и другое», когда иначе просто не бывает. Наблюдается конвергенция (сближение), диффузия (взаимопроникновение) и гармонизация (согласование) процессов и явлений. «Гармоничный менеджмент, по Фибоначчи»

определил «золотое сечение» или «золотую пропорцию», когда противоположности должны находиться между собой в определенном процентном соотношении ($100\% = 68\% + 32\%$) [11]. Это означает, что при социализме централизованным регулированием достаточно было бы обеспечивать 68 % хозяйственной деятельности. И наоборот: нельзя считать покушением на свободу предпринимательства, если государственное регулирование вает 32 % экономики страны.

Процессы конвергенции и диффузии не предполагают свободу выбора. Конвергентная же экономика лаконично характеризуется формулой: «Да» – рыночной экономике, «нет» – рыночному обществу!» Налицо соединение лучшего, присущего капитализму, и лучшего, присущего социализму. Такой экономике определение «гармоничная» в большей мере отвечает действительности, чем «конвергентная».

И возвращаясь на уровень микроэкономики, считаем необходимым отметить, что «классическую» систему законов организации следует дополнить законом гармонии: «Любая организация стремится к гармонии целей, действий, процессов и устройства частей» и законам гармонизации: «Для достижения гармонии противоречивые процессы должны находиться в равновесном состоянии». [10, с. 19]. Согласование действия эндогенных факторов и воздействия экзогенных факторов необходимо для устойчивого функционирования и развития любой социально-экономической системы.

Литература

1. Смирнов, Э. А. Теория организации: уч. пос. / Э. А. Смирнов. – М.: ИНФРА-М, 2003. – 248 с.
2. Акимова, Т. А. Теория организации: уч. пос. для вузов / Т. А. Акимова. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2003. – 367 с.
3. Теория организации: учебник для вузов / Г. Р. Латфуллин, А. В. Райченко. – СПб.: Питер, 2003. – 400 с.
4. Лафта, Дж. К. Теория организации: уч. пос. / Дж. К. Лафта. – М.: Велби: Проспект, 2003. – 416 с.
5. Лапыгин, Ю. А. Теория организации: уч. пос. / Ю. А. Лапыгин. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2007. – 311 с.
6. http://holism.narod.ru/book1/2_6.html.
7. <http://www.managementbl.ru/zakonsinergii.html>.
8. <http://ru.wikipedia.org/wiki>.
9. Новейший словарь иностранных слов и выражений. – М.: Современный литератор, 2003. – 976 с.
10. Муратов, А. С. Гармонизация законов и миссии организации / А. С. Муратов // Проблемы теории и практики управления. – 2010. – № 9.
11. <http://www.books.ru/shop/books/431466>.

УДК 502(571.17)

**ОЦЕНКА НАРОДНО-ХОЗЯЙСТВЕННОГО ЭФФЕКТА
НА РЕГИОНАЛЬНОМ УРОВНЕ ОТ ИЗВЛЕЧЕНИЯ ЦЕННЫХ МЕТАЛЛОВ ИЗ ЗОЛОТВАЛОВ
ЭНЕРГЕТИЧЕСКИХ ПРЕДПРИЯТИЙ КЕМЕРОВСКОЙ ОБЛАСТИ**

В. А. Салихов

**THE ECONOMIC EFFECT EVALUATION OF NON-FERROUS AND RARE METALS
EXTRACTION FROM ASH DUMPS IN KEMEROVO REGION**

V. A. Salikhov

Дана оценка эффективности извлечения ценных цветных и редких металлов из золо-шлаковых отходов, накапливаемых на энергетических предприятиях Кемеровской области. Предлагаемые мероприятия по извлечению металлов могут дать не только экономический, но также экологический, социальный и косвенный эффекты, что позволит получить существенный народно-хозяйственный эффект на региональном уровне.

The performance evaluation of non - ferrous and rare metals reclaiming from ash-slag waste coal, accumulated by energy enterprises in Kemerovo Region is given in this article. Iron-reclaiming activities, which can give not only economical, but also ecological, social and indirect effects for the region are described here.

Ключевые слова: цветные и редкие металлы, золо-шлаковые отходы углей, экономический эффект, экологический эффект, социальный эффект, косвенный эффект.

Keywords: non-ferrous and rare metals, ash-slag waste coal, the economic effect, the ecological effect, the social effect, the indirect effect.

В настоящее время в мире и Российской Федерации наблюдается истощение основных запасов месторождений редких металлов (титана, циркония и др.). В связи с этим ощущается определенный дефицит минерального сырья для цветной металлургии и для ряда других отраслей промышленности (атомной, электронной, авиационной, космической и т. д.). Запасы большинства известных месторождений к настоящему времени уже значительно истощены или выработаны. Кроме того, снижается качество добываемых руд, ухудшаются горно-геологические условия эксплуатации месторождений. Открытие и ввод в эксплуатацию новых месторождений требует вложения значительных средств на проведение геологоразведочных работ. Вновь открываемые месторождения, как правило, расположены в отдаленных районах с неблагоприятными экономико-географическими и природно-климатическими условиями. Все это значительно повышает затраты при добыче, переработке и транспортировке минерального сырья, а также влияет на цену готовой продукции (металлов и металлоизделий). Работы по поиску, оценке, разведке и добыче руд связаны со значительными налоговыми отчислениями геологическими предприятиями, занимающимися этими работами. Разовый стартовый налог (bonus подписи) при проведении конкурса на получение лицензии на разработку месторождения взимается в размере не менее 10 % от налога на добычу полезных ископаемых из расчета среднегодовой проектной мощности предприятия [2]. В результате сумма бонуса может достигать 1 – 2 % от стоимости балансовых запасов месторождений. В этом случае, стоимость средних по запасам месторождений цветных и редких металлов может исчисляться десятками миллиардов долларов, а величина бонуса сотнями млн руб.

Сметная стоимость геологоразведочных работ (ГРП) может колебаться от десятков, сотен млн руб. до млрд руб. Величина налога на проведение ГРП

(1900 – 10500 руб. за 1 км² на стадии разведки) может достигать десятков тысяч руб. и более [2]. Помимо этого налога, недропользователь платит регулярный налог за добычу полезных ископаемых в размере 8 % от стоимости реализованной товарной продукции (цветных и редких металлов). Поскольку стоимость товарной продукции горнодобывающих предприятий достигает десятков, сотен млн руб. и более, то величина этого налога также значительна.

В целом льготное налогообложение может быть выражено следующими мероприятиями. При разработке техногенных месторождений право собственности на отходы принадлежит пользователю недр, т. е. может быть отменен бонус. Кроме того, в этом случае нет необходимости проводить масштабные геологоразведочные работы, за исключением проведения разведки на техногенных отвалах, т. е. экономия средств на смету и на налог за проведение ГРП. Налог на добычу полезного ископаемого при переработке техногенных отходов составляет 0 %, так как он уже взимается с угольной продукции (4 % от стоимости товарной продукции). Суммарные затраты только на поиски и разведку месторождения могут составить сотни млн. руб. При этом затраты по проектам по извлечению редких металлов из золо-шлаковых отходов углей оцениваются от 1,5 до 15 млн \$, и они могут окупаться выручкой от продажи этих металлов [5; 6; 7, с. 91 – 96]. Таким образом, разработка техногенных месторождений может дать существенный экономический и (с учетом сокращения величины налогов за недропользование, затрат на ГРП, а также на горно-капитальное строительство) косвенный эффект.

При эксплуатации новых месторождений необходимо учитывать и экологические платежи, но, в первую очередь, сам ущерб природной среде и здоровью человека, снижение качества и, следовательно, стоимостной оценки природных ресурсов [1, 4, 8]. Оценка величины предотвращенного ущерба от

повторного использования земель рассчитывается как:

$$Y_{\text{ПР}} = (C_z + Z_p) \times S_{\text{ОСВ}}, \quad (1)$$

где $Y_{\text{ПР}}$ – ущерб предотвращенный, руб. / год;

C_z – экономическая оценка 1 га земли в данной местности, руб. / га;

Z_p – затраты на рекультивацию 1 га земли, руб. / га;

$S_{\text{ОСВ}}$ – освобождаемая площадь нарушенных земель (отчуждаемая под новое хвостохранилище, если отходы не обрабатывать), га / год.

В целом при эксплуатации техногенных месторождений следует оценивать двойной эффект – предотвращенный ущерб на территории законсервированного нового месторождения и полученный за счет ликвидации техногенных отвалов. С учетом высокой стоимости 1 га сельскохозяйственных угод-

дий (более 1 млн руб.) экономический эффект от предотвращенного ущерба будет значительным. Кроме того, снижаются выплаты ресурсных налогов – плата за землю, воду, отчисления на воспроизводство лесов, а также снижаются штрафы за сверхнормативные выбросы и сбросы отходов.

В настоящее время отходы горно-металлургического комплекса перерабатываются в незначительных объемах, в то время как на территории Кемеровской области ими занята площадь около 100 тыс. га (из них несколько тысяч га – отходы ТЭС). Особенно много отходов образуется вблизи крупных промышленных центров, таких, как Кемерово и Новокузнецк. Так, в районе города Новокузнецка ежегодно накапливается около 8 млн т промышленных отходов, из которых используется лишь меньшая часть (таблица) [5].

Таблица

Использование промышленных отходов г. Новокузнецка (млн т)

Виды отходов	Образовалось отходов, млн тонн/год Использовано отходов, млн тонн/год Доля использованных отходов, (%)				
	2005 г.	2006 г.	2007 г.	2008 г.	2009 г.
Металлургические (электросталеплавильные, электропечные, конверторные, мартеновские, доменные) шлаки	<u>3,644</u> 3,551 (97,46)	<u>4,513</u> 4,419 (97,92)	<u>3,787</u> 3,673 (96,99)	<u>3,605</u> 3,499+0,654* (115,2)*	<u>2,825</u> 2,742 (97,63)
Золы и шлаки ТЭЦ и котельных	<u>0,580</u> 0,063 (10,9)	<u>0,567</u> 0,055 (9,7)	<u>0,542</u> 0,014 (2,5)	<u>0,539</u> 0,022 (4,10)	<u>0,544</u> 0,024 (4,41)
Отходы от углеобогащения	<u>3,824</u> 2,072 (54,18)	<u>3,354</u> 0,832 (24,81)	<u>3,329</u> 0,664 (20,00)	<u>3,458</u> 0,711 (20,56)	<u>3,411</u> 0,790 (23,16)
Отходы от обогащения руды	<u>2,014</u> 0,0 (0,0)	<u>2,130</u> 0,0 (0,0)	<u>1,971</u> 0,0 (0,0)	<u>1,865</u> 0,0 (0,0)	<u>1,796</u> 0,0 (0,0)
Окись железа, окалина	<u>0,344</u> 0,344 (100,0)	<u>0,386</u> 0,386 (100,0)	<u>0,309</u> 0,309 (100,0)	<u>0,284</u> 0,284 (100,0)	<u>0,269</u> 0,269 (100)
Черный металлолом	<u>1,073</u> 1,073 (100,0)	<u>0,938</u> 0,938 (100,0)	<u>0,840</u> 0,840 (100)	<u>0,515</u> 1,205 (234,0)*	<u>0,292</u> 1,144 (391)**
Пыли и шламы газоочистки металлургического и вспомогательных производств	<u>0,165</u> 0,066 (40,2)	<u>0,196</u> 0,083 (42,51)	<u>0,196</u> 0,143 (73,11)	<u>0,192</u> 0,097 (63,3)	<u>0,207</u> 0,101 (65,1)
Шламы аглоизвесткового производства	<u>0,247</u> 0,247 (100,0)	<u>0,393</u> 0,393 (100,0)	<u>0,368</u> 0,368 (100,0)	<u>0,392</u> 0,392 (100,0)	<u>0,340</u> 0,340 (100)
Вскрышные и вмещающие породы	<u>0,243</u> 0,150 (62,06)	<u>0,097</u> 0,085 (87,63)	<u>0,111</u> 0,053 (48,27)	<u>0,228</u> 0,018 (7,94)	<u>0,126</u> 0,0 (0,0)

* – переработано ранее накопленных отходов

** – принято дополнительно на переработку от предприятий, расположенных за пределами г. Новокузнецка.

В результате работы промышленных предприятий, а также в результате воздействия на окружающую природную среду промышленных и быто-

вых отходов в 1,5 – 2 раза и более превышены ПДК многих вредных веществ в атмосфере и в водных источниках. Сложившаяся ситуация серьезно отра-

жается на здоровье населения города. Высокими темпами растет заболеваемость детского населения (нервные болезни, новообразования, врожденные аномалии и т. д.). На протяжении нескольких лет фиксируется высокий уровень онкологических заболеваний (около 330 случаев на 100000 населения). Следует отметить, что рост онкологических заболеваний отмечен и в г. Калтане, вблизи Южно-Кузбасской ГРЭС, работающей на местных углях. Извлечение редких металлов из техногенных месторождений может в значительной мере повлиять на улучшение экологической обстановки в регионе и на оздоровление населения.

Экономическая эффективность экологических мероприятий рассчитывается следующим образом.

Общая (абсолютная) экономическая эффективность ($\mathcal{E}_\Sigma$) определяется как отношение годового экологического эффекта к производственным и капитальным затратам на осуществление мероприятия [8]:

$$\mathcal{E}_\Sigma = Y_{\text{пр}} - C / (C + K), \quad (2)$$

где $Y_{\text{пр}}$ – величина предотвращенного ущерба в течение года, руб.;

C – текущие затраты на проведение мероприятий в течение года, руб., тогда экологический эффект $\mathcal{E}_{\text{экол.}}$ = $Y_{\text{пр}} - C$;

K – годовые капитальные вложения, определившие экологический эффект, руб.

Долговременную экономическую эффективность ($\mathcal{E}_{\text{эд}}$) можно рассчитать как:

$$\mathcal{E}_{\text{эд}} = \sum Y_{\text{пр}} - C / \sum (C + q \times K), \quad (3)$$

где q – коэффициент дисконтирования.

Годовая экономическая эффективность от снижения отрицательного воздействия на окружающую природную среду рассчитывается по формуле:

$$\mathcal{E}_\Sigma = \Delta B - C / (C + K), \quad (4)$$

где ΔB – снижение показателя отрицательного воздействия на среду (например, предельно допустимой концентрации вредных веществ в атмосфере или в воде), руб.

Эта же эффективность может быть выражена следующей формулой:

$$\mathcal{E}_\Sigma = P - C / (C + K), \quad (5)$$

где P – показатель, характеризующий улучшение состояния окружающей природной среды в данной местности, руб.

Социальный эффект от разработки техногенных объектов характеризуется следующими показателями:

– эффектом от предотвращения потерь чистой продукции вследствие заболеваемости из-за загрязнения среды:

$$\mathcal{E}_{\text{ч.л.}} = B_B \times P_q \times P_2 - P_1, \quad (6)$$

где B_B – число работающих, отвлеченных от производства по болезни;

P_q – чистая продукция на один человеко-день работы, руб.;

P_1 и P_2 – трудоемкость одного работающего до и после проведения мероприятия, чел./дни,

– эффектом от сокращения выплат из фонда социального страхования в результате тех же причин:

$$\mathcal{E}_C = B_3 \times B_{\text{п}} \times P_2 - P_1, \quad (7)$$

где B_3 – число работающих, получающих пособия вследствие заболеваемости из-за загрязнения среды;

$B_{\text{п}}$ – средний размер пособия, руб.

Социальный эффект, от увеличения занятости населения, определяется по формуле [8]:

$$\mathcal{E}_{\text{зан.}} = \mathcal{C}_{\text{р.м.}} \times P_6 \times M, \quad (8)$$

где $\mathcal{C}_{\text{р.м.}}$ – количество новых рабочих мест по проекту;

P_6 – величина месячного пособия по безработице;

M – число месяцев выплаты пособия по безработице.

Определяется также демографический показатель социальной оценки освоения техногенных месторождений:

$$\mathcal{E}_{\text{дем.}} = \Delta t_{\text{ж.}} \times \nu_t \times A_{\text{пр.}} \times N, \quad (9)$$

где $\Delta t_{\text{ж.}}$ – увеличение продолжительности жизни населения, обусловленное улучшением экологической ситуации в регионе;

ν_t – коэффициент, учитывающий влияние техногенного объекта на экологическую ситуацию в регионе, доли ед.;

$A_{\text{пр.}}$ – производительный потенциал жизнедеятельности человека в рассматриваемом регионе, руб./чел. год (валовой годовой продукт региона / численность работающих в сфере производства и услуг);

N – численность населения пенсионного возраста, работающего в сфере производства и услуг.

Тогда общий социальный эффект ((8) и (9)) равен:

$$\mathcal{E}_{\text{соц.}} = \mathcal{E}_{\text{зан.}} + \mathcal{E}_{\text{дем.}}, \quad (10)$$

Косвенный эффект от разработки техногенных объектов также определяется как сумма двух эффектов. Первый – эффект от экономии на проведение поисково-оценочных и геологоразведочных работ ($\mathcal{E}_{\text{гпр}}$) и второй – от экономии на горно-капитальном строительстве ($\mathcal{E}_{\text{ст.}}$):

$$\mathcal{E}_{\text{кос.}} = \mathcal{E}_{\text{гор.}} + \mathcal{E}_{\text{ст.}}. \quad (11)$$

Народно-хозяйственный эффект на региональном уровне определяется как сумма экономического эффекта от реализации проекта по добыче ценных металлов из техногенных месторождений ($\mathcal{E}_{\text{э.л.}}$), а также экологического, социального и косвенного эффектов по формуле:

$$\mathcal{E}_{\text{нх}} = \mathcal{E}_{\text{э.л.}} + \mathcal{E}_{\text{экол.}} + \mathcal{E}_{\text{соц.}} + \mathcal{E}_{\text{кос.}}. \quad (12)$$

Таким образом, народно-хозяйственный эффект от разработки техногенных месторождений может быть существенным в денежном выражении. При этом он может иметь разнообразный характер.

В первую очередь, огромное значение имеет проблема обеспечения промышленности редкими металлами, но она осложняется из-за сложной соци-

ально-экономической ситуации в Российской Федерации. Россия по потреблению редких металлов значительно отстает от развитых стран. Например, по потреблению ванадия в 1990 г. промышленность Российской Федерации в 1,5 раза опережала США, а в 2002 г. отставала примерно в 5 раз [3, с. 32 – 37]. Главной причиной является экономический кризис начала 90-х гг. и распад СССР, приведший к разрушению производственных цепочек по выпуску редкометалльной продукции, а также оставивший ряд производств за пределами РФ. Кроме того, в настоящее время в РФ практически отсутствует собственная минерально-сырьевая база титана, циркония, ниобия, германия и ряда других ценных металлов. Все эти обстоятельства требуют решения проблемы снабжения промышленности дефицитными редкими металлами путем эксплуатации техногенных месторождений.

В Кемеровской области ежегодно накапливается около 15 млн т золо-шлаковых отходов (включая металлургические и другие предприятия). Всего к настоящему времени накоплено около 0,5 млрд т. Учитывая, что содержание многих цветных и редких металлов могут составлять десятки и сотни грамм на тонну (титана, циркония, ванадия, вольфрама, стронция и др.), эти отходы представляют собой значительный ресурс. В то же время хранение отходов обходится государству сейчас за год в 20 руб./т. Поэтому сокращение площадей и объемов хвостохранилищ само по себе дает существенный экономический эффект (например, общий объем золо-шлаковых отходов в Кемеровской области – 40 млн. т × 20 руб. = 800000 млн руб.) [5].

Предприятие, извлекающее металлы, выплачивает меньшую сумму ресурсных налогов, в областной бюджет поступает больше средств за счет налога на прибыль с этих производств, увеличивается количество рабочих мест, (в том числе за счет мультипликативного эффекта). Использование техногенных отвалов позволяет экономить значительные

средства на производство геологоразведочных и на горно-капитальное строительство, улучшать экологическую ситуацию в промышленно развитых районах, снабжать предприятия этих районов дефицитными ценными металлами.

Таким образом, извлечение ценных цветных и редких металлов из золо-шлаковых отвалов ТЭС Кемеровской области может дать значительный народно-хозяйственный эффект на региональном уровне.

Литература

1. Арустамов, Э. А. Природопользование: учебник / Э. А. Арустамов. – М.: Дашков и К⁰, 2002. – 276 с.
2. Закон Российской Федерации «О недрах». Новая редакция от 17.05.2006 г.: офиц. текст. – М.: Юрайт-Издат, 2006. – 55 с.
3. Минерально-сырьевая база редких металлов в России: состояние и пути развития / М. Ф. Комин [и др.] // Разведка и охрана недр. – 2004. – № 11.
4. Москаленко, А. П. Экономика природопользования и охраны окружающей среды: учебник / А. П. Москаленко. – М.: МарТ, 2003. – 224 с.
5. Салихов, В. А. Научные основы и совершенствование геолого-экономической оценки попутных полезных компонентов угольных месторождений (на примере Кузбасса / В. А. Салихов: монография. – Кемерово: Кузбассвуиздат, 2008. – 249 с.
6. Скурский, М. Д. Недра Земли / М. Д. Скурский: монография. – Кемерово: Кузбассвуиздат, 2006. – 880 с.
7. Туркин, В. А. Потенциальная металлоносность углей Кузбасса / В. А. Туркин // ТЭК и ресурсы Кузбасса. – 2001. – № 2.
8. Чайников, В. В. Оценка инвестиций в освоение техногенных месторождений / В. В. Чайников, Е. Л. Гольдман: монография. – М.: Недра-Бизнесцентр, 2000. – 220 с.

УДК 658.012.1

ИННОВАЦИИ КАК ФАКТОР КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ УГЛЕДОБЫВАЮЩЕГО ПРЕДПРИЯТИЯ

Л. Ю. Сапожникова

THE FACTOR OF INNOVATIONS IN THE PROCESS OF THE INCREASE OF ORGANIZATIONS' COMPETITIVENESS

L. Y. Sapozhnikova

Рассмотрена задача оптимального управления конкурентоспособностью угледобывающих предприятий. Исследована роль инноваций в повышении конкурентоспособности предприятий и предлагается система мер по поддержке инноваций в угольной промышленности России.

The task of optimal management of competitiveness of a network of organizations. The role investments and innovations in the process of the increase of competitiveness of organizations.

Ключевые слова: инновации, инвестиции, управление конкурентоспособностью.

Keywords: innovations, investments, management of competitiveness.

В Программе развития угольной промышленности до 2030 года определены основные конкурентные преимущества угольной отрасли: наличие ог-

ромных запасов угля; повышение устойчивости энергоснабжения; возможность выхода на мировой рынок; наличие существенных резервов повышения

эффективности; многообразие различных видов угольной продукции; возможности адаптации к меняющимся условиям рынка; вклад в региональную энергетическую безопасность [1].

Российские угледобывающие компании достаточно успешно осваивают позиции на российском и международном рынках, выдерживая пока конкуренцию со стороны зарубежных высокоэффективных компаний. Однако, при сравнении уровня потребления ресурсов по среднемировым ценам, себестоимость добычи 1 т угля в России увеличивается более, чем в 3 раза, и в этих условиях многие угледобывающие предприятия станут убыточными. В этой связи конкурентоспособность угольных предприятий России на мировом рынке является краткосрочной и неустойчивой.

Несмотря на техническое перевооружение, которое осуществляется на большинстве угледобывающих предприятий, уровень производительности труда персонала и оборудования остается в 3 – 5 раз ниже, чем на аналогичных предприятиях экономически развитых стран, что объясняется различиями экономических систем в главных элементах экономики – собственности, капитале, персонале, управлении.

Важнейшей основой для создания конкурентоспособного преимущества угледобывающего предприятия являются инновации и инновационная деятельность. Инновационная деятельность – это вид деятельности, связанный с трансформацией научных исследований и разработок или иных научно-технических достижений в новый или усовершенствованный технологический процесс, используемый в практической деятельности.

Инновационная деятельность угледобывающих предприятий имеет характерные отличительные особенности, в первую очередь, это достаточно жесткая зависимость от природной среды: горно-геологических условий, качественного и количественного состава запасов; постоянное изменение выработанного пространства, которое является рабочей зоной; высокую опасность аварий и травм.

Инновационной деятельности угледобывающих предприятий противостоят объективные и субъективные проблемы системного характера. Из них можно выделить три основные проблемы, которые в наибольшей мере сдерживают инновационное развитие угледобывающих предприятий: слабая конкурентоспособность по количеству и качеству труда, низкая социально-экономическая инвестиционная привлекательность, неэффективная инновационная структура.

Непрерывно меняющиеся горно-геологические условия, особо опасные и малокомфортные условия работы горняков, быстрый износ технологического оборудования, повышенные требования к психологической, физической, профессиональной готовности работников, достаточно высокая социальная активность персонала, относительное снижение престижности горняцкого труда – все это определяет особенности освоения угледобывающим предприятием инновационной деятельности.

На инновационную деятельность угледобывающих предприятий оказывают влияние внешние и внутренние факторы. При оценке внешних факторов необходимо отметить, в первую очередь, востребованность продукции внутренним рынком и налогообложение. Устойчивое, долгосрочное снижение объема внутреннего спроса на угольную продукцию в настоящее время приобрело системный характер. С максимального уровня 1988 года потребление угля сократилось на электростанциях и металлургии в 1,5 раза, в агропромышленном комплексе и ЖКХ, включая население, – в 1,4 раза. Практически прекратилось использование угля в цементной промышленности. Основная причина падения спроса на внутреннем рынке – межтопливная конкуренция с газом, цены на который регулируются. Известно, что конкурентоспособность угля обеспечивается при соотношении цен уголь-газ на уровне не менее, чем 1:3. В этой связи одним из основных резервов для увеличения разрыва в ценах между углем и природным газом является разработка и реализация угледобывающими предприятиями комплекса мер, обеспечивающих возможность последовательного снижения производственных затрат на добычу. Для иностранных инвесторов инвестиционная привлекательность угольной отрасли связана с наблюдающимся в последние два года ростом цен на уголь на мировых рынках.

Несмотря на декларируемые цели по увеличению доли угля в топливном балансе страны, реально этого не происходит в результате приоритетного развития атомной энергии и гидрогенерации, кроме того, сдерживание роста цен на газ делает для инвесторов угледобывающие предприятия пока менее привлекательными. Прогноз поэтапного развития ТЭКа, представленный в Энергетической стратегии России на период до 2030 г., предусматривает увеличение добычи угля до 430 – 470 млн т, или в 1,5 раза (увеличение добычи природного газа при этом предусматривается в 1,57 раза). В ближайшие годы ценовое соотношение между углем и газом должно измениться в пользу угля и достичь к 2020 г. двукратного превышения. Правительство с 2014 года планирует определять внутренние цены на газ, исходя из формулы «равнодоходности» с экспортными поставками, что сделает уголь более привлекательным для потребителей.

В долгосрочной инновационной политике угольной промышленности можно выделить следующие альтернативные стратегии развития.

1. Стратегия простого поддержания и максимального использования ранее созданного потенциала отрасли. Эта стратегия развития имеет право на существование при отсутствии рынков сбыта угля, однако она не обеспечивает эффективного долгосрочного развития отрасли, так как горно-геологические и производственные условия работы действующих шахт с течением времени ухудшаются, технологические схемы и основные фонды устаревают и требуют постоянного их обновления.

2. Стратегия широкомасштабной реконструкции и модернизации действующего шахтного фонда

и выведения всех предприятий на современный мировой научно-технический уровень. Эта стратегия выступала целевой установкой начатого в девяностых годах процесса реструктуризации отрасли, однако вследствие общего кризисного развития экономики страны не получила своей реализации.

3. Стратегия совершенствования технологий переработки и обогащения и использования углей позволяет повысить роль угля в топливно-энергетическом комплексе и является перспективной, однако необходимых усилий со стороны потребителей угля в её реализации пока не наблюдается.

4. Стратегия реструктуризации шахтного фонда, которая проводилась в последние два десятилетия в угольной отрасли, и, как показала практика, в общем привела к желаемым результатам. Справедливая идея перераспределения объемов добычи угля на перспективные предприятия с лучшими горно-геологическими условиями получила практическое воплощение. Произошла компенсация выбывающих мощностей и техническое их перевооружение, что привело к устойчивому росту добычи угля и обновлению основных фондов.

За последние десять лет объем добычи российского угля вырос примерно на четверть и достиг в 2010 году 321 млн т, практически в четыре раза (в текущих ценах) вырос объем инвестиций в основной капитал угольных предприятий. В развитие отрасли в 2010 году было вложено порядка 60 млрд руб., которые были направлены в основном на техническое перевооружение [2, с. 12 – 15]. Основным источником финансирования инвестиций все эти годы являлись собственные средства предприятий, главным образом, амортизация (доля амортизации составила около 70 % от объема собственных средств). Мотивацией к активизации инвестиционной деятельности продолжал оставаться экспорт угля, рентабельность экспортных поставок в 3 – 4 и более раз выше, по сравнению с внутренним рынком. Объемы экспорта угля в 2010 году возросли, по сравнению с 1998 годом, в 2,3 раза. В связи с кризисом годовые темпы прироста экспорта снизились с 11,3 % в 2007 году до 3,1 % в 2008 году, но уже в 2009 году прирост составил 5,9 %, а в 2010 году уже 7,7 %. Доходы от экспорта угля позволяют угольным компаниям оставаться не только высокорентабельными, но и конкурентоспособными на мировых угольных рынках, а также наращивать мощности по добыче угля, в том числе дефицитных марок, инвестировать за счет собственных средств основное производство, осуществлять технологическое перевооружение предприятий, внедряя новейшие высокопроизводительные технику и технологию.

Дальнейшее повышение эффективности производства за счёт роста объемов производственных фондов и инвестиций уже неэффективно, поэтому, для того, чтобы быть конкурентоспособными на мировом рынке, угледобывающим предприятиям необходимо реализовывать такие инновационные проекты, которые могут привести к резкому повышению производительности труда, не менее чем в 3 – 5 раз за счет создания и применения новых технологий в процессах добычи и переработки угля.

За последние двадцать лет объем внутреннего потребления угля снизился на 47 % (табл. 1), в том числе и в частном секторе в связи с проводимой программой газификации, в то же время объем экспорта вырос почти в три раза по сравнению с показателями середины 90-х годов. Эта же тенденция сохраняется и в настоящее время: экспорт угля растет, Россия вышла на третье место в мире после Австралии и Индонезии. Понятно, что экспорт обеспечивает приток валютных инвестиций для обновления и модернизации шахтного фонда, а также оснащения его высокопроизводительной техникой ведущих зарубежных фирм. В 2000 – 2008 гг. экспорт развивался не только за счет роста добычи угля, но и за счет отвлечения объемов с внутреннего рынка. Однако известно, что транспортные расходы составляют до двух третей стоимости угля до конечного потребителя, поэтому, в силу удаленности основных угледобывающих предприятий от морских портов они существенно проигрывают конкурентам в части логистических издержек [3, с. 4 – 12]. Кроме того, на экспорт угледобывающие предприятия поставляют уголь, который можно было бы перерабатывать на месте, что привело бы к увеличению эффективности бизнеса. Наращивание экспортных грузопотоков привело к увеличению в 1,5 раза средней дальности перевозок угольной продукции, сегодня она превышает 2100 км, что также привело к росту стоимости перевозок. Потребители же на внутреннем рынке (прежде всего электростанции и котельные) экономически не готовы использовать обогащенный энергетический уголь. В итоге, при существующих темпах падения спроса на уголь в стране емкость внутреннего рынка может сократиться более чем в два раза – до 70 – 80 млн т.

Ориентир только на внешний рынок в ущерб развитию внутреннего потребления угля чреват необратимыми последствиями, в первую очередь, сохранением технологической отсталости в потреблении угольного топлива на внутреннем рынке. В условиях ограниченности потенциала внутреннего рынка, экспорт угля ограничен пропускной способностью перспективных направлений поставок (КНР, Южная Корея).

Таблица 1

Емкость рынка российского угля за 1988 – 2010 гг., млн. т.

Направление	1988	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010
Россия	348	200	189	198	199	191	201	177	184
Экспорт	49	60	76	83	88	98	101	107	115

Примечание: Источник: ЗАО «Росинформуголь».

Развитие инновационных направлений по глубокой переработке угля может стать одним из основных факторов для дальнейшего увеличения конкурентоспособных преимуществ как на внешнем, так и на внутреннем рынках угля. С учетом географического положения, возможного роста энергопотребления и роста экологических проблем возрастает необходимость в комплексном использовании угля при его глубокой переработке по безотходным технологиям. Желательными условиями строительства угледобывающих, углеперерабатывающих и энергетических комплексов могут являться:

1. Производство электроэнергии вблизи сырьевых ресурсов и транспортировки электроэнергии по линиям электропередач к рынкам потребления.

2. Предприятия глубокой переработки угля:

- энерготехнологические комплексы с возможными продуктами производства – как полукокс и технологическое топливо для цементных производств, углеродные восстановители и сорбенты, горючий газ для получения энергии;

- углехимические комбинаты с возможными продуктами производства: метанол, бензин, пек; диметиловый эфир; синтетическое жидкое моторное топливо.

3. Завод по производству строительных материалов на базе использования золошлаковых отходов ТЭС:

- использование отходов газификации угля и ТЭЦ;

- возможные продукты производства – как кирпич, сухие строительные смеси, шлакоблоки.

Конкретным примером создания инновационной технологии в угольной отрасли с использованием российских интеллектуальных ресурсов на российской производственной базе является формирование энерго-угольного кластера в Кузбассе на базе Караканского угольного месторождения разреза «Караканский-Западный» по заказу ЗАО «Шахта «Беловская». Координацию и организационное сопровождение разработки осуществляет ОАО АФК «Система», необходимую технологию разрабатывает Российский федеральный ядерный центр г. Сарова. На базе разреза к 2015 году должен появиться инновационный угольно-технологический комплекс для глубокой переработки энергетических углей прямо на месте. Комплекс полностью должен обеспечивать себя электроэнергией, а также производить современный энергоноситель – термококс (полукокс), который также будет потребляться металлургическими производствами региона. Пока это первый проект инновационной технологии в угольной отрасли.

В области геологоразведки новые научно-технические решения предусматривают разработку методов, повышающих точность определения параметров залегания угольных пластов. Среди них можно выделить решения, которые поэтапно до 2030 г. должны «выйти» на стадию эксплуатации. К ним можно отнести: разработку лазерных аналитических технологий и использование улучшенного

моделирования для повышения точности датчиков; разработку переносных ручных приборов на основе лазерных технологий для химического экспресс-анализа на месте; разработку скважинных радаров для измерения параметров во время бурения; развитие геофизического моделирования для улучшения программного моделирования и планирования добычи; развитие методов обнаружения, визуализации, интерполяции, моделирования и прогноза геологических аномалий приборами, размещающимися перед рабочим органом горного оборудования и др.

Совершенствование процессов добычи угля будет осуществляться путем реализации инновационных технологий, освоение которых намечается до 2015 – 2020 гг. Это в основном циклично-поточные, поточные технологии, роботизированные технологии, гидротехнологии добычи и транспортирования угля, а также селективные технологии. Дополнительно к ним до 2025 г. должны быть освоены скважинные технологии извлечения угля, включая его газификацию и гидролизацию.

Некоторые передовые технологии в области добычи угля уже начали реализовываться в отдельных российских компаниях по добыче угля. В частности, новая технология отработки так называемых нераспачкованных пластов с глубиной залегания более 300 м (применена на разрезе «Восточный» в Кузбассе в августе 2010 г. ХК «СДС-Уголь») используется при строительстве новых разрезов. Эта технология отработки – более бережная к природе за счет полной отработки пластов и внутреннего отвалообразования, позволяющего сохранить сельскохозяйственные земли.

В области переработки угля большие перспективы имеют технологии, предусматривающие глубокую переработку угля и получение широкого ряда продуктов. В этой связи в период до 2030 г. намечено реализовать два проекта: получение из бурого угля дизельного топлива (проект только начинает реализовываться) и «газ-метан» – опытная добыча угольного метана, содержащегося в угольных пластах. С целью разработки промышленных технологий получения из угля синтез-газа и синтетического жидкого топлива уже начато строительство первого в России завода (в МПО «Кузбасс») по производству синтетического моторного топлива из углей Серафимовского месторождения в Кемеровской области. Путём глубокой переработки угля будет получаться так называемый синтез-газ, часть которого будет направлена на производство метанола, используемого как добавка к бензину для повышения его качества и как сырьё для химической промышленности.

При строительстве обогатительных фабрик с использованием уникальных технологий, позволяющих обогащать сразу несколько марок угля до необходимого качества, совмещая при этом экологически чистые производства с замкнутым циклом водопотребления (начато на разрезе «Бунгурский-Северный» (Новокузнецк) в 2008 г.), реализована уникальная технология сухого обогащения угля,

обеспечивающая самую высокую в мире эффективность работ. Установка позволяет значительно повысить качество обогащения исходного продукта и снизить затраты на технологическое оборудование и капитальные сооружения. Чтобы не поднимать наверх смесь углей и вмещающих пород, оборудование может устанавливаться в разрезе или непосредственно в шахте. При этом себестоимость обогащения угля снижается в 5 – 7 раз.

Переход на полную переработку добываемого угля позволит, кроме повышения качества обогащения, перерабатывать уголь методом пиролиза (термического разложения), производя полукокс и топливный газ. Полукокс пойдет в чёрную металлургию и частично – для производства сорбента (активированного угля) в коммунальное хозяйство.

Развитие глубокой переработки угля и производство новых продуктов обусловлено тем, что рынок заставляет постоянно улучшать качество выпускаемых продуктов. Получение продуктов глубокой переработки угля в существенной мере расширит возможности использования угля в энергетике, коммунально-бытовой сфере и на транспорте. Кроме того, в период до 2030 г. «выйдут» на практическое применение технологии получения водорода из угля.

Кроме вышеприведенного, инновационные решения в области переработки угля будут охватывать разработку комплекса технологий, включающего производство реагентов для очистки питьевой воды и промышленных стоков; получение высокомолекулярных углеродных волокон на основе каменноугольного пека; производство полидисперсных гидрофобных гранулированных сорбентов медицинского и экологического направления; производство цемента и строительных материалов из золошлаковых отходов; производство высококачественного энергетического топлива из угольных отходов и энергетического растительного и органического сырья; получение кокса за счет спекания угля с нефтяными добавками и другое.

В области повышения безопасности ведения горных работ на шахтах, наряду с традиционными методами, найдут применение инновационные решения, позволяющие реализовать технологии заблаговременной и предварительной дегазации уголь-

ных пластов (включая методы повышения их газоотдачи), в том числе за счёт биохимического воздействия на угольный пласт.

Реализация вышеприведенных инновационных проектов в большинстве компаний по добыче и переработке угля в России позволит повысить не менее чем в 2 – 3 раза производительность труда и предполагает значительное снижение (на 40 – 60 %) уровня производственного травматизма.

Новые технологии базируются на проведенных научно-исследовательских и опытно-конструкторских работах (НИОКР). По объему финансирования НИОКР (в текущих ценах ППС) можно выделить пять ведущих стран мира – США, Япония, Китай, Германия, Франция. Россия по этому показателю существенно отстает от стран ведущей пятерки: он составляет всего 6 % от уровня затрат США и 23 % – от уровня Китая.

Интенсивное развитие инновационного потенциала характеризуется удельными показателями. В качестве такого показателя можно использовать объём финансирования НИОКР, приходящийся на одного исследователя. Технологически передовые страны мира (США, Германия, Япония, Южная Корея) имеют очень высокие значения этого удельного показателя. Значение этого показателя у России (40 тыс. долл. США) вчетверо меньше, чем в среднем по миру и почти в 6 раз меньше, чем у США.

Наряду с высокой дифференциацией затрат, приходящихся на одного исследователя, данные свидетельствуют о существенной дифференциации стран мира по источникам финансирования НИОКР. При этом прослеживается связь между величиной затрат на одного исследователя и объёмом источников финансирования НИОКР: более высокие затраты определяют большие размеры финансирования НИОКР за счёт такого источника как «Бизнес».

Анализ данных (табл. 2) показывает, что российский бизнес фактически не участвует в финансировании НИОКР. В то же время вложения китайского бизнеса в НИОКР почти в 4 раза превышают уровень вложений российского бизнеса. Этим, в известной степени, объясняется высокая интенсивность патентных заявок в китайской экономике.

Таблица 2

Затраты на НИОКР в странах мира в 2007 году

Страны	Финансирование по источникам, %			Затраты на одного исследователя, тыс. долл. США
	«бизнес»	«государство»	прочие	
США	64,9	29,3	5,8	247,6
Западная Европа	53,6	35,3	11,1	184,7
Япония	77,1	16,2	6,7	195,6
Южная Корея	75,4	23,1	1,5	179,5
Китай	69,1	24,7	6,2	70,9
Россия	28,8	61,0	10,2	43,5
Всего в мире	52,3	38,3	9,4	154,6

В чем же проблема реализации инноваций и инновационной деятельности на угледобывающих предприятиях? Основной проблемой реализации инноваций и инновационной деятельности является, по нашему мнению, отсутствие сформированной партнерской площадки между научными разработками и субъектами бизнеса и отсутствие четких экономических стимулов, которые принуждали бы угледобывающие предприятия и компании более широко применять новые технологии углепереработки, а генерирующие компании – использовать уголь в электроэнергетике. У российского же бизнеса отсутствует главное – мотивация к спросу на инновации. Что же необходимо сделать, чтобы мотивация возникла и укоренилась? Для возникновения и дальнейшего укрепления мотивации угольного бизнеса к спросу на инновации необходимо в рамках государственно-частного партнерства реализовать следующие условия:

- организовать финансирование инноваций только через реальный сектор экономики;
- каждый выделенный государством рубль должен быть «привязан» к инновациям;
- необходимо любой ценой, в том числе экономического понуждения, создать спрос у бизнеса на инновации.

Исходя из существующих проблем, необходимо разработать целостную систему мер по поддержке инноваций в угольной отрасли, в которую могут входить следующие направления:

1. Ежегодно формировать и дополнять перечень устаревших технологий и оборудования. Ввести контроль со стороны государства не только за применением нового высокотехнологичного оборудования и машин, но и за выводом устаревших технологий из производственного процесса.
2. На уровне государства сформировать ежегодно обновляемый список инновационных технологий, оборудования и патентов на технологии, которые будут поддерживаться государством и предоставлять угольным предприятиям государственные гарантии, налоговые льготы для финансирования инвестиционных проектов только из поддерживаемого списка.
3. Законодательно закрепить право собственников – разработчиков НИОКР на результаты их интеллектуального труда в случае финансирования НИОКР из средств федерального бюджета.
4. Установить для применения инновационных машин и оборудования (с учетом их высокой стоимости) апробированные мировой практикой

льготы, которыми могут быть увеличение нормы амортизации на высокотехнологичное оборудование в 2 – 3 раза, установление платы за использование оборудования и пр.

5. Увеличение до 40 – 50 % доли списания на себестоимость инвестиционных затрат при поставке основных средств на амортизационный учет.

6. Организация отраслевого инновационно-лизингового фонда (компаний), фактически работающих в режиме венчурных фондов и осуществляющих предоставление новых технологий и оборудования для угольных предприятий.

7. В сфере создания инфраструктуры рынка инноваций создать единую информационную систему, в которую может обратиться разработчик для предложения (от стадии идеи до конкретной технологии) ее бизнесу.

8. Разработать комплекс мер по развитию отечественного угольного машиностроения, включая стимулирование российских производителей к созданию совместных предприятий с мировыми лидерами – производителями горного оборудования.

Развитие инновационных направлений по глубокой переработке угля может стать одним из основных факторов для дальнейшего увеличения конкурентоспособных преимуществ как на внешнем, так и на внутреннем рынках угля. Получение из собственного сырья и собственными силами готового, востребованного продукта позволит предприятиям угольной отрасли выйти на новый уровень экономического развития. Внедрение в практику системы мер по поддержке инноваций в угольной промышленности и основных направлений инновационной деятельности позволит создать условия для значительного роста объемов добычи и повышения конкурентоспособности угледобывающих предприятий.

Литература

1. Энергетическая стратегия России на период до 2030 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.minenergo.gov.ru/activity/energostrategia/Energostategiya>.
2. Краснянский, Г. Л. Уголь особого назначения [Текст] / Г. Л. Краснянский // Глюкауф. – 2011. – № 3.
3. Плаkitкина, Л. С. Интенсификация инновационного процесса в угольной промышленности России [Текст] / Л. С. Плаkitкина // Горная промышленность. – 2011. – № 3.

УДК 332.122

**ВЛИЯНИЕ ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
НА НЕРАВНОМЕРНОСТЬ ВНУТРИРЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ****(на примере Кемеровской области)*****М. В. Соколовский, И. Г. Грентикова*****THE EFFECT OF EXTERNAL ECONOMIC ACTIVITIES
OVER ON THE UNEVENNESS OF ECONOMIC DEVELOPMENT (for example Kemerovo region)*****M. V. Sokolovskiy, I. G. Grentikova***

Уровень социально-экономического развития существенно различается не только в разных регионах России, но и среди территорий внутри региона. Для регионов внешнеэкономические связи стали важным условием устойчивого социально-экономического развития. Однако характер формирования внешнеэкономических связей регионов приводит к межрегиональной конкуренции, что отражается и на неравномерности развития территорий внутри региона. В статье раскрыт методический подход к оценке уровня дифференциации социально-экономического развития территориальных образований, даны предложения по преодолению неравномерности их развития, а также проводится анализ влияния внешнеэкономической деятельности на неравномерность и несбалансированность внутрирегионального развития (на примере Кемеровской области).

The level of socio-economic development varies considerably not only in different regions of Russia, but among the areas within the region. External economic relations have become an important condition for unfluctuating socio-economic development of regions. But the nature of the formation of external economic relations of regions leads to inter-regional competition, which is represents in the uneven development of the areas within the region. The article analyzed the impact of external economic activities for the unevenness and imbalance in intra-regional development (in Kemerovo region as example).

Ключевые слова: внешнеэкономическая деятельность, неравномерность экономического развития.

Keywords: external economic activities, the unevenness of economic development.

Переход к устойчивому развитию региона возможен только в том случае, если будет обеспечено устойчивое развитие его территориальных образований. В настоящее время обеспечение равномерного и устойчивого развития Кемеровской области осложняется высокой степенью неоднородности и несбалансированности ее экономического пространства, что неизбежно приводит к неравномерности внутрирегионального развития. Неравномерность внутрирегионального развития и неоднородность экономического пространства Кемеровской области отмечается практически по всем параметрам социального и экономического развития, в целом это выражается в социальной и экономической дифференциации между муниципальными образованиями в широких пределах.

Поэтому в настоящее время особую актуальность и значимость приобретает решение проблем сокращения существенных внутрирегиональных контрастов, разрывов и отклонений в социально-экономическом развитии, прежде всего на базе формирования эффективной пространственной структуры экономики региона. Крайне актуально и важно определить, а также оценить эффективность применения и научно обосновать принципы и основные подходы к выравниванию различий в ключевых параметрах социально-экономического развития Кемеровской области в территориальном разрезе.

Процесс неравномерности развития муниципальных образований региона обуславливает взаимосвязь и взаимозависимость внутрирегионального расслоения и характера экономического развития. С одной стороны, на процесс внутрирегиональной по-

ляризации и углубление различий наибольшее влияние оказывает характер и темпы экономического развития каждого муниципального образования в отдельности и социально-экономической системы региона в целом. С другой стороны, показатели развития находятся в прямой зависимости от степени объективно сложившейся социально-экономической дифференциации. При этом также нельзя не учитывать тот факт, что развитие взаимозависимости в современном мире ведет к возрастанию значения воздействия внешнего фактора на национальную экономику, что, в свою очередь, непосредственно отражается на экономике субъектов Российской Федерации. Для субъектов Российской Федерации внешнеэкономические связи стали важным, доминирующим условием устойчивого социально-экономического развития, однако эксперты обращают внимание на то, что характер формирования внешнеэкономических связей субъектов Российской Федерации приводит к межрегиональной конкуренции [1, с. 125]. На наш взгляд, это непосредственно отражается и на неравномерности развития муниципальных образований региона.

Исследование процесса неравномерности внутрирегионального развития позволяет выявить причины возникновения и нарастания социально-экономической дифференциации. Существование социально-экономических диспропорций в пространственном аспекте и, как следствие этого, проявление асимметричного типа развития во многом порождается объективными причинами, главными из которых являются особенности и результаты процесса формирования пространственной структу-

ры хозяйства региона. Поэтому значительную роль в процессах углубления внутрирегиональной дифференциации играют: накопленный инфраструктурный и производственный потенциал, воспроизводственные циклы, степень диверсификации и структурные изменения экономики муниципальных образований.

Несмотря на значительное число научных публикаций, связанных с исследованием проблем формирования социально-экономической системы в пространственном аспекте, по-прежнему остаются актуальными вопросы регулирования социально-экономического развития на региональном и муниципальном уровнях, проблемы функционирования и развития региональной экономики как системы взаимодействующих территориальных систем. Недостаточно еще работ по исследованию процессов усиления региональной социально-экономической дифференциации и оценки степени воздействия региональной выравнивающей политики на стабилизацию социальной и экономической ситуации в регионе.

Методические положения оценки внутриобластной дифференциации по уровню социально-экономического развития территориальных образований региона заключаются в следующем:

1. Определяются направления функционирования территорий, каждое из которых включает набор показателей, характеризующих уровень развития территории по данному направлению функционирования. Определены следующие направления функционирования: динамичность развития экономики (индекс физического объема промышленного производства, инвестиций, строительных работ; оборот розничной торговли; платных услуг населению и др.); промышленный потенциал (индекс промышленного производства; объем промышленной продукции); эффективность сельскохозяйственного производства (индекс физического объема сельхозпродукции; посевная площадь зерновых культур; производство мяса и молока; поголовье скота и др.); уровень инвестиционной активности и объемы строительства (индекс физического объема инвестиций и строительных работ; инвестиции в основной капитал на душу населения; ввод в действие жилых домов и др.); финансовая устойчивость экономики (прибыль в расчете на одного работающего; удельный вес убыточных организаций; просроченная дебиторская и кредиторская задолженность; уровень рентабельности (убыточности) активов); уровень доходов населения (среднемесячная заработная плата; задолженность по зарплате; среднедушевые доходы и др.); занятость населения и уровень преступности (уровень безработицы, в т. ч. скрытой; количество безработных на одну вакансию; число зарегистрированных преступлений и др.).

2. На базе статистических данных определяются значения показателей для каждой территории (по каждому направлению). Определяется рейтинговая оценка территории по каждому показателю в порядке убывания значений показателей.

3. Если в результате определения рейтинговых оценок ни одна из территорий не занимает первых мест по всем рассматриваемым показателям в пределах направления, то вводится условная территория как база для сравнения. Условная территория представляет собой эталон с наивысшими значениями показателей (первые места в рейтинге по всем показателям в пределах направления).

4. Рассчитываются евклидовы расстояния, показывающие степень близости (дальности) объекта до эталона. Евклидовы расстояния определяются для каждой территории на основании приведения значений показателей в стандартизированный вид (отдельно по направлениям функционирования). Территория с наименьшим значением евклидова расстояния отражает максимальное приближение к условной эталонной территории и занимает первое место в рейтинге территорий по направлению функционирования в целом.

5. Итоговая интегральная оценка уровня социально-экономического развития территориальных образований в целом рассчитывается на основе определения евклидовых расстояний по всем показателям, вне зависимости от направления функционирования (из итогового расчета исключаются дублирующие показатели).

Данная методика применима при сравнительном анализе социального и экономического положения отдельных городов и районов, который с достаточной точностью позволяет выявить и оценить степень неравномерности территориального развития и соответственно глубину внутрирегиональной дифференциации. Необходимо отметить, что, в связи с наличием существенных различий в структуре экономики городов и районов Кемеровской области при составлении рейтинга и определении интегральной оценки уровня социально-экономического развития, каждой территории целесообразно сравнивать между собой показатели в пределах совокупности городов и районов отдельно.

Методологическая позиция реализации процесса преодоления неравномерности внутрирегионального развития заключается в том, что, прежде чем рассматривать вопросы роли и влияния различных факторов на процессы территориального развития, необходимо выполнение важного условия или, скорее, даже требования – это создание информационной базы показателей, характеризующих не только достигнутый уровень территориального развития, но и потенциально возможный, то есть необходим анализ величины и структуры совокупного социально-экономического потенциала региона, который включает в себя последовательную реализацию трех направлений такого анализа: оценку возможности укрепления, воспроизводства и дальнейшего наращивания совокупного социально-экономического потенциала.

Анализ совокупного социально-экономического потенциала позволяет определить допустимые производственные, социальные и экологические нагрузки на территориальные системы. Это достигается на основе развития или стимулирования развития

и сбалансированности групп элементов функционального назначения совокупного потенциала, обеспечивающих: функционирование экономики региона; расширенное региональное воспроизводство; решение социальных и экологических проблем.

Каждая группа соответственно включает определенную совокупность структурных составляющих, которые представляют собой своего рода частные потенциалы территории (природно-ресурсный, производственный, трудовой, финансовый, инвестиционный, институциональный, научно-технический, инновационный, инфраструктурный и потребительский). При этом необходима комплексная оценка степени развитости и вовлечения указанных элементов совокупного социально-экономического потенциала территории в процессы общественного производства и социального развития.

Моделирование оптимального для каждой конкретной территории сочетания как структурных составляющих, так и групп элементов функционального назначения, а затем сравнение разработанной модели с реальным положением дел позволяет определить как слабые места, так и резервы для дальнейшего развития. Это и будет являться основой для разработки приоритетных направлений внутренней региональной политики, в рамках которой возможна реализация конкретных комплексных мероприятий. Данная последовательность действий позволит выйти на оптимально возможный уровень развития муниципальных образований.

Объективно оценивая уровень социально-экономического развития Кемеровской области, необходимо отметить, что это типично индустриальный регион, имеющий, по сути, моноотраслевой характер экономики и производственную структуру с ярко выраженной ресурсно-сырьевой направленностью. К числу важнейших региональных особенностей Кемеровской области относятся следующие.

1. Экономика региона, с базовым сектором в виде добычи сырья и его первичной переработкой, характеризуется высокой степенью зависимости от цикличности рыночной конъюнктуры на глобальных товарных рынках, что подтверждается следующими данными: удельный вес области в российском производстве угля, который в течение длительного периода не изменяется и имеет постоянное среднее значение, в 2005 г. составлял 55,1 %, в 2006 г. – 56,6 %, в 2007 г. – 57,3 %, в 2010 г. – 56,2 %; удельный вес области в производстве проката черных металлов, готового, включая заготовку на экспорт в 2005 г. – 12,4 %, в 2006 г. – 14,0 %, в 2007 г. – 11,8 %, в 2010 г. – 12,3 % [2, с. 184; 3, с. 17].

2. В экономике области четко выделяется корпоративный сектор, в структуры которого уже пришли крупные интегрированные бизнес-группы (Евразхолдинг, СУЭК, УГМК, Северсталь, Стальная группа «Мечел», «Русский алюминий», Сибур и другие), и кризисный сектор, организации которого продолжают находиться в поиске стратегического собственника, имеющего средства обеспечить их инновационную модернизацию [4].

3. Группа кризисных отраслей региональной экономики (машиностроение, пищевая промышленность и сельское хозяйство, промышленность строительных материалов, мукомольно-крупяная, лесная, деревообрабатывающая и целлюлозно-бумажная, легкая промышленность) значительно сократила объемы производства в последние годы и имеет максимальную долю убыточных организаций, минимальный уровень заработной платы [4].

4. Основные производственные средства коммерческих организаций Кемеровской области характеризуются предельным физическим и моральным износом, их замена новым высокопроизводительным оборудованием осуществляется недостаточно быстрыми темпами.

5. Кемеровская область имеет инфраструктурные транспортные ограничения. По оценке экспертов НП «Горнопромышленники России», в среднем по стране издержки транспорта занимают в конечной цене угля более 27 %, поставки на расстояние свыше 1200 км при сложившемся уровне цен делают перевозки угля нерентабельными [5].

6. Отсутствует устойчивая система региональных банков, способных обеспечить потребности реального сектора экономики в кредитных ресурсах. Наконец, в 1998 г. число кредитных организаций, зарегистрированных на территории Кемеровской области, составляло 24 единицы, а на конец 2010 г. только 9 единиц (практически в три раза меньше, чем в 1998 г.), при этом число филиалов действующих кредитных организаций на территории области в 2010 г. составляло 32 единицы [2, с. 275; 3, с. 26].

7. Крайне неблагоприятна экологическая обстановка на территории Кемеровской области. Интенсивное освоение природных ресурсов Кемеровской области привело к тому, что степень загрязнения окружающей среды и состояние здоровья населения соответствует признакам зоны экологического бедствия. В настоящее время экологическая ситуация в регионе, учитывая увеличение объемов промышленного производства, ухудшается и усугубляется тем, что технический уровень очистных сооружений у большинства организаций не отвечает современным требованиям. В «Государственном (национальном) докладе о состоянии и использовании земель в РФ в 2005 году» Кемеровская область была отнесена к числу регионов с наибольшими площадями нарушенных земель (свыше 63 тыс. га.) [5].

8. Область имеет максимальные темпы и абсолютные значения естественной убыли населения в Западной Сибири, низкий уровень рождаемости, более высокий удельный вес пенсионеров. Численность постоянного населения области, с учетом предварительных итогов Всероссийской переписи населения 2010 г., на 01.01. 2011г. составляла 2,762 млн человек, из которых 1/3 – пенсионного возраста [3, с. 7; 6, с. 9].

Односторонняя отраслевая специализация региона, при формировании которого диверсификация экономики и не планировалась, повышает его уязвимость к неблагоприятным тенденциям мировой экономической конъюнктуры и приводит к замет-

ным различиям в уровне социально-экономического развития городских округов и муниципальных районов.

Проведенные исследования показали, что внешнеэкономическая деятельность оказывает существенное влияние на уровень ВРП Кемеровской области. Социально-экономическое развитие Кемеровской области более чем на 60 % зависит от результатов внешней торговли. Изменение на один процент экспорта или один процент реального импорта изменяет на один процент ВРП Кемеровской области [7, с. 59].

ВРП Кемеровской области в 2004 г. на 1/5 был сформирован за счет добычи полезных ископаемых, а в 2010 г. уже на 1/4. При этом стремительно сокращалась доля обрабатывающих производств и возрастала доля оптовой и розничной торговли и, в частности, за период с 2001 г. по 2010 г. в структуре ВРП региона на долю торговли приходилось приблизительно 15 % [8, с. 47]. Следовательно, усиливалась дезинтеграция экономики Кемеровской области в процессе воспроизводства сложившихся контуров перераспределения добавленной стоимости между секторами, когда внутренне ориентированный сектор передавал экспортно ориентированному сектору и торговле большую часть создаваемой им добавленной стоимости.

Производственные мощности экспортно ориентированных организаций Кемеровской области за период с 2001 г. по 2010 г. использовались максимально. В частности, использование производственных мощностей по добыче угля в 2010 г. составило 81 %. Производственные мощности машиностроения были задействованы в среднем на 10 %, например, в сфере производства машин и оборудования в 2010 г. использовалось 10 % производственных мощностей, а в производстве электрооборудования – 8 %. Легкая промышленность практически не функционировала. Пищевая промышленность к 2010 г. использовала в среднем 50 % производственных мощностей [9].

Проведенные нами расчеты показали, что доля экспорта угля в объеме всей произведенной отраслью продукции, начиная с 2000 г. до настоящего периода времени, находилась на уровне более 50 %. Доля экспорта минеральных удобрений в объеме всей произведенной продукции в 2010 г. достигла 66,6 %. Доля экспорта продукции черной и цветной металлургии менялась резко и неравномерно.

Большая часть экономически активного населения Кемеровской области задействована в таких видах экономической деятельности, как добыча полезных ископаемых, оптовая и розничная торговля. Рост численности занятых в сфере услуг при их сокращении в сфере промышленного и сельскохозяйственного производства свидетельствует о структурной диверсификации производства и перераспределении трудовых ресурсов.

По состоянию на 01.01.2011 г. в состав Кемеровской области входило 16 городских округов и 18 муниципальных районов. Города Кузбасса резко различаются по численности населения (от 25 тыс.

до 0,5 млн чел.), масштабам производства, отраслевой специализации и, как следствие, возможностям решения социальных проблем. Районы области, хотя они и имеют сходную структуру экономики (основное направление – сельскохозяйственное производство), различаются по площади, численности населения, социально-экономическому и ресурсному потенциалу.

Сопоставление результатов интегральной оценки муниципальных образований Кемеровской области по уровню социально-экономического развития позволяет разделить города и районы области на три группы.

К первой группе относятся муниципальные образования (города и районы), относительно благополучные практически по всей совокупности показателей. Для данных территорий характерны высокий уровень доходов населения, относительно благополучная ситуация на рынке труда, более стабильные по сравнению с другими территориями финансовые показатели организаций и значительный объем инвестиций, активное участие во внешнеэкономической деятельности (например, г. Кемерово, г. Новокузнецк). Вторую группу образуют территории со средним уровнем развития, неблагополучные по отдельным блокам показателей, включая участие во внешнеэкономической деятельности. Между городами и районами этой группы имеются сходства и различия, но в целом они показывают средние значения по всем показателям. Третья группа – муниципальные образования, ситуация в которых требует особого внимания. К этой группе относятся города и районы с наиболее сложной социально-экономической ситуацией, отстающие от других почти по всем блокам показателей (например, Ижморский, Тисульский, Мариинский район).

Отметим, что внутригрупповые различия в целом незначительны – практически в каждом городе по одним показателям отмечается существенный рост, по другим – замедление темпов роста или сокращение объемов производства. Но между первой и третьей группами территорий существенный разрыв отмечается практически по всем блокам показателей (особенно по уровню доходов населения, инвестиционной активности и динамичности развития). Для первой группы характерен значительный отрыв от второй практически по всем сферам. Также существенны различия между второй и третьей группами (особенно – по эффективности сельскохозяйственного производства и финансовой устойчивости экономики), но значения показателей, определяющих уровень инвестиционной активности и занятость населения, близки.

На долю муниципальных образований, расположенных на юге Кемеровской области, приходится около 80 % добычи полезных ископаемых. Производство чугуна, стали и проката черных металлов сконцентрировано в двух городах южной части – Новокузнецке и Гурьевске. При этом более половины производимой продукции добывающих отраслей отправляется на экспорт. Таким образом, выручка от реализации экспортной продукции является основ-

ным источником формирования бюджетов данных муниципальных образований, что, несомненно, является конкурентным преимуществом по сравнению с другими территориями региона.

По обороту розничной торговли лидирующее положение в Кемеровской области занимают два города – Кемерово и Новокузнецк. При этом потребительские товары, реализуемые в розничной торговле на вещевых и смешанных рынках, чаще всего являются импортными. Импортзамещающие производства потребительских товаров в Кемеровской области за последние годы не развивались, что приводит к «вымыванию» широкого ассортимента товаров, производимых в субъектах Российской Федерации с внутреннего рынка региона.

На долю северных районов и городов Кемеровской области приходится основной удельный вес по производству сельскохозяйственной продукции и продовольственных товаров. В условиях предстоящего членства России в ВТО, для сельскохозяйственных товаропроизводителей возникает угроза отмены субсидирования сельскохозяйственного производства, что может повлечь за собой банкротство данных организаций. Таким образом, можно сделать вывод о неравномерности вовлечения различных муниципальных образований региона во внешнеэкономическую деятельность, что усиливает пространственную несбалансированность внутрирегионального развития.

Неоднородность результатов развития экономики территориальных образований во многом определяет неравномерность территориального развития и, как следствие, ведет к усилению различий социально-экономического развития муниципальных образований. Социально-экономическая дифференциация муниципальных образований Кемеровской области объясняется рядом причин. Основными среди них являются:

- во-первых, экономическая специализация территорий;
- во-вторых, неразвитость совокупного социально-экономического потенциала;
- в-третьих, жесткая зависимость экспортеров сырья и продукции с низким уровнем обработки от колебаний цен на мировых рынках, что непосредственно отражается на экономических показателях региона и муниципальных образований.

Преодоление неравномерности территориального развития Кемеровской области и последующий выход муниципальных образований на траекторию сближения и стабилизации возможны на основе определения и оптимального для каждой конкретной территории сочетания структурных компонентов ее совокупного социально-экономического потенциала.

Литература

1. Татаркин, А. И. Развитие внешнеэкономической деятельности России на основе использования особенностей социально-экономического комплекса региона [Текст] / А. И. Татаркин, А. Ф. Линецкий // Экономика региона. – 2009. – № 1.
2. Кузбасс. История в цифрах: стат. сб. [Текст] / Кемеровостат. – Кемерово, 2008. – 322 с.
3. Кузбасс в цифрах: стат. сб. [Текст] / Кемеровостат. – Кемерово, 2011. – 39 с.
4. Официальный сайт администрации Кемеровской области. Программа экономического и социального развития Кемеровской области на 2005 – 2010 годы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ako.ru/default.asp> (дата обращения 13.03.2008).
5. Официальный сайт администрации Кемеровской области. Концепция стратегии развития Кемеровской области до 2025г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ako.ru/default.asp> (дата обращения 13.03.2008).
6. Кузбасс. Статистический ежегодник. [Текст] / Кемеровостат. – Кемерово, 2011. – 292 с.
7. Грентикова, И. Г. Методика оценки регионального развития в условиях вступления России в ВТО [Текст] / И. Г. Грентикова: монография. – Кемерово, 2010. – 120 с.
8. Региональные показатели системы национальных счетов Кемеровской области в 2005 – 2009 гг.: стат. сб. [Текст] / Кемеровостат. – Кемерово, 2011. – 91 с.
9. Экспресс-информация «Об использовании производственных мощностей по выпуску основных видов продукции крупными и средними предприятиями в 2010 г.» № 06-132 / 121 от 25.03.2010 г. [Текст] / Росстат. Федеральная служба государственной статистики по Кемеровской области.

УДК 336.77.

СТРУКТУРА КРЕДИТНОГО РИСКА И ДИНАМИКА ЕГО СОСТОЯНИЯ В БАНКОВСКОМ СЕКТОРЕ РФ *С. Г. Черниченко, И. В. Калачева*

THE STRUCTURE OF CREDIT RISK AND THE DYNAMICS OF ITS STATUS IN THE RUSSIAN BANKING SECTOR *S. G. Chernichenko, I. V. Kalacheva*

В статье рассмотрены теоретические подходы к определению сущности кредитного риска, систематизированы его структурные элементы. А также проведена оценка кредитных рисков в сфере банковского кредитования в докризисный и посткризисный периоды.

The article considers theoretical approaches to defining the essence of credit risk, its systematic structural elements. As well as an assessment of credit risks in bank lending in pre-crisis and post crisis periods.

Ключевые слова: кредитный риск, структурные элементы кредитного риска, оценка кредитного риска.

Keywords: credit risk, structural elements of credit risk, assessment of credit risk.

Несмотря на всю важность банковских рисков, толкование их сущности до сих пор является дискуссионным. В основном их сущность подменяется причиной их возникновения, т. е. все сводится к разного рода обстоятельствам и факторам, которые могут привести и приводят к потерям. Так, по мнению И. В. Бернара и Ж. К. Калии, кредитный риск как разновидность банковского риска – это непредвиденные обстоятельства, могущие возникнуть до конца погашения ссуды [1, 11].

Довольно часто сущность риска сводится к неопределенности, которая проявляется в той или иной сделке.

Таким образом, можно сделать вывод, что риск – это деятельность, рассчитанная на успех, при наличии неопределенности, требующая от экономического субъекта умения и знания, как преодолевать негативные события [1].

Обычно под кредитным риском понимается риск невозврата денег должником в соответствии со сроками и условиями кредитного договора.

Кредитный риск в равной степени относится как к банкам, так и к клиентам и может быть связан с вероятностью спада производства или спроса на продукцию определенной отрасли, невыполнением по каким-то причинам договорных отношений, трансформацией видов ресурсов (чаще всего по сроку) и форс-мажорными обстоятельствами.

В соответствии с Письмом ЦБ РФ от 23 июня 2004 г. № 70-Т «О типичных банковских рисках», кредитный риск – риск возникновения у кредитной организации убытков вследствие неисполнения, несвоевременного либо неполного исполнения должником финансовых обязательств перед кредитной организацией в соответствии с условиями договора.

К указанным финансовым обязательствам могут относиться обязательства должника по:

- полученным кредитам, в том числе межбанковским кредитам (депозитам, займам), прочим размещенным средствам, включая требования на получение (возврат) долговых ценных бумаг, акций и векселей, предоставленных по договору займа;
- учтенным кредитной организацией векселям;
- банковским гарантиям, по которым уплаченные кредитной организацией денежные средства не возмещены принципалом;
- сделкам финансирования под уступку денежного требования (факторинг);
- приобретенным кредитной организацией по сделке (уступка требования) правам (требованиям);
- приобретенным кредитной организацией на вторичном рынке залладным;

– сделкам продажи (покупки) финансовых активов с отсрочкой платежа (поставки финансовых активов);

– оплаченным кредитной организацией аккредитивам (в том числе непокрытым аккредитивам);

– возврату денежных средств (активов) по сделке по приобретению финансовых активов с обязательством их обратного отчуждения;

– требованиям кредитной организации (лизингодателя) по операциям финансовой аренды (лизинга) [5].

Сопоставление всевозможных точек зрения о понятии «кредитный риск» приводит к выводу о том, что разные авторы имеют достаточно близкие подходы в характеристике кредитного риска. Однако наиболее полным является определение доктора экономических наук, профессора Г. Г. Коробовой: «Кредитный риск – это потенциальная возможность потерь основного долга и процентов по нему, возникающая в результате нарушения целостности движения ссужаемой стоимости, обусловленной влиянием различных рискообразующих факторов» [2, с. 689].

Кредитный риск – это риск невыполнения кредитных обязательств перед кредитной организацией третьей стороной.

Опасность возникновения этого вида риска возникает при проведении ссудных и других приравненных к ним операций, которые отражаются на балансе, а также могут носить забалансовый характер.

К таким операциям относятся: предоставление и получение кредитов; размещенные и привлеченные депозиты; учтенные векселя; факторинг; требования кредитной организации по приобретенным по сделке правам (уступка прав требования) и другие.

Степень кредитного риска зависит от определенных причин:

- 1) экономическая и политическая ситуация в стране и в регионе;
- 2) степень концентрации кредитной деятельности в отдельных отраслях, чувствительных к изменениям в экономике;
- 3) кредитоспособность, репутация и типы заемщиков по формам собственности, принадлежности и их взаимоотношений с поставщиками и другими кредиторами;
- 4) вероятность банкротства заемщика;
- 5) концентрация деятельности кредитной организации в малоизученных, новых, нетрадиционных сферах кредитования (лизинг, факторинг и т. д.);
- 6) диверсификация кредитного портфеля;
- 7) вид, форма и размер предоставляемого кредита и его обеспечения и другое.

По своей сути кредитный риск является комплексным, имеет сложную структуру, так как он зависит от ряда факторов, что существенно осложняет его оценку и прогнозирование.

К структурным элементам кредитного риска могут быть отнесены следующие виды рисков.

Риск непогашения кредита - это опасность невыполнения заемщиком условий кредитного договора (то есть полного и своевременного возврата основной суммы долга, а также выплаты процентов и комиссионных).

Риск просрочки платежей (ликвидности) – это риск задержки возврата кредита и несвоевременной выплаты процентов (данный вид риска ведет к уменьшению ликвидных средств банка и может трансформироваться в риск непогашения).

Риск обеспечения кредита не является самостоятельным видом риска, следовательно, рассматривается только при наступлении риска непогашения кредита. Данный риск проявляется в недостаточности дохода, полученного от реализации предоставленного банку обеспечения кредита, для полного

удовлетворения долговых требований банка к заемщику.

Риск кредитоспособности заемщика предшествует риску непогашения кредита. Это риск неспособности заемщика выполнять свои обязательства по отношению к кредиторам вообще.

Деловой риск включает все виды рисков, связанных с функционированием предприятий-заемщиков (закупочная, производственная и сбытовая деятельность). Но, в отличие от названных видов риска, которыми должно управлять руководство предприятия, на деловой риск оказывают влияние внешние факторы, в особенности развитие отрасли и конъюнктуры.

Риск структуры капитала обусловлен структурой пассивов и усиливает деловой риск.

Также к кредитным рискам относятся следующие виды риска: риск объявления заемщиком дефолта; депозитный риск; факторинговый риск; форфейтинговый риск и т. д.

Классифицировать кредитные риски можно по разным критериям (табл. 1).

Таблица 1

Классификация кредитных рисков

Критерии классификации	Виды кредитных рисков
Уровень риска	1. Риски на макроуровне отношений. 2. Риски на микроуровне отношений.
Степень зависимости риска от деятельности банка	1. Независимый от деятельности банка. 2. Зависимый от деятельности банка.
Отраслевая направленность кредитования	1. Промышленный. 2. Торговый. 3. Сельскохозяйственный и др.
Масштабы кредитования	1. Комплексный риск. 2. Частный риск.
Виды кредита	1. По субъектам. 2. По объектам. 3. По срокам. 4. По обеспеченности.
Структура кредита	1. На стадии предоставления кредита. 2. На стадии использования кредита. 3. На стадии возврата кредита и т. п.
Стадия принятия решения	1. Риски на предварительной стадии кредитования. 2. Риски на последующей стадии кредитования.
Степень допустимости	1. Минимальный риск. 2. Повышенный риск. 3. Критический риск. 4. Недопустимый риск.

Также кредитные риски можно подразделить на фундаментальные и индивидуальные. К фундаментальным кредитным рискам относятся риски, связанные со стандартами маржи залога, принятием решений о выдаче ссуды заемщикам, не отвечающим стандартам банка, а также являющиеся следствием процентного и валютного риска банка и т. д.

Кредитный риск выступает доминирующим элементом в иерархической системе банковских рисков и неотъемлемой составляющей совокупного банковского риска.

Кредитный риск может быть определен как денежное выражение вероятностного отклонения действительности от ожидаемых результатов наступления рискованного события вследствие неопределенности действия экзогенных и эндогенных факторов как ответной реакции на управленческие решения, связанные как с кредитованием, так и с другими банковскими процессами. Он не ограничен рамками денежного измерения вероятностного отклонения реалий от прогнозов, которые базируются на финансовых последствиях (убыток, ущерб, банкротство), и

охватывает область извлечения дополнительной незапланированной выгоды по сравнению с прогнозируемыми рисковыми событиями в условиях преодоления неопределенности в движении ссуженной стоимости. Следовательно, под управлением кредитными рисками подразумевается система взаимосвязанных и взаимозависимых методов сознательного целенаправленного воздействия с целью недопущения вероятностного отклонения действительности от ожидаемых результатов (наступления рискованного события) или извлечения дополнительной выгоды по сравнению с ожидаемым результатом в условиях преодоления неопределенности в движении кредитов.

Из этого определения кредитного риска следует, что задача нахождения необходимого критерия для его количественной оценки находится в плоскости изучения рискованной позиции не только как определенного потока платежей и конкретной амплитуды колебаний стоимости, но и как способа денежного определения вероятностного отклонения в зависимости от выбранного сценария. В связи с этим очень часто способ оформляют юридически, указывая в

договорах не конкретные денежные значения, а формулы для их расчета. Например, в кредитном договоре может быть установлена плавающая ставка в виде MIBOR2 + 2 %.

В связи с тем, что кредитный риск играет важную роль в банковских операциях, возникает необходимость управления кредитным риском.

Мировой экономический кризис, обрушившийся на мировую экономику в 2007 г., к середине 2008 г. оказал существенное влияние и на экономическую ситуацию в нашей стране. Банки, как и остальные субъекты экономики, ощутили его достаточно остро.

Одним из основополагающих показателей, характеризующих степень кредитного риска, является величина просроченной задолженности в кредитном портфеле. Проанализируем состояние дел в кредитных операциях российских банков в период с 2007 по 2010 гг. Данные для расчета были взяты из Бюллетеня банковской статистики. Основываясь на них, рассчитаем удельный вес просроченной задолженности в общей сумме кредитов, выданных банками (табл. 2).

Таблица 2

**Доля просроченной задолженности по видам заемщиков
в кредитном портфеле российских банков (в %) [3]**

<i>Показатели</i>	<i>01.01.2007</i>	<i>01.01.2008</i>	<i>01.01.2009</i>	<i>01.01.2010</i>	<i>01.01.2011</i>
Просроченная задолженность:	1,36	1,37	2,12	5,11	4,67
- в общей сумме кредитного портфеля					
- в сумме кредитов, выданных предприятиям и организациям	1,14	0,93	2,11	5,9	5,15
- в сумме кредитов, выданных физическим лицам	2,6	3,1	3,7	6,8	6,91
- в сумме кредитов, выданных банкам	0,03	0,02	0,05	0,07	0,15

Полученные результаты свидетельствуют о том, что доля просроченной задолженности по кредитам, выданным предприятиям и организациям до 2008 года, имела тенденцию к сокращению, ровно так же, как и просроченная задолженность по кредитам, выданным банкам. Однако просроченная задолженность по кредитам, выданным физическим лицам, наоборот увеличилась. Данная тенденция объясняется тем, что в России вплоть до второй половины 2008 года наблюдалась активизация банков в области работы с физическими лицами. Такое мощное расширение потребительского кредитования связано с увеличением специфических кредитных рисков, которые принимают на себя не только банки, но и, учитывая масштабы операций по кредитованию населения, банковская система в целом. Переориентация банков в сторону розничного бизнеса была обусловлена стабилизацией экономической конъюнктуры и, следовательно, повышением реальных доходов населения. Такая ситуация наблюдалась в банковском секторе в докризисный период.

Как показывают данные таблицы 2, в докризисный период с 2007 по 2008 гг. просроченная задолженность по кредитам возросла. Основной причиной такой ситуации стало то, что все чаще

пользователями кредита становились те, кто способен выполнить условия договора на пределе своих финансовых возможностей либо не имеет гарантированного на перспективу уровня дохода. В период кризиса (вторая половина 2008 – 2010 года) просроченная задолженность по кредитам, выданным физическим лицам, увеличилась вдвое. Прежде всего, это можно связать с ростом инфляции и безработицы в стране.

Кредиты, выдаваемые предприятиям, связаны с ростом производства, так как направляются для наращивания производственной базы, ее модернизации или направляются в ее оборотные средства. Таким образом, кредитование способствует увеличению прибыли предприятия, что, собственно, и выступает основой для выполнения обязательств по кредиту. Потребительский кредит, в свою очередь, ориентирован исключительно на расходы заемщика и никак не влияет на его доходную часть. Следовательно, кредит в производственном секторе сам создает дополнительные условия для возврата денег, а потребительский кредит абсолютно не ориентирован на создание источников средств для погашения кредитных обязательств. Скорее наоборот, обслуживание кредита нередко весьма обременительно для физического лица.

Также полученные данные показывают, что в 2007 – 2008 гг. темпы просроченной задолженности по предприятиям и организациям не превышают темпов роста кредитов. Однако в 2009 – 2010 гг. просроченная задолженность растет в два раза быстрее, чем объемы кредитов.

В случае с кредитованием физических лиц - все наоборот. При снижении темпов роста кредитов, просроченная задолженность растет достаточно большими темпами. Эксперты объясняют эту ситуацию увеличением доли потребительских экспрес-

кредитов, когда кредитный инспектор не может проверить кредитоспособность заемщика.

Ежегодно Банк России публикует Отчет о развитии банковского сектора и банковского надзора. В нем предоставлены данные о качестве кредитного портфеля банковского сектора.

Основываясь на этих данных, можно оценить структуру кредитного портфеля банков по категориям качества ссуд в период с 2007 по 2010 гг. (таблица 3).

Таблица 3

Структура кредитного портфеля банковского сектора по категориям качества (в %) [4]

<i>Категории качества кредитов</i>	<i>01.01.2007</i>	<i>01.01.2008</i>	<i>01.01.2009</i>	<i>01.01.2010</i>	<i>01.01.2011</i>
I (высшая) категория качества (стандартные ссуды) — отсутствие кредитного риска	51,5	53,2	51,3	35,1	37,5
II категория качества (нестандартные ссуды) — умеренный кредитный риск	35,5	35,8	35,2	46,9	44,5
III категория качества (нестандартные ссуды) — умеренный кредитный риск	10,3	8,8	9,9	8,4	9,8
IV категория качества (проблемные ссуды) — высокий кредитный риск и V (низшая) категория качества (безнадежные ссуды) — отсутствует вероятность возврата ссуды	2,7	2,2	3,6	9,6	6,3

Особое внимание банков должно быть уделено IV и V категориям качества, так как они являются наиболее рисковыми для банков.

Результаты анализа свидетельствуют о том, что в течение 2007 – 2009 гг. ситуация в банковском секторе была практически неизменной. И только по состоянию на 01.01.2010 г. ситуация изменилась кардинальным образом: произошло резкое сокращение доли стандартных ссуд в портфеле российских банков, тогда как ссуды IV и V категорий существенно увеличились. Все это вызвано кризисными явлениями в экономике не только Российской Федерации, но и в мировой экономике в целом. Существенное влияние на динамику показателей, характеризующих кредитный риск, в целом по банковскому сектору оказали банки, по которым осуществлялись меры по предупреждению банкротства. Однако на 01.01.2011 ситуация начала постепенно меняться.

Таким образом, можно сделать вывод, что при увеличении кредитного портфеля банковской системы в период 2007 – 2009 гг. в целом величина кредитного риска увеличилась незначительно. Доля просроченной задолженности по кредитам, выданным предприятиям, организациям и банкам имела тенденцию к сокращению. Но в то же время доля просроченной задолженности по потребительским кредитам, наоборот, увеличивалась.

В период с 2008 по 2010 гг. ситуация несколько изменилась – при сокращении объемов кредитования доля просроченной задолженности росла довольно быстрыми темпами, практически вдвое превышая темпы роста кредитов.

Структура кредитного портфеля по категориям качества по состоянию на 01.01.2009 г. свидетельст-

вует о снижении кредитного риска. Однако уже по состоянию на 01.01.2010 г. кредиты I категории качества сократились практически вдвое, а кредиты, относящиеся к категории проблемных и безнадежных, увеличились ровно на столько же. Это связано с тем, что заемщики, испытывая финансовые сложности, вызванные последствиями кризиса, не смогли отвечать по своим обязательствам.

На развитие кредитных операций банков во второй половине 2007 г. – 2008 г. большое влияние оказал ипотечный кризис в США. Он привел к тому, что у банков во всем мире начались проблемы с наличием достаточного объема денежных средств (для кредитования клиентов в том числе).

Не все российские банки испытали последствия кризиса, но некоторые финансовые структуры с большим объемом заимствования за рубежом столкнулись с дефицитом кредитных ресурсов. Данная ситуация привела к тому, что банки начали вводить более адекватные механизмы оценки кредитных рисков и новые правила кредитования физических лиц: ужесточили требования к заемщикам, увеличили сумму первоначального взноса по ипотечным кредитам, подняли ставки на несколько процентных пунктов и пр. Указанные меры нацелены на снижение уровня кредитного риска в банковском секторе РФ.

Литература

1. Банковские риски: учебное пособие / под ред. О. И. Лаврушина и Н. И. Валенцовой. – М.: Кнорус, 2007.
2. Банковское дело: учебник / под ред. Г. Г. Коробовой. – М.: Юристъ, 2002.

3. Бюллетень банковской статистики. – 2007. – № 2; 2008. – № 2; 2009. – № 2; 2010. – № 2; 2011. – № 2.

4. Отчет о развитии банковского сектора и банковского надзора 2007, 2008, 2009, 2010, 2011.

5. Письмо ЦБ РФ № 70 от 23 июня 2004 г. «О типичных банковских рисках».

УДК 339.54

ПРАВИЛА ВТО ДЛЯ ЭКОНОМИКИ РОССИИ: ПОТЕНЦИАЛЬНЫЕ ВЫГОДЫ И ПОТЕРИ

В. А. Шабашев

RULES OF THE WTO FOR THE ECONOMY OF RUSSIA: POTENTIAL BENEFITS AND LOSSES

V. A. Shabashev

Дана характеристика Всемирной торговой организации (ВТО): ее принципов, функций. Названы сроки присоединения России к ВТО. Выявлены потенциальные выгоды и негативные последствия присоединения России к ВТО.

The characteristic of the World Trade Organization (WTO) is given: its principles, functions. Terms of joining of Russia to the WTO are named. Are revealed potential benefits and negative consequences of joining of Russia to the WTO.

Ключевые слова: принципы, функции ВТО, присоединение России к ВТО, его выгоды и потери.

Keywords: principles, WTO functions, joining of Russia to the WTO, its benefits and loss.

Переговорный марафон о присоединении России к ВТО длиной в 18 лет завершился. 18 декабря 2011 года восьмая Министерская конференция ВТО в Женеве утвердила списки услуг и обязательств, принимаемых РФ, что явилось основанием для присоединения к ВТО.

Глава Минэкономразвития Э. Набиуллина и Гендиректор ВТО Паскаль Лами поставили подписи под протоколом о присоединении России к ВТО.

Затем, в течение 220 дней (до середины июля 2012 года), парламент России должен ратифицировать документы о присоединении, после чего через 30 дней она станет полноправным членом ВТО [1].

Министр экономического развития Э. Набиуллина, выступая на этой конференции, подчеркнула, что мир переживает не лучшие времена, которые могут спровоцировать рост протекционизма, и Россия вместе с ВТО готова не допустить такого развития событий.

С присоединением России Всемирная торговая организация будет регулировать 97 % мировой торговли и превращает эту организацию в подлинно Всемирную торговую организацию по замечанию торгпреда США Р. Кирка.

Общепризнано, что присоединение РФ к ВТО является в определенной мере политическим шагом: стране, входящей в шестерку ведущих экономических мировых держав, не престижно быть вне ВТО.

Дадим характеристику ВТО

Всемирная торговая организация (ВТО) – международная организация, созданная для урегулирования торговых проблем в соответствии с соглашением крупнейших торговых стран мира о снижении экспортных и импортных барьеров. ВТО начала свою деятельность с 1 января 1995 года как преемница Генерального Соглашения о торговле (ГАТТ), подписанного 23 странами в 1947 году с целью вос-

становления экономики после Второй мировой войны.

Решения на высшем уровне в ВТО принимает Министерская конференция, в подчинении которой находится Генеральный совет, выполняющий текущую работу. Секретариат ВТО базируется в Женеве. На конец 2011 года членами ВТО являлись 154 страны, на долю которых приходится мировой торговый оборот в размере \$ 14,85 трлн в 2010 году.

Основополагающими принципами ГАТТ / ВТО является:

- взаимное предоставление режима наибольшего благоприятствования в торговле, в том числе товарам и услугам иностранного происхождения;
- регулирование торговли преимущественно тарифными методами;
- отказ от использования количественных и иных ограничений;
- транспарентность торговой политики и разрешения торговых споров путем консультаций, переговоров через суд [2].

Важнейшими функциями ВТО являются:

- контроль за выполнением соглашений и договоренностей;
- проведение многосторонних торговых переговоров между заинтересованными странами-членами;
- мониторинг национальной торговой политики;
- сотрудничество с международными специализированными организациями [2].

Таким образом, главные задачи стран-членов ВТО – торговля на основе справедливой конкуренции для получения экономических выгод и повышения конкурентоспособности своих товаров.

Длительность переговорного процесса объясняется сложными процедурами обсуждения с большим числом стран и отстаиванием выгодных для России условий. Большинство экспертов полагают, что наши переговорщики добились приемлемых (насколько это возможно) для нас условий.

В то же время, если западные бизнесмены с радостью встретили это событие, то значительная часть российского экономического сообщества (в том числе и министр промышленности и торговли) видят негативные последствия вступления России в ВТО.

Следует подчеркнуть, что условия ВТО для России будут действовать не сразу. Первый год будет подготовительным, адаптационным: все таможенные тарифы будут неизменными; будет окончательно приведено законодательство в соответствие с правилами ВТО и сделает его более прозрачным и понятным для иностранного бизнеса (уже откорректировано 300 нормативно-правовых документов); органы власти и бизнес, изучив условия ВТО, будут разрабатывать меры (экономические, организационные и пропагандистские) по адаптации к ним, по снижению потенциальных потерь и получению наибольших выгод. Затем, постепенно по каждой товарной группе будут снижаться тарифные пошлины в течение 7 лет. Взвесим плюсы и минусы функционирования экономики России в условиях ВТО.

Потенциальные выгоды

Первое. Улучшение имиджа России в мире как полноправного субъекта международной торговли, участвующего в выработке правил ВТО с учетом своих национальных интересов.

Второе. Есть макроэкономические оценки экономического эффекта от вступления РФ в ВТО: 3 % прироста ВВП в среднесрочном периоде и 10 % – в долгосрочном. Это слишком оптимистические прогнозы Министерства экономического развития. Они основаны на моделях общего равновесия, полагая, что рабочая сила и капитал будут перетекать из неконкурентных отраслей в конкурентоспособные. Проблематично, что это будет носить системный характер [3, с. 24].

По оценке министра финансов РФ А. Силуанова, членство РФ в ВТО даст до 0,4 % ВВП РФ в течение десяти лет (в три раза ниже ранее дававшихся оценок Всемирного банка) [4, с. 1].

Большинство экспертов считают, что основной экономический эффект получим через 10 – 15 лет за счет коренной перестройки экономики на инновационной основе благодаря внешним стимулам принуждения и технологического обновления.

По расчетам Высшей школы экономики, до 2015 года прогнозируется ежегодный рост импорта в размере 1 – 2 %, легализация импорта – в размере 1,5 % [5, с. 5]. Увеличится импорт из Евросоюза, из Китая.

Третье. Ведущим официальным аргументом за присоединение России к ВТО является расширение доступа российских экспортеров к мировым рынкам. Реально это коснется компаний, которые экспортируют не более 10 % от всего российского экспорта (торговля углеводородами и биржевыми металлами нормами ВТО не ограничиваются) [6, с. 17].

Расширение экспорта может увеличить экономический рост с нынешних 4 % ВВП до прежних

7 %. По расчетам специалистов, устранение барьеров для экспорта создаст в стране до 40 тысяч новых рабочих мест.

Четвертое. Дополнительные преимущества получают компании, работающие на экспорт, в случае антидемпинговых разбирательств. Ежегодные потери от дискриминационных санкций составляют более \$2 млрд.

Дело в том, что, в соответствии со ст. 13 Марракешского соглашения об учреждении ВТО, оговаривается возможность «неприменения многосторонних торговых соглашений между отдельными членами». Если Конгресс США не отменит поправку Джексона-Вэника, то нормы ВТО не будут применяться в торговле между Россией и США до ее отмены.

К тому же, членство РФ в ВТО – шаг к отмене злополучной поправки Джексона-Вэника в США.

Пятое. Снижение таможенных тарифов приведет к росту импорта товаров в Россию, развитию конкуренции на внутреннем рынке, которое будет стимулировать повышение конкурентоспособности отечественных товаропроизводителей.

Шестое. Явной выгодой для российского потребителя в первые годы уменьшения таможенных тарифов будет снижение цен на ряд товаров: автомобили (на 2 – 5 %); лекарства, продукты питания (говядина, свинина, мясо птицы, овощи, фрукты, молочные продукты, масло, сахар), мобильные телефоны, компьютеры, бытовая техника, электроника и ряд других товаров.

Седьмое. Увеличение иностранных инвестиций в Россию позволит ускорить модернизацию отечественной промышленности. Это в конечном счете будет способствовать уходу от сырьевой модели российской экономики. Рост совместных предприятий внутри страны, кооперация с иностранными партнерами на внешних рынках будут способствовать повышению эффективности менеджмента, росту конкурентоспособности отечественного бизнеса.

Восьмое. Возрастают требования к качеству рабочей силы. Это даст новый импульс к росту качества подготовки специалистов со среднеспециальным и высшим образованием.

Девятое. В ходе переговоров достигнуто соглашение, что вступление России в ВТО не затруднит работу Таможенного союза России с Казахстаном и Белоруссией.

Десятое. Надо учесть, что выиграют от вступления в ВТО оптовики-импортеры, сыграв на снижении таможенных пошлин.

Одиннадцатое. Присоединение РФ к ВТО будет способствовать не только повышению эффективности внешнеэкономической деятельности за счет упрощения системы таможенных пошлин, прозрачности условий торговли, понижению расходов компаний и повышению товарооборота. Поскольку торговля политики будет осуществляться в интересах экономики в целом, уменьшится влияние лobbистских групп. Применение принципа недискриминации сократит возможность произвольного принятия решений и обмана, уменьшит коррупцию.

Первый вице-премьер Правительства РФ И. Шувалов считает, что Россия выторговала себе «небывалые условия» пребывания в ВТО [7, с. 7].

Так ли это, покажет время.

Негативные последствия.

Положительный эффект от вступления в ВТО имеет обратную сторону, которая может быть выражена в негативных последствиях для экономики России.

Первое. Рост конкуренции на отечественном рынке по экспертным оценкам может привести к разорению значительного числа неконкурентных предприятий, возможен рост безработицы в 1,5 – 2 раза.

Второе. Возможна потеря контроля за качеством товаров, так как проблематично установить: использовался ли детский труд или труд заключенных, применялись ли неразрешенные химические препараты.

Третье. После некоторого понижения цен возможно их повышение.

Четвертое. Прогнозируется негативные последствия для ряда регионов в виде снижения доходов в бюджеты, где структура производства связана с автомобилестроением, химической промышленностью, машиностроением.

Пятое. Негативные последствия в различных отраслях могут проявиться по-разному.

Автомобилестроение. Отечественные производители скорее всего проигрывают в конкуренции с более качественными западными (в том числе китайскими) автомобилями.

Новые и бывшие в употреблении (до 7 лет) иномарки могут подешеветь на 2 – 5 %. Пошлины на новые заграничные автомобили снизятся с 30 до 25 %. Далее, в течение трех лет, они останутся на этом уровне, а потом будут снижаться примерно по 2,5 % в год, пока через семь лет достигнут 15 %. На автомобили старше 7 лет пошлина останется неизменной. Важно отечественным автостроителям в этой ситуации повысить конкурентоспособность своей продукции.

Производство текстиля. Рост импорта товаров легкой промышленности может осложнить ситуацию в российской текстильной отрасли. Снижение пошлин на текстиль с 9,5 до 7,3 %, как и возможное снижение НДС, позволит уменьшить объемы контрафакта на рынке. Сегодня доля контрафакта на рынке текстиля доходит до 50 %, а на рынке одежды – до 80 % [6, с. 23].

Промтовары. На промышленные товары импортные пошлины снизятся на 3 %, но в большей мере они снизятся на технологическое оборудование, что будет способствовать ускорению обновления основных фондов.

Техника, мобильные телефоны, компьютеры. Средние пошлины в 2011 году на ввоз ИТ-продукции – 5,4 %, к 2015 году многие из них станут равны 0 %. России предстоит снять все ограничения на импорт техники, содержащей средства шифрования (мобильные телефоны, ноутбуки и др.).

Авиастроение. Россия за семь лет обязана сократить таможенные пошлины на импортируемые в страну широкофюзеляжные дальнемагистральные авиалайнеры с 20 до 7,5 %, а на все остальные суда – до 12,5 %. Это ставит в сложное положение реализацию российского проекта по созданию авиалайнера МС-21, использующего новейшие технологии.

Страховой рынок. Предстоит существенное увеличение на российском страховом рынке иностранных игроков за счет повышения соответствующей квоты с 25 до 50 %. Через девять лет разрешается работа в России «прямых» филиалов иностранных компаний. Можно надеяться, что потребители страховых услуг выиграют от получения более качественных и разнообразных услуг.

Слабым российским страховым компаниям придется уйти с рынка или быть поглощенными крупными российскими или зарубежными страховыми игроками.

Банковский сектор. Российским банкам, наращивая капитализацию, придется вступить в конкуренцию с более сильными и гибкими зарубежными банками, которые могут предложить долгосрочные кредиты и более дешевые кредиты (на 1 – 2 %). Иностранные банки по-прежнему смогут работать в РФ, лишь создавая в нашей стране дочерние структуры.

Россия, в отличие от большинства других стран, отстояла право не пускать к себе филиалы иностранных банков.

Агропромышленный комплекс. В ходе переговоров о присоединении России к ВТО по вопросу о допустимом уровне государственной поддержки сельского хозяйства пришли к соглашению, что это \$ 9 млрд в 2012 – 2013 годах с последующим равномерным снижением до \$ 4,4 млрд в 2018 году. Это сумма поддержки, которую оказывало государство сельскому хозяйству в 2011 году. Есть резерв государственной поддержки через так называемую «зеленую корзину», расходы на сельское хозяйство в рамках которой не регламентируются правилами ВТО. Речь идет о затратах на науку, маркетинг, инвестиции в мелиорацию, строительство дорог, электросетей, развитие инфраструктуры аграрного сектора.

Однако в АПК есть производство товаров, которое более всего может пострадать от либерализации торговых правил: ввоз свинины, птицы, говядины, риса может подорвать очень сильно отечественное производство этих продуктов.

Определено, что степень таможенной защиты сельского хозяйства не уменьшится ни по одному из основных сельскохозяйственных товаров, а по ряду из них РФ может даже увеличить ставки таможенных пошлин на переходный период. Зафиксировано право РФ использовать тарифные квоты на три вида мяса (говядину, свинину, мясо птицы) в приемлемых объемах (уровень 2011 года плюс 2 – 2,5 % годового роста) и при достаточном уровне тарифной защиты.

Для снижения риска роста импорта, допустим свинины, будут вводиться защитные меры для поддержки отечественного производителя.

На этот счет следует привести аргументы М. Медведкова – директора Департамента торговых переговоров Минэкономразвития: «Правила ВТО очень гибкие. И если из-за роста импорта возникает ущерб для производителя, можно вводить меры, которые компенсируют негативный эффект. Мы можем оказывать производителям разные формы поддержки. Предоставить субсидии, ввести квоты, повысить пошлины на импорт. Вступление в ВТО означает, что Вы безвозвратно договорились о низких пошлинах, и если возникают проблемы, от них нельзя избавиться. Для этого, правда, есть определенные процедуры. Но они достаточно публичные, с ясными критериями» [7, с. 7].

Обнадеживающим является опрос журнала «Эксперт» представителей большинства отраслей по поводу готовности к вступлению РФ в ВТО: они далеки от панических настроений [6, с. 17].

Важно, как отмечает академик РАН В. Ивантер, обеспечить грамотное членство в ВТО, которое будет состоять в том, что мы выполняем все правила ВТО, которые нам выгодны, и не выполняем те, которые нам не выгодны. При этом он приводит примеры такого поведения Китаем, США [6, с. 22].

В ближайшие полгода Правительству РФ предстоит определиться с рядом проблем:

- вводить или нет 50 % квоту на участие иностранных банков в совокупном капитале российской банковской системы;
- оспаривать или нет не менее 120 торговых барьеров у своих партнеров, в том числе у Китая;
- научиться разрабатывать меры господдержки, не нарушая правил ВТО, запрещающие прямое субсидирование, влияющее на ценообразование товаров.

Важно, чтобы в процессе функционирования экономики России в условиях ВТО не усилилась разбалансированность межотраслевых пропорций, повышалась конкурентоспособность экономики РФ, качество жизни населения.

Литература

1. Российская газета», 19 декабря 2011 г.
2. Официальный сайт ВТО//»www.wto.ru/chto.asp?f=spravka&t=6/20.11.2011.
3. Попов, В. Курсовой рычаг остается у нас / В. Попов // Эксперт. – 2011. – № 46.
4. «Коммерсантъ», 17.12. 2011.
5. «Российская газета», 14.02.2008.
6. «Эксперт». – 2011. – № 46.
7. «Российская газета», 19 декабря 2011.

УДК 330.34.

ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА КАК ОСНОВНАЯ ЗАКОНОМЕРНОСТЬ СОВРЕМЕННОГО РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ *Л. Н. Щербакова*

DIFFERENTIATION OF ECONOMIC GROWTH AS THE BASIC LAW OF MODERN DEVELOPMENT OF ECONOMY *L. N. Scherbakova*

В данной статье обосновывается необходимость особой формы экономического роста – дифференцированного роста. Это объясняется изменением структуры современного производства, изменением роли нематериального производства. В работе предложены конкретные моменты по изменению роли отдельных компонентов экономической структуры в экономическом развитии.

Necessity of the special form of economic growth – the differentiated growth is proved in given article. It speaks change of structure of modern manufacture, change of a role of non-material manufacture. The concrete moments on structure of modern manufacture in economic development are offered in work.

Ключевые слова: дифференцированный рост, модели роста, структура современного производства, роль нематериальных продуктов.

Keywords: the differentiated growth, models of gross, structure of modern manufacture, role off non-material products.

Мы считаем, что необходимость расширения и углубления концепции производства тесно смыкается с той ситуацией, что с середины 1980-х гг. произошла новая волна возрождения интереса к проблеме экономического роста. Экономическая жизнь накопила достаточное количество эмпирического материала, который не вписывался в прежние теории экономического роста. Прежде всего, исследования нового уровня получили название «эндогенные теории роста», в отличие от прежних

«экзогенных», они концентрировались на поиске внутренних источников роста, показывали его зависимость от поведенческих параметров модели, от субъективных факторов роста. Так, первый период новой волны исследований опирался на работы Пола Ромера, Роберта Лукаса, Серджио Ребело. Эти работы, по сути дела, опирались на невостребованные в тот период модели человеческого капитала, разработанные Эрроу и Узавой. Вторая серия моделей новой волны во главу угла ставила технический

прогресс и инновации. К авторам моделей этого направления относятся Ромер, Агион, Хауитта, Гроссман и Хелпман. Особое место заняли модели, в которых рассматривается связь технологических изменений и роста населения, при этом рост населения ограничен уровнем развития. Данные исследования связаны с такими именами как Кремер, Хансен, Прескотт, Галор, Вейл, Джонс. Интересен тот факт, что появились разработки, в которых связывают экономический рост с неравномерностью распределения богатства. Под таким углом зрения этот вопрос поднимал еще С. Кузнец, выявивший «кривую Кузнецца». Кроме того, разработке моделей подобного рода уделяли внимание такие исследователи, как Бенабоу, Алесина, Родрик, Агион, Болтон. Необходимо отметить, что при постановке задачи изучения влияния на экономический рост достаточно узких факторов, единство всех этих моделей проявляется в том, что они опираются на базовые модели: как на неоклассические, так и на модели эндогенных технологических изменений.

Исходя из уточненной концепции производства, необходимо еще раз обратиться к сути экономического роста. Есть мнение, что до 1960-х годов рост подчинялся закону, который математики называли экспоненциальным ростом. Он означает приращение, пропорциональное уже имеющейся величине. То есть экспоненциальный рост – удвоение, повторное удвоение, новое удвоение и т. д. [1, с. 81]. Именно такой экономический рост являлся самой желанной целью человеческой деятельности. Однако быстрый рост всех основных элементов глобальной системы – численности населения, промышленного производства, производства продуктов питания, потребления ресурсов и загрязнения окружающей среды – приводят к негативным последствиям в экономике, в экологической среде, в самой системе потребления благ, что ставит под сомнение смысл и истинную цель экономического роста.

Глобальная экономическая система достигла той критической точки, в которой проблемы загрязнения природы являются настолько серьезными, что ставят под вопрос развитие всей земной цивилизации. Энергетический, сырьевой и экологический кризисы 70-х годов прошлого столетия показали, что нельзя больше надеяться на дешевизну ресурсов, появились пессимистические настроения и прогнозы относительно возможности сохранения самой жизни человека, его обеспечения основными благами. Одними из первых на эти проблемы обратили внимание члены Римского клуба, объединяющего выдающихся ученых, бизнесменов и государственных деятелей, которые в 1972 г. подготовили доклад «Пределы роста».

Авторы исследования пришли к выводу, что, если существующие тенденции роста численности населения мира, индустриализации, загрязнения окружающей среды, производства продуктов питания и истощения ресурсов не изменятся, то пределы роста на нашей планете будут достигнуты в течение ближайших 100 лет. Результатом может выступить не только падение объемов производства, но и

уменьшение численности населения. Встал вопрос об изменении парадигмы развития, экономический рост прежде всего должен вписываться в глобальные возможности планеты. Формируется лозунг, что вместо хаотичного беспредельного роста необходимо сбалансированное устойчивое развитие цивилизации, так как пределы роста существуют, хотя и нет пределов развития.

Основные подходы к необходимости создания концепции устойчивого развития были заложены в 1972 г. на Стокгольмской конференции по окружающей среде – первой всемирной встрече по проблемам экологии. В 1983 г. Организация Объединенных Наций создала комиссию по окружающей среде и развитию (ЮНЕП). В подготовленном комиссией докладе «Наше общее будущее», в частности, отмечалось, что человечество способно сделать развитие устойчивым, чтобы оно удовлетворяло нужды настоящего, не подвергая риску способность будущих поколений удовлетворять свои потребности. В 1989 г. Организация Объединенных Наций начала подготавливать Конференцию по развитию и окружающей среде, чтобы сформулировать принципы достижения устойчивого развития. Эта Конференция состоялась в июне 1992 г. в Рио-де-Жанейро и явилась крупной встречей мировых лидеров и высокопоставленных должностных лиц из 179 государств мира.

Наличие тесной взаимосвязи между общим экономическим ростом и изменениями, происходящими в окружающей среде, констатируется не только в научной, но и даже в учебной литературе. Обращается внимание на то, что рассмотрение вопросов общественного развития без учета экологических факторов, без учета закономерностей, регулирующих взаимосвязи общества с природой, может привести к нежелательным экономическим и социальным последствиям. При осуществлении хозяйственной, управленческой и иной деятельности, оказывающей отрицательное воздействие на состояние окружающей среды, необходимо руководствоваться следующими основными принципами, которые нашли отражение в национальном законодательстве в области охраны окружающей среды:

- приоритетом охраны жизни и здоровья человека, обеспечения благоприятных экологических условий для жизни, труда и отдыха населения;
- научно обоснованным сочетанием экологических и экономических интересов общества, обеспечивающих реальные гарантии прав человека на здоровую и благоприятную для жизни окружающую природную среду;
- рациональным использованием природных ресурсов с учетом законов природы, потенциальных возможностей окружающей среды, необходимости воспроизводства природных ресурсов и недопущения необратимых последствий для окружающей среды и здоровья человека;
- соблюдением требований законодательства в области охраны окружающей среды и ответственность за экологические правонарушения;

- гласностью в работе и тесной связью с общественными организациями и населением в решении экологических проблем;

- международным сотрудничеством в решении экологических проблем.

Сразу же обращается внимание на то, что перечисленные принципы определяются международным и национальным законодательством в области охраны окружающей среды, требованиями экологизации экономики и направлены на разработку экономического механизма обеспечения экологически устойчивого развития. К таким требованиям относятся:

- определение существующих взаимосвязей между потребностями социально-экономического развития, состоянием окружающей среды и условиями жизнедеятельности людей; изучение экономических аспектов взаимодействия общества и природы;

- рассмотрение концепции экологически устойчивого развития, проблем экологизации экономики;

- анализ экономических проблем, связанных с изменением состояния окружающей среды и использованием природных ресурсов;

- определение экономической ценности отдельных элементов окружающей природной среды, социально-экономическая оценка природных ресурсов;

- определение экологических издержек, экономического ущерба от загрязнения окружающей среды и нерационального природопользования;

- разработка перспективных направлений структурной перестройки производства на базе экологических приоритетов и экологизации экономики;

- изучение возможностей государственного регулирования и рыночных инструментов для рационального природопользования;

- разработка финансово-кредитных инструментов стимулирования природоохранной деятельности;

- формирование системы управления в области природопользования и охраны окружающей среды;

- развитие экологического предпринимательства, формирование рынка экологических товаров и услуг;

- определение путей и методов повышения эффективности мероприятий в области охраны окружающей среды и рационального природопользования;

- разработка механизмов международного сотрудничества в решении экологических проблем и др.

Акцент на данные правовые аспекты регулирования проблем защиты окружающей среды сделан, чтобы подчеркнуть наличие практически в любом исследовании по этим вопросам мысли о необходимости включать экологический фактор в механизм экономического развития, так, в одном из источников говорится: «Речь идет о том, чтобы ориентировать экономический рост таким образом, чтобы совмещать последствия воздействия человеческой деятельности с ее безопасностью... охрана окружающей среды должна стать неотъемлемым компо-

нентом развития... право на развитие должно реализовываться таким образом, чтобы в равной мере обеспечить удовлетворение потребностей в развитии экономики и сохранении окружающей среды» [2, с. 453 – 454]. Вместе с тем, даже при наличии таких серьезных заявлений, на наш взгляд, роль экологического фактора изначально недооценивается, изначально приоритеты отводятся производству, а окружающая среда рассматривается как условие и результат производства, как фактор внешний по отношению к экономике, а необходимо, чтобы она была встроена в механизм производства и даже была бы его результатом. В исследованиях, посвященных этой проблеме, говорится о том, что мировое сообщество начинает осознавать, что необходимо рассматривать экономику и окружающую среду как единую систему, в глобальном масштабе проблемы экологии и защиты окружающей среды выходят на первый план. Защита окружающей среды как глобальная проблема включает в себя такие компоненты, как глобальное потепление климата; уменьшение озонового слоя Земли; сокращение площади лесов; деградация земельных ресурсов; загрязнение водных бассейнов; сокращение биологического разнообразия; накопление твердых, токсических и радиоактивных отходов. Формируются функциональные системы защиты окружающей среды, вырабатываются их основные параметры, в частности, индекс экологической устойчивости, при расчете которого используются следующие индикаторы:

- объем выбросов в атмосферу углекислого газа;

- доля возобновляемых источников энергии в энергетическом балансе страны;

- энергоемкость ВВП и отдельных отраслей промышленности;

- допустимые нормы выбросов токсических веществ двигателей внутреннего сгорания автомобилей;

- соотношение между потребностями в природных ресурсах и их наличием;

- показатели качества атмосферы, вод, территорий, находящихся в естественном и измененном состоянии, лесов, с учетом их продуктивности и степени сохранности, количества биологических видов, находящихся под угрозой вымирания;

- уровень производства различных видов отходов и др.

В литературе практически единодушно признается необходимость различать экономический рост и социально-экономическое развитие, при этом экономический рост рассматривается как явление количественное, а социально-экономическое развитие – как качественное [5, с. 20]. Саму категорию развития связывают не только с прогрессом, но и с возможностью регресса в процессе трансформации общества, движения от высшей стадии к низшей, от сложного к простому. То есть совершенно обоснованной представляется ситуация рассмотрения факторов торможения в процессе развития. Нельзя не заметить и то, что при изучении вопроса о факторах развития они с легкостью подменяются факторами роста, подробно описанными не только в экономи-

ческой научной литературе, но и в учебной. Так, английский автор Д. Койл, говоря о методах экономики развития, выходит на проблему связи экономического роста с инвестированием в технику, в человеческий капитал, рассматривает проблемы роста населения, марксистскую экономику развития, влияние климатических и географических факторов [3, с. 237 – 239]. При таком подходе так или иначе отождествляется экономический рост и развитие, в то время как путь к количественному росту в современных условиях уже будет не только противоречить развитию, но отрицать саму возможность развития. Судя по всему, наступил такой период в эволюции человеческой цивилизации, когда для реализации глобальных целей нужна позиция падения темпов роста.

По этой причине экономический рост необходимо рассматривать дифференцированно. Проблема не только в том, быть экономическому росту или нет, называть его ростом или развитием, а в том, какие компоненты экономики должны расти, какие должны быть стабильными, какие должны сокращаться, а какие исчезнуть. Если в результате суммирования окажется, что показатели экономического роста (ВВП, ВВП, НД) сократятся, значит, такова тенденция движения национального и мирового производства. Главным критерием роста должна стать возможность сохранения жизненных условий человечества, прекращение загрязнения окружающей среды, а вместе с тем прекращение нарастания количества болезней, рождения больных детей. И постановка вопроса должна быть такова, что путь движения необходимо обосновать раз и навсегда и следовать ему, а не рекомендовать изменения. В-первых, традиционное производство, производящее потребительские товары и факторы производства должно соответствовать следующим тенденциям:

- ему следует подчиняться законам планирования, следовать общей воле человечества, причем не просто на уровне национальной экономики, а на уровне мировой экономики, без этого просто невозможно коренное изменение целей глобальной экономики и реализация этих целей;

- на рынке потребительских товаров минимизировать фактор моды. Огромное количество ресурсов тратится на производство товаров, без которых человек мог бы обойтись, которые не прошли путь физического износа. На поиск новинок, их распространение, рекламу тратятся огромные средства, а товары, которые не износились физически, увеличивают размер отходов. Особенно опасно, если фактор моды связан с расходом природных материалов: шкур животных, натуральным деревом и т. д. Использование материалов – продуктов химического производства, также наносит вред окружающей среде, а фактор моды подстегивает их расширение. Использование принципиально новых технологий порой приносит вред на потребительском рынке, например масштабная замена окон, полов, выравнивание стен ведет не только к новым типам производств, но и к огромным масштабам мусора, не находящего достойного применения.

Во-вторых, нематериальное производство должно развиваться более быстрыми темпами, чем материальное. Это связано с рядом причин. Одна из них – истощение материальных ресурсов, загрязнение окружающей среды. Сфера услуг, особенно социальных услуг, как важнейшая часть нематериального производства является менее фондоемкой, менее энергозатратной, наконец, гораздо меньше влияет на загрязнение окружающей среды. Вторая причина – эта структурная часть экономики более непосредственно выходит на нужды человека, а человек с его потребностями и предпочтениями стоит во главе экономики. Третья причина заключается в том, что фактор труда выходит на более значимое место в экономике, чем вещественные факторы, неспроста появилась точка зрения о необходимости развивать теорию трудовой стоимости, трудового капитала. В то же время известно, что сфера услуг является более трудозатратной, чем традиционное материальное производство. Кроме всего прочего, существует еще одна важная причина отдать этой сфере предпочтение. Существует точка зрения, что затраты на труд намного меньше, чем результаты, причем последние могут существенно превосходить уровень затрат. Модели роста, построенные на таком факторе, как человеческий капитал, результатом исследования формируют мнение о том, что закон убывающей производительности факторов производства ставится под сомнение [4, с. 238]. В отношении вопроса о роли науки можно сказать то же самое, только с некоторыми уточнениями. Знания как продукт и товар можно подразделить на знания как результат научной деятельности и знания как информацию о технологиях, то есть способах производства. Ученый ставит своей научной задачей доказательство приоритета его идей, а пользователи технологий ставят целью получение прибыли. Ученый стремится к широкому распространению своего научного результата, а технолог передает его другим лицам только с коммерческой целью. Таким образом, в экономическом анализе выделяется фундаментальное знание, которое вполне может остаться без практического применения, не является товаром, не вступает в экономические отношения. Знание, используемое как технология, является фактором производства, условием инноваций. Такое знание относится как раз к тем продуктам труда, чья результативность может превысить затраты многократно. Более того, удачные открытия могут быть использованы в разных областях приложения человеческого труда, оно может оказаться востребованным повторно во времени, когда общество достигнет нового уровня развития.

Вместе с тем мы хотели бы обратить внимание на то, что нельзя однозначно относиться к нововведениям как к фактору экономического развития. К факторам экономического роста следует относить только те инновации, которые не вызывают ускоренное поглощение природных ресурсов, не загрязняют окружающую среду, не выступают как дань моде, не наносят вред здоровью людей как в процессе производства, так и в процессе потребления.

В-третьих, необходимо взять резкий курс на уничтожение той части производства, которая служит цели создания антиблаг (наркотики, оружие, табачные изделия, казино), а также такого блага, как реклама, которая не только сама по себе вызывает огромную трату ресурсов, но и вызывает гонку товаров на потребительских рынках, отчасти и на рынках факторов производства, так как без рекламы было бы невозможно распространение такого количества товаров. Люди и ресурсы, высвобождаемые в процессе данных структурных изменений, могли быть заняты в производстве обычных, нормальных благ, близких по технологическим качествам.

Литература

1. Андрианов, В. Д. Эволюция основных концепций регулирования экономики от теории мер-

кантилизма до теории саморегуляции / В. Д. Андрианов. – М.: Экономика, 2008. – 326 с.

2. Государственное регулирование рыночной экономикой / Л. М. Бадалов [и др.]. – М.: Путь России, 2002. – 590 с.

3. Койл, Д. Секс, наркотики и экономика. Нетрадиционное введение в экономику (Серия «Нестандартный подход») / Диана Койл; пер. с англ. Альпина Бизнес Букс, 2004. – 384 с.

4. Шараев, Ю. В. Теория экономического роста : уч. пособие для вузов / Ю. В. Шараев.. – М.: ГУ ВШЭ, 2006. – 254 с.

5. Эффективный экономический рост: теория и практика: уч. пособие для студентов экономических вузов / Т. В. Чечелева [и др.]; под ред. Т. В. Чечелевой. – М.: Экзамен, 2003. – 320 с.

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

УДК 316.334.3:343.8

САМООРГАНИЗАЦИЯ ОСУЖДЕННЫХ В ПЕНИТЕНЦИАРНОЙ СИСТЕМЕ РОССИИ

В. Ф. Лелюх, А. Э. Позднякова

SELF-ORGANIZATION OF THE CONVICTED IN THE RUSSIAN PENITENTIARY SYSTEM

V. F. Lelyukh, A. E. Pozdnyakova

В статье рассматривается несоответствие правового положения осужденных, установленного государством, и фактически действующими «моральными нормами», вносимыми осужденными отрицательной направленности в повседневную жизнь и быт осужденных.

Это неформальная сторона жизни осужденных оказывает решающее влияние на микроклимат в их среде, строго конспирируется от администрации колонии, задача которой состоит в выявлении и нейтрализации подобных «норм – правил», «норма – запретов», устанавливаемых лидерами преступного мира.

Describes a discrepancy right of convicted persons, established by the State, and actually in moral norms ", made by convicts into everyday life are negatively oriented and Gen.

This informal side of life convicts has a decisive influence on microclimate in their midst, strictly conspiruetsâ from the administration of the colony, whose task is to identify and neutralize such "norms, rules, rule bans imposed – the leaders of the criminal world.

Ключевые слова: самоорганизация осужденных, места лишения свободы, отверженные, лидеры отрицательной направленности, «семья» осужденных, «вор в законе», «свояк», «пацан», «блатной», «мужики», приспособленцы, «стукач».

Keywords: self-organization of convicts, detention, Les Misérables, the leaders of the negative direction, "family", "thief in law", "brother-in-law", "kid", "progressive", "men", "snitch" adoptionists.

Особенностью пребывания осужденных в местах отбывания наказания является их несоответствие правовому положению, определенному государством, и моральным «нормам», вносимым самими осужденными в условия жизни исправительных учреждений (ИУ). Это оказывает решающее влияние на неформальную сторону жизни и быта осужденных. Формальная сторона нахождения в исправительных учреждениях нацелена на то, чтобы все сферы их жизни могли быть предметом контроля и вмешательства.

В исправительных учреждениях так называемая личная жизнь сохраняется и течет в зависимости от принадлежности осужденных к тому или иному

уровню иерархии их общества или тому или иному неформальному объединению. Эти процессы хотя и касаются жизненных интересов осужденных, но протекают относительно незаметно для администрации и базируются не на формальных предпосылках, а традициях и ценностях среды осужденных. Их основой в исправительных учреждениях являются: криминальный опыт, авторитет и широта контактов в преступном мире, длительность и частота пребывания в колониях, знание правил и законов преступного мира и их соблюдение, ловкость и умение обманывать представителей администрации, следственных органов и суда, пренебрежение к труду и общественной морали, культ физической силы.

При этом следует придавать большое значение социально-психологическим явлениям, свойственным неформальным группам и личностям, взаимодействующим в этих группах. В этом плане микро-среда осужденных подразделяется на большие и малые неформальные объединения (группы) по национально-этническому и территориальному признаку («землячества»), по виду деятельности личности, преступлению, возрасту, интеллекту и т. п. Выделение этих групп условно. В основе их объединения лежит предубеждение осужденных о мнимой незащищенности в колонии от физически более сильных и «авторитетных» лиц и возглавляемых ими негативных группировок.

В любом исправительном учреждении, в т. ч. в тюрьме и следственном изоляторе, существует несколько каст, т. е. микрогрупп разного статуса – «достоинства». Количество основных каст, как и мастей в карточной колоде, – четыре (красные, черные, серые, голубые).

Каста, находящаяся на вершине преступной иерархической лестницы, – отрицательная часть осужденных – «воры в законе», «углы», «паханы», «блатные», «черные», «отрицалово». Сами себя «черные» так не называют. В переписке и в разговорах между собой и с друзьями-«сидельцами» они называют себя «братвой», «людьми», «бродягами», «босяками», «правильными пацанами», «арестантами», «жуликами», «терпигорцами», «путевыми», просто – «пацанами», в начале двадцатого века – «жиганами» или «огольцами».

По характеру уголовной квалификации – «фармазоны», «фраера», «торбохваты», «мужики ломом подпоясанные», «беспредельщики».

Попасть в элиту преступного мира, т. е. быть численным в касту «блатных», «черную масть» весьма и весьма трудно. «Блатной» должен признавать тюремный закон, следовать «правильным понятиям», быть «чистым» по вольной жизни, не заниматься ничем, кроме своего ремесла, избегать «мокрых» дел, помогать «братве», оказавшейся в трудном положении, учить «правильной жизни» молодежь, уметь играть в карты, жить вне законов, устанавливаемых властью (не прописываться, не регистрировать брак, не ставить свою подпись под документами), стремиться уйти в бега, не дожидаясь конца срока. Раньше путь в высшую касту был закрыт для тех, кто служил в армии, кто хоть раз «взял в руки лопату», т. е. вышел на работу. Сейчас эти требования кое-где отменены. Не могут стать «блатными» и те, кто на воле работал в сфере обслуживания (официанты, таксисты, т. е. «шестерки»). Бывшее начальство – тоже. Есть еще масса других требований к претендентам на статус «блатного». В каждой колонии могут быть свои, особенные требования. Следует, однако, добавить, что в последние годы в «блатном мире» происходят те же метаморфозы, что и во всем российском обществе.

Стать «вором в законе» – надеть «корону» – так же трудно, как стать в армии генералом, в искусстве – народным артистом, в науке – профессором. С одной лишь разницей – у «вора в законе» больше при-

вилегий и прав по его воровской должности: все, что он потребует, должно быть выполнено безусловно, вплоть до убийства любого гражданина (кроме себе равного – «вора в законе», такое решение может быть принято только на воровской сходке с участием «обвиняемого» при наличии «состязательности» двух заинтересованных сторон, с привлечением свидетелей и фактов, подтверждающих серьезность проступка обвиняемого «вора в законе»). Развенчание «вора в законе» – процедура сложная, трудная, и она чревата для инициатора летальным исходом, если он не докажет виновность своего оппонента.

«Вор в законе», или просто «вор» – это высшая ступень воровского олимпа. Выше не бывает. Своего рода посвященный. Само понятие «вор» для преступного мира свято. «Ворами» называют только тех «блатных», которые были «коронованы» и приняты в сословие со всеми подобающими процедурами: своеобразным «кандидатским стажем», рекомендациями, собранием других «воров» – «сходкой».

Звание «вора» ко многому обязывает: он до конца жизни не может отойти от избранного образа жизни, снять с себя принятую однажды ответственность. «Вором» может стать тот, кто до этого был «свояком».

«Свояк» – это кандидат в касту «воров», еще не признанный на сходке. Отошедшего от воровского закона «вора», но в отличие от «суки» не изменившего ему, называют «прошляк» («вор» в прошлом). В колонии «прошляк» пользуется авторитетом. Может присутствовать на «сходняках».

«Пацан» – это тот, кто на воле уже был «блатным», но в колонию попал впервые, т. е. это «блатной», который находится на общем режиме. Придет «пацан» на строгий режим, там он будет называть себя «арестант», «бродяга». «Пацан» – фактически первая ступень в блатной иерархии, потому что на общем режиме не бывает «воров» и «свояков»: мало «ходок» – мало воровских заслуг, невысокое звание и признание в уголовной иерархии.

Блатной мир – мир особый, попасть туда без рекомендации и всесторонней проверки постороннему трудно, практически невозможно. Поэтому так много всегда было приблатненной публики, «полуцветных», как их еще называют. «Блатные» не принимают «полуцветного» за своего, хотя он норовит усвоить их ухватки и прослыть «блатным». «Черные» таких своими не признают, в касту «блатных» не включают. У «блатных» есть свой боевой отряд для «разборок» и устрашения заключенных из других микрогрупп. Зовут их «атлеты», «бойцы», «гладиаторы». Это спецназ «блатных». Осужденные, объединенные в «землячество» (круг), оказывают друг другу моральную и материальную помощь в решении конфликтных ситуаций. Границы «землячества» довольно расплывчаты. Да и не все осужденные относят себя к тому или иному «землячеству» и прибегают к помощи «земляков». Эти большие группы, как правило, быстро выявляются администрацией.

И все же особое место в ИУ занимает малая группа («семья»), которая оказывает непосредственное воздействие на формирование личности, строится на личностных контактах. Права и обязанности ее членов не имеют четкой регламентации и определяются в первую очередь неписаными нормами и правилами поведения, личностными качествами и авторитетом ее участников.

Малые неформальные группы складываются из 3 – 7 человек довольно стихийно, в процессе межличностных отношений осужденных. В них состоит в колонии большинство осужденных, сблизившихся вследствие общности взглядов и интересов, взаимной симпатии, дружбы, личной привязанности, сходства установок и ценностных ориентаций, одинакового отношения к различным событиям, ситуациям жизни и быта в ИУ и т. п.

В малой группе осужденный находит людей, которые более опытные и берут на себя роль лидера, морально поддерживают и защищают его, делятся информацией и продуктами, а главное – он находит психологически совместимых личностей. Состоянием субъективной незащищенности индивида пользуются так называемые «авторитеты» из числа отрицательных лидеров, чтобы затянуть неопытного осужденного в свою группу, обещая покровительство и заступничество, используя его для реализации своих интересов или толкая на правонарушение. В малых группах на основе дефектных взаимоотношений формируется состояние ложной защищенности и сопутствующей ей озлобленности на другие группы осужденных и сотрудников колоний и тюрем.

Следует учесть противоречивость в отношениях членов малой группы, зависимость от ее лидера. В случае «обиды», наносимой малой группе осужденных или отдельным ее членам, на выручку приходит вся группа, в том числе и ее лидер. Но если же над отдельным членом группы, чаще физически слабым или больным, издевается более сильный, «куражится» или унижает его, то защиты не будет, а сам униженный или оскорбленный (даже если над ним совершен гомосексуальный акт), как правило, не порывает с малой группой, боясь попасть в еще худшее положение. В такой группе создается лишь видимость защищенности осужденного от претензий других негативно настроенных в колонии лиц, и в то же время – полная внутригрупповая незащищенность, порождающая черствость, жестокость, культ силы, угодничество, равнодушие. Все это необходимо знать администрации колоний при организации и осуществлении воспитательных и режимных мероприятий в отношении этой категории лиц.

В последние годы, как свидетельствует практика борьбы с преступностью, серьезную озабоченность администрации ИУ вызывает нахождение в местах лишения свободы авторитетов преступного мира, так называемых «воров в законе», которые осложняют оперативную обстановку в подразделениях, оказывают противодействие требованиям администрации ИУ, перевоспитанию осужденных и соблюдению ими здорового образа жизни.

Преступные группировки «воров в законе» возникли еще в царской России. Вынуждаемые социальными условиями жизни, отдельные лица становились профессиональными преступниками – ворами. Характер совершаемых ими преступлений неизменно приводил к созданию преступных групп. Преступники-профессионалы подбирали себе послушных помощников из числа молодежи, психологически их обрабатывали и обучали воровскому «ремеслу», занимая главенствующее положение в преступной группе.

Преступные воздействия и праздное проведение времени членов этих групп породили в группировках свои традиции и неписанные «законы», носившие устойчивый характер, жестоко каравшие их нарушителей. Воры-профессионалы, жившие по законам этих группировок, стали именоваться «ворами в законе», а их группировки – «воровскими».

Совместное отбывание наказания в местах лишения свободы сплотило эту категорию лиц, создало почву для паразитического образа жизни за счет других заключенных, распространения «воровской идеологии» среди них, вовлечения в свои ряды новых членов.

В настоящее время администрация ИУ активно и небезуспешно проводит в колониях и тюрьмах определенную работу по разложению воровских традиций и развенчиванию авторитета «воров в законе». Однако они не исчезли, а приспособились к новым условиям. Негативные лидеры трансформировали и изменили свои «законы». Они могут себя не «афишировать», но фактически продолжают паразитировать, вовлекать в ряды своих группировок новых членов, подчинять своей воле других осужденных. «Законники» и сейчас стараются внушить не только осужденным, но и работникам исправительных учреждений, что они являются поборниками «арестантской справедливости», играют в благородство, «разрешают» возникающие конфликты между осужденными, но это нередко приводит лишь к обострению межличностных отношений и даже тяжким преступлениям.

В последние годы наибольшее количество «воров в законе» появилось в колониях из числа лиц, проживающих в республиках Закавказья и Средней Азии. Поэтому действенной мерой в оздоровлении обстановки в колониях стало их этапирование в регионы с более тяжелыми климатическими условиями, где они не пользуются авторитетом среди основной массы осужденных, и другие воспитательные и оперативно-режимные меры, особенно среди молодых по возрасту людей.

В работе с этой категорией лиц следует знать, что в их среде наблюдается деление на «воров в законе» нового и старого поколения. «Воровская идея» последних основана на преступной личной деятельности, что неизбежно приводит их к многократному пребыванию в местах лишения свободы. Находясь в колониях и тюрьмах, «воры в законе» старого поколения стараются поддерживать «справедливые» взаимоотношения среди осужденных, а

также избегать конфликтных ситуаций с администрацией.

«Воры в законе» нового поколения основную цель своей преступной деятельности видят в «добывании» денег, материальных средств и других ценностей. Для признания «вором в законе» этой категории не обязательно отбывать наказание в колонии или тюрьме. В своем поведении в местах лишения свободы они нарушают «воровские традиции», ведут себя дерзко, что приводит к крайнему недовольству спецконтингента («беспределу») и потере авторитета их «воровского звания». Отдельная часть «воров в законе» старого поколения не признает их «воровского титула» в исправительных учреждениях. Это нередко приводит к их психологической несовместимости и преступлениям («при разборках»).

Довольно часты случаи, когда отрицательно настроенные осужденные собираются в больницах ИУ (под видом заболевших, нуждающихся в стационарном лечении) для выработки единой тактики действий и консолидации своих сил. На «сходке» решаются вопросы сбора «общака», отчисления в его пользу выигрыша от игры в карты (10 %), накладки «налога» на «семьи» осужденных, внедрения «козырных» в рабочие бригады для осуществления поборов якобы в пользу «наказанных», «нейтрализации» деятельности формальных лидеров и даже администрации, других группировок, не признанных «воровскими» (которые только злят «мужиков»), справедливость разбора конфликтов среди осужденных администрацией (как правило, это отказы от работы, рукоприкладство начальствующим и контролерским составом) и других случаев, в том числе и летальных исходах среди осужденных по вине (или халатности) медицинских работников исправительных учреждений.

Пенитенциарная практика свидетельствует об изменении скрытых процессов и намерений «воров в законе» и «положенцев» в условиях противодействия им администрации. Поэтому сейчас тактика лидеров осужденных отрицательной направленности заключается в отклонении от воровского толкования понятий и образа жизни «порядочных арестантов». «Вору в законе», «положенцу» сейчас допустимо по прибытии в колонию даже идти на сближение с администрацией (в известных пределах), ибо некоторые интересы администрации, «воров» и «положенцев» совпадают (цельность общего котла, недопустимость драк, резни, «беспредела», притеснения «мужиков» и др.). Все это делается для того, чтобы эти лица больше находились в зоне (общезитиях) среди других осужденных («братвы») и своим присутствием могли влиять на скрытые от администрации процессы в коллективах, придавая им отрицательную направленность, нейтрализуя меры воспитательного и оперативно-режимного воздействия на спецконтингент.

Лидеры преступного мира для этого приспосабливаются к требованиям режима отбывания наказания в ИУ, даже отменяя в отдельных случаях ранее существующие «воровские запреты». Но вместе с тем они от преступной «идеологии» не отказываются

и скрыто продолжают вести прежний образ жизни как в ИУ, так и после отбывания наказания.

Таким образом, в исправительных учреждениях существует неформальная иерархия осужденных. К первой группе принадлежат осужденные с отрицательной направленностью в поведении (по терминологии осужденных – это «люди»). Их примерно до 5 – 10 % от общего числа. Это наиболее организованная группа. Ее лидеры («воры в законе», «заправилы», «паханы», «углы») имеют высокий авторитет в «семье» и «землячестве» в силу личностных особенностей, большого стажа пребывания в местах лишения свободы, знаний порядков в преступном мире, незаурядных умственных и физических данных. Эта группа характеризуется решительно негативным отношением к требованиям закона, морали общества, презрением к этим нормам, прививаемым человеку культурой, признанием права сильного и применением его в жизни ИУ. Способами вхождения в группу «людей» довольно часто являются голодовки, симулятивные проявления, аутоагрессивные действия, гомосексуальные акты или физическая расправа над активистами и т. п.

Ко второй группе относятся осужденные с нейтральной направленностью (по терминологии осужденных – «мужики»), составляющие в среднем 60 – 65 % от общего числа спецконтингента. В этой группе имеется небольшая прослойка тех, кто тяготеет к «людям» (именно они являются их доверенными лицами, нередко выполняют посреднические функции «неформальных» лидеров). Но в этой же группе есть и другая прослойка, которая тяготеет к «отверженным», т. е. осужденным, которые по статусу значительно ниже других.

Третья группа – так называемые «отверженные». В нее входят от 3 до 10 % осужденных, которые своим поведением, неопрятностью, социальной и психологической деградацией, несоблюдением правил личной и общественной гигиены «опустились» на последнюю ступень иерархии среды и этим самым противопоставили себя основной массе. Эта группа неоднородна и состоит из двух подгрупп. Одна подгруппа включает так называемых «опущенных», т. е. лиц, нарушивших «нормы» поведения, выработанные сообществом осужденных (совершившие кражу в местах лишения свободы, не уплатившие карточный долг и т. д.).

Во вторую подгруппу входят «обиженные», т. е. лица, вовлеченные в переверстные контакты в качестве пассивных гомосексуалистов обманным путем, обещанием покровительства и защиты отрицательных лидеров или изнасилованных ими за нарушение правил поведения сообщества, или расплатившихся таким способом за долги. Обычно в эту подгруппу включают также и осужденных, склонных к гомосексуальным и иным переверстным контактам и занимавшихся ими до отбывания наказания в местах лишения свободы.

К самостоятельной четвертой группе относятся осужденные, которые сотрудничают с администрацией (до 15 % от общего числа). С позиции сообщества, они сами себя отвергли от «общества» и дос-

тойны всеобщего презрения. Но и эта группа неоднородна. В нее входят: лица, которые искренне раскаялись в содеянном преступлении и встали на путь исправления; активисты, вошедшие в формальные общественные организации; приспособленцы, нередко получающие определенные преимущества, спекулирующие положением члена самостоятельной организации (последние, будучи разоблаченными администрацией как двурушники, оказываются в затруднительном положении и перед администрацией, и перед отрицательными лидерами); осужденные, нарушившие нормы поведения сообщества и опасющиеся возмездия. Они изъявляют желание стать «активистами», а членство в общественной организации для них является весьма эффективной и реальной защитой со стороны администрации.

Общеизвестно, что измена принятым в среде «людей» принципам ведет к присвоению субъекту эпитета «стукач», а это приводит к тому, что жизнь данной личности становится невыносимой. «Стукач» подлежит изгнанию из общества, а с изгнанием позволено делать все.

Личностной особенностью осужденных нередко является стремление к завоеванию более высокого личного статуса («авторитета») в структуре неформальных объединений («семей»), в которой каждый из них находит удовлетворение своим потребностям. В зависимости от ступени сообщества отмечается и эмоциональный фон в «семьях».

Так, в «отрицательных» семьях сильнее ощущается иерархия, подчиненность внутрисемейных отношений той роли, которую играют «заправилы», «паханы» и «углы». В семьях «нейтральных» взаимоотношения строятся на принципах дружбы, уважения, взаимопомощи, хотя материальные отношения между членами семьи остаются ведущими.

В группе «отверженных» семей как таковых нет, но существуют привязанности, которые недолговечны. На жаргоне осужденных данная группа обозначается как «гарем». Название связано не только с вхождением в это неформальное объединение гомосексуалистов, но и частыми ссорами, конфликтами, скандалами, руганью и пр. Среди «отверженных» иногда появляются «лидеры», как правило, из числа бывших «отрицательных», оказавшихся в этой группе лиц за нарушение норм сообщества. Они довольно часто пользуются влиянием в колонии, с которым считаются и «отрицательные» семьи.

В недавние времена, когда перенаселенность колоний превышала все лимиты, доля людей этой категории в общей массе осужденных в некоторых местах позволяла администрации даже объединять их в отдельные отряды. Сейчас положение легче: амнистия, гуманные шаги государства, направленные на смягчение условий, значительно уменьшили и эту категорию осужденных. Но проблема осталась.

Отверженный не считается человеком. Разговаривать с ним на равных, угостить сигаретой, оказать помощь или просто посочувствовать в трудную минуту считается по тюремной этике не просто зазорным, предосудительным, а и опасным, поскольку

преступивший эти положения «закона» сам может быть причислен при определенных обстоятельствах к низшей касте со всеми вытекающими из этого печальными для него последствиями. Дистанция – вот основное правило общения с отверженными. Глухая внутренняя изоляция – дополнительное им наказание.

Отверженным можно стать из-за невозможности вернуть карточный долг, из-за нарушения целого ряда норм воровской этики: за связь с администрацией, за излишнюю откровенность во время следствия и т. д. Можно влиться в эту касту по собственной воле, вернее, из-за полного ее отсутствия: перестать следить за собой, деградировать, опуститься. Но сколько бы раз впоследствии человек ни оказывался вновь в местах лишения свободы, в какие бы дальние края ни попадал, какие бы «подвиги» не совершал во благо тюремного сообщества, до конца дней не выйти ему из этой касты. Все ведающая «тюремная почта» позаботится о чистоте рядов сообщества. Да и сам отверженный, несмотря на всю унижительность и жестокость своего положения, вряд ли рискнет, даже спустя десятилетия, вновь оказавшись за решеткой, скрыть однажды и навсегда наложенную на него печать: кара будет жестокой и беспощадной. Причем ответственность за содеянное с ним ляжет впоследствии на какого-либо такого же отверженного.

Отверженные – это нижняя ступенька иерархической лестницы, на верху которой восседают так называемые «авторитеты» – воры в законе. Они редко сами опускаются до издевательств над отверженными. За них это делают другие, «выдвиженцы», люди не способные сами стать лидерами и до смерти боящиеся скатиться с завоеванных ступенек. Они при малейшей потере бдительности администрации обирают слабых, чтобы обеспечить благоденствие лидеров, заставляют тех, кто не в состоянии дать отпор, делать за себя работу, перераспределяют в пользу «авторитетов» результаты производственной деятельности. Все это творится с молчаливого согласия серой, разобщенной массы большинства «мужиков», скрывающих под маской безразличия, нейтралитета, невмешательства, даже своего рода достоинства «трудоги» мелочность души, животный страх за свою «личную шкуру», за свой паек.

Неформальные группы осужденных отличаются высокой степенью устойчивости. Их влияние на нравственно-психологический климат и оперативную обстановку в колониях бывает различным, – от положительного до резко негативного, подчас противодействующего администрации. Они могут организовать расправу над осужденным, оказывающим помощь персоналу учреждения по поддержанию установленного порядка, избить, запугать, «подставить» под администрацию, организовав «кукольник» (кукольник – дезинформация о проступке осужденного, которая поступает из нескольких источников одновременно различным представителям ИУ, причем люди заведомо знают, что вся «компра» собирается в одном месте ИУ – в

оперативном подразделении колонии). Неформальные группы могут существенным образом влиять на организацию режима отбывания наказания, отношение к труду, посещение школы, либо профтехучилища, выполнения иных требований администрации колонии.

Как показала практика, неформальные группы существуют в колониях всех видов режима. В местах лишения свободы обостренно воспринимается любая информация о том, что представляет собой тот или иной вновь прибывший этапном осужденный, как проявил он себя при задержании, аресте, на допросах в ходе дознания и предварительного следствия, в зале судебного заседания, в ИВС и СИЗО, в пересылке и при этапировании. Ценность любого осужденного, его собственного «Я», складывается в зависимости от вышеизложенных обстоятельств, от того, наблюдаются или нет у него порочные наклонности, опрятен его внешний вид или неряшлив, каковы его интеллектуальные способности, знает ли он правила тюремного общежития, умеет ли он постоять за себя, дружен ли с преступными авторитетами на свободе и в зоне. Осужденные оценивают степень поддержки данного новичка со стороны авторитетов. На заметку берется и то, нарушал ли прибывший нормы поведения той группы, к которой принадлежит, умеет ли вести себя в камере, отряде, с осужденными других групп и «мастей», а также при выяснении конфликтных отношений на «разборках».

Очевидно, что в результате совершения человеком преступления, за которым последовало наказание в виде лишения свободы, оценка его поведения и поступков резко падает, она становится официально отрицательной. Преступное поведение встречает, как правило, нравственное осуждение со стороны общества. Большинство осужденных знают об этом отношении. С одной стороны, они понимают, что наказание за совершенное преступление необходимо и справедливо. Но, с другой – отнесение их к числу преступников вызывает у них психологический протест. В этой ситуации стремление сохранить ценность своего «Я» не уменьшается, а, напротив, может возрастать.

Объединению осужденных в неформальные группы чаще всего способствует жесткая регламентация поведения осужденных во всех сферах их деятельности и обязательное включение их в формальные группы. В местах отбывания наказания осужденный затруднен в реализации своих потребностей, в индивидуализации деятельности, он вынужден поступить так, как разрешено ему правовыми нормами. Например, включение их в отряды или бригады происходит не на добровольных началах и приводит к тому, что осужденный нередко стремится свои дружеские привязанности и симпатии реализовывать в пределах неформальных групп.

Неформальные группы устанавливают для своих членов определенные права и налагают на них конкретные обязанности, которые поддерживаются установившимися традициями, нередко – и принуждением.

Инициатива о помощи обычно исходит от членов малой неформальной группы (друзей, земляков), но организуют ее чаще всего «отрицательные», так как именно они стараются наладить необходимые для этого контакты, согласны пойти на риск и т. п. «Отрицательные» поддерживают порядок, выработанный неформальной группой осужденных, разбирают конфликты между осужденными, приводят к исполнению решения, принятые по поводу нарушения той или иной нормы и т. п. Кроме того, они берут на себя функции изменять и приспосабливать групповые нормы поведения осужденных в соответствии с конкретными условиями жизни в местах лишения свободы.

Осужденные, принадлежащие к нейтральной части, должны воздерживаться от совершения поступков, которые не разрешаются нормами поведения, выработанными самими осужденными. Они обязаны сообщать об известных им фактах нарушения этих норм либо персоналу учреждения, либо «отрицательным» в лице «положенцев», «смотрящих» и т. п. «Нейтральные» нередко предпочитают обращаться за помощью не к администрации, а к «своим», к осужденным. Это вызвано, во-первых, тем, что обращение за помощью к администрации считается нарушением нормы поведения, и, во-вторых, разрешение конфликта в своей среде, по их мнению, эффективнее, осуществляется быстрее, признается осужденными справедливым, так как потерпевшая сторона по правилам поведения нередко сама наказывает обидчика.

В отношении осужденных, находящихся в состоянии отчуждения, «изгоев», «отверженных», выработанная в неформальной группе норма поведения превращается в норму-запрет. Помощь им оказывается в порядке исключения, чаще всего, при водворении в штрафной изолятор, помещение камерного типа или при применении другой меры взыскания. В этих случаях они считаются пострадавшими за общее дело.

Одной из детерминант возникновения неформальных объединений и групп среди осужденных является то обстоятельство, что формальные организации, работающие под началом персонала исправительного учреждения, не охватывают всех сторон многогранных жизненных явлений, которые предлагает среда, существующая в замкнутом пространстве, именуемом местом лишения свободы, или исправительным учреждением.

Эта неформальная сторона жизни осужденных оказывает решающее влияние на микроклимат в их среде, строго конспирируется от администрации колонии, задача которой состоит в выявлении и нейтрализации подобных «норм – правил», «норма – запретов», устанавливаемых лидерами преступного мира.

Внешний порядок администрацией большей частью полностью контролируется: подъем, построение, зарядка, завтрак, работа на производстве, воспитательные мероприятия и пр. Борьба с воровскими традициями в колониях ведется давняя и непримиримая, всеми возможными путями и сред-

ствами. И от того, кто в этой борьбе окажется сильнее, зависит в каких условиях будет отбывать наказание осужденный – в безопасных, комфортных и правовых, либо в дискомфортных – «по понятиям», где беспредел – это и есть «норма» воровского мира, что «большим» обществом категорически отвергается.

Литература

1. Анисимков, В. М. Тюрьма и ее законы / В. М. Анисимков. – Саратов: Сарат. гос. акад. права, 1998. – 105 с.
2. Баранов, Н. П. Предупреждение и пресечение чрезвычайных ситуаций криминального характера в исправительных учреждениях / Н. П. Баранов: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук; 12.00.08; Акад. упр. МВД России. – М., 2001. – 60 с.
3. Баранов, П. П. Проблема соотношения закона, власти и справедливости / П. П. Баранов, В. Ю. Шпак // Философия права. – Ростов-н/Д, 2001. – № 2.
4. Волкова, Т. Н. Тюрьма: правовое положение некоторых категорий осужденных и лиц, содержащихся под стражей в помещениях, функционирующих в режиме следственного изолятора / Т. Н. Волкова // Труды филиала МГЮА в г. Вологде. – Вологда, 2004. – Вып. 1.
5. Гишинский, Я. И. Социальный контроль в современном обществе: проблемы и перспективы / Я. И. Гишинский // Актуальные проблемы социологии девиантного поведения и социального контроля. – М., 1992.
6. Карклинс, Р. Организация власти в советских исправительно-трудовых колониях / Р. Карклинс // Социс. – 1990. – № 6.
7. Климова, С. Г. Контроль отклоняющегося поведения со стороны государства и общества / С. Г. Климова // Социс. – 1990. – № 10.
8. Кудрявцев, И. А. Предупреждение групповых преступлений в исправительных учреждениях уголовно-исполнительной системы: автореф. дис. ... канд. юрид. наук; 12.00.08 / Ряз. ин-т права и экономики. – Рязань, 1999. – 26 с.
9. Лелюх, В. Ф. Социальное назначение и реформирование уголовно-исполнительной системы / В. Ф. Лелюх // Факультетские исследования. – Вып. 2: регион: власть, политика и местное развитие: материалы регионал. научно-практич. конф. – Кемерово, 2005.
10. Ольминский, М. В тюрьме: (1896 – 1898 гг.) / М. Ольминский, М. Александров. – М.: Молодая гвардия, 1956. – 167 с.
11. Пругавин, А. С. В казематах: очерки и материалы по истории русских тюрем / А. С. Пругавин. – СПб.: Тип. 1-й СПб. труд. артели, 1909. – 365 с.
12. Рева, И. Русская тюрьма и ее жизнь / И. Рева // Юридический вестник. – 1885. – № 5.; оконч. в № 6/7.
13. Тимофеев, Н. Тюремные порядки / Н. Тимофеев // Юридический вестник. – 1882. – № 6.
14. Шурухов, Н. Г. Неформальная дифференциация в исправительно-трудовых учреждениях / Н. Г. Шурухов // Социс. – 1992. – № 7.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

ИТОГИ III МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ ИНТЕРНЕТ-КОНФЕРЕНЦИИ "СЛАВЯНСКАЯ ФИЛОЛОГИЯ: ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ И МЕТОДИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ"

Е. В. Евпак

THE RESULTS OF THE 3 INTERNATIONAL SCIENTIFIC AND PRACTICAL INTERNET CONFERENCE "SLAVONIC PHILOLOGY: RESEARCH AND METHODOLOGICAL ASPECTS"

Е. V. Evpak

7 – 13 декабря 2011 года в Кемеровском государственном университете проходила III Международная научно-практическая Интернет-конференция "Славянская филология: исследовательский и методический аспекты", подготовленная кафедрой теории языка и славяно-русского языкознания (председатель программно-методического комитета – Афанасьев Константин Евгеньевич, проректор по научной работе и информатизации КемГУ, доктор физико-математических наук, академик МАН ВШ, профессор, заведующий кафедрой ЮНЕСКО по НИТ, директор ЦНИТ, лауреат премии правительства в области образования, заслуженный работник Высшей

школы Российской Федерации; организатор – заведующий кафедрой теории языка и славяно-русского языкознания, канд. филол. наук, доцент Е. В. Евпак).

В рамках конференции были продолжены исследования различных аспектов славистики, русистики и преподавания славянских языков. Научная конференция объединила 40 славистов из России, Чешского национально-культурного общества «Независимость» в России, Польши, Украины, Словакии, Сербии, Казахстана.

Российских учёных представляли сотрудники Кемеровского государственного университета (кафедры: теории языка и славяно-русского языкозна-

ния, русского языка, общего языкознания и славянских языков, теории литературы и истории зарубежных литератур, немецкой филологии), Кемеровского государственного университета культуры и искусств (КемГУКИ), Самарской гуманитарной академии, Омского государственного университета имени Ф. М. Достоевского, филиала Санкт-Петербургского государственного инженерно-экономического университета в г. Тверь.

Зарубежных гостей представляли учёные из Института техники (Педагогический университет, г. Краков, Польша), Чешского национального культурного общества "Незабудка" (г. Чита, Россия), Университета Константина Философа в Нитре (г. Нитра, Словакия), Института русистики, украинистики и славистики Прешовского ун-та (г. Прешов, Словакия), Днепропетровского национального университета им. Олеса Гончара (г. Днепропетровск, Украина), Института сербского языка Сербской академии наук и искусств (г. Белград, Сербия), Университета в Нише (г. Ниш, Сербия), Казахского национального педагогического университета им. Абая (г. Алматы, Казахстан).

Работа конференции протекала в трёх секциях. На секции "ПРЕПОДАВАНИЕ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ В СРЕДНИХ И ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЯХ" рассматривались доклады отечественных и зарубежных лингвистов, в которых были освещены вопросы преподавания дисциплин славяноведческого цикла: введение в славянскую филологию (доц. ОмГУ А. А. Юнаковская "Лексическая межъязыковая омонимия как понятие славянской филологии"); методика преподавания славянских языков (доц. ун-та им. Константина Философа в Нитре Э. Деканова "Новая концепция подготовки переводчиков в университете им. Константина Философа в Нитре"; студ. ФФиЖ КемГУ А. Антонова "Языковые процессы в современном хорватском языке"; доц. КемГУ Е. Е. Рыбникова, доц. КемГУ С. В. Стеванович "Культурологический аспект в преподавании славянских языков (из опыта создания электронного учебного пособия)"; доц. КемГУ С. С. Сермягина "Основные вопросы методики анализа подтекста художественного произведения"; канд. филос. наук Прешовского ун-та, С. Копчакова, канд. филос. наук, Я. Худакова "Мультимедийные учебные пособия как средства стимулирования органов чувств в процессе формирования языковых компетенций").

В рамках секции "АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ РУСИСТИКИ" авторы докладов рассматривали вопросы истории русского языка и литературы, охватывающей как древний период XI – XVII вв., так и более поздний XVIII – XIX вв. (доц. КемГУ Л. П. Грунина "Заглавие художественного текста, особенности номинации"; доц. КемГУ Т. Г. Рабенко, М. А. Ситникова "Жанр объяснение в любви в эпистолярной литературе (на материале любовных писем русских писателей XVIII – XIX вв.)"; аспирант кафедры русского языка КемГУ Е. Л. Барышева "Канон и вариативность русской православной проповеди"; аспирант кафедры теории языка и славяно-

русского языкознания КемГУ А. М. Дементьянова "Способы включения субъекта в пространство (из опыта полиситуативного анализа притяжательного прилагательного в древнерусском языке)"; вопросы современного русского и казахского языков (проф. КемГУ Н. Б. Лебедева "Проект создания энциклопедического словаря жанров естественной письменной русской речи"; доц. Казахского национального педагогического университета им. Абая А. Д. Маймакова "О денотативной семантике лексических коррелятов (на материале русского и казахского языков)"; Интернет коммуникации и масс-медиа (стажер-исследователь КемГУ Т. В. Алтухова "Лингвопрагматические характеристики жанра "статус" русской социальной сети "ВКонтакте"; проф. СПбГИЭУ, филиал в г. Твери А. Б. Бушев "Исследования современного медийного дискурса").

В секции "МЕЖСЛАВЯНСКИЕ КУЛЬТУРНЫЕ СВЯЗИ: ЛИТЕРАТУРА И ЯЗЫК" были представлены доклады, посвященные медийному дискурсу, (проф. Института техники Краковского ун-та, г. Краков, Польша, Г. Нога "Aksjologiczne wyzwania wobec socjalizacyjnych treści medialnych i multimedialnych"); славянской взаимности в контексте научных связей (доц. Университета им. Константина Философа в Нитре, Словакия, Н. Корина "Некоторые аспекты определения национально-специфичных когнитивных доминант родственных языков"; зав. кафедрой теории языка и славяно-русского языкознания КемГУ доц. Е. В. Евпак "Славяно-русские научные связи как принцип самоидентичности в эпоху глобализации"; председатель Чешского национального культурного общества "Незабудка", г. Чита, Т. Н. Ковалевская "Экспедиция к месту захоронения чехословацких легионеров"; проф. университета в Нише, Сербия, Й. Маркович "Статус русског језика на филозофском факултету у Нишу"; научный советник Института сербского языка Сербской академии наук и искусств, г. Белград, Сербия, С. Милорадович "Современное состояние сербского и русского музыкального сленга. Сходства и различия"; преподаватель Университета им. Константина Философа в Нитре, Словакия, В. Пулчар "Использование имен собственных в названиях словацких и русских риэлтерских компаний (сравнительный взгляд)"; магистр филологических наук, Институт сербского языка Сербской академии наук и искусств, г. Белград, Сербия, С. Станкович "Две социолгвистичке паралеле: срби и српски језик у Македонији и македонци и македонски језик у Србији"; проф. САГА, г. Самара, Е. Е. Стефанский "Функциональное сближение разноприставочных глаголов движения в русском и польском языках"; аспирант кафедры русистики университета Константина Философа в Нитре, Словакия, Д. Тимарова "Научно-технические тексты в трактовке словацкого и русского языкознания (сопоставительный аспект)"; аспирант кафедры русистики Университета имени Константина Философа в Нитре, Словакия, Л. Молнарова "К вопросу о заимствованиях в юридической и экономической терминологии (на материале русских и словацких инсти-

туциональных текстов"); студ. КемГУ К. Н. Ахалина "Проблемы перевода лексики с национально-культурным компонентом с русского языка на сербский (на материале повести Н. В. Гоголя "Тарас Бульба)". Кроме того, на секции были рассмотрены вопросы литературы и интерпретации текста (старший преподаватель Университета Константина Философа в Нитре, Словакия, Я. Галло "O otazke intertextoveho nadvazovania"; доц. университета Константина Философа в Нитре, Словакия, Н. Муранска "Переводчик художественного текста – translator или transformer?"; магистр Института русистики, украинистики и славистики Прешовского ун-та, Словакия, А. Петрикова "Художественный текст как источник постижения иноязычной культуры"; доц. КемГУ Е. Н. Рогова "Типы художественной целостности в романе Я. Гашека "Похождения бравого солдата Швейка"; зав. кафедрой русского языка и литературы КемГУКИ М. В. Литовченко "Онегинский" сюжет в "Рассказе госпожи NN" А. П. Чехова"), также рассматривались общетеоретические вопросы языкознания и методологии (аспирант кафедры русистики Университета Константина Философа в Нитре, Словакия, С. Лопушна "Имплицитность и ее разные формы в языке и коммуникации"; ассистент кафедры немецкой филологии КемГУ Е. А. Мельник "Славянский компонент значений идишских глаголов с префиксов *unter-*, описывающих степень выраженности действия, процесса или состояния"; старший преподаватель Днепропетровского национального ун-та им. Олеса Гончара, г. Днепропетровск, Украина, Л. В. Полищук "Украинско-болгарские лексические аналогии как результат славянской лингвистической дистрибуции на разных хронологических срезах"; зав. кафедрой русистики университета Константина Философа в Нитре, проф. Я. Соколова "Синхронный динамизм языка и проблема экспланации"; студент КемГУ Е. Чеснокова "Значения и формы прошедшего времени в современном сербском языке (на материале перевода пьесы А. П. Чехова "Дядя Ваня")"; и. о. зав. кафедрой немецкой филологии КемГУ, доц. К. А. Шишигин "Глаголы с префиксом *on-* в языке идиш: немецкое и славянское в этимологии и

семантике") и проблематика языковой ситуации в славянских странах (студент ФИИМО КемГУ Г. В. Торопчин "Феномен двомовності на терені сучасної України"). Докладчики, а также многочисленная студенческая аудитория приняли активное участие в дискуссии, которая выявила различные точки зрения по ряду обсуждавшихся проблем.

Подводя итоги конференции, отметим, что сама славистическая проблематика, а также формат общения, по сравнению с предыдущей, традиционной, формой проведения конференций, открыли новые возможности для межкультурного диалога – обмена опытом в изучении славянских языков, литератур и методик их преподавания. В докладе Э. Декановой, известного словацкого русиста, было отмечено, что Кемеровский государственный университет в плане сотрудничества принадлежит к надёжным зарубежным партнёрам УКФ в Нитре как в научно-исследовательской, так и в педагогической и издательской областях деятельности.

III Международная научно-практическая Интернет-конференция "Славянская филология: исследовательский и методический аспекты" еще раз подтвердила слова, сказанные известным российским ученым, ректором МГУ В. А. Садовничим на открытии Международного научного симпозиума "Славянские языки и культуры в современном мире" в 2009 году: "Научная и преподавательская деятельность конкретных людей, занимавшихся славянскими языками и литературами, на протяжении всей истории способствовала взаимопониманию и укреплению связей между отдельными славянскими народами. Такими людьми являются участники нашей конференции. Думается, что именно их миссия – помогать решению накопившихся проблем и преодолению препятствий, мешающих нормальным контактам между славянскими народами, и в конечном счете – способствовать сохранению особого культурного ареала во всем его многообразии".

Доклады, представленные на конференции, будут опубликованы в специальном сборнике научных статей.

АВТОРЫ ВЫПУСКА

Алтухова Татьяна Владимировна – стажер-исследователь кафедры теории языка и славянорусского языкознания КемГУ.

Altukhova Tatyana Vladimirovna – intern, researcher of the Department Theory of Language and Slavonic and Russian Linguistics KemSU.

Андреев Андрей Владимирович – аспирант кафедры политических наук КемГУ.

Andreev Andrey Vladimirovich – post-graduate student of the Department of Political Sciences of KemSU.

Барышева Евгения Леонидовна – аспирант кафедры русского языка КемГУ.

Barysheva Evgeniya Leonidovna – post-graduate student of the Department Russian Language of KemSU.

Башикатова Юлия Алексеевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии № 2, докторант кафедры исторического языкознания и славянских языков КемГУ.

Bashkatova Yulia Alekseevna – candidate of philology, associate professor of the Department of English Philology № 2, doctoral student of the Department of Historical Linguistics and Slavonic Language of KemSU.

Белякова Лариса Анатольевна – учитель-логопед МДОУ № 36 «Центр развития ребёнка – детский сад», г. Кемерово.

Belyakova Larisa Anatolievna – teacher and speech therapist of the Municipal pro-school educational institution No. 36 “Child Development Center – Nursery”, Kemerovo.

Блинова Светлана Викторовна – кандидат биологических наук, доцент кафедры зоологии и экологии КемГУ.

Blinova Svetlana Victorovna – candidate of biology, associate professor of the Department of Zoology and Ecology of KemSU.

Бородин Юрий Викторович – кандидат технических наук, доцент кафедры экологии и безопасности жизнедеятельности, Национальный исследовательский Томский политехнический университет.

Borodin Yuri Viktorovich – candidate of technical sciences, associate professor of the Department of Ecology and Safety of Human Life of National Research Tomsk Polytechnic University.

Вавилова Наталья Александровна – старший лаборант в лаборатории популяционной этногенетики Института цитологии и генетики СО РАН, Новосибирск.

Vavilova Natalya Alexandrovna – senior lab assistant of the Laboratory for population ethnogenetics of Institute of Citology and Genetics of the Siberian Division of the RAS Novosibirsk.

Войтиков Константин Юрьевич – кандидат технических наук, доцент кафедры информатики Анжеро-Судженского филиала КемГУ.

Voytikov Konstantin Yurevich – candidate of technical sciences, associate professor of the Department of Informatics of the Anzhero-Sudzhensk Branch of KemSU.

Волков Алексей Николаевич – кандидат биологических наук, доцент кафедры генетики КемГУ, старший научный сотрудник Центральной научно-исследовательской лаборатории КГМА.

Volkov Aleksey Nikolayevich – candidate of biology, associate professor of the Department of Genetics of KemSU, senior research assistant of the Central research laboratory of Kemerovo State Medical Academy.

Воронина Елена Николаевна – кандидат биологических наук, младший научный сотрудник в группе фармакогеномики Института химической биологии и фундаментальной медицины СО РАН, Новосибирск.

Voronina Elena Nikolaevna – candidate of biology, junior research assistant of the group for pharmacogenomics of the Institute of Chemo biology and fundamental Medicine of the Siberian Division of the RAS, Novosibirsk.

Газенаур Екатерина Геннадьевна – кандидат физико-математических наук, доцент, Кемеровский государственный университет, кафедра химии твердого тела.

Gazenaур Ekaterina Gennadyevna – candidate of physics and mathematics, associate professor of the Department of Chemistry of Solids of KemSU.

8-951-187-90-91

louvenna@mail.ru

8-902-984-92-92

andreev@gtrk.kuzbass.net

8(3842) 73-65-19

evgbar82@mail.ru

8-906-985-05-26

stbua@mail.ru

8-913-401-32-03

belyakova_kedr@mail.ru

8(3842) 58-07-46

sv_blinova@mail.ru

8(3822) 56-33-84

uryborodin@tpu.ru

8(3833) 63-49-54

senk_off@mail.ru

8-903-993-24-83

kost_v@ngs.ru

8-905-949-32-85

volkov_alex@rambler.ru

8(3833) 63-51-71

voronina_l@mail.ru

8(3842) 58-06-05

ketigaz@yandex.ru

Голев Николай Данилович – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка КемГУ.

8(3842) 31-84-26

ngolevd@mail.ru

Golev Nikolai Danilovich – doctor of philology, professor of the Department of Russian Language of KemSU.

Грентикова Инна Геннадьевна – кандидат экономических наук, доцент кафедры финансов и кредита КемГУ.

8(3842) 58-66-72

grantikova@mail.ru

Grentikova Inna Gennadevna – candidate of economics, associate professor of the Department of Finance and Credit of KemSU.

Гритчина Вера Геннадьевна – аспирант кафедры химии твердого тела КемГУ.

8(3842) 58-35-27

VeraGrin01@yandex.ru

Gritchina Vera Gennadevna – post-graduate student of the Department of Chemistry of Solids of KemSU.

Денисова Эльвира Степановна — кандидат филологических наук, доцент кафедры стилистики и риторики КемГУ.

8-923-611-29-10

elvdenisova@yandex.ru

Denisova Elvira Stepanovna – candidate of philology, associate professor of the Department of Stylistics and Rhetoric of KemSU.

Дударева Яна Александровна – аспирант, ассистент кафедры русского языка КемГУ.

8(384-2) 58-27-45

dudareva-yana@yandex.ru

Dudareva Yana Alexandrovna – post-graduate student, assistant of the Department of Russian Language of KemSU.

Евпак Евгений Владимирович – кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой теории языка и славяно-русского языкознания КемГУ.

jevpak.72@mail.ru

Evpak Evgeny Vladimirovich – candidate of philology, associate professor, head of the Department of Theory of Language and Slavonic and Russian Linguistics of KemSU.

Егоров Александр Игоревич – кандидат исторических наук, доцент кафедры «Общественные науки» Дзержинского политехнического института Нижегородского государственного технического университета им. Р. Е. Алексеева.

8-951-910-33-64

dr.egoroff-al2012@yandex.ru

Egorov Alexander Igorevich – candidate of history, associate professor of the Department of “Social sciences” of Dzerzhinsk Polytechnical Institute of R.E. Alekseev Nizhny Novgorod State Technical University.

Елесина Наталья Викторовна – ассистент кафедры экономической теории КемГУ.

8(3842) 58-54-64

nataljaelesina@rambler.ru

Elesina Natalya Victorovna – assistant of the Department of Economical Theory of KemSU.

Еникеева Асия Дамировна – студентка 5 курса биологического факультета КемГУ.

8(3842) 58-01-66

Enikeeva Asia Damirovna – 5-th year student of the Biological Faculty of KemSU.

Жаева Роза Райхановна – соискатель ученой степени кандидата филологических наук КемГУ.

Zhaeva Rosa Rajhanovna – aspirant for the degree of candidate of philology of KemSU.

Жуков Владимир Дмитриевич – кандидат философских наук, доцент, заведующий кафедрой философии КГМА.

Logach@bk.ru

Zhukov Vladimir Dmitrievich – candidate of philosophic sciences, associate professor, head of the Department of Philosophy of Kemerovo State Medical Academy.

Жукова Ольга Ивановна – доктор философских наук, профессор кафедры философии юридического факультета КемГУ.

Logach@bk.ru

Zhukova Olga Ivanovna – doctor of philosophic sciences, professor of the Department of Philosophy of KemSU.

Заушинцева Александра Васильевна – доктор биологических наук, профессор КемГУ.

8(3842) 58-01-66

alexaz58@yandex.ru

Zaushincena Alexandra Vasilyevna – doctor of biology, professor of KemSU.

Иванова Наталья Александровна – кандидат философских наук, доцент, зав. кафедрой философии НФИ КемГУ.

8-913-314-85-82

ivanova-nkfi@mail.ru

Ivanova Natalia Aleksandrovna – candidate of philosophic, associate professor, head of the Department of Philosophy of Novokuznetsk Branch of KemSU.

Игнатова Валентина Владимировна – доктор педагогических наук, профессор, заведующая кафедрой «Общая педагогика, история педагогики» СибГТУ, Красноярск.

8(391) 244-09-63

Valjaig@rambler.ru

Ignatova Valentina Vladimirovna – doctor of pedagogic, professor, head of the Department of “General pedagogy and history of Pedagogics” of Siberian State Technological University, Krasnoyarsk.

Инфантьева Анна Сергеевна – аспирант КемГУ.

Infantyeva Anna Sergeevna – post-graduate student of KemSU.

Калачев Андрей Михайлович – аспирант кафедры менеджмента КемГУ.

Kalachev Andrey Mikhaylovich – post-graduate student of the Department of Management of KemSU.

Калачева Елена Алексеевна – кандидат экономических наук, доцент кафедры финансов и кредита КемГУ.

Kalacheva Elena Alekseevna – candidate of economics, associate professor of the Department of Finance and Credit of KemSU.

Калачева Ирина Владимировна – ассистент кафедры «Финансы и кредит» КемГУ.

Kalacheva Irina Vladimirovna – assistant of the Department of Finance and Credit of KemSU.

Калашникова Анна Леонидовна – ассистент кафедры русской литературы и фольклора КемГУ.

Kalashnikova Anna Leonidovna – assistant of the Department of Russian Literature and Folklore of KemSU.

Калинкина Ольга Николаевна – аспирант кафедры социальной работы Пермского государственного национального исследовательского университета.

Kalinkina Olga Nikolaevna – post-graduate student of the Department of Social Work of Perm State National Research University.

Камзина Светлана Леонидовна – аспирант кафедры общего и русского языкознания АлтГПА.

Kamzina Svetlana Leonidovna – post-graduate student of the Department of General and Russian Linguistic of Altai State Pedagogical Academy.

Касаткина Наталья Эмильевна – доктор педагогических наук, профессор, заведующая межвузовской кафедрой общей и вузовской педагогики КемГУ.

Kasatkina Natalia Emilievna – doctor of pedagogic, professor, head of the Inter-University Department of General and University Pedagogy of KemSU.

Катышев Павел Алексеевич – доктор филологических наук, профессор кафедры стилистики и риторики КемГУ.

Katyshev Pavel Alexeevich – doctor of philology, professor of the Department of Stylistics and Rhetoric of KemSU.

Керимов Руслан Джаваниширович – кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкой филологии КемГУ.

Kerimov Ruslan Dzhavanshirovich – candidate of philology, associate professor of the Department of Germanic Philology of KemSU.

Ким Лидия Густовна – доктор филологических наук, доцент кафедры русского языка КемГУ.

Kim Lydia Gustovna – doctor of philology, associate professor of the Department of Russian Language of KemSU.

Курсанов Вячеслав Михайлович – кандидат психологических наук, доцент кафедры психолого-педагогических дисциплин естественно-технологического факультета Челябинского государственного педагогического университета.

Kirsanov Vyacheslav Mikhajlovich – candidate of psychology, associate professor of the Department of Psychological and Pedagogical Disciplines at the Faculty of Sciences and Technology of Chelyabinsk State Pedagogical University.

Кисляков Михаил Михайлович – кандидат исторических наук, профессор кафедры социально-экономической истории Кемеровского института (филиала) РГТЭУ.

Kislyakov Mikhail Mikhailovich – candidate of history, professor of the Department of Social and Economic History of the Kemerovo branch of Russian State University of Trade and Economics.

Ковтун Любовь Онуфриевна – старший преподаватель кафедры социальной медицины и БЖД КемГУ.

Kovtun Lyubov Onufrievna – senior lecturer of the Department of Social Medicine and Safety of Human Life of KemSU.

Корчагина Роза Павловна – аспирантка в лаборатории популяционной этногенетики Института цитологии и генетики СО РАН, Новосибирск.

Korchagina Roza Pavlovna – post-graduate student of the laboratory for population ethnogenetics of Institute of Citology and Genetics of the Siberian Division of the RAS Novosibirsk.

8-951-587-67-17

anna_infantyeva@mail.ru

8-913-438-79-58

andreyzmail@gmail.com

8(3842) 31-86-97

kalacheva-elena@mail.ru

8-905-073-75-95

irinakalacheva@mail.ru

an-na.kalashnikova.42@gmail.com

8-909-731-85-32

cultura62@mail.ru

8-913-223-45-05

svetlana-kam@list.ru

kasatkiha@kemsu.ru

8-905-965-71-11

katpa@rambler.ru

8(3842) 58-34-97

kerimovrus@rambler.ru

8-923-430-77-82

kimli09@mail.ru

8-906-869-67-02

kirsanovvm@cspu.ru

8-904-575-62-33

M.Kislyakov@mail.ru

8(3842) 58-69-86

8(383) 363-49-54

kruosana@mail.ru

Красиков Владимир Иванович – доктор философских наук, профессор кафедры философии юридического факультета КемГУ.

8(3842) 72-77-75

krasikov1958@yahoo.com

Krasikov Vladimir Ivanovich – doctor of philosophical science, professor of the Department of Philosophy at the Faculty of Law of KemSU.

Крашенинин Виктор Иванович – доктор физико-математических наук, профессор кафедры химии твердого тела КемГУ.

8(3842) 58-35-27

specproc@kemsu.ru

Krasheninik Viktor Ivanovich – doctor physics and mathematics, professor of the Department of Chemistry of Solids of KemSU.

Кузьмина Лариса Владимировна – кандидат физико-математических наук, доцент кафедры химии твердого тела КемГУ.

8(3842) 58-06-05

specproc@kemsu.ru

Kuzmina Larisa Vladimirovna – candidate of physics and mathematics, associate professor of the Department of Chemistry of Solids of KemSU.

Куприянов Андрей Николаевич – доктор биологических наук, профессор кафедры ботаники КемГУ.

8-905-969-74-66

kupr-42@yandex.ru

Kuprijanov Andrey Nikolaevich – doctor of biology, professor of the Department of Botany of KemSU.

Лебедева Наталья Борисовна – доктор филологических наук, профессор кафедры теории языка и славяно-русского языкознания КемГУ.

8-906-925-01-51

nlebedevab@yandex.ru

Lebedeva Natalia Borisovna – doctor of philology, professor of the Department of Theory of Language and Slavonic and Russian Linguistics of KemSU.

Лелюх Владимир Федорович – доктор социологических наук, профессор кафедры уголовного права и процесса Кемеровского института (филиала) РГТЭУ.

8-903-071-67-75

Lelyukh Vladimir Fedorovich – doctor of sociology, professor of the Department of Criminal Law and procedure of the of the Kemerovo branch of Russian State University of Trade and Economics.

Лошакова Лариса Юрьевна – кандидат медицинских наук, доцент, заведующая Центральной научно-исследовательской лаборатории КГМА.

8(384-2) 58-01-66

Loshakova Larisa Juryevna – candidate of medical sciences, associate professor, the head of the Central research laboratory of Kemerovo State Medical Academy.

Любина Татьяна Викторовна – аспирант факультета прикладной математики и кибернетики ТГУ.

8-913-296-13-43

lyubina_tv@mail.ru

Lyubina Tatyana Viktorovna – post-graduate student of the Faculty of Applied Mathematics and Cybernetics of Tomsk State University.

Махракова Марина Ивановна – соискатель кафедры стилистики и риторики КемГУ, ассистент кафедры иностранных языков Лесосибирского педагогического института – филиала Сибирского Федерального университета.

8-913-298-10-19

marishik24@mail.ru

Makhrakova Marina Ivanovna – post-graduate student of the Department of Stylistics and Rhetoric Department of KemSU, assistant of the Department of Foreign Languages of Lesosibirsk Pedagogical Institute branch of Siberian Federal University.

Медведева Полина Валерьевна – соискатель кафедры ботаники КемГУ.

8(3842) 58-01-66

Medvedeva Polina Valeryevna – post-graduate student of the Department of Botany of KemSU.

Михайлова Надежда Константиновна – кандидат экономических наук, доцент кафедры экономической теории Новокузнецкого института (филиала) КемГУ.

8-905-963-12-67

nkm.57@bk.ru

Mihailova Nadezhda Konstantinovna – candidate of economics, associate professor of the Department of Economic Theory of Novokuznetsk Branch of KemSU.

Моисеев Александр Николаевич – кандидат технических наук, доцент кафедры математических методов и информационных технологий в экономике Томского государственного университета;

8-952-899-64-61

alexander-moiseev@mail.ru

Moiseev Aleksandr Nikolaevich – candidate of technical sciences, associate professor of the Department of Mathematical Methods and Information Technologies in Economy of Tomsk State University.

Моисеева Светлана Петровна – кандидат технических наук, доцент, доцент кафедры теории вероятностей и математической статистики факультета прикладной математики и кибернетики Национального исследовательского Томского государственного университета.

8(3822) 52-95-99

smoiseeva@mail.ru

Moiseeva Svetlana Petrovna – candidate of technical sciences, associate professor of the Department of Probability Theory and Mathematical Statistics of the Faculty of Applied Mathematics and Cybernetics of National Research Tomsk State University.

Муратов Александр Сергеевич – кандидат экономических наук, профессор Новокузнецкого филиала КемГУ.

Muratov Alexander Sergeevich – candidate of economics, professor of Novokuznetsk branch of KemSU.

kafedrabua@nkfi.ru

Назаров Анатолий Андреевич – доктор технических наук, профессор, заведующий кафедрой теории вероятностей и математической статистики ТГУ.

8-913-296-13-43

anazarov@fpmk.tsu.ru

Nazarov Anatoly Andreevich – doctor of technical sciences, professor, head of the Department of Probability Theory and the Mathematical Statistics of Tomsk State University.

Налегач Наталья Валерьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры журналистики и русской литературы XX в. КемГУ.

8-904-375-12-05

Nalegach@list.ru

Nalegach Natalya Valerievna – candidate of philology, associate professor of the Department of Journalism and Russian Literature of the 20th Century of KemSU.

Омеличкин Олег Викторович – доктор политических наук, профессор кафедры политических наук КемГУ.

8(3842) 54-49-33

comel@kemsu.ru

Omelichkin Oleg Viktorovich – doctor of political science, professor of the Department of Political Science of KemSU.

Осипова Людмила Павловна – кандидат биологических наук, заведующая лабораторией популяционной этногенетики Института цитологии и генетики СО РАН, Новосибирск.

8(383) 363-49-54

ludos84@mail.ru

Osipova Ludmila Pavlovna – candidate of biology, head of the Laboratory for population ethnogenetics of Institute of Citology and Genetics of the Siberian Division of the RAS Novosibirsk.

Пак Валерий Хинсурович – кандидат химических наук, заведующий лабораторией радиационно-химических процессов КемГУ.

8(3842)-28-78-48

pak@kemsu.ru

Pak Valerij Hinsurovich – candidate of chemistry, head of the Laboratory of radiation and chemical processes of KemSU.

Поварич Илья Прохорович – доктор экономических наук, заведующий кафедрой менеджмента КемГУ.

8(3842) 58-44-26

menedgment_303@mail.ru

Povarich Ilya Prokhorovich – doctor of economics, head of the Department of Management of KemSU.

Позднякова Анастасия Эдуардовна – соискатель кафедры уголовного права и процесса Кемеровского института (филиала) РГТЭУ.

8(3842) 31-64-88

Pozdnyakova Anastasia Eduardovna – post-graduate student of the Department of Criminal Law and procedure of the Kemerovo branch of Russian State University of Trade and Economics.

Пуолокайнен Татьяна Матвеевна – кандидат физико-математических наук, доцент, зав. кафедрой геометрии и МПМ, Карельская государственная педагогическая академия.

8-921-450-04-79

puolatm@onego.ru

Puolokhajnen Tatiana Matveevna – candidate of physics and mathematics, associate professor, head of the Department of Geometry and JCI of Karelian State Pedagogical Academy.

Расписенко Н. П. – адъюнкт Академии управления МВД России.

8-906-925-35-44

sistr74@mail.ru

Raspisenko N. P. – Adjunct of Academy of Management of Ministry of the Interior of Russia.

Решенин Семён Андреевич – аспирант кафедры философии юридического факультета КемГУ.

8(3842) 31-02-38

semen.reshenin@gmail.com

Reshenin Semen Andreevich – post-graduate student of the Department of Philosophy at the Faculty of Law of KemSU.

Рогова Евгения Николаевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры теории литературы и истории зарубежных литератур КемГУ.

8(384-2) 58-57-03

leonid@kemsu.ru

Rogova Evgeniya Nikolayevna – candidate of philology, associate professor of the Department of Theory of Literature and History of Foreign Literature of KemSU.

Родзевич Александр Павлович – старший преподаватель кафедры металлургии черных металлов Юргинского технологического института (филиала) Томского политехнического университета.

8(3845) 15-31-99

nimez@rambler.ru

Rodzevich Aleksander Pavlovich – senior lecturer of the Department of Metallurgy of Black Metals of Yurga Technological Institute – Branch of Tomsk Polytechnic University.

Романенко Сергей Владимирович – доктор химических наук, заведующий кафедрой экологии и безопасности жизнедеятельности, Национальный исследовательский Томский политехнический университет.

8(3822) 56-36-50

svr@tpu.ru

Romanenko Sergey Vladimirovich – doctor of chemistry, head of the Department of Ecology and Safety of Human Life of National Research Tomsk Polytechnic University.

Салихов Валерий Альбертович – кандидат технических наук, доцент кафедры экономики Новокузнецкого института (филиала) КемГУ.

Salikhov Valery Albertovich – candidate of technical sciences, associate professor of the Department of Economics of Novokuznetsk branch of KemSU.

Сапожникова Лариса Юрьевна – доцент кафедры экономики НФИ КемГУ.

Sapozhnikova Larisa Yurievna – associate professor of the Department of Economics of Novokuznetsk branch of KemSU.

Семенкова Татьяна Николаевна – кандидат педагогических наук, доцент межвузовской кафедры общей и вузовской педагогики, проректор по учебно-организационной работе КемГУ.

Semenkova Tatiana Nikolaevna – candidate of pedagogic, associate professor of the Inter-University Department of General and High School pedagogic, vice-rector for educational and organizational work of KemSU.

Синякова Ирина Анатольевна – аспирант кафедры теории вероятностей и математической статистики факультета прикладной математики и кибернетики Национального исследовательского Томского государственного университета (ТВиМС НИТГУ).

Sinaykova Irina Anatolyevna – post-graduate student of the Department of Probability Theory and Mathematical Statistics of National Research Tomsk State University.

Соколовский Михаил Владимирович – кандидат экономических наук, доцент кафедры финансов и кредита КемГУ.

Sokolovskiy Mikhail Vladimirovich – candidate of economics, associate professor of the Department of Finance and Credit of KemSU.

Султангазина Гульнара Жалеловна – кандидат биологических наук, заведующая кафедрой биологии и химии Костанайского государственного университета им. А. Байтурсынова.

Sultangazina Gulnara Zhalelovna – candidate of biology, head of the Department of Biology and Chemistry of Kostanay State University.

Тимофеева Ирина Владимировна – кандидат педагогических наук, доцент; заведующая кафедрой физической реабилитации Екатеринбургского филиала Уральского государственного университета физической культуры.

Timofeyeva Irina Vladimirovna – candidate of pedagogic, head of the Department of Physical Rehabilitation of Yekaterinburg branch of Urals State University of Physical Culture.

Топкаев Денис Анатольевич – аспирант КемГУ.

Topkaev Denis Anatolyevich – post-graduate student of KemSU.

Трофимова Ирина Витальевна – аспирант кафедры социальной медицины и безопасности жизнедеятельности КемГУ.

Trofimova Irina Vitaljevna – post-graduate student of the Department of Social Medicine and Human Life Safety of KemSU.

Трубакина Нина Владимировна – кандидат филологических наук, доцент, старший научный сотрудник Лингвистического института Алтайской государственной педагогической академии.

Trubavina Nina Vladimirovna – candidate of philology, associate professor, senior research assistant of the Institute of Linguistic of Altai State Pedagogical Academy.

Тумаев Павел Николаевич – программист отдела автоматизации и разработки программного обеспечения филиала КемГУ в г. Анжеро-Судженске.

Tumaev Pavel Nikolaevich – programmer of automation and software development department of Anzhero-Sudzhensk Branch of KemSU.

Федянина Любовь Ивановна – кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкой филологии КемГУ.

Fedyanina Lyubov Ivanovna – candidate of philology, associate professor of the Department of German Philology of KemSU.

Филипенко Максим Леонидович – кандидат биологических наук, заведующий группой фармакогеномики Института химической биологии и фундаментальной медицины СО РАН, Новосибирск.

Filipenko Maxim Leonidovich – candidate of biology, head of the Group for pharmacogenomics of the Institute of Chemo biology and fundamental Medicine of the Siberian Division of the RAS Novosibirsk

8(3843) 74-64-05
economica@nkfi.ru

8-903-943-10-84
laras@mytk.ru

semenkova@kemsu.ru

8-923-406-0492
Irinka_asf@mail.ru

8(3842) 58-66-72
miklyh@mail.ru

8-705-215-27-79
gul_sultan@mail.ru

8-904-984-69-61
afk-ural@mail.ru

8-904-374-92-63
Topkaev_denis@mail.ru

jasolnjshko@mail.ru

8(3852) 38-84-75
knjas@uni-altai.ru

8-923-501-49-51
pavel.tumaev@gmail.com

8(3842) 58-34-97
fedianina@inbox.ru

8(3833) 63-51-71
max@niboch.nsc.ru

Фишева Анастасия Александровна – соискатель кафедры истории, Санкт-Петербургский государственный политехнический университет.

8-931-237-68-93

Fisheva Anastasia Aleksandrovna – post-graduate student of the Department of History of Saint-Petersburg State Polytechnic University.

ana-f@yandex.ru

Фомин Андрей Геннадьевич – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и практики перевода КемГУ.

8-903-993-34-44

Fomin Andrey Gennadyevich – doctor of philology, professor, head of the Department of Interpretation and Translation of KemSU.

andfomin67@mail.ru

Халыпина Людмила Петровна – доктор педагогических наук, профессор кафедры английской филологии № 1 КемГУ.

8(3842) 58-62-62

Khalâpina Lyudmila Petrovna – doctor of pedagogic, professor of the Department of English Philology № 1 of KemSU.

lhlapina@bk.ru

Хорошилова Лилия Семеновна – доктор географических наук, профессор кафедры социальной медицины и безопасности жизнедеятельности КемГУ.

8-923-516-19-38

Khoroshilova Lilia Semenovna – doctor of geography, professor of the Department of Social Medicine and Human Life Safety of KemSU.

bgd.kemsu@mail.ru

Чайковский Денис Витольдович – кандидат философских наук, доцент кафедры социологии, психологии и права Томского политехнического университета.

8-923-410-25-15

Chaykovskiy Denis Vitoldovich – candidate of philosophic science, associate professor of the Department of Psychology and Law of Tomsk Polytechnical University.

dnvit@tpu.ru

Черниченко Светлана Геннадьевна – кандидат экономических наук, доцент кафедры финансы и кредит КемГСХИ.

8-960-906-65-71

Chernichenko Svetlana Gennad'evna – candidate of economics, associate professor of the Department of Finance and Credit of Kemerovo State Agricultural Institute.

chernichenko66@mail.ru

Шабашев Владимир Алексеевич – доктор экономических наук, профессор кафедры экономической теории КемГУ.

8(3842) 58-17-35

Shabashev Vladimir Alekseevich – doctor of economics, professor of the Department of Economic Theory of KemSU.

bash@kemsu.ru

Шибкова Дарья Захаровна – доктор биологических наук, профессор, заведующая кафедрой анатомии, физиологии человека и животных естественно-технологического факультета Челябинского государственного педагогического университета.

8(351) 772-17-03

Shibkova Daria Zakharovna – doctor of biology, professor, head of the Department of Anatomy, Human and Animal Physiology of Chelyabinsk State Pedagogical University.

shibkova2006@mail.ru

Шишкова Марина Георгиевна – аспирант кафедры педагогики и психологии, старший преподаватель кафедры ИТС Лесосибирского филиала СибГТУ, Красноярск.

8(39145) 6-21-54

Shishkova Marina Georgievna – post-graduate student of the Department of Pedagogics and Psychology, senior lecturer of the Department of IDS of Lesosibirsk Branch of the Siberian State Technological University, Krasnoyarsk.

arinna3@mail.ru

Шпильная Надежда Николаевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации Новосибирского государственного медицинского университета Министерства здравоохранения и социального развития РФ.

8-913-291-55-23

Shpilnaya Nadezhda Nikolaevna – candidate of philology, associate professor of the Department of Linguistics and Cross-cultural Communication of Novosibirsk State Medical University of the Ministry of Health and Social Development.

venata85@mail.ru

Щербак Людмила Николаевна – кандидат экономических наук, доцент кафедры экономической теории КемГУ.

8-951-162-30-00

Shcherbakova Ludmila Nikolaevna – candidate of economics, associate professor of the Department of Economic Theory of KemSU.

ludmilashc@yandex.ru

Якимова Наталия Сергеевна – ассистент кафедры иностранных языков факультета истории и международных отношений КемГУ.

8-903-907-29-01

Yakimova Nataliya Sergeevna – assistant of the Department of Foreign Languages at the Faculty of History and International Relations of KemSU.

nataliyayakimova@mail.ru

Якушев И. В. – доцент кафедры психологии, педагогики и организации работы с кадрами, кандидат юридических наук, Академия управления МВД России.

8-909- 640-12-67

Yakushev I. V. – candidate of law, associate professor of the Department of Psychology, Pedagogic and organization of Work of Personnel of Academy of Management of Ministry of the Interior of Russia.

yakushevaL@mail.ru

ВНИМАНИЮ АВТОРОВ

Для публикации в журнале «Вестник КемГУ» принимаются статьи, в которых отражаются результаты актуальных фундаментальных и прикладных научных исследований, передовых наукоемких технологий, научных и научно-методических работ, посвященных проблемам высшего образования, развитию науки в высшей школе и соответствующие тематике журнала.

Со второго полугодия 2004 г. производится подписка на журнал (индекс 42150 по каталогу «Пресса России», 51944 по каталогу российской прессы «Почта России»). Электронная версия журнала представлена на сайте <http://www.kemsu.ru/science/bulletin.htm>. С 2008 г. полнотекстовая версия журнала в открытом доступе представлена в Научной электронной библиотеке (eLIBRARY.RU) и включена в реферативную базу данных «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ).

ПОРЯДОК ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ МАТЕРИАЛА В РЕДАКЦИЮ

1. Текст статьи представляется в редакцию на русском языке, на электронном носителе, проверенном на отсутствие вирусов, в виде файла с расширением .doc, построенного средствами Microsoft Word 97-2003 или последующих версий, и одного печатного экземпляра на стандартных листах формата 210x297 мм. Иногородние авторы могут представлять указанные материалы по электронной почте gos@kemsu.ru. Электронная версия должна быть идентична распечатанному тексту, в случае расхождения за основу берется печатный вариант.

2. Авторам материалов естественнонаучного направления необходимо дополнительно предоставить экспертное заключение о возможности опубликования в открытой печати. Бланк экспертного заключения для авторов, являющихся сотрудниками КемГУ, представлен в приложении 1.

3. Все статьи, поступившие в редакцию, проходят внутреннее рецензирование, где анализируются актуальность темы, научная новизна и оригинальность решений, доказательная база, строгость и однозначность выводов, оснащенность научным аппаратом, качество иллюстративного материала и публикуются по решению редакционного совета журнала.

4. Редакция имеет право проводить сокращения и редакционные изменения текста рукописей.

5. Работы общественно-публицистического характера к рассмотрению и публикации не принимаются.

6. Представленные статьи могут быть возвращены автору на доработку или отклонены из-за несоответствия профилю журнала, неприемлемого объема, отрицательного итога экспертизы или несоблюдения правил оформления. Рукописи, не принятые к публикации, авторам не высылаются. Гонорар за опубликованные статьи не выплачивается.

7. Не допускается свыше двух публикаций одного автора в одном номере журнала.

8. Статьи аспирантов печатаются в журнале бесплатно при наличии справки из отдела аспирантуры.

9. Сторонние авторы оплачивают публикацию статьи только после получения от редакции согласия на публикацию.

10. Представление оригинальной статьи к публикации в «Вестнике КемГУ» означает согласие авторов на передачу права автора на воспроизведение, распространение и доведение до всеобщего сведения любым способом.

СТРУКТУРА СТАТЬИ

1. Индекс универсальной десятичной классификации (УДК).
2. Название статьи.
3. Инициалы и фамилия автора (авторов).
4. Аннотация/реферат.
5. Ключевые слова.
6. Текст статьи с таблицами, рисунками, формулами.
7. Список литературы.
8. Публикуемые сведения об авторе (авторах): фамилия, имя, отчество; ученая степень, ученое звание; должность, место работы; служебные или домашние телефоны, адрес электронной почты (e-mail).

ПРАВИЛА К ОФОРМЛЕНИЮ

1. Текст набирается шрифтом Times New Roman, размер шрифта 10, межстрочный интервал – 1; поля: верхнее, нижнее и правое – 2 см, левое – 2,5 см, красная строка – 0,6 см; без колонтитулов и нумерации страниц; без сносок, ориентация – книжная (допустима, но нежелательна альбомная ориентация для отдельных страниц), перенос слов в документе – автоматический.

2. В верхнем левом углу указывается индекс УДК.

3. Заголовок статьи (не более 3 строк) необходимо предоставить на русском и английском языках, прописными буквами, размер шрифта – 10, жирный, по центру.

4. Инициалы и фамилия автора (авторов через запятую) – строчными буквами, размер шрифта 10, полужирный, курсив.

5. Статья должна быть снабжена аннотацией и ключевыми словами (рекомендуемое количество ключевых слов – 5 – 7) на русском и английском языках.

6. При вставке формул использовать только Microsoft Equation (встроенный редактор формул Microsoft Office), расположение формул на странице – по центру. Нумеровать рекомендуется лишь формулы, на кото-

рые имеются ссылки. Например:

$$J_g^+ : g = \begin{cases} \operatorname{Re}(z_1)i + \operatorname{Im}(z_1/z_2)j + \\ + |z_1|^2 - |z_2|^2 k \mid z_2 \neq 0, \\ k \mid z_2 = 0. \end{cases} \quad (12)$$

7. Рисунки, вставленные в документ, должны допускать перемещение в тексте и возможность уменьшения размеров. Допустимо представление рисунков отдельными файлами формата *Jpg*. Рисунки необходимо представлять в черно-белой палитре. Рисунки и подписи к ним располагаются непосредственно в тексте; желательно при размещении таблиц и рисунков не делать разрыва страницы, так как это затрудняет компьютерную верстку сборника. Нумерация – подрисуночная по центру.

Например: *Рис. 5. Элементарная ячейка кубического перовскита*

8. Таблицы нумеруются, если их число более одной:

Таблица I

Динамика изменения объема продаж продавцов-консультантов

9. Ссылки на цитированную литературу приводятся в квадратных скобках (ГОСТ 7.0.5.2008).

Например: ссылка на полный текст документа [6]; ссылка на фрагмент текста документа [6, с. 24 – 28].

10. Сокращения в тексте – по ГОСТ 7,12 – 93. Допускается использование аббревиатур.

11. Список литературы располагается после текста статьи, нумеруется (начиная с первого номера) в алфавитном порядке, предваряется словом «Литература» и оформляется по ГОСТ 7.1-2003. Под одним номером допустимо указывать только один источник.

12. Примечания оформляются в виде сносок на каждой странице, а не в конце статьи.

13. В конце текста статьи указываются: **полное название учреждения, где выполнено исследование, фамилии, имена и отчества (полностью), ученая степень, звание, должность, место работы**, номера контактных телефонов, адрес электронной почты всех авторов (**на русском и английском языках**).

14. На последней странице статьи должны быть подписи всех авторов.

15. Рекомендуемый объем статьи, включая аннотацию и список литературы, 4 – 7 страниц компьютерного набора формата А4 (210х297 мм).

ОБРАЗЕЦ НАБОРА

УДК 14(470+571) «18/19»

ПРОБЛЕМА СУБЪЕКТА ОТЕЧЕСТВЕННОГО ФИЛОСОФСТВОВАНИЯ В XIX В.

В. И. Красиков

A PROBLEM OF SUBJECTS OF RUSSIAN PHILOSOPHIZING IN XIX CENTURY

V. I. Krasikov

В статье исследуются социальные и ментальные особенности отечественных философов XIX столетия. Автор выявляет их обусловленность со стороны материальных и культурных ресурсов, образа жизни, стремится продемонстрировать как эти черты сказывались на стиле, интенсивности и приоритетах в философских занятиях.

The article is investigated the social and mental peculiarities of Russian philosophers of XIX century. The author explains their source and strives to demonstrate their influence upon a style, intensity and priority of philosophizing.

Ключевые слова: русская философия XIX века, особенности аристократического и демократического образа жизни и мышления в их влиянии на интеллектуальные построения.

Keywords: Russian philosophy of XIX century, the peculiarities of noble and democratic style of life and thinking and their influence upon intellectual constructions.

Текст...

Литература...

Красиков Владимир Иванович – доктор философских наук, профессор кафедры философии юридического факультета КемГУ.

Krasikov Vladimir Ivanovich – doctor of philosophy, professor of the Department of Philosophy at the Faculty of Law of Kemsu.

E-mail: krasikov1958@yahoo.com

РЕКВИЗИТЫ РЕДАКЦИИ

Почтовый адрес: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Кемеровский государственный университет» (КемГУ), 650043, Кемерово, ул. Красная, 6, Редакция журнала «Вестник КемГУ».

Электронный адрес: [gos\(@\)kemsu.ru](mailto:gos(@)kemsu.ru), **телефон:** 8(384-2) 58-80-24.

УСЛОВИЯ ОФОРМЛЕНИЯ ПОДПИСКИ

- Периодичность выхода журнала – 4 выпуска в год. Минимальный период подписки – 3 месяца (1 выпуск).
- Подписка проводится через отделения связи по объединенному каталогу «Пресса России» по индексу 42150, по каталогу российской прессы «Почта России» по индексу 51944.
- Стоимость подписки через подписные агентства указана в соответствующих каталогах.

Редакция журнала приглашает авторов к сотрудничеству

Подробная информация на сайте издателя:

<http://www.kemsu.ru/science/bulletin.htm>

Подписано к печати 15.03.2012 г. Формат А 4.
Печать офсетная. Бумага Sveto Соу. Усл. печ. л. – 39,87. Уч.- изд. л. – 37,33.
Тираж 500 экз. Заказ № _____
Цена свободная.

федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования «Кемеровский государственный университет»
650043, г. Кемерово, ул. Красная, 6, <http://kemsu.ru>

Отпечатано в ООО «ИНТ». 650003, Кемерово, пр. Химиков, 43а.